

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2015. № 37 (3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-47157 от 03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.09.2015 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 41.

Редактор, корректор
В. С. Молчанова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Герои Первой мировой войны, в центре Император Николай II
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «Военный заем 1915 года»

BYLYE GODY (FORETIME). 2015. Vol. 37. Is. 3
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration **ПИ №ФС77-47157** 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.09.2015

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. I. 8. Ysl. pech. I. 6, 3.

Circulation 500 copies. Order № 41.

Editor, Proofreader

V. S. MOLCHANOVA

Editor-translator **A. V. ROZHKOVA**

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Heroes of World War I, in the center Emperor Nicholas II.

At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "War loan of 1915"

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

Gao Mouhan in the History of Liao Empire And Koryo Kingdom Alexander Kim	465
The Appearance and Development of Iron Production on the Border Between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) Evgeny V. Vodyasov, Olga V. Zaitceva	472
The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources) Larisa V. Tataurova, Anna A. Krikh	479
Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18 th century Russian Political Thought Konstantin D. Bugrov	491
Childhood and its Age Limits in Society of Getmanat in the XVIII Century Igor A. Serdiuk	499
«Raison d'etat» and «private interest» in Russia in the late 18th century – early 19th century: the example of A. Knauf at metall industry in the Urals, 1797–1830 Andrej V. Keller	508
Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? Vladislav I. Goldin, Konstantin S. Zaikov, Aleksandr M. Tamitskiy	519
The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) Vladimir B. Karataev, Alexey A. Volvenko, Alexander G. Varfolomeev	536
The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Elena S. Ustinovich, Nina I. Kryukova, Violetta S. Molchanova	541
Scripts liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects Dmitrii V. Timofeev	549
Visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as a Part of the Ritual Legitimization of the Ruling Romanov Dynasty Alexander A. Valitov, Igor S. Tomilov, Sergey A. Dianov, Darya Iu. Fedotova	558
Social Roles of Prince A.I. Vasilchikov: was it Possible to Combine Russians “Gumption” with “Economic Virtues”? Alexander Yu. Davidov	564
Rural Yakutia in the Late of XIX – XX Centuries: Traditional Economy in the Mirror of Time Lilia Vinokurova, Viktoria Filippova, Alexander Suleymanov, Stepan Grigorev	576
Russian Consuls in Xinjiang: Legislative Initiatives at the Turn of XIX–XX Centuries Gulnar K. Mukanova	586
Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19 th - Early 20 th Centuries Valery V. Tsys	595
Russia and the West: «Different Time Zones» Boris N. Mironov	602
Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19 – Beginning of the 20 th Centuries Vladimir N. Shaidurov, Ekaterina S. Norkina	623
The Secularization of Russian Orthodoxy in the Late Russian Empire, 1860–1910: the Indoctrination and De-Institutionalization (Problem Statement) Andrey Yu. Mikhailov	633

The Archival Sources for the History of the Liquor Trade in the North-East of Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (Funds of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) Oxana P. Kolomiets	641
The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years Branislav Šprocha, Pavol Tišliar	650
The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905) Tatiana A. Kattsina	663
The Suburbs During the First Russian Revolution of 1905–1907 Years (on the Example of Tuapse District of the Black Sea Province) Konstantin V. Taran, Nina I. Kryukova	670
The Activities of Political Parties on the Territory of Kursk Province in the Early Twentieth Century Oleg E. Chuikov, Alexey V. Sapronov, Jeanne Y. Koptev, Galina N. Sukhorukova, Olga N. Marganova	676
Key Figures of the Russian Vanguard: Historical Roots Elena G. Lapshina, Larisa A. Koroleva	682
"Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia": a Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century Tatiana A. Titova, Vadim E. Kozlov, Elena G. Guschina	689
Power and Society: the Activities of the Novorossiysk Detective Department in 1912 year Anvar M. Mamadaliev, Svetlana V. Shevelyova, Margarita N. Urda	697
Public Self-Government of Krasnoyarsk City in the Fight Against Food Crisis During World War I Olesya M. Dolidovich	708
To the Issue of Gendarme Activities on the Territory of Black Sea Province During the First World War (1914–1917 years) Lyubov G. Polyakova, Lyudmila G. Zimovets, Leonid L. Balaniuk	715
Rear Daily Tsaritsyn County in the First Months of the Great War Elena Y. Leontyeva, Nikolai A. Bolotov, Yuriy F. Boldirev	720
The Problem of the Entry of the Ottoman Empire in the First World War From the Point of View of Russian and Turkish Historians Kamil G. Akhsanov	729
Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 Years Vasilii A. Sablin	735
The 6th branch of the Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission (the work with churchmen and sectarians): questions on organizational and personnel policy» Mihail Y. Krapivin, Yuriy N. Makarov	742
The Relationship of the Azerbaijan Democratic Republic and the Terek-Dagestan Region AFSR, 1919–1920: a Modern View Timur M. Karmov, Vladimir B. Lobanov	750
The Library as a Socio-Cultural Space of Soviet Kuban (1920s Years) Viktor M. Kononenko, Yekaterina A. Forzun, Yekaterina A. Muravskaya, Valentina V. Bykova	758
Modernization of Ethnocultural Processes in the National Areas of the Far East (1920s – 1930s years) Anna V. Akhmetova, Sergej V. Bobyshev	766

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 465-471, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 930.9

Gao Mouhan in the History of Liao Empire And Koryo Kingdom

Alexander Kim

Far Eastern Federal University, Russian Federation
692525, t. Ussuriysk, Komsomolskaya Str. 44 a-11
PhD (History), Associate professor
Korea University (Republic of Korea), Research professor
E-mail: kimaa@rambler.ru

Abstract

Author of this work considers the Bohai person Gao Mouhan, who was military and political leader in Bohai state, Koryo kingdom and Khitan Empire. He made a big contribution for development of the Liao Empire and destruction of Chinese states. In spite of Gao Mouhan had a big influence for many events in the East Asia, his military and political activities are little-known. Therefore author analyses his activity not only in Liao Empire, but in Koryo too.

Gao Mouhan moved between Koryo, areas of former Bohai kingdom and Khitan state. Author considered and analyzed reasons of his immigration, role of Gao Mouhan in events, specifics of development of these countries at that period.

The goal of this work are analysis of person and activity by Gao Mohan, study his role for events in East Asian history and consideration materials about this leader.

Author uses materials not only in European (Russian, German and English), but in Asian languages (Korean and Chinese) too.

Keywords: Bohai, Far East, East Asia, history, Liao, Koryo, China.

Введение

В 926 году под ударами киданей пало бохайское королевство – первое государство на Дальнем Востоке России. На территории Бохая киданьские лидеры создали марионеточное государство Дундань для управления бохайским населением. Но это не привело к упадку бохайцев, которые сумели приспособиться к новым условиям существования. Почти сразу после гибели государства выдвинулся ряд бохайских чиновников, которые сыграли важную роль в становлении и развитии киданьской империи.

Одним из самых видных бохайцев на службе у киданей был Гао Мохань (в корейском чтении Го Мо Хан) (? – 959). Он был родом из аристократического рода в Бохае, после гибели бохайского государства он служил в Дундань, но затем бежал в Корё. Однако вслед за этим Гао Мохань бежал из Корё в Ляо. В киданьской державе беглец нашел хороший прием и смог возвыситься. Гао Мохань в итоге стал видным ляоским военачальником, который был незаменимым во многих эпизодах войн киданей со своими южными соседями.

Материалы и методы

В работе были использованы публикации на русском, корейском, английском и китайском языках. Советские и российские историки касались темы судеб бохайского населения после гибели его государства [1; 2], но личность самого выдающегося бохайского деятеля не была рассмотрена. За рубежом ситуация сложилась иначе – как правило, на историю Гао Моханя обращали внимание китайские и корейские историки. В западном академическом мире только немецкий исследователь Йоханнес Реккель упоминал историю этого бохайского полководца [11]. Наиболее полно вопрос личности Гао Моханя затрагивали китайские ученые.

В своей работе Цзинь Юйфу привел данные по Гао Мо-ханю [6]. Источники по Гао Моханю (как привел Цзинь Юйфу):

«Цэфу юаньгуй», цз. 980. «7-й год Тянь-фу Цзиньского Гао-цзу (942), 3-й месяц, день и-мао, киданьский *тунши* (должность, либо переводчик, либо слуга в тронном зале, возглавлявший повеления императора) Гао Мохань прибыл с визитом [от киданей]».

«Сун ши», цз. 264, биография Сун Ци: «... ещё есть бохайский вождь (шоулин – кор. сурён) Великий *шэли* Гао Мохань, у него десять с лишним тысяч пеших и конных воинов, все брили волосы на голове и запахивали одежду налево, воровски подражая одеянию киданей».

«Ляо ши», цз. 6. «Второй год Ин-ли Му-цзуна (952), 6-й месяц, день *жэнь-инь*, государство Хань было атаковано Чжоу, прислало посла с просьбой о помощи. Приказано правому канцлеру палаты Чжунтайшэн Гао Моханю выступить в поход к ним...».

«Ляо ши», «Биография Гао Моханя»: «Гао Мохань, в начале годов Ин-ли (951) был правым канцлером палаты Чжунтайшэн. В десятый месяц девятого года (959) был переведен в левого канцлера, скончался».

Данные об этом бохайском лидере сохранились в труде средневекового китайского историка Е. Лунли "Цидань гочжи" (работа была переведена на русский язык В.С. Таскиным), "Пархэго" Ю. Тык Кона и "Коре са".

Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод и метод герменевтики. Оба метода позволили провести не только сравнительный анализ материалов и фактов, изложенных в них, но и рассмотреть специфику изложения событий в источниках.

Обсуждение

Китайские историки Чжэн Юнчжэнь, Ли Дунхуй и Инь Сюаньчжэ на основе собранных материалов писали о Гао Мо-хане следующее: «Гао Мохань тоже занимал высокий пост в царстве Дундань. Изначально Гао Мохань был бохайцем, после того, как его государство погибло, он бежал в Корё, корёский ван пожаловал ему в жены свою дочь, однако, из-за преступления (Гао) бежал к киданям. У киданей он тоже оказался впутанным в дело об убийстве человека, однако, киданьский Тай-цзу знал о его талантах и освободил его. После этого при Тайцзуне он совершил великий подвиг и в начале годов Ин-ли занял пост Левого канцлера Чжунтайшэна Восточной столицы. Тогда Гао Мохань попал на свою родину – Восточную столицу, земляки все славил его. Он умер в первом месяце 959 года, в то время он занимал должность Левого канцлера. Это был человек необычной судьбы, проживший в Бохае, Корё, в царстве киданей, и в царстве Дундань» [8].

Биография Гао Моханя по-разному рассматривается учеными. В частности, В.С. Таскин, опираясь на материалы «Ляо ши», указывал, что Гао Мохань «после уничтожения киданями государства Бохай бежал в Гаоли, правитель которого отдал ему в жены свою дочь. Позднее вернулся на родину, где попал в тюрьму за убийство, совершенное в пьяном виде. Однако вскоре был освобожден и использован на службе Абаоцзи, хорошо знавшем его смелость и способности» [3: 376].

Несколько иначе эти события излагаются у Ю Тык Кона, использовавшего материалы из «Ляо ши» и «Корё са». Корейский автор отмечал, что бохаец Гао Мохань (известный также по имени Гао Сонь) бежал в Корё после разгрома Бохая киданями. В Корё он женился на местной женщине (по данным Ю Тык Кона, он сошелся в браке с представительницей правящего дома Корё), имел хорошее телосложение, был искусен в верховой езде, стрельбе из лука и сведущ в командовании войсками. Но когда он был пьян, то становился неуправляемым. В таком состоянии Гао Мохань убил человека, за что был отправлен в тюрьму. Однако корёский правитель освободил его [9].

В итоге Гао Мохань бежал в Ляо, где был хорошо принят. В дальнейшем Гао Мохань стал видным киданьским военачальником, ему были доверены важные задания, участвовал в покорении Поздней Чжэнь. Сам киданьский правитель высоко оценил действия Гао Моханя и часто хвалил его. Как мы видим, очень многое в обеих версиях событий сходится. Но неясным остается инцидент с убийством.

Южнокорейский историк Со Бён Гук полагал, что корёский король освободил Гао Моханя из тюрьмы, так как нуждался в его воинских умениях [5: 195-196].

Мы полагаем, что точка зрения Ю Тык Кона является более верной. Абаоцзи не мог знать о воинских способностях Гао Моханя, так как Бохай был быстро разгромлен, и у этого бохайского военачальника не было возможности проявить себя на поле боя таким образом, чтобы это вызвало интерес у первого киданьского императора.

Конечно, мы должны учитывать, что киданьские племена вели борьбу с Бохаем на протяжении 20 лет, в ходе этих войн Гао Мохань мог принимать участие в боевых столкновениях с киданями и попасть в поле зрения Абаоцзи. Но в ляоских, корёских и китайских источниках нет информации о столкновениях между киданями и Гао Моханем в сражениях. К тому же необходимо отметить, что Гао Мохань умер в 959 году, а Бохай пал в 926 году. Между событиями прошло 33 года. Год рождения Гао Моханя неизвестен. Но в то время продолжительность жизни у людей была сравнительно небольшой. А это значит, что на время войны киданей с Бохаем Гао Мохань должен был быть очень молодым человеком. Сомнительно, чтобы бохайцы в сложный для государства период (время войны с киданями) могли доверить пост военачальника молодому человеку.

Необходимо иметь в виду, что род Гао, к которому относился Гао Мохань, входил в верхушку аристократии Бохая, был многочисленным и мог выбрать из числа своих представителей многих людей, кто по возрасту и опыту больше подходил для командования войсками. А это означает, что Гао Мохань не мог отличиться в борьбе с войсками Абаоцзи.

В то время корёские и ляоские войска еще не сталкивались в больших сражениях. Поэтому и в этом плане Гао Мохань не мог выдвинуться в борьбе с киданями. Мало того, когда ляоский император хвалил Гао Моханя за успехи на военном поприще, он вообще не упоминал о деятельности Гао Моханя в Бохаве или Дундани, только говорил об успешной борьбе бохайского военачальника с китайскими государствами уже на службе у Ляо.

В этом случае для нас очень важной представляется информация о том, что Гао Мохань бежал в Корё из Дундани¹, а не из Бохая. Киданьские завоеватели активно привлекали к себе бохайских чиновников. В этом случае Гао Мохань получал отличную возможность для продвижения по службе. Поэтому мы полагаем, что именно в Дундани Гао Мохань мог настолько отличиться, что привлеч к себе внимание киданьского императора. Других возможностей для успешной карьеры у Гао Моханя просто не было. Так как Дундань в основном вела борьбу против бохайских повстанцев, то мы можем предположить, что Гао Мохань мог добиться больших успехов в умиротворении своих соотечественников. Тот факт, что после бегства обратно в Ляо киданьский император поставил Гао Моханя на пост военачальника, говорит об одном – этот бохайский перебежчик в Дундани и Корё имел отношение к военной службе. Вряд ли киданьские сановники поставили бы бохайского администратора или поэта во главе войск. Точно неизвестно, почему этот бохайский лидер бежал в Корё. Но когда он снова бежал в Ляо, киданьские чиновники не наказали его за измену Дундани.

Конечно, после второго бегства этот бохайский аристократ мог быть полезен для киданей как человек, хорошо знавший корёскую армию. Но в то время ляоские военачальники еще не помышляли о борьбе с Корё, так как были вынуждены сосредоточиться на военных действиях с китайскими династиями. К тому же Гао Моханю, если его положение было перспективным и высоким, не было смысла убежать из Корё – он был женат на дочери правителя государства, это ему гарантировало отличную карьеру. К тому же его высоко ценил корёский король.

Для бегства Гао Моханя из Корё в Ляо нужна была веская причина - ею вполне могли быть убийство человека на территории Корейского полуострова и угроза мести со стороны родственников убитого. Мы полагаем, что Гао Мохань убил не простолюдина, иначе эта информация не попала бы в письменные источники. В то время в корёском государстве чиновники и аристократия мало обращали внимания на простой народ, и убийство обычного человека не создало бы проблемы для такого знатного и влиятельного человека как Гао Мохань. Необходимо учитывать, что в первой половине X века Корё было еще молодым государством, и власть короля не была абсолютной. На многих недавно покоренных территориях власть Корё была еще шаткой. Корёский правитель не мог решать все государственные вопросы в противовес своей аристократии, которая обладала большим влиянием и ресурсами. Местная знать изначально была разделена на кланы по принципу землячества, и активно боролась за власть при дворе.

Причем корёская аристократия стремилась делать все возможное, чтобы не дать возможности подняться вероятным конкурентам и жестко подавляла все попытки бохайцев укрепиться в королевстве. Так, в частности, в правление корёского короля Мокчжона смогли подняться два бохайца – Ю Чхунъ Чжонъ и Ю Хэнь Ган. В 1010 году Мокчжонъ был убит в результате переворота, Ю Чхунъ Чжонъ бежал в Ляо, а Ю Хэнь Ган был убит заговорщиками [5: 208-209].

Конечно, в таких условиях Гао Мохань не мог рассчитывать на какой-либо значимый успех в Корё, конфликт с местной аристократией вполне вероятен.

Поэтому мы полагаем, что, скорее всего, жертвой Гао Моханя был знатный человек или лицо, близкое к аристократии. При корёском королевском дворе доминировали землячества, которые состояли из аристократических групп. Они конкурировали между собой и стремились не допускать новых сил при дворе. Их возможности были большими, поэтому с ними считался даже король, который лавировал между ними.

В пользу версии Ю Тык Кона говорит еще и следующее. Если Гао Мохань убил человека в Корё, то корёский правитель имел все основания для того, чтобы спасти мужа своей дочери. Этим он спасал

¹ Дундань было марионеточным государством, находившимся на территории разгромленного Бохая и управлялось киданями.

свое доброе имя. Но киданьский император не имел оснований для спасения бохайского беглеца из тюрьмы, который уже поменял три страны и убил человека, будучи в состоянии алкогольного опьянения. К тому же, если Абаоцзи знал Гао Моханя раньше, он мог привлечь его к себе до инцидента с убийством. По версии В. С. Таскина, киданьский император привлек к себе бохайского беженца после совершения им убийства. Как мы видим, ситуация получается довольно запутанная. Мы полагаем, что возможен вариант, по которому Гао Мохань убил двух людей в состоянии алкогольного опьянения – одного в Ляо, другого – в Корё. Именно последнее событие подтолкнуло Гао Моханя к бегству из Корё к киданям, от которых, он только недавно бежал из Дундани.

Киданьский правитель сразу привлек перебежчика к военным действия в Китае, благо обстановка способствовала этому.

После распада империи Тан (907) в Китае начался период смуты и ряд военачальников и чиновников оспаривали друг у друга власть. Этим пользовались соседи – в частности, киданьские племена, воспользовавшись проблемами Китая, совершали набеги на его территорию. Но киданьские лидеры не имели возможности начать завоевание Китая, так как тот располагал большими материальными и людскими ресурсами. К началу 930-х гг. крупнейшим и самым могущественным государственным формированием на территории Китая стала империя Поздняя Тан. Но положение этого государства тоже было непрочным. Поэтому киданьские племена ждали удобного случая для вторжения в Китай.

В 936 году восстал военачальник Поздней Тан Ши Цзинтан в Тайюане. Он объявил о создании своей империи Цзинь и провозгласил себя императором. Поздняя Тан сразу оценила опасность мятежа Ши Цзинтана. На подавление его мятежа был отправлен генерал Чжан Цзинда, который осадил Тайюань. Цзинь не располагал силами для отражения армии Поздней Тан. Поэтому Ши Цзинтан отправил посла к киданям и назвал себя их вассалом. Ляосцы не могли не воспользоваться столь удобным моментом для нападения на Китай. Поэтому на помощь восставшим прибыл сам киданьский император и Гао Мохань с войском. Он снял осаду и нанес поражение армии Поздней Тан. Сначала ляосцы разгромили конницу Поздней Тан, потом заманили в засаду пехоту противника и разбили ее. В ходе упорного сражения китайцы потеряли несколько десятков тысяч человек, часть армии обратилась в бегство.

Но Чжан Цзинда сумел собрать остатки своих войск и отступить в крепость Цзиньвань. Несмотря на разгромное поражение, китайский командующий сдаваться не собирался. У него в распоряжении оставалось около 50 тысяч воинов и 10 тысяч лошадей. К тому он мог рассчитывать, что Поздняя Тан пришлет поддержку. Е Лунли называет Цзиньвань крепостцой, но тогда вряд ли в нее смогли бы поместиться 50 тысяч человек и 10 тысяч лошадей, не считая войскового снаряжения и гарнизона. Поэтому мы полагаем, что это была большая крепость. Гао Мохань осадил Цзиньвань, крепость была плотно окружена. В этом проявился стратегический талант бывшего бохайского военачальника – он не стал терять людей при штурме крепости с многочисленным гарнизоном, а просто блокировал укрепление, справедливо полагая, что у защитников Цзиньвани скоро появятся проблемы. И действительно, спустя короткое время у осажденных начался голод.

В конце концов, в армии Поздней Тан начался мятеж, Чжан Цзинда был убит, и войска сдались [3: 376]. Две армии Поздней Тан, отправленные на выручку Цзиньвань, отступили в Лучжоу. Там их вскоре осадил войска Гао Моханя, обе армии вскоре сдались киданям, так как в городе было мало продовольствия.

Гао Мохань возглавил авангард армии Цзинь, в состав которого вошли сдавшиеся позднетанские солдаты. В Туань-бо Гао Мохань разгромил китайское войско, в этом сражении Поздняя Тан потеряла десятки тысяч солдат, уцелевшие китайские воины разбежались [3: 64]. Эта победа позволила Ши Цзинтану закрепить положение своего государства. В Цзинь стали переходить позднетанские чиновники. Но эта новая империя теперь сильно зависела от киданьской помощи.

Таким образом, киданьские войска получили проход в Китай, поддержку империи Цзинь и смогли проводить завоевательную политику в Поздней Тан. И, как мы видим, большую роль в этом сыграл Гао Мохань.

В итоге этих действий Ши Цзинтан уступил киданям 16 областей [3].

Столь успешные действия Гао Мохана были высоко оценены киданьским императором Дэгуаном. На фоне нередких поражений киданьских войск от Китая действия Гао Мохана действительно смотрелись весьма впечатляюще. Поэтому Дэгуань сказал бывшему бохайскому военачальнику, что «я провел более ста сражений, с тех пор, как начал воевать, но из всех ты совершил наибольшие подвиги, и даже известные военачальники древности не могут сравниться с тобой». Как мы видим, киданьский правитель высоко оценил действия Гао Мохана – в результате Поздняя Тан не только потеряла большую армию и боевой дух, на ее территории образовалось новое прокиданьское государство – Цзинь, а Ляо получила новые территории.

В 938 году был устроен пир по случаю поднесения династией Цзинь почетного титула киданьскому императору, на котором Дэгуан, указав на Гао Моханя, заявил собравшимся сановникам и послам различных владений: «Это смелый военачальник в нашем государстве. Я объединил Поднебесную благодаря его усилиям» [3: 376].

В дальнейшем Гао Мохань отличился в сражениях с войсками Цзинь, недавними союзниками империи Ляо. Так, например, в 946 году он разбил отряд в 2000 всадников, командир Ли Ханчжан был убит [3: 81]. Гао Мохань одержал много побед в войне с Китаем, что дало Дэгуану новый повод сравнить его с известным ханьским военачальником Ли Линем [3: 376].

В конце существования китайской династии Цзинь Гао Мохань был великим шэли, бохайским вождем, командиром бохайского войска на службе у киданей, насчитывавшего более 10 тысяч пехотинцев и всадников. Все его воины брили волосы и запахивали одежду на левую сторону, подражая киданям [3: 313]. Но это не означало, что он командовал только бохайцами. Периодически под его командой были киданьские части, войска династии Цзинь.

Нельзя сказать, что его действия всегда были удачными. Так, в частности, в 946 году Гао Мохань ушел из города Инчжоу, за который киданьские войска вели длительные и кровопролитные бои, и оставил его без боя китайцам [3: 81]. В 952 году этот бохайский военачальник напал на область Цзичжоу, но под давлением китайских войск отступил из области, по дороге перебив взбунтовавшихся пленных [3: 106, 411]. Но его успехи в войне с Китаем явно перевешивали неудачи, поэтому киданьский император всегда ценил его.

Гао Мохань также участвовал в дворцовых интригах, так он, по поручению киданьского лидера Сяо Ханя, доставил в Далян сына познетанского императора Мин-цзуна Цунъи и наложницу Ван для того, чтобы Цунъи стал новым императором китайского государства. Те не хотели ехать и спрятались в мавзолее на кладбище Хуэйлин, но Гао Мохань все равно нашел их и привез в Далян для коронации.

В 951 г. Гао Мохань был отправлен в Восточную столицу киданьской империи, где он занимал высокие должности [3: 376]. В частности, он был назначен генерал-губернатором Хэяна [3: 280].

Однако не сохранилось сведений об его участии в подавлении бунтов бохайского населения, походов против Дундань и подобной деятельности. Видимо, киданьский император не совсем доверял ему, помня о том, что он все-таки представитель бохайского народа. Также возможен и другой вариант – лясцы понимали, что ему будет непросто воевать против своих или просто хотели, чтобы он отдохнул от военных действий. Но в критические моменты войны с Китаем его отзывали с гражданской службы в армию. Например, в 952 году киданьская армия под его командованием напала на область Цзичжоу [3: 106, 411]. В 959 г. он умер.

Результаты

Несомненно, Гао Мохань был выдающимся деятелем своей эпохи. К тому же он был человеком, который успел послужить в 4 государствах – Бохае, Дундани, Корё и Ляо. Мы полагаем, что его персона была знаковой не только для киданей, но и для бохайского населения.

Судя по всему, киданьский император ценил этого бохайского деятеля не только за военные и политические успехи, но и за то, что он являлся символом сотрудничества двух народов – как победителя, так и побежденного. После покорения Бохая киданьские лидеры готовились к войне с Китаем, который к тому времени раздирался внутренними усобицами. Им был необходим мир на востоке, поэтому они стремились сделать так, чтобы бохайцы не поднимали бунтов. Киданям был нужен человек, который был бы лоялен киданьской империи и одновременно с этим пользовался уважением бохайского населения. Поэтому лясцы заботились о том, чтобы Гао Мохань после своих походов всегда возвращался домой, в бохайские земли. Он происходил из знатного рода, что так же имело влияние на бохайское чиновничество. Его присутствие, полученные им титулы и т.д. всегда были наглядным примером того, какие преимущества бывают у тех, кто верно служит киданям. К тому же само его присутствие сдерживало бохайцев, которые могли поднять бунт против киданей.

Киданьские лидеры нуждались в поддержке представителей бохайской аристократии и чиновничества.

В начале 926 года Бохай был разгромлен, но в том же году бохайское население дважды поднималось на борьбу с завоевателями. В первом случае поднялись три административных центра (Аньбянь, Моцзи и Динли), во втором – один (префектура Течжоу) [10: 404, 416]. Первое выступление было настолько серьезным, что на его подавление был отправлен брат киданьского императора – Аньдуань. Мятежи были быстро подавлены, после чего лясцы казнили двух предводителей мятежников [9: 95].

Упорное сопротивление бохайского населения сильно мешало киданям. Они планировали наступление на юг, на разгром китайских государств, образовавшихся на месте империи Тан. Но бохайцы своими восстаниями и выступлениями не позволяли киданям перейти к решительным действиям на юге. Киданьские лидеры были вынуждены прилагать усилия против политического и военного сопротивления завоеванных бохайцев [10: 314]. Поэтому киданьские чиновники начали активно привлекать к себе на службу бохайскую аристократию и чиновничество.

По нашему мнению, эта политика Ляо оказалась успешной. Как известно, в первой половине X века бохайцы массово иммигрировали в Корё [7; 4; 5; 10]. Но уже во второй половине этого столетия бохайцы предпочитают оставаться на своих территориях, под властью киданей, а не переезжать в Корё. Многие бохайские чиновники верно служили империи Ляо и достигали высоких постов. Одним из наиболее ярких примеров этому стал Гао Мохань. Причем даже в период гибели

государства киданей под ударами чжурчженей именно бохайские отряды остаются самыми боеспособными частями ляоской армии [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Гао Мохань стал одним из ведущих деятелей империи Ляо по двум причинам – 1) в силу своих военных и политических талантов, 2) потому что киданьские лидеры выбрали его как символ удачного сотрудничества бохайцев со своими завоевателями – киданями.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке Northeastern Asian history Foundation.

Автор выражает благодарность за помощь в данной подборке сведений А.Л. Ивлиеву, в.н.с. сектора средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН.

Примечания:

1. Государство Бохай (698-926) и племена Дальнего Востока России/ Н.Г. Артемьева, В.И. Болдин, Т.А. Васильева [и др.]; под ред. Э.В. Шавкунова. М. : Наука, 1994. 219 с.
2. Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005.
3. Е. Лунли. История государства киданей. Цидань гочжи. М.: Наука, 1979. 607 с.
4. Пак Си Хёнъ. Пархэ Са. История Бохая. Сеул: Тосочхульбан иронквансилчхон, 1995. 326 с. (на корейском языке)
5. Со Бён Гук. Пархэ пархэин. Бохай и бохайцы. Сеул: Тосочхульпхан, 1990. 424 с. (на корейском языке)
6. Цзинь Юйфу. Бохай чжи чанбянь. Хронологическая подборка материалов для описания государства Бохай. Чанчунь: Шэхуйкэсюэ чжансянь, т. 1. 1982. 646 с. (на китайском языке)
7. Хан Кю Чхоль. Пархэы тэквангеса = История внешнеполитических отношений Бохая. Сеул: Тосочхульбан синсовон, 1994. 415 с. (на корейском языке)
8. Чжэн Юнчжэнь, Ли Дунхуй, Инь Сюаньчжэ. Бохай ши лунь = Об истории Бохая. Чанчунь: Цилинь вэньши чубаньшэ, 2011. 448 с. (на китайском языке)
9. Ю Тык Кон. Пархэ Го = Исследование Бохая. Сеул: Хангукгочжончхонсо, 2000. 197 с. + 90 с. оригинал. текста. (на корейском языке)
10. Wittfogel K.A., Feng Chia – cheng History of Chinese Society Liao (907 – 1125). Philadelphia: The American Philosophical Society. Independence square, 1949. 754 p.
11. Reckel J. Bohai: Geschichte und Kultur eines mandchurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. // Aetas Manjurica. Tomus 5. Wiesbaden: Harrisowithz Verlag, 1995. 828 p.

References:

1. Gosudarstvo Bohaj (698-926) i plemena Dalnego Vostoka Rossii/ N.G. Artemeva, V.I. Boldin, T.A. Vasileva i dr. Pod red. E.V. Shavkunova. M.: Nauka, 1994. 219 s.
2. Rossijskij Dalnik Vostok v drevnosti i srednevekov`e: otkrytiya, problemi, gepotezy. Vladivostok: Dal` nauka, 2005.
3. E Lungli. Istoriya gosudarstva kidanej. Cidan gouji. Moscow: nauk, 1979. – 607 s.
4. Pak Si Hyuong. Parhae sa. Seoul: Tosochulban ironkvansilchon, 1995. – 326 s. (in Korean)
5. So Byong Guk. Parhae parhaein. Seoul: Tosochulban, 1990. – 424 s. (in Korean)
6. Jin Uifu. Bohai ji janbyan. Chanchun: Shaehujkaesyuaejansyan, vol. 1, 1982. – 646 s. (in Chinese)
7. Han Gju Cheol. Parhaey daekwangesa. Seoul: Tosochulban sinsowon, 1994. - 415 s. (in Korean)
8. Jen Yunjean, Li Dunhuj, In Syuanjae. Bohai shi lun. Chanchun: Jilin wenshi jubanshe, 2011. 448 s. (In Chinese)
9. Yu Tyik Kong. Parhaego. Seoul: Hankukgojonchonso, 2000. 197s.+ 90s. (in Korean. Original text – ancient Chinese)
10. Wittfogel K.A., Feng Chia – cheng History of Chinese Society Liao (907 – 1125). Philadelphia: The American Philosophical Society. Independence square, 1949. - 754 p. (in English)
11. Reckel J. Bohai: Geschichte und Kultur eines mandchurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. // Aetas Manjurica. Tomus 5. – Wiesbaden: Harrisowithz Verlag, 1995. – 828 p. (in German)

УДК 930.9

Гао Мохань в истории империи Ляо и королевстве Корё

Александр Алексеевич Ким

Дальневосточный Федеральный Университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент

Научный профессор, Институт изучения истории, Университет Корё, Республика Корея
E-mail: kimaa@rambler.ru

Аннотация. Автор данной работы рассматривает личность бохайца Гао Моханя, военного и политического деятеля бохайского, кореского королевств и империи киданей. Он внес большой вклад в укреплении империи Ляо и разгроме китайских государств. Несмотря на то, что Гао Мохань имел большое влияние на события в Восточной Азии, его военная и политическая деятельность остается малоизвестной. Поэтому автор анализирует его действия не только в Ляо, но и в Корё.

Гао Мохань находился в движении между Корё, землями разгромленного бохайского королевства и киданьским государством. Автор рассматривает и анализирует причины его миграций, роль Гао Моханя в событиях, специфику развития этих государств в данный период времени.

Целью данной работы является анализ личности и деятельности Гао Моханя, исследование его роли в события истории Восточной Азии и рассмотрение материалов об этом лидере.

Автор использует материалы не только на европейских (русский, немецкий и английский), но и азиатских (корейский и китайский) языках.

Ключевые слова: Бохай, Дальний Восток, Восточная Азия, история, Ляо, Корё, Китай.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 472-478, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The Appearance and Development of Iron Production on the Border Between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region)

¹ Evgeny V. Vodyasov

² Olga V. Zaitceva

¹ Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), senior researcher
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), associated professor
E-mail: snori76@mail.ru

Abstract

The article describes the features of the emergence and spread of iron in Tomsk Ob Region, which located in the contact zone of the two great historical and cultural worlds: hunter-fishers in the taiga and nomads in steppe. Geological specialty of Tomsk Ob Region is the lack of deposits of copper ore and the presence of high-quality iron ore. Based on the analysis of archaeological data three stages of development of iron in Tomsk Ob Region are allocated:

1. Penetration of the first iron products while the traditions of bronze casting were remain general (VIII century BC-IV century AD);
2. Mass distribution of iron products and gradual replacement of bronze tools (V-X centuries AD);
3. Development of local iron ore deposits and flourishing of iron production (X-XVII centuries AD);

The hypothesis that the development of local iron ore deposits became possible only with the beginning of the "Turkic" migration at the turn of I-II millennium AD is voiced. From this moment the population of Tomsk Ob Region acquired full commodity independence. Local iron ore deposits provided the flourishing of iron production, which was interrupted only in the XVII century BC during the Russian colonization.

Keywords: Tomsk Ob Region, Appearance of Iron production, Iron ore deposits.

Введение

Происхождение черной металлургии, а также пути распространения технологии получения железа на нашей планете являются фундаментальными проблемами истории человечества. В конце II тыс. до н.э. железо начинает распространяться по Евразийскому континенту. Прочность этого металла стала основной причиной его повсеместного применения. Железные орудия, постепенно вытеснившие бронзу, обеспечили прогресс во всех сферах хозяйства. Помимо того, что железные вещи заметно выигрывали в прочности у своих бронзовых прототипов, в обиходе населения различных культур Евразии стали появляться и новые не виданные ранее предметы, значительно упрощающие быт. Например, «бум» железных кресал полностью искоренил тысячелетиями существовавший ранее способ добычи огня, сделав его более быстрым и простым.

В Сибири появление технологий получения железа запоздало, и здесь ещё долго сохраняла свои позиции цветная металлургия. В этом обширном регионе были свои уникальные особенности перехода к эпохе железа. В данной статье прослеживаются ключевые этапы появления и распространения железа в Томском Приобье – историко-культурном регионе юга Западной Сибири, расположенном на пограничье лесостепных и таежных ландшафтов.

Благодаря своему географическому положению, Томское Приобье на протяжении тысячелетий являлось своеобразной ареной встречи двух миров: охотников-рыболовов тайги и скотоводов степи, что обуславливало своеобразие протекавших здесь историко-культурных процессов. В связи с рассматриваемым вопросом необходимо сказать ещё о двух важнейших геологических характеристиках региона.

Во-первых, месторождения медной руды и олова здесь отсутствуют, поэтому в период господства бронзовых орудий население Томского Приобья оставалось зависимым в сырьевом отношении, получая необходимые материалы для бронзолитейного производства через посредничество своих южных соседей, вероятнее всего, с территории Саяно-Алтая.

Во-вторых, ранее историки и археологи предполагали, что сырьевая зависимость региона от Рудного Алтая сохранялась и при переходе к производству железных орудий [1, с. 90; 2, с. 102]. При этом не учитывалось, что в Томском Приобье существуют и собственные месторождения железных руд. Долгое время их потенциал оставался неизученным, поскольку они не имеют современного промышленного значения. Совместные геолого-археологические исследования рудопоявлений Обь-Томского междуречья, проведенные в последнее десятилетие, доказали, что именно они стали сырьевой базой для развития черной металлургии у местного средневекового населения [3; 4]. Доступные месторождения качественных железных руд, выходящие на дневную поверхность, открывали дорогу к сырьевой независимости. Однако путь появления в Томском Приобье собственной черной металлургии был не столь скоротечным и прямолинейным, как это можно было бы ожидать, принимая во внимание наличие здесь месторождений качественной железной руды.

Анализ археологических материалов

Данные археологии позволяют выделить три этапа освоения железа в Томском Приобье:

1. Проникновение первых железных изделий при полном сохранении традиций бронзолитейного производства (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.);
2. Массовое распространение железной продукции, постепенное вытеснение бронзовых орудий (V–X вв. н.э.);
3. Освоения местных руд и расцвет железоделательного производства (X–XVII вв. н.э.);

Первый этап (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.) знакомства населения Томского Приобья с новым металлом охватил всю эпоху раннего железного века. Для этого времени характерна крайняя бедность археологического материала железными предметами. На поселениях и могильниках VIII–III вв. до н.э. [5] отсутствуют как археометаллургические объекты, связанные с производством и обработкой железа, так и сами железные вещи. Все известные металлические изделия указанного времени выполнены из бронзы.

Появление первых железных вещей засвидетельствовано только в кулайское время (IV–III вв. до н.э. – IV в. н.э.). Самые древние железные предметы в Томском Приобье, которые могут быть датированы IV–III вв. до н.э., представлены удилами и трехлопастным наконечником стрелы из городища Киреевское-III [6, с. 12-13].

Н.М. Зиняков справедливо указывает на то, что местное население Томского Приобья в эпоху раннего железа не добывало и не плавало местную руду [7, с. 228]. Редкая встречаемость железных вещей на кулайских поселениях в совокупности с отсутствием свидетельств существования местной черной металлургии, разумеется, не позволяет назвать это время (с IV–III вв. до н.э. по IV в. н.э.) началом освоения железа. В указанный период древнее население лишь знакомилось с новым металлом, используя вещи импортного происхождения. Найденные на многих кулайских городищах и поселениях Томского Приобья всплески бронзы, литники, тигли и их обломки [8; 9; 10, с. 133] маркируют на этом этапе устойчивость традиций бронзолитейного производства.

Таким образом, мы получаем следующую картину – в эпоху, которую археологи традиционного именуют ранним железным веком, сами железные изделия крайне редки, железоплавильные горны не известны, а местная металлургия представлена бронзолитейным производством.

На втором этапе знакомства с железом (V–X вв. н.э.) уже можно говорить о реальном начале железного века в Томском Приобье. В этот период происходило массовое вытеснение бронзовых орудий из основных сфер жизнедеятельности и замена их железными.

Археологические материалы погребальных комплексов V–VIII вв. [11; 12], оставленные носителями верхнеобской археологической культуры, демонстрируют новые категории железных предметов. В этот период полностью исчезают все виды бронзового оружия и орудий труда. Массовое появление железных наконечников стрел, кинжалов, палашей, панцирных пластин свидетельствует о том, что железо наиболее активно «проникло» в военную сферу, резко изменив облик средневековых воинов. В снаряжении коня, начиная с VI в., появляются железные удила различных типов.

В V–VI вв. широкое распространение получают железные ножи, тесла, иглы. В VI–VIII вв. в Томском Приобье появляются массивные железные сошники для обработки земли, которые типологически доживают вплоть до прихода русского населения в XVII в. [11, с. 73]. В VI–VII вв. в Томском Приобье появляются кузнечные инструменты, представленные железными клещами и молотком из могильника Чердашный Лог-III [12], что четко указывает на появление в этот период

местного железообрабатывающего производства. В конце I тыс. н.э. ассортимент кузнечных инструментов увеличивается, пополнившись напильником, зубилом и долотом [13].

С V в. наряду с бронзовыми поясными пряжками начинают широко использоваться железные пряжки. Погребения с бронзовыми и железными пряжками верхнеобской культуры [11, с. 14-15, 77-79; 13, с. 85-86] демонстрируют их сосуществование на протяжении всей второй половины I тыс. н.э.

В V-X вв. бронза продолжает оставаться ведущим материалом для изготовления украшений и некоторых ритуальных предметов. Ритуальная деятельность, диктуемая многовековыми традициями использования бронзовых предметов, не допустила в свою сферу железные «заменители» культовых бронзовых изображений.

В целом, для второго этапа мы можем уверенно констатировать массовое бытование железных предметов в археологических комплексах V-X вв. Томского Приобья. Закономерен вопрос о месте происхождения этих вещей. Проблема появления на этапе V-X вв. местной черной металлургии остается открытой ввиду слабой изученности поселенческих комплексов этого времени по сравнению с могильниками. Нам известен всего один небольшой железоплавильный горн с поселения Кисловка-II, датированного на основе радиоуглеродного метода V-VIII вв. н.э. [11, с. 98]. Поэтому о расцвете местного железоделательного производства в этот период говорить не приходится. В этой связи необходимы иные объяснения причин массового появления железных изделий в Томском Приобье в V-X вв. н.э.

В это время самого высокого уровня производства железа в Центральной Азии достигли ремесленники Первого тюркского каганата на южных склонах Алтая. Все степные кочевые империи были полиэтничны, поэтому термин «тюрки» мы употребляем в кавычках, подразумевая под ним все народы и племена, оказавшиеся в составе Тюркских каганатов. Известно, что в IV-VI вв. «тюрки» находились в зависимости от жужаньского каганата и уже тогда платили ему дань железом и изделиями из него [14, с. 221]. Железоделательная специализация была крайне дефицитна и в то же время чрезвычайно выгодна в древнетюркское время [15, с. 27; 16, с. 108]. Мощному развитию металлургии, безусловно, способствовали железорудные месторождения Саяно-Алтайского нагорья. Именно здесь сосредоточены богатые и многочисленные залежи железной руды, поэтому «тюрки-металлурги» обитали оседло либо прямо на рудниках, либо поблизости от них [15, с. 27].

Металлургия железа сыграла важную роль в истории Тюркских каганатов. Во-первых, активное развитие железоделательного производства значительно повлияло на экономическую независимость Тюркских каганатов от соседних государств (в частности, Китая), откуда раньше поставлялись железные вещи [17, с. 48-49]. Во-вторых, металлургия железа позволила перевооружить армию, производить огромное количество самого различного вооружения, создать мощную латную конницу, что, конечно же, благоприятно влияло на военное дело Тюркских каганатов [16, с. 108]. Имеются многочисленные археологические подтверждения тому, что в VI-X вв. Алтай являлся мощным центром по производству железа [18].

Образование Первого и Второго тюркских каганатов сопровождалось активизацией торговых и культурных связей со многими соседними регионами, в том числе, с территорией Томского Приобья. В V-X вв. здесь получают распространение некоторые вещи «тюркского» мира (прежде всего, наконечники стрел, некоторые виды украшений, детали пояса). При этом важно, что многие исследователи отмечают торгово-обменный, а не военный характер связей между культурами «степи» и «тайги» в VI-VIII вв. [19, с. 244; 20, с. 142-145; 21, с. 125; 22, с. 38].

Таким образом, основной причиной проникновения железных изделий на территорию Томского Приобья в V-X вв., возможно, является новый культурный импульс со стороны «тюркского» ареала.

Третий этап (X-XVII вв.) эпохи железа в Томском Приобье ознаменовался освоением местных железорудных месторождений и переходом к массовому самостоятельному производству железных орудий.

Многочисленные археологические свидетельства указывают на небывалый расцвет черной металлургии и полную сырьевую независимость региона в X-XVII вв. В начале II тыс. н.э. в Томском Приобье возникает Шайтанский археологический комплекс [23], являющийся крупнейшим в Западной Сибири средневековым металлургическим центром [24]. Его культурный слой буквально «забит» многочисленными следами производства железа (шлаками, стенками горнов, фракциями измельченной железной руды), чего не наблюдалось ни в одну из предшествующих эпох. Причем археологические данные по Томскому Приобью свидетельствуют о намеренном расселении пришлых групп в непосредственной близости от залежей железной руды [24, с. 15].

Наряду с расцветом черной металлургии во II тыс. н.э. в Томском Приобье колоссально увеличивается и сам ассортимент железной продукции.

В распоряжении средневекового воина имелись наконечники стрел, копья, палаши, сабли, железные доспехи [21, с. 82, 86]. В снаряжении верхового коня также появляется множество атрибутов, ранее не известных (стремена, железные оковки седел, султанские украшения, крюки для подвешивания груза, распределители ремней, накладки, пряжки и т.д.).

В бытовой сфере в XII-XV вв. большую популярность получают кресала, которые значительно упростили способ добывания огня. Исходя из их очевидной важности, кресала становятся

неизменным спутником средневекового человека как в реальном, так и в загробном мире [21, с. 81; 25, табл. 47, 51, 56, 60, 78, 87].

В домостроительстве, а также в сооружении погребальных конструкций (рам-обкладок, дощатых гробов и надмогильных перекрытий) в XIII–XV вв. население активно начинает использовать железные скобы [21, рис. 155, 158, 171].

В XI–XV вв. в связи с бурным развитием железоделательного производства и кузнечного дела расширился набор кузнечных инструментов. Помимо традиционных клещей и молотка появляется универсальный инструмент, сочетающий в себе молоток и зубило [25, табл. 32], а также массивное орудие кузнеца – пешня-гладилка, предназначенная для разглаживания металла [21, с. 37–38].

В первой половине II тыс. н.э. в погребальных комплексах Томского Приобья впервые зафиксирован железный котел [26, с. 156] и столовые приборы, представленные железной ложкой [25, табл. 32].

Учитывая такой небывалый железоделательный бум в Томском Приобье, закономерно возникает вопрос – почему при обилии доступных месторождений с качественной железной рудой этого не произошло раньше? Вопрос этот крайне сложный и вряд ли может иметь однозначный ответ. Сформулированная нами гипотеза может приблизить нас к решению этой непростой проблемы. Для этого необходимо исходить из историко-культурной ситуации в Томском Приобье в период начала освоения местных железорудных месторождений, то есть на рубеже I–II тыс. н.э.

Практически все исследователи сегодня сходятся в том, что на границе I–II тыс. н.э. фиксируются волны «тюркских» миграций в таежные зоны Верхнего Приобья [19; 20; 21; 22; 27]. Логично предположить, что в это время на территории Томского Приобья появляются люди, прекрасно владеющие секретами всего цикла железоделательного производства, что сделало возможным освоение имеющихся здесь железорудных месторождений.

Из этого предположения вытекает и другой вопрос: что же мешало культурам «таежного круга» ранее самостоятельно освоить производство железа из местных руд? Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен. Пример многих культур Нового Света говорит о том, что само наличие месторождений железной руды далеко не всегда приводит к началу их разработки и использования. По одной из существующих сегодня версий открытие технологии производства железа стало случайным побочным продуктом бронзолитейного производства. Отсутствие в Томском Приобье месторождений меди определило специфику местного бронзолитейного производства. Сырьем служила не сама медная руда, а полученные от южных соседей готовые бронзовые изделия, шедшие в переплавку, а также бронзовый лом и слитки. Поэтому для самостоятельного возникновения черной металлургии в Томском Приобье просто не было шансов. Необходим был некий внешний импульс, который принес бы технологию сыродутного получения железа и «открыл» имеющиеся здесь месторождения железной руды.

Это событие и случилось на рубеже I–II тыс. н.э. Оно было связано с несколькими волнами «тюркских» миграций на территорию Томского Приобья. В результате здесь складывается новый хозяйственно-культурный тип, сочетающий скотоводство коневодческой направленности и железоделательное производство, основанное на разработке местных руд. Расцвет местной черной металлургии Томского Приобья в X–XVII вв. завершился с началом русской колонизации. Изделия местных кузнецов не стали выдерживать конкуренции с русскими товарами, а сами кузнецы лишились своих потенциальных заказчиков [7, с. 272–273]. Все это привело к упадку, а затем и полному исчезновению железоделательного производства и кузнечного ремесла в экономике местного «тюркского» населения.

Заключение

На примере Томского Приобья авторами прослежены ключевые этапы появления и распространения железа в регионе, расположенном в контактной зоне двух больших историко-культурных миров: охотников-рыболовов тайги и скотоводов степи. Геологическое своеобразие Томского Приобья – отсутствие месторождений медной руды при наличии залежей железной руды – во многом предопределило особенности исторического развития этого региона. Высказана гипотеза о том, что освоение местных железорудных месторождений стало возможным только с началом «тюркской» миграции на рубеже I–II тыс. н.э. С этого момента население Томского Приобья обретает полную сырьевую независимость от соседних регионов. Местное сырье обеспечило расцвет железоделательного производства, которое исчезло только в XVII в. н.э. в ходе русской колонизации.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 2059: «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

Примечания:

1. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.

2. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.
3. Коноваленко С.И. Вещественный состав шлаков и руд железодельного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье / С.И. Коноваленко, Е.М. Асочакова, Е.В. Барсуков, О.В. Зайцева // Минералогия техногенеза-2010: Научное издание. Миасс: Имин УрО РАН, 2010. С. 196-206.
4. Водясов Е.В. Начало освоения железорудных месторождений Обь-Томского междуречья // Вестник Томского государственного университета. История. № 6 (26), 2013. С. 126-129.
5. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 142 с.
6. Чиндина Л.А. Археологические памятники в окрестностях поселка Киреевска / Л.А. Чиндина, Л.В. Панкратова // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 10-14.
7. Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: Учебное пособие для вузов по специальности «Археология». Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
8. Чиндина Л.А. Отчет о полевых археологических исследованиях на Киреевском III городище летом 1995 года. Томск, 1995 / Архив ИА РАН. № Р1 19320.
9. Чиндина Л.А. Отчет о работе Киреевской археологической экспедиции летом 1999 года. Томск, 2000 / Архив ИА РАН. № Р1 23627.
10. Панкратова Л.В. Керамический комплекс поселения Половинка-I // Археология и этнография Приобья: Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 4. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 132-146.
11. Беликова О.Б. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. / О.Б. Беликова, Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
12. Плетнева Л.М. Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог-III / Л.М. Плетнева, А.Д. Гаман // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 56-62.
13. Плетнева Л.М. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64-87.
14. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
15. Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. Казань. С. 24-31.
16. Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань: Мастер Лайн, 2000. 188 с.
17. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата. М.: Кристалл, 2003. 314 с.
18. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
19. Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 242-248.
20. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
21. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
22. Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 37-42.
23. Зайцева О.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области / О.В. Зайцева, Е.В. Барсуков, А.В. Гусев // Археологические микрорайоны северной Евразии. Омск, 2004. С. 37-40.
24. Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 23 с.
25. Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1948. 220 с.
26. Матющенко В.И. Еловский курганный могильник-I эпохи железа / В.И. Матющенко, Л.М. Старцева // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Т. 206. С. 152-174.
27. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

References:

1. Boyarshinova Z. Ya. The population of Western Siberia before the Russian colonization. Tomsk: Publishing house of TSU, 1960. 152 p.
2. Pletneva L.M. Tomsk Ob Region in the late Middle Ages (according to archaeological data). Tomsk: Publishing house of TSU, 1990. 134 p.

3. Konovalenko S.I. Material composition of slag and iron-ore production in Shaitansky complex medieval archaeological sites in Tomsk Ob Region / S.I. Konovalenko, E.M. Asochakova, E.V. Barsukov, O.V. Zaitseva // *Mineralogy technogenesis 2010: scientific publications*. Miass: Imin, UB RAS, 2010. P. 196-206.
4. Vodyasov E.V. The beginning of development of iron ore deposits in Ob-Tomsk Region // *Bulletin of Tomsk State University. History*. Number 6 (26). 2013. P. 126-129.
5. Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the end of VIII-III centuries BC. Tomsk: Publishing house of TSU, 1977. 142 p.
6. Chindina L.A., Pankratova L.V. Archaeological monuments in the vicinity of the village Kireevsk / L.A. Chindina, L.V. Pankratova // *Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of Western Siberia*. Tomsk: Publishing house of TSU, 2003. P. 10-14.
7. Zinyakov N.M. Iron production and smithing in Western Siberia: A manual for schools in "Archaeology". Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 368 p.
8. Chindina L.A. Report on field archaeological studies of settlement Kireevsky III in summer of 1995. Tomsk, 1995 / Archive IA RAS. Number P1 19320.
9. Chindina L.A. Report on the research of Kireevsk archaeological expedition in the summer of 1999. Tomsk, 2000 / Archives IA RAS. Number P1 23627.
10. Pankratova L.V. Ceramic complex of settlement Half-I // *Archaeology and Ethnography of Ob Region: Proceedings of the Department of Archaeology and Ethnology TSPU*. Vol. 4. Tomsk: Publishing house of TSPU, 2011. P. 132-146.
11. Belikova O.B., Pletneva L.M. Monuments in Tomsk Ob Region in V-VIII centuries AD / O.B. Belikova, L.M. Pletneva. Tomsk: Publishing house of TSU, 1983. 245 p.
12. Pletneva L.M., Gaman A.D. Elite burial in mound number 12 of the burial site Cherdashny Log-III / L.M. Pletneva, A.D. Gaman // *Theory and practice of archaeological research: collection of scientific papers*. Barnaul: Publishing House of ASU, 2007 P. 56-62.
13. Pletneva L.M. Burials of IX-X centuries in Tomsk Ob Region // *Western Siberia in the Middle Ages*. Tomsk: Publishing house of TSU, 1984. P. 64-87.
14. Bichurin N.Y. Collection of information of peoples in Central Asia in ancient times. T. 1. M., L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 382 p.
15. Kyzlasov L.R. The first Turk Empire and its significance for the history of Eastern Europe // **Tatar archeology. 1997. № 1. Kazan. P. 24-31.**
16. Faizrakhmanov G.R. Ancient Turks in Siberia and Central Asia. Kazan: Master Line, 2000. 188 p.
17. Gumilev L.N. Ancient Turks. History of Education and height of the Great Turkic Khaganate. M.: Crystal, 2003. 314 p.
18. Zinyakov N.M. History of ferrous metallurgy and smithing in ancient Altai. Tomsk: Publishing house of TSU, 1988. 276 p.
19. Mogilnikov V.A. The ethnic composition of the population of the Middle and Upper Ob in the I millennium AD // *The peoples and languages of Siberia*. Novosibirsk: Science, 1980. P. 242-248.
20. Savinov D.G. The peoples of South Siberia in the ancient time. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1984. 174 p.
21. Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the beginning of the II millennium AD (According to archaeological data). Tomsk: Publishing house of TSU, 1997. 350 p.
22. Gorbunov V.V. Turkization processes in the south of Western Siberia in the early Middle Ages // *Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia*. Barnaul: Publishing House of ASU, 2003. Pr. 1. P. 37-42.
23. Zaitseva O.V., Barsukov E.V., Gusev A.V. The selection of Shaitansky archaeological district in the south of Tomsk region / O.V. Zaitseva, E.V. Barsukov, A.V. Gusev // *Archaeological districts of northern Eurasia*. Omsk, 2004. P. 37-40.
24. Vodyasov E.V. Iron production in Ob Tomsk Region in the Middle Ages. Author's abstract dis. ... Cand. hist. Sciences. Kemerovo, 2012a. 23 p.
25. Basandayka: Collection of materials and research in the archeology of the Tomsk Oblast. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1948. 220 p.
26. Matyushchenko V.I. The burial site Elovskij-1 of Iron Age / V.I. Matyushchenko, L.M. Startseva // *Proceedings of the TSU*. Tomsk: Publishing house of TSU, 1970. T. 206. P. 152-174.
27. Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in the X-XIV centuries. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 2000. 256 p.

**Появление и развитие черной металлургии
на границе «степного» и «таежного» мира Западной Сибири
(Томское Приобье)**

¹ Евгений Вячеславович Водясов

² Ольга Викторовна Зайцева

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050 г. Томск, пр. Ленина 36

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050 г. Томск, пр. Ленина 36

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: snori76@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности появления и распространения железа в Томском Приобье – регионе, расположенном в контактной зоне двух больших историко-культурных миров: охотников-рыболовов тайги и скотоводов степи. Геологическое своеобразие Томского Приобья заключается в отсутствие месторождений медной руды и наличии залежей качественной железной руды. На основе анализа археологических данных выделено три этапа освоения железа в Томском Приобье:

1. Проникновение первых железных изделий при полном сохранении традиций бронзолитейного производства (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.);

2. Массовое распространение железной продукции, постепенное вытеснение бронзовых орудий (V–X вв. н.э.);

3. Освоения местных руд и расцвет железоделательного производства (X–XVII вв. н.э.);

Озвучена гипотеза о том, что освоение местных железорудных месторождений стало возможным только с началом «тюркской» миграции на рубеже I–II тыс. н.э. С этого момента население Томского Приобья обретает полную сырьевую независимость. Местное сырье обеспечило расцвет железоделательного производства, которое прекратилось только в XVII в. н.э. в ходе русской колонизации.

Ключевые слова: Томское Приобье, появление черной металлургии, железорудные месторождения.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 479-490, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources)

¹Larisa V. Tataurova
²Anna A. Krikh

¹Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russian Federation
644077, 55a Mira ave., Omsk
Candidate of Historical Sciences, Associate professor
E-mail: li-sa65@mail.ru

²Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russian Federation
644077, 55a Mira ave., Omsk
Candidate of Historical Sciences, Associate professor
E-mail: novoselovaa@rambler.ru

Abstract

In the Siberian studies the sustenance system of the Russian population has not yet become an object of special research. Some of its components have been studied by historians and ethnographers who based their reconstructions of sustenance systems on quite fragmentary archives of XVII–XVIII centuries. In the last quarter of the XX century the excavations of the New Age memorials expanded significantly, however the publications based of archeological material characterized only part of sustenance systems. Nevertheless, the archeological research allows for a new vision of life and household of the Russian Siberians. The author of the present article has attempted to reconstruct the sustenance system of the Russian Siberians of the XVII–XVIII centuries based on the correlation of archeological and written sources. One of the oldest countryside settlements in the south of Western Siberia – village Ananyino served as the research base. Archive materials allowed for tracing the emergence of the settlement and characterizing its population, their basic activities (the size and kind of tillage, hayfields, number of cattle and its composition at different owners). Archeological materials complement this data significantly due to paleozoological and carpological research. Moreover, the analysis of an impressive collection of artifacts, building the landscape model of the monument, the study of the constructions excavated allow for considering practically a complete complex of material culture and move to the reconstruction of the elements of spiritual culture of the population of the Ananyino settlement. Such complex research of the XVII–XVIII centuries' sustenance systems in Siberia has never been made.

Keywords: the Siberian Russians, archeology, written sources, the history of formation of the Ananyino settlement, sustenance system.

Введение

Заселение и освоение Сибири русскими в XVII в. стало началом формирования новой системы жизнеобеспечения на основе культурных традиций, принесенных переселенцами; опыта и знаний, полученных в процессе адаптации к природным, ландшафтным и климатическим условиям, заимствования некоторых элементов в культурах аборигенного населения. Это был динамичный процесс, завершившийся к концу XVIII в. Одним из его итогов стало складывание новой этнической группы русских сибиряков [1].

Объектом данного исследования стала система жизнеобеспечения сибирской деревни в XVII–XVIII вв. Предметом – русская деревня Ананьино, в Тарском районе Омской области, основанная в первой трети XVII в. и ныне уже не существующая.

Возможности современных междисциплинарных исследований позволяют существенно расширить источниковую базу для исторических реконструкций. На основе археологических и архивных материалов можно определить время и узнать историю появления деревни, археологический материал позволяет уточнить датировки и проследить пространственное развитие поселения, представить предметное наполнение системы жизнеобеспечения. Антропологические материалы дают возможность для демографических, биоархеологических реконструкций, а исследование генетического материала из погребений и взятого у современных потомков жителей деревни позволит проверить сведения по составу населения из письменных источников и выйти на реконструкции физического облика обитателей деревни XVIII в.

Материалы и методы

Материалом для работы послужили результаты археологического изучения и архивные изыскания по истории деревни Ананьино. Она располагалась в 15 километрах к юго-востоку от г. Тара на южном берегу одноименного озера, старицы р. Иртыш. С юга от озера с террасы спускается Пятая речка*, впадающая в речку Ананьевку, которая соединяет озеро с Иртышом. Русская деревня на Ананьином озере была основана поблизости от татарских юрт Рухлар (по-русски Верхние юрты), Речап, Аптиш и Атак [2].

Археологические исследования на комплексе Ананьино I (поселение и кладбище) начаты Л.В. Татауровой в 2005 г. К настоящему моменту раскопано 1260 м², из них на поселении 900 м². На раскопанной части поселения зафиксированы два усадебных комплекса*, вытянутых вдоль края берега озера по линии северо-восток – юго-запад, и разделенных проходом шириной 6 м, который обозначен с двух сторон частоколами. Комплекс в юго-западной части состоял из четырех изб-связей. Северо-восточная усадьба пока представлена одной избою-связью и частью, вероятно, крытого двора, застланного плахами. Из культурного слоя получено около 1500 находок, представительный керамический комплекс, палеозоологические, карпологические материалы, характеризующие различные элементы системы жизнеобеспечения. В работе использованы результаты применения методов естественных наук, типологий предметов, сравнительно-исторического анализа, определения палеозоологических и карпологических коллекций сделаны в Институте растений и животных УРО РАН.

Обсуждение

История Нового времени в Сибири, связанная с освоением ее русским населением, известна, в основном, по материалам письменных источников, которые, несмотря на большую информативность, оставляют без внимания многие аспекты жизнедеятельности. Это связано с тем, что в документы попадали сведения, касающиеся, в большей степени, политических и административных вопросов, таких как – обеспечение армии, снабжение Сибири хлебом, распределение земельных угодий, судопроизводство, налогообложение и пр. Накопление этих сведений было неравномерным для разных регионов Сибири. Исследователями архивные материалы XVII–XIX вв. преобразованы в этнографические источники, на основе которых подготовлены обобщающие работы, характеризующие период с XVII по начало XX в. [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако и в этих работах, система жизнеобеспечения, рассмотрена частично в зависимости от имеющейся информации в письменных источниках.

Связано это с тем, что авторы исследований не обращались к археологическому материалу. С одной стороны потому, что к концу XX в. в Западной Сибири раскопками было изучено небольшое количество памятников (прежде всего городов и острогов), с другой стороны до середины 1990-х гг. археологически не было исследовано ни одного сельского поселения русских сибиряков. А ведь именно деревня является мерилем традиционности культуры для современных исследователей.

Жизнеобеспечение русских в Сибири, как система, на основе археологического источника практически не рассматривалась [9], хотя есть большое количество публикаций итогов археологических изысканий, где показаны отдельные части этой системы [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Результаты

Социальная история и динамика семейного состава д. Ананьино в XVII–XVIII вв.

Впервые в исторических источниках д. Ананьино упоминается в Дозорной книге Тарского у. 1623/24 г. В это время д. Ананьино состояла из трех дворов. Поблизости от деревни находились две заимки и одна наезжая пашня. Два двора принадлежали конному казаку Герасимко Иванову Попову и его сыну – пешему казаку Неупокойко Герасимову [19]. Г.И. Попов обрабатывал две пашни – «в

* Современное название этой речки произошло в результате искажения имени тарского подъячего Пятого Петрова, который в 1623/24 г. имел пашню «против Онаньиного озера за речкою Иртышом в бору на увале»: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391. под именем «Пятова речка» она фигурирует в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185-185 об.

* Усадьба, по мнению авторов, – это комплекс жилых и хозяйственных построек, ограниченных частоколом или забором, отделявшим владения разных хозяев.

лугу за Онаньиным озером» и «в другом месте против деревни на Таре на увале в бору», – под посевом было занято 5 четей и 18 четей перелога в трех полях («а в дву потому ж») [20]. Пашня Неупокойки Герасимова находилась на «увале в бору» и состояла из одной чети посева и семи четей перелога при наличии еще двух полей [21]. Неупокойко Геасимов стал основателем новой генеалогической ветви, отделившейся от Поповых*, с фамилией Неупокоевы.

Братья Герасимки Иванова Попова – тарские конные казаки Аврамка и Микитка, – имели «подле Онаньиного озера в лугу» наезжую пашню (две чети засеянной земли и 12 четей перелогу в трех полях), но проживал совместно во дворе, построенном на территории Тарского острога [22].

В третьем дворе д. Ананьиной проживала семья пешего казака Посничка Артемьева Поморца, которому также принадлежала одна из заимок в окрестностях Ананьиного озера [23]. Другая заимка была распахана пешим казаком Федкой Афанасьевым Крыловым и состояла из 18 четей перелога и сенных покосов на 300 копен [24].

Таким образом, на берегу Ананьиного озера поселились сослуживцы – пешие казаки Неупокойко Герасимов, Посничко Артемьев Поморец и Федка Афанасьев Крылов, – и их родственники (отец Неупокойки Герасимова – конный казак Герасимко Иванов Попов). Судя по наличию заимок, к моменту составления дозора 1623/24 г. д. Ананьиная расширялась.

Ананьевские луга, облюбованные пешими казаками, привлекли внимание их нового атамана – Степана Афанасьева Скуратова, – который в 1638 г. получил по челобитной сенные покосы в лугу аялыньских татар Верхних юрт. Владение этими покосами было подтверждено потомками атамана Степана Скуратова в 1677 г. и внесено в Дозорную книгу 1701 г. [25].

На протяжении XVII в. население д. Ананьиной росло медленно: в деревне появились только две новые фамилии – Мосеевы и Скуратовы, связанные узами родства: внук атамана Степана Скуратова – Григорий, служивший рейтаром в 1670-х гг., – был женат на представительнице стрелецкого клана Мосеевых. В начале XVIII в. в д. Ананьиной проживал рейтарский сын Бориско Григорьев Скуратов, владевший, как и его предки, сенными покосами на сто копен на берегу озера. Собственных пашенных угодий Борис Скуратов не имел, поэтому обрабатывал поле в одну десятину на земле своего дяди стрелецкого сына Микитки Мосеева [26]. Вскоре, между 1701 и 1747 гг., из Тары в д. Ананьину переезжают братья Бориса Григорьева Скуратова – Осип, Иван и Петр, – а позднее к ним присоединяется еще один брат – Федор. На казачью службу они не были поверстаны, поэтому в переписях населения 1747 г. и 1763 г. были записаны разночинцами [27].

К моменту проведения второй ревизии населения России, проходившей в Тарском уезде в 1747 г., самым крупным семейным кланом в д. Ананьиной стали Неупокоевы, представленные пятью семьями (26 чел. м.п.), вторым по значимости являлся клан Скуратовых, состоящий из четырех семей (14 чел. м.п.) [28]. К 1747 г. население деревни увеличилось за счет причисления к д. Ананьиной бывших тарских служилых людей, вывезенных из Джунгарии во время размена полоном. В плен к джунгарам тарчане попали в 1716 г. «во время Ямышевской баталии», а после возвращения в Россию, при проведении ревизии, они были причислены в разночинцы. Среди вырученных пленников оказался уроженец д. Ананьиной Иван Иванов сын Попов (1692–1755), чей брат – Степан, – по-прежнему проживал с семьей в родной деревне. После освобождения из плена Иван Попов вернулся в д. Ананьину, где вместе с ним поселились и другие бывшие пленники джунгар со своими семьями (всего 17 чел. м.п.) [29]. Причем это были уроженцы деревень, расположенных неподалеку от д. Ананьиной и родственники бывших военнопленных по-прежнему проживали в с. Усть-Тарском (Масловы и Фроловы), д. Евгациной (Евгацины) и д. Мешковой (Чинянины). К моменту проведения ревизии населения 1763 г. в д. Ананьиной поселяется ещё несколько уроженцев д. Евгациной – это отставной казак (Евгачин) и казачьи дети, признанные неспособными к воинской службе (Кучюмов и Горшков) [30].

Между 1747 и 1763 гг. в д. Ананьиной поселился еще один бывший пленный, но уже «кыргызского владельца», Василий Козьмин сын Копейкин (1702 г.р.), который, будучи в возрасте 61 года, был женат на Степаниде Васильевой 28-ми лет и имел трех сыновей (в возрасте от одного года до четырех лет), рожденных после его возвращения из плена [31]. Семьи бывших пленных так и не смогли прижиться в д. Ананьиной и к 1782 г. они исчезают из состава жителей этого населенного пункта.

В дальнейшем, вплоть до разъезда деревни, сохранится тенденция использования д. Ананьиной для поселения в ней маргинальных групп. Так, в 1760-х гг. в деревню была водворена группа поселщиков из д. Чекуриши, семь человек из которых, к 1771 г. были отданы в рекруты [32]. В 1850-х гг. в деревню причислили группу «поселенческих детей» (9 м.п. и 6 ж.п.) [33]. Большинство насильно поселенных жителей надолго в деревне не задерживались и, будучи зафиксированными в материалах одной переписи, их следы терялись к моменту проведения следующей ревизии населения.

* Иван Попов стал родоначальником двух семейных кланов, широко расселившихся в Тарском Прииртышье, Неупокоевых и Уразовых

В середине 1780-х гг. временно в д. Ананьиной проживало три семьи старообрядцев из г. Ишима [34], решивших поселиться в тарских урманах. Они основавшие д. Ишимку в последствии получившую современное название Сыщиково. Именно в д. Сыщиково на рубеже XVIII–XIX вв. начнут перебираться представители семейства Скуратовых.

Не смотря на сложную переселенческую историю д. Ананьино, когда на протяжении XVIII в. здесь пытались обосноваться представители 28 различных фамилий, основным населением являлись семьи старожилов, происходившие от тарских стрельцов Поповых, Неупокоевых, Мосеевых и Скуратовых. На протяжении XVIII в. численность старожильческих семей стабильно составляла более 70 % от общего населения деревни. По материалам ревизий населения XVIII–XIX вв. можно проследить динамику фамильно-семейного состава старожильского населения д. Ананьино (Таб. 1).

В первой половине XVIII в. самым разросшимся кланом д. Ананьино были Неупокоевы: согласно данным переписи населения 1763 г. в четырех семьях, носивших эту фамилию, было объединено 66 человек обоого пола (в среднем 16,5 человек в семье) [35], что составляло 44 % населения деревни. Однако между ревизиями 1763 г. и 1782 г. Неупокоевы начинают разъезжаться из Ананьино, переселяясь как в крупные населенные пункты (с. Логиново, с. Усть-Тарское, д. Большерецкую), так и в небольшие деревни (Колбышево, Могильно-Старожильскую, Черняеву, Кореневу, Заливину).

Таблица 1

Динамика численности старожильческих семей д. Ананьино в XVIII – первой половине XIX вв.

Год	Количественные показатели	Фамилии				
		Мосеевы	Неупокоевы	Поповы	Скуратовы	Всего
1701 г.	Количество семей	3	4	1	1	9
	Населения обоого пола	6	11	3	1	21
	Процент от общего количества населения деревни	29	52	14	5	100
1782 г.	Количество семей	2	3	-	3	8
	Населения обоого пола	13	32	1	44	90
	Процент от общего количества населения деревни	11	26	1	36	74
1801 г.	Количество семей	1	4	-	6	11
	Населения обоого пола	9	31	-	43	83
	Процент от общего количества населения деревни	7	24	-	41	72
1858 г.	Количество семей	-	-	-	1	1
	Населения обоого пола	-	-	-	7	7
	Процент от общего количества населения деревни	-	-	-	12	12

В связи с переездом Неупокоевых в другие деревни Тарского Прииртышья, к началу 80-х гг. XVIII в. процентное соотношение между старожильческими родами в д. Ананьино изменилось в пользу Скуратовых (Табл. 1) и уже в начале XIX в. 41 % населения деревни являлись носителями этой фамилии. Средняя людность в семьях Скуратовых в начале XIX в. составила 8,8 человек [36].

Несмотря на то, что Скуратовы цепко держались за родные места, тенденция к разъезду деревни четко обозначилась к началу XIX в. Еще в 1787 г. д. Ананьино состояла из 27 дворов с населением 127 человек обоого пола (в среднем 6 человек на один двор), в 1801 г. поселение состояло уже из 15 домов с населением 131 человек обоого пола [37]. В начале XIX в. деревню окончательно покидают Мосеевы, которые перебираются в населенные пункты, расположенные на правом берегу Иртыша – в Евагацино, Заливино и Шуево. В 1828 г. из деревни уезжает последняя семья Неупокоевых, переселившись к родственникам в д. Заливино [38]. Из четырех старожильческих фамилий д. Ананьиной к концу 50-х гг. XIX в. сохранилась лишь фамилия Скуратовых, представленная в ревизии 1858 г. одной семьей, т.к. остальные перебрались в первой трети XIX в. в с. Усть-Тарское и д. Сыщикову [39].

В 1850 г. в д. Ананьино проживало всего четыре семьи или 24 человека обоого пола [40], но и спустя 18 лет, в 1868–1869 гг. деревня состояла из трех дворов, в которых проживало 27 человек [41]. Окончательная дата разъезда деревни не известна, но к моменту проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. д. Ананьиной уже не существовало.

Система жизнеобеспечения деревни Ананьино.

Раскопанные усадебные комплексы по находкам монет относятся ко второй половине XVIII в. (крайние даты 1739–1793 гг.) – периоду, когда в деревни проживало максимальное количество населения со сложившейся системой жизнеобеспечения.

Основой этой системы является жилище. Археологические материалы свидетельствуют, что жилые комплексы имели развитую структуру и представляли собой многокамерное (изба-сени-клеть), большое по площади (до 60 м²) жилище. О.Н. Шелегина считает, что такие дома были у богатых крестьян и в них жили семьи из 10 и более человек [42]. Это согласуется и с архивными данными. Как указано выше, в середине XVIII в. в семьях Неупокоевых в среднем было по 16,5 человек и представители этого рода составляли 44% всех жителей деревни. Археологический материал свидетельствует о зажиточности владельцев раскопанных усадеб. Найдены фрагменты китайского фарфора, стеклянных штофов, флаконов, шаров-игрушек, большого количества монет, бус [43]. Обязательным элементом трехчастного жилища-связи в Ананьино был неглубокий подпол. Особенностью можно считать отсутствие подклета. Внутренняя планиграфия соответствует севернорусской традиции с глинобитной печью справа от входа. Печи были средних размеров примерно 200x150 см.

Для строительства домов использовали хвойные породы дерева и все известные способы разделки бревен [44], а так же разные строительные приемы: венцы стен соединяли в «набирку», в угол, используя пазы в чашу, в лапу, в «обло». Есть примеры комбинирования разных приемов в строительстве одного жилища. Окна и двери были косячные, найден фрагмент наличника, в оконницы вставляли слюду, полы сделаны из широких (до 60 см) плах. Двери закрывали на щеколды и навесные замки (обнаружено два разных типов), от которых найдены ключи разных размеров. Усадьбы огораживались частоколами и имели ворота, от которых сохранились навесы.

Строительный инструментарий представлен находками скобеля для ошкуживания бревен, двух видов черты для разметки продольного паза, стамески, деревянных лопаток для подбивания мха в пазы. Ямы под столбы копали деревянными лопатами с железным наконечником. Использовали разного размера шпильки, скобы и гвозди. В интерьере домов присутствовали сундуки, от которых сохранились фигурные детали металлической обивки, замки. Освещались жилища с помощью лучин, о чем свидетельствуют светцы разных типов: одно-лучинные, которые были распространены на Руси в XIII в., и двух-лучинные [45].

С жилищем и обеспечением жизненных потребностей связана система питания и домашняя утварь, необходимая для приготовления пищи, а также костюмный комплекс.

В коллекции памятника набор домашней утвари, прежде всего керамической, многообразен и представлен. Это посуда для приготовления пищи (горшки, сковороды, корчаги, латки и квашенки), посуда для хранения продуктов (жбаны, кубышки, кувшины, крынки), столовая посуда (миски, плошки, кружки, сливочники, солонки). Кроме глиняной, в употреблении была деревянная – чашки, ведра, бочки, ушаты – от которых сохранились клепки разных размеров берестяная посуда: туеса и короба. Использовали ананьинцы фарфоровую посуду: чайные чашки и заварники; стеклянные штофы. Отличительной от города чертой является незначительное количество металлической посуды – чугунок, сковород, – вероятно, они появляются в деревне позднее. Хотя материалы таможенных книг г. Тары начала XVIII в. свидетельствуют о привозе «железных сковород» тарскими казаками из Тобольска [46].

Представителен набор ножей разных типов и размеров. Для помещения посуды в печь использовали железные ухваты и чепельники. Ложки были деревянные, из-за особенностей культурного слоя в Ананьино они не зафиксированы, но широко представлены в слоях XVII–XVIII вв. в г. Таре.

Реконструировать костюмные комплексы сложно из-за небольшого количества текстильных образцов. Анализ имеющихся материалов показал, что одежду изготавливали из шерстяных и растительных тканей домашнего производства [47]. Использовали разные виды пуговиц:

гирьковидные, костяные и бронзовые в форме заклепок, полые штампованные с петелькой. В качестве аксессуаров употребляли бусы и подвески с бусинами или поделочным камнем. Кукрашениям тела относятся серьги, представленные в коллекции фрагментами. Предметами личного потребления, которые также можно отнести к аксессуарам, являются костяные гребни. В коллекции имеются односторонние гребенки, в том числе с фигурным оформлением верхней части, которые применяли для украшения прически, и двусторонние гребни с орнаментом в средней части. Еще одной деталью костюма, имеющей отношение к сфере духовной культуры, можно считать предметы личного благочестия – нательные кресты, зафиксированные в погребальном комплексе. Обувь представлена преимущественно чирками, хотя найдены кожаные многослойные наборные каблуки и металлические супинаторы, свидетельствующие о существовании обуви на каблучке (сапоги, туфли). В большом количестве представлены обувные и ременные пряжки.

Как видно из архивных документов первый этап формирования системы жизнеобеспечения был связан с освоением территории под пашни и сенокосы. С появлением здесь постоянного населения, кроме сельскохозяйственных угодий, активно начинают использоваться озерные и речные ресурсы и лесные богатства. В результате складывается комплексная система хозяйства.

Главной отраслью, конечно, было земледелие. Становление и развитие сибирской пашни на основе архивных документов описано в трудах отечественных историков [48; 49; 50; 51]. Письменные источники указывают на владения жителями Ананьино пашнями, землями под перелог и целиной. Археологические свидетельства представлены находками инвентаря: серпов, кос горбуш, карпологическими материалами из которых следует, что жители Ананьино выращивали овес и просо [52], свидетельства культивирования пшеницы и ржи не попали во взятые образцы культурного слоя памятника, но в письменных источниках такие данные имеются [53]. Косвенным свидетельством земледельческой направленности хозяйства является наличие половинок и фрагментов жерновов [54] и данные из письменных источников о мельнице на речке Пятовой.

Мельница была построена в 1698 г. и принадлежала конному казаку Семену Иванову Неупокоеву. Она предназначалась для личных нужд семейства Неупокоевых. Как сказано в описании мельниц Тарского уезда 1705 г.: «... а мелет он Семен на той своей мельнице всякого хлеба про свою домовую нужду четвертей по три и по семи в год в московскую меру, а постороннего молотья никогда хлеба не мольвал» [55]. Поскольку речка Пятова была мелка и летом пересыхала, а зимой насквозь промерзала, мельница работала лишь в весеннее время «наборною снежною водою». Мельница представляла собой плотину «... меж берегом три сажени, а к берегу стены две сажень, жернов двенадцати вершков» [56]. Всего же в Тарском уезде в начале XVIII в. было 8 мельниц, из которых шесть приносили доход и облагались налогом в пользу государства [57].

Второй важной отраслью хозяйства было скотоводство. По данным Дозорной книги Тарского у. 1701 г. три семьи Неупокоевых имели 6 лошадей, 7 коров, 5 овец; две семьи Моисеевых – 4 лошади, 4 коровы; в хозяйстве семьи Поповых насчитывалось всего 2 лошади и 2 коровы [58]. Кроме того в источниках есть указания на пастбища, огороженные поскотиной и сенокосные угодья с которых получали по 100–300 копен. Археологические свидетельства этой отрасли хозяйства представлены в виде многочисленных костей животных. Определения этого материала позволили сделать вывод о преобладании (80 %) костей домашних животных. По процентному соотношению в стаде доминировали крупный рогатый скот и свинья: 51 % и 38 %. Кости мелкого рогатого скота и лошади малочисленны и составляют лишь 3 % и 7 % соответственно [59]. Такое соотношение домашних животных в стаде свидетельствует о том, что держали большое количество крупного рогатого скота, который разводили в основном для получения молока и мяса. Свиной выращивали для получения мяса и сала, что характерно для структуры хозяйства русских сибиряков XVIII в.

Скотоводческого инвентаря найдено немного, в основном это детали конской упряжи – удила, ременные пряжки, стремя. Костный материал культурного слоя свидетельствует о занятии птицеводством. Разводили кур, уток, гусей. Кроме употребления их мяса в пищу, использовали и для получения яиц. На это указывает находки одного каменного и нескольких глиняных яиц-подкладышей, яичной скорлупы в культурном слое и горшках с поминальной пищей на кладбище. Держали кошек и собак.

Дополнительным, но весьма существенным элементом хозяйства было рыболовство. В описании рыбных ловель Тарского у. на 1705 г. в д. Ананьино упоминаются три разновидности лова рыбы: сетевой, кривдой (вид лова на реке в половодье – кривда небольшая сеть с карманом на длинном шесте, которую ставят близко к берегу, где образуются заводи с омутами и течением) и «зимний лов удою» [60].

Река Иртыш и озеро Ананьино давали большой объем разных видов рыбы, о чем свидетельствуют по данным археологии разнообразные орудия лова, многочисленные кости и чешуя, которые зафиксированы в культурном слое поселения и в заполнении горшков с поминальной пищей на кладбище. Рыбу ловили сетями и неводами, что подтверждается находками деревянного весла, деревянных и берестяных поплавок и разнообразных по форме и весу глиняных и каменных грузил; с помощью разного вида гарпунов (железных, костяных); на удочку – найдены свинцовая блесна и

множество железных крючков разного размера; самоловами с крючками больших размеров; мордужками, изготовленными из прутьев и лучин.

Деревня располагалась в таежной зоне, поэтому охота и сбор даров леса тоже были важной частью системы жизнеобеспечения. Анализ костей из культурного слоя показал большой процент диких животных на Ананьино (около 20 %). Охота имела два выраженных направления: это мясная охота на диких копытных (косуля, лось); пушная охота, где основным промысловым видом был заяц (77 % от всех диких животных), вероятно население Ананьино вело его целенаправленный промысел. Кроме животных охотились на «боровую птицу» (тетерев) [59]. Охотничий инвентарь представлен, в основном, находками костяных и железных наконечников стрел: плоских, трех- и четырехгранных. Обнаружение пуль и пулелейки дает основание предположить использование огнестрельного оружия. Кроме того, существовали и пассивные виды охоты с помощью петель, капканов. Карпологические материалы позволяют сделать вывод о сборе пищевых дикорастущих растений: малины, земляники [61]. Зафиксирована скорлупа кедровых орехов.

К домашним занятиям, свидетельства которых фиксируются в археологическом материале, можно отнести прядение и вязание. Пряли шерсть домашних животных, из которой вязали варежки, носки. Вязальные костяные иглы довольно распространенная находка, есть в коллекции и шерстяные нитки. Известны и швейные принадлежности: игольники из кости и железные швейные иглы. Распространено было плетение сетей с помощью костяных кочедыков и игл, для определения размера ячеи использовали деревянные дощечки.

Несмотря на близость деревни к г. Таре существовало гончарное производство. Обилие керамического материала позволяет проследить разнообразие типов и форм посуды и сделать вывод, что она производилась на месте в домашних условиях и обжигалась в русской печи. На рынке в Таре и у заезжих торговцев покупали, чаще черно- и коричнево- лощеную посуду, реже гончарную с горновым обжигом и поливную.

Судя по заготовкам орудий (наконечники стрел, кочедыки) существовал косторезный промысел.

Археологические материалы позволяют реконструировать элементы досуговой культуры. В коллекции памятника зафиксированы детские игрушки: миниатюрные глиняные сосуды, имитирующие бытовую посуду, и аптекарские флаконы. Несколько таких предметов было найдено в межмогильном пространстве среди детских погребений на кладбище. К детским игрушкам можно отнести лодочки, сделанные из сосновой коры, фрагменты стеклянных шаров и глиняные шарики для пращи, которые находят аналогии в Мангазее [62]. Представителен набор костей для игры в бабки, и глиняных фишек для игры в креймешки (камешки).

Выходом на реконструкцию элементов духовной культуры является погребальный обряд. Кладбище располагалось к юго-западу от деревни за небольшим ручьем. Раскопано 56 захоронений. Погребальный обряд был традиционным для православного населения XVII–XVIII вв. [63]. Хоронили в неглубоких ямах в деревянных долбленых колодах. Умерших укладывали вытянуто на спине, головой на запад. Погребальная одежда, фрагменты которой сохранились благодаря контактам с медными нательными крестами, была из домотканого текстиля [64]. Нательные кресты зафиксированы в 90% могил. Встречены экземпляры с эмалью и позолотой. Интересен поминальный комплекс у группы детских погребений. Он включал глиняные горшки с остатками поминальной пищи, в которую входила рыба и яйца, кроме этого рядом с могилами найдено несколько детских игрушек.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что корреляция археологических и письменных источников очень продуктивна для исторических реконструкций. В итоге получилось проследить историю формирования деревни, охарактеризовать ее население, выявить основные хозяйственные занятия. Анализ коллекции артефактов, построение ландшафтной модели памятника и изучение раскопанных построек позволили рассмотреть практически все элементы системы жизнеобеспечения населения деревни Ананьино.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.201.

Примечания:

1. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований) / Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2014. 374 с.

2. Миллер Г.-Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сёл, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска

- // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. С. 75-99.
3. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 229 с.
 4. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
 5. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.
 6. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука, 1992. 256 с.
 7. Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 65-81.
 8. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири XVIII – начала XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск: Изд-во Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
 9. Татаурова Л.В. Система жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. по данным археологии: возможности, проблемы, перспективы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С.666-669.
 10. Белов М.И., Овсяников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. II. 147 с.
 11. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
 12. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: Кожаные Изделия (Материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2011. 216 с.
 13. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002. 194 с.
 14. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. 204 с.
 15. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 415 с.
 16. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. 440 с.
 17. Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии Омск: Изд-тво Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.
 18. Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст: В 2-х томах. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. 320 с., Т. II. 184 с.
 19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390–390 об.
 20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390.
 21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390 об.
 22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391 об.
 23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390 об.–391.
 24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391.
 25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 187 об.
 26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 187 об.
 27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 104 об., 105 об.; Д. 3521. Л. 233, 234 об., 236 об.–237.
 28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 104 об. – 107.
 29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 107 об. – 108.
 30. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 238 – 238 об.
 31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 238.
 32. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 345.
 33. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 883. Л. 282 об. – 284 об.
 34. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 9. Л. 143 об.
 35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 233 об. – 236.
 36. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 40. Л. 813–814.
 37. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 40. Л. 143 об., 814 об.
 38. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 455. Л. 50.

39. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 301. Л. 50 об.
40. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 643. Л. 273–277.
41. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. Тобольская губерния. – СПб., 1871. – 472 с.
42. Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 65-81.
43. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований) / Татаурова Л.В. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2014. 374 с.
44. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.) Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. 144 с.
45. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65: Труды новгородской археологической экспедиции. С. 7-120.
46. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л.
47. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-1 и Ананьино-1 // Культура русских в археологических исследованиях Омск, 2008. С. 326-333
48. Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 375 с.
49. Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири. М.: Наука, 1984. 231 с.
50. Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 1999. 106 с.
51. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.
52. Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2011. С. 323-332.
53. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 229 с.
54. Толпеко И. В. Жернова в материалах русских памятников Тарского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. С. 304-307.
55. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 557.
56. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 557.
57. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 560.
58. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185-187об.
59. Явшева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2008. С. 356-367.
60. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1403. Л. 622-622об.
61. Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2011. С. 323-332.
62. Пархимович С.Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. С. 253-267.
63. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: «Апельсин», 2010 284 с.
64. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-1 и Ананьино-1 // Культура русских в археологических исследованиях Омск, 2008. С. 326-333

References:

1. The Adaptation of Russians in Western Siberia in the end of XVI –beginning of XVIII centuries (on the materials of archaeological studies) / Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. – Омск: «Izdatel'-Poligrafist», 2014. – 374 p. (In Russian).
2. Miller G-F. Description of Cities, Castles, Forts, Settlements, Big Villages, Villages, Islands, Rivers, Streams, Lakes and other attractions on the Irtysh River and near him up from the city of Tobolsk // Siberia of the XVIII century in travel descriptions of G.-F. Miller / Contr. Ed. N.N. Pokrovskiy. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SO RAS, 1996. P. 75-99 (In Russian).

3. Apollova N.G. Economic Development in the Irtysh Region in the end of XVI – first half of XIX centuries. M.: Nauka, 1976. 229 p. (In Russian).
4. Vilkov O.N. Craft and Trade in Western Siberia in XVII century. M.: Nauka, 1967. 324 p. (In Russian).
5. Ethnography of the Russian Peasantry in Siberia in XVII – middle XIX centuries. M.: Nauka, 1981. – 270 p. (In Russian).
6. Shelegina O.N. Essays on Material Culture of the Russian Peasants of Western Siberia in the XVIII – first half of the XIX centuries. – Novosibirsk: Nauka, 1992. 256 p. (In Russian).
7. Shelegina O.N. Russian Peasants in Western Siberia: Features of the Material Culture in the XVIII – first half of the XIX centuries // Material Culture of the Peoples of Russia. Novosibirsk: Nauka, 1995. P. 65-81. (In Russian).
8. Shelegina O.N. The Processes of Adaptation in the Life Support Culture of the Russian Population of Siberia in the XVIII – beginning of the XX centuries (By the statement of the problem). Novosibirsk: **Publishing House “Sibirskaya Nauchnaya Kniga”, 2005**. 192 p. (In Russian).
9. Tataurova L.V. The System of the Life Support in Siberian Village in the XVII–XVIII centuries according to archeology: opportunities, problems and prospects // Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. – Kazan: «Otechestvo», 2014. Vol. III. P. 666-669. (In Russian).
10. Belov M.I., Ovsyanikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya: Material Culture of the Russian Polar Navigators and Explorers in the XVI–XVII centuries. M.: Nauka, 1981. P. II. – 147 p. (In Russian).
11. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: New Archaeological Studies (Proceedings 2001-2004). – Ekaterinburg; Nefteugansk: **Publishing House “Magellan”, 2008**. 296 p. (In Russian).
12. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G., Kurbatov A.V. Mangazeya: Leather Products (Proceedings 2001-2007). – Ekaterinburg: **Publishing House “Magellan”, 2011**. – 216 p. (In Russian).
13. Tchornaya M.P. Tomsk Kremlin in the middle of XVII and in the XVIII centuries. – Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 2002. – 194 p. (In Russian).
14. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing Office of the Omsk Pedagogical University, 2002. – 204 p. (In Russian).
15. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing Office of the OSU, 2005. – 415 p. (In Russian).
16. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. **Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008**. – 440 p. (In Russian).
17. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Interdisciplinary Methods and Technologies. Omsk: Publishing Office of the Omsk Institute (Branch) of the Russian State University of Trade and Economics, 2011. – 430 p. (In Russian).
18. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, Ekaterinburg: **Publishing House “Magellan”, 2014**. Vol. I. 320 p., Vol. II. 184 p. (In Russian).
19. Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390–390 rev. (In Russian).
20. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390. (In Russian).
21. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390 rev. (In Russian).
22. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 391 rev. (In Russian).
23. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390 rev. 391. (In Russian).
24. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 391. (In Russian).
25. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 187 rev. (In Russian).
26. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 187 rev. (In Russian).
27. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 104 rev., 105 rev.; C. 3521. S. 233, 234 rev., 236 rev.–237. (In Russian).
28. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 104 rev. – 107. (In Russian).
29. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 107 rev. – 108. (In Russian).
30. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 238 – 238 rev. (In Russian).
31. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 238. (In Russian).
32. State Institution of the Tyumen region "State Archives in Tobolsk" (SITR SAT). F. 154. Inv. 8. C. 31. S. 345. (In Russian).
33. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 883. S. 282 rev. – 284 rev. (In Russian).
34. State Historical Archive of Omsk Region (SHAOR). F. 16. Inv. 2. C. 9. S. 143 rev. (In Russian).
35. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 233 rev. – 236. (In Russian).
36. SHAOR. F. 16. Inv. 2. C. 40. S. 813–814. (In Russian).
37. SHAOR. F. 16. Inv. 2. C. 40. S. 143 об., 814 rev. (In Russian).
38. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 455. S. 50. (In Russian).
39. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 301. S. 50 rev. (In Russian).
40. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 643. S. 273–277. (In Russian).
41. List of Localities According to the 1868-1869 Period. Tobolsk Province. – S.-Pb.: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1871. – 472 p. (In Russian).

42. Shelegina O.N. Russian Peasants in Western Siberia: Features of the Material Culture in the XVIII – first half of the XIX centuries // Material Culture of the Peoples of Russia. Novosibirsk: Nauka, 1995. P. 65-81. (In Russian).
43. The Adaptation of Russians in Western Siberia in the end of XVI –beginning of XVIII centuries (on the materials of archaeological studies) / Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. – **Omsk: «Izdatel’-Poligrafist», 2014.** – 374 p. (In Russian).
44. Mainitcheva A.Iu. Architectural Traditions of the Peasantry in the Northern Part of the Upper Ob: problems of the evolution and the contacts (**середина XIX– начало XX в.**) – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SO RAS, 2002. – 144 p. (In Russian).
45. Kolchin B.A. Iron-craft in the Novgorod the Great // MIA. – **М.**, 1959. – № **65: Proceedings of the Novgorod archeological expedition.** – P. 7-120. (In Russian).
46. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1339. S. 461. (In Russian).
47. Glushkova T.N. Tissue from the XVII century Russian cemeteries Izyuk-I and Ananyino-I // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. – **Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008.** – P. 326-333. (In Russian).
48. Bachrushin S.V. Scientific Works. – **М.:** Publishing House of the AS of USSR, 1955. – Vol. 3. – Part 1. – 375 p. (In Russian).
49. Vlasova I.V. Traditions of peasant land use in Pomorie and Western Siberia.– **М.:** Nauka, 1984. – 231 p. (In Russian).
50. Kolesnikov A.D. Omsk Cropland. Settlement and Agricultural Development of the Irtysh Region in XVI – beginning XX centuries. – Omsk: «Izdatel’-Poligrafist», 1999. 106 p.
51. Shunkov V.I. Essays on the History of Agriculture in Siberia (XVII c.). **М.:** Publishing House of the AS of USSR, 1956. 432 p. (In Russian).
52. Corona **О.М.**, Tataurova L.V. The Economic Activity of the Population of Russian Monuments in Omsk Irtysh Region on Carpological Data // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. **Omsk: “Apelsin”, 2011.** P. 323-332. (In Russian).
53. Apollova N.G. Economic Development in the Irtysh Region in the end of XVI – first half of XIX centuries. **М.:** Nauka, 1976. 229 p. (In Russian).
54. Tolpeko I. V. Millstone in Materials of the Russian Monuments in Tara-Irtysh Region // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, **Ekaterinburg: Publishing House “Magellan”, 2014.** Vol. I. P. 304-307. (In Russian).
55. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 557. (In Russian).
56. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 557. (In Russian).
57. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 560. (In Russian).
58. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 185-187 rev. (In Russian).
59. Javsheva D. A., Nekrasov A. Ie., Tataurova L. V. Livestock and Hunting of the Russian population in the Irtysh forest-steppe zone // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: **Publishing House “Apelsin”, 2008.** P. 356-367. (In Russian).
60. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1403. S. 622-622 rev. (In Russian).
61. Corona **О.М.**, Tataurova L.V. The Economic Activity of the Population of Russian Monuments in Omsk Irtysh Region on Carpological Data // – **Omsk: “Apelsin”, 2011.** P. 323-332. (In Russian).
62. Parkhimovich S.G. Children’s Toys in the Russian Settlements in the North of Siberia from the end of XVI to the XVIII centuries // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, Ekaterinburg: **Publishing House “Magellan”, 2014.** Vol. I. P. 253-267. (In Russian).
63. Tataurova L.V. The funeral Rite of the Russians in the Middle Irtysh XVII-XIX centuries, based on complex Izyuk-I. – **Omsk: “Apelsin”, 2010.** – 284 p. (In Russian).
64. Glushkova T.N. Tissue from the XVII century Russian cemeteries Izyuk-I and Ananyino-I // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. – Omsk: **Publishing House “Apelsin”, 2008.** P. 326-333. (In Russian).

УДК 904

**Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв.
(по археологическим и письменным источникам)**

¹Лариса Вениаминовна Татаурова

²Анна Алексеевна Крих

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
644077, г. Омск, Пр. Мира, 55 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: li-sa65@mail.ru

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
644077, г. Омск, Пр. Мира, 55 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: novoselovaa@rambler.ru

Аннотация. В сибиреведении система жизнеобеспечения русского населения пока не стала объектом специального исследования. Отдельные ее элементы рассматривались историками и этнографами, для которых основой реконструкций системы жизнеобеспечения становились архивные материалы XVII–XVIII вв., характеризующиеся фрагментарностью. В последней четверти XX века существенно расширились раскопки памятников Нового времени, но публикации ученых на основе археологического материала тоже характеризовали только части системы жизнеобеспечения. Тем не менее, археологические исследования позволяют по-новому взглянуть на жизнь и быт русских сибиряков. В статье на примере одного из старейших сельских населенных пунктов юга Западной Сибири – д. Ананьино, – предпринята попытка реконструкции системы жизнеобеспечения русских сибиряков в XVII–XVIII вв. на основе корреляции археологических и письменных источников. Архивные материалы позволили проследить появление этой деревни и охарактеризовать ее население, выявить основные хозяйственные занятия (размеры и виды пашни, сенокосные угодья, количество скота и состав стада у отдельных хозяев). Археологические материалы существенно дополняют эти сведения благодаря проведенным палеозоологическим, карпологическим исследованиям. Кроме того, анализ представительной коллекции артефактов, построение ландшафтной модели памятника и изучение раскопанных построек позволили рассмотреть практически весь комплекс материальной культуры и выйти на реконструкцию элементов духовной культуры населения деревни Ананьино. Подобных комплексных исследований для периода XVII–XVIII вв. в Сибири не проводилось.

Ключевые слова: русские Сибири, археология, письменные источники, история формирования деревни Ананьино, система жизнеобеспечения.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 491-498, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
Prospekt Lenina 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk Region 620002

Dr. (History), Researcher

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The actual article deals with the issue of Russia's territorial size as an argument in 18th century political debate on domestic affairs. The early 18th century authors, like Feofan or V. N. Tatishchev, were arguing that **Russia's monarchical form of government, military strength**, and control over vast territory are interconnected, and that such beneficial interconnection could be proved with the historical examples. Such attitude first appeared as a rhetorical borrowing from the Western tradition, yet it soon was tested in an actual debate following the political crisis of 1730. After that, the territorial arguments in favor of Russian monarchy became a cornerstone of a wide intellectual tradition. Therefore, to challenge the monarchical form of government in Russia, radical thinkers and writers had to deal mainly with historical arguments on military power and territorial control.

Keywords: form of government, monarchy, republic, Russian Empire; V.N. Tatishchev, Feofan Prokopovich, territorial size.

Введение

Американский специалист по российской истории Д. Гриффитс в знаменитой статье «Екатерина II: императрица-республиканка» отмечал: «В Европе в XVIII веке было широко распространено убеждение, что политическая структура государства должна соответствовать его особенностям, и одним из наиболее важных факторов признавался размер государства. Лучше, чтобы крупными государствами управляли монархи или деспоты, а республиканские черты больше подходят меньшим образованиям» [1]. Гриффитс затрагивает важное для российской политической мысли противопоставление республики и монархии по их территориальной протяженности и военной мощи. Ниже я постараюсь показать, насколько важным это противопоставление было для политической мысли российского XVIII в.

Методы и материалы

Секуляризация политического пространства в России рубежа XVII–XVIII вв. привела к тому, что российская элита начала использовать глоссарий форм правления в политическом творчестве. Это, в свою очередь, означало появление в центре внимания категории пространства, которая практически не волновала мыслителей допетровской России [2].

Несмотря на то, что в своем исходном – античном – варианте глоссарий форм правления не предполагал ни прямой связи с территориальными характеристиками государства, ни с их военной мощью (хотя, как отмечено выше, республики считались более мощными в военном отношении, нежели монархии), к XVI в. для целого ряда авторов эта связь стала аксиомой. Так, Самуэль Пуфендорф писал в трактате «De jure naturae et gentium» (1672) о том, что более крупные государства с рассеянным по территории населением должны быть монархиями [3]. Аналогично высказывался и Монтескье в трактате «О духе законов» (1748), резюмируя свои идеи о разложении форм правления при изменении территориальных размеров государства [4].

Идея о военном превосходстве монархии и ее предрасположенности к территориальному расширению может считаться одним из общих мест в политической философии Нового времени. Такие рассуждения можно встретить, например, в «Institutions Politiques» барона Бильфельда [5], которые пользовались в России вниманием и, в частности, послужили источником материала для «Наказа» Екатерины II. В начале трактата Бильфельд, говоря о сравнительных преимуществах различных форм правления, прямо указывает на военное превосходство монархий, где приказы отдаются быстрее и выполняются лучше, чем в республиках, а также на стремление народов – как древних, так и современных – к единоначалию во время войны. И хотя Бильфельд предостерегал своих читателей о том, что даже самые могущественные монархи Государи не должны презирать могущества республик (ссылаясь, прежде всего, на пример Римской республики!), он все же решительно отказывал республикам в способности к расширению и удержанию пространственных территорий. А уж демократические республики «должны принять за достоверное правило, что их участь не та, чтоб возвышаться <...> что политическая машина, составленная из толика множества малых пружин, всечасно разстроивается, и не может никогда произвести великого действия. И так демократическая республика должна предполагать себе предметом сохранение свое, а не увеличение». Таким республикам лучше всего соблюдать нейтралитет, чтобы «не впасть в нещастие той овцы, которая договор со львом заключила» [6].

Разумеется, были и исключения: например, такой влиятельный автор, как Эмер де Ваттель, рассуждал о «силе» наций во время войны, не делая никаких различий в отношении формы правления [7]. В свою очередь, республиканский аргумент всегда мог быть оживлен с помощью греко-римских исторических примеров (о них, как видно из цитаты Бильфельда, никогда полностью не забывали). Как бы то ни было, российские элиты, используя заимствованный из Европы глоссарий форм правления в своей политической деятельности, столкнулись с проблемой территориальной протяженности и военного могущества, присущими той или иной форме правления. Поэтому я считаю важным обратиться к проблематике бытования в российской политической мысли концептов пространства и формы правления.

Обсуждение

Именно эта проблема оказалась в центре внимания архиепископа Феофана (Прокоповича), который был прекрасно знаком с глоссарием форм правления. Его «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1716) было в значительной степени посвящено различиям между формами правления. Восхваляя «правительство монаршеское и наследуемое», Феофан ссылаясь на многочисленность исторических примеров (от древних Ассирии, Египта и Израиля до современных Феофану держав) монархического правления. Напротив, примеров республиканской формы правления («речи посполитой») в истории Феофан находит немного и подробно на них останавливается.

«Речь посполитую Польскую» Феофан критикует («вемы, яко крепкое было государство в строю монаршем; не вельми ж еще давно златые оныя узы на себе растерзало, и не мое есть рассуждати, не от начала ли широты нынешней начало оскудевати и утесняемо быти»), тогда как «речью посполитой Венецианской» – восхищается (в полном соответствии с классической традицией политической философии Ренессанса). Однако Венеция представляет собой «тело не великое, в едином граде заключенное»; республика, таким образом, пригодна только для маленьких городов, зачастую зависимых от военной мощи соседних монархий. Наряду с Венецией Феофан перечисляет среди таких республик «речь посполитую Генуанскую», «конфедерацию бельгийских ординов»¹, «шванцарскую аристократию» и «ансатские свободные города»². Брешь в аргументации создает «древняя речь посполитая Римская», которая успешно сокрушала своих соседей (среди которых были и монархии), но, по словам Феофана, «о ней же особенные бяху судьбы Божии». К тому же и Римская республика, расширив свои пределы, оказалась подвержена бесконечным гражданским войнам и в итоге «паки в вид монаршеский претворися».

Итак, республики и избираемые монархии являются более слабыми в военном отношении и менее способными удерживать обширную территорию, чем наследственные монархии. Доказав при помощи исторических аргументов превосходство наследственной монархии перед республиками и монархиями выборными, Феофан заключал: «Но что паче всех памятно имать быти в елекциональных державах – великим и частым несогласиям и раздорам место. <...> Всякому бо желательно есть государствати; аще же ни, обаче всяк негодует служити тому, которому вчера друг равный или и суперник был равносильный, чим деется, что многажды с стороны позывают на престол свой, да бы поне равнии в равенстве прибыли».

Это утверждение Феофан соотносит с российской историей: «Как бо немощная была Россия от смерти великаго Владимира, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержески

¹ Феофан, прекрасно зная латинский язык, использовал для обозначения Соединенных Провинций принятое для международных трактатов того времени латинское наименование правящего представительного органа республики – Генеральных штатов: *Ordines Generales Foederatarium Belgii Provinciarum*.

² Имеются в виду вольные и ганзейские города Священной Римской империи.

скипетр на части поломан (что самое было монархии пресечение)! <...> Пресече ток крове царствующия Годуново властолюбие, паки мятеж, паки кровопролития, паки разорения! Но возврати паки милость свою господь, воскреси умершее блаженство наше» [8].

Подобный взгляд на российскую историю, безусловно, опирался на традицию, но одновременно оказался новаторским – сведения «Степенной книги» теперь осмыслились в категориях «форм правления». Важно подчеркнуть, что сам Петр I, по-видимому, смотрел на российскую историю в подобных категориях – об этом говорит сделанный императором черновой набросок предисловия к Морскому регламенту: «Хотя всем есть известно о монархии Российской и ея початии, и что далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем; но оставя сие историкам, возвратимся к состоянию. Онный вышереченный Владимир как владычествовал и храбростию своею зело славен был, но паче прославился приведением своего отечества от тьмы идолопоклонства к свету Христовой веры. Но основав оную, вместо назидания и укрепления, яму к падению учинил, егда сынам своим на 12 частей сию монархию разделил <...> Потом варвары, видя сию махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю под свою область привели. И ежелиб милосердый Господь не воздвиг великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы в идолатство пришли, или бусурманство; который Владимирово вредное дело исправил и расточенную махину паки в гору собрал <...> Но потом, когда сия линия пресеклась злодейством Годунова, тогда через смятение едва паки к падению не пришла, которую дед наш подобными первых дел трудами очистил и успокоил» [9]. Позднее этот петровский набросок был превращен Феофаном в обширный текст, опубликованный в 1720 г. в составе Морского устава. Новаторский характер исторического аргумента, который использовали Петр I и Феофан, понятен лучше, если сравнить его с написанным примерно в то же время «Ядром российской истории» А. И. Манкиева (1715, опубликовано в 1770). Манкиев в соответствии с допетровской историографической традицией сообщает о разделении государства Владимиром в спокойном тоне и никак не связывает его с татарским завоеванием Руси [10]. Как бы то ни было, уже к 1716 г. Феофан располагал исторической аргументацией, позволявшей обосновать связь между формой правления, военной мощью и способностью удерживать обширную территорию.

Если в 1716 году рассуждения Феофана о сравнительной силе республики и монархии были по преимуществу риторическим заимствованием, а основной целью было восхваление «монаршего чадородия», то кризис 1730 г. сделал исторические аргументы Феофана основанием для агитации в пользу монархической формы правления уже в условиях реальной атаки на монархию. Так, 28 апреля 1734 г. Феофан в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны» утверждал, что «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от Философов Еллински монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое Аристократия, или всенародное зовомое Демократия, и другия из них составы, творимыя, были бы у нас не без бедствия» [11].

Это утверждение поддерживается уже знакомыми аргументами. Так, «в древнем Израильском народе, в котором едином было благочестие, хотя и пресекомое, держава была монаршеская, как оно тамо правительство переделалось на аристократию, то и к концу преклонилось». От библейской истории Феофан переходил к истории российской, вновь используя уже знакомые исторические примеры – разделение государства Владимиром и Смутное время. По словам Феофана, со времен Рюрика и до смерти Владимира Россия оставалась монархией, благодаря чему была славной и могучей. Однако затем единое государство распалось на малые княжества: «Хотя же и были те яко бы монархии, хотя звания того недостойныя, но тело всея России принял на себе вид, аки бы аристократии». Как и любую аристократию, Россию поразили гражданские войны, а затем – иноземное нашествие. Лишь божественная милость позволила России воспрянуть благодаря возвращению монархической формы правления: «Дело естественное, премудрым промыслом произвел: отставил то, чем мы прежде были крепки и сильны: упразднил многоначалие, а велел быть самодержавию... Сей правительства образ, а не иной твердых нас делает». В результате «сильна стала Россия, когда самодержавной власти подчинила себя» [12].

Но даже такой горький опыт, по мнению Феофана, «безспокойных голов не научил, как свое добро и зло познавати в самом крепком возмужавшей России возрасте», и государство ждало новое испытание в годы Смуты: «По истреблении растриги, похотелось было неким неединоличнаго начальства верховнаго: избирая на царство Князя Василия Шуйскаго, склонили, или понудили его несамодержавным быти», после чего «вторгнулась в Россию Аристократия» (Феофан творчески переосмыслил старый сюжет о греховной клятве царя Василия Шуйского как «присягу», ограничившую власть монарха и изменившую форму правления). «Многоначалие» вновь пагубно сказалося на военной мощи России, однако страну вновь выручило божественное вмешательство и возрождение монархии [13].

Приведенные исторические примеры позволили Феофану перейти к заключению – актуальным событиям 1730 г.: «Се и в недавняя годы, когда неким похотелось правительства Шуйскаго, что с нами быти имело, не трудно всякому рассудити. Но се ... Бог, подобною древним своим милостям милостию, наступившее оно бедство прогнал, умирающей монархии оживлением, вручив самодержавный скипетр ... Анне» [14].

Аналогичная аргументация присутствует и в принадлежащей Феофану «Истории о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостоинной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержцы всероссийской». В 1730 г. речь шла «о перемене формы или образа царствования», и о том, что «господа верховные иной некой от прежняго вид царствования устроили» – «сковническое торжество или насильство, которая Олигархия у Еллинов именуется». Феофан ссылаясь на исторические примеры, доказывая: «затейка» верховников приведет к тому, что «Россия возимет скарденное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена бедствовала <...> понеже Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетьством храним быть может. А если каковое нибудь иное владение правило восприимет, содержатья ему в целости и благосостоянии отнюдь не возможно» [15].

Сходную аргументацию в пользу монархии использовал и В. Н. Татищев, который тоже был хорошо знаком с глоссарием форм правления. Например, в «Истории Российской» он писал о трех формах правления – монархии, аристократии, демократии – со ссылкой на труды Х. Вольфа. Аристократия, по мнению Татищева, не годится для России, что доказывается катастрофическим падением обороноспособности и разрушительными вторжениями иноземцев.

Татищев соотносит «формы правления» с геополитическими и территориальными характеристиками государства: «В единственных градех и малых областях полития или демократия удобно пользу и спокойность сохранить может. В величайших, но от нападений не весьма опасных, яко окруженны морем или непроходимыми горами, особливо где народ науками довольно просвясчен, аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великия же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии...» Об этом, по мнению Татищева, говорят исторические примеры: греческие и римские республики сохраняли силу и славу до тех пор, пока не начали расширять свои границы. В свою очередь, мощь великих древних монархий (Ассирии, Египта, Персии, Рима и Македонии) прходила в упадок, когда подданные ради своего властолюбия уменьшали власть государей [16].

Аналогичные идеи Татищев использовал в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», дополнительно подчеркивая: «Издrevле утвержденные республики в случаях опасных и трудных монархию вводят хотя и на время, знатно довольно видя, что монархическое правление полезнее» [17]. В «Лексиконе» Татищев, говоря о демократии, не преминул отметить: «Чим такое владение пространнее, тем более бедам подвержено» [18].

Говоря о наиболее подходящей для России «форме правления», Татищев обращается к тем же примерам из истории России, что и Феофан – кризисным моментам после правления Владимира и в период Смутного времени. Так, в своей «Истории», говоря о Владимире Мономахе, он отмечал: «Сей Владимир вшед на престол Киевский, государство Российское, яко республику бедствующую и разоренную от несогласия и убивства междуособнаго наследников Владимира Великаго самодержца Русаго, мышцею своею от погибели воздвиг, и укротив несогласныя языки, все княжения во едино тело совокупив, в Монархию или самодержавство паки привел, того ради силен был всем неприятелям». И лишь при Иване III монархическое правление возродилось, после чего восстановленное «самовластное правление» продержалось до 1614 г., до избрания царем Василия Шуйского. Но при избрании Шуйского вельможи «к великому государственному вреду вымыслили взять на него запись, которою вся власть отнята, а поручена в совет Сената». После лишения Шуйского власти правление и вовсе стало аристократическим. По этой причине государство чуть не распалось на части и едва не было захвачено поляками, «из чего всяк может видеть, сколь монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалается и гинет» [19].

Как и Феофан, к двум историческим сюжетам – распаду Киевского государства и Смутному времени – Татищев добавляет третий, из недавнего прошлого. После успешного правления Алексея Михайловича и Петра I, политическая борьба вспыхнула с новой силой в 1730 г., когда «фамилии римских брутусов» попробовали лишить Анну Иоанновну власти [20].

Представление о связи между формой правления, военной мощью и контролем над территорией утвердилось в России к середине XVIII в., постепенно превратившись в общее место. Так, императрица Екатерина II в одной из своих записок заявляла – в полном соответствии с интеллектуальными поисками первой половины XVIII в.: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников» [21].

К середине XVIII в. территориальный аргумент начал приобретать неприятные коннотации из-за популярности Монтескье. Французский мыслитель обновил набор форм правления, выделив вместо трех форм четыре: демократию, аристократию (объединенные под именем республики),

монархию и деспотию. В сложной социологической системе Монтестье, которая учитывала, кроме прочего, «движущий принцип» каждой из форм, подходящий ей климат и территориальный размер, наиболее крупные державы – это деспотии, которые коренным образом отличаются от монархий. Теперь, в интерпретации Монтестье, территориальный аргумент намекал на то, что Россия – это не монархия, но деспотия.

Неудивительно поэтому, что именно в России это положение Монтестье подверглось критике. Например, с Монтестье не соглашался Ф. Штрубе де Пирмон, который посвятил сочинение «Lettres Russiennes» (1760) полемике с французским мыслителем [22]; при этом Екатерина II, лично делавшая пометки на страницах книги Штрубе, подвергла его аргументы критике, заметив: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь» [23].

Как бы то ни было, аргумент о военном могуществе монархии и присущем ей эффективном контроле над территорией оставался доминантой российской общественной мысли XVIII в. – вне зависимости от того, разделял или нет конкретный автор деспотию и монархию вслед за Монтестье. Высшие сановники России, вне зависимости от взглядов на конфигурацию административных структур, считали монархию, единоначалие, залогом могущества Империи. Так, Н. И. Панин в представленном Екатерине II проекте создания Императорского совета, жестко критиковал Сенат, неспособный играть роль ведущего административного органа в громадном государстве [24]. Спустя почти сорок лет аналогичное мнение о необходимости монархии для России высказал сменивший Панина в роли ведущего администратора князь А. А. Безбородко [25].

Заключение

С формированием в России начала XVIII в. российская элита освоила компаративный политический язык, в котором форма правления, военная мощь и территориальная протяженность были связаны между собой. Этот аргумент с опорой на исторические примеры доказывал связь между монархической формой правления, военной мощью государства и его пространством: только монархия способна вооруженной рукой удерживать обширную территорию.

Однако, интерпретируя республиканские заявления Екатерины II в духе приведенной в начале статьи цитаты из Гриффитса, мы рискуем не заметить греко-римский контекст, с которым такие заявления были связаны. Монументы в Царском селе напоминают о военной мощи монархии и триумфе над врагами, однако Морейская колонна в дворцовом парке, посвященная победам Ф. Г. Орлова в Архипелаге, описывает доблесть российских воинов с помощью цитаты из Геродота: «Не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он». Но у Геродота спартанский эмигрант (и бывший царь) Демарат с помощью этих слов описывает персидскому царю Ксерксу боевой дух своих соотечественников – граждан республики...

Характеризуя республиканизм, Гриффитс игнорирует влиятельную традицию «классического республиканизма» или «гражданского гуманизма», в рамках которой военное могущество и динамичный экспансионизм включались в число сильных сторон республиканского политического устройства [26]. Фундаментом для этого выступали исторические примеры – прежде всего, из истории Римской республики; как мы видели, римский пример в равной степени смущал и архиепископа Феофана, и барона Бильфельда.

Соответственно, развитие республиканской традиции в российской политической мысли XVIII–XIX вв. вряд ли было связано с попытками сделать выбор между экономическим процветанием (подобно маленьким, богатым республикам) и имперской экспансией (подобно обширным монархиям). Напротив, развитие республиканизма предполагало аргументацию в пользу того, что именно республиканский политический строй лучше отвечает положению России как обширной империи. Это, в свою очередь, требовало переосмысления исторических примеров и создания альтернативной исторической традиции.

Так, М. М. Щербатов, полемизируя с Монтестье в «Примечаниях» на наказ Екатерины II, опирался на исторический пример Римской республики: «Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению <...> Римская республика пример нам ясный поставляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и свои области расширяла» [27]. А в утопическом сочинении «Путешествие г-на С... швецкаго дворянина в землю Офирскую» придуманная Щербатовым Офирская империя, лежащая в Антарктиде, территориально равна России, однако являет собой ограниченную монархию, опирающуюся на добродетель и закон [28]. На рубеже 80 – 90-х гг. XVIII в. эта традиция получит развитие в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Вадиме Новгородском» Я. Б. Княжнина – оба текста использовали республиканский политический глоссарий и, в частности, описывали военное превосходство республик: у Княжнина это – древний Новгород, у Радищева – армия американского Континентального конгресса [29]. Впоследствии эта традиция получит развитие в декабристских проектах.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ.

Примечания:

1. Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С.78-79.
2. Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009.
3. Samuelis Pufendorffii De jure naturae et gentium libri octo. L., 1672. VII, 5, 22.
4. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. Кн. 8, гл. XX.
5. Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. A la Haye, 1760. P. 25.
6. Наставления политические барона Бильфельда. Т. 2. М.: Тип. Моск. ун-та, 1775. С. 55-57.
7. Vattel E. The Law of Nations. Philadelphia, 1883. P. 291-301.
8. Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // Прокопович Ф. Сочинения. М., 1961. С. 41-42.
9. Петр I. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России. Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 397-398.
10. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М.: Императорский московский университет, 1770. С. 64.
11. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны // Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. III. СПб., 1765. С. 193-196.
12. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С. 198-204.
13. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С.207-208.
14. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С. 214.
15. Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской // Сын отечества, 1837. Ч. 184. Отд. 2. С. 34, 53.
16. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 362.
17. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 257.
18. Татищев В. Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 120.
19. Татищев В. Н. История Российская... С. 366-367.
20. Татищев В. Н. История Российская... С. 368.
21. Екатерина II. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина, 1875. Т. 12. № 12. С. 388.
22. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...». Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2-3. P. 303-328.
23. Заметки Екатерины II на книгу Штрубе де Пирмонта «Lettres Russiennes». 1760-1761 // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 64.
24. Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. Т. 7. С. 200-221.
25. Безбородко А. А. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297.
26. Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1979.
27. [Щербатов М. М.] Замечания на «Большой Наказ» Екатерины // Щербатов М.М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 22.
28. Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М.М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 275-291.
29. Бугров К. Д. «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 117-127.

References:

1. Griffiths D. Catherine II: the Republican Empress // Griffiths D. Catherine II and her World: the Papers of Different Years. **M.**: NLO, 2013. P. 78-79.
2. Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1979.
3. Antonov D. I. The Time of Troubles in the Culture of Medieval Russia. The Evolution of Ancient Russian Mythologems in the Literary Culture of early 17th century. **M.**: RSHU, 2009.
4. Samuelis Pufendorfii De jure naturae et gentium libri octo. L., 1672. VII, 5, 22.
5. Montesquieu Ch. The Spirit of Laws // Montesquieu Ch. Selected Works. **M.**: Goslitizdat, 1955. Book 8, ch. XX.
6. Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. A la Haye, 1760. P. 25.
7. The Political Institutions of Baron Bielfeld **Бильфельда**. Vol. 2. **M.**: Moscow University, 1775. P. 55-57.
8. Vattel E. The Law of Nations. Philadelphia, 1883. P. 291-301.
9. Feofan Prokopovich. An Appraising Word in the Day of Birth of the Noblest Lord Czarevich and Grand Duke Pavel Petrovich // Feofan Prokopovich. The Works. **M.**, 1961. P. 41-42.
10. **Peter I. Peter's Tale of the Beginning of Shipbuilding in Russia. A Prologue for the Naval Reglment // Ustryalov N. The History of Peter the Great's Reign. Vol. 2. SPb., 1858. P. 397-398.**
11. The Nucleus of Russian History, written by former stolnik and resident in Sweden prince Andrey Yakovlevich Khilkov, for the Use of Russian Youth, and Published for All Interested to Learn Russian History in Short. **M.**: Moscow University, 1770. P. 64.
12. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation of Empress Anna Ioannovna // Feofan Prokopovich. Words and Speeches. Vol. III. SPb., 1765. P. 193-196.
13. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 198-204.
14. **Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 207-208.**
15. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 214.
16. Feofan Prokopovich. The Story of Election and Enthroning of the Empress Anna Ioannovna, Autocrat of All the Russias // Son of Fatherland, 1837. Vol. 184. Ch. 2. P. 34, 53.
17. Tatishchev V. N. Russian History. Vol. 1. **M.**: Ladomir, 1994. P. 362.
18. Tatishchev V. N. Russian Historical, Geographical, Political and Civil Lexicon // Tatishchev V.N. Selected Works. **L.**: Nauka, 1979. P. 257.
19. Tatishchev V. N. The Discourse of Russian Nobility on the State Government // Tatishchev V.N. Selected Works. **L.**: Nauka, 1979. P. 120.
20. Tatishchev V. N. Russian History... P. 366-367.
21. Tatishchev V. N. Russian History... P. 368.
22. Catherine II. The Notice of Catherine II on the Attempt of Dolgorukie to Curb the Power of Autocracy in 1730 // Russkaya Starina, 1875. Vol. 12. № 12. **P. 388.**
23. **Polskoy S. V. «Divide the People into Different Estates...» The Legal Confirmation of Estate Status of Russian Nobility in the middle of 18th century // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2-3. P. 303-328.**
24. **Catherine II's Notices on Strube de Piermont's book «Lettres Russiennes». 1760 – 1761 // Catherine II. Selected Works. **M.**: ROSSPAN, 2010. P. 64.**
25. The Papers Regarding the Establishment of the Imperial Council and the Division of Senate into Departments of the 1st Year of Catherine II's Reign (28th December 1762) // The Collection of Russian Imperial Historical Society. SPb.: Academy of Sciences, 1871. Vol. 7. P. 200-221.
26. Bezborodko A. A. The Memoire of Prince Bezborodko Regarding the Needs of Russian Empire // Russian Archive, 1877. Book 1. Vol. 3. P. 297.
27. **[Shcherbatov M. M.] The Notices on 'Grand Instruction' of Catherine // Shcherbatov M. M. The Unpublished Works. **M.**: Socekgiz, 1935. P. 22.**
28. Bugrov D. V. «Nadezhda» in Antarctica: the Riddles of Ophirian Utopia of Prince M. M. Shcherbatov // The Annales of Ural State University. Serie 2, Humanities. 2006. № 47, Vol. 12. P. 275-291.
29. Bugrov K. D. «Liberty, a Priceless Gift»: On the Formation of the Republican Concept of Liberty in Late 18th Century Russia // Quaestio Rossica. 2013. № 1. P. 117-127.

УДК 94

**Территориальная протяженность России как концепт внутренней политики:
территория, военная мощь и форма правления
в российской политической мысли XVIII в.**

Константин Дмитриевич Бугров

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Свердловская область, 620002

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению территориальной протяженности России как аргумента в дебатах XVIII в. о внутренней политике. Авторы первой половины XVIII в., такие, как Феофан (Прокопович) или В.Н. Татищев, доказывали, что монархическая форма правления, военная мощь и контроль над обширной территории связаны между собой и что благотворный характер этой связи может быть доказан историческими примерами. Опробованные в ходе кризиса 1730 г., территориальные аргументы в пользу российской монархии сделались фундаментом широкой интеллектуальной традиции. Таким образом, для того, чтобы бросить вызов монархической форме правления в России, радикальные мыслители должны были обращаться к историческим аргументам о военной мощи и контроле над территорией.

Ключевые слова: форма правления, монархия, республика, Российская империя, В.Н. Татищев, Феофан Прокопович, территориальная протяженность.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 37, Is. 3, pp. 499-507, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(477)«1648/179»–053.4

Childhood and its Age Limits in Society of Getmanat in the XVIII Century

Igor A. Serdiuk

Poltava V.G. Korolenko National Pedagogical University, Ukraine
 36000 Poltava, Ostrogradskogo Str., 2
 PhD (History), Associate Professor
 E-mail: Ig.Serdiuk@gmail.com

Abstract

This article will talk about the child in society of Hetman – the autonomous entity within the Russian Empire, which was rapidly losing the remnants of autonomy in the second half of the XVIII century, subjecting to the desire of the center to modernize and unify its border territory. Such interaction of traditions and innovations influenced the public's worldview and determined the attitude to the family, marriage, child. These topics are still relatively poorly studied in the Ukrainian material, particularly the problems of childhood.

The studies of actually "little man" in Ukraine of XVIII century are made virtually from a clean slate and at the beginning it is necessary to determine whom society is considered as a child, and also when the childhood is ended. This issue is harder than it seems at first glance, because the society of Hetmanate in relation to children was guided by the stratagem of folk traditions, religious norms, the "old" law (the Lithuanian Statute, the Magdeburg right and sachsenspiegel inherited from the Commonwealth) and the "new" laws of the Russian Empire. They determined the age of adulthood in different ways, when the individual became a child and was no longer to be, as well as the criteria of those age limits.

It is important that the legal mechanisms of age-identification included in the action in the case of judicial proceedings, property disputes, marital conflicts. On a daily level, the perception of childhood and maturity depended on the combination of external features of an individual (body type, facial features, etc.), conduct, and perform social roles. A huge role is played the institution of marriage, act of which was probably the most important and revealing marker of the fact that the kid finally became an adult.

Keywords: adulthood, age, Hetman, childhood, child, law.

Введение

По мнению известного французского историка детства Филиппа Арьеса, образ детства, в современном его понимании, был изобретен в XIX веке. А до того, отношение к ребенку было совершенно иным и определялось реалиями доиндустриального общества [1]. Многие положения труда Арьеса сегодня выглядят как минимум дискуссионными, однако, работа выполнила важную роль интеллектуальной провокации и привлекла внимание историков к проблеме действительно «маленького человека». Впрочем, «украинский» ребенок пока что находится на периферии научных интересов историков Раннего Нового времени. Подобные исследования затруднены тем, что ребенок является преимущественно случайным фигурантом в источниках. Да и сам образ детства достаточно тяжел для (ре)конструирования, хотя бы из-за размытости его рамок (возрастных, социальных и т.д.) и неопределенности дефиниций (вроде «младенец», «малолетний», «ребёнок»), употребляемых в тогдашней письменной лексике. Иначе говоря, изучая жизнь детей в обществе Гетманщины, очень важно определить, кого же тогда считали ребенком.

Необходимо уточнить, что в данной статье речь пойдет об обществе Гетманщины – автономного образования в составе Российской империи, которое во второй половине XVIII века стремительно теряло остатки автономии, подвергаясь желанию центра модернизировать и унифицировать жизнь окраин. Тем не менее, до 1781 года бывшее казачье государство еще делилось

на полки и сотни (аналоги губерний и уездов), имело собственную судебную систему и «старое» судебное законодательство, унаследованное еще со времён Речи Посполитой. Подобные особенности способствовали тому, что общество Гетманщины в отношении к детям руководствовалось хитросплетением народных традиций, христианских норм, «старого» и «нового» права. Они и определяли возраст, когда индивид становился ребенком и переставал им быть, а также критерии этих возрастных рамок.

Обсуждение

Увы, для украинских исследователей Гетманщины основополагающая интеллектуальная провокация Филипа Арьеса (книга «Ребенок и семья при старом режиме») прошла практически бесследно, даже несмотря на доступность книги в русском переводе. Сегодня мы имеем лишь несколько заметных публикаций, построенных на анализе письменных источников с учетом идей Арьеса и дальнейших дискуссий вокруг них [2]. Значительно больший объем библиографии наработала украинская этнография (этнология), но эти работы грешат переносом обычаев и конструктов XIX в. на более ранние периоды, а также слишком уж буквальным прочтением этнографического материала. Примером этого является отдельный том этнографической серии «Народная культура украинцев» посвященный детству в украинском традиционном обществе, авторства представителей украинской академической этнографии. В части касающейся непосредственно ребенка в XIX веке по сути пересказывается известная книга Марка Грушевского написанная в начале XX в. Да и с точки зрения методологии издание немного «прихрамывает», в предисловии сказано, что авторы придерживаются модной нынче методологии «грибницы» и «куста» исследуя все понемногу, что уже само-по себе не нуждается в комментариях [3]. По сути единственной качественной работой, которая исследует возрастные рамки детства на украинском материале сегодня является статья Владимира Маслийчука [4].

Закономерно, что западноевропейская и мировая историография имеет значительное количество качественных работ, построенных как на наследии Арьеса, так и на его критике. Мы не будем останавливаться на ее характеристике, поскольку это уже сделано неоднократно до нас, например, в замечательном эссе Хью Каннингема, опубликованном в «The American Historical Review» [5] или в специальных библиографических очерках [6]. Отметим, что данные обзоры называют много классических работ посвященных различным аспектам детства, в переводах которых остро нуждаются украинские исследователи. Подобные переводы могут стать неким образцом и, параллельно с проведением тематических мероприятий, будут стимулировать к исследованию детства, как, например, это случилось в русской или польской историографии. Здесь важными маркерами возрастания интереса к теме являются специальные выпуски центральных исторических изданий (см. напр.: [7]), коллективные монографии и сборники (см. напр.: [8]), работа специализированных институций, публикующих серийные издания, как, например, Международный семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики» [9].

Результаты

Формирование образа детства в украинском традиционном обществе на основании различных критериев «на выходе» дает нам разные его возрастные рамки. Иначе говоря, различные источники дают нам не одинаковую информацию. Наиболее логичным в этом контексте, представляется обращение к нормам права, привлекательным своей конкретикой и четкостью. Впрочем, это только на первый взгляд, ведь в Гетманщине XVIII века действовала смесь «старого» права (представленного, в первую очередь, Литовским статутом 1588 года, Магдебургским правом и Саксонским зеркалом) и активно внедряемого «нового» законодательства Российской империи. Запутанность правовых норм углублялась противоречивостью их трактовки в судах Гетманщины, которую на многочисленных примерах прекрасно проиллюстрировано в работе Владимира Маслийчука [10].

Подобную фривольность можно объяснить составом тогдашнего суда, который формировался из казацкой старшины, магистрата, известных персон, а эти люди не были профессиональными юристами. Отсутствие таковых вполне закономерно, ведь за метким наблюдением историка Александра Каменского, в Российской империи XVIII века право еще не существовало как самостоятельная сфера общественной деятельности [11]. Судьи имели возможность избрать наказание по своему выбору, но они должны были учитывать изменения в имперской системе наказаний, которые осуществлялись под влиянием идеалов Просвещения. К примеру, на деятельность судебных инстанций важное влияние оказал указ 1763 года с его знаменитой формулой «лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить». В итоге, судебные приговоры Гетманщины второй половины XVIII в. имеют общий формуляр. Сначала суд апеллировал к определенным нормам Литовского статута, которые требовали, преимущественно, жесткого наказания, потом ссылался на указ 1763 года (либо ему подобные) и оглашал более мягкий приговор (телесные наказания, ссылка). Например, за убийство матерью своего новорожденного ребенка Литовский статут (раздел 11, артикул 60) требовал смертную казнь [12]. Но изучив более 80 подобных процессов второй половины XVIII в., украинский историк Владимир Маслийчук не нашел ни одного

смертного приговора. Самый жестокий из них был оглашен женщине, которая повинулась в жестоком убийстве ребенка – битье кнутом и ссылка в Оренбург, в большинстве же случаев наказывали плетью и отпускали, либо же накладывали епитимию [13].

Упомянутая неопределенность касалась грани взросления, то есть возраста, с которого ребенок перестает быть ребенком. К этому я обращаюсь несколько ниже, а сейчас попробую рассмотреть границу, с которой ребенок становится ребенком.

Раздел 11 Литовского статута содержит нормы, которые защищают ребенка еще до его рождения, так артикул 15 предусматривает ответственность за вред, причиненный беременной женщине, в результате которого та «плод мертвый поронила». Виновник должен быть заключен на три месяца, а потом его ожидало публичное покаяние у дверей церкви. Наказание за такое преступление было значительно мягче убийства уже рожденного ребенка, примечательно, что когда погибал не только плод, но и женщина, которая его носила, виновник должен быть наказан смертью. Жизнь будущего ребенка защищалась и от посягательств со стороны матери, женщину, которая «тратила» своего не рожденного ребенка, или же уговорила на это кого-то, должны были казнена (арт. 60). Устав защищал конкретного ребенка, а не детство как таковое. За артикулом 34 казнь беременной женщины-преступницы откладывалась только к родам, то есть существовала узаконенная перспектива оставить младенца без материнской заботы, уже сразу после появления на свет [14].

На практике же использовалась масса оговорок. Примером этого является дело, которое рассматривалось полковым судом города Полтавы летом 1708 года. Житель стенного городка Старые Санжары Яков Петренко нанес тяжелые побои своей жене Ирине «во время непраздного ея живота». После избиения женщина преждевременно родила ребенка с «многими знаками побития на теле младенческом», младенец родился живым, однако имел тяжелые повреждения (следы побоев на тельце и даже «члонки поломанными»), поэтому было поспешно крещен, а после этого сразу умер. Суд принял во внимание повреждение ребенка именно в материнском лоне, поскольку допрашивал бабу и священника для «испытаня правды израненного младенца во чреве матерные». Петренко признали виновным, однако наказание назначили довольно мягкое, за убитого «не из приключеня» (случайно – И.С.) ребенка, он должен был 6 недель пребывать «на замке», а затем четыре раза в год в церкви каяться в своем грехе перед всеми людьми [15].

Убийцу судили на основании положений Литовского статута, причем того его артикула, где речь шла именно об убийстве ребенка своими родителями (разд. 11 арт. 7). Этот пункт касается ребенка вообще, без уточнения рожден он или нет. Наверное, судьи приняли это во внимание и сократили срок пребывания «под замком» с года и шести недель до шести недель. В данном случае, суд воспользовался седьмым артикулом и оставил без внимания пятнадцатый, который прямо касается «выбивания» плода [16].

Ребенок, еще находясь в утробе матери, мог приобретать не только личные права (право на жизнь и т.д.), но и имущественные. Именно из этих положений начинается известные украинским историкам сборник «Собрание малороссийских прав ...», которые уравнивают шансы на наследование имущества рожденных и не рожденных детей: «Права нерожденных суть равны как и рожденных детей в разсуждения наследия и участия в имени родительском; для сего требуется, чтоб отец в своём тестаменте именуя детей своих упомянул и о имеющем родиться». Нужно учитывать, что «Собрание ...» не действовало как кодекс, а было механическим (местами довольно эклектичным и противоречивым) сочетанием употребляемых в Малороссии норм. При этом положение об имущественных правах не рожденных детей были заимствованы из Магдебургского права. В этом контексте важным представляется установление срока, начиная с которого плод получал права. Он привязывался не ко времени беременности, а к акту объявления о ней, на это беременной женщине давалось 30 дней с момента захоронения мужа. Возможные сомнения родни в происхождении ребенка решались установкой срока в 10 месяцев и два дня после смерти мужа в течение которого рождение младенца считалось правомерным [17].

Таким образом, в соответствии с правовыми нормами, действующими в Гетманщине, сам акт рождения младенца нельзя однозначно считать началом детского возраста. Еще находясь в материнской утробе, ребенок получал определенную правовую защиту и даже материальные права. Конечно, объем этих прав (а особенно их реализация на практике) существенно отличались от статуса малолетнего ребенка, подростка и взрослого. Между этими возрастными категориями проходит довольно размытая граница. Традиционно считается, что важным признаком вхождения во взрослый мир является несение полной уголовной ответственности. Но нормы Литовского статута свидетельствуют о существовании определенной разницы между совершеннолетием и ответственностью. В соответствии с разделом 6 (арт. 1) «лета муцина имеет полные осмнадцать летъ, а девка тринадцать летъ» [18]. Зато за 11 артикулом раздела 14, в котором речь идет об обвинении «летъ полных не имеющих», полная уголовная ответственность наступает с 17 лет, а младших преступников запрещалось наказывать смертью и пытками [19].

Важно, что взросление не зависело от сословия, например, за тем же 11 артикулом 14-го раздела несовершеннолетним признавался «шляхтичь в летах шестнадцати, а не большъ». Старое польское законодательство в этом плане поддерживалось имперскими инициативами, в частности

указом императрицы Екатерины II от 26 июня 1765, в соответствии с которым совершеннолетие наступало с 17 лет [20].

Для девушек детство могло заканчиваться не в определенном возрасте, а после свадьбы. Подобный подход озвучен в «Правах по которым судится малороссийский народ...», здесь четкие ограничения взрослого возраста девушек (13 лет) несколько размываются следующей альтернативой: *«или пока в замужество будут выданы»* [21].

Среди законодательных актов, действующих в Гетманщине, очень интересным видится Саксонское зеркало, этот документ дает собственную версию периодизации детства: *«Возраст есть четвероякий: первый отрочество в тринадцати летах и шести неделях по ленному праву, а по саксонском в двенадцати летах, второй, когда кто в лета разсуждения приходит, то есть имеет 14 лет, и потому может учинить тестамент, третий в 18 лет, и таковы может собственностью своею располагать по своей воле, и слугу невольнаго отпустить ...; четвертый в 21 ч, таковы имеет полные лета ...»* [22].

Нужно не забывать, что правовые нормы в плане определения возрастных границ рисуют идеальную картину, а на практике их трактовка была противоречивой и запутанной. Неуверенности придавало также довольно безразличное отношение к возрасту присущее обществу Раннего Нового времени. Современные исследования показывают неточность указаний возраста лиц, фигурирующих в учетной документации Гетманщины [23]. Это касается как ревизий, так и материалов церковного учета, при этом «забывчивость» священников распространялась не только на паству в целом, но и непосредственно на членов их собственных семей [24]. Если же сравнить точность указания возраста взрослых и детей, то явное преимущество будет в пользу последних. Это связано в первую с тем, что рождение ребенка происходило сравнительно недавно, а поэтому могло лучше привязываться к каким-то памятным событиям, а следовательно и точнее определяться. Когда точный возраст ребенка был неизвестен, он устанавливался «на глаз», как, например: *«присталъ ко двору моему хлопецъ сирота, именно Мартинъ, зростомъ якъ бы в десяткоъ летъ»* [25]. В данном случае критерием «детскости» служила внешность.

Изучая детство в средневековой Польше, современная польская исследовательница Малгожата Делимата (Małgorzata Delimata), выяснила ряд основных (для тогдашнего общества) его признаков. В первую очередь, это были как раз особенности внешности, которые заставляли античных и средневековых авторов с определенным умилением наблюдать физическую слабость ребенка, и строение его тела, отличное от взрослых. Существенные телесные особенности присущи младенцу только в первые годы его жизни (за счет других пропорций), а дальше ребенок уже выглядит как уменьшенная копия взрослого [26]. На подобном восприятии ребенка как маленького взрослого в традиционном обществе, акцентировал внимание и Филипп Арьес, при этом он рассматривал и детскую одежду. Если мы воспользуемся примером французского ученого и посмотрим на украинские вотивные портреты XVIII века, то увидим детей одетых или в распашонки, или точно так же как их родители (без промежуточного этапа) [27].

Сходство объясняется тем, что часто, заказывая одежду для себя, отец заказывал ее и для сына из того же материала. Такие свидетельства встречаются в дневнике генерального хорунжего Николая Ханенка. Например, 25 ноября 1733 г. *«даны до роблення Максиму шапочнику две муфы з медведя для мене й для Василька»*. На следующий день он написал *«кунтушь мне покроень з кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7к. Василку – кунтушикъ, кафтанчикъ и штаны покроены»* [28].

Словесные портреты тогдашних подростков мало чем отличались от аналогичных описаний взрослых. Посмотрим более внимательно на описание уроженцев города Конотоп братьев Козаченко, которых в 1777 году разыскивали за кражи. Старший брат – 20-летний Опанас Козаченко *«лица круглаго угроватого волосов черних, одежа на нем свита сукна простого сшита ... кафан китаики зеленой шапка кругла ... в штанах пестрових чоботях яловичих нових»*. Младший 14-летний Иван Козаченко описан практически аналогично: *«лица тоже круглого угроватого волосов черних же кафан пестровий набочаний, юпка китаичата шапка с околицею белою, а вершка синя в чоботах»* [29]. Внешность обеих (один из которых уже взрослый, а другой еще несовершеннолетний) описана одинаково. Ориентировки обращали внимание на одежду, потому что она бросалась в глаза и простому человеку того времени было очень трудно ее поменять. Абсолютно «взрослая» одежда сочетается с двумя типичными признаками подросткового возраста: отсутствием усов (бороды) и прыщами. Примечательно, что обе они присущи как несовершеннолетнему, так и формально взрослому, это свидетельствует об условности возрастных делений, а также о мирном сосуществовании детского и взрослого начал в одном человеке.

Похоже, что прыщи и тогда были неотъемлемым визуальным атрибутом подросткового возраста. В апреле 1763 года известный украинский философ Григорий Сковорода в одном из писем к 18-летнему студенту харьковского коллегиума Михаилу Ковалинскому очень трогательно просил не давить прыщ на лице: *«Прыщ, который выскочил на лице, прошу, не трогай и не ковыряй. Вчера я ужаснулся, случайно услышав, что для многих такие прыщи, которые казались незначительными, были смертельными именно потому, что их раздирали»* (мой перевод с украинского издания – И.С.) [30].

Еще одним специфическим признаком детства Малгожата Делимата называет восхищение к играм и забавам, за сочным замечанием польской исследовательницы, ребенок в средневековье предстает как существо невинное, своевольное, зависимое от игр и забав, он окружен миниатюрными орудиями труда, оружием и т.д. [31]. Современные исследования, проведенные на украинском материале, позволяют осторожно констатировать, что «игровой» возраст в Раннее Новое время был довольно коротким, ведь ребенок должен был работать. Уже в возрасте 10–14 лет дети массово фигурируют в учетной документации как рабочие, батраки, «слуги», ученики, многие из них даже получали плату за свою работу. Выполнение ролей рабочих связано с такими важными аспектами как мобильностью и самостоятельностью. К примеру, среди подростков города Стародуба в 1760-е годы, которые жили вне собственной семьи, около половины были выходцами из сел полка, остальные – местными жителями. Они даже могли иметь в городе родителей, но жить врознь и наниматься к разным людям. 12-летний стародубский обыватель Самойло Федоров жил «с пропитания» без родителей, потому что «отец его своего двора не имеет, а живет нанимается в разного звания людей» [32]. После 14-летнего возраста трудовая мобильность подростков возрастает еще больше. По состоянию на 1766 год в городе Переяславе парней возрастом 15-19 лет жило в два раза больше, нежели тех, кому исполнилось 10–14 лет. Эта ситуация объясняется наплывом молодых батраком, большинство из которых пришли из деревень [33].

Сюжет с трудом, мобильностью и самостоятельностью указывает на существование различий того, как возрастные рамки детства могли устанавливать нормы права с одной стороны и сама жизнь с другой. Учет таких «жизненных» реалий положен в основание историко-демографического подхода к исследованию возрастных периодизаций. Наиболее распространенный способ разделения населения на большие возрастные группы вообще не оперирует понятием «взрослость», вместо этого употребляется категория «активное население». В соответствии с демографическими исследованиями ним на детство приходится возрастной промежуток 0–14 лет, а с 15 лет начинается активный возраст, который длится до 59 или 64 лет [34]. В данном случае критериям активности является высокая мобильность, работа, половая зрелость, возможность зачатия и рождения, соответствующий физическое состояние организма. По мнению современных украинских историков-демографов, подобное разделение соответствует представлениям общества Гетманщины о детстве (0–14 лет), зрелом возрасте (15–59 лет) и старости (60 лет и старше). Именно так распределяли населения составители Генеральной описи Левобережной Украины 1765–1769 гг. [35].

Наконец еще одним важным (вероятно – решающим), шагом вступления во взрослый мир был акт брака. Как пишет по этому поводу Малгожата Делимата (цитируя святого Исидора Севильского), конец детства давал возможность заключения брачной связи [36]. Напомню, что Литовский Статут устанавливал брачный возраст для мужчин 18, а для девушек – 13 лет. Однако, в реальности большинство браков заключались позже, из 83-х мужчин в возрасте 20–24 года зафиксированных в Генеральной описи Переяслава женатыми были только 6, а из 190 женщин в возрасте 15–24 лет, замужем значатся 40. Соответственно, и средний возраст вступления в первый брак для мужского населения Переяслава (по состоянию на 1766 г.) составлял 25,7 лет, для женщин – 22,5 лет. Для населения Полтавы, средний брачный возраст составлял для мужчин – 28,1 лет, для женщин – 22,3 лет. Для сельского населения Стародубского полка аналогичные показатели равнялись 23,7 и 19,1 года соответственно [37]. Согласно исследованию российского историка Бориса Миронова, в конце XVIII века, в Центральной России средний возраст невест составлял 15–16 лет, женихов – 16–18 лет. Российский ученый отметил, что в городах венчались на год-два позже, чем в селах [38]. Как отметил Владимир Маслийчук, брак был одной из ступеней взросления, своеобразной лакмусовой бумажкой зрелости. Поэтому не все, кто имел право на заключение брака, были готовы к нему, и даже 22-летнему парню могли отказать в разрешении на брак, мотивируя это его молодостью [39].

Очевидно, что восприятие «взрослости» каждого конкретного подростка зависело от сочетания его внешних признаков (телосложение, черты лица и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. Интересный, хотя и казуальный, пример касается тринадцатилетнего «колдуна» Федора Дрофы, жившего в одном из украинских сел в конце XVIII века. Помогая взрослым соседям расколдовать их якобы заколдованное поле, парень заставлял последних ходить вокруг нивы и махать над ней палками. Затем он нашел местных выборного и десятского и с ними загнал на заколдованную ниву «ведьму» Меланья Ярмачку, где беднягу заставили бегать по полю и собирать на себя чары. Выходит, что тринадцатилетний парень благодаря роли колдуна получил достаточный авторитет для управления взрослыми соседями и представителями местной власти, его способности воспринимались взрослыми всерьез [40].

Заключение

Вопрос, кого общество Гетманщины считало ребенком, а также когда начиналось и заканчивалось детство, сложнее, нежели виделось на первый взгляд. Сегодня логичным кажется обращение к строгим и точным нормам права, но в нашем случае это не срабатывает. В XVIII веке казацкая автономия использовала смесь «старого» права (Литовский статут 1588 г., Магдебургское право и Саксонское зеркало унаследованные от Речи Посполитой) и «нового» законодательства

Российской империи. Судебные органы имели огромное поле для выбора и трактовки «удобных» норм, которые могли огранять ребенка уже в утробе матери и давать ему даже материальные права. Примечательно, что материальный аспект в большей мере был прописан в Литовском статуте с его ориентацией на шляхетское сословие, где вопросы наследования имели первостепенную важность.

Как «верхняя планка» детства определялся преимущественно 17-18-летний возраст для парней и 13-летний для девушек. Важно то, то именно эти рамки устанавливались как брачный возраст, тогда как криминальная ответственность наступала с 17 лет для всех одинаково. При этом, правовые механизмы возрастной идентификации включались в действие в случае судебных расследований, имущественных споров, брачных коллизий (то-есть некоего форс-мажора). На повседневном же уровне восприятие детства и «взрослости» зависело от сочетания внешних признаков индивида (телосложение, черты лица и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. При этом огромную роль играл уже упомянутый институт брака, акт которого был, наверное, самым важным и показательным маркером того, что ребенок, наконец-то становился взрослым и полноценным членом общества.

Благодарности

Статья подготовлена благодаря финансовой поддержке Международной ассоциации гуманитариев: грант на исследование темы «Ребенок и детство в обществе Гетманщины XVIII в.».

Примечания:

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. Екатеринбург: Изд. Урал. ун., 1999. 221 с.
2. Маслійчук В. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук. Харків: Музей приват. садиби, 2008. 128 с. Маслійчук В. Дитина та голодні роки (стратегії дорослої та дитячої поведінки на Північному Лівобережжі у 80-х рр. XVIII ст.) / В. Маслійчук // Сіверянський літопис. 2008. № 5. С. 94–99. Сердюк І. Дитина й дитинство в Гетьманщині XVIII ст. / І. Сердюк // Повсякдення ранньомодерної України. Історичні студії в 2-х томах. Т.1: Практики, казуси та девіації повсякдення / Відп. ред. В. Горобець. К., 2012. С. 57–86.
3. Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження у 5т. / наук. ред. М. Гримич. Т.1: Діти. Дитинство. Дитяча субкультура. К.: Дуліби, 2008. 400 с.
4. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // Український історичний журнал (дальше – УІЖ). 2010. №2. С. 38–42.
5. Histories of Childhood / H. Cunningham // The American Historical Review. Vol.103. Issue 4. 1998. P. 1195–1208.
6. «Вся история наполнена детством». Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. М., 2012. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»).
7. Acta Poloniae Historica. Vol.79. 1999. «Childhood and Youth in Historical Perspective».
8. W kręgu rodyiny epok dawnych. Dzieciństwo. Warszawa, 2014. 640 s.
9. Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»).
10. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 38–42.
11. Каменский А. Россия в XVIII веке / А. Каменский. М., 2006. С. 42.
12. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).
13. Маслійчук В. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук. Харків: Музей приват. садиби, 2008. 128 с.
14. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).
15. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф.61. Д.878. Лл. 39–39 об.
16. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).
17. Права по которым судится малороссийский народ / под. ред. проф. А.Ф. Кистяковского. К., 1879. С. 680–691.
18. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).
19. См. докл.: Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 38–42.
20. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

21. Права по которым судится малороссийский народ / под. ред. проф. А.Ф. Кистяковского. К., 1879. С. 299, 717.
22. Собрание малороссийских прав 1807 г. / сост. К.А. Вислобоков, А.П. Ткач и др. К., 1993. С.21.
23. Волошин Ю. Стативно-вікова структура населення міста Полтави в другій половині XVIII ст. / Ю.Волошин // Історична пам'ять. 2011. №1. С. 5–24; Романова О. Сповідальні книги київської митрополії XVIII ст. як спосіб церковного контролю за мораллю парафіян / О. Романова // УІЖ. 2008. №4. С. 122–148. Сердюк І. Особливості відображення вікових категорій населення Лівобережної України в Румянцевському описі Малоросії / І. Сердюк // Вісник Черкаського університету. Сер. «Історичні науки». Черкаси, 2008. Вип. 133–134. С. 55–62.
24. Дмитренко В. Матеріали церковного обліку населення Київської та Переяславсько-Бориспільської єпархій як джерело з соціальної історії Гетьманщини XVIII століття: канд. іст. наук: 07.00.06. Полтава, 2011. Арк. 100–101.
25. Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). К., 1976. №25. С. 72–74.
26. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32–33.
27. Жолтовський П. Український живопис XVII–XVIII ст. / П. Жолтовський. К., 1978. 327 с.
28. Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка (1727–1753г.) // Киевская старина. 1885. №3. С. 129.
29. Государственный архив Полтавской области. Ф.222. Оп.1. Д. 503.
30. Сковорода Г. Повна академічна збірка творів / Г. Сковорода. Харків, 2010. С. 347, 1126–1128.
31. Докл. см.: Сердюк І. «Без заплаты, на харчах и одежи хозяйскихъ»: діти в населенні Лівобережного українського лівобережного міста XVIII ст. / І. Сердюк // Краєзнавство. 2009. № 1–2. С. 196–204.
32. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. (далее – ЦГИАУК). Ф.57. Оп.1. Кн. 148а. Л. 318 об.
33. ЦГИАУК. Ф.57. Оп.1. Кн. 278.
34. Традиция считать детьми людей младших 15-ти лет (относительно населения Европы) довольно длительная, такой поход встречаем уже в демографических исследованиях начала XX века (см. напр.: Sundbärg G. Sweden its people and its industry. Historical and statistical handbook / G. Sundbärg. Stockholm, 1904.).
35. Voloshyn Y. Household composition and family structures of Ukrainian Cossacks in the Second Half of the eighteenth century / Y. Voloshyn // The History of the Family. 2015. Volume 20. Issue 1. P. 147–157. DOI:10.1080/1081602X.2014.944552
36. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32.
37. Сердюк І. Полкових городов обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст. / І. Сердюк. – Полтава : АСМІ, 2011. 303 с.
38. Миронов Б. Социальная история России периода империи. (XVIII – нач. XIX в.в.): В 2-х т. / Б. Миронов. СПб., 2003. С. 167.
39. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 39.
40. Адамус Т. Магічні практики на території Гетьманщини та на під російських землях України у XVIII ст. / Т. Адамус // Краєзнавство. 2010. №3. С. 59.

References:

1. Ar'es F. Rebjonok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke / F. Ar'es. Ekaterinburg: Izd. Ural. un., 1999. 221 s. (In Russian).
2. Maslijchuk V. Ditoz gubernyctvo na Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk. Harkiv: Muzej pryvat. sadyby, 2008. 128 s. Maslijchuk V. Dytna ta golodni roky (strategii' dorosloi' ta dytjachi' povedinky na Pivnichnomu Livoberezhzhi u 80-h rr. XVIII st.) / V. Maslijchuk // Siverjans'kyj litopys. 2008. № 5. S. 94–99. Serdjuk I. Dytna j dytynstvo v Get'manshhyni XVIII st. / I. Serdjuk // Povsjakdennja rann'omodernoi' Ukrai'ny. Istorychni studii' v 2-h tomah. T.1: Praktyky, kazusy ta deviacii' povsjakdennja / Vidp. red. V. Gorobec'. K., 2012. S. 57–86. (In Ukrainian).
3. Narodna kul'tura ukrai'nciv: zhyttjevyj cykl ljudy: istoryko-etnologichne doslidzhennja u 5t. / nauk. red. M. Grymych. T.1: Dity. Dytnstvo. Dytyacha subkul'tura. K.: Duliby, 2008. 400 s. (In Ukrainian).
4. Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal (next – UIZh). 2010. №2. S. 38–42. (In Ukrainian).
5. Histories of Childhood / H. Cunningham // The American Historical Review. Vol.103. Issue 4. 1998. P. 1195–1208.
6. «Vsja istorija napolnena detstvom». Nasledie F. Ar'esa i novye podhody k istorii detstva. M., 2012. (Trudy seminaru «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»). (In Russian).
7. Acta Poloniae Historica. Vol.79. 1999. «Childhood and Youth in Historical Perspective».

8. **W kręgu rodyiny epok dawnych. Dzieciństwo.** Warszawa, 2014. 640 s.
9. Maloletnie poddanne bol'shoj imperii. Filipp Ar'es i istorija detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka). M., 2012. (Trudy seminaru «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»). (In Russian).
10. Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukraïni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // **UIZh. 2010. №2. S. 38–42.** (In Ukrainian).
11. **Kamenskij A. Rossija XVIII veke / A. Kamenskij. M., 2006. S. 42.** (In Russian).
12. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).
13. Maslijchuk V. Ditoz gubernyctvo na Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukraïni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk. Harkiv: Muzej pryvat. sadyby, 2008. 128 s. (In Ukrainian).
14. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).
15. Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V. Vernadskogo. F.61. D.878. LI. 39–39 ob. (In Russian).
16. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).
17. Prava po kotorym suditsja malorossijskij narod / pod. red. prof. A.F. Kistjakovskogo. K., 1879. S. 680–691. (In Russian).
18. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).
19. See: Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukraïni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // **UIZh. 2010. №2. S. 38–42.** (In Ukrainian).
20. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).
21. Prava po kotorym suditsja malorossijskij narod / pod. red. prof. A.F. Kistjakovskogo. K., 1879. S. 299, 717. (In Russian).
22. Sobranie malorossijskikh prav 1807 g. / sost. K.A. Vislobokov, A.P. Tkach i dr. K., 1993. S. 21. (In Russian).
23. Voloshyn Ju. Statevo-vikova struktura naselennja mista Poltavy v drugij polovyni XVIII st. / Ju. Voloshyn // **Istorychna pam'jat'. 2011. №1. S. 5–24;** Romanova O. Spovidal'ni knygy kyiv's'koi' mytropolii' HVIII st. jak sposib cerkovnogo kontrolju za morallju parafijan / O. Romanova // **UIZh. 2008. №4. S. 122–148.** Serdjuk I. Osoblyvosti vidobrazhennja vikovykh kategorij naselennja Livoberezhnoi' Ukraïny v Rumjancevs'komu opysi Malorosii' // **Visnyk Cherkas'kogo universytetu. Ser. «Istorychni nauky».** Cherkasy, 2008. Vyp. 133–134. S. 55–62. (In Ukrainian).
24. Dmytrenko V. Materialy cerkovnogo obliku naselennja Kyi'vs'koi' ta Perejaslavs'ko-Boryspil's'koi' jeparhij jak dzherelo z social'noi' istorii' Get'manshyny XVIII stolittja: kand. ist. nauk: 07.00.06. Poltava, 2011. Ark. 100–101. (In Ukrainian).
25. Dilova i narodno-rozmovna mova XVIII st. (Materialy sotennykh kanceljarij i ratush Livoberezhnoi' Ukraïny). K., 1976. **№25. S. 72–74.** (In Ukrainian).
26. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32–33.
27. Zholtovs'kyj P. Ukraïns'kyj zhyvopys XVII–XVIII st. / P. Zholtovs'kyj. K., 1978. 327 s. (In Ukrainian).
28. Dnevnik general'nago horuzhago Nikolaja Hanenka (1727–1753 g.) // **Kievskaja starina. 1885. №3. S. 129.** (In Russian).
29. Gosudarstvennyj arhiv Poltavskoj oblasti. F.222. Op.1. D. 503. (In Russian).
30. Skovoroda G. Povna akademichna zbirka tvoriv / G. Skovoroda. Harkiv, 2010. S. 347, 1126–1128. (In Ukrainian).
31. See: **Serdjuk I. «Bez zapłaty, na harchah y odezhy hozjajskyhъ»: dity v naselenni Livoberezhnogo ukraïns'kogo livoberezhnogo mista XVIII st. / I. Serdjuk // Krajeznavstvo. 2009. № 1–2. S. 196–204.** (In Ukrainian).
32. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainy v g. Kiev. (dal'she – CGIAUK). F.57. Op.1. Kn. 148a. L. 318 ob. (In Russian).
33. CGIAUK. F.57. Op.1. Kn. 278. (In Russian).
34. Tradition holds children people under 15 years of age (relative to the population of Europe) is quite long, so the campaign have already met in demographic studies of the early twentieth century (see: Sundbärg G. Sweden its people and its industry. Historical and statistical handbook / G. Sundbärg. Stockholm, 1904.).
35. Voloshyn Y. Household composition and family structures of Ukrainian Cossacks in the Second Half of the eighteenth century / Y. Voloshyn // **The History of the Family. 2015. Volume 20. Issue 1. P. 147–157. DOI:10.1080/1081602X.2014.944552**
36. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32.

37. Serdjuk I. Polkovykh gorodov obyvateli: istoryko-demografichna harakterystyka mis'kogo naselennja Get'manshhyny drugoi' polovyny XVIII st. / I. Serdjuk . – Poltava : ASMI, 2011 . 303 s. (In Ukrainian).
38. Mironov B. Social'naja istorija Rossii perioda imperii. (XVIII – nach. XIX v.v.): V 2-h t. / B. Mironov. SPb., 2003. S. 167. (In Russian).
39. Maslijchuk V. Vik doroslshannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni HVIII st. / V. Maslijchuk // UIZh. 2010. №2. S. 39. (In Ukrainian).
40. Adamus T. Magichni praktyky na terytorii' Get'manshhyny ta na pid rosijs'kyh zemljah Ukrai'ny u XVIII st. / T. Adamus // Krajeznavstvo. 2010. №3. S. 59. (In Ukrainian).

УДК 94(477)«1648/179»–053.4

Детство и его возрастные рамки в обществе Гетманщины XVIII в.

Игорь Александрович Сердюк

Полтавский национальный педагогический университет, Украина
36000, Полтава, ул. Остроградского, 2
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: Ig.Serdiuk@gmail.com

Аннотация. В данной статье пойдет речь о ребенке в обществе Гетманщины – автономного образования в составе Российской империи, которое во второй половине XVIII века стремительно теряло остатки автономии, подвергаясь желанию центра модернизировать и унифицировать свои пограничные территории. Такое взаимодействие традиции и новшеств влияло на общественное мировоззрение и определяло отношение к семье, браку, ребенку. Эти темы еще сравнительно слабо исследованы на украинском материале, в особенности проблематика детства.

Исследования действительно «маленького человечка» в Украине XVIII века осуществляются практически с чистого листа и для начала необходимо определить, кого общество считало ребенком, а также когда заканчивалось детство. Этот вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку общество Гетманщины в отношении к детям руководствовалось хитросплетением народных традиций, церковных норм, «старого» права (Литовский статут, Магдебургское право и Саксонское зеркало унаследованные от Речи Посполитой) и «нового» законодательства Российской империи. Они по-разному определяли возраст взросления, когда индивид становился ребенком и переставал им быть, а также критерии этих возрастных рамок.

Важно то, что правовые механизмы возрастной идентификации включались в действие в случае судебных расследований, имущественных споров, брачных коллизий. На повседневном же уровне восприятие детства и «взрослости» зависело от сочетания внешних признаков индивида (телосложение, черты лица и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. При этом огромную роль играл институт брака, акт которого был, наверное, самым важным и показательным маркером того, что ребенок, наконец-то становился взрослым.

Ключевые слова: взросление, возраст, Гетманщина, детство, младенец, право, ребенок.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 37, Is. 3, pp. 508-518, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

«Raison d'etat» and «private interest» in Russia in the late 18th century – early 19th century: the example of A. Knauf at metall industry in the Urals, 1797–1830

Andrej V. Keller

Ural Federal University, Russian Federation
 Lenin Prospect 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620083
 PhD, senior research fellow
 E-mail: a.v.keller@urfu.ru

Abstract

Russian-German businessman Andrew Knauf is a remarkable person and an innovator in the Urals mining and metallurgical industry of the early nineteenth century, who made a positive impact on its development. The author examines the Knauf activities as the holder of the mining enterprises, modernized due to the transfer of Western technologies. His experience is interesting in the context of serfdom and the lack of qualified personnel in the existing system possessional factories. Traces the entrepreneur with the state interaction, and attempts to identify a real contribution to the production and the region development and the reasons for the Knauf failure. The author makes a fundamental difference between financial failure Knauf and its role in enterprises technical and social modernization, which became for some time the Ural growth and innovation leaders, directly influenced the steam engines in the state factories introduction. Knauf can be attributed to a new type of entrepreneur, socially responsible business.

Keywords: late 18th – early 19th century; A. Knauf; industrialisation; mining industry; metal-working industry; Urals; modernization; transfer of technologies; transfer of knowledge.

Введение

О деятельности российско-немецкого предпринимателя Андрея Кнауфа (*16 мая (5)¹ 1765 Киль, † после 1835 г. в России) в российской историографии имеются неоднозначные оценки. Уроженец города Киль – столицы герцогства Гольштейнского и земляк российского императора Петра III – Андрей Кнауф, сын сапожника без связей и капитала, но талантливый автодидакт, прибыв в Петербург в 1783 г. 18-летним юношей и поступив в учение по торговому делу, добивается значительных успехов сначала в Петербурге, а по переезде в 1788 г. в Москву, становится со временем купцом первой гильдии (1796), именитым гражданином (1801) [1, л. 89] и заводчиком на Урале.

Интересен аспект взаимодействия Кнауфа с государством и обстоятельства приобретения Златоустовских заводов с 1797 по 1801 гг., а также окончательное отнятие их в казну в 1811 г. Речь идет о двухкратном аннулировании сделки со стороны государства и возвращении заводов обратно Кнауфу. Этот случай дает наглядный пример соотношения государственного и частного интересов в России во время царствования Павла I. и Александра I. Значительную роль в этом деле сыграли главный директор Берг-коллегии М.Ф. Соймонов (1730–1804)², генерал-прокуроры правительствующего Сената князь А. Б. Куракин (1759–1829)³ и П.Х. Обольянинов (1752–1841),¹ а также министр финансов и одновременно министр юстиции Д.А. Гурьев (1810–1823).

¹ Здесь и далее в скобках даты даны по старому стилю. – Авт.

² Михаил Фёдорович Соймонов – президент (1771-1781) и главный директор (1797-1801) Берг-коллегии, действительный тайный советник, сенатор [2, с. 355-356].

³ Алексей Борисович Куракин – генерал-прокурор правительствующего сената с 4.12.1796 по 8.8.1798 г. С 19.12.1796 г. – главный директор Ассигнационного банка [3, с. 567-572].

Материалы и методы

Данная статья развивает выводы, сделанные в двух статьях, опубликованных в журнале «Quaestio Rossica» [5, Keller A., S. 150-151; 6, S. 206-218]. В ней акцентуируется внимание на специфике взаимоотношений частного предпринимателя с государством. В научный оборот впервые введены документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Метод компаративистики и противопоставление противоположных точек зрения акторов позволяют, как нам представляется, увидеть наиболее рельефно соотношение государственного и частного интересов в России на рубеже XVIII-XIX веков. Сравнение противоположных точек зрения на частное предпринимательство таких государственных деятелей как Соймонова и Оболянинова позволяет отчасти понять механизмы принятия решений различных государственных акторов в этом вопросе. В то время как Соймонов являлся убежденным противником частного предпринимательства, считая, что «не совестно казне отдавать заводы на содержание частным людям подобно арендным имениям» [7, л. 4], Оболянинов поддержал Кнауфа в его стремлении вернуть купленные им в 1797 г. и отобранные у него в казну заводы. Оболянинов обосновывал в докладной записке Павлу I от 6 сентября (25) 1800 г., в которой он испрашивал разрешения на сделку, преимущества частного владения на коммерческой основе по сравнению с государственным: «Постепенный упадок работ на заводах и великое количество железа их, несколько лет без продажи лежащего, доказывает сие неоспоримым опытом» [8, л. 41].

Косвенную генетическую связь разрабатываемой темы можно увидеть с работами представителей так называемой «русской государственной школы» XIX века: К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича, П.Н. Милюкова, А.Д. Градовского и др., рассматривавших роль государства и личности в русской истории в зависимости от своих либеральных («прогрессивных») или консервативных («реакционных») взглядов. Нас интересует диалектика взаимодействия «частного» интереса, нередко увеличивающего государственную и общественную пользу, и «государственного», имеющего своей подоплекой зачастую личный интерес.

Вопрос о роли и соотношении государственной и частной инициативы в развитии промышленности ставился в России, особенно часто, начиная с реформ Петра I. и решался по-разному. Условия модернизации экономики, государства и общества ограничивались зачастую рамками крепостного права и довлеющего государственного управления, определявших во многом тропу, по которой шло развитие. Raison d'etat и частная предпринимательская инициатива могли мирно сосуществовать или приходиться в конфликт в зависимости от ситуации. По стечению обстоятельств, в средоточии конфликта частных и государственных интересов в 1797 г. оказался А. Кнауф.

Ссылаясь на принципы теории модернизации и диффузии инноваций, можно говорить об их успешном применении лишь в рамках данной статьи. В долгосрочной перспективе необходимо учитывать проблематичность зачастую тенденциозной телеологичности и чрезмерного позитивизма, а также некоторые издержки данной теории по отношению к таким результатам модернизации, как перепроизводство в условиях экспансивного роста, безоглядное использование невозобновляемых физических ресурсов, технизация сознания, уничтожение окружающей среды и пр.

Обсуждение

О деятельности А. Кнауфа упоминали в контексте модернизации и преимуществ вольнонаемного труда В.Я. Кривоногов и Н.И. Павленко [9, с. 113-114; 10, с. 49]. Более обстоятельный разбор данной темы находим в статьях Е. Амбургера [11, S. 161-162; 12, S. 122-130], Е.Г. Неклюдова [13, с. 83-101], В.П. Микитюка [14, с. 71-74] и Ю.П. Окунцева [15, с. 6-8]. Микитюк по праву называет сложный процесс покупки Лугининских заводов Кнауфом «странным и противоречивым» [16, с. 72]. Е.Г. Неклюдов считает, что предприятия Кнауфа «оказались в полном провале», а обстоятельства как получения, так и возвращения заводов в казну он называет «темным» делом [17, с. 390; 18, с. 89]. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти, приняв в виду неудачное арендное управление заводами барона Г.А. Строганова и более удачное – заводами И.М. Лугинина (Златоустовские заводы) и И.П. Осокина (медеплавильные заводы Юговский, Курашимский, Бизарский и железные Нижний и Верхний Иргинские и Саранинский заводы).

I Приобретение заводов, 1797–1801 гг.

Кнауф не был первым иностранцем на Урале, но первым крупным инвестором, обеспеченным капиталом банков Западной Европы. Число иностранных специалистов в регионе по подсчетам А.В. Черноухова в XVIII в. достигало 600 [19, с. 231], а согласно сведениям Н.С. Корепанова, после 1742 на Урал каждое десятилетие пребывало в среднем около десяти специалистов [20, с. 18]. В XVIII в. заводчики Демидовы продавали в большом количестве чугуны в Англию и Европу и имели там обширные деловые контакты [21].

¹ Пётр Хрисанфович Оболянинов – генерал от инфантерии, генерал-прокурор правительствующего сената со 02.02.1800 по 16.03.1801 [4, с. 54-57].

Карьера Кнауфа после обучения торговому делу в Петербурге продолжается в Москве в конторе торговой фирмы голландского происхождения John Tamesz & Co. [22, S. 161-162]. Здесь он открыл в 1795 г. вместе со своим английским партнером Вильямом Доути (Василий Васильевич) торговую фирму «Doughty, Knauff & Co.» [23, S. 122]. Для этого оба вступили в первую гильдию, приняв прежде российское подданство. Кнауф приведен к присяге на вечное подданство 28 декабря (17) 1795 в лютеранской церкви. Вот описание его внешнего вида: «росту среднего, лицом бел, глаза карие, волосом рус» [24, л. 12, 13]. Первый опыт в управлении заводами партнеры получили в 1796 г., взяв на себя по договору от 7 марта (25) управление Преображенским заводом московского купца П.М. Гусятникова [25, с. 71; 26, с. 99].

7 декабря (26) 1797 г. Кнауфом был подписан договор с капитаном И.М. Лугининым, в присутствии его опекуна Н. Е. Мясоедова, «о продаже ему крепостного имения с заводами (крепостными и долгами)»: четырех железоделательных и одного медеплавильного завода в Миассе [27, л. 48]. Это было самое значительное приобретение Кнауфа, так как в их число входил Златоустовский завод, развитию которого он посвятил свое основное время и силы. Неоднозначность ситуации заключалась в том, что производительность этого завода достигла в 1795 г. максимальных 275,7 тыс. пудов чугуна и 170 тыс. пудов железа. Этот рекорд был побит лишь в 1875 г. (277,3) [28]. Но тяжело видимо было бремя долгов. В аналогичной ситуации оказался и сам Кнауф в 1810 г., когда произошел драматичный спад производства из-за отсутствия новых кредитов.

Основанием для продажи заводов послужили долги И.М. Лугинина. Как сообщал его опекун, назначенный высочайшим указом управлять его делами, тайный советник, сенатор и кавалер Николай Мясоедов в своем письме от 5 сентября (25) 1799 г. на имя генерал-прокурора правительствующего Сената А. А. Беклешова о своем подопечном, что «Лугинин слабостию своею в толь короткое время, несмотря на усилия жены его, [...] просьбы и горчайшие слезы, наделал величайшие долги». Мясоедов писал далее, что если бы ни Кнауф, 12.000 душ обоего пола «не имели на продовольствие свое хлеба, и по неимению капитала действие заводов и пропитание людей существовало тогда не более, как только на один месяц, а потом предстояло в виду гибельное разрушение». Опекуну удалось поднять первоначальную цену в 1.370.000 руб., выставленную Лугининым и его сестрой, до 1.800.000 руб. и получить дополнительную выгоду в 429.399 руб. Кроме того Кнауф обязывался отправить «на поддержание сих разрушившихся заводов» 25.000 руб. В общей сложности тот потратил 85.000 руб, так как «считая себя хозяином, производил плату рабочим и прочим, и пересылал деньги по собственной его воле». Но сделка не была утверждена, а князь А. Б. Куракин предписал сделать всем долгам Лугинина расчет [29, л. 6-7, 10, 28].

Высочайшего утверждения не последовало, так как Куракиным «незнаемо, почему было донесено, что Кнауф иностранец, а не российский подданный, то высочайше повелено было ему Лугинину изворотиться если можно займом из открывающегося тогда Вспомогательного банка, а ему Лугинину остаться при владении заводов, в противном случае оные приобрести в казну на самых тех условиях, как поставлено было Кнауфом и Лугининым» [30, л. 3].

Утверждение Алексея Куракина не соответствовало действительности, так как Кнауф принял российское подданство еще в 1795 г. Трудно говорить о мотивах Куракина – просвещенного вельможи, прослушавшего в свое время курс лекций по юриспруденции в Лейденском университете, библиофила, вывезшего не менее 500 томов книг в Россию. Именно Куракин заметил и выделил М.М. Сперанского, служившего в канцелярии генерал-прокурора вплоть до 1802 г. Противоречивость позиции правительства выражается в том, что сразу после покупки правительством заводов, Сенату было предложено рассмотреть, «кому полезнее для казны отдать на аренду». В конечном итоге Кнауф доказал свое верноподданничество, а правительством была признана неправомерность аннулирования сделки. Ему было обещано в возмещение понесенного им убытка 300.000 рублей с единовременной выплатой 100.000 руб. Именным «высочайшим указом от 15 мая (4) 1798 года велено приобретенные в казну заводы препоручить в управление Кнауфу, что и было сделано [31, л. 8, 4].

Но дело опять было поручено князю Куракину в совете с главным директором Бергколлегии Соймоновым, которые вновь не дали ход делу, так как «между тем вступили претенденты на управление сих заводов Ахматов и Хрущев» (32, л. 3), просившие «Государя императора об отдаче оных себе из казны на аренду» [33, л. 4]. Решающую роль здесь сыграло мнение Соймонова, который «побудил к скорейшему приобретению оных покупкою в собственность Государственного ассигнационного банка, от которого управление поручено Берг-коллегии» [34, л. 4].

Приказчики Лугинина, майоры Ахматов и Хрущев, желавшие завладеть заводами путем клеветы на нового владельца, были так охарактеризованы в одной из докладных записок канцелярии генерал-прокурора: «В числе сих просителей майор Ахматов бывший прежде крепостной Лугинина прикащик, который управляя заводами и разоряя его хищным образом, нажив знатный капитал домогается под видом усердия получить те заводы в свои руки и довести Лугинина до совершенного падения». Узнав о том, что «высочайшим указом [...] велено приобретенные в казну заводы препоручить в управление Кнауфу, [...] которыми он и управлял, [...] майоры Ахматов и Хрущев, желая только запутать сие дело и вовлечь в нерешимость оное, просили его императорское величество каждый об отдаче заводов на аренду» [35, л. 4, 8]. Характерно, что мнение, как

Соймонова, так и Хрущева, совпадало в вопросе о недопустимости отдачи заводов в частные руки [36, л. 3]. В результате, заводы не были отданы никому и дело отправлено на дальнейшее рассмотрение.

По расследованию дела Лугинина, порученному генерал-прокурору князю П.В. Лопухину и государственному казначею барону А.И. Васильеву, «как видно ничего не сделано», а окончательного решения до августа 1799 г. так и не последовало [37, л. 8]. Кнауфу вновь пришлось взяться за перо и искать благоволения у сановных доброжелателей, ожидая решения по своему делу. Даже при самом неблагоприятном раскладе, сделка с правительством казалась ему выгодной, так как в случае получения заводов, Кнауф мог рассчитывать на ежегодный доход со всех четырех железодельных заводов в 197.000 рублей (38, л. 8).

В свете последних исследований стало очевидно, что в решении данного спорного вопроса были задействованы четыре стороны: продавец И. Лугинин и его попечитель Н. Мясоедов, покупатели А. Кнауф и В. Доути, русское правительство в лице генерал-прокуроров правительствующего Сената А. Куракина, бывшего одновременно директором Ассигнационного банка, и П. Оболянинова, и директора Берг-коллегии М. Соймонова, а также управляющие заводами Лугинина майоры Ахматов и Хрущев, и как высшая инстанция – Павел I. Все это способствовало противоречивому ходу дела. Причем «частный» интерес Лугинина и Кнауфа с партнером противостоял «государственному» интересу в лице царя, генерал-прокуроров и директора Берг-коллегии Соймонова. Причем Соймонов и Куракин были одновременно членами Горного совета [39, с. 15-18]. В данном случае управляющие Ахматов и Хрущев пытались оказать на них давление, чтобы получить заводы: первый – в собственность, второй – управляющим от казны.

Все это время, пока решалось дело, Кнауф, видя себя правопреемником заводов, произвел на их содержание значительные затраты, что положительно сказалось на их состоянии. Теперь заводам не грозило банкротство, было налажено стабильно растущее производство различных сортов железа: «полосовое обыкновенное, полосовая ломь, короткополосное, разного семерного и пятерного, ломи разной, брусное»: в первой половине 1797 г. произведено 75251 пудов, в 1798 – 291799 пудов, в первой половине 1799 г. – 287924 пудов. Ежегодно количество произведенной продукции удваивалось, а в 1799 г. план производства был превышен на 3111 пудов [40, л. 36-37]. И.Ф. Фелькнер, назначенный Берг-коллегией в 1799 г. управляющим Златоустовскими заводами, был также незаслуженно оговорен Ахматовым в несовершеннолетних злоупотреблениях. Можно предположить, что Фелькнер работал в тесной связке с Кнауфом до апреля 1802 г., когда заводы уже принадлежали Кнауфу [41, S. 150-151].

Необходимо было, наконец, принять по заводам решение. Заслуга ли это Кнауфа или прагматичная установка генерал-прокурора Оболянинова, но в строках доклада из его канцелярии по делу Кнауфа явно просматривается аргументация первого: «...Весьма медленная и мелочная продажа железа Государственному ассигнационному банку принадлежащего и великое его количество находящееся и по сие число на бирже, ясно доказывает, что невыгодно сию торговлю производить посредством казны, которой по обрядам купеческим поступать никак не можно. Десятилетнее сравнение преимущественного ежегодно действие частных горных заводов в соразмерности казенных покажет еще более неудобство такового управления» (42, л. 4).

Кнауф пишет прошения на высочайшее имя о возвращении ему заводов [43, с. 33-36]. Прощения Лугинина отдать заводы Кнауфу, также не имеют успеха, как и отклонены аналогичные просьбы со стороны Ахматова и Хрущева [44, л. 8]. Так или иначе, удача улыбнулась Кнауфу в августе 1798 г.: ввиду охлаждения императора к своей фаворитке Нелидовой и братьям Куракиным, Алексей Куракин попал в немилость и был отстранен от должности, благодаря чему шансы Кнауфа на успех возросли [45, с. 569].

Настойчивость и связи Кнауфа, его познания в горнопромышленном деле и поддержка со стороны видных иностранных и российских предпринимателей Доути, Шнайдерса, Гассельгрена, И.П. Осокина и П.М. Гусятникова, а также со стороны видных представителей русской аристократии князя А.Н. Голицына, княгини Л.Н. Гагариной, барона Г.А. Строганова, графа С.П. Ягужинского привели к успеху. 12 октября (30) 1800 г. в Гатчине подписан высочайший указа «Об отдаче Лугининских рудокопных заводов купцу Кнауфу в вечное [и наследственное] содержание» [46, л. 27, 59-80; 47]. Кнауфу отдано предпочтение среди прочего из-за его знаний «в горной науке», но трудно себе представить, что Ахматов и Хрущев были менее компетентными. Возможно, сыграли свою роль выгодные условия контракта, заключенного с Берг-коллегией 18 сентября (6) 1801 г., согласно которому Кнауф прощал государству 300 тыс. руб., потраченных на заводы ранее, и обязывался платить ежегодно в казну 100 тыс. руб. Это условие можно назвать кабальным. Оно привело Кнауфа, в конечном итоге, к разорению. Оговаривалось, что «положенную цену на выделку железа и выплавку меди, стараться будет Кнауф уменьшить, дабы из остальной по сему обороту прибыли для пользы казенной и для собственных своих выгод половину предоставлять короне. Если же Кнауф сверх той пропорции более произведет, то полученную прибыль обязан делить пополам с казной» [48, л. 27-28; 49, л. 2]. За это Берг-коллегия обещала предоставление выгодных ссуд, посессионных крестьян и привилегии, а также пользование землей, реками и рудниками. Но все эти «привилегии», включая ограничение объема продукции и числа посессионных крестьян, скорее стесняли развитие и были гораздо меньшими по сравнению с обязательствами перед государством.

II Управление заводами, 1801–1811 гг.

В канун Нового года г. 11 января (30.12.1801) 1802 г. Кнауф писал своему отцу: «Во что бы то ни стало, я хочу облегчить участь моих крепостных, а это около 17.000 человек обоего пола. Это – мой наиглавнейший долг» [50, S. 124].¹ Нарушив предписанные нормы, он повышает рацион хлеба и оплату труда своим работникам [51, л. 64].

Кнауф не останавливается на достигнутом и становится за короткий период с 1800 по 1804 г. владельцем или арендатором 14 чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных предприятий на Урале [52, с. 99]. Возможно, Кнауф мечтал выстроить промышленную империю по примеру династии Демидовых. Он пытается сделать шпагат между двумя жизненно важными потребностями предприятия: внедрять то, что технологически возможно и экономически целесообразно. Ему приходится учитывать «факторы, оказывающие влияние на производительность труда и себестоимость продукции: конструкцию домны, качество сырья, транспортные расходы» [53, с. 49]. В 1802 г. процентное содержание железа в руде могло сильно колебаться от 25 до 60%, а расстояние при доставке породы с рудников могла составлять от 3 до 100 верст. Соответственно, транспортные расходы могли быть вдвое-втрое выше по сравнению с другими заводами, находящимися в более выгодном положении.

При этом Кнауф поставил для себя достижение двух целей социального и технического плана: во-первых, «облегчить участь принадлежащих тем заводам людей со стороны содержания их и сохранения здоровья», т.е. улучшить условия жизни и труда своих рабочих, крестьян и их семей, а во-вторых, значительно расширить ассортимент и качество (die Kunstfertigkeit) производимых товаров для диверсификации производства и достижения лучшей конкурентоспособности. Кнауф выстроил за свой счет больницы и нанял врачей на полном содержании. Благодаря его ветеринарам на протяжении десяти лет практиковалась прививка от коровьей оспы, благодаря чему были спасены многие тысячи голов крупного рогатого скота не только у его рабочих, но и на казенных заводах, что Кнауф по праву назвал «для блага человечеству подвиг». Он посылает детей крепостных учиться в Петербург (Горный кадетский корпус) и в Москву (Коммерческое училище). Для повышения качества продукции, «многих из заводских мастеровых, посредством найма из разных мест мастеров обучал разным мастерствам на месте; многих посылал для сего и содержал на своем коште в разных местах и между прочим и в Московском Коммерческом училище и в Горном Корпусе; для производства тех мастеров устроил на заводах различные здания и машины и на том же разе на самых Лугининских заводах поселил 150 человек из иностранных искуснейших людей по горной и фабричной части, выписал и доставил их на заводы из различных мест тоже на своем коште [54, л. 63-64].

В 1804 г. А.А. Кнауф начинает обновление производственных мощностей Иргинского верхнего завода, поручив его Меджеру, который в 1804 году построил передельную фабрику с нагревательной печью, одним резным и 2 катальными станами. В 1806-1808 гг. здесь работали англичане механик Джон Вильсон, мастера «при ножевой фабрике» Эдвард Шерпин и Джеймс Вудланд, саксонец гравер Иван Кесаль, а также Меджер, производивший «строение разных паровых и других махин» [55, с. 391]. Последний ввел механическое производство: просверливание и выточку цилиндров, коромысел и других составных частей паровых машин. Здесь производились высококачественные стальные столовые ножи и вилки [56].

Новый владелец энергично берется за дело. Посредством «найма вольных работников, заведения и устройства полезных машин, уменьшающих число рук, усиливающих самое действие и усовершенствующих работу» он достиг «усиления заводского действия» [57, с. 49; 58, с. 113]. В одном из докладов Берг-коллегии от 3 (15 августа) 1803 г. говорилось о том, что собственником Кнауфом на Златоустовском, Саткинском и Кузинском заводах посредством различных экспериментов на практике делаются попытки добиться лучшего качества в производстве стали [59, л. 668]. Он поощряет технические новшества. В 1805 г. по предложению мастерового Х. Каротина благодаря изменениям в конструкции доменных печей Златоустовского завода достигнуто значительное сокращение расхода угля [60, с. 104].

В 1804 г. Кнауф пригласил английского механика Джона Меджера, работавшего до этого на Александровском заводе и руководителем пуговичной фабрики в Петрозаводске, управлять Верхнеиргинским заводом. В 1807 г. Кнауфу удается получить главноуправляющим заводов бывшего прусского фабричного комиссара Александра Эверсмана [61, S. 127; более подробно об иностранных специалистах см.: 62, с. 243-244].

Управляющий Кнауфа коллежский ассессор Иосиф (Осип) Яковлевич Меджер устанавливает с помощью обученных мастеров паровые машины на государственных Березовском и Богословском заводах. «Что принадлежит до улучшения заводского и горного производства, – свидетельствовали официальные источники, – то по искусственной онаго части старания Кнауфа известны, и он за сии старания заслуживает по справедливости похвалу [...] Паровые машины действительно начали устраиваться в заводах Уральского хребта со времени введения оных на заводах Кнауфа.

¹ В оригинале: «Bis dahin will ich es mir recht sauer werden lassen, jedoch nicht aus dem Auge lassen, dass ich meinen Leibeigenen, die ungefähr 17000 Menschen beiderlei Geschlechts ausmachen, das Schicksal so leicht wie möglich mache. Dies ist meine erste Pflicht...».

Для сбережения дров при плавке железных руд изобретено средство также у него на заводах одним мастеровым и оно состоит в новом устройстве Доменных печей» [63, л. 64, 79].

Горное начальство из Екатеринбурга доносило в Берг-коллегию о рапорте Златоустовской заводской конторы от 13.08.1803 г., в котором сообщалось об опытах «заводосодержателя Кнауфа и обретающегося при заводах тех» его «комиссионера» коммерции советника И.А. Карелина на Златоустовском, Саткинском и Кусинском заводах на устроенных там доменных горнах: «...есть желание и старание, чтобы чрез разные практические опыты и смешением разных рудников руд и флюсов сколько возможно улучшить выплавку оную» [64, л. 668]. В 1805 г. по предложению мастерового Х. Каротина внесены изменения в конструкцию доменных печей, что позволило значительно уменьшить расход угля [65, с. 104].

В 1808 г. Кнауф запустил завод Верхняя Сарана, выпускавший в неделю до 5000 «кос сенокосных, кои по доведенной их доброты не уступают лучшим немецким, а продаются к выгоде и облегчению наших поселян несравненно дешевле тех, и в сих статьях, особливо же в последней, я руководствовался сколько чаянием собственных моих по оным выгод, столь не менее и усердием моим из общей и Государственной пользы, поелику с размножением здесь сих изделий [...] сократится ввоз оных к выгоде нашего баланса из земель иностранных» [66, л. 64].

Примерно в то же время при Артинском заводе также строится фабрика по производству сенокосных кос [67, S. 127]. Кроме этого здесь изготавливались пилы и другие хозяйственный инструменты, а также отливались артиллерийские орудия, что, по словам Кнауфа, в 1811 г. не готов был сделать кроме него никто. Всего русское правительство заказало в 1811 и 1812 гг. по 125 орудий. К ноябрю 1811 г. было отлито 52 орудия. Кнауф писал в марте 1812 г., что «при сих устройствах на моих заводах для различных изделий, изо всех заводчиков имеющих заводы по хребту Урала, один только я мог взяться удовлетворить в прошедшем 1811 году требованию Правительства и в выливке на моих заводах разного калибра чугунных пушек» [68, л. 64].

Для решения насущной проблемы с рабочими кадрами Кнауф проявляет «наибольшую активность», утверждая в своих прошениях, что «подать за казенные пособия крайне отяготительна и несоразмерна получаемой заводосодержателя пользе» [69, с. 22]. В 1807 г. отклонено прошение Кнауфа, в котором он просил повысить количество работников до 3740 с целью сохранения объемов производства [70, S. 126].

Учитывая обострение социальных конфликтов и технические проблемы: в 1802 г. было остановлено 69 доменных и 98 медноплавильных печей [71, с. 112], Кнауф предлагал вовсе отказаться от непрременных работников взамен приписных крестьян, желая перейти на вольнонаемный труд, тем более, что «опрошенные горные начальники нашли просьбу Кнауфа справедливой» [72, с. 23]. Вольнонаемные люди обходились Кнауфу намного дешевле (80 руб.), чем приписные крестьяне и непрременные работники (123 руб.) [73, с. 114].

Незадолго до отнятия у Кнауфа Златоустовского завода в 1811 г. [подробнее об этом см.: 74, с. 391; 75, с. 88-89], последний поручает управляющему Д. Гильгеру наладить производство, дефицитных тогда в России, инструментов и бытовых изделий из железа [76, с. 7].¹ Как писал сам Кнауф: «... к удобному и выгоднейшему действию работ заводских, заведя при заводах паровые машины, я имел возможность доставить сию пользу и казне, ибо существующие ныне на казенных Березовском и Богословском заводах таковые паровые машины, по желанию тамошних горных начальств, сделаны были находившимися тогда у меня коллежским ассессором Меджером и обученными им моими рабочими людьми и на моих заводах.

Всего через несколько лет управления Кнауфом, заводы были приведены «в состояние цветущее», стоимость четырех Златоустовских заводов возросла более чем в три раза и составляла 6 млн. руб. [77, л. 65-66]. Златоустовский завод был единственным предприятием на Урале с полным производственным циклом. Кнауф постоянно модернизировал производство, внедряя паровые машины на своих и на казенных предприятиях. В 1811 г. на заводе имеется превосходная материальная база: домна с двумя горнами, две печи для цементированья стали, 21 горн, четыре стана плющильных, четыре якорных горнов. Домна в Златоусте давала в сутки до 2500 пудов чугуна или в два раза больше царь-домны в Невьянске. Завод производил 1200 пудов стали, более 52 тыс. пудов железа, занимая первое место по выпуску продукции среди заводов Южного Урала (78, с. 104). Для сравнения суточная норма для уральских домен начала XIX в. составляла 311 пудов, а царь-домна давала в 1801 г. 900–1200 пудов [79, с. 96].

В последующие годы о Кнауфе почти ничего не известно. «Неспособного» Кнауфа не стали бы оставлять до 1818 г. управляющим заводами и тем более не просить писать специальные статьи для «Горного журнала». В 1830 г. под именем А. Кнауфа напечатана аналитическая статья о развитии чугунно-плавильной и металлообрабатывающей промышленности Урала [81, с. 220-236]. Согласно

¹ О.К. Ермакова сообщает, что Давид Гильгер был завербован российским консулом в Данциге Л. Трефуртом и приехал в Петербург в конце 1806 г., подписав с русским правительством десятилетний контракт. В 1807–1808 гг. им были завербованы 149 европейских мастеров на Ижевский и Воткинский заводы, больше половины из которых перешли по приглашению Кнауфа в 1810–1811 гг. на Златоустовский завод уже по пятилетним контрактам [80, с. 245].

последним данным, в 1822 г. Кнауф был управляющим Нижне- и Верхнеиргинского заводов. Как не удивительно, Кнауф кооперировался со своим бывшим конкурентом Ахматовым, управляющим Кусинским заводом Златоустовского округа. Последний описал в своей статье примечательный эпизод: «В бытность мою в 1822 г. по делам службы в Иргинском заводе,¹ я узнал от содержателя оного, А. А. Кнауфа, что по убожеству руд, в заводах его находящихся, плавит вместе с ними кричный сок,² и что через сие содержание руд почти удвоил. Возвратясь вскоре на Кусинский завод, я немедленно приступил к повторению сего опыта, следуя наставлениям, каковые г. Кнауф по благосклонности своей сообщил мне». В результате Ахматову удалось получить со 100 пудов руды 50 вместо 46 пудов металла с улучшенными свойствами [82, с. 65-76].

Именно в 1827 году Кнауф занимался опытами по технологии и металлургии на Александровском чугунолитейном заводе в Петербурге [83, S. 161]. Адресные календари Санкт-Петербурга за 1812, 1827 и 1833 гг. содержат дополнительную косвенную информацию о Кнауфе. Там он упоминается как почетный член Московского университета и Московского общества естествоиспытателей [84, с. 339; 515; 475]. Симптоматично, что общество было основано в 1805 г. – во время активной деятельности московского купца Кнауфа на Урале.

Заключение

Кнауф был предпринимателем новой формации, попавшим на Урал во то время, когда его горнодобывающая и металлообрабатывающая промышленность находилась в относительной стагнации, медленно переходящей в кризис, связанный с посессионной системой, новыми требованиями в организации производства и необходимостью внедрения новых технологий. Сильная ориентированность уральской промышленности на экспорт металла в Европу и сравнительно небольшой внутренний рынок привели с сокращением первого к трудностям сбыта продукции в начале XIX в., которые необходимо было преодолевать с помощью диверсификации и повышения качества продукции. Так, заводы «Лугининские сданы были в обыкновенном с прочими заводами состоянии, и именно в таком, что на оных ничего, кроме одного железа, не выделялось» [85, л. 63]. Наполеоновские войны 1806–1807 годов и особенно континентальная блокада 1808 г. привели к ослаблению рубля и закрытию кредитной линии для всей русской торговли в Европе. Андрея Кнауфа это коснулось напрямую. Не случайно, именно в 1808 г. у Кнауфа возникли проблемы с платежами.

Формально Кнауф потерпел фиаско, потеряв свой основной актив – Златоустовские заводы. Для него лично это было тяжелое поражение. Среди родственников в Германии ходили даже слухи, что он покончил жизнь самоубийством [86, S. 161]. Но результатом деятельности Кнауфа, бывшего инициатором многих нововведений, стало развитие и модернизация промышленности на Урале. Существенную роль сыграли здесь приглашенные им специалисты из Западной Европы, прежде всего из Германии. Тот факт, что русское правительство на базе Златоустовского завода с солидной технологической и профессиональной базой приступило к созданию уникальной фабрики с монопольным правом на изготовление холодного оружия в России, служит подтверждением правильной производственной политики Кнауфа, делавшего ставку на модернизацию производства. Являя собой новый образ предпринимателя, он символизировал социально ответственный бизнес, берущий на себя заботу о материальном благосостоянии вверенных ему рабочих и крестьян.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г. Автор выражает благодарность М.А. Киселеву и О.П. Старцевой за плодотворное обсуждение темы в ходе написания статьи.

Примечания:

1. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2, оп. 2, д. 70. Л. 89.
2. Российская педагогическая энциклопедия в 2-х томах, т. 2, гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая советская энциклопедия, 1999. С. 355-356.
3. Русский биографический словарь, изд. А.А. Половцовым, т. 9. СПб.: Типография главного управления уделов, 1903. С. 567-572.
4. Русский биографический словарь, изд. А.А. Половцовым, т. 12. СПб.: Типография главного управления уделов, 1902. С. 54-57.
5. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. Der Aufstieg // Quaestio Rossica. 2013. №1. S. 144-159.

¹ Верхне- или Нижнеиргинский заводы, купленные в свое время Кнауфом у купца Осокина.

² Кричный сок, части полуплавного железа, отлетающие брызгами под кричным молотом; они идут опять в перепарку.

6. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf. Der Praktiker im Ural // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. S. 206-218.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 4.
8. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 41.
9. Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск [б. и.], 1959. С. 113-114
10. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 49.
11. Amburger, E. „Knauff, Andreas“ // *Neue Deutsche Biographie*. Vol. 12. 1979. S. 161-162.
12. Amburger Erik. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural // *Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des Neuzeitlichen Russlands. Ausgewählte Aufsätze*. Hrsg. v. Klaus Zernack. Wiesbaden (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 17). S. 122-130.
13. Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала / Е.Г. Неклюдов // *Известия Уральского государственного университета*. 2004. № 31. Вып. 7. С. 83-101.
14. Немцы на Урале XVII–XXI вв.: Коллективная монография [Текст] / В. М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В.П. Корепанов, В.П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 72.
15. Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. Москва: Вече, 2011. С. 6-8.
16. Немцы на Урале XVII–XXI вв. С. 72.
17. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 390.
18. Неклюдов Е.Г. Купец А. А. Кнауф и его кредиторы. С. 89.
19. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 231.
20. Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография. С. 18.
21. Мосин А. Г. Род Демидовых. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2012.
22. Amburger, E. „Knauff, Andreas“ // *Neue Deutsche Biographie*. Bd. 12. 1979. S. 161-162.
23. Amburger Erik. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 122.
24. ЦИАМ. Ф. 32, оп. 4, д. 2758, л. 12, 13.
25. Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография. С. 71.
26. Неклюдов Е. Г. Купец А. А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала. С. 99.
27. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779. Л. 48.
28. Археология и краеведение Урала. URL: <http://www.arkur.ru/plants> (дата обращения: 16 марта 2015 г.).
29. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. л. 6-7, 10, 28.
30. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 3.
31. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 10, 19.
32. РГИА, Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 3.
33. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 4.
34. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 4.
35. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 4, 8.
36. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 3.
37. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 8.
38. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 8.
39. Тулисов Е.С. Учреждение Екатеринбургского горного начальства (1802 г.) / Е.С. Тулисов // *Западная Сибирь: Проблемы истории и историографии*. Нижневартовск, 2000. С. 15–18.
40. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 36-37.
41. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. Der Aufstieg // *Quaestio Rossica*, 2013. №1. S. 150-151.
42. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 4.
43. Тулисов Е.С. Инструкция главному начальнику Екатеринбургского горного начальства в 1802 году [Текст] / Е.С. Тулисов // *Отв. ред. В. И. Шишкин. Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI-XX веков: сборник научных статей*. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1999. С. 33-36.
44. РГИА. Ф. 1374, оп. 2, д. 1779, л. 8.
45. Русский биографический словарь, изд. А. А. Половцовым, т. 9, С. 569.
46. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 27, 59-80.
47. ПСЗ-1, т. 26, 19583.
48. РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2500, л. 28.
49. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 96, л. 2.
50. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural, S. 124.
51. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 64.
52. Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы. С. 99.

53. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 49.
54. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 63-64.
55. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. С. 391.
56. Археология и краеведение Урала. URL: <http://www.arkur.ru/plants> (дата обращения: 16 марта 2015 г.).
57. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. С. 49.
58. Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск [б. и.], 1959. С. 113.
59. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271, оп. 1, д. 2678, л. 668.
60. Козлов А. В. Златоуст – город крылатого коня. Златоуст: ООО Фотомир, 2004. С. 104
61. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 127.
62. Ермакова О. К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 243-244.
63. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 79.
64. РГАДА. Ф. 271, оп.1, д. 2678, л. 668.
65. Козлов А. В. Златоуст – город крылатого коня. С. 104.
66. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 64.
67. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 127.
68. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 64.
69. Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 22.
70. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 126.
71. Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. С. 112.
72. Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века. С. 23.
73. Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. С. 114.
74. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. С. 391.
75. Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала. С. 88-89.
76. Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. С. 7.
77. РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 66.
78. Козлов А. В. Златоуст – город крылатого коня. С. 104.
79. Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. С. 96.
80. Ермакова О. К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.). С. 245.
81. Кнауф А. Обзорение чугунно-плавильного действия и железного производства хребта Уральского в 1827 году // Горный журнал, кн. IV, ч. 11. 1830. С. 220-236.
82. Ахматов. О проплавке кричных соков в доменных печах // Горный журнал, кн. VII, т. 3, 1827. С. 65-76.
83. Amburger E. „Knauff, Andreas“. S. 161.
84. Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1812 год. СПб. С. 339; Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1827 год. СПб. С. 515; Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1833 год. СПб. С. 475.
85. РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 6. Л. 63
86. Amburger E. „Knauff, Andreas“. S. 161.

References:

1. Central State Archive of the City of Moscow (TsGA Moskvyy) f. 2, op. 2, d. 70, l. 89.
2. Russian pedagogical encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2, ed. V. V. Davydov. Moscow: Great Soviet Encyclopedia, 1999. P. 355-356.
3. Russian biographical dictionary, ed. A.A. Polovtsov. Vol. 9. St. Petersburg: tip. Gl. upr. udelov, 1903. P. 567-572.
4. Russian biographical dictionary, ed. A.A. Polovtsov. Vol. 12. St. Petersburg: tip. Gl. upr. udelov, 1902. P. 54-57.
5. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. Der Aufstieg // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 144-159.
6. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf. Der Praktiker im Ural // Quaestio Rossica. 2014. № 1. S. 206-218.
7. Russian State Historical Archive (RGIA) f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 4
8. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 41.
9. Krivonogov V.Ia. Wage labour in mining industry in the Urals in the 18th century. Sverdlovsk, 1959. P. 113-114.
10. Pavlenko N.I. The history of metallurgy in Russia in 18th century. Factories and factory owners. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. P. 49.

11. Amburger E. „Knauff, Andreas“. *Neue Deutsche Biographie* 12, 1979. S. 161-162.
12. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. Sammelband: Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des Neuzeitlichen Russlands. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. v. Klaus Zernack. Wiesbaden (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 17), S. 122-130.
13. Neklyudov E. G. Merchant A. A. Knauf and its creditors: the first experience of foreign enterprises in mining plant industry of the Urals // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Nr. 31. 2004. Vol. 7. P. 83-101.
14. The Germans in the Urals 17th – 21th centuries, eds. Kirillov V.M., Dashkevich L.A., V.P. Korepanov, V.P. Mikityuk. Nishnii Tagil: NTGSPA, 2009. P. 72.
15. Okuntsov V. P. Zlatoust arms factory. Moscow: Veche, 2011. P. 7.
16. The Germans in the Urals 17th – 21th centuries. P. 72.
17. Neklyudov E. G. Ural breeders in the first half of the nineteenth century: the owners and ownership. Ekaterinburg, 2013. P. 390.
18. Neklyudov E. G. Merchant A. A. Knauf and its creditors. P. 89.
19. **Alekseeva E. V. Diffusion of innovation in European Russia (18th - beginning 20th century)**. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. P. 231.
20. The Germans in the Urals 17th – 21th centuries. P. 18.
21. Mosin A. G. The Demidovs. Ekaterinburg: Izd-vo „Sokrat“, 2012.
22. **Amburger E. „Knauff, Andreas“**. S. 161-162.
23. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 122.
24. TsGA Moskv f. 32, op. 4, d. 2758, ll. 12, 13.
25. The Germans in the Urals 17th – 21th centuries. P. 71.
26. Neklyudov E. G. Merchant A. A. Knauf and its creditors. P. 99.
27. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 48.
28. Archaeology and Regional Studies of the Urals. URL: <http://www.arkur.ru/plants> (accessed March 16, 2015).
29. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 6-7, 10, 28.
30. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 3.
31. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 10, 19.
32. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 3.
33. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 4.
34. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 4.
35. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 4, 8.
36. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 3.
37. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 8.
38. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 8.
39. Tulisov E. S. Institution Ekaterinburg mountain superiors (1802) / E. S. Tulikov // *Western Siberia: problems of history and historiography*. Nizhnevartovsk, 2000. P. 15–18.
40. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 36-37.
41. Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. S. 150-151.
42. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 4.
43. Tulisov E.S. Instructions main chief of the Ekaterinburg mining management in 1802 // E.S. Tulisov / ed. V.I. Shishkin. Problems of the history of local government in Siberia late 16th-20th centuries: volume of scientific articles. Novosibirsk: Institute of History Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 1999. P. 33-36.
44. RGIA f. 1374, op. 2, d. 1779, l. 8.
45. Russian biographical dictionary, ed. A. A. Polovtsov. V. 9. P. 569.
46. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, ll. 27, 59-80.
47. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ-1). V. 26, 19583.
48. RGIA f. 1374, op. 3, d. 2500, l. 28.
49. RGIA f. 560, op. 3, d. 96, l. 2.
50. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural, S. 124.
51. RGIA f. 560, op. 3, d. 6, l. 64.
52. Neklyudov E. G. Merchant A. A. Knauf and its creditors. P. 99.
53. Pavlenko N. I. The history of metallurgy in Russia in 18th century. P. 49.
54. RGIA f. 560, op. 3, d. 6, l. 63-64.
55. Neklyudov E. G. Ural breeders in the first half of the nineteenth century. P. 391.
56. Archaeology and Regional Studies of the Urals. URL: <http://www.arkur.ru/plants> (accessed March 16, 2015).
57. Pavlenko N. I. The history of metallurgy in Russia in 18th century. P. 49.
58. Krivonogov V. Ia. N Wage labour in mining industry in the Urals in the 18th century. P. 113.
59. Russian State Archive of Early Acts (RGADA) f. 271, op. 1, d. 2678, l. 668.
60. Kozlov A.V. Zlatoust – a city of the winged horse. Zlatoust: OOO Fotomir, 2004. P. 104
61. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 127.

62. Ermakova O.K. Gosudarstvennaja politika privilechenija inostrannykh spetsialistov na ural'skie zavody (первая половина XIX в.) // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 243-244.
63. RGIA. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 79.
64. RGADA. Fond. 271, Op.1, D. 2678, L. 668.
65. Kozlov A.V. Zlatoust – a city of the winged horse. P. 104.
66. RGIA. Fond. 560, Op. 3, D. 6, L. 64.
67. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 127.
68. RGIA. Ф. 560, оп. 3, д. 6, л. 64.
69. Neklyudov E.G. Possessional right in the history of the mining industry in the Urals in 19 - early 20th century. Ekaterinbueg: UrO RAN, 2011. P. 22.
70. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. S. 126.
71. Krivonogov V.Ia. Wage labour in mining industry in the Urals in the 18th century. P. 112.
72. Neklyudov E.G. Possessional right in the history of the mining industry in the Urals in 19 - early 20th century. P. 23.
73. Krivonogov V.Ia. Wage labour in mining industry in the Urals in the 18th century. P. 114.
74. Neklyudov E.G. Ural breeders in the first half of the nineteenth century. P. 391.
75. Neklyudov E.G. Merchant A. A. Knauf and its creditors: the first experience of foreign enterprises in mining plant industry of the Urals. P. 88-89.
76. Okuntsov V.P. Zlatoust arms factory. P. 7.
77. RGIA f. 560, op. 3, d. 6, l. 66.
78. Kozlov A.V. Zlatoust – a city of the winged horse. P. 104.
79. Krivonogov V. Ia. Wage labour in mining industry in the Urals in the 18th century. P. 96.
80. Ermakova O. K. The state policy of attracting foreign specialists at the Ural factory (the first half of 19th century). P. 245.
81. Knauf A. Review of iron-smelting operation and iron production of the Urals mountain in 1827 // Mining magazine. 1830. V. IV. Part 11. P. 220-236.
82. Akhmatov. About melt bloomery juices in blast furnaces // Mining magazine. 1827. V. VII. Part 3. P. 65-76.
83. Amburger E. „Knauff, Andreas“. S. 161.
84. Address-Calendar of St. Petersburg for 1812. P. 339; Ibid., for 1827. P. 515; Ibid., for 1833. P. 475.
85. RGIA f. 560, op. 3, d. 6, l. 63.
86. Amburger E. „Knauff, Andreas“. S. 161.

УДК 94

«Raison d'etat» и «частный интерес» в России конца XVIII в. – начала XIX в.: на примере А. Кнауфа в горнозаводской промышленности Урала, 1797–1833 гг.

Андрей Викторович Келлер

Уральский федеральный университет, Российская Федерация
E-mail: a.v.keller@urfu.ru

Аннотация. «Исследуется деятельность Кнауфа в качестве владельца горнозаводских предприятий, модернизированных за счет трансфера западноевропейских технологий. Его опыт интересен в контексте крепостного права и нехватки квалифицированных кадров при существовавшей системе посессионных заводов. Российско-немецкий предприниматель Андрей Кнауф является незаурядной личностью и инноватором в горнозаводской и металлургической промышленности Урала начала XIX в., оказавшим положительное влияние на ее развитие. Прослеживается взаимодействие частного предпринимателя с государством, а также делается попытка выявить реальный вклад в развитие производства и региона и причины неудачи Кнауфа. Автором делается принципиальное различие между финансовой неудачей Кнауфа и его ролью в технической и социальной модернизации своих предприятий, ставших на какое-то время ведущими на Урале по темпам роста и внедрению инноваций, напрямую повлиявших на введение паровых машин на государственных заводах. Кнауфа можно отнести к новому типу предпринимателя, представляющему социально ответственный бизнес.

Ключевые слова: Андрей Кнауф, Урал, индустриализация, горнозаводская и металлообрабатывающая промышленность, модернизация, трансфер технологий, трансфер знаний.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 519-535, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration?

¹Vladislav I. Goldin

²Konstantin S. Zaikov

³Aleksandr M. Tamitskiy

^{1, 2, 3}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
Lomonosov Avenue 2, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002

¹Dr. (History), Professor

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

²PhD (History)

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³PhD (Political Science), Associate Professor

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Abstract

This article is based of an extensive array of documents and cartographic materials of the leading archives of the Russian Federation and Norway. The authors focus their attention on the history of Russian-Norwegian border and the Sami aspect of its development. On the Scandinavian continent, the population of frontier areas was often a factor of political tension, but the ethnic picture of the Russian-Norwegian borderland distinguished by the fact that the frontier status of the Skolt was the integration factor for the formation of economic cooperation between the border provinces of Russia and Norway. This thesis the authors explain by the peculiarities of the States policy regarding the border territories, ethnic groups, economic activities and economic interaction of Skolt with other communities, as well as their perception of own inhabited space.

Keywords: Russian-Norwegian relations; the Russian-Norwegian frontier; Sami.

Введение

Демаркация и поддержание границ является первостепенной задачей современного государства и признаком его существования. В способности и желании проведения линий рубежей, разделяющих собственную территорию от территории соседних государств, введения правил, регулирующих потоки товаров и людей через установленные границы, видится признак стремления к национальной независимости. Однако четко очерченные государственные границы и их поддержание длительное время не являлись главной целью политики со стороны власти. В Европе не существовало точных пределов государственных рубежей, а присутствовали лишь пограничные или транзитные зоны между королевствами в облике лесов и пустынных местностей. Указанная характеристика стала присуща современному этапу исторического процесса, и является кульминационной точкой в вопросе разграничения территорий, когда граница становится условием государственной суверенности. Данное обстоятельство было закреплено подписанием Вестфальского мира в 1648 году, когда была сформулирована известная доктрина государства как независимого политического субъекта, а европейские державы согласились соблюдать принцип территориальной целостности. В XIX в. с распространением идей «народного суверенитета» и «национального государства» территориальные рубежи стали условием государственной целостности и безопасности от внешнего вторжения. Происходящие же на приграничных территориях экономические и социально-культурные процессы становились фактором напряженности и региональной интеграции в международных отношениях.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Также материалы исследования основываются на достижениях лимологии и междисциплинарном осмыслении проблематики с позиции исторической, географической и социальных областей научного знания.

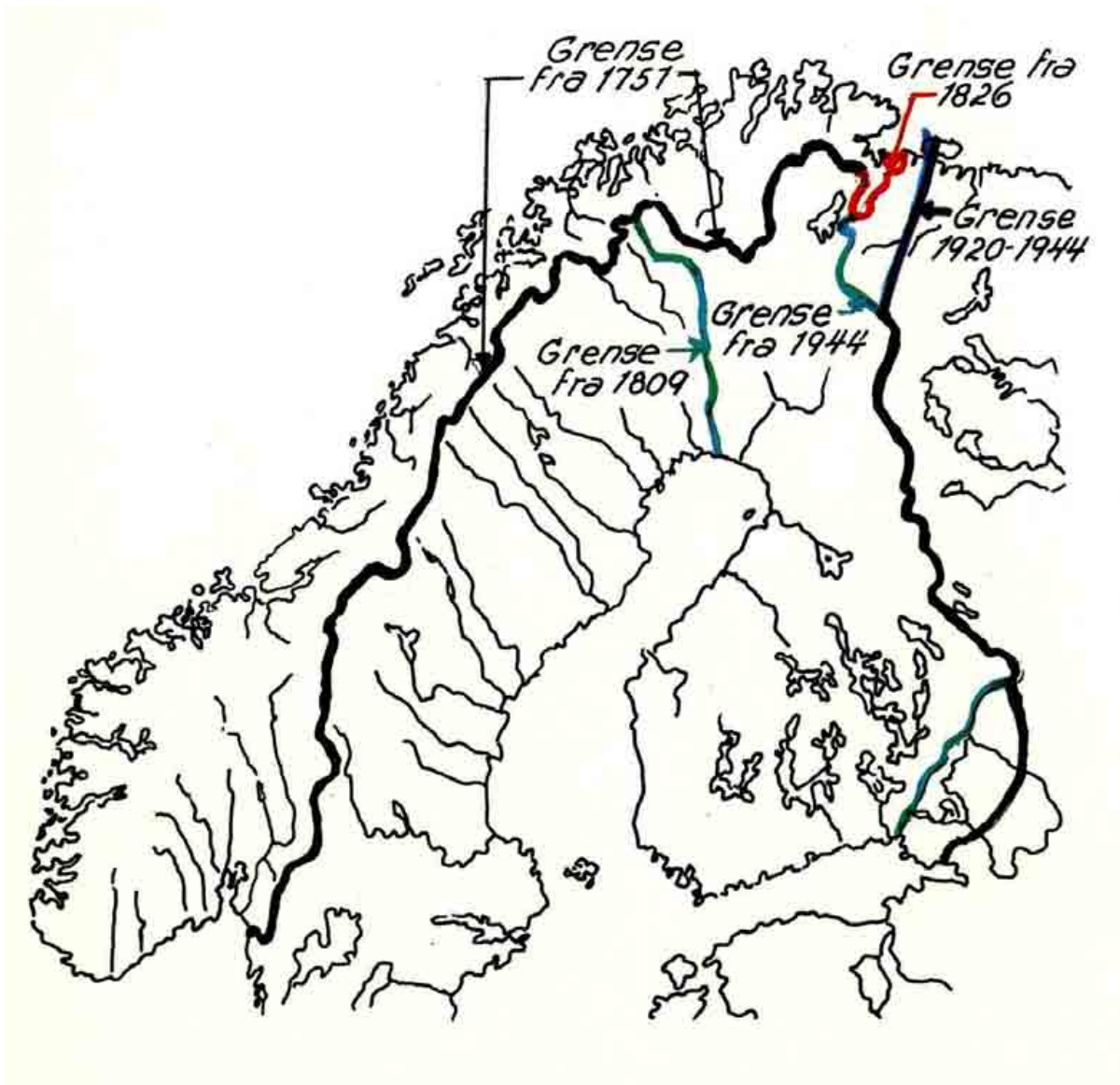
Обсуждение

В лимологии, или пограничных исследованиях этнические группы, проживающие во фронтальных территориях или на границе сопредельных государств, обычно воспринимаются жертвой политических акторов или одним из главных факторов ирредентизма, политической и социально-культурной напряженности [1]. Таких примеров в истории границ достаточно много и это не удивительно. Наличие свободных земель и удаленность от политического центра стимулировали миграционные потоки и смешение этнической карты пограничных зон. Постепенное развитие и распространение этнических доктрин породило стремление меньшинств к территориальному объединению с социокультурной родиной. Соседствующие государства стремились к территориальным экспансиям под предлогом законной защиты своих соотечественников. Ярким примером являются пограничные конфликты в Европе второй половины XVIII–XIX вв.: войны за раздел Речь Посполитой, Датско-Прусская и Австрийско-Прусская войны за Шлезвиг и Голштейн, Венецианскую область и Франко-Прусская война за Эльзас и Лотарингию. Очевидным решением проблемы ирредентизма, под которым понимается стремление определенной группы воссоединиться с соседним государством, для многих государств Европы была политика этнического поглощения пограничных территорий. Для этого использовались технологии социально-этнического инжиниринга (ассимиляция, сегрегация, апартеид). Население пограничья в этом контексте не рассматривалось отдельным политическим субъектом, а выступало структурным элементом государственной политики.

На скандинавском континенте население фронтальных зон зачастую также становилось фактором формирования и развития политической напряженности. Однако этническая картина пограничья существенно отличалась от континентальной Европы. Здесь пограничным населением были саамы, которые этнически не принадлежали к какому либо из титульных этносов, граничащих друг с другом государств. В Северном Калотте (северной части Фенноскандии) длительное время значительную роль играло соперничество не за территории как таковые, а за податное население, что подразумевало необходимость расширения территориальной юрисдикции.

Саамы вели полукочевой образ жизни, что отчасти сказалось на позднем определении политических границ в Скандинавии в отличие от континентальной Европы [2]. Номадизм саами был причиной подвижности фронта. Этому способствовала и идеология государства, которая заключалась в единении физиократизма и меркантилизма. В отличие от французской вариации, которая стимулировала интервенцию государства в аграрный сектор и активную колонизаторскую политику государства, скандинавский физиократизм зиждился на признании государством господства природы над человеком, предопределяющем доминантный тип экономической деятельности в различных природно-климатических поясах [3]. Отсюда следовала высокая толерантность к саами, которые занимались скотоводством в районах, не пригодных для культивации сельскохозяйственных культур. Данное обстоятельство объясняет то, что при установлении в 1751 году открытого пограничного режима в результате разрешения норвежско-шведский пограничного спора, саамы продолжили традиционные промыслы на приграничной территории [4]. Таким образом, саамы являлись важным пограничным актором в истории границ Скандинавии.

Относительно толерантный период отношения государства к коренному населению существовал недолго и изменился уже в первой половине XIX столетия. В начале века геополитическая карта Скандинавии изменилась. Норвежско-финский участок границы стал границей между Норвегией и Россией. В это же время наблюдалась идеологическая поляризация европейской политики. Промыслы финских лопарей стали рассматриваться в Стокгольме и Христиании неотъемлемой частью мыслимой ими доктрины внешней политики России [5]. По аналогии с континентальной Европой они стали рассматриваться фактором ирредентизма, что вызывало со стороны государства вынужденные меры по ужесточению пограничного режима и применению приемов социально-этнического инжиниринга. Немаловажную роль в этом играл и технологический прогресс, способствующий переоценке значений типов хозяйства для экономики государства, и эпоха физиократизма становилась уже историей. Это вызывало миграционные потоки на периферию и экономическую конкуренцию с коренным населением.

Приложение 1. Историческая карта границ на Северном Каллоте

Норвежские рубежи были не однородны в административно-политическом плане, т.к. помимо норвежско-финского участка границы с Российской Империей существовал еще и норвежско-русский, который значительно отличался от других участков общих рубежей. Длительное время он оставался последней фронтальной зоной не только Скандинавии, но и Европы в целом. Кроме этого, коренное население фронта – скольты, на наш взгляд, играли более существенную роль в процессе территориализации и значительно отличались в носимой ими роли в отличие от выполняемых пограничным населением традиционных функций.

Приложение 2. Карта трех саамских сиййт, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.

1. Нявдемский сиййт (Нейден нор.), 2. Пазрецкий сиййт (Пасвиг нор.),
3. Печенгский сиййт (Пейсен нор.)

В историографии российско-норвежского пограничья традиционное восприятие скольтов мало отличается от описанного нами выше восприятия пограничного населения как фактора напряженности и ирредентизма. С «Политической истории Финмарка» А.О. Йонсена, опубликованной в 1923 г., сложилось распространенное суждение о том, что именно коренное население спорных российско-норвежских территорий – «общих округов» было носителем российской политической идентичности и настаивало на расширении политических границ Российской империи [6]. Пророссийская ориентация скольтов выводилась этим норвежским исследователем из политики «русификации», наблюдаемой им в XVII–XVIII вв. В российской же историографии существует устойчивое мнение, что экономические взаимоотношения скольтов с норвежскими саами имели высокий уровень конфликтности и выражались в форме самопроизвольной промысловой экспансии вторых на территорию скольтов. Такая позиция основывается на отчетах русских исправников периода 1822–1828 гг. [7]. Ссылаясь на единичный факт, интерпретированный третьим лицом, исследователи не сопоставляли представленные факты с другими документами этого или предшествующего разграничению периода, поэтому эти выводы выглядят недостаточно убедительными¹.

Необходимо отметить и методологические недостатки, присущие классической исторической географии, нашедшие отражение в исследованиях об истории российско-норвежского разграничения и пограничья. Главный из них – это игнорирование эволюционной природы государства [8]. Исследователи воспринимали его как постоянный и объективный исторический субъект. Наделяя государство характеристиками политического субъекта, который стремится к территориальной экспансии и обретению четких границ своего суверенитета, исследователи воспринимали рост хозяйственной активности населения одной из держав как показатель политики территориальной консолидации. Более того, в рамках такой парадигмы история территорий становилась историей взаимодействия отдельных политических субъектов, в т.ч. государств. Локальное пространство и, особенно, роль коренного населения в территориализации стран попросту игнорировалась. Несмотря на то, что спорное пространство Норвегии и России не было пустынным в культурно-историческом и

¹ Авторы имеют в виду, документы о промысловых конфликтах и статистические описания саами в XVIII в.

социальном плане, это была территория скольтов, но подавляющее число исследователей пограничья пренебрегают этим значимым историческим субъектом, который упоминается в его описательной значимости при составлении нарратива [9].

Формально скольты находились под российской юрисдикцией и принадлежали к православной церкви. Это стало предпосылкой для формирования образа, что восточная группа саами принадлежала к «Русскому миру», и они исполняли роль своеобразного социокультурного и экономического барьера для Норвегии [10]. Традиционно считается, что именно саами спровоцировали делимитацию границы и в тоже время они стали главной жертвой установленной границы [11].

Анализ и сопоставление норвежских и российских документов о промысловой активности скольтов и конфликтах с норвежскими и российскими подданными дает нам качественно иную картину.

Для начала обратимся к статусу норвежско-русского фронта и формам его администрирования. Во многом эти факторы предопределили активную функцию скольтов в конструировании пограничья. Три сийта (погосты) саами составляли территорию фронта, которые по датским юридическим документам именовались общими округами¹. Округа были *comunum dominium*, а их ресурсы – *comunum bonum*². Смешанная форма владения округов была наследием средневековой эпохи. В средневековом праве владение территорией не всегда включало прямое управление территорией в административном плане. Юрисдикция государства в обыденной практике ограничивалась судом и правом налогообложения [12]. Последнее зачастую было определяющим для объявления территории владением того или иного государства. Ввиду того, что обе державы имели равные права на сбор налогов, то де-юре «общие округа» были кондоминиумом России и Норвегии, однако характер юрисдикции был непропорциональным. Норвегия не обладала правом *impregium*³. Административная юрисдикция над скольтами, а значит и их территорией, находилась в руках Российской империи. Это не позволяло норвежцам долгое время заселить Южный Варангер. Попытки одностороннего заселения округов, предпринимаемые норвежскими властями, наталкивались на упорное сопротивление скольтов. Такие инциденты были характерны не только для начала XIX в. Первый эпизод, связанный с жалобой на норвежские поселения на территории нявдемский сийт, был зафиксирован уже в 40-х гг. XVIII в. [13]

Административный контроль России над сийтами саами являлся фрагментированным. Территориальная политика Норвегии и России существенно отличались. Так, норвежское государство стремилось консолидировать и рационализировать управление территориями. Географический принцип был в основе территориального деления. Зачастую налоговые округа повторяли структуру сравнительно небольшого числа саамских сийт. Контроль над подданными носил систематический характер. В России преобладал отраслевой, фискальный принцип территориального деления. С точки зрения фискальной политики плотность податного населения саамских сийт была незначительной для дробления Кольского полуострова на более мелкие налоговые округа. Вместо этого полуостров был объединен в один налоговый округ, административный центр которого находился в Кольском остроге, расположенном в центре всего округа, но существенно отдаленно по отношению к фронтиру, чем аналогичный норвежский округ. В Норвегии земли скольтов были приписаны к налоговому округу Вардэ Восточного Финмарка, который располагался на соседнем берегу Варангер-фьорда [14]. В России юрисдикция над упомянутым налоговым округом на практике находилась в руках единственного инспектора, который приезжал в летнее и зимнее время на сравнительно короткий период [15]. Окружное чиновничество пыталось консолидировать управление путем перераспределения административных полномочий между Колой и сийтами саами. Это позволяло не разделяться этнически неоднородному и обширному территориальному пространству на отдельные политические образования. Децентрализация управления на местах позволяла в какой-то степени контролировать сийты в условиях острой нехватки ресурсов управления.

Фактически сийты были автономной самоуправляемой административной структурой. Сложившаяся на практике неформальная форма управления саамскими сообществами парадоксально контрастировала с официальной, достаточной унитарной системой управления Империей, сложившейся при Петре I [16]. Де-факто саами были и подданными империи и представителями власти в одном лице. Они самостоятельно регулировали социально-экономические отношения в пограничной зоне, и настолько привыкли к невмешательству российской власти в управление погостами, что вопреки тому, что округа были *comunum dominium*, скольты считали их своим *dominium privatum* [17].

Отсутствие «внешнего» административного контроля и четких зон юрисдикции превратили общие округа в свободную экономическую зону. Единственным субъектом, который устанавливал правила, были саами. В эпоху протекционизма такие зоны встречались крайне редко, и это было очень выгодно для внешних экономических акторов: поморов, норвежских саами, норвежских и

¹ В российской историографии округа принято называть «двоеданными погостами».

² *Comunum dominium* (лат. яз.) – общее владение; *comunum bonum* (лат. яз.) – общее благо.

³ *Impregium* (лат. яз.) – управление, юрисдикция.

русских купцов. О росте торговой активности экономических субъектов свидетельствует рост количества торговых становищ на территории округов в XVIII – начале XIX в.

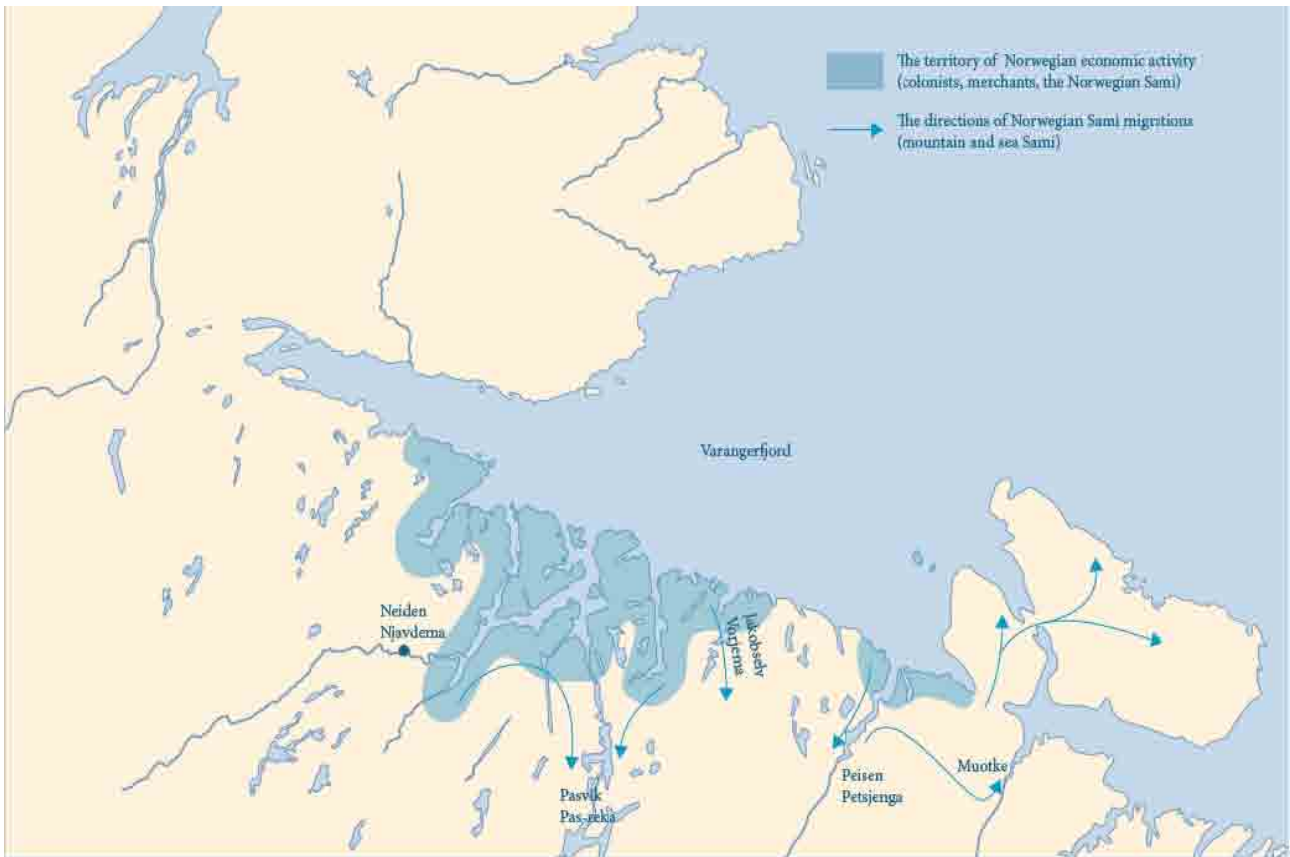

Приложение 3. Карта промысловых становищ. Черным треугольником обозначены становища XVIII в. Красным треугольником – становища начала XIX в.

В это же время появляются постоянные представители крупнейших торговых домов Вадсе, Колы и Архангельска.

К началу XIX в. между купцами и скольтами действовали долгосрочные договора на добычу и скупку семги, трески. Данные промысловых ведомостей и показания скольтов свидетельствует, что в 20-ые годы печенгские саами передали большую часть семужьих тоней в долгосрочное пользование кольскому купцу Шабунину. Остальные коллективы пазрецкого и нявдемского сийитов, поделив экспортные тони, сочетали краткосрочные и долгосрочные арендные отношения. Часть из рыбных мест они передали в постоянную аренду торговым домам Попова и Плотникова, а другую – сдавали в кратковременную аренду норвежским, морским саамам и поморам [18]. Низкая себестоимость саамской рыбы (1 пуд муки обходился 2–3 пуда семги или трески) и богатство тоней усиливали интерес поморов и норвежских саамов к торговле и промыслам в погостах скольтов [19]. О масштабах торговли говорит тот факт, что всего за 1817 год все три погоста приобрели одной только муки 750 пудов (12 тыс. кг.), 60 пудов крупы и 275 пудов соли [20]. Саамы одной только печенгского сийита поставляли в Архангельск за летний сезон от 300 до 500 пудов рыбы [21].

Норвежские саамы также стремились получить доступ к ресурсам на территории скольтов. Одним из главных были новые пастбища для оленьих стад. Многие исследователи связывают это с относительно низкой конкуренцией русских лопарей в пастьбе и дефицитом оленьего корма на Северном Варангере [22]. Немаловажную роль в активной сезонной миграции норвежских лопарей играл именно статус округов. Из переписки русской администрации известно, что горные лопари знали, что административная юрисдикция норвежского инспектора заканчивалась у мыса Верес (Бугенес) – западной границы «общих округов». От него шли земли, на которые инспектор приезжал для сбора налогов с русских лопарей. С 1785 года ежегодные поездки были сокращены до одной в три года, а с 1813 года поездки чиновника вовсе прекратились [23]. Горные лопари умело использовали это, чтобы скрыть действительное число оленьих стад и укрыться от налогов [24].

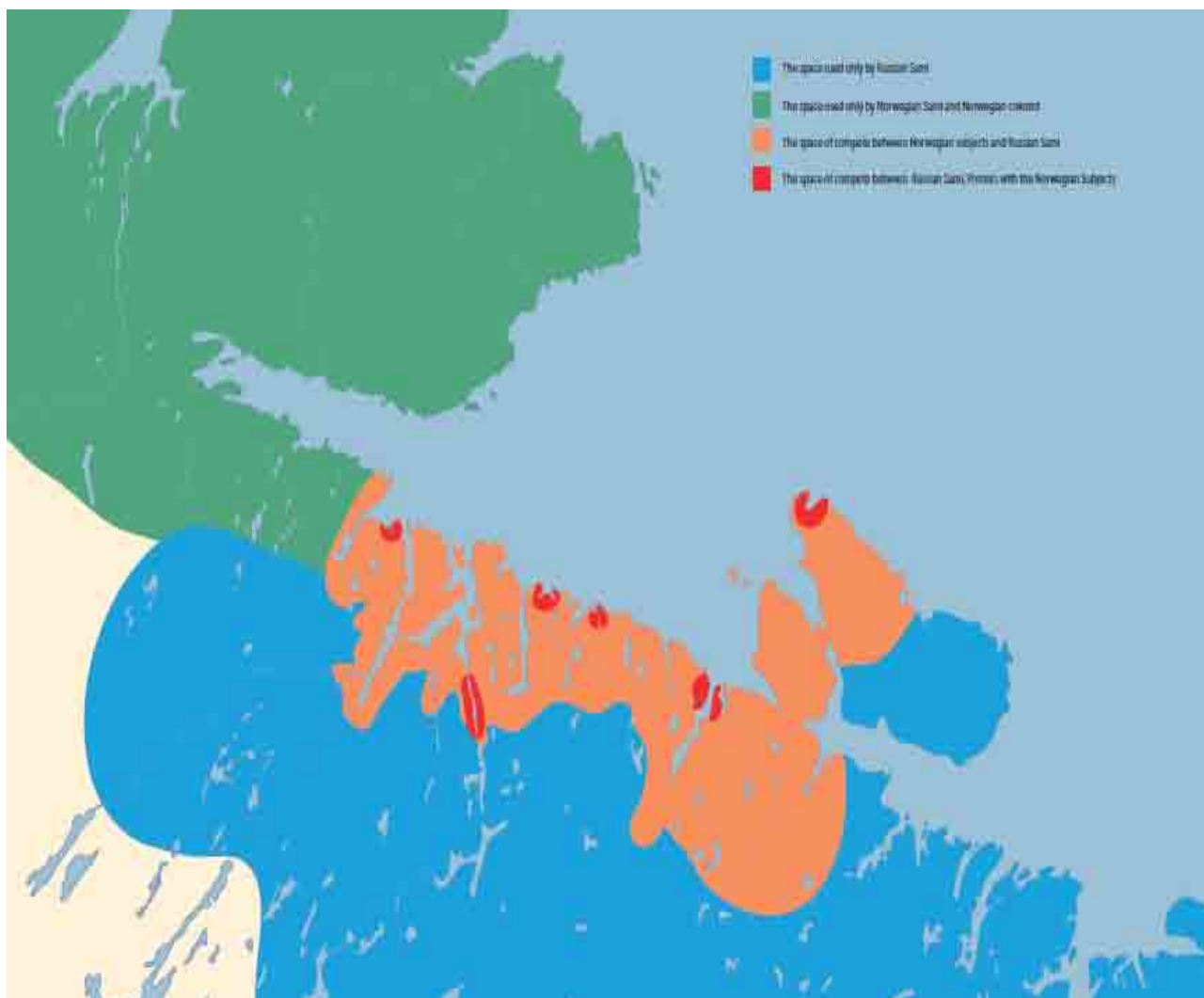

Приложение 4. Карта норвежской промысловой деятельности и саамских миграций на территории общих округов второй половины XVIII – начала XIX вв.

Это было выгодно и русским лопарям. Они не культивировали оленеводство так эффективно, как горные саами. Скольты охотно сдавали свои пастбища в аренду в обмен на право использовать норвежских оленей [25]. Это объясняет стремление норвежских горных лопарей пасти свой стада как можно глубже в русских землях, куда не распространялась норвежская юрисдикция.

Стремительное развитие экономических связей скольтов с внешними акторами в XVIII – начале XIX вв. было вызвано и проводимой Норвегией и Россией фискальной политикой. В XVIII в. чиновники начинают принимать вместо натурального налога только денежную его форму. Более того, сумма подушевого налога постоянно росла, а вместе с ней появлялись новые повинности и косвенные налоги: рекрутский, ямской [26]. Все это стимулировало скольтов активнее вступать в товарно-денежные отношения.

Конечные пункты экспорта товаров располагались в существенно различных природно-климатических условиях, что обуславливало приезд внешних субъектов в округа в различное время года. Такой сезонный характер экономической активности предопределил зависимость внешних акторов от коренного населения. Территория скольтов была местом встреч, и саами играли роль промежуточного звена в торгово-промысловых отношениях. Особенно это было важно в период межсезонья (с сентября по май) [27]. Возможно, поморы были более заинтересованы в посредничестве скольтов, потому что они не имели возможности напрямую продавать хлеб и лес норвежским промышленникам. Право прямой торговли в Норвегии имело относительное единичное число крупных торговых домов. Для массы русских крестьян единственной возможностью для провоза товара было оформление документов на снабжение этими товарами скольтов, которые потом через них продавались норвежским купцам. Большое число дел о такого рода контрабанде говорит о том, что это было обычной ежедневной практикой в поморской торговле [28].

Приложение 5. Карта экономических отношений между норвежскими и российскими подданными на территории общих округов XVIII – начала XIX вв. Синий цвет – пространство хозяйственной активности российских саами, Зеленый цвет – пространство хозяйственной активности норвежских саами и норвежских колонистов, Оранжевый цвет – районы хозяйственных конфликтов между норвежскими подданными и российскими саами, Красный цвет – районы хозяйственных конфликтов российских саами и поморов с норвежскими подданными

Скольты и фронтирный статус их территории были интеграционным фактором для формирования экономических взаимосвязей пограничных губерний Норвегии и России. Вероятно уже в XVIII в. Варангер превратился в своеобразный единый микрорегион, где его южное побережье играло не меньшую роль в процессе межрегиональной торговле и экономической интеграции, чем его северная часть.

Коренные жители были заинтересованы в торгово-промысловых связях с норвежскими партнерами, что заставило нас более скрупулезно проанализировать их жалобы на норвежских подданных, которые послужили основой для последующей дипломатической переписки о разграничении этих общих пространств. Сопоставление жалоб русских саами исправнику Постникову с документами норвежской следственной комиссии Крога-Нильсена и разграничительной комиссии Галямина-Спорка указывает на то, что русские лопари отнюдь не желали, чтобы норвежские подданные прекратили свои промыслы в их сийтах [29]. Об этом косвенно говорит и отказ архангельского генерал-губернатора Миницкого в 1824 г. от третьей встречи исправника и фогта для расследования промысловых конфликтов лопарей [30]. В своем отношении в Санкт-Петербург он намекнул, что русские лопари настолько путаются в показаниях, и рассмотрение дела об их жалобах выглядит бесполезным [31]. В то же время фогт Нильсен, опросив норвежских и русских лопарей, выяснил, что причиной конфликта был не спор саами, а попытка русского чиновника выдворить норвежских горных лопарей. Обе стороны в разговоре с фогтом настаивали на обоюдовыгодном и совместном характере промыслов на территории «округов» [32]. Тем не менее, мы не можем игнорировать факта предшествующих жалоб скольтов русскому исправнику в 1822–1823 гг. [33]. Вероятнее всего скольты попросту хотели принудить норвежских собратьев к пересмотру промысловых отношений и заставить морских саами отказаться от постоянного поселения в их

сийтах. Самостоятельно это сделать двоеданные лопари не могли, т.к. их коллективы были значительно меньше числа мигрирующих норвежским саами [34]. Нехватка собственных ресурсов для контроля над пространством сийт и желание остаться в стороне стали причиной включения в разбирательство конфликта третейского судьи в лице российского чиновничества. Это во многом объясняет попытки скольтов отказаться от своих прежних показаний при разговоре со следственной (февраль–апрель 1823 г.) и пограничной комиссиями (июль–август 1825 г.). Остается без ответа и вопрос о том, почему скольты называли свою территорию исключительно российской землей. Может ли это свидетельствовать об их высокой прорусской самоидентификации? Если это так, то может ли это говорить о том, что скольты и ранее придерживались прорусской позиции?

Как мы уже указывали, главным фактором прорусской политической самоидентификации была принадлежность скольтов к православной вере. В XV в. Русская православная церковь построила монастырско-храмовый комплекс на территории общих округов. Дальнейшие отношения скольтов и Печенгского монастыря складывались довольно сложно. В XVII-нач. XVIII в. монастырь стал ориентироваться на активную торгово-ростовщическую деятельность [35]. Это обусловило рост социальной дифференциации и обнищание скольтов. Неудивительно, что эти времена прошли для скольтов под знаком борьбы за ограничение экономической позиции монастыря и возвращение своих промысловых мест. В итоге последние монастырские земли были возвращены печенгским лопарям в 1727 году, а в 60-ые гг. XVIII в. монастырь был упразднен [36].

Церковная комиссия Симонова по проверке религиозного состояния скольтов пришла к выводу, что миссионерско-просветительская деятельность церкви в это время отсутствовала. Скольты сохранили свои старые верования и активно взаимодействовали со своими норвежскими сородичами [37]. Они были православными лишь по внешним признакам. Еще одним ярким свидетельством низкой активности монастыря было сокращение постоянно-действующих приходов на территории общих владений. С середины XVIII в. священники стали появляться в православных церквях только на время религиозных праздников [38]. Это объясняет, почему в периоды хозяйственно-территориальных споров с норвежцами скольты ни разу не использовали религиозный аргумент для того, чтобы подчеркнуть свою русскую принадлежность [39]. Документы российской региональной администрации свидетельствуют, что именно русские чиновники и поморы подчеркивали православную принадлежность скольтов как важный аргумент их территориальной принадлежности к России [40]. Скольты наряду с церковными строениями были символическими маркерами границ культурного фронта России. Однако это не вызывало желания центральной власти использовать христианскую территориальную этику для территориальных экспансий¹. Политическая власть России была светской. Отсутствие четких границ с Норвегией не вызывало раздражения и у региональных властей, которые спокойно относились к наличию открытой фронтальной зоны. Это вполне адекватно отвечало административной практике губернии, построенной на смешанных принципах протекционизма и физиократизма. Их интерес на границе было отражением имперской политики и еще в большей мере отражением политико-информационных манипуляций скольтов.

Дела о хозяйственных конфликтах скольтов с норвежскими подданными и русскими чиновниками XVIII в. свидетельствуют о том, что коренные жители фронта одновременно апеллировали к норвежскому и русскому суверенитету в зависимости от того, с какой стороны они ощущали сильное экономическое давление. Имеется достаточно фактов, когда нелегальные поборов русских чиновников или рекрутский набор вынуждали их обращаться к норвежским чиновникам [41]. Скольты взывали к фискальному суверенитету Норвегии и просили защитить их от самоуправств российской стороны. В ситуации, когда скольтам не нравился рост хозяйственной активности норвежских подданных, они делали тоже самое, но обращались к русским чиновникам [42]. Очевидно, что конструкции «гражданства» и «политической идентичности» не играли определяющей роли для самоидентификации скольтов. Они демонстрировали более сильную родоплеменную и локально-территориальную идентичности. Первые два понятия и вытекающие из них нормы были привнесены чужаками. Для скольтов эти понятия были функционально-прикладными инструментами, важными составляющими дискурса территориальной и хозяйственно-промысловой политики «внешней власти» – Норвегии и России. Саами находились между двумя мощными центрами сил, и это обстоятельство выгодным образом использовалось для регулирования экономических отношений и сохранения самодостаточности сийт. Такой баланс успешно поддерживался скольтами вплоть до конца XVIII в., но уже в начале следующего столетия они постепенно прекращают взывать к норвежскому суверенитету.

Кардинальные изменения в деятельности норвежской власти были связаны с территориальной политикой Остфинмарского фогта и амтмана. С 80-ых гг. XVIII в. норвежское региональное чиновничество стало стимулировать развитие поселенческой колонизации в сийтах скольтов, вмешиваясь в традиционную систему промыслово-хозяйственных отношений скольтов с норвежскими горными и морскими саами [43]. Российская же сторона не пыталась колонизировать

¹ Под христианской этикой территориальной политики авторы понимают практику использования религиозных объектов или единоверцев для легитимации территориальных экспансий государств Средневековья и раннего Нового времени».

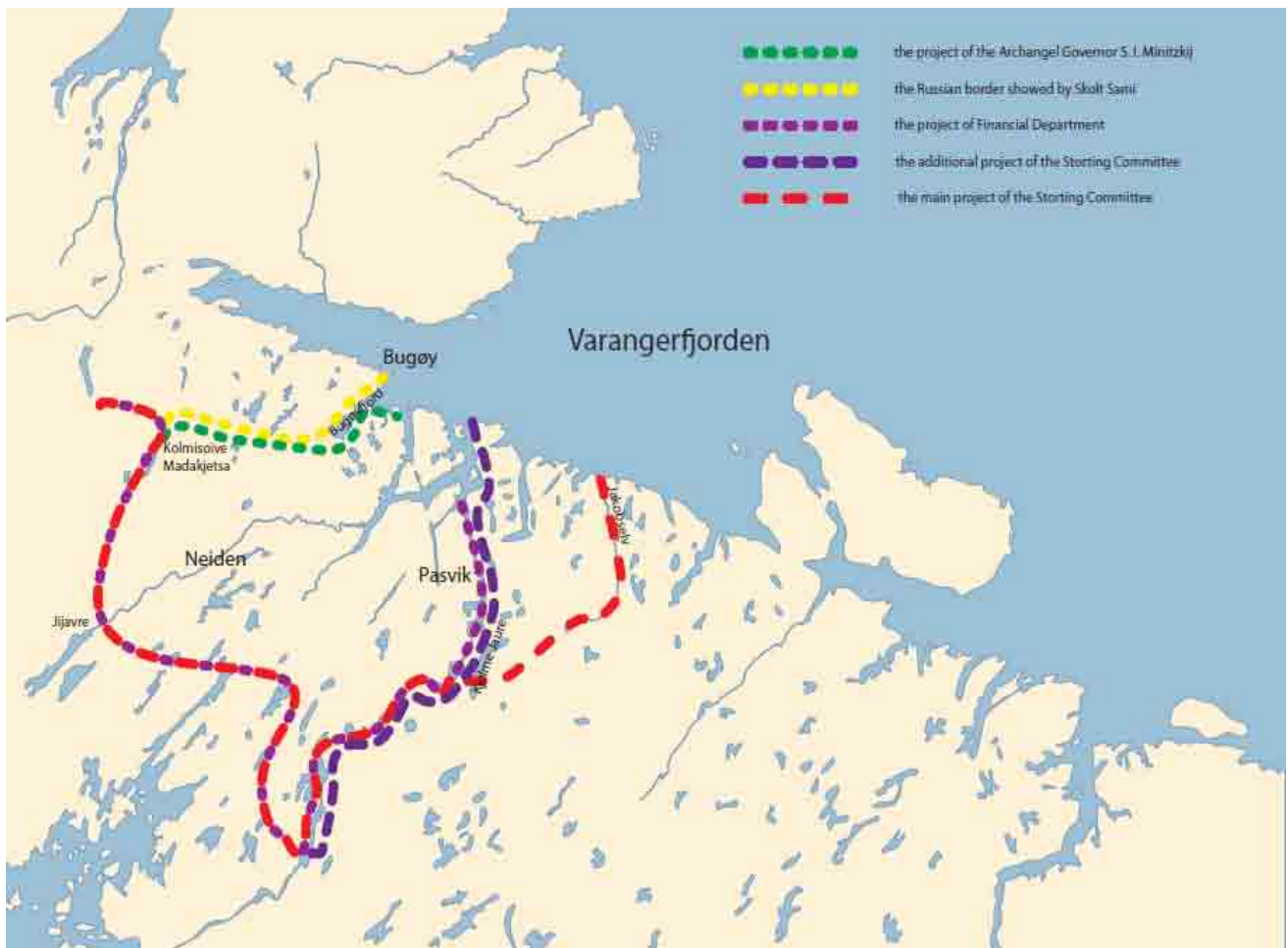
пограничье. В идеологическом плане физиократизм был России мощнее, чем в Норвегии. Российская политическая власть считала фронтальные земли пустынными и бесполезными для колонизации вплоть до середины XIX в. Отношение архангельского чиновничества к кольской окраине было емко и точно представлено фразой губернатора маркиза Де-Траверсе: «... там могут жить только два петуха да три курицы» [44]. Один факт проживания на «пустынных территориях» считался в среде государственной элиты суровым наказанием. Традиционно территории, непригодные для сельского хозяйства, северные и таежные земли русские власти использовали для политической и уголовной ссылки. В случае с российско-норвежским фронтиром чиновничество полагало, что достаточно того, что в пограничье проживают одни русские, православные лопари, привыкшие к суровому климату. Мрачные представления власти о северном измерении сдерживали вмешательство русской администрации в социально-экономическую систему сиййт. Это удовлетворяло саами, не желавших активности русских чиновников, которая, вместе с тем, стала постепенно возрастать с консолидацией государства и распространением научного знания.

Развитие научного знания в XVII–XVIII вв. значительно усилило роль статистики и картографии в управлении территориями. В русле этой тенденции Норвегия и Россия пытались систематизировать сведения о своем политическом пространстве. Почти одновременно оба государства начали вести активное картографирование и статистическое описание собственных фронтиров. Полевые журналы русских чиновников 60–80-х гг. XVIII в. свидетельствуют, что источником информации для карт и статистических данных были скольты, которые зачастую искажали информацию о ресурсах пограничья и структуре фронта [45].

Интересной иллюстрацией этого является «Дело об описании лесов и составлении ландкарты Кольского Уезда». В 1763 г. указом Сената туда были командированы морские офицеры из Санкт-Петербурга Иван Фролов и Николай Нелединский [46]. По окончании работ офицеры объявили, что на территории уезда строевого леса не имеется. Возможно, на этом всё бы и закончилось, но буквально через год в Сенат обратился английский купец Гомь с просьбой разрешить ему порубку леса в Кольском уезде [47]. Сенат, обеспокоенный тем, что его могли обмануть в декабре 1764 г. выслал на имя архангельского губернатора Егора Головцына секретный приказ с требованием найти надежного офицера и организовать тайную опись лесов [48]. Командированные для выполнения этого поручения секунд-лейтенант Лихновский и землемер, поручик Василий Нагибин почти сразу обнаружили несоответствия карты и полевого журнала Нелединского реальным географическим данным [49].

Но выполнить поручение быстро они не смогли. Саами и администрация Колы уклонялись от помощи комиссарам. Повсеместно лопари объявляли Лихновскому, что строевого леса в погостах нет [50]. Полгода «секретная комиссия» безуспешно пыталась изучить уезд без местных проводников. Лихновский так и не дождал до окончания дела: он скончался в сентябре 1765 г. при странных обстоятельствах [51]. Отчаявшийся Нагибин уже начал думать о том, что ему придется возвращаться обратно. Но ему улыбнулась удача, и в случайной беседе с солдатом кольского гарнизона он узнал, что в уезде имеется строевой лес [52]. Лопари и кольские обыватели попросту скрывали его. Поручик вновь исследовал погосты и при допросе лопарей узнал не только о «лесных местах», но и то, что в 1763 г. саами одаривали деньгами и «различными подарками» столичных офицеров, чтобы те не вносили в журнал и на карту строевые леса [53]. Отметим, что карта Лихновского-Нагибина, хоть и была в географическом исполнении точнейшей картой уезда XVIII в., но, тем не менее, она ни разу не использовалась при составлении других карт Кольского уезда. Громоздкий и неповоротливый механизм государственного управления, несогласованность действий министерств и ведомств в итоге похоронил эту карту в архивах морского и военного министерства. Остальные атласы и карты XVIII – начала XIX в. мало отличались от исходной Фролова-Нелединского [54].

Но вернемся к землям скольтов. Мы отмечали, что государственной границы в «общих округах» не существовало, хотя это не мешало коренным жителям убеждать Фролова, Нагибина и другим землемеров, что граница существует. Линии «государственных пределов», указанных скольтами очень точно, повторяли рубежи нявдемской сиййты. В своих сведениях саами довольно ловко играли на незнании русскими чиновниками местности. Пограничные знаки сиййта скольты называли верно, но в пространственном выражении расположение пунктов они мешали и сдвигали восточные границы сиййта на северо-запад [55]. Манипуляции с пространственными образами давали им дополнительное легитимное право для взывания к русскому суверенитету и защите. Собранные сведения отражались на губернских, академических атласах и картах Российской империи.

Приложение 6. Карта российских и норвежских делимитационных проектов к 1826 г.

В XIX в., когда начались переговоры о демаркации границы, никто не мог переубедить архангельских чиновников, что границы не определены. Они полностью доверяли показаниям скольтов, совпадавших с политическими картами и атласами России той эпохи [56]. Генерал-губернатор Миницкий настаивал в 1824 г., что государственная граница находится вдоль р. Паесь, расположенной западнее р. Паз (по-норвежски Пасвиг), намекая Императору, что шведско-норвежские посланники обманывают русских, играя на схожести топонимов [57]. Летом 1824 г. МИД Швеции-Норвегии предлагал провести границу по р. Пасвиг. Центральные власти, не столь доверчивые к сведениям скольтов, сопоставив норвежские доказательства с российскими источниками, увидели ошибку Миницкого, и пограничная линия получила не те очертания, на которых настаивали скольты более полутора века [58].

Приложение 7. Карта российско-норвежской границы 1826 г. Черный цвет – линия государственной границы 1826 г. Зеленый цвет – границы саамских сиййт до 1826 г.

Линия границы прошла посередине пазрецкого сийита саами и значительно сокращала нявдемскую сийиту. Более того, де-юре пятая и восьмая статьи Конвенции 1826 года сокращали их традиционные промыслы и ареал обитания [59]. Узнав об этом в 1828 г. от фогта Каппелена, скольты были шокированы данным обстоятельством. Они стали отрицать очевидное и различными домыслами, и мифами оправдывать нарушение правил конвенции. Пазрецкие саами уверяли фогта, что демаркационные работы в 1826 г. была частной сделкой между русским комиссаром Галяминым и норвежским купцом Эбсененом, и русский царь, уже осведомленный об этой несправедливой сделке, скоро вышлет новых комиссаров, которые восстановят справедливость [60]. В их памяти укоренилось представление о двух границах «старой» – справедливой, своей и «новой» – неправильной, чужой. Данное обстоятельство свидетельствует о нежелании сколтов подталкивать административную интервенцию Норвегии и России в управление фронтиром и, тем более, к демаркации границ. Приходится признать, что они не осознавали противоречивость их интересов с представлениями о территориальности государственной власти. Линия границы, предложенная комиссией Галямина-Спорка была одобрена самим Николаем I, стремящегося к «естественным» и закрытым границам [61]. Со смертью Александра I ушла эпоха физиократизма с ее либеральным отношением к открытым фронтирным зонам. В контексте новой, этатистской концепции границы саамским трансграничным промыслам не было места. Николай I пожелал, чтобы рыбные и лесные

промыслы лопарей на норвежской территории по прошествии шести лет раз и навсегда были бы прекращены [62].

Стоит отметить даже в этом ракурсе, что документы российского и шведского МИДов свидетельствуют: элиты не оценивали хозяйственные конфликты с точки зрения концепции борьбы с пятой колонной внутри страны. Промысловые споры саами были лишь предлогом для консолидации политического пространства Норвегии и севера России.

Скольты еще долгое время не ощущали действия ограничительных мер, предписанных пограничной конвенцией 1826 г. и дополнительным протоколом 1834 г.. Причина была достаточно обыденной: при наличии физической границы ни Норвегия, ни Россия не могли обеспечить соответствующего контроля над указанным фронтиром. До 70-ых гг. XIX в. скольты беспрепятственно продолжили экономическую кооперацию с норвежскими саами, русскими и норвежскими промышленниками [63]. Единственно важным и существенным изменением было разрушение торгово-экономической системы, сложившейся в XVIII в. Коренное население перестало играть посредническую роль в так называемой «поморской торговле» между восточным Финмарком и Архангельской губернией.

Норвежские власти до и после разграничения фронта не политизировали саамский вопрос на русско-норвежском участке границы. Период с 1834 по 1860 годы мы можем определить временем терпимости властей в отношении саамских промыслов на этом участке общей границы. На норвежско-финском же участке наблюдался противоположенный процесс. С 1827 г. там постепенно нарастала политизация саамских промыслов. В итоге это привело к закрытию данного участка границы в 1852 г. [64]. Одна и та же политическая граница на разных ее участках имела совершенно отличный пограничный режим и отношение к пограничному населению. В 1840-е гг. Остфинмаркские власти, желая подчеркнуть свою снисходительность в отношении скольтов и избегая политизации промыслов, выступили с инициативой межрегионального контроля над промыслами [65]. Саами вновь стал фактором сближения пограничных регионов. Однако если в XVIII – начале XIX в. это был спонтанный, неконтролируемый процесс, то в первой половине XIX в. это стало приобретать регулируемые и контролируемые формы.

Заключение

Вопреки сложившейся традиции восприятия пограничного населения, как фактора пограничной напряженности, можем констатировать, что в истории российско-норвежского пограничья скольты выполняли функцию буферной интеграционной зоны. Они стремились не к усилению политического присутствия какого-либо из государств, а пытались сохранить свою целостность через лавирование между двумя центрами силы. Однако данная тактика принесла обратный результат. Хозяйственные споры лопарей вместе с неопределенностью границ стали непозволительной ситуацией для центра в условиях смены идеологии и приоритетов реализуемой политики.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Примечания:

1. Niemi E. Border Minorities between State and Culture // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed. T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 69-70.
2. Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-Российское Арктическое Пограничье: от общих округов к поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5 С. 4-7.
3. Niemi E. Grenseland og Periferi: Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet // *Det Hjemlige og det Globale* / Ed. E. Niemi, Ch. Smith-Simonsen. Oslo, 2009. S. 436.
4. Pedersen S. Lappekodisillen i Nord 1751-1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke // *Avhandling for dr. philos. Tromsø*, 2006. S. 12-14.
5. Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare: sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1981. S. 27-29.
6. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania*, 1922.
7. Andresen A. Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826. Sør-Varanger Museum, 1989.
8. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // *Geopolitics*. 2005. № 10. Pp. 607, 611.
9. Зайков К.С. Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX-XXI вв. // *Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX-XXI вв.)* / Под ред. А.А. Комарова. Москва, 2012. С. 130-131.
10. Johnsen O.A. Указ. соч.

11. Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.
12. Paasi A. Mapping the Backgrounds, contexts and Contests // *B/ordering Space* / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005. P. 19-22.
13. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 2 Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 7-9, 98-101.
14. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1962. S. 332-335.
15. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 44; Ф. 4. Оп. 1. От. 1. Д. 147. Лл. 17-18.
16. Лысенко Л.М. Губернаторы и Генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). Москва, 2001. С. 20-25.
17. *Domunium privatum* (лат. яз.) – частное владение. ГААО – Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Л. 80.
18. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 53-57, 76-76 об., 81.
19. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 81-81 об.
20. «Ведомость о состоящих по мурманскому берегу промысловых становищах за 1817». ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 655. Лл. 43 об. 44.
21. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Л. 54.
22. Andresen A. Указ. соч. С. 24-25.
23. Niemi E. Указ. соч. С. 390-391.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 442. Оп. 1. Д. 26. Лл. 6-6 об.
25. ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Лл. 1-3 об.
26. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7638. Л. 1.
27. Нильсен Й.П., Зайков К.С. Указ. соч. С. 8-9.
28. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 53-57, 81.
29. Подполковник Галямин природу конфликтов объяснял следующим образом: «Долгое время жили они в миру и пользовались совершенным спокойствием наконец предместник нынешнего исправника титулярный советник Агабов прибыв в печенгский погост и увидев норвежских оленей приказал их всех забрать и объявить финмаркам чтобы они не осмелились преступать границ которые по мнению его были у Верес Наволока. Сии полагая что лопари наши сами были причиною нарушения условия начали делать им разные неприятности портить силки расставляемые ими для ловли зверей не допускать до рыбных промыслов». Государственный Архив в г. Осло – RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/EA-4036/H/Hc/L0020.
30. «В 1822 г. в феврале исправник Постников утверждал что обнаружил на территории мотовского, печенгского и пазрецкого погостов норвежских лопарей, которые произвольно пасут свой скот и ловят рыбу в землях русских лопарей, нанося последним большие убытки и неудобства. Последующие за этим две попытки собрать комиссию из норвежского фогта и исправника для расследования дела на месте результата не дали. Исправник Постников по разным причинам оба раза опоздал на встречу». Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910. Лл. 26, 31, 34, 36.
31. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч.1. Л. 113.
32. Государственный Архив в г. Осло – RA/S-1076/F/Fb/L000.
33. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 1-4, 83.
34. Фогт Нильсен в 1825 г. докладывал, что на территории «общих округов» постоянно проживающих 35 семей морских, норвежских саамов и в летнее время кочуют еще 34 семьи горных, норвежских саамов. В 1825 г. пограничная комиссия Галямина-Спорка определила, что общая численность русских саамов в округах была 29 семей. RA/S-1076/F/Fb/L0001.
35. Johnsen O.A. Указ. соч. С. 207-208.
36. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 221. Лл. 1-6;
37. Кучинский М.Г. Миссия Алексея Симонова // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 6. С. 105.
38. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1985. S. 72-77.
39. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9571. Лл. 1-5.
40. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 65-67; 135-154.
41. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 134-143.
42. ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Лл. 1-95.
43. RA/EA – 4036/F/L0002.
44. Сидоров М. Север России. СПб., 1870. С. 71.
45. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490.
46. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6066. Лл. 4-9.
47. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490. Лл. 1-2.
48. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490. Л. 2.
49. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 1-3, 61-62, 67.
50. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 23-24, 67-70.
51. Во время пребывания в Коле местная администрация пыталась вмешаться в дела комиссии. Кольские чиновники делали попытки изъятия бумаг комиссии, в ходе некоторых из них секунд-лейтенанта избивали. Затем, в ходе поездки по саамским погостам Лихновский внезапно заболевает,

его охватывает паралич и потом в Коле он скорострительно умирает. – ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 1-70.

52. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Л. 97.

53. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Л. 102.

54. Обе карты находятся в РГВИА. – Ф. 416. Оп. 1. Д. 44.

55. Восточная граница нывдемской сийты располагалась в северо-восточном направлении вдоль линии сопок к западу от р. Паз. В 1785 гг. они утверждали землемерам что «государственная границы» расположена от мыса Верес, до горы Колмись и от нее к западу в нескольких верстах вдоль р. Паесь (Паз). – ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Лл. 20, 43-46.

56. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 65-71, 122-124.

57. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland – RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

58. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland - RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

59. «Согласно пятой статье лопари должны были по прошествии трех лет определиться с подданством и местом жительства. Восьмая статья воспрещала лопарям заниматься оленей пастбой на территории отошедшей к соседнему государству». См.: Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901. С. 154-155.

60. Prebensen Samling RA/UD-G05/10, pakke 13-18, boksen 5214.

61. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland - RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

62. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. ч. 1. Лл. 307-308.

63. Andresen A. Указ. соч. С. 59-87.

64. Зайков К.С. Указ. соч. С. 36-37.

65. ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 3579. Л. 10.

References:

1. Niemi E. Border Minorities between State and Culture // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed. T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 69-70.

2. Nielsen Y.P., Zaikov K.S. Norwegian-Russian Arctic Borderlands: the total districts to the Pomor zone // *Arctic and North*. 2012. № 5. Pp. 4-7.

3. Niemi E. Grenseland and Peripherals: A meeting place for State Nation and Ethnicity // The Domestic and Global / Ed. E. Niemi, Ch. Smith-Simonsen. Oslo, 2009. P. 436. (In Norwegian).

4. Pedersen S. Lapp Codicil in the North from 1751 to 1859. From border agreement and securing of Saami rights to limit barring and Sami accident // Thesis for dr. Phil. Tromsø, 2006. Pp. 12-14. (In Norwegian).

5. Eriksen K.E, Niemi E. The Finnish fare: vulnerabilities and minority politics in the North from 1860 to 1940. Oslo, 1981. Pp. 27-29 (In Norwegian).

6. Johnsen O.A. Finmark political history // Writings published by the Norwegian scientist academy in Oslo, II, Hist. file. class. Christiania, 1922. (In Norwegian).

7. Andresen A. Sii'daen disappeared. East Sami in Pasvik by the Norwegian-Russian border road in 1826. Sør-Varanger Museum, 1989 (In Norwegian).

8. Kolosov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // *Geopolitics*. 2005. № 10. Pp. 607, 611.

9. Zaykov K.S. Boundary Convention 1826 in a domestic historiography XIX–XXI centuries. // Russia and Norway. Questions of domestic sources and historiography (XIX–XXI centuries.) / Ed. A.A. Komarov. Moscow, 2012. Pp. 130-131. (In Russian).

10. Johnsen O.A. Decree. Op.

11. Nikolskiy V.N. In the Russian-Norwegian border. Arkhangelsk, 1914. (In Russian).

12. Paasi A. Mapping the Backgrounds, contexts and Contests // *B/ordering Space* / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005. Pp. 19-22.

13. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). F. 2 Op. 2/1. D. 701. Pp. 7-9, 98-101.

14. Major Peter Schnitler. Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1962. Pp. 332-335. (In Norwegian).

15. State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). F. 1. Op. 1. V. 8. D. 44; F. 4. Op. 1. Ot. 1 D. 147. Pp. 17-18.

16. Lysenko L.M. Governors and Governor-General of the Russian Empire (XVIII-early XX century). Moscow, 2001. Pp. 20-25. (In Russian).

17. Domunium privatum (lat. Lang.) - Private ownership. GAAO - F. 1367. Op. 1. D. 87. Part 1. L. 80.

18. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 53-57, 76-76, 81.

19. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 81-81.

20. «The sheet about consisting of Murmansk coast fishing encampment of 1817». GAAO. F. 1. Op. 3. D. 655. Pp. 43-44.

21. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. P. 54.

22. Andresen A. Decree. Op. Pp. 24-25.
23. Niemi E. Decree. Op. Pp. 390-391.
24. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 442. Op. 1. D. 26. P. 6
25. GAAO. F. 4. Op. 3. D. 642. Pp. 1-3.
26. GAAO. F. 1. General. 1. T. 4. D. 7638. P. 1.
27. Nielsen, J.P., Zaikov K.S Decree. Op. Pp. 8-9. (In Russian).
28. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 53-57, 81.
29. Colonel Galyamin nature of conflict is explained as follows: «For a long time they lived in peace and enjoyed perfect tranquility finally previous current titular counselor Aqaba police officer arriving at the graveyard and saw Pechenga Norwegian reindeer ordered them all to pick and Finnmark announce that they do not dare to transgress the boundaries of the opinion that it was at Veres Navolok. These are shallow that the Lapps were the cause of our own violations of the conditions began to make their various troubles spoil their snares are placed to catch the animals to avoid fisheries». State Archive in Oslo - RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/EA-4036/H/Hc/L0020.
30. «In 1822, in February, the police captain Postnikov claimed to have discovered in the territory Motovsky, Pechenga and Pazretskogo graveyards Norwegian Lapps, who freely graze their cattle and fish in the lands of Russian Lapps, the latter causing big losses and inconvenience. Follow this two attempts to collect a commission from the Norwegian bailiff and police officer to investigate the case on the spot to no avail. The police Postnikov for various reasons, both times late for a meeting». Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1286. Op. 4. D. 910. Pp. 26, 31, 34, 36.
31. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. P. 113.
32. RA/S-1076/F/Fb/L000.
33. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P. 1. Pp. 1-4, 83.
34. Vogt Nielsen reported in 1825 that in the «general constituencies» 35 families residing sea, Norwegian and Saami in the summer wander another 34 families of mountain, the Norwegian Sami. In 1825, the Border Commission defined that the total number of Russian Saami districts was 29 families. RA/S-1076/F/Fb/L0001.
35. Johnsen O.A. Decree. Op. Pp. 207-208.
36. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 1. D. 221. Pp.1-6;
- 37. Kuchinsky M.G. Mission Alexei Simonov // Ethnographic Review. 1998. № 6. P. 105. (In Russian).**
38. Major Peter Schnitler. Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1985. Pp. 72-77. (In Norwegian).
39. GAAO. F. 1. Op. 1. D. 9571. Pp. 1-5.
40. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. Pp. 65-67; 135-154.
41. AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 701. Pp. 134-143.
42. GAAO. F. 4. Op. 7. D. 512. Pp. 1-95.
43. RA/EA - 4036/F/L0002.
44. Sidorov M. Northern Russia. SPb. 1870. P. 71. (In Russian).
45. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490.
46. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6066. Pp. 4-9.
47. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490. Pp. 1-2.
48. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490. P. 2.
49. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. Pp. 1-3, 61-62, 67.
50. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. Pp. 23-24, 67-70.
51. During his stay in Kola local administration tried to intervene in the affairs of the commission. Kola officials attempted seizure of the securities commission, during some of their second-lieutenant beaten. Then, during a trip to Sami pogosti Lichnowski suddenly falls ill, it covers paralysis and then to Cola, he suddenly dies. - GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. pp. 1-70.
52. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 6804. 4. D. P. 97.
53. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. P. 102.
54. Both cards are RGVIA. - F. 416. Op. 1. D. 44.
55. The eastern boundary nyavdemskoy siyty located in the north-easterly direction along the hills to the west of the river. Groove. In 1785. they claimed that the surveyors «state border» is of Cape Veres, to Mount Colm and from there to the west a few miles along the river Paes. - GAAO. F. 4. Op. 4. D. 3. Pp. 20, 43-46.
56. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. Pp. 65-71,122-124.
57. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/ L0003/box - XII.
58. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/ L0003/box - XII.
59. «According to the fifth article Lapps were after three years to determine the nationality and place of residence. Eighth article forbade Lapp reindeer grazing engaged in the territory ceded to the neighboring state». See: Chulkov N.K.: On the History of demarcation between Russia and Norway. M., 1901. Pp. 154-155. (In Russian).

60. Prebensen Assembly RA/UD-G05/10, package 13-18, box 5214.
61. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/L0003/box - XII.
62. GAAO. F. 1367 Op. 1. D. 87. P. 1. Pp. 307-308.
63. Andresen A. Decree. Op. Pp. 59-87.
64. Zaykov K.S. Decree. Op. Pp. 36-37.
65. GAAO. F. 2. Op. 1. T. 4. D. 3579. P. 10.

УДК 94(470+481)(045)

**Саамы в истории норвежско-российского пограничья:
фактор напряженности или региональной интеграции?**

¹ Владислав Иванович Голдин
² Константин Сергеевич Зайков
³ Александр Михайлович Тамицкий

^{1, 2, 3} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, 2

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

² Кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³ Кандидат политических наук, доцент

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Аннотация. Данная статья подготовлена на основе обширного массива документов и картографических материалов ведущих архивов Российской Федерации и Норвегии, в том числе вводимых впервые в научных оборот, а также научных публикациях отечественных и зарубежных историков. Авторы свое внимание сосредотачивают на истории российско-норвежской границы и саамском факторе ее развития. На скандинавском континенте население фронтальных зон зачастую становилось фактором формирования и развития политической напряженности, но этническая картина российско-норвежского пограничья отличалась тем, что фронтальный статус скольтов был интеграционным фактором для формирования экономических взаимосвязей пограничных губерний России и Норвегии. Данный тезис авторы объясняют особенностями проводимой политики двух государств относительно пограничных территорий и заселяющих их этнических групп, особенностями ведения хозяйственной деятельности и экономического взаимодействия скольтов с другими общностями, а также их восприятие пространства проживания.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения; российско-норвежское пограничье; саамы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 536-540, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 355.40

The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years)

¹Vladimir B. Karataev

²Alexey A. Volvenko

³Alexander G. Varfolomeev

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Researcher

²Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation
46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region, 347936
PhD (History)

E-mail: avolvenko@mail.ru

³Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October street, 94, Kursk, Kursk region, 305040
PhD (History), Associate Professor
E-mail: r_angel08@mail.ru

Abstract

The article on the basis of archival sources examines the work of foreign emissaries on the Black Sea coastline in 1834-1847 years. The significant part of sources is introduced into scientific circulation for the first time. The importance is given to the activities of foreign agents, their life among the hillmen, and methods of fighting of the Russian administration with foreign agents. The author comes to the conclusion that in the period of 1834-1847 years, on the Black Sea coastline the emissaries were carried out the diverse activities aimed against the Russian Empire. This activity was shown at the instigation of the hillmen for the war against Russia, the spread of false information, work as instructors, as well as to the personal involvement of emissaries in fighting.

Keywords: Black Sea coastline, the emissaries, the Russian administration, the hillmen.

Введение

Изучение опыта деятельности разведывательных органов в военное и мирное время традиционно вызывает интерес широкого круга общественности. В данной статье нам бы хотелось уделить внимание работе иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии и способам борьбы с этой агентурой.

Материалы и методы

В качестве материалов для написания статьи послужили архивные документы из региональных и местных архивохранилищ, а именно из Государственного архива Краснодарского края и Архивного отдела администрации города Сочи, а также современная научная литература. Часть архивных источников впервые вводится в научный оборот.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Особенно это важно при рассмотрении проблем деятельности иностранной агентуры и борьбы с ней. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, сравнительный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, статистический и типологический.

Результаты

Известно, что по Андрианопольскому мирному договору после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Турция признала за Россией земли по Восточному побережью Черного моря от устья р. Кубань до устья р. Риони. Однако данные земли были заселены разрозненными децентрализованными племенами черкесов (убыхами, шапсугами, натухаевцами, джигетами и садзами), основным занятием этих племен были военные грабежи. Очевидно, что в таких условиях для организации социального взрыва достаточно было лишь детонатора, в результате роль детонатора выполнили иностранные эмиссары.

Первый случай появления английских эмиссаров на территории Черноморской береговой линии был зафиксирован в июле 1834 г., когда английские эмиссары Д. Уркарт и капитан Лайонс побывали в Черкесии [1]. С этого момента деятельность эмиссаров в Причерноморье стала постоянной.

На протяжении 1834–1847 гг. на территории Черноморской береговой линии работали эмиссары Великобритании и Польши. Великобритания неофициально занималась сдерживанием России на Кавказе, у поляков же была цель – независимость Польши.

Первыми мерами русской администрации на приобретенных территориях стало создание нескольких военных укреплений. Столкнувшись с враждебностью горцев, русская администрация изменила характер своей работы и начала торговые сношения с натухаевцами и шапсугами. Однако экономическое усиление этих племен вызвало репрессии со стороны более воинственного племени убыхов. В результате торговые сношения были практически полностью прекращены. В 1837–1840 гг. Россией на прибрежной территории была построена цепь военных укреплений, основной задачей которой стало налаживание контакта с местными племенами и прекращение контрабанды.

В этих условиях на территории Черноморской береговой линии и начинают появляться иностранные разведчики. Одним из первых на территорию Черноморья прибыл высококлассный агент Джеймс Станислав Белл, который на протяжении нескольких лет вел непрерывную работу среди черкесов, стремясь их привести к общей присяге на борьбу против России.

Нередко эмиссары оказывали серьезное влияние и на судьбоносные решения горцев. Так, например, в 1836 г. близ урочища Вардан при сборе представителей племен натухайцев и шапсугов, на котором предполагалось принять решение о присоединении к России. Прибыл английский эмиссар Джеймс Белл со своим помощником. Они вручили горцам «грамоту» и знамя от английского короля и обещали покровительство Великобритании и Египетского паши, а также военную помощь [2]. В итоге черкесы отказались принять подданство России.

Столкнувшись с подрывной работой эмиссаров русская администрация была вынуждена реагировать. Так, в 16 июля 1838 года Военное ведомство Российской империи санкционировало выдачу вознаграждения за поимку или ликвидацию эмиссаров, но не более 1 тыс. червонцев за эмиссара [3]. В исключительных случаях стоимость эмиссара возрастала. Например, 7 июня 1839 года горцам была объявлена стоимость живого или мертвого Дж. Белла – 3 тыс. руб., а его переводчик – 2 тыс. руб. [4]

Необходимо отметить, что горское общество не было однородным, оно делилось, по религиозному принципу (христианство и ислам), по имущественному (дворяне и простолюдины), а также по социальному (белые и черные черкесы. Белые – прибрежные, которые занимались торговлей, садоводством и т.д., а черные – горные черкесы, основным занятием которых было хищничество, то есть грабежи). Во всей этой разрозненной и раздираемой противоречиями горской массе русская администрация и находила себе лазутчиков, осведомителей и агентов.

Сбором информации о движении эмиссаров занималось несколько организаций. Среди них можно отметить штаб Отдельного Кавказского корпуса, а также Российскую императорскую миссию в Константинополе.

Часто эти организации сообщали весьма ценные и своевременные сведения. Так, по данным штаба отдельного Кавказского корпуса 22 января 1839 года в Черкесию планировали отправиться 3 английских инженера, они ежедневно встречались в Константинополе с Лангвортом, который там уже побывал [5].

Помощник начальника Главного штаба 5 июля 1845 г. сообщал начальнику ЧБЛ, что из Парижа отправлен в Константинополь и далее на Кавказ, эмиссар Иван Илинский, весьма предприимчивый молодой человек, служивший во французском легионе в Африке, в войсках португальских и испанских [6]. Согласно его же сведениям 22 апреля польский эмиссар Зварковский явился к Сельмены Эффенди (представитель Шамиля) на р. Бугудырь (за Кубанью) с просьбой о дозволении ему выкупать у владетельных ли поляков пленных и дезертиров. При этом автор не исключал, что Илинский и Зварковский могут быть одно и то же лицо [7].

В июне-июле 1845 года Зварковский прибыл из Турции и находился на земле Малозомейцев, но принятый за русского шпиона перешел на землю шапсугов, где найдя присланного от Шамиля Солеймана Эффенди старался приобрести его доверие, но и Эффенди видел в нем русского шпиона. Зварковский имел пристанище в ауле Говгеры у одного из жителей по имени Тевтух. Там однажды вечером, сидя против окна, он был ранен двумя пулями, считая себя близким к смерти он просил отыскать переводчика и послал за Солейманом Эффенди. Через переводчика Зварковский объявил

настоящее свое звание и причину нахождения в горах, то есть поручение к Шамилю. И присовокупил, что кроме него еще два знатных поляка находятся на Кавказе, в действующих войсках, под видом маркитантов, а скоро придут из Турции еще два таких же эmissара [8]. Цель – стараться обольщать мечтой поляков о восстановлении Королевства Польского. Сообщение столь полной информации свидетельствовало, что лазутчик находился в самом близком кругу польского эmissара.

Горцев Зварковский уговаривал не прекращать своих нападений на русских, и не соглашаться на покорность [9].

В октябре от лазутчиков поступили сведения что Зварковский оправился от ран и переехал на р. Суко в одноименный аул, где ожидал отплытия в Турцию. По донесениям лазутчиков эmissар весьма боялся за свою жизнь, нанимал стражу для ночного караула своего дома, и даже не доверяя этим людям, ежедневно приводил их к присяге, что станут верно охранять его убежище. Именно страх за свою жизнь все более побуждал Зварковского покинуть земли черкесов [10].

В тоже время лазутчиками было установлено, что Илинский – он же Зварковский. Ранен Зварковский был за дерзкие требования пленных поляков, находящихся у чеченцев [11].

В декабре 1845 года Зварковский разыграл сцену со своей гибелью. Лазутчики донесли, что польский эmissар Зварковский желая контрабандно достичь чектермы (торговое судно) с несколькими своими одноземцами и натухайцами, отправился из устья реки Вулан на лодке к этому судну, но внезапно поднявшейся бурей лодка была опрокинута и Зварковский и все бывшие с ним пассажиры погибли. Тело его найдено через несколько дней выброшенным на берег и предано земле [12].

Однако в конце февраля 1846 года стало известно, что Зварковский благополучно добрался до Турции [13].

Зварковский добрался до Константинополя на контрабандной чектерме имеющей на борту 280 пассажиров – большинство из которых пленницы [14].

Примерно в это же время стало известно, что Зварковский он же Ленуар (который еще в 1844 году пробрался из Константинополя с рекомендательным письмом к агенту Шамиля [15].

В это же время были распространены приметы Людвиг Зварковского: 42 года, рост весьма высокий, волосы, брови, борода, глаза – черные, нос посредственный, лицо овальное, цвет лица смуглый, говорит по французски, немецки и турецки [16].

Спустя несколько месяцев, в июне 1846 года представитель Российской императорской миссии в Константинополе сообщил, что 2 июня польский эmissар Адам Высоцкий (опытный в искусстве производства пороха) тайно отправился на черкесский берег. Приметы: примерно 45 лет, смугл, среднего роста [17].

Несмотря на преследование кучермы, на борту которой был Высоцкий, корветом «Пшад» и бригам «Энем». Высоцкому удалось благополучно высадиться на берег. С ним прибыл еще один поляк и переводчик. Проживали эmissары в ауле хаджи Берзек-Керандук. Высоцкий привез много машин и инструментов для производства пороха, оружия и разных огнестрельных снарядов, обещал горцам открыть как металл и соль добывать. Как Высоцкий, так и сопровождающий называли себя англичанами. Высоцкий намерен был объехать весь край подобно Беллу и предложить народу свои услуги против русских [18].

Высоцкий планировал от убыхов перейти к шапсугам, а оттуда к натухаевцам [19].

В январе 1847 года от лазутчиков стало известно, что польский эmissар Адам Высоцкий 3 января был найден мертвым в лесу близ аула Хаджи Керандука Берзека, застреленным в рот из собственного двухствольного пистолета [20].

В смерти Адама Высоцкого горцы подозревали его хозяина Хаджи-Берзек-Керандука, в ауле которого он проживал. К убийству этому побудило Керандука желание завладеть имуществом Высоцкого. Бывшие при нем еще два человека, в виде слуг, успели еще до того уйти из гор через Абхазию [21].

В дальнейшем от лазутчиков поступила более детальная информация об обстоятельствах этого дела. Так, Высоцкий в последние свои дни проживал у Берзека где в канун прошлого года заболел сильно головной болью, какой-то армянин по имени Папа Джана, проживавший по торговым делам между убыхами дал лекарство Высоцкому против его болезни. По рассказам горцев у Высоцкого от этого лекарства сделалось помешательство ума и найден он был умершим в одном овраге. Армянина хотели убить, но он скрылся в неизвестном направлении [22]. Таким образом, со значительной степенью вероятности можно утверждать о ликвидации польского эmissара на территории Черноморской береговой линии.

Следует отметить так же то, что помимо агитации среди горцев, польские эmissары занимались вербовкой солдат и офицеров польской национальности в русских укреплениях, что способствовало дезертирству. Так, в 1840 году сбежал из укрепления и стал сотрудничать с горцами поляк Ануфрий Гартнер. В 1845 году бывший рядовой был пойман и судим, В 1851 году к горцам убежал спившийся унтер-офицер Иван Сиденко из форта Навагинского. Преступление Сиденко отягощалось выдачей горцам военной тайны, а именно механизма действия фугасов и минных полей. Расследование этого дела было на контроле у императора Николая I [23] и др. Помимо этого часть польских эmissаров действовала под видом торговцев, маркитантов действующей армии и т.д. [24]

В это же время от Российской императорской миссии в Константинополе стало известно, что группа эмиссаров в числе от 15 до 20 человек из поляков и иностранцев пытается попасть на Кавказское побережье. Российская миссия известила об этом и министерство иностранных дел Турции [25].

Несмотря на противодействие русской военной администрации в феврале 1847 года стало известно, что польские эмиссары: Якуцкий, Миревский, Олевский, Дамбринский и Чешевский успели проникнуть в Абхазию в течение лета 1846 года [26].

Иными словами на территории Черноморской береговой линии продолжала сохраняться сложная обстановка.

Заключение

Таким образом, в период 1834–1847 гг. на территории Черноморской береговой линии эмиссарами осуществлялась разноплановая деятельность, направленная против Российской империи. Эта работа проявлялась в подстрекательстве горцев на войну против России, распространению ложной информации, работе в качестве инструкторов, а также к личному участию эмиссаров в боевых действиях.

Примечания:

1. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007. С. 106.

2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

3. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

4. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.

5. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16. Л. 59-59об.

6. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 1.

7. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 1об, 3.

8. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 5.

9. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 7.

10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 23-23об.

11. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 26об.

12. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 68-68об.

13. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 90.

14. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 91.

15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 108.

16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 109.

17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 100.

18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 114-114об.

19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 114об.

20. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 133.

21. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 153.

22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 154-154об.

23. Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Menkovsky, V.I., Tarakanov, V.V., Navrotsky, A.V. (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851) *Bylye Gody*. (1), 27: 5-15.

24. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*, 2014. № 1, pp. 4-12.

25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 137.

26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 559. Л. 146.

References:

1. Panesh A.D. Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Angliiei i imamatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.). Maikop, 2007. S. 106.

2. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. 260. Op. 1. D. 20. L. 2.

3. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 16. L. 32.

4. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 16. L. 62.

5. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 16. L. 59-59ob.

6. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 1.

7. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 1ob, 3.

8. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 5.

9. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 7.

10. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 23-23ob.

11. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 26ob.

12. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 68-68ob.

13. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 90.

14. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 91.
15. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 108.
16. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 109.
17. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 100.
18. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 114-114ob.
19. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 114ob.
20. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 133.
21. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 153.
22. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 154-154ob.
23. Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Menkovsky, V.I., Tarakanov, V.V., Navrotsky, A.V. (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851) *Bylye Gody*. (1), 27: 5-15.
24. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014. № 1, pp. 4-12.
25. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 137.
26. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 559. L. 146.

УДК 355.40

Борьба с эмиссарами на территории Черноморской береговой линии (1834–1847 гг.)

¹ Владимир Борисович Каратаев

² Алексей Александрович Волвенко

³ Александр Геннадьевич Варфоломеев

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

² Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

347936, Ростовская область, Таганрог, ул. Инициативная, 46

Кандидат исторических наук

E-mail: avolvenko@mail.ru

³ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: r_angel08@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных источников рассматривается работа иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии в 1834–1847 гг. Значительная часть источников впервые вводится в научный оборот. Важное значение придается направлениям деятельности иностранных агентов, их жизни у горцев, а также способам борьбы русской администрации с иностранными агентами. В заключении автор приходит к выводу, что в период 1834–1847 гг. на территории Черноморской береговой линии эмиссарами осуществлялась разноплановая деятельность, направленная против Российской империи. Эта работа проявлялась в подстрекательстве горцев на войну против России, распространению ложной информации, работе в качестве инструкторов, а также к личному участию эмиссаров в боевых действиях.

Ключевые слова: Черноморская береговая линия, эмиссары, русская администрация, горцы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 541-548, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years

¹Aleksandr A. Cherkasov

²Vladimir G. Ivantsov

³Elena S. Ustinovich

⁴Nina I. Kryukova

⁵Violetta S. Molchanova

^{1,2} Sochi State University, Russian Federation

¹ Dr. (History), Professor

E-mail: sochi003@rambler.ru

² PhD (History), Assistant Professor

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Doctor of political Sciences, Professor

E-mail: lenausti@mail.ru

⁴ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Doctor of legal Sciences, Professor

E-mail: info@rea.ru

⁵ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article on the base of first introduced in scientific use the archival documents considers the facts of the adoption by Ubykh princes the oath of allegiance to the Emperor Nicholas I. The article was preparing by using the documents of the Russian state historical archive, the state archive of the Krasnodar region and the archival Department of Sochi administration. The authors show that in the first half of the 1840s years the Ubykh princes and the russian administration have taken the effective steps to appease the region. As a result, some of the Ubykh princes became the officers of the Russian Imperial army. However, the total peace has not happened. The reason for this was the disunity of mountain society, occurred as a result of Russia's policy.

Keywords: the Ubykhs, Circassians, mountain princes, the oath, russian administration, Nicholas I, foreign emissaries, amanats.

Введение

Время конца XVIII – первой половины XIX вв. для убыхского общества оказалось богатым на судьбоносные события. В 1785 году в целом централизованное убыхское общество оказалось в ходе гражданской войны дезорганизовано. Гражданская война была спровоцирована извне, а именно восстанием в Чечне шейха Мансура. В результате социальных потрясений убыхская знать потеряла свою власть, а в регионе начал насаждаться ислам, запрещенный до этого на прибрежной территории. Подобное развитие событий вызывало противостояние в части горского общества. В статье ставится задача рассмотреть практику перехода части убыхской знати на русскую службу.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали документы Российского государственного исторического архива, государственного архива Краснодарского края и архивного отдела

администрации города Сочи. Значительная часть архивных источников впервые вводится в научный оборот.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Обсуждение

Проблемы взаимодействия причерноморских горцев с русской администрацией исследованы не достаточно полно. В советской историографии Кавказская война была признана народно-освободительной борьбой горских народов против русского самодержавия. Ввиду такого клиширования произошло определенное сужение тематики исследований. В 2000-е годы в российской печати был опубликован ряд статей, в которых рассматривались вопросы перехода на русскую службу горцев в условиях войны. К таким авторам мы можем отнести труды Е.В. Новикова [1], И.З. Суханова [2], В.Б. Каратаева [3], А.А. Черкасова и др. [4]

Результаты

В начале 1830-х гг. когда для горцев стало очевидно, что их территория перешла под юрисдикцию Российской империи в горском обществе начинаются брожения. В горской среде начинают серьезно обсуждать необходимость покориться России и лишь прибытие иностранных эмиссаров сорвало реализацию этих планов [5]. В результате 1837–1841 гг. стали для убыхов периодом значительной военной антирусской активности. Не сумев военным путем ликвидировать русское присутствие в регионе, в горском обществе вновь начинает рассматриваться вопрос о присяге на верность русскому императору. Необходимо отметить, что русская администрация активно использовала для достижения умиротворения своих представителей из числа горцев.

Так, в апреле 1841 года под влиянием владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе джигетские князья Хамыш, Гечь, Цанба, Чуу и др. выразили покорность русской администрации. Как следствие на территории Джигетии было образовано джигетское приставство, вошедшее в состав Абхазии. Приставство простиралось от реки Бзызь до современной территории Хосты. Если учесть, что самый владетельный убыхский князь Али Ахмет Облагу (в другой транскрипции Аубла Ахмет), в номинальном подчинении которого были прибрежные убыхи, тоже тяготел к вступлению на подданство к России, то в целом ситуация для русской администрации складывалась удачно.

Важную роль в деле противодействия России играли так называемые черные черкесы – горцы, проживающие в горах. Основным занятием черных черкесов был разбой, именуемый хищничеством. Этим они в корне отличались от белых черкесов прибрежной зоны, которые занимались торговлей и сельским хозяйством.

Долгое время лидером горных черкесов был князь Хаджи Берзек и именно с его именем связано противодействие горцев русской администрации. Будет неверным утверждение, что черные черкесы априори были непримиримыми врагами Российской империи. Вся их враждебность выражалась в традициях хищнического образа жизни, который был обусловлен условиями существования и считался естественным. Адекватно ответить на разбой черных черкесов не представлялось возможным ввиду удаленности и труднодоступности мест их обитания. В результате белые черкесы пытались идти на диалог с русской администрацией, а черные – предпочитали наживу.

Опасаясь усиления русского влияния в Джигетии Хаджи Берзек начал планировать свое вторжение к соседям, но эти планы через лазутчиков стали достоянием русской администрации и в форт Святого Духа (близ Адлера) были переброшены русские экспедиционные части. В результате появления экспедиционных частей на границе Убыхии с Джигетией, убыхские предводители решились на переговоры с русской администрацией.

Встреча сторон состоялась 9 мая 1841 года в укреплении Святого Духа. Русскую делегацию представлял начальник Черноморской береговой линии (ЧБЛ) генерал Анреп. Номинальным руководителем убыхской делегации был Хаджи Берзек, которому в это время было около 80 лет, и он главенствовал на правах старшинства. В ходе переговоров среди убыхов выявились принципиальные разногласия. Так, предводитель сочинских убыхов князь Али Ахмет Облагу выразил желание незамедлительно вступить в русское подданство. В тоже время убыхи из Вардане выступали против такого намерения.

Спустя 3 дня, 12 мая 1841 г. убыхский князь Али Ахмет Облагу первым принял торжественную присягу императору Николаю I за себя и всех подвластных ему дворян и простолюдинов на вечное подданство и обязался выдать в аманаты своего сына и двух сыновей из числа знатнейших своих дворян [6].

В день принятия присяги русской администрацией форта Навагинского Али Ахмету был поднесен значительный подарок – 200 р. серебром. Не остались обделены вниманием и его дворяне: Урусбий и Хатазух получили по 30 руб. серебром [7]. Более того, убыхский князь Али Ахмет Облагу был представлен к чину капитана русской армии с годовым жалованием в 300 руб. серебром [8]. Чин

капитана ему и был вскоре присвоен [9]. Таким образом, русская администрация увеличивала количество своих союзников среди горцев.

Однако инициатива Али Ахмет Облагу была встречена враждебно соплеменниками. Уже 20 мая князь Али Ахмет Облагу и практически все участники переговоров были арестованы. Выйти вновь на свободу Али Ахмет Облагу смог лишь после отречения от присяги на верность Николаю I.

Важную роль в этом деле сыграли иностранные эмиссары, которые сумели в очередной раз использовать в своих интересах менталитет убыхов. Активизация эмиссаров привела к тому, что в конце июля убыхи перешли к боевым действиям. Уже, 29 июля началась бомбардировка форта Навагинского. Крепость сразу же была усилена 150 солдатами Тенгинского полка [10].

30 июля на 2 кораблях в форт было доставлено еще 600 чел. В этот же день в ходе артиллерийского обстрела крепости снаряд горцев попал в склад боеприпасов. Это был единственный такого рода удачный случай для убыхов. Передний блокгауз взлетел на воздух, начался пожар вблизи порохового погреба, однако он был потушен. В форт прибыли еще 250 чел., но на рассвете 31 июля горцы прекратили обстрелы и разошлись по домам. Их орудия были свезены в глубокие овраги, находящиеся в значительном отдалении от форта [11].

В октябре 1841 г. русскими войсками под командованием генерал-майора Анрепа был предпринят первый показательный рейд по берегу от крепости Святого Духа до укрепления Навагинского. Участник этих событий М.Ф. Федоров в своих мемуарах «Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г.», отмечал, что русский отряд состоял из 8 тыс. солдат и офицеров имел на вооружении артиллерию. Активно использовалась для поддержки пехотных частей огневая мощь артиллерии русского флота, действующего со стороны моря [12]. Однако горцы оказали жестокое сопротивление. В отряде за период рейда с 8 по 10 октября были понесены потери убитыми, ранеными и заболевшими почти в 700 человек (37 обер-офицеров и 634 нижних чина).

О результатах рейда генерал Анреп доносил командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Головину: «Имею честь донести, что вчера вверенный мне отряд прибыл в укрепление Навагинское. Этот переход продолжался трое суток, которые ознаменовались рядом бесчисленных подвигов, убыхи были все в сборе и под предводительством Хаджи Берзек отчаянно оспаривали каждый шаг... Наша потеря значительна, но неприятель потерял еще больше. Вчера после отчаянной атаки на наше правое прикрытие Хаджи Берзек оставил место боя, сказав: “Теперь дерись кто хочет, а я еду домой”» [13]. По данным того же источника горцы за три дня боев потеряли 1,7 тыс. чел. [14]

Сухопутная операция имела последствия. Убыхи сделали для себя выводы и количество тех, кто стал желать дружбы с Россией, резко возросло. Так, 28 февраля 1842 года в форте Головина жители долины Субаши убыхские князья: Шеулех-уко-Алицук-Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз-Берзек, Шеулех-уко-Эдик-Берзек и Шеулей-уко-Мату-Берзек, присягнули за себя и всех своих подвластных на вечное подданство российскому императору. Процедура принятия присяги прошла с соблюдением протокола [15].

Новые подданные обещали употребить все зависящие от них средства, дабы склонить к покорности все население Субашской долины, но, не ручаясь за скорый успех, полагали, что вопрос о покорении второй половины убыхского племени, будет решен к 15 марта [16].

Присяга на подданство принималась посредством оставления отпечатков пальцев на клятвенном обещании, и было составлено на двух языках (русском и арабском). В документе были следующие пункты:

1. Мы признаем себя, на вечные времена, подданными Великого Государя Императора Николай Павловича Самодержца Российского;
2. Клянемся Его Императорскому Величеству Великому Государю нашему быть верными и нелицемерными и повиноваться властям, которые нам будут установлены;
3. Клянемся не участвовать ни в каких разбоях или хищничествах и не давать у себя пристанища разбойникам и преступникам, кои будут преследуемы Русским правительством;
4. В случае если непокоренные горцы предприняли что-то против земель и крепостей, принадлежащих Великому Государю нашему, то клянемся не пропускать таких враждебных партий через наши земли и отражать их силой оружия, а если будем не в силах, то немедленно извещать обо всем Русское начальство;
5. Русских пленных и беглых клянемся не покупать и не продавать и у себя не держать, но представлять русскому начальству, за что нам будет выдаваемо за каждого солдата по 10 руб. серебром;
6. Для предохранения от внесения чумы, клянемся не принимать к себе судов, иначе как с ведома русского начальства, а если судно придет к нашим берегам тайно, то незамедлительно давать знать ближайшему русскому начальству;
7. Для прекращения несогласий и обид, случающихся между нами и соседними подданными Государя Императора, не употреблять оружия и самоуправства, но обращаться для разбирательства к Русскому начальству;
8. Для сношения с Русским начальством по собственным делам нашим, обязываемся избрать из среды себя, одного почетного человека, коего будем уважать и считать как главу своего народа;

9. В обеспечении верности этой присяги мы обязываемся выдать в аманаты на воспитание по востребованию, мальчиков от 7 до 12 лет, самых почетных и уважаемых родителей.

Если кто из нас нарушит эту клятву то да постигнет того страшный гнев Бога, в сей и будущей жизни; да обратятся на главу его все несчастья; да восстанут против него братья его; родной сын да поднимет меч на главу его; все родные и соотечественники да чуждаются такого клятвопреступника и бегают от него, как от позора в подтверждение сей нашей клятвы целуем священные слова Ликорана и подписываемся. На подлинном руки приложили (то есть отпечатки пальцев) [17].

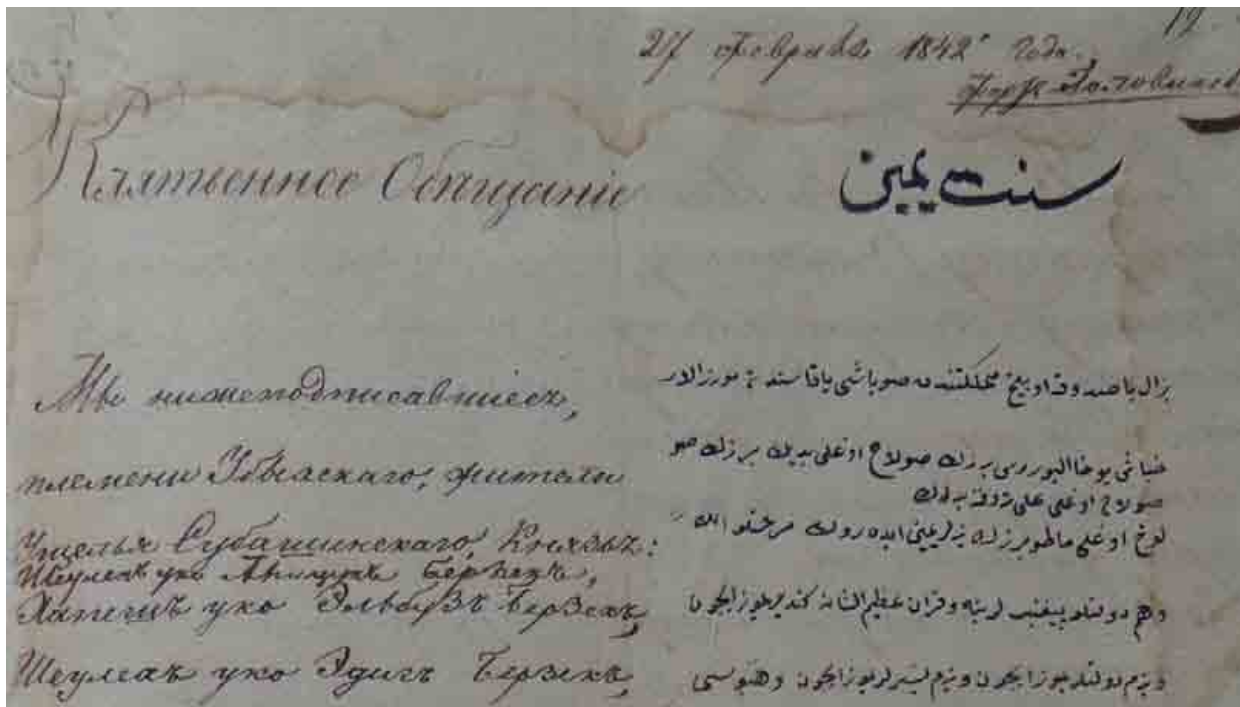

Рис. 1. Первый лист клятвенного обещания

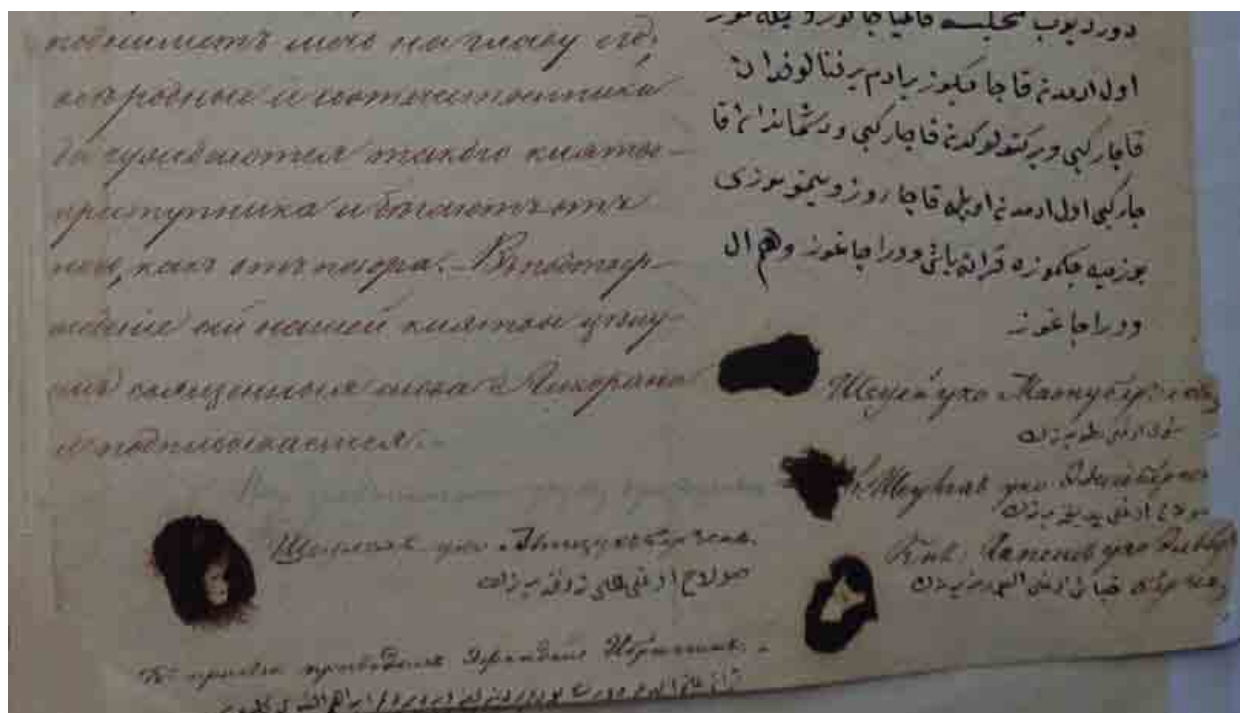

Рис. 2. Последний лист клятвенного обещания с отпечатками пальцев убыхских князей

В рапорте начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майора Муравьева на имя начальника Черноморской береговой линии генерал-майору и кавалеру Анрепу отмечалось, что «воинский начальник Головинского форта капитан князь Туманов донес мне рапортом от 17 февраля, что убыхские князья из фамилии Берзекоев неоднократно приезжали во

вверенное ему укрепление и просили представить из ко мне для заключения условий о принятии ими покорности Государю Императору со всеми их подвластными до 2 тыс. дворов проживающими вверх по ущелью реки Субаши и в окрестностях» [18]. Вместе с тем сообщалось, что убыхи хотели покориться на тех же условиях, что и джигеты [19].

Начальник 3-го отделения высказывал надежду, что покорение субашинских жителей и особенно живущих в верховьях по ущелью к Главному Кавказскому хребту, неминуемо приведет к покорности и сочинских убыхов [20].

16 марта 1842 года начальник ЧБЛ Анреп ходатайствовал перед корпусным командиром о присвоении четверем убыхским князьям чинов – поручик с назначением им жалования в размере 200 руб. серебром в год. В качестве заслуг было отмечено, что они первые нарушили союз, связывающий против русских всех убыхов [21].

Помимо этого Анреп отмечал: «В рапорте я называл этих убыхов князьями, ибо они себя так именуют и таковыми их признают джигеты. Берзеки могут быть причислены только к высшему дворянству» [22].

3 апреля начальник 3-го отделения подполковник Плац-Бек-Кокум отрапортовал, что четыре пары кавалерийских эполет для убыхов, вновь произведенных в поручики, получены [23].

17 октября 1842 года в форт Головинский прибыл поручик из убыхов – князь Эдик Берзеков и сообщил начальнику форта князю Туманову, что он собрал желающих на подданство России из знатных князей и дворян до 200 человек и в связи с этим просил начальника 3-го отделения генерал-майора Муравьева приехать в форт для принятия присяги от них и разрешения дозволить мену разных продуктов на соль. В связи с этим князь Туманов обратился к генералу Муравьеву прибыть в форт, а также просил доставить в форт для меновой торговли соль [24].

10 ноября 1842 года генерал-майор Муравьев рапортовал Анрепу, что «он со всей бы готовностью поспешил бы в форт для принятия присяги, зная, что **всякое покорение горцев без употребления силы оружия согласно с волею Государя Императора**, но, к сожалению, приехать не сможет ввиду отсутствия у него парохода, который ушел в Керчь» [25].

Необходимо отметить, что процедура приведения к присяге горцев требовала значительных средств от русской администрации. Так, по данным за ноябрь 1842 года из штаба ЧБЛ начальнику 2-го отделения генерал-майору графу Опперману были переданы вещи для подарков горцам. В их числе было: бархат фиолетовый на 187 руб.; швейное серебро и золото на 89 руб.; часы серебряные с золотыми цепочками и ключами (4 шт.) – 160 руб.; меха лисьи 2 шт. 160 руб.; меха хорька 2 шт. 138 руб.; меха беличьи 2 шт. 78 руб.; сукно; материя на 118,6 руб.; бархат на 409 руб.; сафьян на 72 руб. [26].

Для встречи с горцами в конце ноября в Головинский форт отправился начальник 2-го отделения генерал-майор Опперман. По прибытии он пригласил к себе поручика Эдик Берзека, который спустя два дня прибыл к нему в сопровождении нескольких почетных жителей долины Субаши из фамилии Берзеков. Они подтвердили, донесение майора князя Туманова объявив, что значительное количество убыхских дворян желают принять присягу на верность Его Императорского Величества [27].

Через пять дней они возвратились. Вместе с ними прибыло 28 человек дворян, из которых каждый имел в горах известное влияние. Они единогласно объявили, что готовы дать присягу, притом чтобы от них не требовали аманатов. «Может быть, время, – говорили они, – изгладит недоверчивость народа, который до сих пор смотрел на русских как на врагов непримиримых. А потому мы просим Вас не требуйте от нас на первый случай слишком многого. Присяга есть с нашей стороны очень важный шаг, довольствуйтесь этим, не требуя аманатов, которых мы не можем дать. Впрочем, мы посоветуемся в горах с другими людьми, имеющими еще более голосу в народе, назначьте нам срок, мы опять соберемся еще в большем числе, и Вы окончательно узнаете, на что мы решились» [28].

Генерал-майор Опперман дал им 10 дней. При этом Опперман писал: «Я не сомневаюсь в искренности тех Берзеков, которые имели со мной свидание, но я вправе опасаться, что они встретят затруднение склонить других дворян на выдачу аманатов, так как непреклонная воля многих враждебных фанатиков сильно противодействует их намерениям. Дело осложнено смертью Гассан-Бей, известного своим влиянием, отправившегося за неделю до моего приезда в Навагинское укрепление, и там скоропостижно скончавшегося. Эта потеря для нас тем чувствительна, что Гассан-Бей намеревался отдать сына своего аманатом и тем показать убыхам какую доверенность может иметь к Русскому правительству. Несмотря на угрозы неприязненных горцев, большое число убыхов ежедневно приезжают сюда для меновой торговли. Если в Головинском форте мы будем иметь запас соли и турецких товаров, в коих они нуждаются, тогда можно ожидать, что торговые отношения с убыхами будут иметь самые благоприятные последствия» [29].

Необходимо отметить, что выдача аманатов являлась наилучшим способом удержать горские племена в покорности. Аманатов требовала не только русская администрация, но и мусульмане. Так, например, еще в 1785 году так называемый имам Ушурма-ших Мансур требовал из Шали, чтобы андреевские и аксаевские князья Чечни выдали ему аманатов. С целью – «дабы они были послушны его повелениям» [30].

Весной 1842 года активизировались и сочинские убыхи. Из рапорта начальника 3-го отделения подполковника Плац-Бек-Кокума начальнику Черноморской береговой линии генералу Анрепу: «1 марта 1842 года прибыл ко мне субашинский житель, турок Хасан Сулиман Ипа и объявил, что известный Вашему превосходительству сочинский князь Обла Ахмет (он же Аубла Ахмет – Авт.) оказался недалеко от укрепления Головинского и, раскаявшись в сделанном им проступке (имеется ввиду отречение от присяги данное им в мае 1841 года – Авт.), просил позволения моего, представиться ко мне.

По дозволению ему этого, он явился ко мне с угрызением совести, сердечным раскаянием и всепокорнейшей просьбой – быть его ходатаем пред Вашим Превосходительством в испрошении ему Всемилоостивого помилования, и что он ныне и впредь на вечные времена с потомками и подвластными своими он желает быть верноподданным нашему Государю – будучи искренно убежденным, что другого счастья в этом мире ему предстоять не может и в верности своей всенародно готов учинить вновь присягу – сознаваясь при таковой в прежнем своем заблуждении.

Не имея права, что-либо решительно ему обещать, я объявил – только что Ваше Превосходительство изволит прибыть в форт Головинский к 15 марта и, что к этому времени прибуду сюда и я, тогда он может явиться и предстать перед Вашим превосходительством и что Вами лишь может быть решена его участь. Ответ мой он принял с покорностью и с твердым желанием, принеся свое раскаяние, просить Вашего покровительства" [31].

В результате Али Ахмет Облагу был восстановлен в присяге и чине капитана русской армии.

11 января 1843 года стараниями капитана Аубла Ахмета русской администрации был представлен список убыхских дворян, желающих принять присягу на верность императору.

В списке 33-х почетных убыхских дворян фигурировали две фамилии:

1) дворяне фамилии Джани или Дграни: Махметаль, Патто, Состанкул, Зекере, Патаршагу, Джевчис, Состамурза, Аписуг.

2) дворяне фамилии Фагуа: Вазуршей 1-й, Вазуршей 2-й, Джушгат, Ахмет, Эберхам, Шимаф, Еслам, Татипстан, Зокику, Геттс, Омер, Мшагуст, Якуб, Систахула, Хозербек, Асланух, Гучус, Бат, Мурза, Тешруха, Хотшир, Патух, Эбар, Глят, Проп [32].

Приняли ли данные убыхи присягу из имеющихся документов – не ясно. Других документов на эту тему не обнаружено.

В конце 1843 – начале 1844 годов проблемой для принятия присяги всеми убыхами Субаши стало основание, чтобы турки официально горской депутации заявили, что помогать горцам не будут. Вопрос об отправке в Константинополь горской депутации курировал сам император Николай I, который распорядился выдать казенное судно для этой цели. Помимо этого данный вопрос находился в разработке и в Российской императорской миссии в Константинополе [33].

В апреле 1844 года стало очевидным, что старшины от шапсугов и натухаевцев не только не хотят ехать в составе депутации, но и не хотят говорить об этом народу, боясь высказать этим приверженность к русским [34].

В условиях последующего обострения противостояния горцев и русской администрации представители горцев, из числа поступивших на русскую службу, предлагали проведение конкретных мер по привлечению местного населения на сторону России.

Так в июле 1846 года командир Кубанского казачьего полка подполковник султан Казы-Гирей обратился с письмом к командиру Отдельного Кавказского корпуса князю М.С. Воронцову. Казы-Гирей предлагал избрать из числа уважаемых горских фамилий человека, пользующегося доверием народа, который будет одаривать узденей (из русской казны) и привлекать их в пользу России. Так же предлагалось демонстрировать уважение к мусульманскому духовенству и секретно делать подарки муллам. Советовалось принимать меры к развитию меновой торговли в крае. Наконец, опираясь на преданных России горцев, распространять в народе мнение о выгодах мира с русскими и несбыточность надежд на иное развитие событий. На это предложение М.С. Воронцов написал на полях: «Мера полезная». Эта и другие ремарки князя свидетельствуют о возможности в целом принять рекомендации с учетом их значительных издержек [35].

Следует отметить, что предлагаемые Казы-Гереем паллиативные меры практиковались русскими властями, но ожидаемого существенного результата в умиротворении края не дали.

Заключение

В первой половине 1840-х гг. убыхскими князьями и русской администрацией предпринимались совместные шаги к умиротворению края. В результате ряд убыхских князей принимали присягу на подданство России и зачислялись на службу в качестве офицеров русской императорской армии. Однако полного умиротворения не произошло. Негативную роль в развитии событий играли разобщенность горского общества в ориентациях, существование всячески противодействовавших русской политике черных черкесов, пропаганда иностранных эмиссаров. В условиях продолжавшейся Кавказской войны возможными оказались лишь паллиативные меры со стороны русской администрации, не подкрепленные комплексом мероприятий социально-экономического характера в отношении местного населения.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы НИР «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)». Сочи, 2014–2015.

Примечания:

1. Новиков Е.В. Горцы на русской службе // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 4–20.
2. Суханова И.З. К вопросу о государственно-политическом устройстве «демократических племен» адыгов начала XIX века // Русская старина. 2010. № 2 (2). С. 9–11.
3. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2 (4). pp. 143–146.
4. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64–72.
5. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014. № 1, pp. 4–12.
6. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–8.
7. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
8. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
9. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 833. Л. 3.
10. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
11. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 213.
13. Там же. 1881. Т. 9. С. 513.
14. Там же. С. 520.
15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 5.
16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 50б.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 6–7.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 9.
19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 90б.
20. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 10.
21. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 15.
22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 150б.
23. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 22.
24. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 25–250б.
25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 270б.
26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 34–340б.
27. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 370б.
28. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 37–370б.
29. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 38–380б.
30. Юдин П. Лжепророк Ушурма-ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. 1914. № 10. С. 221.
31. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 11–14.
32. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 112.
33. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 20–45.
34. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 108.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 932. Оп. 1. Д. 88. Л. 6–130б.

References:

1. Novikov E.V. Gortsy na russkoi sluzhbe // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. S. 4–20.
2. Sukhanova I.Z. K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom ustroistve «demokraticheskikh plemen» adygov nachala XIX veka // Russkaya starina. 2010. № 2 (2). S. 9–11.
3. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2 (4). pp. 143–146.
4. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64–72.
5. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014. № 1, pp. 4–12.
6. Arkhivnyi otдел administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 7–8.
7. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 10.
8. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 13.
9. GAKK. F. 261. Op. 1. D. 833. L. 3.
10. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 10. L. 21.

11. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 10. L. 24.
12. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoyu komissiei. Tiflis, 1879. T. 3. S. 213.
13. Tam zhe. 1881. T. 9. S. 513.
14. Tam zhe. S. 520.
15. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 5.
16. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 5ob.
17. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 6-7.
18. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 9.
19. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 9ob.
20. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 10.
21. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 15.
22. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 15ob.
23. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 22.
24. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 25-25ob.
25. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 27ob.
26. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 34-34ob.
27. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 37ob.
28. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 37-37ob.
29. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 38-38ob.
30. Yudin P. Lzheprorok Ushurma-shikh Mansur (Iz istorii religioznykh dvizhenii na Kavkaze) //

Russkii arkhiv. 1914. № 10. S. 221.

31. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 11-14.
32. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 112.
33. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 20-45.
34. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 108.
35. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 932. Op. 1. D. 88. L. 6-13ob.

УДК 940

Переход убыхов на русскую службу как следствие мирных инициатив первой половины 1840-х гг.

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Владимир Гаврилович Иванцов

³ Елена Степановна Устинович

⁴ Нина Ивановна Крюкова

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

^{1,2} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: sochi003@rambler.ru

² кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

³ Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Доктор политических наук, профессор

E-mail: lenausti@mail.ru

⁴ Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Доктор юридических наук, профессор

E-mail: info@rea.ru

⁵ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов, рассматриваются факты принятия убыхскими князьями присяги на верность императору Николаю I. При подготовке статьи использованы документы Российского государственного исторического архива, государственного архива Краснодарского края и архивного отдела администрации города Сочи. Авторы показывают, что в первой половине 1840-х гг. убыхскими князьями и русской администрацией предпринимались результативные шаги для умиротворения региона. В итоге ряд убыхских князей стали офицерами русской императорской армии. Однако полного умиротворения не произошло. Причиной этого стала разобщенность горского общества, возникшая в результате политики России.

Ключевые слова: убыхи, черкесы, горские князья, присяга, русская администрация, Николай I, иностранные эмиссары, аманаты.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 549-557, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 947.072

Scripts liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects

Dmitrii V. Timofeev

¹ Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Russian Federation

Sofia Kovalevskaya street 16, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620990

² Ural Federal University, Russian Federation

Pervomaiskaja street 62, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075

Dr (History), Leading Researcher

E-mail: dmitrtim@ru

Abstract

On the basis of archival materials presents the basic "scenario" emancipation of the serfs in the first quarter of XIX-th century. A comparative analysis of the investigation of cases of dissemination of "unlawful speeches", denunciations, notes and projects identified the following options for addressing the issue of serfdom: the scenario of "external release," "liberation by the initiative of the Russian Emperor" by transferring the peasants on public lands and the payment of money compensation; exemption with the transition to a "new state" scenario "deferred liberation." Comparative analysis of the stories about the role of the state, the rate and conditions of the peasants of freedom, led to the conclusion about the existence in the minds of Russian citizens community paternalistic attitudes. Waiting initiative on the part of the state not only significantly slowed the development process of reform, but also contributed to the formation directly opposite behaviors aimed at the use of forced labor.

Keywords: peasant question in Russia; history of Russia in the first quarter of the XIX century; projects abolition of serfdom; rumors; reforms in Russia of the XIX century; history of social thought.

Введение

На рубеже XVIII–XIX вв. одной из актуальных проблем, активно обсуждаемых как в правительственных кругах, так и в российских журналах, становится проблема повышения эффективности помещичьего хозяйства и ускорения темпов развития отечественной промышленности. В процессе поиска вариантов решения данной проблемы высказывались различные оценки эффективности труда «подневольных» крестьян по сравнению с трудом «вольнонаемных работников». Одновременно на страницах российских журналов неоднократно публиковались материалы о несовместимости «рабства крестьян» с нормами христианской морали. Существуя относительно независимо друг от друга, экономический и морально-этический контексты осмысления проблемы «рабства» крестьян в России порождали в обществе надежды и опасения, связанные с возможным освобождением крепостных. Дополнительным фактором, укреплявшим такого рода ожидания и тревоги, было издание указа 12 декабря 1801 г., в соответствии с которым всем лицам «свободных состояний», включая государственных крестьян, было даровано право приобретения ненаселенных участков земли, и указа 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных» [1, т. XXVI, №20.075, с. 862–863; т. XXVII, №20.620, с. 462–463]. На фоне либеральных заявлений Александра I любые, даже самые незначительные, изменения в российском законодательстве воспринимались как свидетельство интереса верховной власти к крестьянскому вопросу. В сложившейся обстановке ожидания социальных преобразований, с одной стороны, порождали множество слухов и домыслов о намерениях верховной власти и наиболее вероятных условиях освобождения, а с другой стороны,

служили дополнительным стимулом для представителей либерально настроенной части дворянства предложить императору свои соображения по крестьянскому вопросу.

Материалы и методы

Одновременное существование как формальных, так и неформальных каналов «обсуждения» крестьянского вопроса, обуславливает необходимость использования *сравнительно-контекстуального метода*, нацеленного на выявление сходств и отличий в содержании слухов, прошений и дворянских проектов решений крепостной проблемы. Анализ используемых в данном исследовании источников предполагает сопоставление ответов современников исследуемого времени на ключевые, непосредственно связанные с ожиданиями отмены крепостного права вопросы. В данном контексте основными смысловыми единицами для проведения сравнительно-контекстуального анализа являются, зафиксированные в следственных материалах о распространении слухов, прошениях и проектах, ответы на следующие вопросы: а) кто может быть инициатором проведения преобразований; б) какой новый статус приобретают крестьяне после освобождения от власти помещика; в) кто и каким образом должен компенсировать экономические потери помещикам.

Источниковую основу данного исследования составляют документы, отложившиеся в фондах Российского исторического архива (РГИА): 1) материалы следствия по делам о распространении «недозволенных речей», анонимные записки и прошения, составленные от имени крестьян (Ф. 1163. – Высочайше утвержденный 13 января 1807 г. Комитет охранения общей безопасности); 2) дворянские проекты и прошения по крепостному вопросу (Ф. 14. – Канцелярия Н.Н. Новосильцова; Ф. 1152 – Департамент государственной экономии Государственного Совета; Ф. 1553. – Ревизия Казанской губернии; Фонд 1167 – Комитет 6 декабря 1826 года).

В соответствии с особенностями используемых источников и обозначенной целью, результаты исследования последовательно представлены в двух взаимосвязанных разделах: 1. Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки; 2. Крестьянский вопрос в текстах дворянских прошений и проектов.

Обсуждение

Внимание историков, исследовавших процесс формирования основных подходов к отмене крепостного права в России первой четверти XIX в. чаще всего привлекает правительственная политика и дворянские проекты¹. Обращение к материалам, позволяющим, хотя бы частично, реконструировать социальные ожидания, и связанные с ними практические действия, российского крестьянства затруднено особенностями источниковой базы². Отсутствие у большинства представителей данного сословия навыков чтения и письма существенно ограничивает возможность использования аутентичных источников, созданных самими крестьянами или, по меньшей мере, при их непосредственном участии. Частично заполнить этот пробел может обращение исследователя к текстам «прошений» и «жалоб», которые были написаны как лично крестьянином, так и по его просьбе различными «доверителями». Не меньший интерес представляют и показания крестьян по делам о распространении ими «опасных слухов». Информационная ценность такого рода документов состоит в том, что в них отражены представления крестьян о своем положении в системе внутри- и межсословных взаимоотношений, а также ожидания возможных изменений и связанные с ними конкретные действия.

Результаты

1. Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки

Проведенный анализ содержания «недозволенных речений», слухов и записок выявил *два основных типа сценариев* ликвидации «рабства» крестьян. *Первый* из них был сформирован в связи с внешнеполитическими обстоятельствами и предполагал, что свобода крестьянам будет дана не российскими властями или помещиками, а в результате действий Наполеона. Именно такие настроения зафиксированы в архивных материалах, учрежденного 13 января 1807 г. особого «Комитета охранения общей безопасности». Так, например, кучер надворного советника Тузова А. Корнилов, распространял слухи о том, что «француз хочет взять Россию и сделать всех вольными», а Наполеон в письме к Александру I потребовал, «чтоб освободил всех крепостных», а иначе «война будет всегда» [10, л. 1, 13].

Поскольку культурные механизмы распространения слухов не предполагают каких-либо сословных или внутрисословных перегородок, их содержание достаточно быстро становилось

¹ См., например: [2; 3, с. 65–75, 119–136; 4, 5].

² На сегодняшний день существует ряд работ, посвященных изучению социально-политических представлений крестьян, однако в большинстве из них исследовательский интерес сфокусирован либо на общих особенностях крестьянского мировосприятия на протяжении достаточно длительного периода времени, либо на реконструкции мотивов и поведенческих стереотипов, проявлявшихся в условиях крестьянских бунтов и восстаний. См., например: [6; 7; 8; 9].

известным губернским властям. В данном контексте интересным является дело о крестьянине Афанасии Артемьеве, возбужденное по доносу губернского секретаря Гаврилы Колеухова, который в личном разговоре на постоялом дворе «открыл ему..., что де слухи происходят, яко французы заверяют чернь, что их в продолжающейся ныне войне не будут нималейше трогать, а только де будут истреблять господ помещиков, дабы облегчить чернь от притеснения и сделать одного государя, а то де в России оных много» [11, л. 7–8.]. Широкое «хождение» слухи о намерении французов освободить крестьян получили зимой 1807 г. в западных и северо-западных губерниях Российской империи и нередко дополнялись элементами национально-освободительного характера. О содержании и направленности такого рода слухов свидетельствует рапорт Лифлянского губернского прокурора Риземана министру внутренних дел В.П. Кочубею, в котором сообщалось, что живущий в мызе Куркунд крестьянин Ян Вейкюлла, находясь в Цитенгорской корчме, говорил «...французы отнюдь не суть наши (т.е. крестьянские) неприятели, а придут только сюда (в Лифляндию) чтоб здешних крестьян освободить от рабства, и что при подобном случае должно будет истребить в деревнях всех жительствовавших там немцев» [12, л. 3]. Конечно, национальная составляющая в «недозволенных речах» лифляндского крестьянина была обусловлена целым рядом социокультурных причин и исторически сложившихся обстоятельств. Все эти причины, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. В рамках же настоящего исследования принципиально важным является сам факт существования сценария «внешнего освобождения» крестьян.

Аналогичные ожидания на уровне слухов и недозволенных речей возникали весной 1812 г. и в центральных губерниях Российской империи. Так, например, о распространении сценария «внешнего освобождения» свидетельствуют материалы следствия по делу о дворовых людях Афанасии Медведеве и Петре Иванове, которые в марте 1812 г. распространяли слухи о том, что «...Москву возьмут французы» и «...скоро все будут вольными, а помещики ж будут на жаловании» [13, л. 1–2.]. При этом А. Медведев, желая убедить следователей в своей невиновности, утверждал, что он всего лишь передал Иванову содержание, услышанного им случайно на Ильинской улице, разговора десяти неизвестных людей.

В общем виде, основанием для появления сценария «внешнего освобождения» была информация о действиях Наполеона в отношении крестьян на занятых им территориях. Действительно, в созданном под протекторатом Наполеона и формально возглавляемом королем Фридрихом-Августом Герцогстве Варшавском, крестьяне получили личную свободу [14, с. 172]. И хотя юридически они не получили ни земельные участки, ни право собственности на жилые строения и сельский инвентарь, российские крестьяне приграничных губерний, не имея достоверной информации о действительном положении дел, воспринимали такую «свободу» как желанную перспективу, реализация которой возможна в результате внешнего завоевания.

Второй тип сценария освобождения, который прослеживается при сопоставлении содержания слухов и составленных от лица крестьян анонимных записок, предполагал *освобождение* крепостных и дворовых людей *по инициативе российского императора*. Особенно отчетливо ожидания освобождения крестьян по прямому указанию государя проявились весной 1815 г. В одном из секретных донесений из Москвы сообщалось, что под воздействием слухов об издании императором манифеста о даровании крестьянам свободы: «... мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выезжают» [15, л. 4.]. Аналогичная ситуация сложилась и в Новгородской губернии: «...некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут, причина тому, ...что будто будет воля», объявление которой они «...с часу на час дожидают» [15, л. 4–4об.]. При этом в донесении местных властей подчеркивалась прямая связь произошедших в поведении крестьян изменений и распространяемых в округе слухов: «...до того слуху исправляли барщину, а ныне никто ничего, и кто хочет, идет на барщину, а кто не хочет сидит дома» [15, л. 4–4об.].

В распространении подобного рода слухов участвовали не только крестьяне и дворовые люди, но и представители так называемых «свободных состояний». Источником информации мог быть, например, приехавший из столицы офицер или мелкий чиновник. Именно такой вариант распространения слухов был изложен в рапорте из Нижнего Новгорода. Весной 1815 г. капитан гарнизонного батальона Любанский «привез известие о даровании всем помещичьим крестьянам вольности...», о чем, по его словам, был и «...Манифест читан в Санктпетербургском Казанском соборе» [15, л. 2–3.]. Уже через несколько дней после приезда дворовой человек капитана Любанского Александр Дмитриев «...рассказал сию новость недавно определенному в Казенную палату приказному», который поделился информацией с несколькими своими коллегами по службе. В результате местные власти вынуждены были констатировать: чиновники казенной палаты «...пустили означенные слухи далее так, что теперь весь город ими преисполнен, и подан способ в некоторых господских домах даже дворовым людям выводить из сего разные толки, могущия послужить нарушениям спокойствия» [15, л. 2–3.].

Содержательно, разнообразные слухи о возможном освобождении крестьян по инициативе государя описывали *два варианта* развития событий. *Первый вариант* – освобождение крепостных и дворовых людей посредством *перевода их в разряд государственных крестьян*. Так, например, по доносу полицейского Козлова, сын придворного истопника Гаврила Антонов в апреле 1812 г., покупая на Сенной рыбу, представился придворным офицером и призывал продавать ему товар дешевле,

«...ибо он объявит радостную весть, что по возвращении Государя, все крестьяне будут государственные» [16, л. 1]. Такой сценарий «освобождения от рабства» подразумевал переход на свободные государственные земли, а следовательно, исключение крестьян из числа владения помещиков и лишение их права наказывать поселян за незначительные правонарушения.

В некоторых случаях распространители слухов не ограничивались констатацией факта, а дополняли их суждениями о возможных последствиях перевода частновладельческих крестьян в разряд государственных. Утверждалось, что намерение императора лишить помещиков права полного распоряжения крестьянами неизбежно было вызывать ожесточенное сопротивление дворянства, вплоть до совершения очередного дворцового переворота. Одним из документов, подтверждающих существование такого рода опасений является донос коллежского регистратора Ивана Николаева, в котором сообщалось, что канцелярист Нижегородского земского суда Л. Снежицкий, «...пришедши в суд, пересказывал за новость слышанное им от неизвестного проезжавшего из Санктпетербурга человека о покушении дворянства на жизнь Его Императорского Величества за намерение отобрать от всех их крестьян в казенное ведомство» [15, л. 1–2]. По словам анонимного собеседника, «...покушение таковое удержано Его Императорским Высочеством Великим князем Константином Павловичем» [15, л. 1–2]. Таким образом воспроизводилась мифологема доброго царя-защитника народа, который, несмотря на нежелание помещиков освобождать крестьян, готов идти на открытый конфликт с помещиками.

Второй вариант сценария «освобождения по инициативе российского императора» во многом смягчал обозначенное противоречие между государем и помещиками. В соответствии с ним освобождение крестьян должно было сопровождаться *государственной компенсацией помещикам* в денежной форме всех потерь от утраты находившихся в их распоряжении работников.

Следует отметить, что идея о необходимости выплаты денежной компенсации помещикам была достаточно популярна, о чем свидетельствуют не только донесения о распространении представителями «нижних состояний» слухов, но и тексты всеподданнейших прошений, составленных от имени крестьян. Интересным примером такого документа является «подброшенное на высочайшее имя» весной 1807 г. анонимное прошение. В результате проведенного расследования было установлено, что оно составлено дворовыми людьми графа А.И. Безбородко Иваном, Осипом и Гордеем при активном участии коллежского секретаря Федора Дунаева, который «жил неподалеку... неоднократно с ними пивал, и по просьбам их писал к знакомым многие письма» [17, л. 12, 45]. В прошении от лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт» [17, л. 109]. Эмоционально описывая бедственное положение крестьян, авторы взывали к самодержцу: «Умилосердитесь Батюшка наш Императорское Величество, докуда нам рабам господним и вашим верным подданным пропадать... Повелите... развести большие огни и велите нам всем броситься туда..., или, лучше всего, велите нас всех отдать в солдаты. Великая для нас радость, что все мы будем ваши, все государственные» [17, л. 109, 110]. По мере снижения эмоционального напряжения, в тексте прошения предлагался наиболее приемлемый, с точки зрения крестьян, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную сумму и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...» [17, л. 110]. В завершение небольшого по объему текста прошения (примерно 2,5 страницы рукописного текста), авторы предлагали ограничить право помещиков наказывать крестьян, и еще раз, отождествляя положение крепостных с положением «рабов», обращались к российскому самодержцу: «не оставьте наше императорское величество... господских бедных рабов» [17, л. 110]. В такой трактовке положение крепостных людей оценивалось негативно, без многочисленных оговорок и ссылок на конкретные обстоятельства или личные качества отдельного помещика, а исторически сложившаяся система личной зависимости крестьян могла быть уничтожена по инициативе монарха и при активном финансовом участии государства.

В целом, анализ содержания слухов и анонимных прошений по крепостному вопросу позволяет утверждать, что, вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император, или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков, и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Главный смысловой акцент делался на переходе крестьян под покровительство государя, который, безусловно, позаботился бы и о наделении их необходимым количеством пашенной земли. Именно поэтому на уровне слухов проблема наделения крестьян землей не являлась первостепенной и затрагивалась крайне редко. С этих позиций, подобного рода слухи отражали не только патерналистский характер ожиданий, но и отсутствие достоверной информации о том, что имевшиеся в распоряжении «казенного ведомства» земельные ресурсы, за исключением отдаленных территорий страны, были недостаточны для возможного переселения всех освобождаемых крепостных крестьян.

2. Крестьянский вопрос в текстах дворянских прошений и проектов

Вопреки ожиданиям императора Александра I, рассчитывавшего, что после издания указа 20 февраля 1803 г. помещики добровольно начнут освобождать крестьян, дворянство оказалось неготовым отказаться от использования подневольного труда крепостных. Основанием для возникновения у императора своеобразной «иллюзии готовности» наиболее просвещенных помещиков добровольно освобождать крестьян было всеподданнейшее прошение графа

С.П. Румянцева. В конце 1802 г. он заявил о желании отпустить 199 душ крепостных и предложил Александру I издать указ, в соответствии с которым инициатива личного освобождения земледельцев должна была бы исходить от помещика, а конкретные условия перехода «в особое состояние вольных хлебопашцев» фиксировались в предварительно согласованном с губернскими властями договоре [18, с. 45–48]. После обсуждения в Государственном Совете предложение С.П. Румянцева стало основой для указа 20 февраля 1803 г. [19, с. 783–788].

Однако сколько-нибудь масштабной поддержки в дворянских кругах инициатива С.П. Румянцева не получила: с момента издания указа и до декабря 1825 г., было заключено всего около 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение¹. Такое положение, на мой взгляд, было обусловлено общим для всех категорий российских подданных представлением о доминирующей роли государства в решении сложных социально-экономических проблем. В сложившейся ситуации, большинство помещиков пассивно ожидало распоряжений верховной власти, и лишь некоторые из них проявляли инициативу в форме разного рода проектов и записок по крестьянскому вопросу.

Патерналистские интенции в подходе к решению крепостной проблемы отчетливо прослеживаются при сопоставлении основных «сценариев» освобождения, циркулировавших на уровне слухов, и содержания проектов, официально представленных помещиками Александру I. Практически все описанные выше варианты, за исключением, конечно, «сценария внешнего освобождения», можно обнаружить в текстах дворянских проектов и прошений.

Первый вариант – освобождение крестьян с последующим переводом на государственные земли, хотя и не рассматривался в качестве основного для решения крепостного вопроса в масштабе всей страны, но достаточно часто встречается в индивидуальных прошениях помещиков. Сопоставление содержания подобных обращений показывает, что помещики, предлагая переселять крестьян на «казенные земли», предпочитали «сценарий» безземельного освобождения крестьян за выкуп. Именно таким образом, Таврический помещик штабс-капитан Каховский освободил 328 крестьян без земли за выкуп с рассрочкой платежа на три года, и последующим переселением их на земли принадлежащие государству [24, л. 5.]. Аналогичный вариант освобождения был реализован действительным тайным советником В.С. Поповым: «на вечно без земли» освобождалось 1503 человека, с условием, что каждый должен был в течение года заплатить по 150 руб., а после завершения выкупной операции обязан был перейти на казенные земли².

Однако при внешнем сходстве слухов об освобождении крестьян посредством перевода в разряд государственных и подаваемых на высочайшее имя дворянских прошений, между ними существовало принципиальное различие. Как правило, в «недозволенных речах» вопрос о судьбе помещичьей земли не затрагивался, а переход означал лишь изменение субъекта властвования. Вместо непредсказуемого помещика, поведение которого зависело от настроения или личных представлений о способах наказания, крестьянин получал покровительство государства, как структуры более стабильной и последовательной в своих практических действиях. Для помещика же переход крестьян в разряд государственных был неразрывно связан с вопросом о сохранении собственности на землю и получения денежной компенсации за утрату работников. В данном контексте показательно, что почти все будущие декабристы, например, первоначально высказывались за освобождение крепостных крестьян при условии, что земля оставалась бы собственностью помещика [22, с. 180].

Второй вариант сценария освобождения по инициативе самодержца и при финансовом участии государства также присутствовал в дворянских проектах. Так, например, освободить крепостных по инициативе государства, которое постепенно выкупало бы у помещиков крестьян с землей по ценам каждой конкретной местности (из расчета 2 десятины на одну «ревизскую душу»), предложил в феврале 1818 г. граф А. А. Аракчеев [26, с.160–163]. Финансовые средства на проведение выкупной операции он предлагал получить за счет ежегодных отчислений с питейного сбора и выпуска 5 %-х облигаций государственного займа. Данный проект был одобрен императором Александром I, но его реализация была затруднена в связи несоразмерностью доходов от предлагаемых источников финансирования крестьянской реформы и общей суммы компенсационных выплат помещику [23, с.102–103].

Еще одним принципиально важным отличием слухов от дворянских проектов – скорость предполагаемых социальных изменений. На уровне слухов, анонимных писем и воззваний никогда не обозначалась точная дата, но утверждалось, что «дарование вольности» произойдет в ближайшее время. В дворянских проектах же процесс освобождения представлялся более длительным, требующим протяженного во времени подготовительного этапа, в ходе которого крестьянин должен был приобрести необходимые навыки и способности. В данном контексте в дворянских проектах, на мой взгляд, был представлен еще один сценарий решений крепостного вопроса – «сценарий отложенного освобождения».

¹ Общее количество освобожденных крестьян составляло 47153 «души мужского пола. См. подробнее: [20, с. 63–79; 21, с. 57–68; 22, с. 177; 23, с. 73.

² 50 человек были освобождены без платы, см.: [25, л.3–3об.].

Ярким примером существования в сознании помещиков подобного алгоритма является записка Н. С. Мордвинова «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости, и с оною возбуждения народной деятельности» [27, л. 1–6]. Одномоментное уничтожение крепостного права, по мнению автора записки, было затруднено, тем, что крестьянин не имел навыков свободного труда и не обладал собственностью. Отсутствие опыта «свободного» ведения хозяйства рассматривалось в качестве главной причины необходимости длительного периода подготовки крестьянской реформы. По словам Мордвинова, «народу, пребывающему века без знания гражданской свободы, даровать оную изречением на то воли Властителя возможно, но знания пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением невозможно» [27, л. 2]. В представленном на Высочайшее имя проекте Н.С. Мордвинов предложил установить прогрессивную шкалу для определения размера денежной компенсации помещику за потерю рабочих рук в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина: дети до 2 лет и крестьяне старше 60 лет освобождались бесплатно; от 2 до 5 лет общая сумма выплат составляла бы 100 руб.; 5–10 лет – 200 руб.; 10–15 лет – 400 р.; 15–20 лет – 600 руб.; 20–30 лет – 1500 руб.; 30–40 лет – 2000 руб.; 40–50 лет – 1000 руб.; 50–60 лет – 500 руб. [27, л. 6]. Установление высоких выкупных платежей привело бы к тому, что первыми освободились наиболее предприимчивые крестьяне. Таким образом, по словам Н.С. Мордвинова, свобода «...представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку» [27, л. 2].

В дворянских проектах, так или иначе затрагивавших положение крепостных крестьян, центральными категориями, с помощью которых происходило обоснование необходимости постепенного их освобождения, были понятия «польза» и «просвещение». В идеале наиболее приемлемой моделью было избирательное освобождение крестьян по мере их «просвещения», а следовательно, способности приносить «пользу» не только своим семьям, но и российской экономике в целом. Именно поэтому, даже в проектах, авторы которых не ставили перед собой цель разработать предложения по освобождению крестьян, а главные свои усилия направляли на решение сугубо практических задач, предоставление «вольности» наиболее трудолюбивым и грамотным работникам рассматривалось как необходимое условие экономического развития. Одним из таких проектов является записка барона Фридрикса «Предначертание практической сельскохозяйственной школы во всех частях для воспитания искусных и образованных управителей» [28, л. 6–190б.]. По мнению автора, главная проблема, сдерживающая развитие сельского хозяйства в России – отсутствие квалифицированных приказчиков и управляющих дворянскими имениями. Анализируя сложившееся к началу XIX в. положение, он констатировал, что в большинстве случаев управляющими работают люди, не имевшие необходимых знаний и практических навыков работы с землей. Выход из сложившегося положения – создание при финансовом участии государства практической сельскохозяйственной школы, главной целью которой была бы подготовка квалифицированных управляющих из числа как государственных, так и частновладельческих крестьян. После шести лет обучения выпускники «практической сельскохозяйственной школы» обязаны были в течение восьми лет отработать в качестве «управителей в деревне». В случае, если крестьянин по истечении указанного срока заслужил положительные характеристики от собственника имения, он «...получит уже совершенную свободу» [28, л. 6–140б.]. Таким образом крестьянин, приобретая необходимые ему навыки свободного труда, становился «полезным» для общества и переходил в новое «свободное состояние».

Освобождение крестьян посредством постепенного перехода в «новое состояние» рассматривалось в качестве одного из вариантов решения крепостного вопроса не только в отношении так называемых «землепашцев», но так же и тех, кто трудился на фабриках и заводах. Например, летом 1805 г. в Государственном Совете рассматривался проект графа В.П. Кочубея о переводе фабрично-заводских крестьян в «новое состояние свободных мастеровых». По проекту все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет становились бы свободными [29, л. 97–98]. Аргументируя свою позицию, В.П. Кочубей подчеркивал, что реализация данного предложения одновременно позволит освободить крестьян, и будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы [29, л. 97].

Заключение

Содержательно, выявленные в результате сопоставления слухов, записок и проектов по крестьянскому вопросу «сценарии» освобождения позволяют констатировать, что в общественном сознании не сложилось конвенционального соглашения по вопросу о способах и темпах упразднения личной зависимости крестьян. Представленные в различных формах коммуникативной практики ожидания и тревоги, связанные с возможными изменениями в положении значительной части населения, были обращены не к помещикам или местным властям, а к верховной власти, которая должна была учесть интересы всех заинтересованных сторон. Такая модель могла иметь несколько вариаций, и в отдельных случаях, допускала даже сценарий «внешнего освобождения», но вне зависимости от конкретных механизмов предоставления крестьянам личной свободы, она

последовательно воспроизводила патерналистский стереотип о роли государства в решении сколь угодно значимых социально-экономических проблем.

Однако обозначенная на уровне слухов, прошений и проектов общность патерналистских установок не предполагала унификации поведенческих моделей. В сложившихся условиях, ожидая активные действия со стороны государства, представители даже одной социальной страты придерживались разнонаправленных стратегий поведения. Так, например, одна часть дворянства, удовлетворяя потребность в самореализации и руководствуясь представлениями о долге гражданина и принципах христианской морали, предлагала проекты освобождения крепостных. Другая часть «благородного сословия», преследуя сугубо утилитарные цели, обращалась с жалобами на решения о различных инстанциях об освобождении отдельных крестьян и «взятии имения в опеку», или продавала своих дворовых людей лицам недворянского происхождения. Как правило, незаконная продажа совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верющим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Даже несмотря на официальный запрет, нарушение которого влекло за собой наложение на помещика денежного взыскания в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников [30, с. 906–908], помещики каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верющие письма» или контракты на «учение крестьян». В результате, отданные «в услужение» или «учение» крестьяне, могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд, и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем [31, л.5].

Однако такое положение было бы невозможно без наличия устойчивого спроса на «подневольных работников», который формировали представители других социальных групп, обладавшие необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами. Особенно часто попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Таким образом, отсутствие конвенционального соглашения о конкретных механизмах освобождения осложнялось разнонаправленностью практических действий российских подданных. Все это существенно тормозило реализацию любых, даже самых реалистичных и тщательно разработанных проектов освобождения и, наряду с целым рядом внешнеполитических факторов, обусловило нерешительность верховной власти провести связанные с отменой крепостного права социальные трансформации.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект №14-18-01873.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
2. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
4. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX века. В 2 т. Липецк, 2006.
5. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.
6. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
7. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994.
8. Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие (XIX–XX век). М., 1996.
9. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 4.
11. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 18.
12. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 23.
13. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 1.
14. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.
15. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1815. Д. 2.
16. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 4.
17. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 69.

18. Румянцев С.П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Сборник документов / Под редакцией А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002.*
19. Журнал заседания Общего собрания Совета 12 января 1805 г. // *Архив Государственного Совета. Т. III. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878.*
20. Бирюкович В.В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // *Архив истории труда в России. ПТг., 1921. Кн. I.*
21. Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // *Вопросы истории России XIX – нач. XX вв. Л., 1983.*
22. Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003.
23. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
24. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103.
25. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1812. Д. 103.
26. Записка о проекте А.А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818) // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Сборник документов / Под редакцией А.Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002.*
27. РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 34.
28. РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27.
29. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1811. Д. 140.
30. Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416.
31. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.

References:

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. SPb., 1830.
2. Semevskii V. The peasant question in Russia XVIII and the first half of the XIX century, St. Petersburg., 1888.
3. Mironenko S.V. Autocracy and reform: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M., 1989.
4. Dolgikh A. N. The peasant question in the domestic politics of the Russian autocracy at the end of XVIII - the first quarter of the XIX century. 2 v. - Lipetsk, 2006.
5. Timofeev D.V. European ideas in Russia: the perception of the government's liberal elite in the first quarter of the XIX century. Chelyabinsk: Pierce, 2006.
6. Klibanov A. People's social utopia in Russia. During the feudal period. M., 1977.
7. Usenko O.G. Psychology of social protest in Russia XVII-XVIII centuries. Tver, 1994.
8. Bokarev Y.P. Rebellion and humility (peasant mentality and its role in the peasant movement) // *mentality and Rural Development (XIX-XX centuries), Moscow, 1996.*
9. Gromyko M., Baganov A. About the views of the Russian people. M., 2000.
10. Russian State Historical Archives (RSHA). F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 4.
11. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 18.
12. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1807. D. 23.
13. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1812. D. 1.
14. Minaeva N.V. Government constitutionalism and progressive public opinion in Russia at the beginning of the XIX century. Saratov, 1982.
15. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1815. D. 2.
16. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI., 1812. D. 4.
17. RSHA. F. 1163. Op. 1. Т. XVI, 1807. D. 69.
18. Rummyantsev S.P. Note filed emperor about the free agriculturists // *Nobility projects solving the peasant question in Russia at the end of the first quarter XVIII–XIX century. Collection of documents. Lipetsk: LGPU, 2002.*
19. Journal of the session of the General Assembly of the Council of 12 January 1805 // *Archive of the State Council. Т. III. The reign of Emperor Alexander I (1801-1810). SPb., 1878.*
20. Biryukovich V. Fate of the decree "On the free cultivators" in the reign of Alexander I // *Archive of labor history in Russia. PTg., 1921. Pr. I.*
21. Sergeeva N. Quantitative analysis of the action of the decree on free farmers // *Questions of history of Russia XIX - beg. Twentieth centuries. L., 1983.*
22. Gotye Y. Essay on the history of land ownership in Russia. M., 2003.
23. Mironenko S.V. The Autocracy and reform: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M., 1989.
24. RSHA. F. 1151. Op. 1. 1812. D. 103.
25. RSHA. F. 1151. Op. 1, 1812. D. 103.

26. Note on draft AA Arakcheev on the liberation of the peasants (1818) // Nobility projects solving the peasant question in Russia at the end of the first quarter XVIII–XIX century. Collection of documents. Lipetsk: LGPU, 2002.

27. RSHA. F. 1167. Op. 1. T. XVI. D. 34.

28. RSHA. F. 14. Op. 1. D. 27.

29. RSHA. F. 1152. Op. 1. T. I, 1811. D. 140.

30. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. SPb., 1830. Vol. XXXVIII, 1823. № 29.416.

31. RSHA. F. 1553. Op. 1. D. 177.

УДК 947.072

Сценарии освобождения крестьян в России первой четверти XIX века в отражении слухов, прошений и дворянских проектов

Дмитрий Владимирович Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет, Российская Федерация
620075, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
Доктор исторических наук, доцент
Ведущий научный сотрудник
E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов представлены основные «сценарии» освобождения крестьян в первой четверти XIX в. В результате сравнительного анализа материалов следствия по делам о распространении «недозволенных речей», доносов, записок и проектов, выявлены следующие варианты решения крепостного вопроса: сценарий «внешнего освобождения», «освобождение по инициативе российского императора» посредством перевода крестьян на государственные земли и выплаты денежной компенсации; освобождение с переходом в «новое состояние», сценарий «отложенного освобождения». Сравнительный анализ сюжетов о роли государства, темпах и условиях предоставления крестьянам свободы, позволил сделать вывод о существовании в сознании российских подданных общности патерналистских установок. Ожидание инициативы со стороны государства не только существенно замедляло процесс разработки реформы, но и способствовало формированию прямо противоположных моделей поведения, нацеленных на использование подневольного труда.

Ключевые слова: крестьянский вопрос в России; история России первой четверти XIX века; проекты отмены крепостного права; слухи; реформы в России XIX века; история общественной мысли.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 558-563, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 929: 571.12

Visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as a Part of the Ritual Legitimization of the Ruling Romanov Dynasty

¹Alexander A. Valitov

²Igor S. Tomilov

³Sergey A. Dianov

⁴Darya Iu. Fedotova

¹Tobolsk complex scientific station Ural branch, The Russian Academy of Sciences (TCSS UB RAS), Russian Federation

Academician Yuri Osipov st., 15, Tobolsk, 626150

PhD (History), scientific researcher

E-mail: val11@bk.ru

²TCSS UB RAS, Academician Yuri Osipov st., 15, Tobolsk, Russian Federation, 626150

Laboratory

E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

³State National Research Politechnical University of Perm,

Perm, Russian Federation, Komsomolsky prospect 29, 614990

Dr. (History), Professor

E-mail: dianov-sa@rambler.ru

⁴TCSS UB RAS Academician Yuri Osipov st., 15, Tobolsk, Russian Federation, 626150

Junior Researcher

E-mail: dashulya-23@bk.ru

Abstract

The visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in Western Siberia in 1868, was not only a study tour by the representative of the Imperial Family with the marginal edge of the country. This visit was one of the forms of legitimacy power, which is a special ritual – including the official program, which was designed to reflect the unity of government and people. In General, the study period in the political culture of the country has developed specific scenarios of power, its functional embodiment they received in the form of various rituals, among which an important place was occupied by Imperial holidays and visit the highest personages.

Thus, the visit of Grand Duke Vladimir, gave the chief Executive an opportunity to formally introduce myself filed for forming in the public mind about a particular scenario to the proximity of the public and the authorities, in the form of direct interaction between the Tsar and the Russian people.

Keywords: ritual, social memory, provincial legitimisation of power, the scenario of power, ceremonial program, visit.

Введение

Научная позиция, достаточно ангажированная в современной литературе, рассматривает ритуал как определенную сложную форму символического действия, имеющего собственную семантику, позволяющую непосредственно зафиксировать содержание происходящего и передать его смысл последующим поколениям [1]. Еще одной характеристикой памяти, которая раскрывает содержание ритуала, является гипотетическая модальность социальной памяти, означающая, что в ритуале не просто сохраняется и передается воспоминание о событии, продолжающемся «здесь и сейчас». В этом случае именно ритуал позволяет все это сохранить в коллективной памяти.

Начиная с правления императора Николая I возникла и закрепились традиции посещения представителями царствующей династии отдельных регионов Российской империи. Стандартный

набор мероприятий включал в себя торжественную встречу гостя, посещение наиболее значимых местных объектов, обмен подарками и проводы. Власть намеревалась, таким образом, повысить свой авторитет в глазах местного населения. В частности, в 1868 г. великий князь Владимир Александрович посетил Тобольскую губернию.

Кроме Владимира Александровича аналогичные поездки по исследуемому региону совершили чуть ранее (1837) Александр Николаевич (будущий Александр II), позднее – Алексей Александрович (1873) и Николай Александрович (1891). В каждом из этих случаев путешествие царственных особ, так или иначе, носила черты ритуальности.

Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Кроме того были использованы материалы официальной дореволюционной западносибирской печати, а также опубликованные источники и исследования современных авторов.

Сложность изучаемого объекта требует использование междисциплинарного подхода, объединяющего достижения истории, религиоведения, этнографии, социологии, и культурологии. В ходе работы привлекалась история повседневности, которая охватывает всю жизненную среду человека, включая все сферы общественной жизни. Методологические подходы и инструментарий данного направления позволили реконструировать повседневную жизнь как особую пространственно-временную реальность в рамках сценариев власти и ритуала.

Перспективность рассмотрения символических черт ритуала во время посещения царственными особами того или иного региона позволяет с одной стороны выявить специфику формального протокола и жителей местности в зависимости от различных факторов (климатических, традиционных, ментальных и др.) и традиционно-исторических условий рассматриваемой местности, с другой стороны – выявить степень подтверждения провинциальной легитимизации императорской власти, прежде всего в глазах ее собственных подданных.

Отличие понятия «легитимация» от понятия «легитимизация» в политологической науке заключается в том, что первое определение касается процесса узаконения власти в официально-правовой части или перед лицом других претендентов, в то время как легитимизация направлена в первую очередь на признание власти в глазах ее подданных (граждан).

Обсуждение

На протяжении XIX в. в Российской Империи происходил так называемый «процесс легитимизации власти» со стороны правящей династии Романовых. Он заключался в проведении отдельными членами дома длительных путешествий по территории страны и представлял собой комплекс обязательных ритуальных действий, выполняемых местными представителями власти и жителями. Одним из таких событий являлся проезд Великого князя Владимира Александровича в 1868 г. через обширную территорию Тобольской губернии.

Историография вопроса, посвященная визиту, очень малочисленна. В силу слабой разработанности исследуемой темы данный вопрос не нашел широкого освещения в научных кругах. Тем не менее, к исторической литературе по данной теме можно отнести крупномасштабный труд ученого и публициста Э.Э. Ухтомского, сопровождавшего в 1890-1891 гг. наследника престола Николая Александровича в его путешествии по земному шару. В одной из глав своей многотомной работы, посвященной визиту Цесаревича в Тобольскую губернию, автор упоминает о ранее состоявшихся визитах членов Династии в Тобольск, в т.ч. и о посещении Владимиром Александровичем [2]. Из современных исследователей проблематики нельзя не отметить исследования историка и краеведа В.С. Сулимова, посвятившего несколько работ данному путешествию и довольно подробно описавшего процесс поездки великого князя по Западной Сибири [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Кроме того отдельная статья В.И. Карпухина посвящена истории создания медали, учрежденной в честь посещения Владимиром Александровичем Тюмени в 1868 г. [9]. Наконец, Н.И. Сезёва, в одной из работ анализируя творчество сибирского живописца и деятеля областничества И.А. Калганова (1846–1882), вкратце останавливается на картине художника, получившей название «Въезд Великого Князя Владимира Александровича в Тюмень» и написанной в момент самого события [10].

Владимир Александрович Романов (1847-1909) – третий сын Александра II, член Государственного совета (1872-1906), Правительствующего Сената (с 1868 г.) и Комитета Министров (1883–1889), генерал от инфантерии (1880), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командующий (с 1884 г. – главнокомандующий) войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1881–1905). С одной стороны, это был известный меценат, прославившийся благотворительной деятельностью, покровительствовавший развитию науки и искусства. Однако ряд историков склоняется к тому, что во время массовых беспорядков 9 января 1905 г. в Петербурге, чтобы запугать питерских рабочих и пресечь их стремление попасть с прошением к царю, именно

Владимир Александрович отдал приказ стрелять по демонстрации, идущей к Зимнему дворцу, спровоцировав таким образом «Кровавое воскресенье».

О степени политического влияния Великого князя писал в своих воспоминаниях генерал-лейтенант А.А. Мосолов: «Государь Николай II испытывал перед Владимиром Александровичем чувство исключительной робости, граничащей с боязнью. Великий князь, вероятно заметив впечатление, производимое им на императора, стал держаться в стороне от государственных вопросов» [11].

Результаты

Свой визит в пределы Западной Сибири Владимир Александрович начал с посещения Курганского округа. Менее чем за 2 месяца (8 июня – 29 июля 1868 г.) он проехал территории юга Тобольской и Томской губерний, Области сибирских киргизов (с 1868 г. – Акмолинская область) и Семипалатинской области, преодолев дистанцию общей протяженностью свыше 1750 верст (почти 1900 км) [12].

Поездка по Западной Сибири началась 8 июня, когда Владимир Александрович в сопровождении своей свиты прибыл из Оренбурга в станицу Песчаную – первый пограничный пункт между землями сибирского и оренбургского казачьих войск в Курганском уезде. Здесь он был встречен генерал-губернатором Западной Сибири А.П. Хрущовым, и местным населением. 9 июня гости прибыли в Петропавловск, затем побывали в Омске, Усть-Каменогорске, Бийске, Барнауле и Томске [13]. 23-26 июля Владимир Александрович провел в Тобольске, а 27-28 июля – в Тюмени [14]. Наконец, 29 июля 1868 г. он покинул пределы Тобольской губернии и Западной Сибири [15].

Следовательно, в составе практически любой официальной делегации непременно присутствовали высшие чиновники региона и Главы городов, члены различных военных и гражданских ведомств, духовные лица из состава Русской Православной Церкви, представители городских обществ и сословий. В каждом из населенных пунктов встречу Владимира Александровича регламентировала негласная, но обязательная программа. Она включала в себя торжественную встречу с местными первыми лицами, посещение объектов религиозного культа (часовни, церкви, храма в зависимости от наличия), уголовно-исправительного (тюремный замок, каторжное отделение) и культурно-образовательного (училище, школа, гимназия и др.) назначения, ответные аудиенции у князя представителей разных сословий, национальности и вероисповедания. В крупных городах эти мероприятия чередовались с устроенными местным бомондом праздничными завтраками и официальными обедами, во время которых традиционно произносились задравные тосты в честь Великого князя и всей правящей династии. При этом сакральный компонент выражался участием в обязательных религиозных обрядах православной церкви (молебствия, литургия), показывающий неразрывную связь Русской Православной Церкви и Дома Романовых.

Эстетический фон встречи составляли украшенная пристань, бросаемые цветы, ковровые дорожки, триумфальные ворота, празднично убранные дома, государственные гербы и личный вензель высокого гостя. В свою очередь, этическую сторону посещения отражали музыкальное сопровождение, парадная форма одежды присутствующих, почетный караул, приветственные крики публики, ответная благодарность за радушный прием [16].

Преимуществом визита нашла свое воплощение в хранимых (в Тюмени) и подготовленных (в Тобольске) водных судах, которые при посещении этих городов в 1837 г. использовал для надобностей наследник Александр Николаевич, отец Владимира Александровича и будущий император Александр II. Например, в 1868 г., незадолго (почти за 3 недели) до встречи его сына, катер, получивший наименование Царского, был спущен в Тобольске на р. Иртыш напротив Захарьевской церкви. Затем священником местной Благовещенской церкви о. И. Виноградовым было совершено молебствие с водоосвящением в присутствии губернатора, городского головы и других высших чинов различных учреждений, представителей купеческого и мещанского обществ [17].

Негласным элементом регламента был обязательный обмен дарами между жителями и Великим князем, который был призван оставить память обоим сторонам и их потомкам о происходящем событии и закрепить таким образом верноподданнические узы [18].

Последняя часть церемониала проходила, как правило, уже после отъезда Великого князя и заключалась в обязательном проведении вечеров и религиозных служб в каждом имеющем православное сооружение населенном пункте (сразу после отъезда и в очередную годовщину события), устройении памятных мест культового или праздничного назначения, сооружении икон, учреждении стипендии и пр. После отъезда Владимира Александровича из с. Чистюньского (Барнаульская волость Бийского округа Томской губернии) местное сельское общество решило построить здесь часовню во имя святого равноапостольного благоверного Великого князя Владимира, в которой должны будут совершаться обязательные молебны 24 июня (в день проезда через село Владимира Александровича) и 15 июля (день тезоименитства или именины Князя [19]). Летом 1868 г. купцы и мещане г. Туринска в письме к Владимиру Александровичу просили его разрешить увековечить память о поездке по отдаленному краю, соорудив икону св. равноап. Великого князя Владимира с последующей ее установкой в городском соборе [20]. В Томске детский приют при тюремном замке после отъезда гостей получил, после согласия Великого князя, наименование

«Владимирского» (освещение нового здания приюта состоялось 14 сентября 1868 г.; денежный фонд для пособий воспитанникам составлял к сентябрю 2371 руб.) [21]. В Тюмени летом 1868 г. купец И.В. Трусов запросил в Омске разрешение на возведение кирпичной пирамиды с разбивкой впоследствии около него парка с дубами на том месте под Тюменью (метрах в 300 от черты города по московскому тракту), где состоялось прощание жителей с Путешественником [22]. После согласия генерал-губернатора, 28 августа на заседании тюменской городской думы был рассмотрен вопрос о предписании начальника губернии для воздвижения пирамиды с обнесением ее кирпичной оградой [23]. Спустя еще время, в 1869 г. была открыта богадельня в Кургане, получившая наименование «Владимирской», несмотря на то, что Князь в Курган даже не заезжал. В память об этом событии в 1871–72 гг. на средства известного тюменского купца С.М. Трусова на окраине Тюмени (за Большой базарной площадью) будет построено здание Владимирского сиропитательного (воспитательное попечительское учреждение) заведения, встречающее всех въезжающих в город со стороны Ялуторовска (открыто 21.11.1872). Кроме того, имели место неоднократные списания кредиторами денежных задолженностей должников в честь посещения Сибири, выдача пособий в течение 1868–1870 гг. обратившимся к гостю нуждающимся жителям Тобольского и Тарского уездов, г. Ялуторовска и др. В с. Загваздинском Тобольского округа была устроена часовня в память проезда Князя через село [24]. Наконец, по итогам визита 1868 г. была учреждена стипендия на содержание одной пансионерки в Тобольской Марининской женской школе.

Особое значение для православного населения Империи имел день тезоименитства (именины), считавшийся до Революции более важным и сакральным праздником, чем день рождения. Именины Великого князя приходились на 15 июля, которые Владимир Александрович решил провести в 80 км от Томска, в с. Проскоковском. Здесь царственный гость принял поздравление от членов из своей свиты, сопровождавших его высших лиц Западной Сибири, посетил сельскую церковь и устроенный в честь Князя праздничный обед под навесом во дворе соседнего с почтовой станцией дома. В этот день, Его Высочество, по собственному признанию, «получил отовсюду кучу адресов с принесением поздравлений», в том числе от отца Александра II, брата Александра Александровича (будущий Александр III) и его супруги Марии Федоровны [25].

Следует заметить, что данная поездка имела одно существенное отличие от трех других царственных визитов. Владимир Александрович не стал проезжать через всю территорию страны, как это сделали до него Александр Николаевич в 1837 г., позднее – Алексей Александрович в 1873 г. и Николай Александрович в 1891 г. Вместо этого гости посетили только губернии Европейской России, южную часть Урала и Западной Сибири. Такой выбор можно было бы объяснить географическим примыканием этих регионов к центральной части страны, по которой первоначально и планировалось путешествие, перекинувшееся на зауральские губернии. Однако поздно пришедшие в край сведения о предстоящем визите и происходившие в ходе него неоднократные изменения направления следования свидетельствуют о спонтанности принятого решения в сторону изменения пути с включением в маршрут уральских и западносибирских областей. С другой стороны представляется, что включение этих регионов в маршрут следования не был случайным. Создается впечатление, что конечной целью поездки была именно Западная Сибирь. Это косвенно подтверждается тем, что в Восточную Сибирь и далее Князь ехать не пожелал.

Заключение

Легимитизация визита Великого Князя была призвана выразить свою верность правящему Дому через определенный ритуал – включающий официальную программу отражающую единство подданных Империи с одной стороны и власти с другой. В Российской империи сформировались определенные сценарии власти, они функционировали в форме ритуалов, которые проходили в виде имперских праздников и посещений высочайших особ. Названные ритуалы давали возможность Российским монархам презентовать себя для подданных, создавая определенный сценарий взаимосвязи общества и власти, в форме непосредственного взаимодействия царя и русского народа. Развитие праздничной культуры и «пантеона» имперских праздников способствовали оформлению и закреплению ритуалов в социальной памяти населения Тобольской губернии.

Примечания:

1. Лойко О.Т. Ритуал в социальной памяти // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 4. С. 151-156.
2. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. В 3 т. Т. III. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891). СПб., 1897. 258 с.
3. Сулимов В.С. Великий князь Владимир в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. 156 с.
4. Сулимов В.С. Визит великого князя Владимира Александровича в Тару и его последствия // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: мат. V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. В 2 т. Т. II. С. 131-136.

5. Сулимов В.С. Подготовка г. Тары к приезду великого князя Владимира Александровича в 1868 г. // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: мат. V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. В 2 т. Т. I. С. 24-29.
6. Сулимов В.С. Подготовка органов управления г. Тары к приезду великого князя Владимира Александровича в 1868 г. // Судьбы Романовых в судьбе Сибири: мат. Межд. науч. форума. Тюмень, 2010. С. 69-74.
7. Сулимов В.С. Прошения великому князю Владимиру Александровичу от ссыльных поляков Тобольской губернии в 1868 г. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар, 2009. С. 41-43.
8. Сулимов В.С. Прошения польских ссыльных Тарского округа Великому князю Владимиру в 1868 г. // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни: мат. Межд. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 31-35.
9. Карпухин В.И. К вопросу об истории создания медали, посвященной посещению Великим князем Владимиром Александровичем Тюмени (1868) // Тезисы докладов 3-й Всероссийской нумизматической конф. М., 1995. С. 86-87.
10. Сезёва Н.И. Юмор и сатира в творчестве сибиряков художника И.А. Калганова и писателя Н.М. Ядринцева // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова-1999. Тюмень, 2000. С. 178-193.
11. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916. СПб., 1992. 73 с.
12. Томилов И.С. Отражение путешествия Великого князя Владимира Александровича по Западной Сибири на страницах «Тобольских губернских ведомостей» // Тобольск научный-2014: сб. мат. XI Всерос. науч.-практ. конф. с межд. уч. Тобольск, 2014. С. 201-205.
13. Томские губернские ведомости (далее – ТомГВ). 1868. № 41. 18 октября. С. 9.
14. Тобольские губернские ведомости (далее – ТГВ). 1868. № 49. 7 декабря. С. 275.
15. ТГВ. 1868. № 31. 3 августа. С. 162-163.
16. ТГВ. 1868. № 34. 24 августа. С. 177-178.
17. ТГВ. 1868. № 27. 6 июля. С. 142.
18. Томилов И.С. Символизм в посещении Великого князя Алексея Александровича как часть ритуала общественной жизни Тобольской губернии // Тобольск научный-2013: сб. мат. X Всерос. науч.-практ. конф. с межд. уч. Тобольск, 2013. С. 337-340.
19. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 156. Оп. 11. Д. 927. Л. 125.
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 44. Д. 71. Л. 143об.
21. ТомГВ. 1868. № 37. 20 сентября. С. 7-8.
22. Сулимов В.С. Великий князь Владимир в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. С. 120-121.
23. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 473. Лл. 190-190об.
24. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 44. Д. 86. Л. 34.
25. ТомГВ. 1868. № 45. 15 ноября. С. 14.

References:

1. Loiko O.T. Ritual in social memory // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. 2004. V. 307. No. 4. P. 151-156. (In Russian).
2. Ukhtomskiy E.E. The journey to the East of His Imperial Highness the crown Prince, 1890-1891. In 3 V. V. III. The journey of the Emperor Nicholas II to the East (1890-1891). SPb., 1897. 258 P. (In Russian).
3. Sulimov V.S. Grand Prince of Vladimir in the province of Tobolsk. Tobolsk, 2009. 156 P. (In Russian).
4. Sulimov V.S. The Visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in a Container and its consequences // Actual problems of historical-cultural and natural heritage Tarski priirtyshja: Mat. V scien.-practical. conf. devoting to research and development in memory of A.V. Vaganov. Tара, 2010. In 2 V. V. II. P. 131-136 (In Russian).
5. Sulimov V.S. Preparation of Packagings for the arrival of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1868 // Actual problems of historical-cultural and natural heritage Tarski priirtyshja: Mat. V scien.-practical. conf. devoting to research and development in memory of A.V. Vaganov. Tара, 2010. In 2 V. V. II. P. 131-136 (In Russian).
6. Sulimov V.S. Preparation of management bodies Tара for the arrival of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1868 // The fate of the fate of the Romanovs in Siberia: Mat. int. scien. forum. Tyumen, 2010. P. 69-74 (In Russian).
7. Sulimov V.S. Petitions to Grand Duke Vladimir Alexandrovich of exiled poles of the Tobolsk province in 1868 // The Poles in Russia: the era and the fates. Krasnodar, 2009. P. 41-43 (In Russian).
8. Sulimov V.S. Petitions Polish exiles Tarski county Grand Duke Vladimir in 1868 // Poles in socio-cultural space of the Siberian village: Mat. int. scien.-practical. conf. Omsk, 2012. P. 31-35 (In Russian).
9. Karpukhin V.I. About the history of medals dedicated to the visit of Grand Prince Vladimir Aleksandrovich Tyumen (1868) // Abstracts of the third all-Russian numismatic conference. M., 1995. P. 86-87.

10. Sezyova N.I. Humour and satire in the works of Siberians artist I.A. Kalganova and writer N.M. Yadrintseva // Yearbook of the Tyumen regional Museum. I. Slovtsov-1999. Tyumen, 2000. P. 178-193.
11. Mosolov A.A. At the court of the last Emperor. Memories of the chief of the Palace Chancellery. 1900-1916. SPb., 1992. 73 p.
12. Tomilov I.S. Reflection of a lot of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in Western Siberia in the pages of «Tobolsk provincial gazette» // Tobolsk science-2014: sat. Mat. XI all-Russian scien.-practical. conf. from INTL. academic Tobolsk, 2014. P. 201-205 (In Russian).
13. Tomsk provincial gazette (hereinafter – TomPG). 1868. No. 41. 18 october. P. 9 (In Russian).
14. Tobolsk provincial gazette (hereinafter – TPG). 1868. No. 49. 7 december. P. 275 (In Russian).
15. TPG. 1868. No. 31. 3 august. P. 162-163 (In Russian).
16. TPG. 1868. No. 34. 24 august. P. 177-178 (In Russian).
17. TPG. 1868. No. 27. 6 July. P. 142 (In Russian).
18. Tomilov I.S. Symbolism in the visit of Grand Duke Alexey Alexandrovich as part of the ritual of public life Tobolsk province // Tobolsk research-2013: sat. Mat. X All-Russian. scien.-practical. conf. from INTL. academic Tobolsk, 2013. P. 337-340 (In Russian).
19. State budgetary institution of Tyumen region «State archive of the city of Tobolsk» (hereinafter SBITR «SA city of Tobolsk»). F. 156. I. 11. A. 927. L. 125.
20. SBITR SA city of Tobolsk. F. 152. I. 44. A. 71. L. 143ob.
21. TomPG. 1868. No. 37. 20 september. P. 7-8.
22. Sulimov V.S. Grand Prince of Vladimir in the province of Tobolsk. Tobolsk, 2009. P. 120-121 (In Russian).
23. SBITR «SA city of Tobolsk». F. 2. I. 1. A. 473. L. 190ob.
24. SBITR «SA city of Tobolsk». F. 152. I. 44. A. 86. L. 34.
25. TomPG. 1868. No. 45. 15 november. P. 14 (In Russian).

УДК 929: 571.12

Посещение Великим князем Владимиром Александровичем Западной Сибири как часть ритуала легитимизации власти правящего дома Романовых

¹ Александр Александрович Валитов

² Игорь Сергеевич Томилов

³ Сергей Александрович Дианов

⁴ Дарья Юрьевна Федотова

^{1, 2, 4} Тобольская комплексная научная станция

Уральского отделения Российской академии наук

626152 РФ, Тюменская область, г. Тобольск, ул. имени Академика Юрия Осипова, 15.

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории истории освоения Сибири

E-mail: val11@bk.ru

² лаборант Лаборатории истории освоения Сибири

E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

³ Пермский национально-исследовательский политехнический университет.

614990 РФ, г. Пермь, Комсомольский проспект 29.

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: dianov-sa@rambler.ru

⁴ младший научный сотрудник Лаборатории истории освоения Сибири

E-mail: dashulya-23@bk.ru

Аннотация. Визит Великого князя Владимира Александровича в Западную Сибирь в 1868 г. представлял собой не только ознакомительную поездку представителя императорской Семьи с окраинным краем страны. Этот визит был одной из форм легитимизации власти, представляющий собой особый ритуал с официальной программой, которая была призвана отразить единство власти и народа. В целом исследуемый период в политической культуре страны сложились конкретные сценарии власти. Свое функциональное воплощение они получили в форме разных ритуалов, среди которых важное место занимали имперские праздники и посещения высочайших особ.

Таким образом, визит Великого князя Владимира давал будущему правителю возможность официально представлять себя для поданных, формируя в общественном сознании определенный сценарий о близости общества и власти в форме прямого взаимодействия царя и русского народа.

Ключевые слова: ритуал, социальная память, провинциальная легитимизация власти, сценарий власти, церемониальная программа, визит.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 564-575, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 821.161.1.09

Social Roles of Prince A.I. Vasilchikov: was it Possible to Combine Russians “Gumption” with “Economic Virtues”?

Alexander Yu. Davidov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation
Russia, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48
Dr (History), professor
E-mail: davydov.au@mail.ru

Abstract

The author defines life's constants of Alexander Illarionovich Vasilchikov (1818-1881) – a prominent public figure, aristocrat, scientist and organizer of the first cooperative union in Russia. The novelty of current research is that the author presents the protagonist in his main social roles – as a farmer and cooperator. It has been proved that by focusing on his estates organization, Vasilchikov realized how dangerous the serious moral defects of Russian peasants were for nation's future (“wastefulness” and “inordinacy”). The attention is paid to how the offended patriotic feeling made the prince and his companions (“vasilchikovs”) to create a nationwide credit-cooperative organization. Their aim was to gradually accustom peasants to domesticity and housekeeping, mutual trust in a common activity. By presenting the results of Vasilchikov's activity analysis, the author tries to define the role of national cooperation as an important method of motivation and work culture development. The actuality of the research is also seen in revealing the leaders' role (A. Vasilchikov and “vasilchikovs”) in acceleration of large-scale creative public processes.

Keywords: Prince Vasilchikov, Vibity estate, zemstvo, “vasilshikovs”, usury, work motivation, savings and loan associations, cooperatives, St. Petersburg Committee department, self-government.

Введение

«Наш народ отличается не хозяйственными домовитыми добродетелями, а находчивостью, смешленостью, всеми добродетелями отважного колониста», - писал князь Александр Илларионович Васильчиков в 1872 г. При этом, указывая на присущие самосознанию русского этноса выраженные кочевнические черты, он отмечал широкое распространение «беспорядочности в домашнем быту», «нерасчетливости в хозяйстве», «разгульности в семейной жизни» [1]. Александр Илларионович не мог не осознавать первостепенной значимости перебарывания этих плохо совместимых с модерностью интенций. Народ нуждался в преодолении стереотипов трудовой и бытовой распущенности, в упрочении привычки к аккуратности и упорядоченности, в выработке потребности в основанной на взаимном доверии созидательной деятельности. Русский интеллигент и аристократ А. Васильчиков попытался помочь соотечественникам достичь всего этого. Он выступил организатором новой прогрессивной формы ведения хозяйства.

Материалы и методы

Жизнь Александра Илларионович Васильчикова (князя, ставшего старательным сельским хозяином, организатором первого в России кооперативного союза и ученым – обществоведом) была полна ярких фактов и парадоксальных событий. Непросто определить приоритетные жизненные обстоятельства, обосновав их отличие от второстепенных. Сложное дело – представить биографию протагониста в контексте эволюции общественных процессов и социальных тенденций. Разобраться во всем этом поможет внимательное изучение обнаруженных автором в фонде Васильчиковых Российского государственного исторического архива (в Санкт-Петербурге) переписки и дневника

Александра Илларионовича, а также изучение обнародованного в 2000-е гг. дневника сына А. Васильчикова – Бориса. Особо подчеркнем, что мы будем применять биографический метод исследования и руководствоваться принципами историзма и системности.

Обсуждение

Биография и творчество А. Васильчикова не однажды оказывались в центре внимания обществоведов. При жизни князя (в 1878 г.) видные ученые В.И. Герье и Б.Н. Чичерин обрушились на оппонента с жесткой критикой. Преисполненные высокомерия два мэтра отзывались о научных изысканиях автора – аристократа как о «дилетантизме», «княжеской забаве», «оперном маскараде» [2]. Мы имеем дело с явным перебором по части разноса книги Васильчикова. Возможно, нападавших раздражило громкое имя автора – аристократа, возмутили претензии князя – самоучки на глубинное понимание сложнейших социальных вопросов.

С классовых позиций подверг жесткой критике наследие А.И. Васильчикова В.И. Ленин, назвавший его «маленьким либеральным экономистом» и «народничающим помещиком» [3]. До самого конца пятидесятых годов советские авторы в своих трудах не упоминали об Александре Илларионовиче. Затем о нем стали писать, но оценки его деятельности отличали невнятность и противоречивость или же прямая враждебность. Фундаментальная «История русской экономической мысли» (1959 г.) признавала его вклад в изживание «остатков крепостничества» и одновременно осуждала как идеолога помещичьего класса. «Экономическая энциклопедия» (1972 г.) объявляла Васильчикова деятелем либерально – помещичьего направления, а также представителем мелкой буржуазии и апологетом «кабальных феодальных отношений» [4]. Крайне неблагоприятную оценку личности нашего героя давала литературовед Э.Г. Герштейн; в биографической книге о М.Ю. Лермонтове она довольно подробно описывала историю взаимоотношений поэта с Васильчиковым [5]. У исследователей – марксистов аристократ и либерал не вызывал симпатий.

Историографическая ситуация начинает изменяться с переходом к перестройке. Вышла в свет историко-экономическая работа В.Г. Чернухи, в которой содержался положительный отзыв о деятельности протагониста. Автор справедливо отнесла последнего к «крупным и интересным фигурам переломного времени, отразившим в своих сочинениях взгляды современников и активно влиявшим на их формирование» [6]. В постсоветские годы появляются статьи (в том числе и вышедшая из-под пера автора этих строк), целиком или в значительной мере посвященные жизни А. Васильчикова. Они носили обзорный характер. Преимущественно в каждой из них шла речь об отдельных аспектах деятельности Александра Илларионовича – его работе в науке и публицистике, участии в организации народного кредита и кооперации [7]. Были защищены кандидатские диссертации, в которых упоминалось о выдающемся вкладе Васильчикова в разработку вопросов крестьянского землевладения, в развитие местного самоуправления и земской организации, сельской общины, рыночной конъюнктуры; его имя упоминалось даже в контексте изучения истории отечественного туристского потенциала [8].

На исследовании политической концепции князя сосредоточился А.Ю. Старостин. В заслугу Александру Илларионовичу он ставит разработку проблем устройства местного самоуправления. Автор упрекает предшественников в том, что они не продвинулись «дальше изучения отдельных аспектов его (Васильчикова) наследия, в первую очередь связанных с проблемами кооперации» [9]. Отчасти с А.Ю. Старостиным можно согласиться. Между тем до сих пор аргументированно не объяснено, что же было доминантой жизни А.И. Васильчикова – кооперация, публицистика, обществоведение, сельское хозяйство, земская работа. А.Д. Каплин, который написал предисловие к сборнику трудов князя, причислял его главным образом к ученым, мыслителям. Б.И. Подколзин, а также авторы энциклопедической биографической статьи А.А. Ширинянц и В.Н. Васич говорили об «известном земском деятеле»; хотя – как представляется – безоговорочно к таковым гласного Новгородского губернского земства (одного из многих и многих гласных) Васильчикова – относить вряд ли стоит [10].

В полном отличии от статей советского времени современные сочинения о Васильчикове нередко относятся к агиографии русской аристократии. Сравним два текста. Э.Г. Герштейн в 1964 г. цитирует мемуары М.Б. Лобанова–Ростовского, приводя наряду с лестными оценками Александра Илларионовича и свидетельства о его «краснобайстве», а также о том, что он был «недалекого ума и малосведующий, как все остальные его родичи». Между тем А.Д. Каплин в 2013 г. убирает негативные суждения, обрывая цитату в том месте, где Лобанов–Ростовский вспоминает о «благородной душе» своего знакомого [11]. Текстологические умолчания применяются в том случае, если текст противоречит авторской концепции.

Упрощенный подход к характеристике деятеля не позволяет определить его подлинный вклад в историю. Более двадцати лет назад и сам автор данной работы в духе постперестроечного времени публиковал статьи, в которых апологетизировалась русская аристократия. Парадигма изменилась, пришла пора от биохроники переходить к интерпретации. Биография по существу представляет сочетание поступков, представлявших результат свободного выбора и при этом детерминированных. В данной работе автор стремился выявить своего рода иерархию приоритетов, определявших

общественную деятельность протагониста. Вместе с тем хотелось бы выяснить, какие традиции дворянской элиты он воспринял, а какие отвергал.

Немалые затруднения вызывает определение места и роли А.И. Васильчикова в общественной жизни нашей страны во второй половине XIX в. Вот примечательный факт. Современный публикатор работ князя В. Ершов ошибочно полагает что, «Васильчиков так бы и остался заурядным провинциальным деятелем, если бы не одно обстоятельство», которым он считает «...многолетние изыскания в области теории местного самоуправления» [12]. Приведем другой выразительный историографический факт. А.Ю. Старостин именует Александра Илларионовича «неординарным мыслителем» и указывает на его «уникальное» место в интеллектуальной истории России. Аргументирован такой вывод следующим образом: «Творчество Васильчикова невозможно четко идентифицировать (в другом месте монографии А.Ю. Старостина сказано о том, что нельзя «однозначно идентифицировать» – А.Д.) ни с одним из существовавших в его время идейно – политических учений». Думается, приписывание протагонисту заслуги создания «весьма оригинальной теории», которую А.Ю. Старостин настоятельно рекомендует транслировать «в современный политологический дискурс», – это преувеличение [13]. То, что не совсем «четко» или «однозначно» похоже на другое, никак не может быть без натяжки отнесено к разряду оригинальных явлений. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением А.Ю. Старостина о «самостоятельности» жизненного пути А.И. Васильчикова [14]. В целом же, как представляется, в научной литературе Васильчиков в роли ученого – обществоведа затмил Васильчикова в других его ипостасях. Это – неверно. Перейдем к рассказу о жизненном пути протагониста.

Результаты

Важную роль в жизни человека играет его «предбиография», определяемая судьбой предков. Васильчиковы, выходцы из Византии, прибыли на Русь в четырнадцатом веке. Одна из них – Анна Григорьевна стала супругой царя Ивана Грозного. Начало княжеской линии рода положил Илларион Васильевич – отец нашего героя. Он был замечательной личностью, оказавшей на сына Александра весьма противоречивое влияние. Интересно, что в 1815 г. он некоторое время исполнял обязанности коменданта Парижа [15]. Ревностный служака, жесткий (до жестокости) воинский начальник: став командиром гвардейского корпуса, он настолько ужесточил дисциплину, что Семеновский полк взбунтовался. При этом в качестве наказания Илларион Васильевич предлагал произвести децимацию, расстрел каждого десятого семеновца. Во время восстания декабристов молодой генерал уговорил Николая I применить артиллерию и по существу спас самодержца. Он был единственным человеком, которого император называл своим другом: в 1830–е гг. он назначил его председателем Государственного совета и Комитета министров [16]. И.В. Васильчиков считался к тому же специалистом по аграрной проблеме и император ввел его в состав секретного комитета по крестьянскому вопросу («комитет 6 декабря 1826 г.»), во главе которого стоял граф В.П. Кочубей [17]. Примечательно, что старший сын Иллариона Васильевича через три десятилетия посвятит себя реформированию российской сельской жизни. В этом отношении он выступит продолжателем дела отца.

Между тем отношения между И.В. Васильчиковым и его сыном Александром нельзя назвать идиллическими. Возможно, молодого аристократа коробила категоричность суждений отца; возможно, в душе он считал его недалеким человеком. Отец и сын по-разному смотрели на жизнь. Александр Илларионович писал в одной из своих работ о том, что разгром декабристов вызвал «глубокую пустоту в русском обществе, лишившемся в декабристах лучших своих представителей»; в итоге император оказался в окружении «посредственностей» [18]. Волей – неволей к числу последних протагонист относил и отца, входившего в ближайшее императорское окружение.

На первый взгляд, молодой Васильчиков представлялся полной противоположностью отца. Илларион Васильевич славился как сторонник жестких мер в отношении любых проявлений общественного недовольства. Александр Илларионович же с молодых лет принадлежал к разряду людей нового покроя и склонялся к либерализму, вольнодумству. Чиновничье – карьеристскими амбициями не обладал, тем более ему претила канцелярская карьера. И поскольку ему в полной мере была присуща «самостоятельность в своих мнениях», то родителям ничего не оставалось, как нарушить семейную традицию и согласиться с поступлением сына на юридический факультет Петербургского университета. Он – единственный из пяти братьев, не посвятивших себя военной службе [19]. Васильчиков уже в юности отстаивал право идти своим путем, быть оригинальным. Годы, проведенные в университете, немало содействовали закреплению присущих ему лидерских качеств. По воспоминаниям сына Бориса, Александр Илларионович всегда с удовольствием вспоминал о факультетской студенческой корпорации, созданной по немецкому университетскому образцу и признанной начальством. Очень привлекала молодежь атрибутика: эмблемы, рапиры, суды чести и даже дуэли. Васильчиков был избран в «сеньоры» своей корпорации и пользовался популярностью среди студентов. Он обладал презентабельной внешностью, был высок и красив, внешне представительен и обладал замечательными ораторскими способностями. Учился он неплохо, академические занятия занимали в его жизни немало место [20]. Его сокурсник М.Б. Лобанов –

Ростовский, вспоминал, что молодой князь «пользовался властью трибуна в весьма анархической республике своих товарищей, соединившихся в корпорацию по немецкому образцу» [21].

После окончания в 1840 г. университета свежее испеченный кандидат права поступил на государственную службу и перед ним открылась возможность сделать успешную карьеру. Однако, не найдя живого дела в канцеляриях, он заскучал. Несколько кокетничая и следуя моде на байронизм, молодой человек писал тогда сестре Е.И. Лужиной о том, как «в течение полугода предавался тяжело ремеслу светского человека, толкался во всех гостинных и приемных, шаркал по паркетам...» [22]. В духе Байрона и лермонтовского Печорина Васильчиков решает, по собственным словам, «принести в жертву блестящую карьеру», заявляя, что «в этом есть что-то таинственное, сентиментальное и мизантропическое, что мне нравится бесконечно» [23].

По протекции отца сенатор В.П. Ган включил молодого юриста в состав своей миссии, отправившейся на Кавказ для устройства органов управления. Там Александру Илларионовичу доводилось участвовать в опасных экспедициях в отдаленные и глухие районы в целях инспектирования местной администрации. На Кавказе князь подружился с М.Ю. Лермонтовым. Здесь он стал свидетелем нелепой ссоры поэта с Н.С. Мартыновым. Свое участие в роковой дуэли в качестве секунданта гениального поэта и писателя, ужасную смерть его А.И. Васильчиков описал в своих воспоминаниях, помещенных в журнале «Русская старина» (1872 г., кн. 1). Секунданта Михаила Юрьевича предали суду и полгода держали под арестом. Ожидался суровый приговор, но император простил его во «внимание к заслугам отца» [24].

В начале 1840-х гг. по настоянию родителей Александр Илларионович возвратился к столичной службе. Между тем чиновничья карьера молодого Васильчикова по-прежнему не прельщала. Правы исследователи А.А. Шириняц и В.Н. Васич, утверждавшие: служба «для него по большей части была формальностью. Он всегда больше числился по службе, чем служил» [25]. Сильно тяготился Александр Илларионович порученными ему в 1846 г. обязанностями церемониймейстера двора. Наконец, после смерти своего отца в 1847 г. князь принял решение оставить службу, поселиться в родовом имении Выбити в Старорусском уезде Новгородской губернии. И объяснял это так: «С ранней молодости я почувствовал всю ничтожность канцелярской службы и необходимость узнать быт народа ... в провинции и в деревне, где уныло и мирно течет трудовая жизнь» [26].

Как раз в деревне А.И. Васильчиков нашел свое призвание. Сельское хозяйство оказалось для него главным и любимым занятием. Как мы увидим, большую часть своей жизни он прожил среди крестьян, управляя имениями в разных полосах России. Думается, это обогатило его новыми знаниями, содействовало формированию устойчивой потребности до конца разобраться в состоянии дел в русском селе [27]. Александр Илларионович принадлежал к многочисленной когорте тех дворян, которые глубоко осознавали обязанности общественно-правового характера в отношении своих поместий. Именно к ним вполне применимо следующее парадоксальное суждение известного отечественного историка В.В. Леонтовича: «Законы 19 февраля 1861 г. главным образом направлены были на то, чтобы освободить не крестьян от господ, а, наоборот, возможно скорее избавить господ от крестьян, от всех тех обязанностей, которые выпадали на долю хозяина поместья, населенного крепостными» [28]. Между тем не стоит видеть в представителях такой группы помещиков миссионеров, посвятивших себя целиком исполнению общественного долга. Деревенская жизнь в русской глубинке их по-настоящему увлекала. Например, А. Васильчиков страстно любил охоту, которая в его годы была по существу искусством и организация которой представляла собой сложнейший ритуал.

Таланты сельского хозяина, знатность рода, хорошее образование, опыт государственной службы обеспечили князю в конце 1840-х гг. победу на выборах предводителя дворянства Новгородского уезда, а затем и всей Новгородской губернии. Именно в провинции протагонист реализовал свои амбиции. Напротив, в столице присущие Васильчикову (по утверждению очевидца) «честолюбие и самолюбие» удовлетворены не были [29]. Александр Илларионович мечтал быть администратором – творцом, а не функционером. Он им и стал, заняв пост руководителя одного из важнейших институтов сословной организации. Ему приходилось нередко искать выход из труднейших ситуаций и лавировать между губернскими фракциями и партиями. При этом Александр Илларионович отнюдь не ограничивался интересами и потребностями дворянства. В 1860-е гг. протагонист исполнял обязанности гласного старорусского уездного и новгородского губернского земских собраний [30]. Свои административный опыт и взгляды на общественное устройство князь впоследствии обобщил в научных книгах.

А.И. Васильчиков не уставал заниматься управлением имениями. Вскоре после Крымской войны он женился на красавице Евгении Ивановне Сенявиной и поселился в родовом имении Тауроген в Ковенской губернии. Здесь хозяйствовали сельчане немецкого происхождения, отличавшиеся организованностью и педантизмом. Сравнивая, Александр Илларионович начинал лучше понимать специфику хозяйственного уклада и ментальности русских крестьян. И не мог не сокрушаться по поводу несформированных трудовых навыков последних.

После смерти Е. Сенявиной убитый горем муж с детьми покинул Тауроген и почти безвыездно стал жить в новгородском имении Выбити. Тут то им и был проведен интересный и своеобразный

социально-хозяйственный эксперимент. О нем узнаем из воспоминаний сына А. Васильчикова Бориса. Дело вот в чем. В новгородской губернии в пореформенный период серьезно обострилась проблема рабочей силы. Местные крестьяне, получившие земельные наделы и личную свободу, не очень-то нуждались в дополнительном заработке. Наблюдая, как одно за другим разоряются соседние помещики, А. Васильчиков – по словам сына – «был вынужден пойти на героическую меру» [31]. Эта мера представляется и рискованной. Князь завербовал в Восточной Пруссии, в примыкавшей к Таурогену местности несколько десятков немецких крестьян с семьями и поселил их в своем Выбити. Их трудолюбие и рачительность удивляли местных жителей. Они признавали отдых только по воскресеньям и в течение праздничных двух дней на рождество и пасху, были бережливы и вели трезвый образ жизни; не случайно часть из них возвратилась в 1870-е гг. на родину «со сбережениями». Как отмечает Б.А. Васильчиков, назначенный Александром Илларионовичем управляющий по фамилии Гельцерман «был строг как к самому себе, так и к своим подчиненным и вводил немецкие порядки с несокрушимой методичностью и последовательностью». При этом Александр Илларионович отнюдь не отошел от дел, отдав их в ведение толкового управляющего. Деятельный и неутомимый, он во все вникал сам. По свидетельству сына, «летом неизменно выезжал он в поле верхом на английской лошади и лично руководил полевыми работами» [32].

«Героический эксперимент» увенчался замечательным успехом. Хозяйство организовали на немецкий лад. Ввели так наз. фигурную пахоту (вспашка волнообразной формы, обеспечивавшая сток излишней воды), вырастили выбитское племенное молочное стадо. Сельский хозяин – практик мог быть вполне доволен. Выбити превратилось в небольшую колонию с немецкими речью, школой, пастором, кладбищем. Даже много десятилетий спустя среди выбитских жителей попадались обрусевшие Леопольды, Фрицы, Готлибы. Борис Васильчиков с горечью констатирует, что их обрусение «выражалось главным образом в утрате немецких свойств: прилежности к труду и сравнительной трезвости» [33].

Продолжительное сосредоточение на реформировании крупного помещичьего хозяйства, многолетние размышления над ходом и результатами преобразования имели следствием и перестройку в жизни самого А. Васильчикова. Он утвердился в мнении о том, что причиной бедности отечественной деревни оказался недостаток коллективной ответственности и привычки к систематическому труду у крестьян. Князь окончательно осознал необходимость изменить положение дел. Ущемленное патриотическое чувство и даже обида на соотечественников подтолкнули Александра Илларионовича к действиям. В этой связи крайне упрощенным представляется утверждение современного автора о том, что мотивом, заставившим богатого аристократа обратиться к реформированию русской сельской жизни, стало отвлеченное «общее стремление способствовать повышению материального и духовного благосостояния народа» [34].

Сравнение с немцами – работниками было отнюдь не в пользу русского простонародья. Дельного и патриотично настроенного сельского хозяина это обижало, не давало успокоиться. Вставал вопрос, каким образом перестроить жизнь деревни. Будучи либералом и западником, о радикальных мерах князь не помышлял. Он понимал, что нельзя насадить привычку к дисциплинированному труду, невозможно силой заставить народ отказаться от нерасчетливости в хозяйстве и разгульности в быту. Наконец, Васильчиков обнаружил выход в формировании соответствующей крестьянской трудовой мотивации. Имелось в виду прежде всего «устройство ссудных товариществ, рабочих и производительных артелей со ссудой основного капитала от казны и от земств» [35]. Во главу угла ставилась коллективная материальная заинтересованность. Получаемые А. Васильчиковым из деревень письма не оставляли сомнений в том, что крестьянскую инициативу думит ростовщичество. Во многих случаях именно оно становилось причиной обнищания земледельцев [36]. По мысли князя, образованным классам и правительству следовало сосредоточиться на налаживании сельского кооперативного кредита.

Первый ссудо-сберегательный кооператив в России был образован дворянами братьями С.Ф. и В.Ф. Лугиниными в 1866 г. в Рождественской волости Костромской губернии. Оно действовало на основании утвержденного Государем императором устава и объединило около 400 домохозяев, каждый из которых внес денежный пай. Ответственность пайщиков была коллективной и неограниченной, каждый отвечал за всех. В итоге товарищество действовало успешно и, как сообщал известный специалист по истории и практике кооперации А.В. Меркулов, «мало – помалу сознание выгоды дела стало проникать в крестьянство» [37].

На опыт Лугининых опирался А. Васильчиков. Из бесед с одним из них – Владимиром Федоровичем – он уяснил, что отношения между кооператорами строились на принципе «самопомощи». Князь загорелся идеей распространения среди крестьян устойчивой привычки к коллективной и безусловной материальной ответственности. Александр Илларионович приступил к созданию группы единомышленников. К нач. 1870 г. образовался так называемый «петербургский кружок», в который вошли председатель новгородской губернской земской управы Н.Н. Фирсов, действительный статский советник В.Н. Хитрово, гласный Петербургской городской думы А.В. Яковлев, В.Ф. Лугинин (его брат Святослав, к сожалению, к этому времени умер), председатель Ветлужского уездного земства и известный публицист Н.П. Коллопанов, журналист и ученый Е.В. Де-Роберти, гласный Псковского губернского земства Н.Ф. Фан дер Флит и другие интеллигенты [38].

Названные деятели периодически собирались в доме князя Васильчикова на Литейном проспекте в Петербурге и называть их стали «васильчиковцы». Выдвинутой ими программа организации крестьянского кредита, на первый взгляд, новизной не отличалась. И дело вовсе не в том, что уже действовал кооператив Лугининых. К 1860-м гг. в России открылись тысячи сельских банков и волостных касс. Однако подлинной кооперацией они не стали. Такие банки и кассы включали всех без разбора членов общины той или иной сельской местности. Капитал выделяло государство, оно же и распределяло его поровну между общинниками. Оговаривалось, что ссуды следует возвращать, но этого не происходило и кассы быстро пустели. Кредит превращался во вспомоществование. Государственная опека порождала иждивенчество [39].

Категорически против сложившегося порядка выступили Васильчиков и его «партия». Их программа предполагала введение неограниченной круговой ответственности по долговым обязательствам кооперативов. Членами их имели право быть лишь трудолюбивые и ответственные крестьяне, за которых поручатся общие собрания. Гарантии со стороны последних не могли не привлечь коммерческие структуры, а это стало бы залогом понижения ссудного процента. В итоге объединения сельчан освобождались от государственной опеки и контроля со стороны общины. Они выигрывали за счет трудолюбия, честности, взаимного доверия пайщиков [40]. Подобные кооперативы получили название ссудо-сберегательных. По сравнению со структурами опеки – банками и волостными кассами – они представляли собой органы «самопомощи».

Проект А. Васильчикова вызвал бурные споры. Одни в нем увидели отречение от «священных» основ – общинного, коллективного принципа. Другие предложения «васильчиковцев» именовали «мечтой и небылицей» на том основании, «что немецкая аккуратность не чета русской небрежности, что у нас доверия к лицу, к труду нет и быть не может...» [41]. Приверженцы российской самобытности шли рука об руку с хулителями русской жизни. И те и другие предрекали кооперативному проекту близкий конец. Однако пророчества не сбывались. По инициативе Васильчикова Новгородское земство ассигновало 14 тыс. рублей «для выдачи заимообразно пособий тем ссудным товариществам, которые образуются в течение 1870 года» [42]. Довольно скоро полторы тысячи новгородских крестьян и ремесленников объединились при организационном содействии со стороны членов «Петербургского кружка» в восемь ссудо-сберегательных товариществ. Сам Александр Илларионович на первых порах посвятил себя созданию кооператива в селе Доворицы Старорусского уезда, которое впоследствии успешно работало на протяжении нескольких десятилетий [43].

Как и предполагалось, в состав кооператоров принимались преимущественно добросовестные домохозяева. Ссуды были небольшими: все понимали, что в случае банкротства товарищества каждый крупный кредит привел бы к общему краху. Крестьяне получали в год до 50 руб. (в большинстве случаев меньше) – это стоимость четырех коров или двух рабочих лошадей. Сельские труженики выплачивали 5–7 % годовых, тогда как ростовщики брали от 50 до 200 %. Новгородские шляповалы, пользуясь при покупке шерсти дешевым кредитом, зарабатывали по три рубля в месяц; раньше половину этой прибыли они отдавали бы ростовщику. Кроме того, члены товариществ впервые продали скот и зерно не осенью – за бесценок из-за острой нужды в деньгах для уплаты податей, а в начале года – по высокой цене; выручил кооперативный кредит. Недоимок и случаев принудительного взыскания ссуд не было [44]. При этом никаких особо благоприятных условий для достижения высоких результатов не обнаруживаем. Товарищества располагались, по словам А. Васильчикова, «в глухих местах, отдаленных от рынков и пристаней» [45].

К концу 1870 г. в стране успешно действовали 15 ссудо-сберегательных товариществ. Васильчиков начал хлопотать о создании всероссийской организации для распространения нового дела. На предложение Александра Илларионовича откликнулось Императорское Московское общество сельского хозяйства. В результате при нем образовался Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Поскольку штаб – квартира «васильчиковцев» располагалась в столице империи, то фактически вся работа нового органа сосредоточилась в Санкт-Петербургском отделении. Его первое заседание состоялось 30 декабря 1870 г. в столичном доме князя. Председательствовал Александр Илларионович, авторитет которого для участников собрания не подлежал сомнению [46]. Фактически возник кооперативный союз; именно он скрывался за канцеляризмом – Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах [47].

На первых порах в призывах к взаимопомощи чиновники министерств государственных имуществ и финансов усмотрели «социализм», а Васильчикова называли «красным». Однако отношение бюрократии начало изменяться после того, как в 1872 г. в ходе посещения московской политехнической выставки министр финансов М.Х. Рейтерн дал высокую оценку деятельности Петербургского отделения. В том году удалось доработать и издать Образцовый устав «низовых кооперативов». В нем в отчетливой форме определялись основополагающие положения, прежде всего неограниченная ответственность учредителей и участников товариществ всем своим имуществом за долги кооперативов, а также всесловность членства в них [48]. «Высочайшее» утверждение устава имело огромное значение в условиях бюрократизированного и централизованного российского государства. Теперь даже появилась мода на кооперацию. Среди ее энтузиастов обнаруживаем губернаторов – сибирского Г. Кознакова, архангельского Н. Качалова.

Работа Петербургского отделения оказалась весьма результативной. Удавалось отстаивать интересы кооперативов в центральных учреждениях. «Васильчиковцы» добились понижения торговых пошлин, взимаемых с товариществ. Помогли им наладить связи с банками, ходатайствуя в необходимых случаях перед Министерством финансов о предоставлении ссуд. Разработали упрощенную систему счетоводства, что было крайне важно ввиду отсутствия в селах бухгалтеров. В доме князя (в 1870-е гг. он поселился на набережной Мойки) кооператоры из разных губерний получали консультации по интересующим их вопросам. О признании общими собраниями товариществ несомненной эффективности всей этой работы свидетельствовали отчисления ими части прибыли в кассу отделения [49]. Бросается в глаза, что на первых порах энтузиазм членов «петербургского кружка» играл решающую роль в распространении народного кредита.

Ежегодно А. Васильчиков выступал на заседаниях Вольного экономического общества с докладами о положении дел в кредитной кооперации. «Князя нельзя назвать блестящим оратором, – сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», – но изложение его отличается безыскусственностью и простотой, доходящей местами до сухости. Простота здесь находится в прямом соотношении с богатым внутренним содержанием» [50]. Во всяком случае, выступления Васильчикова вызывали споры. Прежде всего, ожесточенной критике подвергалось его требование принимать в ссудо-сберегательные объединения лишь крестьян – середняков, которые в состоянии возвращать ссуды с небольшими процентами. Александра Илларионовича упрекали в «службе кулакам», требовали широко открыть двери товариществ для бедняков. Васильчиков стоял на своем и отвергал уравниловку при строительстве кооперации [51].

Между тем усилия группы новаторов – интеллигентов призваны были завести кооперативную машину, выполнить функцию своеобразного пускового механизма. Не случайно Васильчиков называл ссудо-сберегательные товарищества проводниками благотворного воздействия «образованных классов» на другие слои населения [52]. К середине 1870-х гг. Васильчиков и его соратники наладили работу более 500 ссудо-сберегательных товариществ. Большого тогда удалось добиться только кооператорам Германии; поэтому в 1876 г. на Брюссельской международной выставке Петербургское отделение Комитета о сельских ... товариществах удостоилось серебряной медали. Огромное значение для популяризации прогрессивного начинания имела личная благодарность, которой Александр II удостоил А.И. Васильчикова за работу на поприще кооперации [53].

К началу 1880-х гг. в разных регионах страны насчитывалось около тысячи кредитных товариществ, объединивших 200 тыс. домохозяйств. Включились механизмы кооперативной самоорганизации, энтузиастическая функция «петербургского кружка» имела все меньшее значение. Некоторые народные объединения существовали благодаря вспомоществованиям и ссудам. Зато другие завоевали доверие населения и банков, действовали за счет выгодных кредитов [54]. Навыки совместной и доверительной работы россияне усваивали последовательно, хотя и не быстро.

А. Васильчиков и его соратники тяжело переживали убийство императора Александра II, понимая, что с надеждами на скорое развитие кооперации и местного самоуправления приходилось окончательно расстаться. Умер Александр Илларионович в октябре 1881 г. и был похоронен в своем Выбиту. Примечательно, что после его смерти последователи собрали по подписке деньги, составившие «Капитал имени А.И. Васильчикова»; из него выдавались премии авторам лучших научных сочинений в области кооперации и сельского хозяйства [55]. В частности и в этом выражалась неразрывность кооперативной традиции.

Мы подробно рассказали о двух социальных ролях князя А. Васильчикова – сельского хозяина и организатора первого в России союза кооперативных товариществ. Теперь перейдем к третьей социальной роли – Васильчиков – ученый [56]. Вернемся к воспоминаниям Б.А. Васильчикова, отмечавшего, что в имени Выбита его отец «всегда вставал рано, сам себе заваривал кофе и пользовался утренней тишиной для своих (научных – А.Д.) занятий». А затем, по словам мемуариста, отправлялся руководить полевыми работами [57].

Подтолкнуло князя к написанию трудов осознание несоответствия между, с одной стороны, накапливаемыми им знаниями о крестьянской повседневности, и, с другой стороны, широко распространившимися среди публики сведениями. По уверению Александра Илларионовича, его до глубины души возмущало проникновение в общество «пессимистического настроения, представлявшего наше хозяйственное положение в самом мрачном, почти безнадежном виде». Причиной, полагал Васильчиков, стало то, что интеллигенты мало знают «о предмете, о котором так много и так самоуверенно рассуждают», то есть о жизни деревни [58]. Сановники, репортеры, писатели, юноши – социалисты делали скоропалительные выводы, не имея ясного представления о народной повседневности. В данной связи князь считал крайне важным поделиться своими знаниями. Как видим, и к занятиям наукой его поощрила сельскохозяйственная практика.

В конце 1860-х и в 1870-е гг. князь написал и опубликовал объемистые научные книги: «О самоуправлении», «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», «Сельский быт и сельское хозяйство в России». Изыскания А. Васильчикова в области исторической и юридической наук не были самостоятельными. Автор отмечал, что руководством ему служили сочинения К.А. Неволлина, Ю.Ф. Самарина, К.Д. Кавелина. Широко использовались работы

А.Д. Градовского («История местного управления»), И.Д. Беляева («Крестьяне на Руси»). Васильчиков признавался, что он так много позаимствовал из их трудов, что «должен извиниться в таком заимствовании» [59]. При этом Александр Илларионович рассматривал свои работы как первый подступ к исследованию русских реалий и представлял свой «обзор ... некоторым руководством для других, более точных и обдуманых изысканий» [60].

Включившись в дискуссию между славянофилами и западниками, автор встал на сторону первых. По мнению некоторых исследователей, его взгляды отразили «самобытную тенденцию в русском либерализме» [61]. Обосновывая самобытность России, Александр Илларионович указывал на свойственную крестьянскому 60–миллионному сословию слабость понятий о собственности и наследстве, которая и обусловила прочность «животворного начала равного и плодотворного землевладения» [62]. Думается, в ряде случаев теоретические построения Александра Илларионовича противоречили его практической деятельности помещика и кооператора.

Князь отнюдь не ограничился умозрительными рассуждениями. В тех случаях, когда его предложения основывались на хозяйственном опыте и доскональном понимании деревенской жизни, их отличала несомненная практичность и актуальность. Васильчикова неизменно смущало то, что нередко русские общинники «не уважают никакой собственности, ни своей, ни чужой, и по неряшеству широкой славянской природы не берегут ни своего имущества, ни соседского» [63]. Поэтому он настоятельно предлагал развивать народное образование и – главное – расширять местное всесословное самоуправление. Важным элементом последнего должно было стать налаживание общедоступного кооперативного кредита, призванного приучать крестьян к изживанию «неряшества», преодолению распушенности.

Князь сформулировал и обосновал настоятельное требование реформирования статистического дела в России, пороки которого в правительственных кругах и в интеллигенции породили «предумышленное ослепление» и много «фальшивых понятий». Статистика строилась на опросах сельских хозяев, заинтересованных в сокрытии сведений о своих урожаях. «Пишутся разные ведомости наобум, как попало, полуграмотными писарями», таблицы наполняются «произвольными, а отчасти и вымышленными цифрами» - негодовал Александр Илларионович. Опасность состояла в том, что из неправильных сведений «выводятся крупные итоги», правительство судит о народном хозяйстве. Полную перестройку статистических учреждений Васильчиков относил к разряду «первых и самых нужных дел» [64]. Прежде всего, следовало хорошо узнать народ, которым «образованные классы» и правительство собирались руководить.

Заключение

Вернемся к самому важному делу в жизни протагониста. Как мы помним, успешный сельский хозяин А.И. Васильчиков больше всего мечтал о преодолении российским простонародьем «нерасчетливости» и «разгульности», уповая при этом на продвижение «домовитых хозяйственных добродетелей». Вопреки не верившим в народ скептикам, Александр Илларионович обнаружил алгоритм достижения цели. Направление движения оказалось совершенно правильным, хотя это стало ясно далеко не сразу. После трагической гибели Александра II в связи с изменением правительственного курса довольно скоро прошла и мода на кооперативы. Одно за другим разорялись нежизнеспособные товарищества, замедлились и темпы образования новых. Однако испытания пошли на пользу кооперации. Опубликовавший в нач. 1890-х гг. первое основательное статистическое исследование кредитной кооперации Н.О. Осипов и проделавший такую же работу десять лет спустя С.Н. Прокопович пришли к выводу, что ссудо–сберегательные товарищества представляли устойчивые и перспективные структуры [65]. Думается, те 1550 кредитных кооперативов, которые работали в России в кон. XIX в., можно отнести к числу «здоровых». Их плодотворная деятельность и подготовила почву для стремительного роста российской кооперации в первые полтора десятилетия XX в. (к началу Первой мировой войны в России насчитывалось уже 13 тыс. кредитных товариществ и 27 тыс. кооперативов других типов) [66]. Между тем направление движения кооперации и ее общественное значение определил А.И. Васильчиков. Он успешно сыграл свою главную социальную роль, создал эффективный общественный институт – кооперацию, учившую россиян хозяйственности и ответственности.

Примечания:

1. Васильчиков А.И. О самоуправлении // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013. С. 334, 335.
2. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». М., 1878. С. 95.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 1. М. 1967. С. 471; Т. 3. М., 1971. С. 731.
4. История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. М., 1959. С. 72, 85; Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972. С. 224.
5. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964.
6. Чернуха В.Г. Неизвестное публицистическое произведение А.И. Васильчикова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 202.

7. Подколзин Б.И. «Народный кредит»: страница отечественного опыта // Отечественная история, 1993, № 6; Давыдов А. Князь – кооператор // Уральский следопыт, 1992, № 5 – 6; Давыдов А.Ю. Князь – кооператор А.И. Васильчиков // Вопросы истории, 1993, № 4; Каплин А.Д. Предисловие // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013.
8. См., напр.,: Мальцева М.В. Местное самоуправление и развитие туристского потенциала города (идеологический аспект): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 5.
9. Старостин А.Ю. А.И. Васильчиков. (1818 – 1981): политические идеи и концепции. М., 2003. С. 14.
10. Ширинянц А.А., Васич В.Н. А.И. Васильчиков // Политическая мысль в России. Словарь персоналий (XI в. -1917 г.). М., 2001. С. 40.
11. Герштейн Э. Указ. соч. С. 138; Каплин А.Д. Указ. соч. С. 7.
12. Ершов В. Александр Илларионович Васильчиков // Российская провинция. 1993. Сентябрь. С. 65.
13. Старостин А.Ю. Указ. соч. С. 30, 121, 125.
14. Там же. С. 30.
15. Русская провинция. 1993. Сентябрь. С. 65.
16. Дворянская семья. СПб., 2004. С. 32 – 35.; Чернуха В.Г. Указ. Соч. С. 202.
17. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995. С. 142.
18. См.: Чернуха В.Г. Указ. Соч. С. 209.
19. Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000. С. 34, 35; Васильчиков Борис. Воспоминания. Псков, 2003. С. 11.
20. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 12.
21. Каплин А.Д. Указ. соч. С. 7.
22. Герштейн Э. Указ. соч. С. 250.
23. Там же.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 651. Оп.1. Д. 564. Лист 10б.
25. Ширинянц А.А., Васич В.Н. Указ. соч. С. 40.
26. Каплин А.Д. Указ. соч. С. 11.
27. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013. С. 799.
28. Леонтович В.В. Указ. соч. С. 147.
29. Герштейн Э. Указ. Соч. С.245, 250.
30. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 237.
31. Там же. С. 43.
32. Там же. С. 20.
33. Там же. С. 44.
34. Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 164.
35. Васильчиков А.И. О самоуправлении. С. 301.
36. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 634. Листы 1, 2.
37. Хейсин М. Исторический очерк кооперации. Пг., 1918. С. 51; Кулыжный А.Е. Очерки по сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Статьи, доклады, заметки. Пг., 1918. С. 174; Меркулов А.В. Братья Лугинины, пионеры кредитной кооперации и первый кредитный кооператив в России. М., 1918. С. 21, 22, 26.
38. Васильчиков А. Ссудо-сберегательные товарищества в России // Русские общественные вопросы. Сборник «Недели». СПб., 1872. с. 306, 307; Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 163, 164.
39. Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 166.
40. Заседания Петербургского собрания сельских хозяев. № 1. 27 января 1870 г. С. 1, 2; РГИА. Фонд 651. Описание 3. Дело 788. Листы 7, 8.
41. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Лист 5 об.
42. Фирсов Н. О ссудных товариществах в Новгородской губернии. СПб., 1871. С. 1.
43. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 792. Листы 1 об., 3 об.; Книжки Вестника мелкого кредита, 1915. № 6. С. 46.
44. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Листы 1 об., 3, 6, 6 об., 7; Фирсов Н. Указ. соч. С. 5, 6.
45. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Лист 11.
46. Сельские ссудо-сберегательные товарищества (образцовый устав с необходимыми объяснениями). СПб., 1872. С. 15; РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Листы 1, 10б., 3, 6, 7.
47. В своей статье, опубликованной в 1993 г. в ж. «Вопросы истории», автор допустил ошибку, отнеся первое заседание к 30 декабря 1871 г. См.: Вопросы истории, 1993, № 8. С. 138.
48. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 634. Лист 1; Сельские ссудо-сберегательные товарищества (образцовый устав...)... С. 15; Двадцатипятилетие С.-Петербургского отделения Комитета. СПб., 1887. С. 10.
49. Сельские ссудо-сберегательные товарищества ... С. 4; Вестник кооперации. 1909. № 2. С. 71; Соколовский П. Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889.

- С. 196; Отчет С.-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. СПб., 1887. С. 17.
50. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 29 июня.
51. Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 49, 50; Кооперативная жизнь. 1915. № 19 – 20. С. 218; Отечественные записки. 1877. № 8. С. 252-264; № 9. С. 1-50.
52. Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя А. Васильчикова. Берлин. 1875. С. 33.
53. Пажитнов К.А. Первый год существования Петроградского кооперативного института. Пг., 1918. С. 13; Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 48.
54. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 639. Листы 2, 3; Дело 786. Лист 1 об.; Дело 790. Листы 10, 11 об., 14, 14 об.;
55. Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 58.
56. Характеристика будет краткой, ибо вышли в свет труды, в которых акцент сделан на научной работе А.И. Васильчикова. Выше о таких упоминалось. Подчеркнем, что автор этих строк лишь не согласен с преувеличением значения научной деятельности князя; не разделяет и мнения о приоритетной роли ученых занятий в жизни самого Александра Илларионовича. А. Васильчиков все-таки практик, а не теоретик.
57. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 20.
58. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. С. 814, 816.
59. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. С. 347.
60. Васильчиков А. О самоуправлении. С. 43.
61. Молчанов Д.В. Российский либерализм 60 – 70-х годов XIX в. о формировании социальной базы модернизации. М., 2000. С. 106.
62. Васильчиков А. Землевладение и земледелие... С. 323, 325, 329, 334, 340.
63. Он же. О самоуправлении. С. 121.
64. Там же. С. 802, 804, 807.
65. См.: Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 170.
66. Вестник кооперации. 1917. № 1. С. 18.

References:

1. Vasilchikov A.I. Self-government // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013. P. 334, 335.
2. Guerrier V.I., Chicherin B.N. Russian dilettantism and communal land tenure. Analyzing "Land tenure and agriculture" by A. Vasilchikov. M., 1878. P. 95.
3. Lenin V.I. Collected works. Ed. 5 V. 1 M. 1967 P.471; V.3 M., 1971. P. 731.
4. The history of Russian economic thought. V. 2. Part 1. M., 1959. P. 72, 85; Economic Encyclopedia. The Political Economy. V. 1. M., 1972. P. 224.
5. Gerstein E. Lermontov's fate. M., 1964. The second edition with the same title was published in 1986.
6. Chernuha V.G. Unknown nonfiction by A.I. Vasilchikov // Auxiliary historical disciplines. V. XVI. L., 1985. P. 202.
7. Podkolzin B.I. "People's credit": domestic experience // National History, 1993, № 6; Davydov A. Prince - cooperator // Ural Sledopyt, 1992, № 5 - 6; Davydov A.Y. A.I. Vasilchikov, Prince-cooperator // Questions of History, 1993, № 4; Caplin A.D. Preface // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013.
8. See. Eg. : Maltseva M.V. Local self-government and the development of the tourist potential of the city (the ideological aspect): Abstract. ... Cand. Hist. Sciences. M., 2003. P. 5.
9. Starostin A.Y. A.I. Vasilchikov. (1818 - 1881): the political ideas and concepts. M., 2003. P. 14.
10. Shirinyants A.A., Vasich V.N. A.I. Vasilchikov // Political thought in Russia. Dictionary of personalities (XI. - 1917). M., 2001. P. 40.
11. Gerstein E. Op. cit. 138; Caplin A.D. Decree. Op. cit. P. 7.
12. Yershov V. Alexander Illarionovich Vasilchikov // Russian province. September 1993. P. 65.
13. Starostin A.Y. Op. cit. P. 30, 121, 125.
14. Ibid. P. 30.
15. Russian province. September 1993. P. 65.
16. Noble family. St.-Petersburg, 2004. P. 32 - 35; Chernuha V.G. Op. cit. P. 202.
17. Leontovich V.V. The history of liberalism in Russia. 1762 - 1914. M., 1995. P. 142.
18. See: Chernuha V.G. Op. cit. P. 209.
19. Noble family. From the history of Russian noble families. St.-Petersburg., 2000. P. 34, 35; Vasilchikov Boris. Memories. Pskov, 2003. P. 11.
20. Vasilchikov Boris. Op. cit. P. 12.
21. Caplin A.D. Op. cit. P. 7.

22. Gerstein E. Op. cit. P. 250
23. Ibid.
24. M.Y. Lermontov in the memoirs of contemporaries. M., 1964. P. 254; Russian State Historical Archives (RSHA). Fund 651. Op.1. D. 564. Sheet 1ob.
25. Shirinyants A.A., Vasich V.N. Op. cit. P. 40.
26. Caplin A.D. Op.cit. P. 11.
27. Vasilchikov A. Rural life and agriculture in Russia // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013. P. 799.
28. Leontovich V.V. Op. cit. P. 147.
29. Gerstein E. Op.cit. P. 245, 250.
30. Caplin A.D. Op.cit. P. 10.
31. Vasilchikov Boris. Op. cit. P. 43.
32. Ibid. P. 20.
33. Ibid. P. 44.
34. Podkolzin B.I. Op. cit. P. 164.
35. Vasilchikov A.I. About self-government. P. 301.
36. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 634. Sheets 1, 2.
37. Kheysin M. Historical Review of cooperation. Pg., 1918. P. 51; Kulyzhny A.E. Essays on agricultural and credit cooperation. Articles, reports, notes. Pg., 1918. P. 174; Merkulov A.V. Luginin Brothers, pioneers of credit cooperation and the first credit cooperative in Russia. M., 1918. P. 21, 22, 26.
38. Vasilchikov A. Savings and loan associations in Russia // Russian social issues. "Nedeli" collection. SPb., 1872. P. 306, 307; Podkolzin B.I. Op.cit. P. 163, 164.
39. Podkolzin B.I. Op.cit. P. 166.
- 40. Conference of the St. Petersburg farmers meeting. № 1. 27 January, 1870. P. 1, 2; RSHA. Fund 651. Inventory 3. Case 788. Sheets 7, 8.**
41. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheet 5ob.
42. Firsov N. On loan associations in the Novgorod province. SPb., 1871. P. 1.
- 43. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 792. Sheets 1ob., 3ob.; Books of small loans bulletin, 1915. № 6. P. 46.**
44. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheets 1ob., 3, 6 rev., 7; Firsov N. Op. cit. P. 5, 6.
45. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheet 11.
46. The rural savings and loan associations (model statute with necessary explanations). SPb., 1872. P. 15; RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheets 1, 1ob., 3, 6, 7.
47. In the article published in 1993 in "Questions of History" mag., the author by mistake referred the first meeting to **December 30, 1871. See.: Questions of History, 1993, № 8. P. 138.**
48. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 634. Sheet 1; The rural savings and loan associations (model statute...)... **P. 15; Twenty-fifth anniversary of the St. Petersburg Committee department. SPb., 1887. P. 10.**
- 49. The rural savings and loan associations ... P. 4; Cooperation bulletin. 1909. № 2. P. 71; Sokolovsky P. Savings and loan associations in Russian in literature reviews. SPb., 1889. P. 196; Report of the St. Petersburg Committee department on the rural savings and loan and industrial associations. SPb., 1887. P. 17.**
50. St. Petersburg Vedomosti. 1872. June 29.
- 51. Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 49, 50; Cooperative life. 1915. № 19 - 20. P. 218; Domestic Notes. 1877. № 8. P. 252 - 264; № 9. P. 1 - 50.**
52. Letter from Prince A. Vasilchikov to the Minister of Education, Count Tolstoy. Berlin. 1875. P. 33.
53. Pajitnov K.A. The first year of the Petrograd Cooperative Institute. Pg., 1918. P. 13; **Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 48.**
54. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 639. Sheets 2, 3; Case 786. Sheet 1ob.; Case 790. Sheets 10, 11ob., 14, 14ob.
- 55. Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 58.**
56. The characteristics will be brief, because in recently published works the emphasis is placed on the scientific activity of A.I. Vasilchikov. Such are mentioned above. The author emphasizes that he just disagrees **with the exaggerated importance of prince's scientific activity; and does not share the views about the priority role of Vasilchikov's scientific work.** A. Vasilchikov was more a practician than a theorist.
57. Vasilchikov Boris. Op.cit. P. 20.
58. Vasilchikov A. Rural life and agriculture in Russia // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. P. 814, 816.
59. Vasilchikov A. Land tenure and agriculture in Russia and other European countries // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. P. 347.
60. Vasilchikov A. Self-government. P. 43.
61. Molchanov D.V. Russian liberalism of 60s–70s XIX century. About the social base of modernization formation. M., 2000. P. 106.
62. Vasilchikov A. Land tenure and agriculture ... P. 323, 325, 329, 334, 340.
63. Vasilchikov A. Self-government. P. 121.

64. Ibid. P. 802, 804, 807.

65. See: Podkolzin B.I. Op.cit. P. 170.

66. Cooperation bulletin. 1917. № 1. P. 18.

УДК 821.161.1.09

**Социальные роли князя А.И. Васильчикова: удавалось ли соединить
«смышленость» россиян с «хозяйственными добродетелями»?**

Александр Юрьевич Давыдов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Российская Федерация

191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: davydov.au@mail.ru

Аннотация. Автор определяет константы жизни аристократа, видного общественного деятеля, организатора первого в России кооперативного союза и ученого Александра Илларионовича Васильчикова (годы жизни 1818–1881). Новизна исследования видится в том, что протагонист представлен в его главных социальных ролях – сельского хозяина и кооператора. Доказано, что сосредоточение на организации своих имений позволило князю осознать, какую опасность для народного будущего представляют серьезные изъяны трудовой морали отечественных крестьян - «беспорядочность», «нерасчетливость». Уделяется внимание тому, как оскорбленное патриотическое чувство стало сильным мотивом к созданию князем и его соратниками («васильчиковцами») общероссийской кредитно-кооперативной организации. Она призвана была постепенно приучать сельчан к хозяйственности и домовитости, взаимному доверию в ходе ведения общего дела. Представляя результаты анализа разных сфер деятельности А.И. Васильчикова, автор пытается определить роль отечественной кооперации как важного метода развития мотивации и культуры труда. Актуальность исследования обусловлена и выявлением места лидеров (А. Васильчикова и его товарищей) в ускорении масштабных созидательных общественных процессов.

Ключевые слова: князь Васильчиков; имение Выбити; земство; «васильчиковцы»; ростовщичество; трудовая мотивация; ссудо-сберегательные товарищества; кооперативы; Санкт-Петербургское отделение Комитета; самоуправление.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 576-585, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(1-22)(571.56)“18/198”

Rural Yakutia in the Late of XIX – XX Centuries: Traditional Economy in the Mirror of Time

¹ Lilia Vinokurova

² Viktoria Filippova

³ Alexander Suleymanov

⁴ Stepan Grigorev

¹⁻⁴ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
677027, Yakutsk, 1 Petrovskogo St.

¹ PhD (History), Senior Researcher
E-mail: lilivin@mail.ru

² PhD (History), Senior Researcher
E-mail: filipovav@mail.ru

³ PhD (History), Research Fellow
E-mail: alexas1306@gmail.com

⁴ PhD (History), Research Fellow
E-mail: DeTample@yandex.ru

Abstract

The article presents a historical overview of the development of the traditional economy of the indigenous population of Yakutia during the end of XIX – the 80-ies of XX century. Historical retrospective proposed by the authors traces the socio-economic characteristics of the rural areas of Yakutia over a long period. The development of the major traditional economies of rural Yakutia considered at eventful historical background. Different political and socio-economic factors highlighted: they dictated the trends in cattle breeding and agriculture.

It was found that, due to the remoteness from major economic centers, poor transport communications, as well as unfavorable climate in Yakutia formed a special type of rural economy. The authors pay particular attention to the negative impact of collectivization policies on agriculture, aggravated by natural disasters and hardships during the Great Patriotic War.

In the study of factors of the agricultural development the authors positively evaluated the experience of scientific support and the implementation of scientific and technological progress for traditional sectors of economy. The analysis of published and unpublished sources convinces in following: despite a series of administrative changes in the centuries-old traditional rural economy Yakutia it proved viable and adaptable to the socio-political challenges of the twentieth century.

Keywords: Rural Yakutia, traditional economy, the indigenous population, agriculture, sustainability.

Введение

История Российского государства чрезвычайно богата событиями и процессами, имевшими различное преломление и своеобразное явление в разных его пределах. После присоединения Сибири в орбиту единой страны вошла Якутия, одна из самых отдаленных провинций.

В течение веков для Якутии был характерен сельскохозяйственный тип освоения территорий. Заселение происходило преимущественно по тем зонам, в которых были пригодные для хозяйственного использования земли. Так были освоены долины крупных и малых рек; невысокие, плоские аласно-таежные части междуречий. Имеющиеся ареалы расселения были разделены между собой огромными незаселенными и неосвоенными пространствами вплоть до середины XX в. Даже

строительство в XIX в. почтового тракта, уплотнившее сеть ранее возникших поселений, не смогло радикально изменить это обстоятельство.

Несмотря на малочисленность населения, отдаленность от транспортных магистралей, Якутия всегда занимала собственное место в экономике России – длительное время в качестве поставщика ценной пушнины, а с XX в. – как регион добычи стратегического сырья. В новом веке Республика Саха (Якутия) приобрела еще и значение восточного геополитического плацдарма страны в арктическом регионе. По ее территории пролегают как северный, так и юго-восточный векторы развития Российской Федерации: выходы к Северному морскому пути, Охотскому морю и на Дальний Восток.

В этом свете представляет бесспорный научный интерес исторический опыт социально-экономического развития края, в т.ч. использования внутренних ресурсов. Осмысление культурно-хозяйственных традиций и резервов устойчивости необходимо для понимания реальных перспектив и разработки программ дальнейшего развития. Актуализирует тематику устойчивости и адаптивного потенциала сельской Якутии также растущее доминирование индустриально-сырьевого профиля республики.

Материалы и методы

В основе разработки представленной темы лежит анализ делопроизводственной документации государственных, научных и общественных учреждений из фондов Архива РАН, Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Саха (Якутия) и Российского государственного архива экономики. Часть материалов центральных и региональных архивов при этом впервые вводится в научный оборот. Кроме того, важнейшими источниками послужили материалы полевых исследований, проводившихся одним из участников авторского коллектива в сельских районах Якутии начиная с 1998 г., а также относящиеся к рассматриваемой проблеме монографические труды, научные статьи и сборники статистических данных.

Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили применение историко-типологического, историко-сравнительного и историко-генетического методов, а также метода ретроспективного анализа.

Обсуждение

Изучение истории сельской Якутии опирается на солидный круг научной литературы, особенно по досоветской эпохе. В аграрной историографии фундаментально освещены земельные отношения с древних времен до начала XX в., развитие земледелия и традиционных отраслей хозяйства [1, 2, 3, 4]. Представители советской школы дискутировали по вопросам формирования рыночных отношений на рубеже XIX – XX вв., изучали становление социалистической сельской экономики [5, 6, 7]. К 1980-м гг. исследователи накопили фактографический материал, позволяющий анализировать пройденные сельским населением этапы социально-экономического развития. Понятно, что оценки и интерпретации ограничивались идеологическими установками, но в гуманитарном сообществе сформировался определенный критицизм по отношению к социальным достижениям коренного населения в советский период [8]. В новейшее время в первую очередь были заполнены ранее табуированные темы из истории сельской Якутии – коллективизация и политические репрессии, сельское население в годы Великой Отечественной войны [9, 10, 11]. Интересующий нас почти столетний период с конца XIX в. до 80-х гг. XX в. в руральных аспектах освещен неравномерно и фрагментарно.

Результаты

В конце XIX в. Якутия занимала почти седьмую часть Российской империи – около 3,5 млн кв. км. При этом по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на 1 кв. км приходилось всего 0,08 чел. Миграционный приток извне был незначителен, особенно после отхода в 1898 г. Ленских приисков к Иркутской губернии. Транспортная схема края оставалась крайне малоразвитой, с учетом расстояния 2800 км до ближайшей железнодорожной станции в городе Иркутск. Внутренние дороги для перевозки грузов и передвижения населения до настоящего времени зависимы от сезона и погоды: понятия «автодорожный зимник» и «ледовая переправа» реальны и для современной Якутии. Есть отдельные районы и населенные пункты, до которых можно добраться наземным транспортом только в определенный сезон.

В таких условиях очевидно, что традиционные занятия коренных народов развивались или «консервировались» почти в архаичных формах, длительное время практически не испытывая сильного воздействия извне. Сельское хозяйство и промыслы в рассматриваемый нами период с конца XIX в. до 80-х гг. XX в. оставались основным занятием коренных народов Якутии. До наших дней сельская Якутия является своеобразной «этнической нишей» коренных народов – якутов-саха, русских старожилов, эвенков, эвенов, юкагиров, долган и чукчей. В сельском хозяйстве и промыслах преимущественно заняты именно эти группы населения.

На рубеже XIX–XX вв. основными занятиями в сельской местности Якутии были

животноводство и земледелие. Социальный слой предпринимателей, служащих и интеллигенции был немногочисленным. При всей своей внешней примитивности традиционное хозяйство коренных народов было успешно адаптировано к природным условиям, к возможностям кормящего ландшафта. В частности, такие занятия как скотоводство якутов было экологически сбалансированным в силу своей безотходности и регулируемостью лимитами кормов. Благодаря трудолюбию и упорству якутов была выведена местная порода крупного рогатого скота, требующая минимума условий содержания и дающая высококалорийную продукцию, необходимую в условиях Крайнего Севера. Более того, якуты смогли распространить скотоводство до полярных широт и способствовали сельскохозяйственной колонизации русскими восточных пределов, в частности, Охотского побережья и Камчатки. Именно крупный рогатый скот, завезенный из Якутской области в XVIII и XIX столетиях, стал основой успешного скотоводства [4, с. 438].

Мясо-молочные продукты население получало также от коневодства – еще одной традиционной отрасли аборигенов. Якутская порода лошади отличается выносливостью и способностью самостоятельно кормиться в условиях якутской зимы, а также – высоким качеством питательности мяса и кумыса. Две эти отрасли в разных масштабах и пропорциях были основным занятием сельского населения до распространения земледелия. Для живущих в таежно-тундровой и тундровой зонах основой хозяйства коренных малочисленных этносов служило оленеводство. Охотничий и рыболовный промысел, сбор дикоросов в традиционном хозяйстве на рубеже XIX – XX вв. играли дополняющую, второстепенную роль.

Районами традиционного развития скотоводства, зафиксированного к приходу русских в XVII в. были бассейн среднего течения рек Лена и Амгино-Ленское плоскогорье, верховья реки Яна, устья рек Олекма и Вилюй. К концу XIX в. скотоводческая культура простиралась до северо-востока и заполярных районов, продвигаясь вдоль рек Яна, Колыма и Индигирка. Также развивалось и коневодство: например, в начале XX в. лошадей на подножном корму содержали арктические русские старожилы в населенных пунктах Русское Устье и Походск [5, с. 14].

В силу географии пригодных пастбищ для крупного рогатого скота и лошадей, стада и табуны содержались своеобразными островами животноводческой культуры на громадной территории всей Якутии от ее южных границ до границ тундры, от западных границ до границ с Приморским краем. Это была культура, использующая естественные сенокосы и пастбища, и, по этой причине, зависимая от сезонных и климатических колебаний. Стабильность хозяйства и сама жизнедеятельность обеспечивались потому непрерывным трудом, в периоды сельскохозяйственной страды достигающим экстремального напряжения.

Исследователи единодушны в своих сомнениях о полноте и достоверности статистики поголовья скота и лошадей, но даже по приблизительным данным можно проследить колебания количества лошадей в общей массе животноводческого поголовья на протяжении второй половины XIX в. Поголовье крупного рогатого скота с середины XIX в. до начала XX в. увеличилось в 1,7 раз (с 171666 голов в 1857 г. до 287378 в 1901 г.), поголовье лошадей – в 0,9 раз (с 278113 до 391094 соответственно). В 1857 г. соотношение крупного рогатого скота и лошадей составляло 66,1 % и 33,9 %, а в 1901 г. 73,5 и 26,5 соответственно [подсчитано по: 5, с. 23].

Тенденцию постепенного уменьшения количества лошадей, очень значимого элемента традиционного хозяйства, исследователи объясняют влиянием товарно-денежных отношений, возникновением мясного рынка со спросом на говядину, что было связано с развитием золотодобычи на рубеже XIX – XX вв. На наш взгляд, можно добавить такой аспект, как большой ущерб якутскому коневодству и оленеводству со стороны тягловой повинности в течение нескольких веков. Якутские хозяйства предоставляли тягловую силу для трех трактов – Иркутского, Аянского и Охотского. Гужевой транспорт предоставлялся для нужд всех экспедиций, оборонной, рыбной промышленности и рождающейся индустрии XX в.

Неполной и разноречивой является информация о развитии оленеводства в сопоставимый период. Здесь мы опираемся на данные Г.П. Башарина по пяти округам Якутской области, хотя в литературе показатели разнятся. В рассматриваемый период оленеводством занимались в основном тунгусы (эвенки и эвены), чукчи и, частично, якуты. По имеющимся данным во второй половине XIX в. было зафиксировано увеличение поголовья оленей в 1,6 раз (с 14689 гол. в 1857 г. до 24406 гол. в 1901 г.) [подсчитано по: 5, с. 47]. При этом наибольший прирост зафиксирован в Верхоянском округе – в 3,4 раза.

Земледелие в Якутии возникло под воздействием русской культуры хлебопашества. Земледельческая культура утвердилась в бассейне средней Лены, по устью ее притоков – Олекмы, Витима и Пеледуя, а также долины реки Амга. К концу XIX в. оно было уже обычным занятием якутов и тунгусов, а его продукция – хлеб стал одним из основных видов питания местного населения. На фоне растущего рыночного спроса на мясо-молочную продукцию при ограниченных кормовых ресурсах животноводства в начале XX в. хлебопашество приобретало стратегическое значение для земледельцев Якутии – русских пашенных крестьян, сообществ скопцов (духоборов), якутов и эвенков. Учитывая тот факт, что вся Якутия – зона рискованного земледелия, можно понять резкие скачки в показателях урожайности и ее невысокий средний уровень. Так за период с 1901 по 1910 гг. средняя посевная площадь составляла 19344,3 десятин. За эти годы было в среднем посеяно

162,1 и собрано 647,6 тыс. пудов [11, с. 76].

Ко времени октябрьского переворота 1917 г. Якутская губерния состояла из 5 округов – Верхоянского, Вилуйского, Колымского, Олекминского и Якутского, включавших 21 якутский улус, 16 русских и 7 якутских сельских обществ. Якутские улусы административно делились на 282 наслега, а сельские общества – на 85 русских и 149 якутских селений. Аборигенные северные народы – юкагиры, чукчи, эвены и эвенки сохраняли родовую организацию. Основной отраслью экономики Якутии было животноводство – 62,4 % валовой продукции сельского хозяйства. Доля земледелия составляла 13,2 %. Валовая продукция от рыболовства – 6,4 %. Вклад в экономику охотничьего промысла равнялся 8 % [10, с. 17].

На новом этапе истории в крае начались политические, социально-экономические и культурные преобразования, инициированные советской властью. В 1922 г. Якутия получила статус Автономной Советской Социалистической Республики. Переходный период оказался длительным, традиционные занятия коренного населения испытали на себе воздействие всех радикальных преобразований. Происходили вооруженные конфликты между сторонниками и противниками советской власти. В северных улусах республики они вспыхивали до 1930 г. [9, с. 218–219].

Система традиционного землепользования подверглась радикальному пересмотру. Реформа коснулась всех земель, принадлежавших наслегу. Переделы сенокосных и пахотных угодий начались еще в 1918–1919 гг., но были прерваны Гражданской войной. В целом, к 1929 г. в центральной части Якутии, где преимущественно хозяйствовало хлеборобы, скотоводы и коневоды, утвердились уже новые, советские границы землевладений.

При переделе собственности в наслегах земельным участком наделялись все граждане без различия пола и возраста, кроме лишенных прав по суду и добровольно отказавшихся от получения земельных наделов. При этом традиционные личные усадьбы каждой якутской семьи – летняя (сайылык) и зимняя (кыстык) хозяйственно-жилые базы остались неприкосновенными. Также на первых порах были признаны и востребованы традиции общинного коллективизма: при введении в 1923 г. нового закона о трудовом землепользовании была признана необходимость применения традиционной общинной и товарищеской форм землепользования. Созданные внутри наслегов коммуны, артели, союзы и другие объединения бесспорно нуждались в кооперации физической силы и техники, в частности для мелиоративных и сезонных сельскохозяйственных работ.

Необходимо указать, что передел земельной собственности проходил неравномерно по разным районам, но в целом достиг своей цели – старая система землевладения была ликвидирована, резко сократилась социальная прослойка крупных землевладельцев. В то же время, несмотря на форсирование колхозного строительства, к 1935 г. в колхозах состояла только половина хозяйств сельской Якутии. Были частыми случаи выхода селян из организованных колхозов.

Однако государственная политика устранения сельского единоличника набрала обороты и со второй половины 1935 г. в республике осуществлялась уже политика сплошной коллективизации. За 2,5 года в колхозы было вовлечено более половины животноводческих и 70–80% земледельческих и земледельческо-животноводческих хозяйств. В результате массовой коллективизации к 1940 г. в колхозах состояло 61,5 тыс. хозяйств или 96,6% всего сельскохозяйственного населения Якутии [12, с. 71].

Как и везде по России, период гражданского противостояния и ускоренной коллективизации нанесли урон сельскому хозяйству. Сократилось поголовье скота, прежде всего лошадей, особенно гужевых и рабочих, уменьшилась численность молочного скота, были разрушены хозяйственные связи. В ходе кампании коллективизации владельцы, не желая сдавать в коллективное пользование, забивали скот, особенно молодняк. Негативную роль для традиционного скотоводства сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах». Оно пересматривало в сторону снижения принятые ранее Уставом сельхозартели нормы скота, находившегося в личном пользовании – до трех голов крупного рогатого скота, до одной лошади или вола. Для обычной семьи в сельской Якутии, живущей за счет собственных ресурсов, это означало сокращение питания. Для хозяйств резко сужались возможности использования частной продукции, позволявшей существовать в условиях «натуральной автономии».

Сверхнормативный рабочий скот подлежал обобществлению, а крупный рогатый скот – выкупу по низким закупочным ценам колхозами. Специальные комиссии стали изымать из частных хозяйств «излишки». За счет этого к началу 1940 г. было дополнительно обобществлено более 40,4 тыс. лошадей, выкуплено свыше 10 тыс. крупного рогатого скота. Для взрослого колхозного поголовья у крестьян из личного пользования было изъято более 27 тыс. га сенокосных угодий и более 18 тыс. га от приусадебных участков.

Трагическим последствием подрыва традиционного хозяйства Якутии стал голод 1941–1943 гг. среди населения республики, унесший более 40 тыс. жизней якутян [9, с. 240]. Ситуацию усугубили природные бедствия – засухи и заморозки, повлекшие неурожай. Только за период с января 1938 по январь 1941 гг. сельское хозяйство республики потеряло 113,5 тыс. голов крупного рогатого скота. Начавшаяся Великая Отечественная война поставила перед сельским населением главную задачу – развивать основные отрасли и обеспечить нужды фронта. Реализовать ее предстояло в условиях

резкого дефицита рабочих рук после мобилизации из сельскохозяйственных районов на фронт практически всех мужчин. Если в 1940 г. в колхозах Якутии работало 41,3 тыс. мужчин, то в 1945 г. их было только 18,6 тыс. [13, с. 98], включая стариков, инвалидов и демобилизованных по ранениям.

В условиях нехватки кормов и рабочих рук животноводство несло большие потери: на заседании пленума обкома ВКП(б) от 24 мая 1943 г. были озвучены текущие потери в животноводстве: 223 тыс. голов скота за три года войны [14, с. 311–314]. Только самоотверженным трудом людей через десять лет была восстановлена численность крупного рогатого скота во всех хозяйствах Якутии: если на начало 1941 г. этот показатель был 315 тыс. голов, то к 1951 г. он достиг 319,4 тыс. голов. Человеческие же потери республика смогла количественно компенсировать только к 1960-м гг.: в сельской местности по переписи на 17 января 1939 г. проживало 302,3 тыс. чел., а на 15 января 1959 г. – 247,9 тыс. чел. [15, с. 7].

Сельскохозяйственные показатели, бесспорно, зависели от совокупности объективных и субъективных условий. Так, кроме природных ресурсов, лимитирующих потенциал местных сортов или породных типов, в сельском хозяйстве республики значимую роль играл управленческий фактор. Важнейшее значение имели принципы подхода к организации производства и труда людей и готовность искать на местном уровне оптимальные варианты развития.

В попытках обеспечить устойчивое развитие экономики сельской Якутии можно обозначить два важных пункта. Многие зависело от того, какую позицию занимало руководство всех уровней по поводу региональной специфики хозяйствования – учитывать ее или слепо подчиняться общей линии аграрной политики. Кроме того, на эффективность сельскохозяйственного производства влияло отношение к техническим и научным инновациям, уровень их реального внедрения в аграрный сектор республики.

После того, как в 1928 г. вышло постановление ЦК КПСС «О положении в Якутской организации» республиканское руководство в своей деятельности стало практически беспрекословно выполнять все поступающие «сверху» указания. В истории сельской Якутии это отразилось, в частности, в перегибах по раскулачиванию и коллективизации, в поисках «врагов Советской власти» и т.д. Относительно свежий факт из череды выполненных указаний в аграрном секторе – посевы кукурузы в 1960-е гг., которая просто не успевала созревать за короткое якутское лето [16].

Более успешным следует признать опыт научного сопровождения традиционных отраслей. Первые шаги в этом направлении были предприняты участниками крупнейшей академической инициативы своего времени – Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. Исследования агрономического отряда в Вилюйском, Якутском и Алданском округах позволили научно обосновать перспективы развития сельского хозяйства республики [17, с. 106]. Именно по предложению участников экспедиции в селе Покровск Западно-Кангаласского района в 1929 г. была создана Якутская областная сельскохозяйственная опытная станция. В 1932 г. в Среднеколымском районе открылась Родчевская сельскохозяйственная опытная станция. Эти станции были комплексными: с отделами охотпромысла, оленеводства, крупного рогатого скота, коневодства и земледелия [18]. В 1936 г. появились Нижнеколымский и Булунский опорные пункты по северному оленеводству, в 1948 г. последний был преобразован в зональную оленеводческую опытную станцию [19, с. 461].

В течение первых 10 лет работы Якутской сельскохозяйственной опытной станции ее сотрудниками было выведено шесть новых сортов зерновых, в т.ч. получивший широкое распространение сорт пшеницы «Якутянка-224». Одновременно велись изыскания по повышению продуктивности крупного рогатого скота. В 1929 г. в Якутию из Архангельской области были завезены 8 бычков холмогорской породы. В 1934 – 1937 гг. последовал массовый завоз в центральные районы республики холмогорского и симментальского скота из Архангельской и Смоленской областей, хозяйств Бодайбинского и Алданского золотых приисков.

Разработка мер по стимулированию развития сельского хозяйства Якутии была одной из основных задач Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР 1938 г. В частности, участники агротехнического отряда проводили исследования на территории Амгинского и Мегино-Кангаласского районов. На основе изучения существующей практики возделывания сельскохозяйственных культур, анализа состава грунтов и проведенных полевых опытов учеными были установлены наиболее пригодные для развития земледелия участки, рекомендованы методы обработки почв, сроки и нормы посевов. В результате изысканий зоотехнического отряда впервые было составлено подробное описание якутской лошади, определены ее тип и происхождение, методы разведения, кормления и использования животных. Кроме того, ученые разработали ряд важных мероприятий по оптимизации разведения лошадей в Якутии (определение районов возможной метизации, выбор улучшающих пород, организация племенной работы и др.). В том же 1938 г. начал свою работу Верхоянский опорный пункт Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Важнейшее место в его деятельности заняли работы по разведению местной породы лошадей [20].

Значительно отставали от других отраслей по степени внедрения достижений научно-технического прогресса оленеводческо-промысловые отрасли и звероводство. Позитивные сдвиги начались после организации в 1956 г. Якутского научно-исследовательского института сельского хозяйства (ЯНИИСХ). Одним из направлений работы института стали исследования в сфере

оленоводства, дополняемые биологическими изысканиями по проблемам пастбищ и экологии Севера. Забегая вперед укажем, что к концу 1980-х гг. ЯНИИСХ объединял более 20 опытно-производственных хозяйств, научных стационаров и опорных пунктов, охвативших своей деятельностью сельские районы республики от таежной зоны до тундровой [21].

Сотрудники ЯНИИСХ проводили широкий спектр исследований по совершенствованию пород и технологий содержания лошадей, крупного рогатого скота и оленей. Большое внимание уделялось северному земледелию – научной разработке рациональных приемов окультуривания почвы на раскорчевках, освоению таежных земель под пашни, технологии возделывания сельскохозяйственных культур, повышению плодородия почвы и урожайности агрокультур. Многие разработки были успешно внедрены. Так, районированный в 1960-е гг. сорт ячменя «Тамми» занял около 90 % площади посевов этой культуры в Якутии, 60 % посевов овса к концу рассматриваемого периода приходились на выведенный в середине 70-х гг. XX в. сорт «Покровский» [22].

В период с 1961 по 1974 гг. колхозы, где трудилась основная часть коренного населения, были полностью преобразованы в совхозы [23]. Первыми были созданы совхозы, специализирующиеся на оленеводстве, пушном промысле и звероводстве, затем животноводческие и земледельческие. Перевод колхозов в совхозы в республике вновь проходил в виде форсированной кампании, нередко без учета экономического состояния конкретных хозяйств. Собрания по реорганизации колхозов проходили в обязательном присутствии представителя райкома КПСС [24]. В то же время преобразование колхозов в совхозы гарантировало заработную плату, оплачиваемые отпуска, в целом повысило уровень жизни. Сельские жители с большим оптимизмом воспринимали расширение социальных возможностей, оценивали как «облегчение нелегкой колхозной жизни» [25]. В совхозный период благодаря масштабным государственным инвестициям укрепилась материально-техническая база сельского производства, социальная инфраструктура сел Якутии.

К этому времени утвердилась и система сельского расселения, представляющая собой региональную совокупность сельских населенных пунктов, связанных между собой экономическими, социокультурными и административными связями. Сложившаяся структура сельского расселения обуславливалась историей заселения, типом хозяйственного использования территории и природно-климатическими условиями. Каркас поселенческой сети Якутии сформировалась преимущественно в советский период развития страны, во время коллективизации сельского хозяйства и т.н. «поселкования» в послевоенный период. Бывшие центральные усадьбы колхозов стали центрами совхозов или отделений и бригад, т.е. появилось внутривоспроизводственное расселение [26].

Специализация сельскохозяйственного производства и характер хозяйственного использования прилегающих территорий повлияли на типы сельского расселения. Промысловый тип расселения получил распространение на севере в дельтах рек Лена, Яна, Колыма, Индигирка. Оленеводческо-скотоводческий – в горно-таежной зоне северной Якутии. Оленеводческо-промысловый тип оказался привязан к горно-тундровым и горно-таежным пространствам, как на севере, так и на юге республики. На северо-востоке ведущее место занял скотоводческо-промысловый тип. Наиболее крупный ареал распространения получили скотоводческо-земледельческий и скотоводческо-коневоодческий типы расселения сельского населения Центральной Якутии, Виллойского бассейна и Лено-Амгинского междуречья. Это территории первоначального заселения и освоения пространств якутами-коневодами [27].

В результате социально-экономического развития республики к 1989 г. существенно изменилось соотношение городского и сельского населения. Это было связано с переходом ряда сельских поселений в разряд городских, а также участвовавшими миграциями сельского населения в города [28, с. 128].

Развитие в колхозах и совхозах земледелия с новыми отраслями корректировало структуру землепользования. В земледельческом типе хозяйства было занято преимущественно население долинных сел Якутии, из земледельческих занятий наиболее распространение получили овощеводство и картофелеводство. За период с 1965 по 1985 гг., благодаря выведенным новым сортам, урожайность картофеля выросла с 68 до 85 центнеров с га [29, с. 47].

По состоянию на 1985 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла 334 млн руб., включая продукцию растениеводства – 45,1 млн руб., а продукция животноводства – 288,9 млн руб. Иначе говоря, пропорции отраслей выглядели так: 86,5 % занимало животноводство и 13,5 % – земледелие. За период с 1966 по 1986 гг. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 48,7 тыс. гол., лошадей – на 45,4 тыс. гол., оленей – на 10,2 тыс. гол. [29, с. 31–52]. Таким образом, и в последние десятилетия XX в. животноводство сохранило за собой приоритетное место в структуре сельской экономики.

Анализируя материал по колхозно-совхозному периоду, когда менялись административные границы, трансформировались уклад и образ жизни, у нас сложилось мнение, что за длительный исторический период, несмотря на все преобразования и организационное давление, хозяйственные типы расселения оказались очень жизнеспособными и практически воспроизводили себя, адаптируясь к различным общественно-политическим требованиям.

Отношение к человеческим ресурсам в сельской Якутии даже в относительно благополучные 1970–1980-е гг. оставалось больше потребительским. Эксплуатировались физические возможности

человека, его практические знания и навыки, вопросы экономии трудовых затрат и охраны здоровья затенялись необходимостью выполнения государственных планов. Высокой была доля тяжелого немеханизированного труда (в начале 1980-х гг. 77% рабочих совхозов было занято ручным трудом), допускалось множество управленческих ошибок [30].

Сложившаяся практика подготовки кадров не учитывала конъюнктуру рабочей силы, перспектив базового и специализированного обучения. Проблемы обеспечения рабочей силой обсуждались и решались в силу лишь их острой актуальности. Часто предпринимались кампанейские усилия в виде молодежных призывов, добровольно-принудительных акций по привлечению к сельскохозяйственному труду и т.д. [31]

Сельское хозяйство Якутии так и не превратилось в высокорентабельную отрасль экономики даже в период крупных государственных дотаций позднего социализма. Несмотря на отдельные яркие достижения, традиционная отрасль животноводства не стала привлекательным занятием для молодежи. С пополнением рабочей силы особенно сложно было в традиционном хозяйстве Крайнего Севера. В районах проживания малочисленных народов хозяйственные занятия опирались на архаичные технологии и крайне медленно модернизировались.

Влияние промышленного освоения Севера на образ жизни сельского населения Якутии в целом до конца 1950-х гг. было незначительным, т.к. индустриализация носила очаговый характер. Данное обстоятельство в какой-то мере позволило коренным народам сохранить этническую культуру и образ жизни. Государство также было заинтересовано в поддержке традиционных отраслей хозяйства, в связи с тем, что они обеспечивали продовольствием и гужевым транспортом промышленные предприятия. А традиционный пушной промысел всегда оставался важнейшим источником валютных поступлений, необходимых для интенсификации экономики.

Заключение

Обширная территория, почти вся расположенная в зоне вечномёрзлого грунта и суровый северный климат всегда определяли развитие Якутии. Из-за отдаленности от крупных центров страны и дисперсности расселения любые реформы проходили замедленными темпами. Сохранившиеся до настоящего времени традиционные отрасли сельского хозяйства и промыслов тесно связаны с природными условиями и ограничены ресурсами вовлечённых в хозяйственный оборот земель.

Несмотря на все социально-политические потрясения и экономические реформы, отрасли северного сельского хозяйства проявили себя как достаточно жизнеспособные и приспособленные к условиям высоких широт, являющихся вообще трудными для проживания людей. Их потенциал далеко не исчерпан: при рациональном сочетании традиционных технологий с научно-техническими инновациями они обнаруживают способность к успешному развитию.

Традиционные формы хозяйственных занятий оказались востребованными в новейшей истории сельской Якутии. В 1990-е гг., когда вместо совхозов появились кооперативы, фермерские и крестьянские хозяйства, в своей деятельности они ориентировались именно на традиционные механизмы хозяйствования. В каком-то смысле кризис «вернул» на социальную арену архаичные элементы: в ходе полевых работ нами наблюдались факты возрождения заброшенных частных усадеб и старых производственно-промысловых точек [32]. Сельская Якутия, таким образом, может рассматриваться не как досадно отсталая провинция, а специфическая культурно-территориальная модель, имеющая право на место в современной социально-экономической системе.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-14003.

Примечания:

1. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. Т. 1. М: Арт-Флекс, 2003. 444 с.; Т. 2. М: Арт-Флекс, 2003. 518 с.
2. Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). Т. 1. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 350 с.; Т. 2. Якутск: Кн. изд-во, 1990. 413 с.
3. Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 — июнь 1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1972. 258 с.
4. Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии: XVII – начало XX в. (избранные труды). Новосибирск: Наука, 2010. 637 с.
5. Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX вв. Якутск: Сфера, 2012. 373 с.
6. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 199 с.
7. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 119 с.
8. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск: Наука, 1985. 320 с.
9. Народ саха от века к веку: очерки истории. Отв. ред. В.Н. Иванов. Новосибирск: Наука, 2003. 326 с.
10. Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск:

Бичик, 2007. 136 с.

11. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). Новосибирск: Гео, 2013. 676 с.
12. 30 лет Якутской АССР. 1922–1952. Якутск: Якгиз, 1952. 142 с.
13. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). Якутск: Кн. изд-во, 1988. 232 с.
14. Трудный путь к Победе: сборник документов (1940–1950) / Сост. Н.С. Степанова. Якутск: Бичик, 2012. 512 с.
15. Народное хозяйство Якутской АССР за 60 лет: Юбилейный стат. сб. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 82 с.
16. Полевые материалы Винокуровой Л.И. (ПМА). Записи в Амгинском и Кангаласском улусах Республики Саха (Якутия) в 2006, 2011 гг.
17. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.
18. Российский государственный архив экономики. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3521. Л. 11.
19. Горюшкин Л.М. Якутская комплексная экспедиция // Вестник Российской Академии наук. 1996. № 5. С. 458–462.
20. Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 8–9.
21. История института // ЯНИИСХ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroniisakha.ru/?cat=26> (дата обращения: 28.08.2014).
22. Рожин В.С. Селекционная наука и зерновое хозяйство республики // Наука и техника в Якутии. 2003. № 1. С. 27–30.
23. Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 141. Л. 24.
24. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф.55. Оп. 27. Д. 419. Л. 18–19.
25. ПМА. Записи в Верхоянском, Усть-Алданском и Чурапчинском улусах Республики Саха(Якутия) в 2010–2013 гг.
26. Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям плотности // Региональные исследования. 2013. №2. С. 37–42.
27. Гнатюк Г.А. География населения Якутии: учеб. пособие. Якутск: Якутский ун-т, 1996. 63 с.
28. Федорова Е.Н. Население Якутии. Прошлое и настоящее. Новосибирск: Наука, 1999. 207 с.
29. Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981 – 1985 гг.): стат. сб. Якутск: Кн. изд-во, 1986. 136 с.
30. НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 215. Д. 26. Л. 80, 96; Оп. 282. Д. 17. Л.6–23; Ф. 50. Оп. 59. Д. 143, Л. 11–20; Ф. 55. Оп. 30. Д. 107. Л. 24–42.
31. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 46. Д. 88. Л. 2, 53.
32. ПМА. Записи в Таттинском, Мегино-Кангаласском и Усть-Алданском улусах Республики Саха (Якутия) в 1998–1999, 2001–2002, 2010 гг.

References:

1. Basharin, G. P. The history of agrarian relations in Yakutia. P. 1. Moscow: Art-Flex, 2003. 444 p. ; P. 2. Moscow: Art-Flex Publ., 2003. 518 p. (in Russian).
2. Basharin, G. P. The history of agriculture in Yakutia (XVII century – 1917). P. 1.. Yakutsk: Yakutian Publ. House, 1989. 350 p.; P. 2.. Yakutsk: Yakutian Publ. House, 1990. 413 p. (in Russian).
3. Gogolev, Z. V. Socio-economic development of Yakutia (1917 – June 1941). Novosibirsk: Nauka Publ., 1972. 258 p. (in Russian).
4. Safronov, F. G. History of Northeast Asia: XVII – beginning of XX c. (Selected Works). Novosibirsk: Nauka Publ., 2010. 637 p. (in Russian).
5. Basharin, G. P. Socio-economic relations in Yakutia in the second half of XIX – early XX c. Yakutsk: Sphere Publ., 2012. 373 p. (in Russian).
6. Koglekov, S. I. Agriculture of Yakutia (1946–1970). Yakutsk: YSC SB RAS Publ, 1992. 199 p. (in Russian).
7. Koglekov, S. I. Agriculture of Yakutia (1971–1985). Yakutsk: YSC SB RAS Publ., 1993. 119 p. (in Russian).
8. Argunov, I. A. Social development of the Yakut people. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. 320 p. (in Russian).
9. Sakha People from century to century: Essays of the History. Ed. by V.N. Ivanov. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003. 326 p. (in Russian).
10. Sannikova, Y. M. Collectivization of agriculture in Yakutia (1929– 1940). Yakutsk: Bichik Publ., 2007. 136 p. (in Russian).
11. Fedorov, V. I. Yakutia in the era of Wars and Revolutions (1900–1919). Novosibirsk: Geo Publ., 2013. 676 p. (in Russian).
12. 30 years of the Yakut ASSR. 1922–1952. Yakutsk: Yagiz Publ., 1952. 142 p. (in Russian).
13. Argunov, I. A. Social services of lifestyle in the Yakut ASSR (The history of formation and the modern problems). Yakutsk: Yakutian Publ. House, 1988. 232 p. (in Russian).
14. Difficult Road to the Victory: a collection of documents (1940–1950) / Comp. N.S. Stepanova.

Yakutsk: Bichik Publ., 2012. 512 p. (in Russian).

15. The national economy of the Yakut ASSR in 60 years: Anniversary Stat. Col. Yakutsk: Yakutian Publ. House, 1982. 82 p. (in Russian).

16. Vinokurova, L. I. Field materials of the author (FMA). Entries in the Amginsky and Kangelassky regions of the Republic of Sakha (Yakutia). 2006 and 2011.

17. Ermolaeva, Y. N. Yakut Complex Expedition of 1925–1930. The development of science in Yakutia. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 162 p. (in Russian).

18. Russian State Archive of the Economy. F. 9570. Op. 2. D. 3521. L. 11.

19. Goryushkin, L. M. Yakut complex expedition // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1996. № 5, pp. 458–462. (in Russian).

20. Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 174. Op. 26. D. 77. L. 8–9.

21. History of the Institute // Yakutian Research Institute of Agriculture [electronic resource]. – Mode of access: <http://agroniisakha.ru/?cat=26> (date accessed: 28/08/2014) (in Russian).

22. Rozhin, V. S. Breeding science and grain farming of Republic // Science and Engineering in Yakutia. 2003. № 1, pp. 27–30.

23. Archive of the Yakut Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. F. 5. Op. 14. D. 141. L. 24.

24. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Y)). F.55. Op. 27. D. 419. L. 18–19.

25. FMA. Entries in the Verkhoyansky, Ust-Aldansky and Churapchinsky regions of the Republic of Sakha (Yakutia). 2010–2013.

26. Ponomarev, G. A., Bubyakin, V. I. Typology of rural settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) in terms of population size // Regional studies. 2013. №2, pp. 37–42. (in Russian).

27. Gnatiuk, G. A. Geography of the population of Yakutia: Proc. allowance. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 1996. 63 p. (in Russian).

28. Fedorova, E. N. The population of Yakutia. Past and Present. Novosibirsk: Nauka Publ., 1999. 207 p. (in Russian).

29. The national economy of Yakutia in the Eleventh Five-Year (1981 – 1985 gg.): Stat. Col. Yakutsk: Yakutian Publ. House, 1986. 136 p. (in Russian).

30. NA RS(Y). F. 3. Op. 215. D. 26. L. 80, 96; Op. 282. D. 17. L. 6–23; F. 50. Op. 59. AD 143, L. 11–20; F. 55. Op. 30. D. 107. L. 24–42.

31. State Archive of the Russian Federation. F. 259. Op. 46. D. 88. L. 2, 53.

32. FMA. Entries in the Tattinsky, Megino-Kangelassky and Ust-Aldansky regions of the Republic of Sakha (Yakutia). 1998–1999, 2001–2002, 2010.

УДК: 94(1-22)(571.56)18/198”

**Сельская Якутия в конце XIX–XX вв.:
традиционное хозяйство в зеркале времени**

¹ Лилия Иннокентьевна Винокурова

² Виктория Викторовна Филиппова

³ Александр Альбертович Сулейманов

⁴ Степан Алексеевич Григорьев

^{1–4} Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Российская Федерация, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1

¹ Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: lilivin@mail.ru

² Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: filipovav@mail.ru

³ Кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: alexas1306@gmail.com

⁴ Кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: DeTample@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история развития традиционного хозяйства коренного населения Якутии в период с конца XIX в. по 80-е гг. XX в. Изложенная авторским коллективом ретроспектива позволяет проследить социально-экономическое развитие якутского села за длительный исторический период. В данном контексте представлена как история развития основной традиционной отрасли хозяйствования сельской Якутии – животноводства, так и относительно новой – земледелия, а также обозначены основные факторы, налагающие особый отпечаток на их развитие. Установлено, что ввиду удаленности от основных экономических центров, слабого развития транспортной системы, а также неблагоприятного климата в Якутии сформировался особый тип хозяйства коренного населения.

Рассмотрены последствия политических, социально-экономических и культурных преобразований советской власти для традиционных занятий аборигенных народов. Отмечено негативное воздействие политики коллективизации на сельское хозяйство, усугубленное природными бедствиями и лишениями в годы Великой Отечественной войны. При изучении факторов развития сельского хозяйства авторами положительно оценен опыт научного сопровождения традиционных отраслей, внедрения в них достижений научно-технического прогресса. Анализ изученных источников и существующей литературы убеждает в том, что, несмотря на череду административно-организационных преобразований многовековое традиционное хозяйство сельской Якутии оказалось жизнеспособным и достаточно успешно адаптирующимся к общественно-политическим вызовам XX столетия.

Ключевые слова: Якутия, традиционное хозяйство, коренное население, сельское хозяйство, устойчивость.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 586-594, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(574):930.2

Russian Consuls in Xinjiang: Legislative Initiatives at the Turn of XIX–XX Centuries

Gulnar K. Mukanova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Almaty, Al-Farabi Avenue, 71
PhD (History), Associate Professor
E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to an interesting chapter in the history of international relations in Central Asia, namely, the role of the consular service in tracing ethno-demographic processes in the area of Russian-Chinese border. Observation Russian consuls and analysis of the situation at the turn of the 19th and 20th centuries are reflected in the sources that allowed the author to explore the details of the development of the law in 1903 to regulate the uncontrolled immigration. The author studied the array of documents from the archival funds and memoir literature, periodical press materials specified period. Activities of Russian consuls for many years has not been studied as a subject of study, since the coming to power of the Bolsheviks in 1917 and the abdication of Nicholas Romanov 2 put them out of politics. The fate of Russian consuls abroad after 1917 constitutes a separate dramatic page of history. China has actively cooperated with the consuls in Xinjiang, which is understandable position of the state on the eve of the First World War. This is an example of the interested cooperation of Russia and China in solving the problem of spontaneous cross-border migration in Central Asia.

Keywords: Russia, China, Ch'ing, Central Asia, Kazakhstan, Xinjiang, migration, Kazakhs, Consuls, Act of 1903 year, border.

Введение

Перманентная иммиграция номадов в пределы Синьцзяна (провинции Северо-Западного Китая) в начале XX в., в канун I мировой войны, была обусловлена социально-экономическими причинами, в частности земельной проблемой в Семиречье. Актуальность темы урегулирования стихийной международной миграции очевидна на фоне современных сюжетов в СМИ, освещающих аналогичные примеры иммиграции в Евросоюз, из стран Африки, Ближнего Востока (Сирии). Безусловно, транзит через территорию Республики Казахстан в лице трудовых мигрантов из Юго-Восточной и Центральной Азии (далее – ЦА) в Европу также требует актуализации правового поля ситуации. Какую роль в решении вопроса могут и должны играть консулы? Какие ограничительные меры выносятся на согласование с государствами исхода мигрантов? Исторический опыт деятельности российских консулов, их забота о престиже государства и международном резонансе пограничных коллизий полезен, как практика международного права.

Материалы и методы

Поскольку тема в советское время вовсе была под знаком «табу», по причине ухудшения и разрыва отношений с Китаем, то специальных исследований не проводилось. Другой причиной закрытия темы для историков и обществоведов были идеологические, возникшие при написании академических обобщающего характера трудов по истории Казахстана («Дело Бекмаханова»). Соответственно, источниковая база исследования представлена архивными документами и материалами, отложившимися в фондах Архива внешней политики МИД Российской империи (АВПРИ, г. Москва), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), а также мемуарными изданиями. В основном это – письменные источники из числа

дипломатической документации, как-то: переписка цинского двора с российским МИД, записки консулов США, Великобритании, России, записки путешественников, донесения пограничных служб и т.п.

Методы научного анализа и синтеза, использованные в процессе исследования, лежат в традиционной области диалектики и логики, применены методы аналогов и сравнительно-сопоставительный (или компаративистский), верификации источников, принципы историзма и объективизма.

Обсуждение

Тему перебежчиков в районе русско-китайской границы в Центральной Азии зарубежные авторы исследовали в годы «холодной войны» с политического аспекта. Так, в вышедшей в Нью-Йорке книге Дж. Дрейера (Dreyer Y.T.) миграция казахов из российского Семиречья в Северо-Западный Китай в конце XIX – начале XX в. в больших масштабах, оценивалась именно как этнический фактор международных отношений. [1] Основными причинами, обусловившими исход номадов, в русскоязычной дореволюционной историографии, назывались как факты проживания соплеменников по обе стороны русско-китайской границы, вызывавшие стремление к воссоединению родов, так и необходимость сезонной смены пастбищ. [2]

Результаты

Думается, практика урегулирования стихийных неплановых миграций, отраженная в исторических источниках, косвенно свидетельствует об уровне сложившихся на момент миграции международных отношений, статусе субъектов международного права в конкретный хронологический отрезок. Миграция казахов в Синьцзян в указанном контексте в тот исторический период явилась неким катализатором процесса развития дипломатических миссий. Нами анализируется малоизученный аспект международных отношений в ЦА, а именно: характер взаимодействия с мигрантами консульских служб государств, имевших легитимные представительства в Китае.

Характер миграционных намерений номадов-казахов известен по донесениям консулов. Причинами откочевок являлись все больше не столько родственные связи с соплеменниками в Синьцзяне, сколько особенности социально-экономической ситуации в Туркестанском крае. Так, консул в Кульдже Н.Богоявленский сообщал в 1900 г. в МИД России о поступивших к нему обращениях администрации Синьцзяна. В частности, илийско-тарбагатайский даотай (должность цинско-китайского чиновника, равновесная губернатору) о передаче перебежчиков: казахов, уйгуров и дунган, в китайское подданство. В этой связи Н.Богоявленский замечал: «В Джаркентском и Верненском уездах (местах исхода мигрантов. – Г.М.) народонаселение большое, земли же мало, средств к пропитанию нет, а Илийский край – обширен, людей мало, для хлебопашества это удобно» [3].

Относительная аграрная перенаселенность российского Семиречья в исследуемый период фактически явилась одним из объективных факторов миграции номадов в менее заселенные области Синьцзяна: в район Чугучака и Илийский край. При том, что в целом картина миграций номадов в районе границы создает впечатление абсолютной их хаотичности, российские власти прилагали определенные усилия для выработки механизма по их упорядочению и даже прогнозированию. История этого процесса, протяженностью в несколько десятилетий, показательна в сопоставлении с позицией цинских властей. Последние предлагали, в частности: «с имеющими билеты людьми (о существовании специальных разрешений на переход в Синьцзян, сроком на 6 месяцев, упоминается в источниках примерно с 1901 по 1906 гг. – Г.М.) поступать по существующим законам, русских же подданных безбилетных, прибывших тайно в Китай более 10 лет, или 3–5 лет тому назад, обстоятельно расследовав, записать в списки и считать их китайскими подданными». [4]

Приведенную выше позицию цинских властей консул Н.Богоявленский воспринимал негативно, что видно из его комментариев: «Во-первых, в лице наших перебежчиков они получают несколько тысяч работников и плательщиков податей, а, во-вторых, по китайским понятиям, они одерживают дипломатическую победу, т.к. увеличение населения за счет другой державы, при нынешних тяжелых для Китая обстоятельствах, кажется китайцам уже некоторым успехом. Илийский край настолько пуст, и китайцы так хотят заселить его, что очень рады всякому новому жителю». [5]

Статистика (официальная) стихийной миграции через русско-китайскую границу на начало XX века подтверждает опасения пограничных властей. По данным семиреченской администрации, на 1 сентября 1901 г. ушли в Синьцзян 5491 человек, в том числе – 198 дунган, 3495 уйгуров и 1798 казахов. Помимо этого, покинули область еще 382 уйгура и 480 казахов, состав семей которых не был установлен. При традиционном исчислении состава семей номадов в 5 человек, число мигрантов превысило на указанную дату 4 тысячи чел. Официальные данные по эмиграции, как правило, были занижены, во избежание служебных взысканий; ведь неустойчивость хозяйств вело к значительным потерям податных поступлений в казну [6].

Данные российских военных ведомств конца 90-х гг. XIX – начала XX вв. также свидетельствуют о перманентном характере откочевок казахов в Синьцзян. Согласно им, 21 сентября

1902 г. Военное Министерство вынесло резолюцию: «Исключить из русского подданства бежавших в Китай: киргиз – 739 кибиток, таранчей – 2050, и дунган – 122 семьи. Исключить из оклада также 480 кибиток, состоящих в настоящее время на окладе кибиточной подати и земского сбора». [7]

К тому времени, общее число казахов, откочевавших в Китай с конца XIX века, превысило 6 тысяч человек: по большей части, то были «отходники» (термин встречается в документах), переходившие под воздействием новых социально-экономических условий от традиционного хозяйства к наемному труду. «Отходники» задерживались в Илийском крае на неопределенное время, причиняя этим много хлопот пограничным службам обоих государств. «...Много их, - пишет Н. Богоявленский, - приходит в города Западного Китая на заработки. Это – киргизы не кочующие, большей частью из джатаков, это все страшная беднота. [8] («Джатаки» - от казахского «жату» - лежать, т.е. не кочующие. – Г.М.).

Поскольку консульства в Синьцзяне не имели возможности воспрепятствовать массовому наплыву номадов, казна страдала от неуплаты ими своевременно податей, то к решению узловой проблемы подключены были опытные дипломаты. Так, в мае 1900 г. МИД России рассмотрел предложение членов Миссии в Пекине выдавать перебежчикам особые «виды на жительство».

Суть предложения заключалась в следующем: «Водворить обратно в Россию ту массу киргиз (казахов. – Г.М.), которые укрываются в китайских пределах, представляется едва ли возможным, передача же всех этих беглецов в китайское подданство вызвала бы для нас потерю нескольких тысяч податных единиц, а потому предлагается узаконить их пребывание на китайской территории, путем постепенной и бесплатной выдачи им, нашим консульством, особых свидетельств на жительство». [9]

Обозначенные меры предполагали, что перебежчики будут значиться в списках русского населения, а причитающиеся с них подати и повинности будут взыскиваться в пользу казны консульством. Таким образом, российские консульства в Синьцзяне были уполномочены выполнять дополнительные функции в отношении мигрантов.

Перемещения кочевников через российско-китайскую границу в ЦА нередко сопровождалось нарушениями приграничного режима, выражавшимися в барымте – угоне лошадей. Барымта традиционно осуществлялась казахами различных родов друг у друга, или у китайско-подданных калмыков. Так, в «Обзоре состояния дел в Кульджинском районе к началу XX в.» и.д. дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе В.Наливкин отмечал: «По ту и другую сторону государственной границы проживают кочевники, между которыми барымта всегда была обычным явлением, родом самосуда, посредством которого потерпевшие вознаграждали себя за убытки и обиды» [10].

Проблема улаживания межродовых споров на почве барымты все чаще выходила за рамки частных разбирательств, обнаружив постепенно тенденцию к перерастанию в межгосударственную. [11] Как и в 1880–1890-е гг., споры такого рода разрешались на так называемых международных приграничных съездах. Это отдельная тема исследования; китайская сторона с пониманием относилась к практике пограничных судов; цинские чиновники присутствовали при разбирательствах.

Надо отметить, что в тот исторический период цинские власти проявляли особую щепетильность в вопросе подданства казахов и других перебежчиков из России. Случаи обратной миграции номадов – из Синьцзяна в Россию, - вызывали недовольство у администрации провинции, требовавшей их немедленного возвращения. Так, к примеру, нота Китайского посланника в Петербурге от 5 октября 1906 г. ставила МИД России в известность о факте откочевки более 1 тысячи семей номадов из района Чугучака в Зайсанский и Лепсинский уезды Семиреченской области. [12]

Эта позиция диктовалась соперничеством Цинов в регионе ЦА и имела идеологическую подоплеку: традиция Поднебесной рассматривать смежные этносы как подданных, но не равноправных партнеров. Тем не менее, встречная волна миграции – из России в Синьцзян, - по-прежнему оставалась более мощной. Для сравнения: из упомянутого выше, Зайсанского уезда, с 1893 по 1899 гг. откочевали в Китай 465 юрт казахов, и с 1895 по 1904 гг. – более 3 тысяч юрт. [13]

По данным консула в Чугучаке, число российских казахов, кочевавших в Чугучаке в начале XX в., доходило до 2 тысяч юрт (или 10 тысяч чел.). Не меньшее их количество проживало на Алтае и в районе Кобдо. [14] такая же ситуация складывалась и в Илийском крае: к концу первого десятилетия XX в., согласно сообщениям консула С. Федорова, «перекочевки киргизов в китайские пределы приняли массовый характер и грозят еще усилиться. Бегут целые старшинства с начальством во главе. По заявлению китайских властей, лишь во второй половине августа 1908 г. перешли границу сразу 160 кибиток, а следом еще около 300, с семьями и скотом». [15]

Перебежчики располагались на землях китайских казахов рода кызай, а совместные с цинскими властями попытки российского консульства убедить их возвратиться, оказывались безрезультатными, даже при угрозе применения силы. «Киргизов, - отмечал консул С. Федоров, - гонит сюда теснота и недостаток пастбищ. Возвращение в русские пределы, заявляют, равносильно голодной смерти, и лучше умереть умер здесь, а не пойдем добровольно. Удержать их при таких условиях в русских пределах трудно» [16].

В результате перекочевки казахов через российско-китайскую границу на рубеже XIX–XX вв., расселение их на территории Синьцзяна представлялось следующим: Илийский край населяли два

казахских племени: албан и суан. Албаны в количестве 400 юрт (или 2 тысячи чел.) составляли одну волость и кочевали летом в горах Коктау и верховьях р. Коксу, зимой – по правому берегу р. Текес от Кок-Терек до Коксу), кызаи – в количестве 6 тысяч юрт, или 30 тысяч чел., населяли долину р. Боротала и южный склон хребта Борохоро, расширив свои кочевья и на долины рек Кунгес и Каш, а также окружавшие их горы. После откочевки части албанов в Россию, кызаям удалось занять и их кочевья на р. Текес, распространившись таким образом по всему Илийскому краю. Не случайно, современники отмечали некоторую враждебность, с которой кызаи встречали албанов, впоследствии вернувшихся на свои старые кочевья [17].

Район Тарбагатай был населен казахами, обретшими китайское подданство со времени разграничения 1881-1883 гг. Любопытный факт: «Киргизская Степная газета» («Дала Уалаяти», 1900 № 10) сообщала о факте передачи в 1885 г. в китайское подданство 57-ми юртовладельцев рода тертоул, [18], а также оставшихся там при передаче Барлыка в 1893 г. К ним примкнули номады, эмигрировавшие в Синьцзян из России в последнее десятилетие XIX в.

Казахи этого района были представлены племенами: байджигит, тертоул, уак и керей. Общая их численность колебалась в пределах 5600 юрт (или 28 тысяч чел.). Байджигиты занимали Барлык и нижнее течение р. Эмиль, южный склон хребта Тарбагатай, тертоулы – хребет Тарбагатай и долину р. Эмиль вокруг городов Чугучак и Дорбульдзин, керей – Восточный Барлык и горы Майлы и Джаир. В результате массового переселения казахов из Зайсанского приставства в пределы Китая, почти все 12 родов племени керей к началу XX в. оказались на территории Алтая. С течением времени, их кочевки распространились далеко за пределы собственно Алтая, в Кобдо, а затем предгорья Тянь-Шаня, близ городов Урумчи, Гучен и Баркуль. Численность казахов рода керей на Алтае на 1907 г. составила 12 тысяч юрт (или примерно 60 тысяч чел.) [19].

Отношение российского правительства к массовой эмиграции номадов из Семиречья в Синьцзян претерпевало заметные изменения. Как пишет консул Н.Богоявленский, с середины 90-х гг. XIX в. «со стороны нашей пограничной администрации начинают приниматься меры к возвращению киргизов из китайских пределов и прикреплению их к отведенным им местам, в русских пределах». [20] Но уже в начале XX в. наметилась тенденция к исключению из российского подданства самовольно откочевавших в Китай номадов.

Об этом можно судить в связи с принятием Российским правительством в 1903 г. соответствующего законопроекта. История принятия Закона такова: Степной генерал-губернатор К.Таубе направил 10 мая 1894 г. рапорт Министру внутренних дел И.Дурново. В рапорте излагалось сложившееся положение дел на границе с Китаем, в связи с самовольными уходами в Синьцзян казахов, уйгуров и дунган. Таубе считал, что не следует препятствовать этим переходам, поскольку гораздо выгоднее «иметь на соседней китайской территории преданных нам туземцев, чем недовольных наделами и бедствующих на русской территории» [21].

Проект Таубе был вынесен на обсуждение Военного Министерства и Министерства иностранных дел. Некоторые положения вызвали возражения: в частности, консул в Кашгаре Н.Петровский высказал опасения, что предполагаемая свобода откочевки вызовет массовый исход российских казахов в Синьцзян, а это чревато возможными обратными миграциями номадов, в случае, если последние не смогут там обустроиться [22].

Таубе отверг подобные опасения, как не имеющие основания. По его мнению, проект «не предполагалось опубликовать во всеобщую известность, а перекочевавшие в китайские пределы инородцы должны считаться лицами, самовольно оставившими Отечество, и в случае возвращения должны подлежать наказаниям, установленным нашими уголовными законами» [23].

Российские консульства в Синьцзяне продолжали в этот период вести работу по водворению перебежчиков: только в 1899 г. за шесть месяцев было возвращено в Россию более 3 тысяч человек, в основном – из Илийского края. То были казахи, покинувшие Семиреченскую область весной 1898 г., после джута, имевшего место в зимний период, когда произошел массовый падеж скота, вздорожание хлеба и обнищание местного населения. Тем не менее, консулы в Кульдже и Чугучаке и Военный губернатор Семиреченской области высказывались на предмет целесообразности передачи всех беглецов, довольно прочно обосновавшихся в Синьцзяне, в китайское подданство [24].

Примечательно, что реакция цинских властей на сам факт массовой реэмиграции перебежчиков оказалась негативной. «Когда китайцы увидели этот массовый уход наших подданных, - писал консул, - и поняли, что при дальнейшем выдворении край может лишиться массы рабочих рук и плательщиков податей, то они были крайне недовольны, и сначала, под разными предлогами, попробовали было уклоняться от выдачи беглых, а потом, когда это им не удалось, решили поднять вопрос о передаче наших перебежчиков в Илийском крае в китайское подданство, о чем и прислали сообщение» [25].

Таким образом, в некотором роде желания российской стороны не препятствовать переходам жителей Семиречья в Синьцзян совпали с намерениями цинских властей удержать перебежчиков у себя, с последующим принятием их в подданство Поднебесной. – Туркестанский генерал-губернатор Н.Иванов придерживался собственного мнения в этом вопросе: он считал, что цинские власти заинтересованы скорее в иммиграции в Синьцзян лиц, занимающихся торговыми операциями, а

потому номадам, желающим общаться со своими родственниками в Илийском крае, доступ туда будет все-таки затруднен [26].

В действительности же, происходило иначе: совпадение интересов российской и китайской сторон в данном вопросе выразилось в передаче двух казахских аулов Семиреченской области в 1900 г. в подданство Китая [27].

Со следующего года российские власти начали осуществлять аналогичную практику в отношении не только казахов, но и уйгуров и дунган, исключая последних из числа русских подданных и слагая с общин числившиеся за ними платежи [28]. К концу сентября 1902 г. в целом проект Таубе был одобрен Комитетом Министров, причем МИД России вынес заключение, что «исключение беглецов из русского подданства... представляется вполне соответственным, тем более, что к приведению меры этой в исполнение едва ли могли бы встречаться препятствия международного характера. Ибо, по заявлению консула в Кульдже, илийские власти сами домогаются передачи указанных инородцев в китайское подданство» [29].

Получившее таким образом силу Закона, Положение Комитета Министров от 17/21/ января 1903 г. (данный документ именуется в источниках Законом. – Г.М.) содержало следующие параграфы, касавшиеся судеб номадов:

«...2. Киргизы, самовольно укочевавшие в Китай, исключаются из русского подданства и с оклада податных и мирских сборов в первый же переучет кибиток; (Переучет производился, согласно ст. 138-й Степного положения, через каждые 3 года. – Г.М.)

3. Впредь до окончания трехлетия и исключения из подданства и с оклада киргиз, ушедших в Китай, уплата податей и других сборов остается на ответственности подлежащих аульных и волостных обществ...

5. Инородцы, ушедшие в Китай по установленным видам, если не возвратятся к местам причисления в течение одного года после истечения паспортного срока, считаются ушедшими в Китай навсегда и исключаются из русского подданства и посемейных списков, на основании вышеизложенных правил». [30]

Российские власти так характеризовали причины откочевки номадов в Китай (Из Материалов заседаний Комитета Министров 1903 г.): «При проведении в 1883 г. границы не было обращено внимание на сохранение или уничтожение родовых связей киргиз, населяющих приграничные местности, вследствие чего – после разграничения, - киргизы одних и тех же родов остались в разных местах границы, продолжая тяготеть друг к другу. Помимо этого, на перекочевки имели влияние: партийная вражда, отсутствие удобных для кочевания угодий, в то время как смежные с нашею границею китайские владения представляют богатые пастбища, хорошо орошенные, - и отчасти желание избежать наказания за совершенные в пределах России преступления». [31]

В данном случае, названы значимые факторы миграции номадов, такие, как: этногеографический и этнокультурный. Вместе с тем, обращает на себя внимание закономерность: следование откочевщиков, ставшим уже привычным, маршрутом в Синьцзян. Безусловно, данный, подлежащий к этнопсихологическим предпочтениям, географический фактор оказывал влияние на поведение номадов, вызывая миграцию, наряду с социально-экономическими причинами.

Фактически, благодаря законотворческой инициативе консулов, поддержанной Центром, Закон от 17 января 1903 г. санкционировал казахскую эмиграцию в Китай, осуществлявшуюся прежде в самовольном порядке. Последствия принятия законопроекта не замедлили сказаться почти сразу же. Одним из них стала беспрецедентная по масштабам откочевка казахов в Синьцзян. «Перекочевки приняли массовый характер, - сообщил осенью следующего года консул в Кульдже, - и грозят еще усилиться». [32]

Косвенным подтверждением тенденции служат обращения китайского посланника в Петербурге – в МИД России в феврале-апреле 1904 г. по поводу иммиграции казахов-албанов в Синьцзян [33], а также уведомления Военного губернатора Семиреченской области о необходимости исключения из русского подданства ушедших в Китай 1728 казахов, 4053 уйгуров и 203 дунган [34].

Покидая почти беспрепятственно пределы России, кочевники зачастую не ведали того, что в случае попытки вернуться, им будет отказано в приеме: Закон от 17 января имел и обратную силу. Так произошло, к примеру, в 1906 г., когда часть казахов, переданных в китайское подданство в ходе разграничительных мероприятий 1884 и 1893 гг., попросили убежища в России. Количество реэмигрантов, прикочевавших из Синьцзяна в Семипалатинскую и Семиреченскую области, достигало 1500 кибиток, или 6 тысяч чел. [35] Перебежчики были выдворены царскими властями, поскольку со стороны Вайцзябу (МИД Китая) следовали настоятельные уведомления об их возвращении. Стороны даже подписали специальный протокол в этой связи (Чугучак, 1906 г.) [36].

Эмиграция номадов на рубеже XIX–XX вв., вызванная социально-экономическими причинами, не была чем-то непредсказуемым. Ее возможность прогнозировалась, наблюдателями за положением дел в Степи, десятилетием ранее. В 1897 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Переселение русских крестьян в киргизскую степь Акмолинской области уже в настоящее время вызывает ропот киргиз, из которых богатые волей-неволей должны будут бросить свои привычные кочевки и с огромными стадами и табунами переселиться к своим соотечественникам, живущим в пограничных китайских владениях: кызаевцам, байджигитам и семиз-найманам». [37]

В обстановке назревшего аграрного кризиса, царское правительство видело в Семиречье и Туркестане вполне приемлемый объект для крестьянской колонизации. Закон от 6 июня 1904 г., или «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-переселенцев», открывал простор для эскалации миграционных процессов из Центра на окраины. [38] Решительный поворот в пользу введения свободы переселений крестьянства произошел в 1906 г., с изданием соответствующего Положения «О порядке применения Закона 1904 г. о переселении», разрешавшего свободное перемещение на окраины крестьян, из любых местностей европейской части России.

Разумеется, в ходе заселения Туркестанского края земледельцами правительство России преследовало и далеко идущие цели: обезопасение границы с Китаем. Именно эту, - политическую, - грань переселенческого вопроса подчеркивала газета «Колокол» в 1911 г., публикуя информацию: «Переселенческая организация стремится к скорейшему заселению надежным русским элементом Чуйской и Илийской долин, видя в этом могучее и верное средство для защиты страны со стороны соседнего Китая». [39]

Что любопытно, современники, крупные российские ученые, считали долгом прокомментировать начавшийся на рубеже веков процесс. Так, историк В.О. Ключевский в публичных выступлениях дал оценку переселенческого процесса: «... История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права». /Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. Здесь и далее цитаты из лекции № 1/. [40]

«После отмены крепостного права начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал, в Сибирь, до берегов Тихого океана», писал Ключевский. Ученый определял последствия процесса: «Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских, и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения». Ключевский обращал внимание на аналогичный процесс в Сибири: «Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Официально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2-х тысяч человек, а в начале последнего десятилетия прошлого века достигшее до 50-ти тысяч, с 1896 г., благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200 тысяч чел. За два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) в Сибирь прошло около 2-х млн. переселенцев. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полуторамилионном приросте ее населения, пока еще кажется малозначительным». [41]

Предупреждение сквозит в последней фразе: в данном контексте, Ключевский выступает в роли социолога-демографа, прогнозируя ситуацию на Евразийском пространстве. «Переселенческое движение пока еще не дает себя чувствовать ощутимыми толчками, но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел немаловажными последствиями», заключал ученый. Но если Ключевский-историк обозначил проблему и увидел ее истоки, то Д.И. Менделеев-химик предвидел будущие демографические подвижки в Сибири, Средней и Центральной Азии, как следствие переселенческого движения. Рассуждая по поводу государственных интересов России, Менделеев всерьез рассматривал проблему заселения Центральной Азии: и с точки зрения экономической отдачи, и морального оправдания процесса. В сущности, Менделеев-практик приложил к действительности идею историка-Ключевского. [42]

Данные источников показывают, что в ходе реализации Столыпинского аграрного проекта население Туркестанского края увеличилось на 35 процентов, при том, что 78 % иммигрантов концентрировались в Семиреченской области. [43] Соответственно, увеличился исход казахского населения в соседний Синьцзян. То есть, сложились объективно-субъективные причины явления, которое имело следствием внесение изменений в законодательство и документы, регулировавшие двусторонние отношения.

Заключение

В целом, в ходе упрочения русско-китайской границы в Центральной Азии, имели место стихийные миграционные процессы. К их урегулированию имели прямое отношение сотрудники дипломатических миссий, консулы. Российские консулы в Пекине, Кульдже, Чугучаке балансировали между европейскими нормами права и практикой реализации аграрного проекта П.А. Столыпина, начиная с 1907 г., наблюдается колоссальный рост числа переселенцев в Туркестанский край. Так, к 1915 г. его население увеличилось на 35 % при том, что 78 % новоприбывших крестьян осели в Семиреченской области. [44]

Только за 1908–1909 гг. «за Урал» двинулась огромная масса крестьян – около 1,3 млн. человек. [45] Всего же с начала переселенческого движения, с 1896 г. по 1916 г. включительно, в Сибирь переселилось более 2 млн. 740 тысяч крестьян, а в среднеазиатские владения России – более 1,214 млн [46]

В результате массовых перемещений крестьянства из центральных губерний российское Семиречье и в целом Туркестанский край стали испытывать в указанный период аграрную перенаселенность. По мнению П. Дербер, проблема была характерной для ряда азиатских государств на рубеже XIX–XX вв. [47] Это создавало, с одной стороны, колоссальное давление на почву в районах вселения, с другой – отток коренного населения в сопредельные области с меньшей плотностью населения, - к примеру, из Семиречья в Сынцзян.

Для регулирования стихийных откочевок номадов на границе Семиреченской области с Китаем, во исполнение положений Закона от 17 января 1903 г., российскими властями были созданы так называемые пограничные стражи, регулярно составлявшие донесения о происшествиях, в частности о миграциях казахов. [48]

Российские консулы, выполняя возложенные на них функции, делали все возможное для поддержания престижа государства и облегчения участи мигрантов. Их компетентность в решении узловых вопросов стихийной миграции в районе русско-китайской границы в Центральной Азии несомненна. По-человечески они сочувствовали перебежчикам, но вынуждены были исполнять инструкции. С точки зрения международного права, их поведение и гуманизм в отношении к статусу конкретных перебежчиков, безупречны. Географически труднодоступные районы откочевков, слабое знание местных диалектов и обычаев, большая протяженность границы и отдаленность Центра, стихийный характер миграции создали весьма непростые условия для работы. Политическая атмосфера начала века и предвестники мирового военного конфликта также осложнили деятельность дипмиссий на этом стратегически важном участке границы. В целом, проблема «разделенных наций», обусловленная историей взаимоотношений государств, остается одной из сложных для интерпретации в международном праве. На рубеже XXI века, что любопытно, интерес вызывает уже встречная иммиграция: из КНР в государства Центральной Азии.

Примечания:

1. Dreyer Y.T. The Kazakhs in China // *Ethnic Conflicts in International Relations*. N.Y., 1977.
2. Селицкий И.В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1904. Т. 20. Вып. 6.
3. Донесение консула Н. Богоявленского. // *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. ЛЛ. 13- 14.
4. Донесения консулов в Чугучаке. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 257.
5. Донесение консула Н. Богоявленского. // АВПРИ. Ф. Китайский стол, 1884–1900. Д. 1429. Л. 262.
6. Донесение Семиреченского генерал-губернатора. // Там же.
7. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 192.
8. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 193об.
9. Богоявленский Н.В. *Западный Застенный Китай*. СПб., 1906. С. 320.
10. «Обзор состояния дел в Кульджинском районе к началу XX в.», составлен и.д. дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе В.Наливкиным // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1434. Л. 117.
11. Из истории международных отношений в Центральной Азии. А., 1990.
12. Нота Китайского посланника в Петербурге от 5 октября 1906 г. в МИД России // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. Л. 140б.
13. Астафьев Г.В. Подъем освободительного движения народов Сынцзяна // *Всемирная история и Восток*. Сб.статей. М., 1989. СС. 171-178.
14. Докладная записка консула в Чугучаке // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 181.
15. Там же. Л. 182.
16. Богоявленский Н.В. Цит. соч. С. 332.
17. Астафьев Г.В. Подъем освободительного движения народов Сынцзяна // *Всемирная история и Восток*. Сб.статей. М., 1989. С. 174.
18. «Киргизская Степная газета» = «Дала Уалаяти». 1990. № 10.
19. Астафьев Г.В. *Казахи Китая*. Рукопись. Б.г. С. 224.
20. Богоявленский Н.В. Цит. соч. С. 329.
21. Рапорт Степного генерал-губернатора К.Таубе от 10 мая 1894 г. Министру внутренних дел И.Дурново. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 228.
22. Письмо консула в Кашгаре Н.Петровского // Там же. Л. 228 об.
23. Материалы обсуждения законопроекта // Там же. Л. 256.
24. Там же. ЛЛ. 241, 250, 259.
25. Богоявленский Н.В. Цит. соч. С. 328.
26. Докладная записка Туркестанского генерал-губернатора Н.Иванова // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. Л. 14.
27. АВПРИ. – Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 259.
28. АВПРИ. – Ф. Китайский стол, 1906 – 1909 гг. Д. 1443. ЛЛ. 9 - 10.
29. Заявление консула в Кульдже // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 260.

30. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867 – 1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 288.
31. Из Материалов заседаний Комитета Министров 1903 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. Л. 192- 193.
32. Из донесения консула в Кульдже // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 191-192.
33. Из обращения китайского посланника в Петербурге в МИД России в феврале-апреле 1904 г. // АВПРИ. – Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. Л. 142.
34. Уведомления Военного губернатора Семиреченской области // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 144.
35. Фесенко П.И. История Синьцзяна. М., 1935. СС. 241-242.
36. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. ЛЛ. 21, 34.
37. «Санкт-Петербургские ведомости», 1897. января 22. № 20.
38. Переселенческое дело в 1908 году. Сост. Д.Флексор. СПб., 1908. С.35.
39. См. АВПРИ. – Ф. Среднеазиатский стол Б., 1910 – 1917 гг. Д. 405.Л. 28.
40. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. М.: "Мысль", 1987. 432 с.
41. Там же. с. 334.
42. Статистический ежегодник России 1918 г. М., 1928. сс. 108-109.
43. Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации, 1909. № 2. С. 3.
44. Осинский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 88.
45. Там же.
46. Статистический ежегодник России, 1916 г. М., 1918. С. 108 – 109.
47. Дербер П. Японская эмиграция и США // Новый Восток. 1924. № 6. СС. 19 – 21.
48. РГВИА. Ф. 400. Д. 3948. ЛЛ. 124, 267.

References:

1. Dreyer Y.T. The Kazakhs in China // Ethnic Conflicts in International Relations. N.Y., 1977.
2. Selitsky I.V. Kulja settlers of Chinese border strip // "Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the University of Kazan." 1904. Vol. 20. Issue 6. (In Russian).
3. Report by Consul N.Bogoyavlenskij. // Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. LL. 13- 14. (In Russian).
4. Report Consuls in Chuguchak. // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 257. (In Russian).
5. Report by Consul Bogoyavlenskii. // AFPRE. F. Chinese table. 1884–1900. C. 1429. L. 262. (In Russian).
6. Report of the Governor-General Semirechensk. - Ibid. (In Russian).
7. AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 192. (In Russian).
8. AFPRE. Chinese table. In. 491. 1883 – 1917. C. 1434. L. 193 ob. (In Russian).
9. Bogoyavlenskij N.V. West China beyond the Wall. SPb., 1906. L. 320. (In Russian).
10. "Review of the state of affairs in the region Kulja the beginning of the twentieth century." Compiled ID diplomatic official at the Turkestan governor-general V.Nalivkin // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1434. L. 117. (In Russian).
11. From the history of international relations in Central Asia. Collection of articles. A., 1990. (In Russian).
12. Note the Chinese envoy in St. Petersburg on October 5, 1906 in the Russian Foreign Ministry // AFPRE. F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. L. 14 ob. (In Russian).
13. Astafjev G.V. The rise of the liberation movement of the peoples of Xinjiang // World History and the East. Collection of articles. M., 1989. LL. 171-178. (In Russian).
14. Memorandum consul in Chuguchak // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 181. (In Russian).
15. Ibid. L. 182. (In Russian).
16. Bogoyavlenskij N.V. Cit. op. L. 332. (In Russian).
17. Astafjev G.V. The rise of the liberation movement of the peoples of Xinjiang // World History and the East. Collection of articles. M., 1989. L. 174. (In Russian).
18. "Kirgiz Steppe newspaper" = "Dala Ualayati."1900. № 10. (In Russian).
19. Astafjev G.V. Kazakhs of China. Manuscript. Without year. L. 224. (In Russian).
20. Bogoyavlenskij N.V. Cit. op. L. 329 (In Russian).
21. The report of the Steppe governor-general K.Taube from May 10, 1894 to Minister of Internal Affairs I.Durnovo. // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 228. (In Russian).
22. Letter consul in Kashgar N.Petrovsky // Ibid. L. 228. (In Russian).
23. Articles discussing the draft law // Ibid. L. 256. (In Russian).
24. Ibid. LL. 241, 250, 259. (In Russian).
25. Bogoyavlenskij N.V. Cit. op. L. 328. (In Russian).
26. Memorandum of Turkestan Governor-General N.Ivanov // AFPRE. F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. L. 14. (In Russian).
27. AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 259. (In Russian).

28. AFPRE. F. Chinese table, 1906 – 1909 гг. С. 1443. Л. 9 - 10. (In Russian).
29. Statement consul in Kulja // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. С. 1429. Л. 260. (In Russian).
30. Galuzo P.G. Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867 - 1914 years. Alma-Ata, 1965. 288 p. (In Russian).
31. From materials of meetings of the Committee of Ministers in 1903. // AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. С. 1434. Л. 192-193. (In Russian).
32. From the report Consul in Kulja // AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. С.1434. Л. 191-192. (In Russian).
33. From the appeal of the Chinese Envoy in St. Petersburg in the Russian Foreign Ministry in February-April 1904. // AFPRE F. Chinese table. 1883 – 1917. С. 1434. Л. 142. (In Russian).
34. Notifications of Military Governor of the area Semirechensk // AFPRE. F. Kitajskij stol. 1883 – 1917. С. 1434. Л. 144. (In Russian).
35. Fesenko P.I. The history of Xinjiang. М., 1935. LL. 241-242. (In Russian).
36. AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. С. 1434. LL. 21, 34. (In Russian).
37. "St. Petersburg Gazette", 1897 January 22. # 20. (In Russian).
38. Resettlement deal in 1908. Compiled D.Fleksor. SPb., 1908. L.35. (In Russian).
39. AFPRE. F. The Central Asian table B., 1910 – 1917. D. 405. L. 28. (In Russian).
40. Klyuchevskii V.O. Compositions: The 9-t. T. 1. The course of Russian history. М., 1987. 432 p. (In Russian).
41. Ibid.p. 334. (In Russian).
42. Statistical Yearbook of Russia, 1918 y. М., 1928. LL. 108-109. (In Russian).
43. Vvedensky A.I. Relocation and agrarian question // Questions of colonization, 1909. # 2. L.3. (In Russian).
44. Osinsky V.V. International and intercontinental migration in pre-war Russia and the USSR. М., 1928. L. 88. (In Russian).
45. Ibid.
46. Statistical Yearbook of Russia, 1916 y. М., 1918. LL. 108 – 109. (In Russian).
47. Derber P. Japanese emigration and US // New East. 1924. # 6. LL. 19 – 21. (In Russian).
48. Russian State Military History Archive (RSMA). F. 400. С. 3948. LL. 124, 267. (In Russian).

УДК 94(574):930.2

**Российские консулы в Синьцзяне:
законодательные инициативы на рубеже XIX–XX вв.**

Гюльнар Кайроллиновна Муканова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена интересной главе в истории международных отношений в Центральной Азии, а именно, роль консульской службы в отслеживании этно-демографических процессов в области русско-китайской границы. Наблюдения российских консулов и анализ ситуации на рубеже 19-го и 20-го веков отражены в источниках, которые позволили автору исследовать детали развития международных отношений и принятия Закона 1903 года, регулировавшего неконтролируемую иммиграцию. Автор изучила массив документов из архивных фондов, мемуарную литературу, периодические издания указанного периода. Деятельность российских консулов в течение многих лет не изучалась в качестве предмета исследования, так как приход к власти большевиков в 1917 году и отречение Николая II Романова вывела их вне политики. Судьба российских консулов за рубежом после 1917 года представляет собой отдельную страницу драматической истории. Китайская сторона активно сотрудничала с консулами в Синьцзяне, что объяснимо позицией государства в преддверии Первой мировой войны. Это пример заинтересованного сотрудничества России и Китая при решении проблемы стихийной трансграничной миграции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Китай, Цины, Центральная Азия, Казахстан, Синьцзян, миграция, казахи, консулы, Закон 1903 г., граница.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 595-601, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th - Early 20th Centuries

Valery V. Tsys

Nizhnevartovsk State University, Russian Federation
3b, Mira Street, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628616
Dr. (History), Professor
E-mail: tsysv@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the issue of barter trade in the North Western Siberia by the local peoples who used different fishing and hunting products such as fish and animal fur by way of cash equivalent up to the end of 19th century. Particularly, squirrel fur was a most popular hunting product used as money equivalent in trade in the 19th century.

The author notes that due to the spread of the Russian population and development of railways in the second half of the 19th century the situation gradually changed. As a result, by the beginning of the 20th century natural barter was completely replaced by monetized trade with the use of bills and coins. The article describes a system of notes used by the local indigenous population to record the sums of money in trade, such as solar signs (hundreds), squares (tens), x-shaped crosses (units), vertical lines (hundredth parts of the main value).

The article also indicates that during the Civil War and the transition to the NEP (New Economic Policy) an abrupt rise in prices for fishing products occurred, with the following revival of barter, when squirrel fur and fish regained their roles as cost units and universal money equivalents.

Keywords: money circulation, exchange, peltry, trade, fishing and hunting.

Введение

Изучение немонетного денежного обращения и меновой торговли в период активного проникновения капитализма, дает возможность выяснить специфику эволюции денежно-финансовых отношений при переходе от традиционного к индустриальному обществу, позволяет оценивать функции денег в экономике и влияние денежного обращения на развитие хозяйственных связей, глубже понимать социально-экономические и политические процессы, происходившие на периферии страны в доиндустриальную эпоху.

Материалы и методы

Исследование предполагает вовлечение максимально полного круга источников, прежде всего свидетельств современников (путешественников, политических ссыльных, государственных служащих), а также архивных материалов, сведений, извлеченных из местной периодики, статистических и экономических обзоров, что позволяет выявить особенности использования в качестве денежных эквивалентов различных объектов традиционных промыслов, их соотношение между собой и изменение стоимости в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному.

Методологически автор опирается на модернизационный подход, позволяющий проследить процесс общественно-политической и экономической трансформации, активно разворачивавшейся с конца XIX в. на территории региона, генерирование новых социально-экономических отношений.

Достижение цели исследования обусловили необходимость использования как общенаучных, так и традиционных для любого исторического исследования методов. Применение синхронно-исторического метода позволило проанализировать особенности функционирования меновой торговли на Севере Западной Сибири в сравнении с аналогичными явлениями, наблюдавшимися в других регионах Сибири. Применялся метод конкретно-исторического анализа, предполагающий изучение этапов становления и развития торговых отношений в исследуемом регионе в соответствии с основными вехами развития истории общества в целом.

Обсуждение

Немонетное денежное обращение на территории азиатской части России с момента становления научного сибиреведения привлекало внимание преимущественно этнографов, статистиков, краеведов [см., напр.: 1, 2, 3, 4, 5].

Отдельные аспекты истории меновой торговли в урало-сибирском регионе в целом, преимущественно в дорусский период, раскрыты В.М. Косаревым [6]. Им сделано вполне справедливое наблюдение, что «критерии меновой стоимости во многом зависели от характера хозяйственной деятельности торгующих сторон» [6, с. 65]. Автором также приведена классификация форм организации обменных отношений сибирских народов: «немой торг», «военизированный обмен», «гостевой обмен».

Важное значение для понимания особенностей немонетного денежного обращения в Зауралье имеет работа Н.Л. Конькова [7], который указал на долгое сосуществование в крае натурального обмена с привнесенной русскими серебряной и медной монетой.

Тем не менее, до настоящего времени сколько-нибудь цельной характеристики использования немонетного обращения коренными народами Севера Западной Сибири в период активного проникновения капиталистических отношений, разрушавших натуральную замкнутость местной экономики, не сделано.

Результаты

У народов Севера Западной Сибири в дорусский период и после присоединения к России торговля имела большое значение. Однако она носила почти исключительно меновой характер. Единицами обмена служили у Березовских остяков рабы, панцири, лошади, у сургутских – скот, материи. О торговле подобного рода свидетельствуют находки изделий из серебра и бронзы на территории края из Ирана, Золотой Орды, Византии. Главным мериллом ценности являлась пушнина, о чем упоминается уже в «Повести временных лет»: «...и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они взамен дают меха» [8, с. 245-246].

Хотя Западная Сибирь входила в XIII–XV вв. в состав Золотой Орды, монеты этого государства здесь встречаются в ограниченном количестве. Пушшиной в основном собирали ханы ясак с местного населения. Сибирские татары в ходе торговли с Китаем, Бухарой, Волжской Болгарией, Казанским ханством выменивали на меха различные ремесленные изделия (шелк, фарфоровая посуда, украшения, оружие и др.).

После присоединения Сибири к России ситуация первоначально мало изменилась. Например, в документах упоминается, что самоеды приезжали к осяткам в Казымскую и Обдорскую волость по зимнему пути и покупали сухую рыбу и рыбий жир, а также живых оленей, а взамен давали пушнину. Березовские и сургутские остяки меняли у русских на собольи и лисьи меха топоры, котлы, платье [9, с. 10].

Постепенно, хотя пока еще в небольшом объеме в обращение стали проникать монеты. Так, за собаку в 1639 г. сургутский остяк взял льняную рубашку и еще 6 денег [9, с. 18]. Остяки занимали деньги у русских для хлебных покупок.

Тем не менее, во многих районах Сибири, включая Тобольский север, вплоть до начала XX в. торговля велась с использованием различных денежных эквивалентов. О ее характере свидетельствовал П.М. Головачев: «В отдаленных, отрезанных от мира северных и северо-восточных местностях торговля сохранила свой первоначальный меновой характер. Остяки, самоеды, северные якуты, тунгусы, чукчи и др. северные инородцы отдают свою пушнину и др. товары не за деньги, а за нужные в их обиходе товары» [10, с. 117].

Аналогичные данные, относящиеся к началу 1880-х гг., приводятся политическим ссыльным С.П. Швецовым: «Торг [сургутян с коренными жителями – В.Ц.] ведется всегда при помощи непосредственного обмена товара на товар, помимо какого-либо участия денег, которых у инородцев почти никогда и не бывает. Приобретенный таким образом товар от инородцев перепродается тобольским купцам частью на деньги, частью же в обмен на различные товары...» [11, с. 71].

В Сургутском уезде основной денежной единицей долгое время оставалась белка. В третьей четверти XIX в. аршин холста оценивался в 1 белку, аршин люстрина¹ – 4 белки, железный топор – 8–

¹ Люстрин – тонкая шерстяная или полушерстяная ткань, путем специальной обработки приобретающая блестящую, глянцевиую поверхность.

10 белок, нож в 2 белки, хлопчатобумажный платок – от 3 до 6 белок, халат – от 60 до 100 белок, папуша¹ табуку – 1 белку [12, с. ССXLV].

О торговле на пушнину по р. Югану упоминает Сургутский уездный исправник Г.А. Пирожников: «5 пудов ржаной муки – 1 соболь, 1 пуд муки – 8 белок» [13, с. 107].

В Березове и Обдорске, в частности, на Обдорской ярмарке расчеты производились в шкурках песцов (продавались без лап и хвоста), а «разменной монетой» служили песцовые лапки. Соотношения между ними, скорее всего, не были постоянными. Так, в конце 1860-х гг. при цене целого песца 2,5 руб. ассигнациями песцовая лапка шла за 10 коп. ассигнациями (1 : 25). На ярмарке 1865 г. 28 тыс. лапок было продано за 840 руб., т. е. 3 коп. за лапку в то время как шкурка песца реализовывалась в среднем по 1,55 руб. (1 : 52) [подсчитано по: 14, с. 23].

Меха служили мерой стоимости других товаров, реализовывавшихся на ярмарке. За одного белого песца в Обдорске давали 15–20 печеных хлебов, или четверть тонкого сукна, или 3,5 сажений холста, или 10 сажений мережи [12, с. ССXLV].

Меновая торговля открывала широкие возможности для эксплуатации коренного населения. В воспоминаниях польской ссыльной Е. Фелинской, относящихся к 1839 г. указывается:

«Остяки, не знающие денежного курса, меняют вещь на вещь, и эти вещи имеют цену, назначенную им произвольно самими же купцами. Например, пуд муки имеет цену шкурки одного белого песца. Пуд муки стоит в Тобольске самое большое 50 копеек ассигнациями, в отдельные годы значительно дешевле, ибо часом цена снижается до половины той, что названа выше; доставка из Тобольска до Березова стоит не дороже 15 копеек с пуда... В то же время за шкурку песца не далее как в Березове перекупщики берут с оптовых купцов 3 рубля ассигнациями, затем эти шкуры переправляют на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарку... Предметы, которые остякам требуются от русских, это мука, топоры, свечи, табак, бусы, медные бляшки, бубны, а также ситцы и сукно ярких расцветок. С этими товарами не чувствуют угрызений совести, грабя бедного остяка или самоеда» [15, с. 28]. О таком же соотношении основных предметов вывоза и ввоза на Тобольский север (1 шкурка песца = 1 пуду муки) полвека спустя сообщал политический ссыльный В.В. Бартнев [16, с. 206].

Помимо пушнины на Тобольском севере использовалась для расчета рыба ценных пород определенного размера, в частности муксун. Как правило, полноценный экземпляр должен был быть длиной не менее 9 вершков (40,5 см.) от глаза до основания хвостового плавника. Рыба меньшего размера считалось уже «недомуксуном» и относилась к муксуну как 2 к 1 или 4 к 1.

О преобладании меновой торговли упоминал также краевед, общественный деятель Н.А. Абрамов: «Остяки окольных мест и самоеды съезжаются в город [Березов] и привозят соболей, лисиц, белку, горностаю, песцов и прочих зверей... Инородец, пришедши к своему приятелю (так они называют тамошних купцов и торговцев, с которыми ведут торговлю и «одалжаются»), вытаскивает из-под одежды звериные шкуры и, если сойдется в цене, отдает рухлядь и взамен получает хлеб, табак и другие нужные товары... Ценность денег остякам и самоедам мало известна. Общим мерилом для денег остается доселе у остяков белка и рыба муксун, а у самоедов белый песец» [17, с. 418].

Широко употреблялись для обмена алкогольные напитки – спирт, водка: «Приходят в какой-либо дом два – три инородца, – писал в конце 1870-х гг. земский заседатель Кондинского участка Березовского округа А.В. Титов, – молча подают хозяину шкуру песца; хозяин, повесивши шкуру на вешалку к другим, подает бутылку с вином, гости, распивши вино, подают снова песца, и снова неистощимая бутылка полна – и до тех пор, пока не истощатся карманы потребителей...» [18, с. 104].

Об использовании в Обдорске в качестве средства обмена печеного хлеба упоминает С.В. Бартнев [16, с. 131].

Так, на Камчатке, в северо-восточной Сибири единицей измерения стоимости служила шкурка красной лисицы. В первой четверти XIX в. было установлено ее официальное соотношение к другим шкуркам пушных зверей: 1 красная лисица = 3 куницам = 4 песцам. 3 красных лисицы = 1 рысь, 1 черно-бурая лисица = 20 красным. В Туруханском крае 1 волк был равен 1,5 лисицам, 7 оленьим шкурам, 70 белкам, 175 заячьим шкурам [7, с. 65]. Существовали и соотношения между мехами и наиболее популярными товарами из металла: 1 медный чайник = 1 красной лисице, 1 пуд медных котлов = 20 красным лисицам, 1 пуд железных котлов = 10 красным лисицам [19, с. 394].

В торговле с Китаем и Центральной Азией «при разменах у китайцев, бухарцев и на Камчатке в качестве счетной монеты тюнь² китайки... и лисица красная». В Сибири выплата жалованья чиновникам меховым товаром строго возбранялась, чтобы те не выдавали хороший мех за плохой при его оценке [5, с. 235].

В степной зоне Сибири для торговли использовали скот – лошадей, овец, коз. На севере Якутии – кость мамонта, табак. В Забайкалье – брусок чаю весом до 3 фунтов (1,2 кг.).

Кроме сферы торговли денежные знаки широко применялись в качестве пожертвований различным божествам и духам обско-угорского пантеона. До сих пор у мест поклонения находят в немалом количестве монеты XVII–XIX вв.

¹ Папуша – связка сухих листьев.

² От китайского слова «тюнь» - тюк, связка простой, тюневой китайки - сорта гладкой хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая.

Однако с середины XIX века общероссийские денежные знаки начинают постепенно вытеснять традиционные, чему способствовали постоянно увеличивающееся присутствие русскоязычного населения в крае, расширение масштабов торговли, распространение аренды рыболовных угодий и прав на поселение и ведение промысла. В изменении демографической и социально-экономической ситуации на территории Севера Западной Сибири огромную роль сыграло развитие пароходного сообщения, связавшего край с югом Сибири, в первую очередь с Томском и Тобольском.

На рубеже XIX–XX вв. в Сургутском уезде белка по-прежнему применялась при расчетах с коренными жителями наряду с монетами и банкнотами. Их курсовые соотношения менялись в зависимости от размеров добычи пушного зверя. «В Ваховском крае единицей ценности служит белка, хотя в то же время существуют в обращении и денежные знаки. Курс на белку постоянно колеблется. За последние годы цена ей была 10–12 коп. за штуку», но было время (в 1902 г.), что цены повышались до 20 копеек [20, с. 48].

На Обдорской ярмарке в конце XIX в. ненцы предпочитали уже отдавать пушнину за наличные, а не за товар или в кредит [20, с. 202]. Как отмечал известный исследователь Тобольского севера А.А. Дунин-Горкавич, «Иностранцы в настоящее время [в начале XX в. – В.Ц.] почти не меняют белку на товар. Они сначала продают белку, а затем покупают необходимый им товар» [20, Приложения, с. 51]. Аналогичные явления наблюдаются как на Тобольском севере, так и в большинстве районов Сибири в целом.

Использование денег не только для ярмарочной торговли, но и для кредитования, выплаты налогов требовало их подсчета. Каким образом почти поголовно неграмотные ханты и манси справлялись с этой непростой задачей? Об этом сохранилось следующее свидетельство: «В платежных книжках количество полученных денег и шкур обозначается особыми штемпельными знаками, понятными иностранцам. Так, крест в круге означает 100 шкур, крест без круга – 10 шкур, прямая вертикальная линия – 1 шкуру... Для обозначения рублей употребляются те же знаки, что и для шкур, а для копеек – кресты и линии меньшей величины» [20, Приложения, с. 58].

Подобные обозначения были не единственными, о чем свидетельствует находка, сделанная в Государственном архиве Ханты-Мансийского округа – Югры (см.: Рис. 1) [21]. В нижней части платежного документа, заверенного подписью и печатью Березовского уездного исправника, нанесен контуром шестиконечный крест, внутри которого помещены знаки, фиксирующие взимание определенной денежной суммы. Сотня обозначена солярным знаком («крест в круге»), десятки – квадратом, единицы х-образным крестом, величины кратные основной – вертикальными линиями. Соответственно, внутри шестиконечного креста записана сумма равная 195 рублям 99 копейкам.

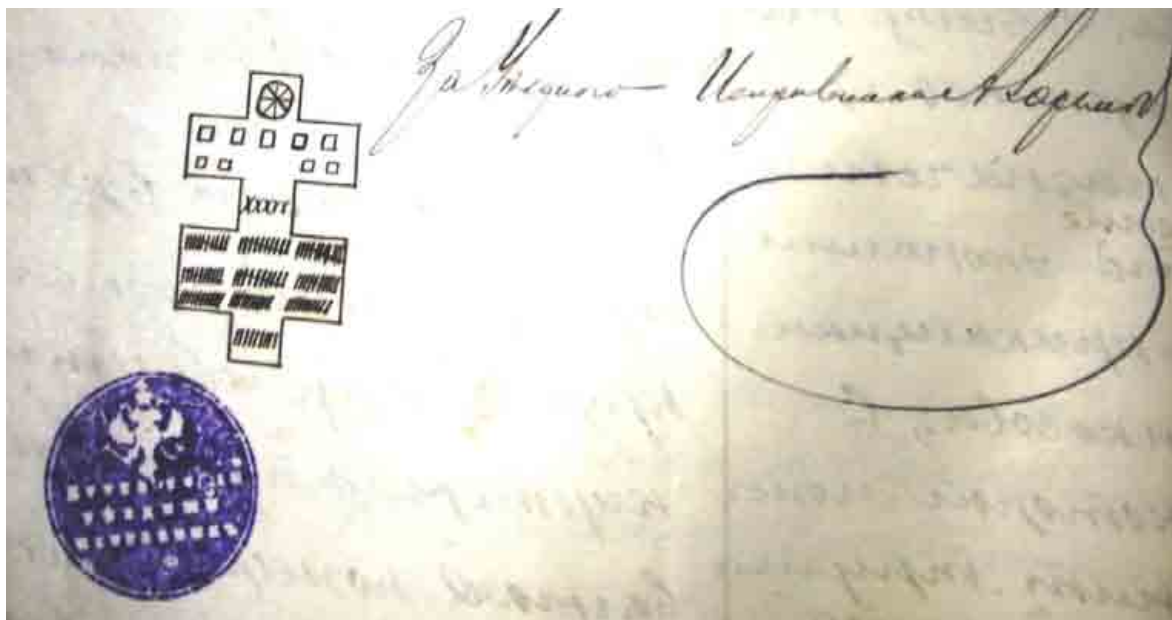

Рис. 1. Штемпельные знаки для иностранцев

Таким образом, на протяжении многих столетий в Сибири преобладала меновая торговля, а в качестве денежных эквивалентов использовались товары, которые в наибольшей степени обладали признаками денег. Приход русских не только не изменил эту систему, но скорее способствовал ее окончательному оформлению. Вместе с тем распространяется в основном среди пришлого населения и русская денежная система. С развитием хозяйственных связей, транспорта, вовлечения края в капиталистические отношения все большую роль играют в обращении металлические деньги и банкноты, заменяющие пушнину и др. товары в сфере обмена.

К началу революции банкноты и монеты прочно вошли в обиход местного населения. События 1917–1920 гг. внесли изменения не столько в характер торговых операций, сколько в виды используемых денежных знаков: наряду с «николаевками» и «керенками» в широкое употребление вошли «сибирские» деньги, а с января 1920 г. последние вытесняются совзнаками образца 1918 и 1919 гг.

Однако население, в том числе и вполне лояльное советской власти, продолжало хранить припрятанные в «кубышках», а также вероятно и использовать для расчетов, как казалось, более надежные купюры, выпущенные при Николае II и Временном правительстве.

Значительно выросли цены на белку, продажа которой являлась важнейшим источником доходов для коренного населения. Если в довоенный период, как уже отмечалось, стоимость шкурки колебалась от 20 до 40–42 копеек, то в 1918 г. во время традиционной декабрьской ярмарки, проходившей в Ларьяке, белка продавалась по 2,6 руб. за штуку [22]. В Юганской волости Сургутского уезда в 1918 г. средняя цена на белку составляла 1,5 руб. за штуку [23, л. 38]. Закупленная пушнина была в дальнейшем реализована в Шанхае (400 тыс. шкурок белки по цене от 56 до 70 американских центов за штуку, что составило в среднем по 3,25 руб. по тогдашнему курсу) и на аукционе в Нью-Йорке [24].

Хотя с началом Первой мировой войны в России был введен сухой закон, на курсировавших по Оби и Иртышу пароходах в 1915 г. можно было полупокупно приобрести алкогольные напитки по цене до 10 руб. за бутылку [25, с. 400]. Летом 1919 г. в Кушевате Березовского уезда полбутылки спирта продавалось уже за 100 руб.

Несмотря на инфляцию, бумажные денежные знаки по-прежнему широко использовались населением для торговых операций и накопления. Повсеместно применялась также и кредитная система, когда мука и др. товары первой необходимости отдавались рыбакам и охотникам по определенной фиксированной цене, взамен же они должны были поставить опять же по фиксированной цене эквивалентное количество промысловой продукции.

Переход к нэпу сопровождался дальнейшим ростом цен, превратившимся в гиперинфляцию, что привело к восстановлению натурального обмена, в котором роль всеобщего эквивалента вновь стали играть пушнина и рыба.

В 1922 г. с одной стороны возник «денежный кризис», когда нечем стало выплачивать заработную плату служащим, нести ряд социальных расходов. С другой стороны стоимость денег начала стремительно падать. Сфера денежного обращения за пределами административных центров сокращается.

Единый сельскохозяйственный налог измерялся в золотых рублях, но собирался с местного населения не денежными знаками, а продукцией традиционных промыслов, единицами измерения которых служили белка, мерная нельма (для «белой» рыбы), мороженая щука (для «черной» рыбы). Так, шкура лося приравнивалась к 6–10 белкам, выдры – 10–20 белкам, соболя – 40–60 белкам; 1 пуд окуня – 20 фунтам мороженой щуки, 1 пуд язя – 1 пуду 10 фунтам мороженой щуки и т. д. [26, л. 75] Тем не менее, подобное явление осознавалось как временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами. «В целях укрепления советского рубля» в октябре 1923 г. Сургутский уездный исполком постановил налагать штраф в 300 руб. или привлекать к принудительным работам на срок до 3 месяцев тех, кто отказывается использовать в торговых сделках советские деньги [27, л. 12].

Несмотря на этот грозный приказ, сфера использования денежных знаков оставалась узкой. Как отмечал председатель Александровского райисполкома В.С. Неустроев «у населения дензнаки появляются в очень и очень малых размерах», при этом потратить деньги было затруднительно, т. к. хозяйственные организации по-прежнему «торгуют на белку» [27, л. 17-170б].

В середине 1920-х гг. возобновляется работа Ларьякской и др. ярмарок. С этого момента можно говорить о восстановлении денежного обращения на территории Севера Западной Сибири в объемах и формах, сопоставимых с предреволюционными. Тем не менее, в докладе на заседании президиума Тобольского окружного исполкома, состоявшемся 26 апреля 1926 г., отмечалось, что «денежное обращение на Севере внедряется чрезвычайно медленно... туземное население считает пушнину валютой, пренебрегая деньгами. Впрочем, по сравнению с [19]23 г. наблюдается определенный сдвиг в пользу денежного обращения» [28, л. 46].

Заключение

Таким образом, в течение первой четверти XX в. денежное обращение на территории Севера Западной Сибири претерпевало те же трансформации, которые происходили во всей стране, что говорит о сложившихся устойчивых экономических связях региона с другими регионами Сибири, преодолении натуральной замкнутости. Однако темпы этих изменений были замедленными. Особенности хозяйственного уклада региона предопределяли рецидивы явлений, связанных с системой меновой торговли.

Примечания:

1. Аргентов А. Путевые заметки миссионера А. Аргентова о Приполярной местности // Записки Сибирского отделения ИРГО. 1857. Кн. IV. С. 1-59.
2. Иохельсон В.И. По рекам Ясашной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Известия ИРГО. 1898. Т. 34. Вып. III. С. 255-290.

3. Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Императорской Академии Наук. 1877. Т. 30. Прил. 2. 187 с.
4. Воронов А.Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губ. // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. Спб., 1900. 429 с.
5. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
6. Косарев М.Ф. О меновой торговле в древних и традиционных обществах (по урало-сибирским археолого-этнографическим материалам) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 60-65.
7. Коньков Н.Л. «Имеет хождение в Сибири»: Из истории нумизматики и денежного обращения в Сибири. Б.м.: Возрождение Тобольска, 2001. 131 с.
8. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
9. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 86 с.
10. Головачев П.М. Экономическая география Сибири: Репр. воспр. изд. Екатеринбург: Баско, 2008. 192 с.
11. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский север глазами политических ссыльных. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. С. 34-111.
12. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб.: ЦСК МВД, 1871. ССLXXII, 196 с.
13. «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Историко-краеведческий сборник / сост. Л.В. Цареградская. Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 2002. 256 с.
14. П-ровский Н. Из Березова // Подорожник: Краеведческий альманах/ Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 8. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 22-47.
15. Фелинская Э. Отрывки из дневника // Подорожник: Краеведческий альманах/ Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 6. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 7-131.
16. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский север глазами политических ссыльных. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. С. 112-217.
17. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Известия Императорского Российского географического общества. 1857. Кн. XII. С. 329-448.
18. Титов А. Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник: Краеведческий альманах / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 1. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 87-98.
19. Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3: Л-Н. 804 с.
20. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
21. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 100.
22. Тобольское народное слово. 1919. 12 марта (28 февр.).
23. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-421. Оп. 2. Д. 18.
24. Сибирский листок. 1919. 4 февр. (22 янв.).
25. Сибирский листок: 1912–1919 / сост. В.К. Белобородов. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 592 с.
26. Государственный архив Томской области. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 3.
27. Государственный архив Томской области. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 9.
28. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 51.

References:

1. Argentov A. Itineraries of the missionary A. Argentov on Circumpolar Area// Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. 1857. Book IV. P. 1-59 (In Russian).
2. Yokhelson V.I. Along the Yasashnaya and Korkodon rivers. Ancient and modern Yukaghir life and writings// Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. 1898, Vol. 34, is. III. P. 255-290. (In Russian).
3. Polyakov I.S. Letters and reports about the journey to the valley of the Ob River// Notes of the Imperial Academy of Sciences. 1877. Vol. 30. App. 2. 187 p. (In Russian).
4. Voronov A.G. Legal customs of Ostyaks in Western Siberia and Samoeds of Tomsk province// Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society for the Dept. of Ethnography. T. 18. Collection of folk legal customs. Saint Petersburg, 1900. 429 p. (In Russian)
5. Slotvsov P.A. History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche, 2006. 512 p. (In Russian)
6. Kosarev M.F. On the barter in ancient and traditional communities (based on the Ural-Siberian archaeological and ethnographic materials)// Uralsky istorichesky vestnik. 2009. № 2 (23). P. 60-65. (In Russian)
7. Konkov N.L. "Is walking in Siberia": From the history of numismatics and monetary circulation in Siberia. B. M.: the Revival of Tobolsk. 2001. 131 p. (In Russian)

8. The Tale of Bygone Years/ Prepared, translated and commented by D.S. Likhachev; edited by V.P. Adrianova-Peretz. 2nd ed., Rev. and add. Saint Petersburg: Nauka, 1996. 668 p. (In Russian)
9. Bakhrushin S.V. Ostyak and Vogul principality in 16th-17th centuries. Leningrad: Publishing House of the Institute of the North Ethnicities of the USSR Central Executive Committee named after P.G. Smidovich, 1935. 86 p. (In Russian)
10. Golovachyov P.M. Economic Geography of Siberia. Yekaterinburg: Basco, 2008. 192 p. (In Russian)
11. Shvetsov S.P. Essays on Surgut area// Tobolsk North as viewed upon by political exiles. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Publishing House, 1998, P. 34-111. (In Russian)
12. Tobolsk Province. The list of inhabited localities according to the materials of 1868-1869. Saint Petersburg: CSK MVD, 1871. CCLXXII, 196 p. (In Russian)
13. This far and close Ob-Irtysh North: Local History Collection/ Compiled by L.V. Tsaregradskaya. Surgut: Severo-Sibirskoye Regional Publishing House, 2002. 256 p. (In Russian)
14. Provsky N. From Berezov// Podorpozchnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 8. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2007, P. 22-47. (In Russian)
15. Felinskaya E. Fragments from the diary// Podorpozchnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 6. Tyumen: Mandr i Ka, 2005, P. 7-131. (In Russian)
16. Bartenev V.V. In the extreme north-west Siberia. Essays on Obdor area// Tobolsk North as viewed upon by political exiles. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Publishing House. 1998, P. 112-217. (In Russian)
17. Abramov N.A. Description of Berezov area// Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. 1857. Book XII. P. 329-448. (In Russian)
18. Titov A. Obdor fair. According to eyewitnesses and activists// Podorpozchnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 1. Tyumen: Mandr i Ka, 2005, P. 87-98. (In Russian)
19. Siberian Soviet Encyclopedia. Moscow: West Siberian department Association of State book and magazine publishers, 1932. Vol. 3: L-N. 804. (In Russian)
20. Dunin-Gorkavich A.A. Tobolsk North. In 3 volumes. Vol. 2. Geographic and statistical-economic description of certain regions. Moscow: Libereya, 1996. 432 p. (In Russian)
21. State Archives of the Khanty-Mansiysk Autonomous District - Yugra. F. 429. Reg. 1. D. 100. (In Russian)
22. Tobolskoye narodnoye slovo. 1919. March 12 (February 28). (In Russian)
23. State Archives in Tobolsk, State Institution of Tyumen region. F. I-421. Reg. 2. D. 18. (In Russian)
24. Sibirsky listok. 1919. February 4 (January 22).
25. Sibirsky listok: 1912-1919 / Compiled by V.K. Beloborodov. Tyumen: Mandr i Ka, 2003. 592 p. (In Russian)
26. State Archives of Tomsk region. F. R-811. Reg. 1. D. 3. (In Russian)
27. State Archives of Tomsk region. F. R-811. Reg. 1. D. 9. (In Russian)
28. State Archives of Sverdlovsk region. F. R-88. Reg. 5. D. 51. (In Russian)

УДК 93/94

Меновая торговля на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв.

Валерий Валентинович Цысь

Нижевартовский государственный университет, Российская Федерация
ул. Мира, 3б, г. Нижневартовск,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628616
доктор исторических наук, профессор
E-mail: tsysv@rambler.ru

Аннотация. В статье показано, что у народов Севера Западной Сибири вплоть до конца XIX века в качестве денежных эквивалентов широко использовались различные группы товаров, преимущественно промысловая продукция – пушнина и рыба. В XIX веке особое значение имела белка – наиболее распространенный объект охотничьего промысла.

Отмечается, что благодаря проникновению русского населения, развитию путей сообщения во второй половине XIX в. ситуация постепенно меняется. В результате к началу XX в. происходит полное вытеснение натурального обмена денежным обращением с использованием металлических денежных знаков и банкнот. Описывается система обозначений, применяемая коренным населением для записи денежных сумм: солярные знаки (сотни), квадраты (десятки), х-образные кресты (единицы), вертикальные линии (сотые части основной величины).

Указывается, что в период Гражданской войны и при переходе к нэпу происходит сначала резкий рост цен на промысловую продукцию, а впоследствии и восстановление натурального обмена, когда роль единиц измерения стоимости и всеобщего эквивалента вновь стали играть белка и рыба.

Ключевые слова: денежное обращение, обмен, пушнина, торговля, промыслы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 602-622, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Russia and the West: «Different Time Zones»

Boris N. Mironov

Saint-Petersburg Institute of History, Academy of Sciences of Russia
Dr. (History), Senior Research Fellow
Saint-Petersburg State University, Russian Federation
Professor

Abstract

Traits that some have regarded as distinctively Russian had appeared previously in Europe—sometimes two, three, or more centuries earlier, albeit with variations. Nevertheless, like any country, Russia did have distinctive features brought about by religion, geography, and political and economic conditions. **Russia's location on the periphery of Europe, its multinational population, and the influence of its eastern neighbors reinforced these features.** Russia embraced Western civilization later than other European countries. Whereas after the fall of the Roman empire most people in western Europe occupied a relatively **familiar and well delimited territory containing previously developed centers of Roman culture, Russia's historical development occurred in an uncivilized, immense, and constantly expanding space.**

Russia lagged behind the rest of Europe; but this does not preclude its basic similarity to Europe in the social, economic, political, and cultural spheres. Russians and Europeans have shared common features of development, particularly in the spheres of religion, geography, and ethnicity. However, Russia developed **asynchronously with other European countries. Russia's Europeanization was not the product of borrowing but the inevitable result of its own evolution, essentially similar to Europe's but delayed by the conditions of its historical environment.**

Although this lag placed Russia at a clear disadvantage in international power relations, it cannot be attributed to any hypothetical, peculiarly Russian moral or cultural failing; for the cultural and spiritual richness of this society, at both the popular and the elite levels, has been amply demonstrated.

Keywords: the 18th–early 20th centuries; images of Russia; images of the West; comparison of Russian and the Western institutions; retardation and lag; **Russia's and Europe's historical development.**

Введение

В современной историографии идут острые дискуссии о цивилизационной идентичности России, о путях и перспективах ее развития в постсоветский период ее истории. В отечественном обществоведении созданы противоречивые образы России (Россия – Европа, Россия – Азия, Россия – Евразия, Россия – тюрьма народов, Россия – дом дружбы народов и т. п.). Эти образы постулируют принципиально различные сценарии ее развития: Россия – Евразия ориентирует на особое развитие, Россия – Европа – на включение в Европу. Следовательно, каждый образ не только идентифицирует Россию по-другому, но и конструирует ее будущее по-иному, и, кроме того – что очень важно! – и Европу конструирует по-разному – с Россией или без нее. Задача статьи рассмотреть эти сконструированные образы России и дать им теоретическую и эмпирическую оценку.

Материалы и методы

Образы России выявляются в ходе анализа отечественной и зарубежной историографии, а их оценка производится преимущественно на основе обобщения результатов собственных исследований [1]. Исследование основано на принципах историзма, научной объективности и системности; используется сравнительно-исторический метод.

Результаты

Сравнение России с Западом, в какой бы момент оно не производилось, обнаруживает различия, которые бросаются в глаза и иностранцам, и россиянам. Спектр отличий зависит от времени сравнения и наблюдателя. Суммируем наиболее характерные черты образа России и Запада на конец XIX – начало XX в., которые формулируются в российском дискурсе по данной проблеме в последние 133 года, от Н.Я. Данилевского до современных евразийцев [2] (табл.).

Таблица

Образ России и Запада в цивилизационном дискурсе на конец XIX-начало XX в.

Россия	Западная Европа
1. православие	католицизм и протестантизм
2. суровые для жизни человека географо-климатические условия	благоприятные для жизни человека географо-климатических условия
3. многонациональная	мононациональная
4. колонизация, внешняя экспансия	жизнь в строгих границах
5. ограничение экономической, политической и мировоззренческой свободы индивида	экономическая, политическая и мировоззренческая свобода индивида
6. государственность как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции	религия как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции
7. подчинение общества государству, этатизм, патернализм, иерархия	гражданское общество, опора человека на собственные силы, равенство
8. господство государственной и коллективной собственности и командная экономика	господство частной собственности и рыночная экономика
9. общество и государство регулируют общественные отношения и контролируют поведение человека	рынок регулирует общественные отношения, каждый человек контролирует себя
10. коллективизм, соборность, общинность, солидарность, централизация, монополизм	индивидуализм, эгоизм, децентрализация, плюрализм,
11. «вотчинное государство», самодержавие	либеральная демократия
12. социоцентристское общество: примат общества над личностью, человек осознает себя не личностью, а частицей целого, вследствие чего для каждого человека существует только одна социальная ниша - та, которую он занимает	антропоцентричное общество: примат личности над обществом, гражданские права, личная свобода и ответственность, право индивидуального выбора, расчет на собственные действия и собственную судьбу
13. обоюдная безнаказанность подданных и государства при нарушении закона	господство закона
14. деревенская, крестьянская, аграрная	городская, буржуазная, торгово-промышленная
15. мобилизационный путь развития, вмешательство государства в механизмы функционирования общества	инновационный путь развития, опираясь на науку и технику, постоянный технико-технологический прогресс
16. трудовая этика потребительская, минималистская, труд не самоценность, а неизбежная повинность	трудовая этика буржуазная, максималистская, свободный труд как самоценность, спасение души через работу
17. иоанновский, мессианский тип человека: ценностно-рациональный стиль мышления, стремление к абсолютному Добру, минимизация значения земных ценностей, создание гармонии, быть как все, интраверсия	прометеевский, героический тип человека: целерациональный стиль мышления, ориентация на конкретный результат и эффективность, создание порядка из хаоса, жажда деятельности и власти, быть личностью, быть другим, экстраверсия
18. воля – свобода от всего и для себя	свобода как взаимные права и обязанности
19. пассивность, терпимость, консерватизм и гармония как ценности	деятельность, интенсивность труда, погоня за успехом и богатством как ценности
20. религиозность, священность, сакральность мира	секуляризация, профанность, светскость мира

Сначала разберемся, что это за образы, которыми мы часто оперируем, не отдавая в этом ясного отчета? Россия и Запад – это *умственные конструкции*, которые одновременно являются и эмпирическими обобщениями, и априорными конструкциями. Они не выведены индуктивно, путем анализа реальности, а логически сконструированы путем усиления, выделения, заострения тех черт,

которые существуют реально (а иногда и в воображении) и представляются исследователям наиболее важными и характерными. При этом существовавшее сходство полностью игнорируется, все внимание – на различиях. Разве в начале XX в. на Западе не было государственной или коммунальной собственности, а в России – частной? Разве на Западе имелось подлинное гражданское общество, а в России не было даже его элементов? Разве на Западе функционировала идеальная либеральная демократия, а в России – чистое самодержавие? И это относится к каждому из двадцати пунктов «принципиальных» различий между Россией и Западом. Сконструированные объекты – это то, что в социологии (с легкой руки М. Вебера) называется *идеальным, или чистым, историческим типом*: «Это – мыслительный образ, не являющийся ни исторической, ни тем более "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это – чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции, в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные. Идеальный тип в данной его функции – прежде всего попытка охватить "исторические индивидуумы" или их отдельные компоненты генетическими понятиями» [3]. Идеальные типы «Россия» и «Запад» – аналитические категории, подобно совершенному вакууму в физике или совершенной конкуренции в экономике. Полученные в результате дискурса, они играют роль культурных конструкций, чтобы иметь масштаб для сравнений. Реальные Россия и Запад весьма отдаленно похожи на их идеальные типы – как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию в современной России или на Западе [4].

В постмодернистской историографии особенно много внимания уделяется социальному конструированию реальности, к которому можно отнести и построение идеального типа. Американский историк и культуролог Л. Вульф посвятил книгу, в которой показывает, что Россию, как и всю Восточную Европу, в качестве отсталой, варварской части континента, «изобрели» философы Просвещения в конце в конце XVIII – начале XIX в. «Прежде чем появиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей как конструируемый интеллектуальный объект» с целью на контрасте с «другим», якобы противоположным, доказать, а, по сути, тоже изобрести Западную Европу как оплот и высшее выражение цивилизации. Это противопоставление либеральной Западной Европы и деспотической Восточной Европы, в конечном итоге, стало инструментом политического и экономического господства Европы над Россией [5]. Аналогичную роль «другого» для западноевропейцев исполняли и «турки» [6]. На самом деле, просветители не являлись в данном вопросе первопроходцами. В католической и протестантской Европе негативный образ России сложился еще во второй половине XVI в. (при больших усилиях Польши, находившейся в то время в постоянном конфликте с Россией) и Англии. Английские дипломаты и специалисты, работавшие в России, формировали из России стереотип «варварской страны», а из ее народа образ «варварского народа», который во многом сохранился на протяжении последующих столетий [7]. «На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира, европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI в. и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII вв. можно повторить мысль Ларри Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения): если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать» [8]. У «темного двойника» со временем появились и другие функции – обоснование экспансии, новых «крестовых походов», экспорта собственных символов политической и религиозной веры, отвлечение внимания от проблем в собственном доме и перенаправление агрессии. Россия чаще всего демонизировалась, а иногда и идеализировалась не по причине ее реальных действий, а из-за собственных страхов, надежд и ожиданий, порождаемых внутренними проблемами.

Добавлю: западноевропейские просветители и их последователи при конструировании образа России опирались на представления некоторых очень просвещенных европеизированных русских, отождествлявших отечество с варварством. Для российских западников образ Запада как высшего проявления цивилизованности, как своего рода «светлого двойника», всегда был также нужен, во-первых, как идеал для сравнения и подражания, «как пространство "романтического побег"» [9] и, во-вторых, для осуждения действительного или мнимого варварства России. В конце XIX–начале XX в. для либерально-демократической общественности, боровшейся с авторитарной властью и стремившейся построить в стране гражданское общество и правовое государство, негативный имидж России стал еще более необходим, поэтому он и утвердился в либеральной историографии и публицистике. Другими словами, если бы не было Запада, то России его тоже следовало выдумать, чтобы на примере Британии, Франции или Германии учить русских, что им надо делать, чтобы стать европейцами. В советской историографии образ бедной, отсталой, агрессивной и угнетающей себя и других России приобрел новые краски и вошел в учебники истории, а через них – в массовое сознание. Без поддержки «изнутри» негативный образ российской империи не стал бы парадигмой.

Этот механизм «темного и светлого двойника» действует в настоящее время повсеместно [10]. Конструирование «темного двойника» США в последние десять лет приобрело даже некоторую популярность и спрос у читателя [11].

Образ России в западных странах – изменчив. Он складывается под влиянием политической конъюнктуры, колебаний внешне- и внутривосточного курсов и определяется потребностями обеспечения стратегических интересов соответствующих стран. В XVIII—начале XX в. имидж может быть правильно понят только в контексте отношения к России, почти всегда в большей или меньшей степени недружественного, прежде всего со стороны Британской и Австро-Венгерской империй [12], во второй половине XX—начале XXI в. – со стороны США. «Американское видение России в большей степени зависит от внутренней эволюции и проблематики самих США, чем от российских событий. Внутренние противоречия социального порядка, экономические спады и подъемы и в особенности выборные циклы способны изменять восприятие и политику в отношении России» [13]. Конструируемый образ был по преимуществу негативным. Лишь в короткие периоды, когда Запад нуждался в военной помощи России, образ добрел и принимал симпатичные европейские черты [14].

Преобладание негативного образа России в значительной мере объясняется тем, что он получил теоретическое «обоснование» и «подтверждение» со стороны западных историков, культурологов и психоаналитиков, которые в большинстве своем изучают ее как империю зла, в терминах отсталости, греховности и провалов [15]. Своего апогея нигилизм относительно России достигает в диагнозе, который поставил современный американский русист, литературовед-психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер, претендующий на высочайшую степень научности: Россия – иллюзия; никакой «русской идеи» не существует и никогда не существовало – это такой же миф, как и «русская душа»; история России отнюдь не тысячелетняя, а насчитывает не более пяти веков, с середины XVI в.; да и сами русские, привыкшие считать себя «великой нацией», на самом деле – великие мазохисты, этнические параноики, вечно смиренные, покорные судьбе, подчиненные воле общества, склонные к непротивлению злу, самоуничтожению и разрушительному пьянству [16]. Если в психоаналитической логике Ранкур-Лаферьера переставить местами Россию и Запад, то получаем прямо противоположный результат: негативное отношение Запада к России говорит о его страхе, о плохо скрываемой агрессии, ревности, зависти, раздражении; декларируемое превосходство Запада имеет защитный характер; осуждение России, заявления о ее ущербности, неполноценности, слабости носят компенсаторный характер. Западноевропейское самовозвеличивание – это проявление нарциссической ущербности, ибо негативная оценка России означает позитивную самооценку Запада.

Подобные псевдонаучные имиджи и взаимные оценки не конструктивны и разрушительны по своим последствиям для обеих сторон; они не ведут к взаимопониманию и решению общих проблем и задач, которых множество. Образы должны быть откорректированы. Конструирование Европы и идентичности России продолжается, и от современных социальных исследователей во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию европейской страной, если на Западе и в самой России в дискурсе о ее идентификации ее таковой не признают. Тренд в современной зарубежной историографии состоит в том, чтобы рассматривать Россию в качестве члена европейской семьи, «типичной европейской страны», без которой нельзя понять историю Европы как единого глобального процесса, где время от времени менялись страны-лидеры, ускорялись и замедлялись темпы развития, но прогресс никогда не останавливался. Имеется немало зарубежных ученых, проявляющих сдержанный оптимизм в отношении будущего России [17], и российских ученых, проявляющих оптимизм в отношении будущего Запада и добрых с ним отношений.

Хотя «иной» варварский образ России сформировался и поддерживается преимущественно на Западе, неверно думать, что россияне и то, что происходило и происходит в нашей стране, не имеет к этому никакого отношения. Известный британский историк Н. Дэвис в своей популярной книге засвидетельствовал: «Больше 500 лет кардинальной проблемой в определении границ Европы было включать или не включать в нее Россию. На протяжении всей Новой истории православная, автократичная, экономически отсталая, но географически расширяющаяся Россия плохо подходила Европе. Западные соседи России чаще находили причины, чтобы не относить ее к Европе. <...> Императрица Екатерина категорически заявила в 1767 г., что «Россия — европейское государство». Это должны были учитывать все, кто хотел иметь дело с С.-Петербургом. В конце концов, Московия была неотъемлемой частью Христианского мира уже с X в., а Российская империя — непременным участником дипломатических союзов. <...> Страх перед «русским медведем» не помешал тому, что с все возрастающим согласием Россию признают частью Европы. В XIX в. этому процессу очень способствовала выдающаяся роль России в разгроме Наполеона, а также расцвет русской культуры в век Толстого, Чайковского и Чехова». Составленный Чикагской школой США в 1930-е гг. «Список Великих книг», претендующий на роль списка ключевых авторов и трудов, необходимых для понимания западной цивилизации, включил 151 автора, среди которых 49 англо-американцев, 27 французов, 20 немцев, 15 древних греков, 9 римлян, 6 русских, 4 скандинава, 3 испанца, 3 итальянца (эпохи Возрождения), 3 ирландца, 3 шотландца и 3 автора из Восточной Европы [18]. Русский вклад составил 4%, а Восточной Европы вместе с Россией – 6%. Не буду спорить по поводу

объективности списка. Важно, что сочинения русских авторов признаются необходимыми для понимания западной цивилизации и что россияне участвуют в конструкциях своего имиджа за рубежом.

Нельзя, впрочем, не заметить: многовековой международный дискурс о цивилизационной принадлежности России, бывший всегда политически мотивированным и достаточно циничным, в настоящее время теряет, если уже не потерял, свою международную актуальность и становится уделом кабинетных интеллектуалов. Перед угрозой Китая Европейский Союз и США готовы идентифицировать любую страну мира как западную (яркий пример дает Япония), если она будет играть по навязываемым ей правилам. Традиционные критерии – свобода, демократия, гражданское общество, частная собственность, рынок – теряют свое значение. На первое место выходит лояльность. В этих условиях российские обществоведы большую пользу могут принести рефлексией по поводу того, как стать мостом, соединяющим Европу с Китаем и Азией в целом и - что является важным условием для достижения этой цели - как улучшить имидж страны. Ибо в сознании мирового сообщества действительный Запад хуже его имиджа, а действительная Россия – лучше ее имиджа. Как сказал немецкий банкир Йохен Вермут на одном из финансовых форумов в Москве в 2011 г.: «Россия в десять раз лучше, чем ее имидж, но в десять раз хуже, чем могла бы быть» [19].

Итак, все существующие в литературе образы России и Запада – это идеальные сконструированные типы, как правило, имевшие политические цели. *Это не подлинные Россия и Запад!* К сожалению, историки и культурологи забывают об этом и отождествляют умственные конструкции с самой историко-культурной реальностью. Кроме того, противопоставляя Россию и Европу, как правило, не принимают во внимание представления народов Азии, Африки и Латинской Америки, которые никогда не сомневались, что Россия относится к Европе не по географическому расположению, а по сути своей культуры [20].

Однако даже при поправке на преувеличения различия между Россией и Западом все-таки существуют, причем на любой момент в течение последних 1200 лет. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: синхронные - на определенные моменты сравнения России и Запада говорят в пользу их различия, диахронные или сравнения векторов развития – в пользу их схожести. Как это возможно?

Россия и Европа: разные часовые пояса

Основы российской государственности, общественного быта и культуры имеют европейское происхождение, они были заложены в Киевский период и связаны с византийским наследством, принятием христианства и приходом письменности [21]. Многие западные исследователи полагают, и с этим трудно не согласиться, что «Средние века были не “серединой”, а началом Европы. Основы ее культуры сложились уже в раннее Средневековье, до 1000 г., как результат впечатляющего синтеза романо-христианских и исконно европейских (германских, кельтских, *славянских*) элементов». В этот период на смену размытой идентичности эпохи романо-варварских королевств, отмеченной определенным противостоянием «римлян» и «варваров», *пришла новая европейская идентичность – «христиане»*. Прямым следствием этого стало формирование специфических базовых политических и социально-экономических институтов в период между 1000 и 1200 гг., «начиная с которого их развитие продолжалось без цивилизационных надломов вплоть до настоящего времени» [22]. Неблагоприятные внешние и внутренние обстоятельства в течение нескольких столетий задерживали их развитие, но не разрушили и не заменили их другими [23]. Противопоставление России и Запада или России и Европы основано на том, что в каждый данный момент, ввиду асинхронности социальных процессов и изменений, Россия отличалась от самых развитых европейских стран ~~Европы~~. Но в исторической перспективе *Россия переживала почти все те же процессы, развивалась по тем же направлениям, что и они, только с опозданием*. Другими словами, дореволюционная Россия в каждый момент своей истории отличалась от западноевропейских стран, но двигалась по той же орбите, как и они, и поэтому *в каждый момент была похожа на то, чем они были прежде*. Мы легко обнаружим сходство между императорской Россией и другими европейскими, особенно центрально- (Австрией и Германией) и восточноевропейскими [24], странами, если заглянем в их средневековую историю и в первые столетия новой истории [25].

Переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, в результате которого рост численности населения стал регулироваться людьми и перестал угрожать прогрессивному развитию общества, начался во Франции. Именно там ограничительные тенденции роста населения зародились в XIV–XV вв., приобрели значительный размах во второй половине XVIII в., но лишь в XIX–начале XX в. охватили большинство европейских стран [26]. С опозданием, со второй половины XIX в., к этому процессу подключилась и Россия; естественно, что демографический переход завершился позже – к середине XX в., уже в советское время.

Патриархальная семья с деспотической главой и приниженными домочадцами преобладала не только в России, а во всех европейских странах в средние века и новое время; всюду община вмешивалась в семейную жизнь, контролировала супружескую верность, вследствие чего интимность личной жизни нарушалась [27]. Репрессивная педагогика господствовала во всей Европе ~~всюду~~ вплоть до XVIII в., а строгое и систематическое дисциплинирование в раннем детстве являлось общей европейской моделью воспитания ребенка до XX в. [28] Ряд историков полагают, в противовес

историкам из Кембриджской группы по изучению населения [29], что в странах Западной Европы, как и в России, расширенные и составные семьи предшествовали или, по крайней мере, сосуществовали наряду с нуклеарными [30]. Строгая сексуальная мораль, запрещение или затруднения при получении разводов, преследование внебрачных детей и их матерей, уголовная ответственность за нетрадиционное сексуальное поведение – все это почти в такой же, а в некоторых католических странах еще в большей степени, чем в России, было свойственно всем европейским странам [31].

Сословный строй в более развитых европейских странах установился раньше, чем в России – в средние века и являлся основой общественного порядка до конца XVIII в. При этом, так же как и в России, ни в одной стране даже в период расцвета сословного строя не существовало четких консолидированных сословий – дворянства, духовенства, горожан и крестьян [32]. Например, во Франции XVII в. исследователи насчитывают 22 социальные группы, подразделявшиеся в свою очередь на 569 подгрупп [33]. Русское дворянство после его превращения в сословие в 1762–1785 гг. ничем существенно не отличалось от европейского [34]. Крестьянство нигде, за исключением некоторых северных стран, не было сословием в полном смысле этого слова [35]. В России, как и на Западе, существовала значительная вертикальная социальная мобильность [36]. Трансформация сословий в классы, сопровождаемая профессионализацией, началась в России позже, но проходила интенсивнее [37]. К 1917 г. сословный строй де-юре исчез, хотя его пережитки сохранились в социальной структуре в советское и даже постсоветское время.

В экономической и социальной жизни городов Европы в Средневековье и в начале Нового времени и России в XVIII – первой половине XIX в. мы находим много общего [38]. Горожане были землевладельцами и занимались земледелием. В итальянских и французских городах земледелие являлось главным занятием, в Англии и северных западноевропейских городах – важным, в больших торговых городах оно имело большее значение, в малых – меньшее. Сельскохозяйственные занятия среди горожан были распространены даже в крупных городах XVIII в., не говоря уже о малых [39]. Причины: желание выгодно вложить и сохранить свои капиталы, необходимость обеспечить себя продуктами питания, извлечение доходов, стремление повысить свой статус (главным критерием престижа были размеры и ценность земельных владений), возможность общаться с природой. Горожане объединялись в корпорации, и весь город являлся одной большой корпорацией; в городах проживали представители всех сословий [40].

В европейских странах, как и в России, долгое время городские и сельские поселения не только экономически, но и в социальном отношении мало различались, за исключением немногочисленных крупных торговых городов. Малые средневековые города, которых было подавляющее большинство, подобно сельским поселениям, представляли собой скорее общность, чем общество: «Эта солидарность, это всеобщее братство не ограничивалось многочисленными мелкими союзами, цехами, гильдиями, корпорациями, которые образовывали патриции, ремесленники, подмастерья. Оно обнимало всех граждан города в одно, связанное присягой целое, в котором все готовы были "делить вместе радость и горе в городе, или где придется"», – отмечал известный немецкий историк К. Бюхер [41]. Общественная жизнь проходила прямо на улицах [42]. Даже американские города XVII в. все еще отличались патриархальным коммунизмом [43]. Как и в России, периодические формы торговли – базар, ярмарка, коробейники – вплоть до конца XVIII в. играли важную роль в торговом обороте [44].

Различия принципиального порядка между городом и деревней появились с полным переходом городов к рыночному хозяйству, что в Англии завершилось к началу XVI в., в других европейских странах – в XVII–XVIII вв. В промышленные центры городские поселения стали превращаться только с приходом индустриальной революции [45]. Большая миграция крестьян в британские города во второй четверти XIX в. привела к переносу туда деревенского образа жизни и стандартов. Принимались законы, запрещающие содержание свиней в городах [46]. Санитарное состояние большинства городов до середины XIX в. было столь же неудовлетворительным, как и в России [47]. В бестселлере «Парфюмер» немецкого писателя П. Зюскинда – историка по первоначальному образованию, со знанием дела так описывается ольфакторная (обонятельная) атмосфера западноевропейских городов XVIII в., которая, вследствие более высокого уровня урбанизации [48], была даже хуже, чем в русских городах: «В городах того времени (XVIII в. – Б.М.) стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей... Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие... Ибо в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий» [49].

Крепостное право, хотя и в более мягких формах сравнительно с Россией, существовало в большинстве западноевропейских странах в средние века, его пережитки исчезли там лишь в течение XVI–XVIII вв., а в странах Центральной Европы крепостничество было отменено лишь в конце XVIII – начале XIX в. и его пережитки ощущались там в XIX в. [50]

Российская государственность императорского периода проходила те же стадии в своем развитии, как и другие европейские страны, только с большим опозданием и с некоторыми особенностями [51]. В эпоху абсолютизма в европейских странах понятие государства также заключало в себе идею собственности. Монарху «принадлежало» государство, а многие государственные институты считались «собственностью» частных лиц, которые осуществляли военные и гражданские функции таким способом, что стиралось различие между частным и

публичным, между государством и обществом. Еще более трудно было отделить власть городских корпораций (гильдий, городских советов) над своими членами или землевладельцев над своими крестьянами от государственной власти, так как они обладали такой юридической и административной властью, которая в современных государствах принадлежит всецело государственным институтам. К западноевропейским государствам эпохи абсолютизма понятия «публичный» и «частный» столь же трудно приложимы (как и к Российскому государству XVIII – первой половины XIX в.), поскольку отсутствовало понятие общегражданских прав и обязанностей. Права рассматривались как частные привилегии, купленные, унаследованные, выслуженные отдельными лицами и семьями, или как иммунитет от налогов и воинской повинности. Понятие «гражданство» в современном смысле также не было известно, а свобода понималась как автономия от центральной власти [52]. При возникновении демократии электорат в европейских странах был столь же мал, как и в России после образования Государственной думы. Даже в самой демократической для своего времени Англии электорат, если иметь в виду число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в парламент, в 1831 г. составлял всего 3,3 % от всей численности населения – *ровно столько, сколько было в Европейской России в 1907–1910 гг.* [53]

К 1917 г. гражданское общество в России сформировалось лишь в общих чертах, причем только в городской среде Европейской части страны. В деревне и восточных окраинах оно находилось лишь в зародыше. Но и в западноевропейских странах оно развивалось медленно и постепенно и зрелой стадии достигло только в XX в. [54]

Юридический плюрализм, когда в пределах одного государства одновременно действует две или более систем права, характерный для России XVIII – начала XX вв., был всеобщим явлением в европейских странах в средние века и в начале нового времени, лишь в XIX в. в большинстве случаев законодательство вытеснило обычное право [55]. В Англии юридический дуализм сохранялся и в XX в. [56] Преступность в европейских странах в доиндустриальную эпоху была невысокой, как и в России до 1860-х гг. В течение второй половины XIX – начала XX в. различия сгладились, в результате чего в 1900–1913 гг. по уровню преступности Россия уступала Англии лишь в 1,2 раза, Франции – в 1,9 раза, Германии – в 2,4 раза, в то время как в середине XIX в. – примерно в 7-8 раз [57]. Уровни преступности выравнивались благодаря более быстрому росту преступности в России. Жестокие наказания преступников были распространены повсюду в Европе до конца XVIII в., а телесные наказания вышли из употребления в большинстве европейских стран во второй половине XIX в. [58]

Сходство между Россией императорского периода и другими европейскими странами в более раннее время обнаруживается также в духовной культуре и менталитете [59]. Гадалки, колдуны и прорицатели пользовались большим почетом в российской деревне и в начале XX в., в крупных городах они стали исчезать в конце XIX в. В западноевропейских странах их популярность достигла своего пика в средние века, с началом нового времени она пошла на убыль, но в сельской местности сохранилась до XVIII в. [60] По наблюдениям иностранных путешественников XVIII–XIX вв., религиозность русских и западных людей существенно различалась. Для всех русских в начале XVIII в., а для простого народа вплоть до начала XX в., были характерны следующие особенности: плохое знание основ христианского вероучения, подмена веры строгим соблюдением ее уставов и обрядов, распространенность суеверий и предрассудков (почитание икон, хождение на поклон к святым местам, посты и т.п.), отсутствие должного благоговения в церкви во время службы и совершения таинств, «прагматический» характер благочестия (от соблюдения обрядов ожидали практических результатов – хорошего урожая, здоровья, успеха в делах и т.п.). Но примерно такой же была религиозность в западноевропейских странах до Реформации, а для многих сельских жителей – в XVII–XVIII вв. [61]

В России, как и в остальной Европе, секуляризация происходила медленно, а научные воззрения проникали в народные массы туго [62]. Охота на ведьм – свидетельство бытования языческих пережитков в массовом сознании – настолько широко практиковалась в западноевропейских странах в XVII–XVIII вв., что в этом отношении, если судить по числу зафиксированных случаев суда над ведьмами, они даже превосходили Россию [63]. В XVI–XVIII вв. языческие пережитки существовали повсеместно в Европе, их живучесть и распространенность возрастали с запада на восток; в восточноевропейских странах они наблюдались еще в XX в. [64], а, вероятно, последний случай линчевания колдуньи зафиксирован в Англии в 1751 г. [65] Сельскохозяйственная магия – другой важный показатель сохранения шаманизма в верованиях людей – благополучно дожила до середины XX в. во многих западных странах. Например, в США в 1950-е гг. она широко применялась при поднятии целины, кастрации скота, посадках садов и в других случаях, когда налицо были риск и неопределенность результата. В 1956 г. 40 % фермеров из штата Огайо перед севом приглашали профессиональных колдунов, гарантирующих достаточное количество осадков. Вследствие спроса на их услуги во всей стране насчитывалось до 25 тыс. колдунов, вызывающих дождь [66]. Русские путешественники первой половины XIX в. с некоторым удивлением отмечали бытование языческих праздников в Европе [67].

Приверженность принципам моральной экономики, столь характерная для русского крестьянства, обнаруживается даже в самой обуржуазившейся Англии и Франции еще в XVIII–начале XIX в. в хлебных бунтах и в движениях разрушителей машин [68]. Традиционная трудовая этика – так называемая этика праздности, в большинстве европейских стран существовала вплоть до

индустриальной революции, а в ряде католических стран, например в Италии и Испании, дожила до XX в. [69] Низкий уровень жизни, широкое распространение бедности – характерные черты всех европейских стран вплоть до завершения индустриальной революции в середине XIX в. [70]

Частые стихийные восстания, мятежи и смуты не являлись особенностью социальной жизни России; они играли важную роль в истории всех европейских стран от средних веков до новейшего времени, также как революции – в Новое и Новейшее время [71].

Многие современники сознавали, что простой народ – преобладающая часть населения России – живет в более раннем времени сравнительно с привилегированными группами населения или со своими западными соседями. Ирландской знакомой Е.Р. Дашковой, Кэтрин Вильмот, прожившей в России 1805–1806 гг., русское общество конца XVIII – начала XIX в. напоминало западноевропейское общество XIV–XV вв. [72] Известный либеральный историк и помещик К.Д. Кавелин считал темные и грубые стороны русского сельского быта 1860–1870-х гг. «недостатками молодости» [73]. По мнению известного экономиста начала XX в. П.П. Маслова, крестьянина по происхождению, «прилагая западноевропейские мерки к идейным течениям среди крестьян, мы можем сказать, что крестьянство (во второй половине XIX – начале XX в. – Б.М.) идейно жило в XV–XVI столетии, между тем как городская интеллигенция жила в XIX столетии. Крестьянство <...> на почве религии стремилось создать новый идеальный общественный строй» [74]. Возможно, расцвет русской религиозной философии конца XIX-начала XX в. объясняется именно особым менталитетом значительной части русского народа, свойственному Западной Европе в средние века. Все это признаки молодости, если смотреть на Средневековье в соответствии с достижениями современной медиевистики как на инкубационный период, подготовивший творческий взлет нового времени, а не как на период застоя и невежества [75].

В 1881 г. французский переводчик Э. О'Фаррель издал «Три русские сказки М.Е. Щедрина» («Как один мужик трех генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик») и в августе 1881 г., во время пребывания писателя в Париже, подарил ему экземпляр книги. Это подношение растрожило автора. «Помилуйте, - говорил Салтыков-Щедрин, - какой интерес могу я представлять для французской публики? Я - писатель семнадцатого века, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет даже значения курьеза. Надо это понять!». Бывший свидетелем этого писатель П.Д. Боборыкин заметил в своих воспоминаниях: «Спорить с ним было трудновато, и он никак не хотел сойти с того тезиса, что он писатель "семнадцатого века". А между тем разве он по-своему не был прав? Разве после представления «Грозы» Островского самые авторитетные французские критики не сказали без всякой иронии, что нравы эти напоминают им XIV век во Франции; вы видите: даже "четырнадцатый", а не "семнадцатый". Быть может, у одного Салтыкова достало мужества так резко определить содержание своей сатиры для французов» [76].

Можно считать закономерным, что по своей психологии русский взрослый крестьянин XIX в., как он изображается в русской классической литературе и как это было в жизни, напоминает современного юношу [77]. Н. А. Бердяев пронизательно заметил: «Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединились бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни» [78]. Подобную идею высказывал основатель американской антропологической школы Ф. Боас (1858–1942): в различных общностях могут господствовать разные хронологические порядки, т. е. что человеческие сообщества могут жить «в разных временах» [79].

В.В. Набоков, блестяще владевший русским и английским, нашел «возрастные» различия между языками, сообщив об этом в Постскрипуме к русскому изданию своего романа «Лолита» 7-го ноября 1965 г.: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но ещё недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пёстрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Всё дыхание человечества в этом сочетании слов» [80].

Таким образом, то, что в императорский период считалось национальной спецификой русских, несколькими поколениями ранее встречалось в других европейских странах. Разумеется, не буквально, а принципиально, ибо в рамках европейской цивилизации Россия, как и каждая страна, имела национальные особенности, обусловленные различиями в религии, географической среде, в политических и культурных условиях существования [81]. Эти особенности были усилены расположением России на восточной окраине Европы, многонациональным составом ее населения, влиянием восточных соседей, тем, что она позже других вступила в круг новой европейской цивилизации и ее история разворачивалась на «диком», необъятном и непрерывно увеличивавшемся

пространстве, между тем как большинство народов Западной Европы после падения Римской империи развивалось на уже освоенной и небольшой сравнительно с Россией территории, где находились центры римской культуры. Своеобразие условий существования не помешало ей иметь принципиальное сходство с Европой в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях. То, что называется «европеизацией России», как верно сказал П.Н. Милюков, «не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, задержанный условиями среды» [82]. Глобальные факторы эволюции общества, по крайней мере после принятия христианства, - религия, обеспечивавшая культурные предпосылки, географическая среда, обеспечивавшие материальные предпосылки, и общие антропологические предки, или раса, обеспечивавшие биологические предпосылки, - были общими у русских и других народов Европы. В новое время русские национальные традиции и ценности находились в рамках европейских [83], что в значительной мере предопределяло сходство социального развития России и Запада.

Однако более позднее включение в круг европейской цивилизации имело серьезные последствия. Во-первых, Россия развивалась асинхронно сравнительно с другими европейскими странами, поэтому то, что исследователи, лишённые понятия историзма, называют пороками российской политической и социальной системы, национального характера или, наоборот, достоинствами - не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми - достоинствами. Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась. Уже Киевская Русь не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого понятия; феодальные черты появились несколькими столетиями позже - в XIII-XVI вв. - и поэтому не были столь «чистыми» [84]. Проводить *синхронные сравнения* уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами так же некорректно, как сравнивать мальчика со взрослым человеком. Например, Россия привержена авторитаризму и коллективизму несколько не более чем Англия или Германия в свое время; русские люди отличаются неуважением к частной собственности или закону настолько же, насколько французы или итальянцы отличались в свое время. По отношению к России завышенные требования уместны, но оценка достигнутого должна соотноситься с ее возможностями и возрастом. Подобно тому, как в порядке воспитания от юноши следует требовать, чтобы он вел себя, как взрослый, но при оценке его поступков необходимо учитывать его возраст. Во-вторых, модернизация в некоторых случаях проводилась в России сверху тогда, когда традиционные структуры были здоровыми и полными сил: она ломала и перестраивала крепкий еще старый порядок по западноевропейским образцам. Вследствие этого соотношение между преемственностью и изменением нередко оказывалось в пользу первой, модернизация не доходила до устоев, захватывала внешнюю сторону, как говорится, мертвые хватили живых. Но другого выхода не было - это судьба страны, вступившей в процесс модернизации позже других и стремящейся их догнать.

С 1917 г. по 1991 г. сближение России и Запада продолжалось, причем с двух сторон. Россия стала урбанистическим, индустриальным, светским, образованным обществом. Запад, хотя и развивался в направлении либеральной демократии и рыночной экономики, тем не менее, усвоил идеи регулируемой экономики, социального государства, или государства всеобщего благоденствия, практику идеологической обработки населения и тотального контроля и многие другие советские ноу-хау. После 1991 г. Россия, вновь вступив на путь демократии и рыночной экономики, совершила мощный рывок в направлении Запада. Несмотря на это, качественное сравнение России и Запада в 2013 г. найдет много различий между ними, однако количественный анализ покажет, что степень различий уменьшилась. Политическая культура россиянина в 1990-е гг. радикально изменилась и в настоящее время, с точки зрения основных ее показателей: отношение электората к политическим свободам, плюрализм, распределение электората по шкале «левая-правая» ориентация, готовность к протестной деятельности в случае нарушения прав и ухудшения экономической ситуации и др., - Россия приблизилась к западным демократиям, хотя и не стала им идентичной [85].

Конвергенция - главная тенденция развития Европы XVIII-XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба, и игнорировать ее было бы легкомысленно. Серьезный исследователь должен регулярно переконструировать идеальные типы в соответствии с произошедшими изменениями. Иначе идеальные типы «Россия» и «Запад» превратятся в совокупность ложных стереотипов сознания, иными словами, - в ложные мифы. Как сказал М. Вебер: «Есть науки, которым дарована вечная молодость, и к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют преходящий характер всех идеально-типических конструкций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых» [86].

Заключение

Итак, Россия в течение своей более чем тысячелетней истории, несомненно, развивалась как европейская страна. Глобальные факторы ее эволюции, по крайней мере после принятия христианства, были общими у русских и других народов Европы. Русские национальные традиции и ценности находились в рамках европейских. Все российские общественные институты - разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы

поведения) ограничения, структурирующие их взаимодействие, являлись по сути европейскими. В России не было и нет ни одного института, который бы не встречался в какой-нибудь европейской стране. Россия и все европейские страны развивались и развиваются по одной траектории. В каждый данный момент Россия находится на более ранней стадии социального, экономического и политического развития относительно лишь самых развитых западноевропейских стран. А по сравнению с другими, например с балканскими странами или Польшей, Россия в период империи ни в чем существенно не отличалась и от них не отставала, в особенности в новое время. Сходство сценариев развития России и других европейских стран объясняется тремя обстоятельством: естественным, спонтанным тяготением страны к европейской траектории; желанием элиты идти общеευропейским путем; политикой правящего класса, сознательно и настойчиво преследовавшего цель сравняться с самыми передовыми европейскими странами, причем во всех отношениях.

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003; Миронов Б.Н. Благосостояние и революции в имперской России: XVIII—начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012.
2. Гофман А. Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 553; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 469-509; Ильин В. В. Политология. М.: Кн. дом «Университет», 2000. С. 334-341; Шаповалов В.Ф. Россиеведение. М.: Гранд; ФАИР-пресс, 2001. С. 332-362.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 393.
4. См. например: Уткин А. И. Россия и Запад: История цивилизаций. М.: Гардарики, 2000; Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 191-228; Billington J. H. Russia in Search of Itself. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press: Johns Hopkins University Press, 2004; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Lieven D. Empire: The Russian Empire and its Rivals. London: John Murray, 2000; Poe M. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.
5. Вульф. Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 516—541. Подобным образом другой американский интеллектуал и политический активист палестинского движения Эдвард Вади Саид (1935—2003), в 1978 г. в своей ставшей знаменитой книге показал, что Запад всегда имел дело не только с Востоком как таковым, с его презентациями, сколько с тем вторичным по своей сути образом Востока, который создал сам для своих нужд – с системой репрезентаций; изобретение отсталого Востока служило средством господства Запада над Азией: Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
6. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
7. Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2012. С. 261. Негативные оценки русских встречаются уже в европейских хрониках XII-XIII вв., где они предстают как дикие, неблагородные, необразованные люди, тяготеющие к общению с язычниками: Концепции и оценки развития России (XX-начало XXI в.) в зарубежных исследованиях. Коллективная монография / Ю.И. Игрицкий (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 184.
8. Филюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией. С. 225—226. См. интересные соображения на этот счет: Станциани А. Взаимное сравнение и история: Некоторые предложения, подсказанные изучением российского материала // *Ab Imperio*. 2011/4. С. 35—57.
9. Щукин В. Г. Запад как пространство «романтического побега» (Замогильные записки Владимира С. Печерина) // Из истории русской культуры: В 5 т. Т. 5. (XIX век) / Б. Ф. Егоров, А.Д. Кошелев (сост.). М.: Языки русской культуры, 1966. С. 559—573.
10. Пример использования функций «темного и светлого двойника» см.: Foglesong D.S. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (см. интересную рецензию В. И. Журавлевой в «Новом историческом вестнике». 2009. № 2); Кушцова И.В. Образ Германии в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны // Клио. 2012. № 5 (65). С. 68—71; Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870-1890 гг. (по материалам прессы): Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
11. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: Издательство АСТ, 2003; Джекобс Д. Закат Америки: Впереди Средневековье. М.: Европа, 2006.
12. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. С. 642, 643, 645.
13. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Европа, 2007. С. 248, 349—356.

14. Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII-первая половина XIX века). СПб.: Нестор, 2006. С. 142; Цилурик Д.Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX в. // Медиаскоп. 2012. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1026> (последнее посещение 27.10.2013). Анализ того, каким был и как формировался образ России за рубежом и в самой России в XVII–XIX вв. см.: Белгородская Л.В. Образ российской империи на страницах британский и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009; Концепции и оценки развития России...; Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика) / И.О. Ермаченко (ред.). Петрозаводск: ПГУ, 2001; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / А.И. Голубев (ред.). М., 2000; Ушаков В. А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов: В 3 кн. СПб.: Полторацк, 2010–2012.
15. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образ России в мире. М.: АИРО-XXI, 2010. Вопрос конструирования образа России за рубежом обсуждался на международной конференции в Будапеште: Образ России с Центрально-европейским акцентом: Сб. статей и материалов / Д. Свак, И. Киш (ред.). Будапешт: Центр русистики Будапештского университета; Москва: ИНИОН, 2010. Среди докладов особенной интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляют: Свак Д. Россия и ее имидж; Вагнер П. Образ России в Центральной Европе: бремя истории и его отголоски; Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности; Павликова М. Особенности формирования образа России в СМИ зарубежных стран. См. также: Бородин С.В. Стереотипы России и русских в учебниках ФРГ в 1950-1980-х гг. // Образы историографии / А.П. Логунов (ред.). М., 2000. С. 133-146; Елистратов В. С. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991; Новые мифы о России: Русские глазами иностранцев / Л. Арье и др. М.: Эксмо, 2005; Образ России: Русская культура в мировом контексте / Е. П. Челышев (ред.). М.: Азбуковник, 1998; Русские глазами иностранцев: Новые мифы о России / В. Бетаки, и др М.: Эксмо, 2009.
16. Ранкур-Лаферьер Д. 1) Рабская душа России: Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Ладомир, 1996; 2) Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности. М.: Ладомир, 2003.
17. Шевырин В.М. Переосмысление российской истории X–начала XX в. в зарубежной историографии: (Обзор) // История России в современной зарубежной историографии: Сборник обзоров и рефератов / В.М. Шевырин (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2010. Ч. 1. С. 14, 15, 60. См. также: Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени: С 1789 года до наших дней. М.: Весь мир, 2006; Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006. Голоса, оспаривающих европейскую сущность России, притихли, но не смолкли: Безансон А. Россия – европейская страна? // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 246-265.
18. Дэвис Н. История Европы. М.: Транзиткнига, 2005. С. 9, 17.
19. URL: [http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat?](http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat/) (дата обращения 30.10.2013).
20. Дискурс об исламе, России и Востоке рассмотрен в кн.: Батунский М.А. Россия и ислам. В 3 ч. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
21. Сахаров А. Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М.: ИРИ РАН, 2006; Masaryk Th. G. The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy. London and New York: G. Allen and Unwin; Macmillan, 1955. Vol. 1-2; Miliukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L. Russian History. New York: Funk and Wagnalls, 1968. Vol. 1. P. XVIII-XXI, 98; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. New York and Washington: Praeger Publishers, 1971. По мнению Янова, Россия | родилась страной европейской как Киевско-Новгородская Русь: Янов А. Россия и Европа: В 3 кн. М.: Новый хронограф, 2008. Кн. 1. В начале была Европа: У истоков трагедии русской государственности. 1462-1584.
22. Olson L. The Early Middle Ages: the Birth of Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 198. Экстравагантной представляется точка зрения, согласно которой после нашествия монголов произошел полный разрыв с Киевским периодом и наблюдалось слепое копирование политических и военных институтов монголов: Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология / Дж. Маджеска (сост). Самара: Изд-во СГУ, 2001. С. 143-171.
23. Точка зрения о европейской траектории России нашла свое воплощение в недавней фундаментальной книге известного немецкого историка Манфреда Хильдермайера ««История России: от Средневековья до Октябрьской революции»: Hildermeier M. Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. Leinen: C. H. Beck. 2013. 1504 S. На русском языке этому посвящена его статья: Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: особый путь» европейской модернизации? // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 85–101.
24. The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century / D. Chirot (ed.). Berkeley, CA: University of California Press, 1989; Okey R. Eastern Europe, 1470-1985: From Feudalism to Communism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982; Wandycz P. S. The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present. London and New York: Routledge, 1992.

25. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.** / Т. Л. Моисеенко-Доорн (ред.). М.: РОССПЭН, 1998. С. 60—191, 416—419; Тревельян Дж. М. **Социальная история Англии: Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории.** М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 21—121; Galtung J., Rudeng E., Heiestad T. *On the Last 2500 Years in Western History...* P. 320-329; Goubert P. *The Ancient Regime: French Society, 1600-1750.* London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; Huppert G. *After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1986; Laslett P. *The World We Have Lost;* Pennigton D. N. *Seventeenth Century Europe.* London and New York: Longman, 1970; Weber E. *A Modern History of Europe: Men, Culture, and Society.* New York: W. W. Norton, 1971. P. 3-36, 183-220.

26. Бессмертный Ю. Л. 1) **Историческая демография позднего средневековья на современном этапе // Средние века.** 1987. Т. 50. 1987. С. 292-293; 2) **Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции.** М.: Наука, 1991. С. 222—229; Вишневский А. Г. **Демографическая революция.** М.: Статистика, 1976; **Брачность, рождаемость, семья за три века / А. Г. Вишневский, И.С. Кон (ред.).** М.: Статистика, 1979; Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 29—63, 230—233; Flinn M. W. *The European Demographic System: 1500-1820.* Brighton: Harvester Press, 1981; Haines M. R. *The Population of Europe: The Demographic Transition and After // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: In 6 vols. / P. N. Stearns (ed.).* New York etc.: Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 2. P. 159—170; Levine D. *The Population of Europe: Early Modern Demographic Patterns // Ibid.* P. 145—158; Riddle J. M. *Birth, Contraception, and Abortion // Ibid.* P. 181—191.

27. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 55—59; Зидер Р. **Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.).** М.: Владос, 1997. С. 285—294; *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries / K. Boh et al. (eds.).* London and New York, 1989; **Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. The Family and Age Groups.** P. 85—242; Gillis J. R. *For Better, For Worse: British Marriages, 1600 to the Present.* New York and Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 130-134; Gottlieb B. *The Family in the Western World from Black Death to the Industrial Age.* New York and Oxford: Oxford University Press, 1993; Flandrin J.-L. *Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality.* Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 118-144; Mitterauer M., Reindard S. *The European Family: From Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present.* Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 227-234; Shorter E. *The Making of the Modern Family.* New York: Basic Books, 1977. P. 39—44, 54-78, 218—227; Stone L. *The Rise of the Nuclear Family in Early Modern England: The Patriarchal Stage // The Family in History / Ch. E. Rosenberg (ed.).* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. P. 13—59. **Впрочем, насилия в семейных отношениях много даже в современных западных странах. Например, в США в 1980-е гг. в 28% семей встречались случаи физической агрессии супругов друг против друга, в 4% случаев с применением оружия:** Campbell A. *Men, Women and Aggression.* New York: Basic Books, 1993. P. 103. **Ежегодное число женщин, избиваемых своими мужьями, оценивается социологами в 3–5 млн человек, а мужчин, избиваемых женщинами, в 6 раз меньше, следовательно, – 0,5–0,8 млн: Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Серия 3: Философия и социология.** 1986. № 3. С. 159—165.

28. Кон И. С. **Бить или не бить.** М.: Бремя, 2012. Глава 2. Немного истории; Зидер Р. **Социальная история семьи...** С. 36—45, 115—120, 133—136; Anderson A., Zinsser J. P. *A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present.* New York: Harper and Row, 1988. Vol. 1, 2; Aries Ph. *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life.* London: Jonathan Cape, 1962; Levine D. *History of the Family // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4.* P. 97; Pollock L. A. *A Lasting Relationship: Parents and Children over Three Centuries.* Hanover and London: University Press of New England, 1987; *The History of Childhood / M. Lloyd (ed.).* New York: The Psychohistory Press, 1974;

29. *Family Forms in Historic Europe / R. Wall (ed.).* Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (ed.).* Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 623.

30. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 55—57; Berkner L. K. *The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History.* 1975. No. 4. P. 721-738; Flandrin J.-L. *Families in Former Times....* P. 5-92; Levine D. *The European Marriage Pattern // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2.* P. 171—180.

31. Hall L. A. *Masturbation // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4.* P. 279—290; Phillips R. G. *Sex, Law, and the State // Ibid.* P. 301—310; Sigel L. Z. *Sexual Behavior and Sexual Morality // Ibid.* P. 243—258; Sohn A.-M. *Illegitimacy and Concubinage // Ibid.* P. 259—268; Trumbach R. *Homosexuality and Lesbianism // Ibid.* P. 311—326.

32. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 146—151, 154—171; *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / M. L. Bush (ed.).* London and New York: Longman, 1992).

33. Филд Д. **Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы международного colloquium историков / В. С. Дякин (ред.).** СПб.: Наука, 1992. С. 70, 78.

34. Dewald J. The Aristocracy and Gentry // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 3. P. 27—38; The Nobility in Russia and Eastern Europe / I. Banac, P. Bushkovitch (eds.). New Haven: Yale University Press, 1983.
35. Хачатурян Н. А. Французское крестьянство в системе сословной монархии // *Классы и сословия средневекового общества* / З. В. Удальцова (ред.). М.: Наука, 1988. С. 103-111.
36. Kaelble H. Social Mobility // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 3. P. 19—26.
37. Albisetti J. C. Professionals and Professionalization // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 3. P. 57—78; Hunt M. The Middle Classes // *Ibid.* P. 39—56.
38. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 64—191; Friedrichs Ch. R. 1) The City: The Early Modern Period // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 2. P. 249—262; 2) Urban Institutions and Politics: The Early Modern Period // *Ibid.* Vol. 2. P. 301—306; Gies F., Gies J. Life in a Medieval Village. New York et al.: Harper and Row, 1990. P. 88-105; Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. P. 1-13, 30-40.
39. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. С. 141-166; Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902; Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М.: М.И. Водовозова, 1897. С. 285-297; Ястребицкая А. Л. Европейский город (средние века и раннее новое время): Введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН РАН, 1993; Doyle W. The Old European Order: 1660-1800. Oxford et al.: Oxford University Press, 1990. P. 126.
40. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 150; Тушина Е. В. Городское землевладение // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан* / А.А. Сванидзе (ред.). М.: Наука, 1999. С. 279—289.
41. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб.: Н.Н. Каблуков, 1907. С. 165.
42. Haine W. S. Street Life and City Space // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 313—328.
43. Russo D. J. Families and Communities: A New View of American History. Nashville, 1974.
44. Miller M. Fairs and Markets // *Encyclopedia of European Social History* ... Vol. 2. P. 425 —438.
45. Cowan A. Suburbs and New Towns // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 329—342.
46. Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700-1914. 2nd ed. London; New York: Methuen, 1983. P. 179.
47. Papayanis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 277—290.
48. Cowan A. Urbanization // *Encyclopedia of European Social History*. Vol. 2. P. 237—248; Friedrichs Ch. R. The City: The Early Modern Period // *Ibid.* P. 249—262; Konvitz J. The City: The Modern Period // *Ibid.* P. 263—276.
49. Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб.: Азбука, 2000. С. 5—6.
50. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. С. 74—98; Кнапп Г. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии. СПб.: О.Н. Попова, 1900; Томпсон Ф. М. История европейских сельских обществ // *Цивилизации*. 1995. Вып. 3. С. 209-218; Brener Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe / T. H. Aston, C. H. E. Philis (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Blum J. The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1978; Doyle W. The Old European Order. P. 14-17; Gorshkov B. Serfdom: Eastern Europe // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 379—388; Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe: A. D. 500-1850. New York: St. Martin's Press, 1963; Vardi L. Serfdom: Western Europe // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 369—378.
51. Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley et al.: University of California Press, 1977. P. 175-211; Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. New York and Basel, 1983. P. 136-173; Heater D. B. Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century. London et al.: G. G. Harrap, 1964. P. 223-229; Madariaga I. 1) Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London: Yale University Press, 1981. P. 581-588; 2) Sisters under the Skin // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. No. 4. P. 624-628; Shubert A. The Liberal State // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 449—462; Tilly Ch. Democracy // *Ibid.*... P. 463—476.
52. Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // *Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи* Материалы XVII сессии Симпоз. по изуч. пробл. аграр. истории / В. Т. Папуто (ред.). Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1980. С. 21—36; Gillis J. R. The Development of European Society. P. 19-20; Parker D. Absolutism // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 439—448
53. Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. СПб.: Типография МВД, 1911. С. VI; Hamerow Th.S. The Birth of a New Europe. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1983. P. 302-304.

54. Брэдли Дж. **Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество.** М.: Новый хронограф, 2012. С. 55–92; Hausmann G. *Civil Society // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 2. P. 489–498.
55. Карбонье Ж. **Юридическая социология.** М.: Прогресс, 1986. С. 177–180.
56. Зарудный М. И. **Общественный быт Англии.** СПб., 1865. С. 131-143; Федоров К. Г. **История государства и права зарубежных стран.** М., 1977. С. 171-178.
57. Гернет М. Н. **Моральная статистика и статистика самоубийств): В 2 вып.** М.: ЦСУ, 1922, 1927. Вып. 1. С. 50-97; **О преступности в Англии и во Франции // Библиотека для чтения.** 1854. № 10. С. 43-54; **Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат.** М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1933. Т. 33. Стб. 375-378; Alaimo K. *Juvenile Delinquency and Hooliganism // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 383–398; Cockburn J. S. *Patterns of Violence in English Society: Homicide in Kent, 1560-1985 // Past and Present.* 1991. No. 130. February. P. 70-106; *Crime in England: 1550-1800 / J. S. Cockburn (ed.).* London, 1977; Curr T. R. *Contemporary Crime in Historical Perspective: A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // Annual of the American Academy of Political and Social Science.* 1977. No. 434. P. 114-136; Spierenburg P. *Crime // Encyclopedia of European Social...* Vol. 3. P. 335–350; Zehr H. *The Modernization and Crime in Germany and France: 1830-1913 // Journal of Social History.* 1975. Vol. 8. No. 4. P. 117-141.
58. Schrader A. M. *Punishment // Encyclopedia of European Social History ...* Vol. 3. P. 413–428.
59. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 181–191; Burke P. 1) *Popular Culture in Early Modern Europe.* New York et al.: Harper Torchbooks, 1978; 2) *Popular Culture // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 3–14; Luria K. P. *Belief and Popular Religion // Ibid.* P. 249–262; Ramsey A. W. *The Reformation of Popular Culture // Ibid.* P. 53–66; *Religion and Society in Early Modern Europe: 1500-1800 / K. Greyerz (ed.).* London, 1984; Scarre G. *Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe.* Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987; Scribner R. W. *Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany.* London and Roncererte: The Hambledon Press, 1987; *The History of Popular Culture to 1815 / N. Cantor, M. S. Werthman (eds.).* New York and London: The Macmillan Co., 1968; Thomas K. *Religion and Decline of Magic.* New York: Scribner, 1971.
60. Вигзелл Ф. **Зарисовки российского быта XVIII-XIX веков: гадалки и их клиенты // Отечественная история.** 1997. № 1. С. 159-167; Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 187–188; Clark S. *Magic // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 29–40; Sharpe J. A. *Witchcraft // Ibid.* Vol. 3. P. 361–372.
61. Левин И. **«Двоеверие» и народная религия // Американская русистика...** С. 259-283; Огева О.Г. **Религиозность русских людей в первой четверти XVIII века глазами западноевропейских мемуаристов: Ю. Юль, Х.-Ф. Вебер // Русская история: проблема менталитета: Тезисы докладов научной конференции.** Москва, 4-6 октября 1994 / А. А. Горский (ред.). М.: ИРИ РАН, 1994. С. 102-105; Doyle W. *The Old European Order. 1660-1800.* P. 152-155.
62. Дидерикс Г.А. и др. **От аграрного общества...** С. 176–191; Henry J. *Science and the Scientific Revolution // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 2. P. 77–94; Lehmann H. *Secularization // Ibid.* P. 95–100.
63. Занков Д.С. **Ведовские процессы в Западной Европе (конец XV-начало XVIII веков): Автореф. ... канд. ист. наук.** СПб, 2006; Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 187–188; Scarre G. *Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe.* Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987. P. 25, 30.
64. Pocs E. *Between the Living and the Dead. A Perspective on Witches and Seers in the Early Modern Age.* Budapest: Central European University Press, 1998.
65. Doyle W. *The Old European Order.* P. 152-155.
66. Roger E. M. *Social Change in Rural Society: A Text-book in Rural Sociology.* New York, 1960. P. 208-209.
67. Каразин В. Н. **Языческий праздник в Европе в XIX столетии христианского летоисчисления // Каразин В. Н. Сочинения, письма, бумаги.** Харьков: Харьк. ун-т, 1910. С. 582–584.
68. Rule J. G. *Moral Economy and Luddism // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 205–216.
69. Ban B. *Factory Work // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 4. P. 479–494; Cross G. S. *Work Time // Ibid.* P. 501–512; Shapely P. *Work and the Work Ethic // Ibid.* P. 451–466; Holt M. P. *Festivals // Ibid.* Vol. 5. P. 41–52.
70. Дидерикс Г. А. и др. **От аграрного общества...** С. 173–176, 267–271; Pounds N. *Standards of Living // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 451–460.
71. Hanagan M.P. *Urban Crowds // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 217–226; Richards M. D. *Revolutions // Ibid.* P. 227–252.
72. Дашкова Е.Р. **Записки княгини Е. Р. Дашковой.** М.: Наука, 1990. С. 480.
73. Кони А.Ф. **Воспоминания о писателях.** М.: Правда, 1989. С. 535.
74. Маслов П.П. **Аграрный вопрос в России: В 2 т. СПб.: Общественная польза, 1905, 1908. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение.** С. 73.

75. См. например, ставшую классической книгу: Haskins Ch. H. The Renaissance of the 12th Century. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1964. Bouchard C. B. The Medieval Heritage // *Encyclopedia of European Social History...* Vol. 1. P. 131–142.

76. Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. С. 414.

77. Миронов Б. Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. С. 140–162; Кон И. С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). М.: Просвещение, 1979. С. 59–77. Американский историк русского происхождения, М. Левин, считает, что русские крестьяне в 1900–1920-е гг. жили примерно как французские крестьяне в XVI в.: Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985. P. 52.

78. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 251.

79. Цит. по: Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. С. 7.

80. Набоков В. В. Лолита: Исповедь Светлокожего Вдовца. М.: Текст, 1998.

81. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 3–6, 62–63, 188–191, 230–233, 419; Хачатурян Н. А., Хачатурян В. М. Средневековая культура России и Западной Европы: Идентичность и расхождение // *Цивилизация*. № 3. 1995. С. 62–79; Agnew J. Principles of Regionalism // *Encyclopedia of European Social History...* Vol. 1. P. 243–256; Wade R. Russia and the East Slavs // *Ibid.* P. 405–420.

82. Милоков П. Н. Воспоминания. В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 158. См. также: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М.; Пг.: Гос изд., 1923. С. 181–186; Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России: По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб.: тип. Шредера, 1910. С. 137–145.

83. Black C. E. The Modernization of Russian Society // *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861* / C. E. Black (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 679.

84. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России: Пресняков А. Е. 1) Княжое право в Древней Руси. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1909; 2) Лекции по русской истории. М.: Соцэктгиз, 1938. Т. 1; 3) Образование великорусского государства. Пг.: Тип. Я.Башмаков, 1918; Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.

85. Рукавишников В. О. и др. 1) Россия между прошлым и будущим: Сравнение показателей политической культуры населения 22-х стран Европы и Северной Америки // *Социологические исследования*. 1995. № 5. С. 75–90; 2) Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. См. также: Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль (ред.). М.: Аспект Пресс, 2002. С. 84–88; Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 60–70; Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРПС, 1998; Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994; Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре / *Полис*. 1997. № 5. С. 127–139.

86. Вебер М. Избранные произведения. С. 406.

References:

1. Mironov B. N. 1) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII—nachalo KhKh v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. 3-e izd.* SPb.: Dm. Bulanin, 2003; 2) *Blagosostoyanie i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII—nachalo KhKh veka. 2-e izd.* M.: Ves' mir, 2012.

2. Gofman A. B. O sotsiologii Emilya Dyurkgeima // *Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii.* M.: Nauka, 1991. S. 553; Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa.* M.: Kniga, 1991. S. 469–509; Il'in V. V. *Politologiya.* M.: Kn. dom «Universitet», 2000. S. 334–341; Shapovalov V.F. *Rossievedenie.* M.: Grand; FAIR-press, 2001. S. 332–362.

3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya.* M.: Progress, 1990. S. 393.

4. См. например: Utkin A. I. *Rossiya i Zapad: Istoriya tsivilizatsii.* M.: Gardarika, 2000; Filyushkin A. *Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziei // Ab Imperio.* 2004. № 1. S. 191–228; Billington J. H. *Russia in Search of Itself.* Washington D.C.: Woodrow Wilson Press: Johns Hopkins University Press, 2004; Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Lieven D. *Empire: The Russian Empire and its Rivals.* London: John Murray, 2000; Poe M. *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.

5. Vul'f. L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya.* M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. S. 516–541. Подобным образом другой американский интеллигент и политический активист палестинского происхождения Эдвард Вадди Саид (1935–2003), в 1978 г. в своей ставшей знаменитой книге показал, что Запад всегда имел дело не только с Востоком как таковым, с его претензиями, сколько с тем вторичным по своей сути образом Востока, который создал сам для своих нужд – с системой репрезентации; изобретение отсталого Востока служило средством господства Запада над Азией: Said E. V. *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka.* SPb.: Russkii mir, 2006.

6. Noimann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
7. Labutina T. L. Anglichane v dopetrovskoi Rossii. SPb.: Aleteiya, 2012. S. 261. Negativnye otsenki russkikh vstrechayutsya uzhe v evropeiskikh khronikakh XII-XIII vv., gde oni predstavlyayut kak dikie, neblagorodnye, neobrazovannye lyudi, tyagoteyushchie k obshcheniyu s yazychnikami: Kontseptsii i otsenki razvitiya Rossii (XX-nachalo XXI v.) v zarubezhnykh issledovaniyakh. Kollektivnaya monografiya / Yu.I. Igritskii (red.). M.: INION RAN, 2010. S. 184.
8. Filyushkin A. I. Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziei. S. 225—226. Sm. interesnye soobrazheniya na etot schet: Stantsiani A. Vzaimnoe sravnenie i istoriya: Nekotorye predlozheniya, podskazannye izucheniem rossiiskogo materiala // Ab Imperio. 2011/4. S. 35—57.
9. Shchukin V. G. Zapad kak prostranstvo «romanticheskogo pobega» (Zamogil'nye zapiski Vladimira S. Pecherina) // Iz istorii russkoi kul'tury: V 5 t. T. 5. (XIX vek) / B. F. Egorov, A. D. Koshelev (sost.). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1966. S. 559—573.
10. Primer ispol'zovaniya funktsii «temnogo i svetlogo dvojnika» sm.: Foglesong D. S. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (sm. interesnuyu retsenziyu V. I. Zhuravlevoi v «Novom istoricheskom vestnike». **2009. № 2**); **Kuptsova I. V. Obraz Germanii v soznanii rossiiskoi khudozhestvennoi intelligentsii v gody Pervoi mirovoi voyny // Klio. 2012. № 5 (65). S. 68—71**; Ladygin A. V. Obraz Germanii v soznanii rossiiskogo obshchestva v 1870-1890 gg. (po materialam pressy): Avtoref. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2010.
11. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada. M.: Izdatel'stvo ACT, 2003; Dzhekobs D. Zakat Ameriki: Vpered i Srednevekov'e. M.: Evropa, 2006.
12. Liven D. Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei. M.: Evropa, 2007. S. 642, 643, 645.
13. Krashenninnikova V. Rossiya - Amerika: kholodnaya voyna kul'tur. Kak amerikanskie tsennosti prelomlyayut videnie Rossii. M.: Evropa, 2007. S. 248, 349—356.
14. Partanenko T. V., Ushakov V. A. Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (KhVIII-pervaya polovina KhKh veka). SPb.: Nestor, 2006. S. 142; Tsilyurik D. D. Obraz Rossii vo Frantsii: formirovanie matritsy vospriyatiya v XVIII – nachale XIX v. // Mediaskop. 2012. **№ 1. URL:** <http://www.mediascope.ru/node/1026> (poslednee poseshchenie 27.10.2013). Analiz togo, kakim byl i kak formirovalsya obraz Rossii za rubezhom i v samoi Rossii v XVII—XIX vv. sm.: Belgorodskaya L.V. Obraz rossiiskoi imperii na stranitsakh britanskii i amerikanskikh spravochno-entsiklopedicheskikh izdaniy XX veka. SPb.: Izd-vo SPbGU, **2009**; **Kontseptsii i otsenki razvitiya Rossii...; Obrazy Rossii v nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh (istoriya, teoriya, pedagogicheskaya praktika) / I.O. Ermachenko (red.). Petrozavodsk: PGU, 2001; Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya / A. I. Golubev (red.). M., 2000; Ushakov V. A. Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov: V 3 kn. SPb.: Poltorak, 2010—2012.**
15. Barabash V. V., Bordyugov G. A., Kotelenets E. A. Obraz Rossii v mire. M.: AIRO-XXI, 2010. Vopros konstruirovaniya obraza Rossii za rubezhom obsuzhdalsya na mezhdunarodnoi konferentsii v Budapeshte: Obraz Rossii s Tsentral'no-evropeiskim aktsentom: Sb. statei i materialov / D. Svak, I. Kish (red.). Budapesht: Tsentrusistiki Budapeshtskogo universiteta; Moskva: INION, 2010. Sredi dokladov osobennoi interes v svyazi s obsuzhdaemoi problemoi predstavlyayut: Svak D. Rossiya i ee imidzh; Vagner P. Obraz Rossii v Tsentral'noi Evrope: bremya istorii i ego otgoloski; Zaritskii T. Rossiiskii diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovanii pol'skoi identichnosti; Pavlikova M. Osobennosti formirovaniya obraza Rossii v SMI zarubezhnykh stran. Sm. takzhe: Borodin S.V. Stereotipy Rossii i russkikh v uchebnikakh FRG v 1950-1980-kh gg. // Obrazy istoriografii / A. P. Logunov (red.). M., 2000. S. 133-146; Elistratov V. S. Rossiya kak mif (k voprosu o strukturno-mifologicheskikh tipakh vospriyatiya Rossii Zapadom // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. Vyp. 1. M., 1991; Novye mify o Rossii: Russkie glazami inostrantsev / L. Ar'e i dr. M.: Eksmo, 2005; Obraz Rossii: Russkaya kul'tura v mirovom kontekste / E. P. Chelyshev (red.). M.: Azbukovnik, 1998; Russkie glazami inostrantsev: Novye mify o Rossii / V. Betaki, i dr. M.: Eksmo, 2009.
16. Rankur-Lafer'er D. 1) Rabskaya dusha Rossii: Problemy npravstvennogo mazokhizma i kul't stradanija. M.: Lodomir, 1996; 2) Rossiya i russkie glazami amerikanskogo psikhoanalitika: V poiskakh natsional'noi identichnosti. M.: Lodomir, 2003.
17. Shevyrin V. M. Pereosmyslenie rossiiskoi istorii X–nachala KhKh v. v zarubezhnoi istoriografii: (Obzor) // Istoriya Rossii v sovremennoi zarubezhnoi istoriografii: Sbornik obzorov i referatov / V.M. Shevyrin (red.). M.: INION RAN, 2010. Ch. 1. S. 14, 15, 60. Sm. takzhe: Briggs E., Klevin P. Evropa novogo i noveishego vremeni: S 1789 goda do nashikh dnei. M.: Ves' mir, 2006; Trenin D. Integratsiya i identichnost': Rossiya kak «novyi Zapad». M.: Evropa, 2006. Golosa, osparivayushchikh evropeiskuyu sushchnost' Rossii, pritikhli, no ne smokli: Bezanson A. Rossiya – evropeiskaya strana? // Otechestvennye **zapiski. 2004. № 5 (20). S. 246-265.**
18. Devis N. Istoriya Evropy. M.: Tranzitkniga, 2005. S. 9, 17.
19. URL: [http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat?](http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat/) (data obrashcheniya 30.10.2013).
20. Diskurs ob islame, Rossii i Vostoke rassmotren v kn.: Batunskii M.A. Rossiya i islam. V 3 ch. M.: Progress-Traditsiya, 2003.

21 Sakharov A. N. *Drevnyaya Rus' na putyakh k «Tret'emu Rimu»*. M.: IRI RAN, 2006; Masaryk Th. G. *The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy*. London and New York: G. Allen and Unwin; Macmillan, 1955. Vol. 1-2; Miliukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L. *Russian History*. New York: Funk and Wagnalls, 1968. Vol. 1. P. XVIII-XXI, 98; Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453*. New York and Washington: Praeger Publishers, 1971. Po mneniyu Yanova, Rossiya i rodilas' stranoi evropeiskoi kak Kievsko-Novgorodskaya Rus': Yanov A. *Rossiia i Evropa: V 3 kn. M.: Novyi khronograf*, 2008. Kn. 1. V nachale byla Evropa: U istokov tragedii russkoi gosudarstvennosti. 1462-1584.

22. Olson L. *The Early Middle Ages: the Birth of Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 198. Ekstravagantnoi predstavlyaetsya tochka zreniya, soglasno kotoroi posle nashestviya mongolov proizoshel polnyi razryv s Kievskim periodom i nablyudalos' slepoe kopirovanie politicheskikh i voennykh institutov mongolov: Ostrovski D. *Mongol'skie korni russkikh gosudarstvennykh uchrezhdenii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi. Antologiya / Dzh. Madzheska (sost). Samara: Izd-vo SGU, 2001. S. 143-171.*

23. Tochka zreniya o evropeiskoi traektorii Rossii nashla svoe voploshchenie v nedavnei fundamental'noi knige izvestnogo nemetskogo istorika Manfreda Khil'dermaiera ««Istoriya Rossii: ot Srednevekov'ya do Oktyabr'skoi revolyutsii»: Hildermeier M. *Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. Leinen: C. H. Beck. 2013. 1504 S. Na russkom yazyke etomu posvyashchena ego stat'ya: Khil'dermaier M. *Rossiiskii «dolgii XIX vek»: osobyi put'» evropeiskoi modernizatsii? // Ab Imperio. 2002. № 1. S. 85–101.*

24. *The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century / D. Chirot (ed.)*. Berkeley, CA: University of California Press, 1989; Okey R. *Eastern Europe, 1470-1985: From Feudalism to Communism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982; Wandycz P. S. *The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present*. London and New York: Routledge, 1992.

25. Dideriks G. A. i dr. *Ot agrarnogo obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagodenstviya. Modernizatsiya Zapadnoi Evropy s XV v. do 1980–kh gg. / T. L. Moiseenko-Doorn (red.)*. M.: ROSSPEN, 1998. S. 60–191, 416–419; Trevel'yan Dzh. M. *Sotsial'naya istoriya Anglii: Obzor shesti stoletii ot Chosera do korolevy Viktorii*. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959. S. 21–121; Galtung J., Rudeng E., Heiestad T. *On the Last 2500 Years in Western History...* P. 320-329; Goubert P. *The Ancient Regime: French Society, 1600-1750*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; Huppert G. *After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1986; Laslett P. *The World We Have Lost*; Pennigton D. N. *Seventeenth Century Europe*. London and New York: Longman, 1970; Weber E. *A Modern History of Europe: Men, Culture, and Society*. New York: W. W. Norton, 1971. P. 3-36, 183-220.

26. Bessmertnyi Yu. L. 1) *Istoricheskaya demografiya pozdnego srednevekov'ya na sovremennom etape // Srednie veka. 1987. T. 50. 1987. S. 292-293;* 2) *Zhizn' i smert' v srednie veka: Ocherki demograficheskoi istorii Frantsii*. M.: Nauka, 1991. S. 222–229; Vishnevskii A. G. *Demograficheskaya revolyutsiya*. M.: Statistika, 1976; *Brachnost', rozhdaiemost', sem'ya za tri veka / A. G. Vishnevskii, I. S. Kon (red.)*. M.: Statistika, 1979; *Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 29–63, 230–233;* Flinn M. W. *The European Demographic System: 1500-1820*. Brighton: Harvester Press, 1981; Haines M. R. *The Population of Europe: The Demographic Transition and After // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: In 6 vols. / P. N. Stearns (ed.)*. New York etc.: Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 2. P. 159–170; Levine D. *The Population of Europe: Early Modern Demographic Patterns // Ibid. P. 145–158;* Riddle J. M. *Birth, Contraception, and Abortion // Ibid. P. 181–191.*

27. Dideriks G. A. i dr. *Ot agrarnogo obshchestva... S. 55–59;* Zider R. *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII—XX vv.)*. M.: Vlasos, 1997. S. 285–294; *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries / K. Boh et al. (eds.)*. London and New York, 1989; *Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. The Family and Age Groups. P. 85–242;* Gillis J. R. *For Better, For Worse: British Marriages, 1600 to the Present*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 130-134; Gottlieb B. *The Family in the Western World from Black Death to the Industrial Age*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993; Flandrin J.-L. *Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality*. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 118-144; Mitterauer M., Reindard S. *The European Family: From Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present*. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 227-234; Shorter E. *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1977. P. 39–44, 54-78, 218–227; Stone L. *The Rise of the Nuclear Family in Early Modern England: The Patriarchal Stage // The Family in History / Ch. E. Rosenberg (ed.)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. P. 13–59. Vprochem, nasiliya v semeinykh otnosheniyakh mnogo dazhe v sovremennykh zapadnykh stranakh. Naprimer, v SShA v 1980–e gg. v 28% semei vstrechalis' sluchai fizicheskoi agressii suprugov drug protiv druga, v 4% sluchaev s primeneniem oruzhiya: Campbell A. *Men, Women and Aggression*. New York: Basic Books, 1993. P. 103. Ezhegodnoe chislo zhenshchin, izbivaemykh svoimi muzh'yami, otsenivaetsya sotsiologami v 3–5 mln chelovek, a muzhchin, izbivaemykh zhenshchinami, v 6 raz men'she, sledovatel'no, – 0,5–0,8 mln: *Obshchestvennye nauki za rubezhom. Referativnyi zhurnal. Seriya 3: Filosofiya i sotsiologiya. 1986. № 3. S. 159–165.*

28. Kon I. S. *Bit' ili ne bit'*. M.: Bremya, 2012. Glava 2. *Nemnogo istorii: Zider R. Sotsial'naya istoriya sem'i... S. 36–45, 115–120, 133–136;* Anderson A., Zinsser J. P. *A History of Their Own: Women in Europe*

from Prehistory to the Present. New York: Harper and Row, 1988. Vol. 1, 2; Aries Ph. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. London: Jonathan Cape, 1962; Levine D. History of the Family // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 97; Pollock L. A. A Lasting Relationship: Parents and Children over Three Centuries. Hanover and London: University Press of New England, 1987; The History of Childhood / M. Lloyd (ed.). New York: The Psychohistory Press, 1974;

29. Family Forms in Historic Europe / R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 623.

30. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 55—57; Berkner L. K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. No. 4. P. 721-738; Flandrin J.-L. **Families in Former Times.... P. 5-92**; Levine D. The European Marriage Pattern // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 171—180.

31. Hall L. A. Masturbation // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 279—290; Phillips R. G. Sex, Law, and the State // Ibid. P. 301—310; Sigel L. Z. Sexual Behavior and Sexual Morality // Ibid. P. 243—258; Sohn A.-M. Illegitimacy and Concubinage // Ibid. P. 259—268; Trumbach R. Homosexuality and Lesbianism // Ibid. P. 311—326.

32. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 146—151, 154—171; Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / M. L. Bush (ed.). London and New York: Longman, 1992).

33. Fild D. Sotsial'nye predstavleniya v dorevol'yutsionnoi Rossii // Reformy ili revolyutsiya? Rossiya 1861-1917: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov / V. S. Dyakin (red.). SPb.: Nauka, 1992. S. 70, 78.

34. Dewald J. **The Aristocracy and Gentry // Encyclopedia of European Social History.... Vol. 3. P. 27—38**; The Nobility in Russia and Eastern Europe / I. Banac, P. Bushkovitch (eds.). New Haven: Yale University Press, 1983.

35. Khachaturyan N. A. Frantsuzskoe krest'yanstvo v sisteme soslovnoi monarkhii // Klassy i sosloviya srednevekovogo obshchestva / Z. V. Udaltsova (red.). M.: Nauka, 1988. S. 103-111.

36. Kaelble H. Social Mobility // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 19—26.

37. Albisetti J. C. Professionals and Professionalization // Encyclopedia of European Social History.... Vol. 3. P. 57—78; Hunt M. The Middle Classes // Ibid. P. 39—56.

38. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 64—191; Friedrichs Ch. R. 1) The City: The Early **Modern Period // Encyclopedia of European Social History.... Vol. 2. P. 249—262**; 2) Urban Institutions and Politics: The Early Modern Period // Ibid. Vol. 2. P. 301—306; Gies F., Gies J. Life in a Medieval Village. New York et al.: Harper and Row, 1990. P. 88-105; Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. P. 1-13, 30-40.

39. Byukher K. Vozniknovenie narodnogo khozyaistva. S. 141-166; Dzhivelegov A. K. Srednevekovye goroda v Zapadnoi Evrope. SPb.: Brokgauz-Efron, 1902; Eshli U. Dzh. Ekonomicheskaya istoriya Anglii v svyazi s ekonomicheskoi teoriei. M.: M.I. Vodovozova, 1897. S. 285-297; Yastrebitskaya A. L. Evropeiskii gorod (srednie veka i rannee novoe vremya): Vvedenie v sovremennuyu urbanistiku. M.: INION RAN, 1993; Doyle W. The Old European Order: 1660-1800. Oxford et al.: Oxford University Press, 1990. P. 126.

40. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 150; Tushina E. V. Gorodskoe zemlevladienie // Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 2. Zhizn' goroda i deyatel'nost' gorozhan / A.A. Svanidze (red.). M.: Nauka, 1999. S. 279—289.

41. Byukher K. Vozniknovenie narodnogo khozyaistva. SPb.: N.N.Kablukov, 1907. S. 165.

42. Haine W. S. Street Life and City Space // Encyclopedia of European **Social History... Vol. 2. P. 313—328.**

43. Russo D. J. Families and Communities: A New View of American History. Nashville, 1974.

44. Miller M. **Fairs and Markets // Encyclopedia of European Social History ... Vol. 2. P. 425 —438.**

45. Cowan A. Suburbs and New Towns // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 329—342.

46. Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700-1914. 2nd ed. London; New York: Methuen, 1983. P. 179.

47. Papayanis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 277—290.

48. Cowan A. Urbanization // Encyclopedia of European Social History. Vol. 2. P. 237—248; Friedrichs Ch. R. The City: The Early Modern Period // Ibid. P. 249—262; Konvitz J. The City: The Modern Period // Ibid. P. 263—276.

49. Zyuskind P. Parfyumer: Istoriya odnogo ubiitsy. SPb.: Azbuka, 2000. S. 5—6.

50. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagodenstviya. S. 74—98; Knapp G. Osvobozhdenie krest'yan i proiskhozhenie sel'skokhozyaistvennykh rabochikh v starykh provintsyakh Prusskoi monarkhii. SPb.: O.N. Popova, 1900; Tompson F. M. Istoriya evropeiskikh sel'skikh obshchestv // Tsivilizatsii. 1995. Vyp. 3. S. 209-218; Brener Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe / T. H. Aston, C. H. E. Philis (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Blum J. The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ.: Princeton University Press,

1978; Doyle W. The Old European Order. P. 14-17; Gorshkov B. Serfdom: Eastern Europe // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 379—388; Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe: A. D. 500-1850. New York: St. Martin's Press, 1963; Vardi L. Serfdom: Western Europe // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 369—378.

51. Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley et al.: University of California Press, 1977. P. 175-211; Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. New York and Basel, 1983. P. 136-173; Heater D. B. Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century. London et al.: G. G. Harrap, 1964. P. 223-229; Madariaga I. 1) Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London: Yale University Press, 1981. P. 581-588; 2) Sisters under the Skin // Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 4. P. 624-628; Shubert A. The Liberal State // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 449—462; Tilly Ch. Democracy // Ibid.... P. 463—476.

52. Bessmertnyi Yu. L. Sen'orial'naya i gosudarstvennaya sobstvennost' v Zapadnoi Evrope i na Rusi v period razvitogo feodalizma // Sotsial'no-ekonomicheskie problemy rossiiskoi derevni v feodal'nyu i kapitalisticheskuyu epokhi Materialy XVII sessii Simpoz. po izuch. probl. agrar. istorii / V. T. Pashuto (red.). Rostov n/D : Izd-vo Rost. un-ta, 1980. S. 21—36; Gillis J. R. The Development of European Society. P. 19-20; Parker D. Absolutism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 439—448

53. Ministerstvo vnutrennikh del: Vybory v Gosudarstvennyu Dumu tret'ego sozyva. Statisticheskii otchet osobogo deloproizvodstva. SPb.: Tipografiya MVD, 1911. S. VI; Hamerow Th. S. The Birth of a New Europe. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1983. P. 302-304.

54. Bredli Dzh. Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: Nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo. M.: Novyi khronograf, 2012. S. 55—92; Hausmann G. Civil Society // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 489—498.

55. Karbon'e Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya. M.: Progress, 1986. S. 177—180.

56. Zarudnyi M. I. Obshchestvennyi byt Anglii. SPb., 1865. S. 131-143; Fedorov K. G. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. M., 1977. S. 171-178.

57. Gernet M. N. Moral'naya statistika: (Ugolovnaya statistika i statistika samoubiistv): V 2 vyp. M.: TsSU, 1922, 1927. Vyp. 1. S. 50-97; O prestupnosti v Anglii i vo Frantsii // Biblioteka dlya chteniya. 1854. № 10. S. 43-54; Entsiklopedicheskii slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. M.: Rus. bibliogr. int Granat, 1933. T. 33. Stb. 375-378; Alaimo K. Juvenile Delinquency and Hooliganism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 383—398; Cockburn J. S. Patterns of Violence in English Society: Homicide in Kent, 1560-1985 // Past and Present. 1991. No. 130. February. P. 70-106; Crime in England: 1550-1800 / J. S. Cockburn (ed.). London, 1977; Curr T. R. Contemporary Crime in Historical Perspective: A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // Annual of the American Academy of Political and Social Science. 1977. No. 434. P. 114-136; Spierenburg P. Crime // Encyclopedia of European Social... Vol. 3. P. 335—350; Zehr H. The Modernization and Crime in Germany and France: 1830-1913 // Journal of Social History. 1975. Vol. 8. No. 4. P. 117-141.

58. Schrader A. M. Punishment // Encyclopedia of European Social History ... Vol. 3. P. 413—428.

59. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 181—191; Burke P. 1) Popular Culture in Early Modern Europe. New York et al.: Harper Torchbooks, 1978; 2) Popular Culture // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 3—14; Luria K. P. Belief and Popular Religion // Ibid. P. 249—262; Ramsey A. W. The Reformation of Popular Culture // Ibid. P. 53—66; Religion and Society in Early Modern Europe: 1500-1800 / K. Greyerz (ed.). London, 1984; Scarre G. Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987; Scribner R. W. Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London and Roncererte: The Hambledon Press, 1987; The History of Popular Culture to 1815 / N. Cantor, M. S. Werthman (eds.). New York and London: The Macmillan Co., 1968; Thomas K. Religion and Decline of Magic. New York: Scribner, 1971.

60. Vigzell F. Zarisovki rossiiskogo byta XVIII-XIX vekov: gadalki i ikh klienty // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 1. S. 159-167; Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 187—188; Clark S. Magic // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 29—40; Sharpe J. A. Witchcraft // Ibid. Vol. 3. P. 361—372.

61. Levin I. «Dvoeverie» i narodnaya religiya // Amerikanskaya rusistika... S. 259-283; Ogeeva O.G. Religioznost' russkikh lyudei v pervoi chetverti XVIII veka glazami zapadnoevropeiskikh memuaristov: Yu.Yul', Kh.-F. Veber // Russkaya istoriya: problema mentaliteta: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii. Moskva, 4-6 oktyabrya 1994 / A. A. Gorskii (red.). M.: IRI RAN, 1994. S. 102-105; Doyle W. The Old European Order. 1660-1800. P. 152-155.

62. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 176—191; Henry J. Science and the Scientific Revolution // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 77—94; Lehmann H. Secularization // Ibid. P. 95—100.

63. Zankov D. S. Vedovskie protsessy v Zapadnoi Evrope (konets KhV-nachalo KhVIII vekov): Avtoref. ... kand. ist. nauk. SPB, 2006; Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 187—188; Scarre G. Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987. P. 25, 30.

64. Pocs E. Between the Living and the Dead. A Perspective on Witches and Seers in the Early Modern Age. Budapest: Central European University Press, 1998.

65. Doyle W. The Old European Order. P. 152-155.
66. Roger E. M. Social Change in Rural Society: A Text-book in Rural Sociology. New York, 1960. P. 208-209.
67. Karazin V. N. Yazycheskii prazdnik v Evrope v XIX stoletii khristianskogo letoischneniya // Karazin V. N. Sochineniya, pis'ma, bumagi. Khar'kov: Khar'k. un-t, 1910. S. 582-584.
68. Rule J. G. Moral Economy and Luddism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 205-216.
69. Ban B. Factory Work // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 479-494; Cross G. S. Work Time // Ibid. P. 501-512; Shapely P. Work and the Work Ethic // Ibid. P. 451-466; Holt M. P. Festivals // Ibid. Vol. 5. P. 41-52.
- 70. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 173-176, 267-271; Pounds N. Standards of Living // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 451-460.**
71. Hanagan M. P. Urban Crowds // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 217-226; Richards M. D. Revolutions // Ibid. P. 227-252.
72. Dashkova E. R. Zapiski knyagini E. R. Dashkovo. M.: Nauka, 1990. S. 480.
73. Koni A. F. Vospominaniya o pisatelyakh. M.: Pravda, 1989. S. 535.
74. Maslov P. P. Agrarnyi vopros v Rossii: V 2 t. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1905, 1908. T. 2. Krizis krest'yanskogo khozyaistva i krest'yanskoe dvizhenie. S. 73.
75. Sm. naprimer, stavshuyu klassicheskoi knigu: Haskins Ch. H. The Renaissance of the 12th Century. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1964. Bouchard C. B. The Medieval Heritage // **Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 131-142.**
76. Boborykin P. D. Vospominaniya: V 2 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. T. 2. S. 414.
77. Mironov B. N. Istorik i sotsiologiya. L.: Nauka, 1984. S. 140-162; Kon I. S. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: (Problemy formirovaniya lichnosti). M.: Prosveshchenie, 1979. S. 59-77. Amerikanskii istorik russkogo proiskhozhdeniya, M. Levin, schitaet, chto russkie krest'yane v 1900-1920-e gg. zhili primerno kak frantsuzskie krest'yane v XVI v.: Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985. P. 52.
78. Berdyaev N. A. Dukhi russkoi revolyutsii // Vekhi. Iz glubiny. M.: Pravda, 1991. S. 251.
79. Tsit. po: Kozlova N. N. Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya. M.: Klyuch-S, 1999. S. 7.
80. Nabokov V. V. Lolita: Ispoved' Svetlokozhego Vdovtsa. M.: Tekst, 1998.
- 81. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 3-6, 62-63, 188-191, 230-233, 419; Khachatryan N. A., Khachatryan V. M. Srednevekovaya kul'tura Rossii i Zapadnoi Evropy: Identichnost' i raskhozhdenie // Tsvilizatsiya. № 3. 1995. S. 62-79; Agnew J. Principles of Regionalism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 243-256; Wade R. Russia and the East Slavs // Ibid. P. 405-420.**
82. Milyukov P. N. Vospominaniya. V 2 t. M.: Sovremennik, 1990. T. 1. S. 158. Sm. takzhe: Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Drevnei Rusi. M.; Pg.: Gos izd., 1923. S. 181-186; Kareev N. V kakom smysle mozjno govorit' o sushchestvovanii feodalizma v Rossii: Po povodu teorii Pavlova-Sil'vanskogo. SPb.: tip. Shredera, 1910. S. 137-145.
83. Black C. E. The Modernization of Russian Society // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / C. E. Black (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 679.
84. Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii; Presnyakov A. E. 1) Knyazhoe pravo v Drevnei Rusi. SPb.: tip. M.A. Aleksandrova, 1909; 2) Lektsii po russkoi istorii. M.: Sotsekgiz, 1938. T. 1; 3) Obrazovanie velikorusskogo gosudarstva. Pg.: Tip. Ya.Bashmakov, 1918; Froyanov I. Ya. 1) Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii. L.: Izd-vo LGU, 1974; 2) Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. L.: Izd-vo LGU, 1980.
85. Rukavishnikov V. O. i dr. 1) Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: Sravnenie pokazatelei politicheskoi kul'tury naseleniya 22-kh stran Evropy i Severnoi Ameriki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 5. S. 75-90; 2) Politicheskije kul'tury i sotsial'nye izmeneniya: Mezhdunarodnye sravneniya. M.: Sovpadenie, 1998. Sm. takzhe: Almond G. i dr. Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoi obzor / M.V. Il'in, A. Yu. Mel'vil' (red.). M: Aspekt Press, 2002. S. 84-88; Batalov E. Ya. Sovetskaya politicheskaya kul'tura (k issledovaniyu raspadayushcheysya paradigmy) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 3. S. 60-70; Nazarov M. M. Politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva 1991-1995 gg.: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Editorial URSS, 1998; Pivovarov. Yu. S. Politicheskaya kul'tura poreformennoi Rossii. M.: INION RAN, 1994; Shcherbinina N. G. Arkhaika v rossiiskoi politicheskoi kul'ture / Polis. 1997. № 5. S. 127-139.
86. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. S. 406.

УДК 93/94

Россия и Запад: «разные часовые пояса»

Борис Николаевич Миронов

С.-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

С.-Петербургский государственный университет

Профессор

E-mail: bmironov@mail.wplus.net

Аннотация. Россия в течение своей многовековой истории развивалась как европейская страна. Русские национальные традиции, ценности и общественные институты находились в рамках европейских. Глобальные факторы развития являлись общими у русских и других народов Европы. В каждый данный момент Россия находилась на более ранней стадии социального, экономического и политического развития относительно лишь самых развитых западноевропейских стран. А сравнительно с другими Россия ничем существенно не отличалась и от них не отставала.

Ключевые слова: XVIII—начало XX в.; образы России; образы Запада; сравнение российских и западных институтов; развитие России и Европы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 623-632, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19 – Beginning of the 20th Centuries

¹Vladimir N. Shaidurov

²Ekaterina S. Norkina

¹National Mineral Resources University (Mining University), Russian Federation
Department of History
St. Petersburg 21st Line, Vasil'evskii Island, 2
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: s-w-n@mail.ru

²St-Petersburg State University, Russian Federation
Department for Jewish Culture
PhD (History), Lecturer
E-mail: Norichmail@yandex.ru

Abstract

Studies into history of regional Jewish communities in the Russian Empire in the period between the 19th and early 20th century have so far been extremely erratic. There are topics that have rarely come into focus of Russian, Israeli and American Jewish studies. North Caucasus and Siberia were not included in the Pale of Settlement. The Jews who lived in Siberia as in North Caucasus had a specific legal status. Discrepancies in the national and regional laws adversely affected the lives and activities of local Jewish communities. Not only did the laws determine areas where Jews were permitted to reside, but also those sectors of the economy in which they could work. Law-making in the 19th and early 20th century regarding the Jewish population of Siberia and North Caucasus had no general trend and was subject to change from conservative to liberal character, depending on the state's national policy. In this article, we will make use of specific examples and comparative analyse to look at the dynamics of the Russian laws on Jews of Siberia and North Caucasus in the 19th and early 20th century. This article is based on archival materials and acts of legislation.

Keywords: Jews, Siberia, North Caucasus, Pale of Settlement, segregation, exile, subbothnicks.

Введение

Гражданско-правовой статус еврейского населения в Российской империи включал в себя несколько аспектов: один касался права на проживание в определенных губерниях, другой аспект был сопряжен с хозяйственной деятельностью евреев, третий регламентировал организацию внутриобщинной жизни.

Региональные еврейские (ашкеназские) общины в Российской империи XIX – начала XX в. за пределами черты оседлости (Северный Кавказ, Сибирь, Дальний Восток и др.) не раз становилась объектом исследования в XIX – начале XXI в. Традиционно при рассмотрении проблем гражданско-правового характера историки делали акцент на притеснение евреев властью. В последние годы появилась тенденция изучать законотворческий процесс и правоприменение в русской иудаике в более широком контексте: с учетом неоднозначности «еврейской политики» власти и расхождения мнения ее представителей на разных уровнях в процессе разработки и применения законов [1-6]. Чрезвычайно перспективным представляется изучение дифференциации еврейской политики в различных регионах Российской империи в разные исторические эпохи.

Методы и источники

Основой нашего исследования является сравнительный анализ гражданско-правового статуса еврейского (ашкеназского) населения в регионах Российской империи вне черты оседлости (Сибирь, Северный Кавказ). Мы исходим из того, что общеимперское законодательство о евреях имело в своем правоприменении региональные особенности. Не последнюю роль в этом сыграли представители местной администрации, определявшие характер региональной политики. Попытка сопоставления ситуации в двух регионах позволит лучше понять природу законов Российской империи и их функционирования в еврейском вопросе.

Основными источниками стали опубликованные законодательные акты (Полное собрание законов Российской империи), неопубликованные делопроизводственные материалы из фондов региональных архивов, а также материалы периодической печати рубежа XIX–XX в.

Исследование

Присоединение в последней трети XVIII в. территорий Речи Посполитой, на которой проживало не менее полумиллиона евреев, подтолкнуло русские власти в активной законотворческой деятельности. На рубеже XVIII–XIX в. законодательно была оформлена так называемая черта оседлости, включавшая в себя западные губернии, в которых было разрешено проживание евреев. За ее пределами они могли находиться только временно, получив от губернских властей срочный паспорт. Принятие устава о евреях в 1804 г. привело к регламентации внутриобщинной жизни и хозяйственной деятельности. Это были первые шаги в оформлении сегрегационного положения русских евреев.

Однако практика показывает, что, несмотря на высокий уровень бюрократизации в России первой четверти XIX в., имелись расхождения в букве и духе сегрегационных законов. Так, в первой четверти XIX в. евреи проживали за чертой оседлости: в Симбирской, Рязанской, Костромской, Московской, Нижегородской губерниях, а также на территории Северного Кавказа и Сибири, где занимались ремеслом и торговлей [7].

Северный Кавказ был одним из самых пестрых в этническом отношении регионов Российской империи. Этнически многообразное коренное население проживало на этих территориях на протяжении многих веков до распространения российской власти. Появление пришлого населения было инициировано правительством с целью освоения новой территории. Еврейский вопрос на Кавказе не был основным, однако на определенном этапе власть вынуждена была его решать. Согласно «Положению о евреях» 1804 г. Кавказ был в списке губерний, куда евреи купцы, ремесленники, земледельцы имели право приезжать и покупать земли [8, № 21547]. Именно в результате действия этого закона в Ставропольской губернии появились евреи, поселившиеся селениями для занятия хлебопашеством. Временно Кавказ оказался в числе разрешенных для евреев территорий. Однако не всегда это совпадало с повседневной политикой власти. В 1806 г. группа евреев из Черниговской губернии подала прошение министру внутренних дел В.П. Кочубею о разрешении им поселиться на территории Кавказской губернии в качестве земледельцев и о предоставлении им ссуды на обзаведение хозяйством. Поскольку в Херсонской губернии к тому времени были выделены земли для поселения евреев, то, по мнению В.П. Кочубея, надобность в подобном поселении на Кавказе уже отпала [9].

Статус Кавказа изменился в законодательстве, регулирующем положение евреев, уже в 1825 г. В Комитете Министров обсуждался вопрос о запрещении евреям постоянного пребывания в Кавказской области. Члены Комитета Министров отмечали, что «евреи чуждаются, как по опытам известно, земледелия, и не могут принести в сем отношении никакой пользы для края» [10]. Они подчеркивали, что евреи постоянно уклоняются от исполнения законов, а это, в свою очередь в крае, где проходит торговля, нанесет ущерб таможенным сборам и будет причиной подрыва местного купечества [11, № 30404]. Результатом обсуждений явился Сенатский указ 30 июня 1825 г. [11, № 30436]. Начались выселения евреев из многих городов Кавказа.

Противоречивость анти-еврейского законодательства на Кавказе выразилась в том, что с одной стороны, действовал Сенатский указ 30 июня 1825 г, а с другой стороны, Кавказская губерния упоминалась в положении 25 мая 1827 г. в списке местностей, где разрешалось постоянное пребывание евреев. Это вызывало массу юридических коллизий на практике. К необходимости решения вопроса о положении евреев на Кавказе чиновники пришли в связи с дополнительным обстоятельством – существованием субботников (иудействующих). В 1825 г. был издан указ о выселении всех евреев из местностей, в которых проживают иудействующие, и запрещении их постоянного там пребывания [12]. Через Кавказскую область зачастую проезжали евреи, и со стороны чиновников существовали опасения, что они могли остаться навсегда. Начальник Кавказской области, понимая, что действует закон 1827 г., разрешающий проживание евреев на этой территории, все-таки требовал у Главноуправляющего гражданской частью Грузии и Кавказской области барона Г.В. Розена прекратить выдачу билетов евреям, направляющимся из Грузии на проезд в область из-за существования там субботников. Барон Г.В. Розен отмечал, что из Грузии, минуя Кавказ, в Россию попасть невозможно, поэтому предложил выдавать разрешение на проезд через область в случае,

если евреи смогут доказать необходимость проезда. При этом он также требовал строго контролировать, чтобы евреи при проезде через Кавказ не оставались там навсегда [13].

Выселения евреев в 1830-х гг. имели место и в Черномории. Разрешение на временное проживание евреев выдавалось только после получения подтверждения чиновников, что в данной местности не проживают иудействующие. Несмотря на это часто обнаруживались незаконно проживающие на этой территории евреи, а вина за это возлагалась обычно на полицию [14]. Имеются косвенные свидетельства того, что полиция старалась скрывать нелегальное пребывание евреев. Например, в Екатеринодаре после распоряжения о выселении евреев ремесленников в начале 1830-х гг. полиция обратилась к наказному атаману с просьбой о приостановлении выселений, однако чиновник следовал букве закона [15]. В дальнейшем местные власти неоднократно подавали прошения с просьбой оставить в виде исключения или вернуть евреев - ремесленников. Однако не всегда прошения удовлетворялись в вышестоящих инстанциях.

До начала 1820-х гг. еврейский вопрос в границах сибирских губерний не поднимался. Но вскоре ситуация изменилась. Это было связано с активным участием евреев в незаконной торговле самородным и россыпным золотом, которая приобрела большой размах к середине 1820-х гг. Именно это предопределило дальнейшую судьбу сибирского еврейского населения.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения» запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе [16].

Внедрение данного циркуляра оказалось в ведении Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В дальнейшем к его исполнению были привлечены чиновники Кабинета Его Императорского Величества.

В конце января 1825 г. о результатах проделанной работы начальники горных округов докладывали управляющему Кабинетом графу Гурьеву. Так, из Екатеринбургских горных заводов было выслано 6 евреев [17. Л. 14]. Но более всех букву закона соблюдал начальник Нерчинского горного округа Т. Бурнашев, который, по словам Восточносибирского генерал-губернатора С.Б. Броневского, выслал «из вверенных ему заводов и тех евреев, которые сосланы туда за разные преступления по приговорам судебных мест, выпроводил их в г. Нерчинск и просил начальника Иркутской губернии об устранении евреев в отдаленные места от черты заводской, так и о неназначении впредь таковых в горные заводы» [18. Л. 1 об.].

Вторая половина 1820-х гг. прошла под знаком выселений евреев из приграничных сибирских городов. Уже 9 декабря 1825 г. Западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич сообщал в Сибирский комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. О выселении ссыльных евреев во внутренние районы Западной Сибири просили губернатора градоначальники Семипалатинска и Петропавловска. Оба в качестве основного аргумента указывали на их «неблагонадежность» [19. Л. 3 об.].

Подобное негативное отношение к оказавшимся в Сибири евреям базировалось преимущественно на культурном и религиозном подходах, которые выводились из «вредных качеств» евреев: их религиозного «фанатизма» и «паразитирования» на христианах [20, с. 347]. Это вело к появлению местных инициатив, направленных на дальнейшее сокращение численности евреев в регионе. Так, по настоянию Совета Главного Управления Западной Сибири в 1833 г. был утвержден циркуляр МВД «О перечислении евреев в Сибирские губернии», которым впервые официально был введен запрет «свободного перехода евреев для оседлости в Сибирские губернии» и причисления их в различные сословия [21. Л. 38 об.].

Новой вехой в «еврейской политике» имперских властей стали законы середины 1830-х гг. Так, 13 апреля 1835 г. было издано новое Положение о евреях [22, № 8054]. Была определена территория, на которой евреи имели право проживания. Кавказ и Сибирь не были включены в черту оседлости. В 1837 г. вышло два закона, регулирующих права еврейского населения в Сибири и на Кавказе. Под неудачной попыткой переселить тысячи евреев из белорусско-литовских губерний в Сибирь с созданием земледельческих колоний 5 января 1837 г. была подведена черта в виде введения запрета на водворение евреев в Сибири [23, № 9843]. Для сокращения числа евреев власти предпочли пойти механическим путем: было разрешено проживать в губерниях Западной и Восточной Сибири тем из евреев, которые находились в них до появления упомянутого запрета. Это право было распространено и на их потомство.

В мае 1837 г. было издано Положение «О евреях, в Грузии, Кавказской и Закавказской областях пребывающих». Толчком к разработке и принятию положения стало отношение главнокомандующего Грузией, Кавказской и Закавказской областями о затруднениях при выселении евреев: «ибо многие из них живут целыми селениями, обзавелись хозяйством и занимаются хлебопашеством» [23, № 10255]. В результате было решено их не выселять. В наиболее выгодном положении оказались ремесленники, в которых регион испытывал острую нужду, а потому этой категории было разрешено временное пребывание в тех местах «где признан будет в таковых людях недостаток» [Там же].

Согласно закону от 20 сентября 1844 г. евреям-мастерам разрешалось проживание в укреплениях восточного берега Черного моря и портовых городах Новороссийске, Анапе и Сухумкале под строгим наблюдением Начальника Черноморской береговой линии, но лишь временно, с тем, чтобы «под видом временного жительства не делали там постоянных поселений» [24, 18234]. Инициатором разрешения пребывать здесь выступил начальник Черноморской береговой линии. Он указывал на то, что евреи в этих укреплениях являются единственными сапожниками и мастерами, поскольку.

Законом 5 марта 1848 г. разрешалось приезжать евреям мещанам во внутренние губернии Российской империи только для закупки товаров по особым билетам от городских дум [25, 22057]. Этот указ предоставил дополнительные возможности евреям для временного пребывания за чертой еврейской оседлости. Косвенным свидетельством влияния этого закона на положение евреев Северного Кавказа является разъяснение Сената в отношении обнаружившихся в Черномории нелегально проживавших евреев. Решением Сенат было выселение в 1850 г. из территории Черноморского войска «всех евреев без изъятия» [26. Лл. 2 - 2 об.]. Местной полицией было приказано постоянно следить, чтоб евреи «без надобности на долгое время в городе не оставались» [26. Л. 16]. Очевидно, выселения евреев из Черноморского войска повторялись часто. Об этом свидетельствуют постоянные доклады местной полиции о результатах деятельности по выселению евреев в начале 1850-х гг. [26].

Основными категориями ашкеназских евреев, проживавших за чертой оседлости и, в частности, на территории казачьего войска зачастую нелегально, а также приезжающих на время, были купцы и ремесленники [26, 27]. Из списков высылаемых из Северного Кавказа евреев выясняется, что они происходили из черты оседлости, в основном, из Екатеринославской и Полтавской губерний. Зачастую их временное пребывание превращалось в постоянное. Так, ремесленники ежегодно могли продлевать свои документы и оставаться на территории Кавказа.

Одним из источников формирования еврейского населения во внутренних губерниях, в том числе и на Северном Кавказе, была военная служба после распространения рекрутской повинности на евреев в 1827 г. (по окончании 25 летней службы они обязаны были вернуться в черту оседлости) [28]. Известно, что, например, в Черноморский линейный батальон в 1850-х гг. набирали рекрут из евреев 18-25 летнего возраста из Виленской, Киевской, Подольской и других губерний черты еврейской оседлости [29].

Несмотря на нежелательность появления евреев на Северном Кавказе с точки зрения власти, к середине XIX в. сложились довольно устойчивые еврейские общины, о чем свидетельствует наличие синагог. Известно о существовании синагог, открытых в период с 1840-х – в начале 1860-х гг.: в слободе Хасав-Юрт синагога ашкеназских евреев была открыта в 1849 г. [30, с. 98], в Грозном – в 1863 г. [31, с. 101]. В Майкопе молитвенный дом функционировал с 1857 г. [32].

Наряду с самовольными переселенцами в Сибири в начале XIX в. появились административные и уголовные ссыльнопоселенцы, которые стали важным источником в формировании общины. Их водворение тут становилось пожизненным. Но эта мера не распространялась на их детей, которых надлежало высылать в черту оседлости либо записывать в кантонисты. В 1853 г. Сибирский комитет подтвердил высылку детей ссыльнопоселенцев из евреев, указав на то, что отправка должна проводиться в черту оседлости под конвоем [33. Стлб. 302].

Таким образом, с середины 1820-х гг. было положено начало правовой регламентации проживания евреев в отдельных регионах (Сибирь, Северный Кавказ). Формировавшееся во второй четверти XIX в. законодательство о праве на жительство носило преимущественно запретительный характер, что было связано с юдофобскими настроениями в окружении Николая I [34, с. 10].

Переломным моментом стало начало 1860-х гг. С одной стороны, 19 июля 1860 г. было официально опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о прекращении ссылки евреев на поселение в Сибирь [35? № 35922]. С другой стороны, появился ряд законодательных актов, которые открывали дорогу в Сибирь отдельным категориям еврейского населения. Это касалось, в частности, бывших кантонистов и их детей, а с 1865 г. и ремесленников, которые получили возможность повсеместного проживания. В 1870-е гг. в Сибирь начали переселяться лица, имевшие высшее образование, в первую очередь, медики и педагоги [36, № 42264]. Результатом реализации данных законов стал приток в провинцию квалифицированных технических кадров, медиков, адвокатов и пр.

Аналогичные процессы происходили и на Северном Кавказе. Мощная волна переселенцев из различных губерний Российской империи прибыла на территорию Кубанской, Терской областей, Ставропольской губернии, среди которых были и евреи. Либеральная политика правительства по отношению к евреям Российской империи совпала с изданием некоторых законов, «открывающих» Кубанскую и Терскую области и отдельные города на их территории для лиц не войскового сословия. Приписка евреев была ограничена: например, право оседлости в Екатеринодаре получали только те, кто приговорами городского общества признавался «полезным для города». Получившие приписку были обязаны остаться в Екатеринодаре на постоянное проживание, то есть возвести постройки на отведенных плановых местах, развести сады и огороды, или приобрести недвижимую собственность, в течение трех лет. В случае не выполнения этих требований они лишались льгот, заключавшихся в

освобождении на пять лет от платежа казенных податей, денежных городских и государственных повинностей [37].

После издания закона 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества» [38, № 45785] открылись широкие возможности заселения Кубани выходцами из внутренних губерний России и других мест.

Подобные мероприятия власти привели к тому, что в начале 1860-х гг. на имя Кавказского наместника стали приходить прошения евреев ремесленников Кубанской и Терской областей о разрешении официальной приписки их в число обывателей городов Екатеринодара, Ейска, Владикавказа. Среди авторов прошений были евреи из различных городов черты еврейской оседлости: Керчи, Слонима, Бахчисарая и т. д. Нами подсчитано, что еврейское население казачьих областей Северного Кавказа в 1860-е гг. составило приблизительно 0,08%, как и в других районах за чертой оседлости [39, 40].

В начале 1860-х гг. местные власти Кубани и Терека обнаружили много проживающих нелегально евреев ремесленников. Зачастую администрация старалась прикрывать евреев ремесленников, не подтвердивших свое право на проживание, обосновывая это острой нехваткой профессиональных мастеров [41. Л. 6]. По этой причине местная власть делала первые попытки добиться исключений из закона для евреев ремесленников. В частности, начальник портового города Ейска отмечал в 1861 г.: «Городское начальство не решалось позволять евреям ремесленникам жительство в Ейске, т.к. в Черномории запрещалось проживание евреев. Но здесь большой недостаток в ремесленниках, и я бы дозволил им временное пребывание» [42. Л. 29]. В то же время начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский в обращении к начальнику главного управления Кавказского наместника просил учесть, что некоторые временно проживающие во Владикавказе евреи «своими торговыми оборотами способствуют благосостоянию города и могут иметь благотворное влияние на развитие промышленности среди городского населения» [43]. Поэтому он ходатайствовал о разрешении временно приписывать этих евреев к городу.

Вопрос о правовом положении евреев на Северном Кавказе рассматривался в конце 1850-х гг. в русле либеральной политики Александра II, Министр финансов А.М. Княжевич в 1858 г. подал в Еврейский комитет записку, в которой писал, что «евреи-капиталисты воспользуются предстоящими промышленными выгодами как для общего блага края, так и для улучшения материального и возвышения их нравственного их поведения» [44. Л. 7 об.]. Он предлагал разрешить постоянное проживание купцов евреев в городах Северо-Восточного побережья Черного моря. Он аргументировал это, с одной стороны, целью слияния еврейского населения с коренным и уравнения в правах, а во-вторых, «необходимостью развития торговли с Кавказским и Закавказским краем» [44. Л. 7 об.]. В течение нескольких лет собирались мнения разных сторон. Кавказский наместник А.И. Барятинский поддерживал разрешение евреям проживать на Кавказе, представляя тем самым и мнения местных атаманов [44]. Начальники казачьих областей поддерживали мнение, что в городах Кубанской и Терской областей Ейске, Темрюке, Владикавказе, в местах, занятых войсками, следует разрешить евреям купцам проживать и вести торговлю. В этих городах сильно ощущался недостаток ремесленников, и этот факт особенно подчеркивали местные власти [44. Л. 20 об.].

Не везде пребывание евреев признавалось полезным властью. Так, помощник начальника Кубанской области по управлению горцами не отрицал, что проживание евреев ремесленников среди горцев принесет пользу. Однако, по его мнению, евреи – это лица, «с которыми вообще неразлучны торгашество и мелкие плутни, и поселившись среди подведомственных мне горцев, могут обратить до конца простодушный народ, а, следовательно, нельзя ожидать пользы от их водворения» [44. Лл. 80-80 об.]. Подобное высказывание может свидетельствовать о распространении стереотипов среди чиновников.

Несмотря на наличие такого отзыва, в Главном управлении наместника Кавказского отмечалось, что причисление евреев к городам Северного Кавказа признается местной властью **единогласно** (выделено нами, Е. Н.) полезным [44]. В результате рассмотрения этого дела в Кавказском Комитете 13 ноября 1869 г. 266 семей евреев были приписаны к городам Кавказа и Закавказья. Это было сделано без дальнейшего внесения изменений в законодательство, ограничивавшее пребывание евреев во внутренних губерниях Российской империи [45. Л. 5]. Это вызвало многочисленные коллизии в процессе применения закона: с одной стороны, как обладающие статусом и приписанные к мещанским обществам, евреи имели права, данные всем представителям этих обществ, с другой – они были ограничены в правах как попадающие под действие антиеврейского законодательства. Так произошло, например, с торговыми правами евреев на Кубани и Тереке [46. Лл. 1-5].

В 1870-х гг. вопрос правового статуса евреев Кубани тесно переплетался с проблемой существования иудействующих. По закону 29 июля 1825 г. предписывалось «из уездов, в коих находится жидовская ересь, высылать всех вообще евреев без исключения» [11, № 30436]. В действительности это грозило проблемой недостатка ремесленников в 1860-х-1870-х гг., так как власти начали ревностно исполнять этот закон. Местной администрации приходилось периодически идти на уступки и разрешать отсрочку выселения евреев [47, с. 218 - 219].

Таким образом, реформы 1860–1870-х гг. внесли свои коррективы в формирование северокавказского и сибирского населения. У евреев появились легальные основания для водворения на этих территориях. Аналогичные процессы, приведшие к количественному росту местных общин, были характерны для различных районов Европейской части России, не входивших в черту оседлости [48].

В начале 1880-х гг. сибирские евреи оказались причастными к деятельности Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях (так называемой комиссии Палена). К работе комиссии были привлечены чиновники министерств и крупнейшие меценаты Г. Гинцбург, С.С. Поляков. Через своих агентов Гинцбург представлял комиссии различные сведения. Но информация о положении еврейского населения в России поступала в этот орган и напрямую от местных «активистов» еврейской эмансипации.

Сибирские евреи решили воспользоваться ситуацией и напомнить о себе чиновникам в столице. Подобный шаг был связан с распространившейся в столице тенденцией признавать сибирские губернии чертой оседлости для проживавших тут евреев. В сентябре 1883 г. на имя графа Палена была направлена докладная записка енисейского купца 2-й гильдии Герши Скопа, в которой достаточно четко были обозначены пожелания местных евреев – на основании Устава о паспортах признать Сибирь местом постоянной оседлости [49. Л. 1-1 об.]. Законодательное закрепление этой нормы должно, по мнению заявителя, с одной стороны, исключить противоречие в нормативных актах, а с другой стороны, закрепить экономические права евреев, ибо до того момента «местное начальство стесняет нас в занятиях многих торговлей, промышленности, ... лишает нас средств к существованию» [49. Л. 3 об.].

Однако эта проблема осталась нерешенной, и уже на рубеже XIX–XX вв. Сибирь оказалась в уникальном положении: с одной стороны, регион по-прежнему оставался не включенным в черту оседлости, а с другой стороны, была создана персональная черта оседлости для каждого еврея. Подобное противоречие давало возможность местным властям для различной дискриминации еврейского населения.

В 1890-х гг. власть возвратилась к идее выселения евреев из сибирских губерний. Это привело к многочисленным кампаниям по выявлению лиц, не имевших право на жительство в регионе. Подобные кампании имели место во всех сибирских губерниях и проходили с завидной частотой.

На этом фоне вновь возник вопрос о черте оседлости для евреев Сибири. Местные чиновники в начале 1890-х гг. рассматривали в качестве черты оседлости место приписки по полицейскому учету. Это приводило к тому, что евреям было запрещено выезжать за пределы того населенного пункта, к обществу которого они были приписаны, не говоря уже о жительстве в другом населенном пункте.

Практика этого времени показывала, что евреи вели мобильный образ жизни, и значительная их часть проживала вне мест приписки. Это было связано с традицией приписки евреев к близлежащим крестьянским обществам, о которой мы писали выше. В результате с позиций полицейского учета евреи были сконцентрированы в нескольких анклавах (Томск, Мариинск, Каинск, Тобольск и др. города и ряд уездов). И на этом основании многие полицейские чиновники ежегодно рапортовали в губернское полицейское управление о том, что на их подконтрольной территории евреи не проживают. Однако в реальности евреи тяготели не к месту приписки, а к экономическим центрам, которые позволяли им получать доход.

Надо сказать, что этот период прошел под знаком ожидания «разрешения в законодательном порядке вопроса о жительстве евреев в Сибири». Это давало губернским и столичным чиновникам широкое поле для маневра. В 1901–1902 гг. последовали разъяснения Сената о применении в Сибири понятия «черта оседлости», «по которым в Сибири является специальной чертой оседлости еврея тот округ или уезд (выделено в тексте – В.Ш.), в котором он приписан» [50. Л. 4]. Подобное решение дало возможность многим евреям сохранить не только заработок, но и ту недвижимость, которой они успели обзавестись за время проживания вне мест приписки.

Аналогичные события происходили и на Северном Кавказе. До конца 1880-х гг. еврейское население не привлекало внимание власти. Однако в связи с пристальным вниманием к суботникам власти начали наблюдение за евреями. Был подготовлен закон, окончательно закрывавший казачьи области Северного Кавказа для пришлого еврейского населения. Согласно закону 18 июня 1892 г. [51, № 8745]. приписанные к местным мещанским обществам евреи должны были вернуться на места своей приписки, и могли отлучаться от этих мест только с особого разрешения полиции на время. Это вызвало разорение многих семей, которые обязаны были вернуться в места своей приписки в короткий срок, и, как следствие, изменение торгово-экономических отношений. Территория Кубанской и Терской областей стали своего рода внутренней чертой оседлости. Это проявилось в необходимости получения формального разрешения отлучиться из места своей приписки в другой населенный пункт. Именно наличие такой системы формальных разрешений на отлучку евреям их положение во многом было сходно с правовым статусом евреев в Сибири.

На территории Северного Кавказа несмотря на ужесточение политики по отношению к евреям еврейское население прибывало в этот регион. Кроме того, например, в Ставропольской губернии евреи играли значительную роль в местной торгово-экономической деятельности. В Кубанскую и Терскую область приезжали получившие высшее образование (юристы, врачи), ремесленники и т.д.

В начале XX в. Николай II продолжал проводить в отношении евреев ограничительную политику. Появившийся указ от 11 августа 1904 г. во многом подтверждал ущербность положения еврейского населения в Российской империи. Деятельность правительства Столыпина не изменила существовавшего порядка. Можно в полной мере согласиться с исследователями, которые утверждают, что «еврейская политика» Столыпина никакого улучшения жизни евреям не принесла, а в ряде моментов ужесточила антиеврейские законы».

Заключение

Таким образом, вплоть до Февральской революции 1917 г. еврейский вопрос не был решен. 20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским при участии членов Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы, которым отменялись все «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности» [52]. По просьбе Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы евреи в постановлении отдельно не упоминались, однако в него вошел перечень статей российских законов, утративших силу с принятием этого постановления. Почти все эти статьи содержали те или иные антиеврейские ограничения. Отменялись все запреты, связанные с существованием черты оседлости.

Законотворчество XIX – начала XX в. относительно еврейского населения как Северного Кавказа, так и Сибири не имело общей тенденции и меняло свой характер от консервативного к либеральному в зависимости от государственной национальной политики.

На лицо противоречивость общеимперского законодательства и законов, направленных на регулирование правового положения евреев. Определяющую роль как в законотворчестве, так и в правоприменении сыграла экономическая составляющая. Представителям власти зачастую необходимо было выбирать: принимать решение в сторону соблюдения буквы закона или экономической целесообразности. В результате ограничительной политики в отношении евреев Северного Кавказа и Сибири эти территории в конце XIX-начале XX вв. представляли собой своего рода «внутреннюю черту оседлости», отлучиться за пределы которой евреи без особого разрешения не имели права.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00062) в Санкт-Петербургском государственном университете.

Примечания:

1. Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края. Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. 2000. №. 2. 134-144.
2. Казачек Е. Евреи Кубанской области в XIX-XX веках: историко-культурный аспект // Грани. Краснодар, 2002. С. 101-116.
3. Колесов В. И. Сталинский религиозный «ренессанс» и история общин иудейского вероисповедания в Краснодарском крае // *Historia Caucasica*. Вып. 3. Краснодар, 2004. С. 23-30.
4. Марков В. Н. Евреи Кубанской области (вторая половина XIX-начало XX вв.): дис.... канд. ист. наук. Майкоп, 2007.
5. Коваленко В. Ю. Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX-первой трети XX веков (на материалах Ставрополя и Кубани): дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.
6. Савиных М.Н. Законодательная политика Российской самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX вв. Омск, 2004.
7. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 41. Оп. 1. Д. 5.
8. Полное собрание законов Российской империи. Издание I (далее ПСЗ-I). Т. XXVIII.
9. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 841.
10. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 401.
11. ПСЗ-I. Т. XL.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.249. Оп. 1. Д. 1224.
13. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 639.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1224.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1133.
16. Шайдуrow В.Н. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 104–110.
17. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6-1836 г. Д. 327.
19. Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260.
20. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России / Понятия о России. Т. 2. М., 2012.

21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 438.
22. Полное собрание законов Российской империи. Издание II (далее ПСЗ-II). Т. X.
23. ПСЗ-II. Т. XII.
24. ПСЗ-II. Т. XIX.
25. ПСЗ-II. Т. XXIII.
26. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1135.
27. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 21.
28. Петровский-Штерн. Й. Евреи в русской армии: 1827-1914. М., 2003.
29. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1081.
30. Сведения об еврейских синагогах и молитвенных домах, имеющих в Хасав-Юртовском округе. Не ранее 23 мая 1877 г. // История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829-1917). Нальчик, 1999.
31. Рапорт начальника Грозненского округа канцелярии начальника Терской области о наличии еврейских молитвенных домов в Грозном. 18 июля 1877 г. // История горских евреев Северного Кавказа.
32. САНДР. RU1272 (Оригинал: РГИА. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 284).
33. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 12.
34. Кальмина Л.В. Сибирская «еврейская» политика графа Блудова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы VII регион. науч.-практ. конф. (21–22 авг. 2006 г.). Красноярск; Кемерово, 2006. С. 3–11.
35. ПСЗ – II. Т. XXXV.
36. ПСЗ – II. Т. XL.
37. Бондарь В. «На общем праве городов империи...»: переход Екатеринодара к общероссийскому городскому устройству (1850-1860-е годы) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 49.
38. ПСЗ – II. Т. XLIII.
39. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Серия I. Отд. II. Население Европейской России по вероисповеданиям. С. 34-37.
40. Статистический временник Российской империи. СПб., 1871. Серия II. Отд. IX. Население Азиатской России по вероисповеданиям. С. 102-105.
41. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 961.
42. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 363.
43. Канукова З.В. Евреи на Северном Кавказе // Кавказский сборник. М., 2007. Т. 4(36). С. 254.
44. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 363.
45. РГИА. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 279.
46. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1581.
47. Черный И. Путешествие по Кавказскому и Закавказскому краю (иврит). СПб., 1884.
48. Акиншин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX – XX веке // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 2001. С. 22 – 44.
49. РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 207.
50. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 76а. Д. 2077.
51. ПСЗ – III. Т. XII.
52. Черта оседлости // <http://www.eleven.co.il/article/14679> (Электронный ресурс. Режим доступа 7.06.2013 г.).

References:

1. Kirey N.I. Jews of Krasnodar area // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism. 2002. No 2. Pp. 134-144.
2. Kazachek E. Jews of the Kuban area in the 19th – 20th centuries: historical cultural aspect // Grani. Krasnodar. 2002. Pp. 101-116.
3. Kolesov V.I. Stalin's religion renaissance and history of Judaic communities in Krasnodar territory // Historia Caucasica. Issue 3. Krasnodar, 2004. Pp. 23-30.
4. Markov V.N. Jews of Kuban area (the second half of the 19th - beginning of the 20th centuries). PhD dissertation. Maykop, 2007.
5. Kovalenko V.Y. Jews in economic, political and social life of the Russian provinces at the end of the 19 – the first third of the 20th centuries (by materials of Stavropol'ye and Kuban). PhD dissertation. Stavropol', 2009.
6. Savinykh M.N. Legislation policy of the Russian autocracy towards Jews at the second half of the 19th- - beginning of the 20th centuries. Omsk. 2004.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 41. Op. 1. F. 5.
8. Full Collection of Laws of the Russian Empire. Ed. 1.Vol. XXVIII. 21547.
9. RGIA. F. 383. Op.29. F. 841.
10. RGIA. F. 1263. Op. 1. F. 401.
11. PSZ.-I. Vol. XL.

12. State Archive of Krasnodar Area (GAKK). F. 249. Op. 1. F. 1224.
 13. GAKK. F. 252. Op. 1. F. 639.
 14. GAKK. F. 249. Op. 1. F. 1224.
 15. GAKK. F. 249. Op. 1. F. 1133
 16. Shaydurov V.N. To the problem of genesis of Jewish community of Siberia in pre-reform period // Bulletin of Kemerovo State University. 2012. No 4 (52). Vol. 1. Pp. 104-110.
 17. RGIA. F. 468. Op. 23. F. 2728.
 18. RGIA. F. 1286. Op. 6 – 1836g. F. 327.
 19. RGIA. F. 1264. Op. 1. F. 260
 20. Goldin S. Jew as concept in the history of Imperial Russia / Concepts on Russia. Vol. 2. Moscow, 2012.
 21. RGIA. F. 1286. Op. 5. F. 438.
 22. PSZ-II. Vol. X.
 23. PSZ-II. Vol. XII.
 24. PSZ-II. Vol. XIX.
 25. PSZ-II. Vol. XXIII.
 26. GAKK. F. 252. Op. 1. F. 1135.
 27. GAKK. F. 670. Op. 1. F. 21. L. 18.
 28. Petrovsky-Shtern J. Jews in the Russian Army: 1827-1914. Moscow, 2003.
 29. GAKK. F. 260. Op. 1. F. 1081.
30. Evidence about Jewish synagogues and prayers' houses in Khasav-Yurt area. 23th May 1878 // History of Mountain Jews of the North Caucasus in the documents (1829-1917). Nalchik, 1999. P. 98.
31. Report of the Head of Groznyi area to the Head of Terskaya territory about Jewish prayers' houses in Grozny. 18th July 1877 // History of Mountain Jews of the North Caucasus in the documents (1829-1917). Nalchik, 1999. P. 101
 32. CAHJP (Original: RGIA. F. 1565. Op. 1. F. 284).
 33. RGIA. F. 1265. Op. 13. F.12.
 34. Kal'mina L. V. Siberian Jewish Policy of Bludov// Jews in Siberia and Far East: history and modern times. Krasnoyarsk, Kemerovo, 2006. pp. 3-11.
 35. PSZ-II. Vol. 35. Part 1.
 36. PSZ-II. Vol. 40. Part 1.
37. Bondar V. "On the common right of the cities of imperia": transition of Ekaterinodar to common Russian city construction (1850-s-1860-s) // Culture and life of the South of Russia. 2009. No 4 (33). P. 49.
 38. PSZ-II. Vol. XLIII.
 39. Statistic bulletin of the Russian Empire. St. Petersburg, 1866. Part II. The population of European part of Russia in religion. Pp. 34-37.
 40. Statistic bulletin of the Russian Empire. St. Petersburg, 1871. Part IX. The population of the Asian part of Russia. Pp. 102-105.
 41. GAKK. F. 252. Op. 2. F. 961. L. 5.
 42. GAKK. F. 454. Op. 1. F.363. L. 29.
 43. Kanukova Z. V. Jews on the North Caucasus// Caucasian bulletin. M., 2007. Vol. 4 (36).
 44. GAKK. F. 452. Op. 1. F. 363.
 45. RGIA. F. 1286. Op. 30. F. 279.
 46. GAKK. F. 454. Op. 7. F. 1581.
 47. Cherniy Y. Travel to Caucasian and Trans-Caucasian territory. St. Petersburg, 1884.
48. Akin'shin A. N. Jewish community in Voronezh gubernia at the second half of the 19th- 20th centuries// Historical notes. Voronezh, 2001. Pp. 32-44
 49. RGIA. F. 821. Op. 9. F. 207.
 50. State Archive of Russian Federation (GARF). F. 102. Op. 76a. F. 2077.
 51. PSZ-III. Vol. XL. No 8745.
 52. The Pale of Settlement //http. //www .eleven.co. il/article/14679 (electronic resource).

УДК 94

Закон, имперская бюрократия и евреи в XIX – начале XX в.

¹ Владимир Николаевич Шайдуков

² Екатерина Сергеевна Норкина

¹ Национальный минерально-сырьевой университет "Горный", Российская Федерация
 кандидат исторических наук, доцент

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
 Кандидат исторических наук

Аннотация. История региональных еврейских общин в Российской империи в XIX – начале XX в. вызывало до настоящего времени изучена крайне неравномерно. Существуют темы, которые в русской, израильской, американской иудаике изучены мало. Северный Кавказ и Сибирь не входили в черту оседлости. Правовой статус евреев, которые проживали в сибирских губерниях, имел свою специфику. Разногласия в общероссийском и региональном законодательстве негативно отражались на жизни и деятельности местных еврейских общин. Законы не только определяли разрешенные места проживания евреев, но и те сферы экономики, в которых они могли работать. Законотворчество XIX – начала XX в. относительно еврейского населения Сибири и Северного Кавказа имело общие тенденции и меняло свой характер от консервативного к либеральному в зависимости от государственной национальной политики. В данной статье мы рассмотрим на конкретных примерах динамику развития российского законодательства относительно евреев Сибири и Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Статья основана на материалах архивов и законодательных актах.

Ключевые слова: евреи, Сибирь, Северный Кавказ, законодательство, черта оседлости, сегрегация, выселение, субботники.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 633-640, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47) 082 – 083.

The Secularization of Russian Orthodoxy in the Late Russian Empire, 1860–1910: the Indoctrination and De-Institutionalization (Problem Statement)

Andrey Yu. Mikhailov

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
18, Kremlevskaya st., Kazan city, Republic of Tatarstan, 420008
PhD (History), Associate Professor
E-mail: apunion@mail.ru

Abstract

This article is based on the methodology of intellectual history examines the process of secularization of Orthodoxy in the late Russian Empire 1860 – 1910-ies. The focus of the formulation of a scientific problem: consideration of secularization as indoctrination Orthodoxy and de-institutionalization of the Synod Church. Under the first attempt to synthesize the doctrine Orthodoxy with modernist ideologies (socialism, nationalism, secularism (laicism), under the second – the erosion of the church as an institution by dividing into various inner-group.

As a consequence of early modern rationalization to 1830–1840 there are three ways of indoctrination orthodoxy as synthesis with modern ideology. Firstly, synthesis with a modernist nationalism in its evolution from the "civilian" to the "political". The concept of late imperial political nationalism (N.P. Ignatiev, A.A. Kireev), tied to version of neoslavyanofily (new slavyanofily) (N.P. Aksakov, D.A. Khomyakov) and civilizational theory (L. Leontiev, N.I. Danilevsky) tried synthesize Orthodoxy and nationalism in the spirit of religious interpretation of the nation and society. Secondly, with social theories of modern European socialism and positivism. (archimandrite Fedor (Bukharev), S.N. Bulgakov, archimandrite Michael (Semenov), and others.). Thirdly, with a modernist secularism (laicism and liberalism: P.V. Valuev, D.A. Tolstoy, K.P. Pobedonostsev).

De-institutionalization of the Synodal Church took place in the following ways. In the period of early modernity (1700–1840), konfessionaliztion (die Konfessionalisierung), happened embedding religious institution in the state organism (nationalization) on the practical and theoretical level. The evolution from the early modernity to late modernity (1830–1860) itself has raise the question of the "internal" secularization as activation of layman or parishioner.

Theory A.S. Khomyakov (new criteria and the nature of the Church as a divine-human organism) and investigation of teachers of Ecclesiastical Academy (A.S. Pavlov) required for the majority of the church - laity, a new, higher status On the other hand, the absence of many centuries hierarchy (bishops, priests) in certain parts of the country has created a "popular deinstitutionalization" – bezpopovtsy (without priests).

During the late Empire, 1860 - 1910 the desire of the church renovation and restoration of "canonical order" led to the emergence of new forms of deinstitutionalization: formation of numerous church brotherhood, unions and others movement in Russian Orthodoxy. By the 1917 revolution in the empire, in the official church existed a sufficient number of different trends, which is allocated, then again merges with the main mainstream. "Social Christians", "free Christian", "Golgotha Christian", representatives of "Christian brotherhood of fight" (B. Svetsitsky, V. Ern) had their own ideology (ekleziologiyu), religious practices and organizational structure.

Keywords: intellectual history; Russian Orthodoxy; late Russian Empire; secularization; indoctrination; politicization; de-institutionalization; modernist ideology; Christian socialism; "social (communal)/free / Golgotha " Christians.

Введение

Современные процессы десекуляризации/секуляризации – усиление роли религии в мировой политике и повседневности по сравнению с 1970–1990 гг. – актуализирует востребование и изучение опыта предшествующих эпох, в которые политика секуляризации выходила на качественно новый уровень и вызывала ответы синтеза или отторжения со стороны религиозного сознания, институтов и др. Создание «политического» христианства, его синтез с новыми модерными идеологиями – социализмом, лаицизмом, национализмом – все это имело место быть в долгом XIX веке и коротком XX. Поздняя Российская империя (1860–1917 гг.) дает нам обширный, калейдоскопичный материал по данной проблематике. Интеллектуальный опыт православия – «господствующего исповедания» империи, позволяющий судить о его попытках преодолеть кризис секуляризации, обновить себя, – представляет интересным и социально востребованным.

Материалы и методы

Основные понятия. Процесс секуляризации российского общества в период поздней империи был многоаспектным. Он затрагивал мировоззренческий (идеологический), повседневный (ментальный) и институциональный (иерархический, структурный) уровни. Одной из важнейших его составляющих явились попытки идеологизации и деинституциализации российского православия как мировоззрения большей части населения и государственной установленной религии.

Под идеологизацией в данной работе понимается процесс обновления православия, условно социальной части его учения, с модерными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм), которые по характеру являлись т.н. “-измами” - идеологиями-программами, переводящими проект в практику. Авторский термин “идеологизация” соотносится с рядом понятий, имеющих иное определение, но описывающих сходный процесс. Так, он, во-первых, соотносится с концептом «политизации» религии как «использование политических методов для достижения религиозных целей» [1], только в данном случае не применимо к современности, а в исторической ретроспекции. Во-вторых, термин «идеологизация» тождественен понятию «дехристианизация», как его понимает ряд европейских ученых (Тартуский университет: И. Пярт, Р. Алтунмэ) [2]. Здесь он понимается как утрата христианских ценностей и значений внутри секуляризованного христианского общества (на примере Эстонии, России). Следовательно, идеологизация – это попытка с помощью популярных в пореформенное время идеологий (социализм, национализм, секуляризм, лаицизм, либерализм), модерных по своей сути, заполнить тот идеологический вакуум, который образовался в православном христианстве, после его синтеза с деизмом в эпоху Просвещения.

Под деинституциализацией понимается процесс внутренних изменений в церкви как социально-политическом институте путем выделения отдельных внутриконфессиональных групп и усиление мирянского элемента, которые в разной степени отрицали власть иерархии и церковь как структуру.

Деинституциализация соотносится с понятием “внутренней” секуляризации, когда в иерархической, клерикальной структуре института церкви начинается утверждение мирянского элемента и ставится вопрос о новых границах и критериях церкви [3].

Естественно, эти два процесса взаимосвязаны. Часто именно «идеологизация», попытки обновления православия очередной новой идеологией порождало новые внутриконфессиональные группы, которые вели к «деинституциализации» церкви. Например, синтез православия с социализмом и эсхатологией привел к появлению внутрицерковной группы социальных и голгофских христиан (архимандрит Михаил (Семенов), И. Брехничев, Б. Свенцицкий).

Выработка методологии, адекватной для данного исследования базируется на работах К. Гирца [4] по идеологии, Х. Казанова по теории секуляризации [5], А.В. Митрофановой по политизации религии [6], И. Пярт по дехристианизации [7] и др.

В плане основного подхода данного исследования – методология интеллектуальной истории – представляет собой баланс «истории идей» А. Лавджоя [8] и «археологии знания» М. Фуко [9].

Основными источниками являются записки и предложения интеллектуалов российского православия XIX в. [10] и работы архимандрита Михаила (Семенова), посвященные вопросам христианского социализма [11].

Обсуждения

Постановка темы подразумевает неразработанность данного вопроса в историографии. Относительно опыта «христианского социализма», то есть попыток синтеза православия с европейским социализмом XIX в. и личности архимандрита Михаила (Семенова) можно назвать ряд исследователей, таких как А. Эткин [12, С. 239–254], Ю. Шерер [13], С. Диксон [14]. Первый в своей работе «Хлыст» описывает опыт «голгофских христиан» и роль в нем архимандрита Михаила (Семенова), вторая в своей статье «В поисках христианского социализма» поставила вопрос о масштабах этих интеллектуальных поисков, третий – написал наиболее информативную биографическую статью об архимандрите Михаиле (Семенова). На современном этапе в России этой проблемой занимаются И. Воронцова [15] и Д. Головушкин [16]. Религиозный плюрализм начала

XX в. очень рельефно представлен в книге А. Понкратова [17]. В плане изучения синтеза православия с национализмом в разных аспектах незаменимым оказался журнал «Ab imperio» [18].

Результаты

Прежде всего «идеологизацию» Российского православия можно рассматривать как его «политизацию». Рассмотрим проблематизацию вопроса интеллектуального обновления православия в поздней Российской империи. В современной гуманитарной науке, признавшей (де)секуляризация как одну из реальностей времени, вопрос о политизации религии как его составляющей становится одним из ключевых. Политизация религии как «использование политических методов для достижения религиозных целей» [1] рассматривается в современной политологии, религиоведении и социологии для описания современных процессов синтеза религии и современной политики, феноменов «политического христианства» или «политического ислама».

В данной статье, оперирующей материалом поздней Российской империи, 1860–1910-е гг., под политизацией религии понимается надделение учения (идеологии) российского православия теми чертами, которые становились присуще Российской империи как модернизирующемуся обществу с появлением феномена массовой политики и народного представительства. Этот процесс соотносился с другими следствиями модернизации – секуляризацией, национализацией, рационализацией. В данном случае внимание сфокусировано на теоретическом (интеллектуальном) аспекте политизации православия, его идеологизации, то есть синтезе российского православия с современными идеологиями.

Исходя из того православие в России в период собственно модерности (1860–1917 гг.) существовало в быстро модернизирующейся и секуляризирующейся действительности, оно должно было отвечать на вызовы времени, одним из вариантов которого было обновление своего социального учения. Попытки рационализировать российское православие, начиная с Петра Великого и Екатерины II, ко второй половине XIX в. привели к тому, что в условиях растущей секуляризации – социальной, идеологическая составляющая учения (не догматическая, то есть набор тех положений православного, которые условно можно назвать социальным учением,) церкви утратила способность прочитываться в мифологическом ключе. Необходимо было его обновление, которое часть церковной интеллектуальной элиты видело в синтезе православного учения с отрефлексированными современными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм) и др.). Главная особенность современных “-измов” в их программности, проектности, прогнозировании (то есть подгонки действительности под сделанный прогноз).

Идеология как секулярное смыслоположение, как стройная система принципов и ценностей вместо всеобъясняющего мифа – есть порождение модерности и некий заместитель религии в интеллектуальном аспекте. Выделившись в период Просвещения в отдельную сферу, теперь она захватывала и сужающуюся область религии, пытаясь рационализировать православное учение и заставить его формулировать по своим принципам [19]. При формальном существовании государственно-церковной идеалистической идеологии, интеллектуальная сфера российского православия находилась в кризисе, который был следствием полутровековой ранемодерной рационализации религии.

В XVIII в. попытки рационализировать православное учение (то есть идеологизировать, создать православную идеологию) были связаны с осуществлением социальной утопии – создания регулярного государства на деистических принципах при Петре I и Екатерине Великой. Конфессионализация православия, шедшая весь XVIII в., делала необходимым обозначение православием своего отношения как к иным христианским конфессиям (протестанты, раскол, секты), так и раннемодерным светским идеологиям (деизм, Просвещение и др.). Своего апогея процесс синтеза православия с просветительскими проектами достиг в эпоху российского высокого классицизма (неоклассицизма) эпохи Александра Благословенного, когда он выразился во внеконфессиональной общехристианской современной идеологии библейского просвещения [20].

В эпоху романтизма, которые были реакцией на Просвещение и его отрицанием, соотносимая в общественно-политической сфере с царствованием Николая I, налицо попытки интеллектуально включить православие в идеологию гражданского национализма и технократизма. Хотя официальная доктрина – триада С.С. Уварова – показала, что технократическая, секулярная идеология Министерства Народного Просвещения не особо нуждалась в услугах Синода, то есть в версиях церковной интеллектуальной элиты.

Эпоха гласности и великих реформ – это появление масштабных программ, прогнозов развития российской церкви, начиная с записки чиновников П.В. Валуева, А.Н. Муравьева, российских архиереев (епископ Агафангел (Соловьев), епископ Никодим (Казанцев) [10] и др. Далее эти проекты, написанные с точки зрения рационалистической современной идеологии стали увеличиваться и дифференцироваться.

Секулярный бюрократический дискурс (П.В. Валуев, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев), оформившийся с появлением «просвещенной бюрократии», предполагал развитие Православия по протестантскому сценарию и переход Петровской административной реформации когда-нибудь в реформу догматическую. Неславянофильский дискурс (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков А.А. Киреев и

др.) предполагал внутреннюю секуляризацию, то есть усиление мирянского элемента в церкви, теоретизирую новые критерии и границы церкви. Дискурс «политического национализма» (С.С. Уваров, Н.П. Игнатъев) ратовал за дальнейшее сращивание с национальной культурой и отделением от вселенского православия. Одним из радикальных предложений обновления церковного учения было его синтезирование с «левым» блоком идеологий Европы – социализмом, коммунизмом. Здесь российское интеллектуальное пространство дало нам несколько версий этого синтеза – «христианскую социологию» С.Н. Булгакова и «христианский социализм» архимандрита Михаила (Семенова). *Fine de circle* России характеризуется массовым разрастанием идеи обновления Православия и появлением множества версий [11, 15, 16].

Итак, можно выделить следующее проблемное поле взаимодействия православия и идеологии в России в XIX в. Как следствие ранемодерной рационализации к 1830–1840-м гг. можно выделить три основных направления идеологизации православия посредством синтеза со следующими современными идеологиями:

I) с модерным национализмом в его эволюции от «гражданского» к «политическому». С возвратом к церковному мировоззрению (Н.В. Гоголь, славянофилы) в 1830-х гг. в рамках «гражданского национализма» начинаются славянофильские рассуждения о критериях и границах церкви, соотношения их с обществом и нацией. Эклизиологические критерии могли стать одним из критериев обновленной национальной идентичности. Триада С.С. Уварова «православие-самодержавие-народность» свидетельствует о секуляристском выборе верховной власти в использовании этих критериев [21]. Концепции пореформенного политического национализма (Н.П. Игнатъев, А.А. Киреев), завязанные на неславянофильские (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков) и цивилизационные теории (К. Леонтьев, Н.И. Данилевский), пытались синтезировать православие и национализм в духе конфессиональной интерпретации нации и общества [21, 22, 23].

II) с социальными теориями модерной Европы, с социализмом и позитивизмом. Идеи социальной справедливости, социальных утопий, реализуемых посредством проектов социальной инженерии, технократизма и революции, реакция на новые секулярные тенденции (эмансипации, нигилизма и др.) привели к изменению мышления часть религиозной интеллектуальной элиты (архимандрит Федор Бухарев, С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (Семенов) и др.) [11].

III) с модерным секуляризмом (лаицизмом и либерализмом). Просвещенная бюрократия эпохи великих реформ пыталась вписать православие в лаицистские схемы, замешенные на биологизаторских теориях ранних позитивистов и социальной инженерии (государство как организм, в котором борьба за новую секулярную культуру рассматривалась как борьба с больными частями тела). Перенесение идеи немецкого культуркампа как внутривнутриполитической борьбы за секулярную культуру привело к реакции «светского секуляризма» (К.П. Победоносцев).

Секуляризацию так же можно рассматривать как деинституциализацию русской церкви в синодальный период. Нужно «проблематизировать» это вопрос. Современные теории «секуляризации - десекуляризации» утверждают, что европейцы в Новое Время шли по пути деинституциализации своих религий. Ситуация середины XX в. характеризуется уже как «верить, не принадлежать» [5]. Начало этой тенденции было положено Реформацией/Просвещением с дельнейшей плюрализацией и фрагментацией европейского религиозного поля.

В России подобные тенденции обнаружили в синодальный период (1700–1917), начиная с петровской реформы церкви (1720–1721). Именно тогда создание официальной, государственной церкви, нарушение таинства исповеди (1722), двойной подушный оклад для религиозных диссидентов (раскольников, 1723) сделал ситуацию (тайного) «не принадлежащая» к конфессии актуальной. Само «огосударствление» церкви, вмонтирование его в государственную машину по протестантскому сценарию было ет деинституциализацией.

Гипотетически можно говорить о разных формах «деинституциализации», которые естественно соответствуют разным этапам в развитии синодальной «греко-восточной католической церкви» (как юридически правильно называлась православная церковь в России имперского периода):

1. В период ранней модерности (1700–1840), конфессионализации, происходило встраивание религии (религиозного института, в Новое Время они продолжали существовать именно в таком формате) в государственный организм на практическом и теоретическом уровне. Создание протестантских регламентов (и Духовного регламента (1720) как одного из них) – как варианта протестантской экклесиологии, в которой церковь не описывает саму себя, а отдает эти компетенции государству ее – есть одно из характерных проявлений этого.

2. В период перехода (1830–1860) от ранней модерности к поздней или собственно модерности актуальным стал вопрос о «внутренней» секуляризации, то есть активизации мирянского элемента. Исходя из протестантских (не иерархических, не епископских по сути) установок, в российском православии периодически поднимался вопрос о правах мирян в церкви и вообще о природе церкви, которая есть богочеловеческий организм и каждый человек – есть священник (*"Вы народ избранный, царское священство"* (1 Пет 2: 9).) - говорит апостол Петр). Теория А.С. Хомякова (новые критерии и природа церкви как богочеловеческого организма) [24] и изыскания преподавателей духовной академии (А.С. Павлов) [3] требовали для большего числа членов церкви – мирян, нового, более полноправного статуса.

3. С другой стороны определенная часть населения Российской империи принадлежала к раскольникам, среди которых были беспоповцы с направленностью на дальнейшее дробление и превращение в секты (хлысты, беспоповцы и др.). Отсутствие веками священства, иерархии в определенных частях страны породило «народную деинституционализацию» - беспоповство. При этом, по исследованиям американского историка В. Шевцов значительная часть российских крестьян православного исповедания в начале XX в. готовы были довольствоваться часовней – как неполноценным храмом, не требующим присутствия иерархии [25, С.96–168].

4. В период поздней империи, 1860–1910-е гг., то есть собственно модерности, как и другие переходные эпохи, с ее ускоряющейся модернизацией, секуляризацией и дифференциацией актуализировалась новая форма деинституционализации. Желание церковного «обновления», активного «церковно-общественного реформаторства» и восстановление «канонического порядка» привели к образованию многочисленных братств, союзов и др. течений в российском православии. Объединившись, реформаторы конструировали идеальное, «истинное» христианство (первых веков, общинное по духу), выступали за реформирование существующего института православной церкви, пытались свои программы-идеологии реализовывать на практике. К революции 1917 г. в империи, в официальной церкви существовало достаточное количество различных течений, которые то выделялись, то снова сливались с основным менстримом. «Социальные христиане», «свободные христиане», «гогофские христиане», представители «Христианское братство борьбы» (Б. Свенцицкий, В. Эрн) – имели свою идеологию (эклесиологию), религиозные практики, организационную структуру. Подобная фрагментация, плюрализм в рамках официальной синодальной церкви, местами сводил реальность института церкви на нет, свидетельствуя об определенном уровне деинституционализации российского православия.

Заключение

В заключении логично было бы поставить вопрос о характере, масштабе и предельности процессов идеологизация и деинституционализация в российском Православии 1860–1910-х гг. Естественно, что через них описывается лишь часть церковного сознания, скорее, маргинальная его часть.

Идеологизация была представлена на уровне единичных, местами групповых концепций (С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (Семенов), деинституционализация оставалась на уровне появления/исчезновения определенных групп внутри официальной церкви («социальные христиане», «свободные христиане», «гогофские христиане»), отличавшиеся от нее своим мировоззрением, обрядностью, организацией.

Начавшись в 1860 – 1870-е гг. с нигилистического подъема в том числе в духовном образовании, эти процессы усилились в 1900-е гг. в связи с активным церковно-общественным реформаторством. Главным сдерживающим фактором естественно являлась официальная синодальная церковь как государственная бюрократическая организация, которая идеологическими и силовыми методами (аресты строптивых монахов) останавливала эту деятельность.

Новый расцвет этих тенденций пришелся на ранесовестский период 1930-х гг., когда на основе предыдущих синтеза православия и современных идеологий («социального христианства», «христианского социализма») и в условиях институционального кризиса и слома церкви создавались многочисленные группы и течения («Свободная трудовая церковь», «Новая народная церковь» епископа Владимира (Путяты) с маргинальной дехристианизированной идеологией.

Примечания:

1. Митрофанова А. В. Политизация православного мира. М.: Наука, 2004. 293 с.
2. См: коллективный проект Secularization (de-institutionalization and de-Christianization): Religion in Estonia from the Modern Period to the Present / <https://www.ut.ee/CECT/members/religion.html> (дата обращения: 5.11.2014)
3. Павлов А. С. Об участии мирян в делах церкви, с точки зрения православного канонического права. Казань, 1866.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
5. Casanova J. Public religions in the modern world. University of Chicago prerss, 1994. 330 p
6. Mitrofanova A. V. The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas (Soviet and Post-Soviet Politics and Society) (Volume 13). ibidem-Verlag, 2005. 248 p
7. Paert I. Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy "Northern Illinois University Press, 2010. 308 p.; Paert I. Old Believers: Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850 Manchester University Press, 2003. 257 p.
8. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

10. Муравьев А. Н. О состоянии православной церкви в России. М., 1856; Агафангел (Соловьев), архиепископ. Пленение русской церкви. СПб., 1876; Никодим (Казанцев), епископ. О Святейшем Синоде. М., 1873
11. Михаил (Семенов), архимандрит. Христос в век машин (Вопросы религии и общественной жизни) / СПб. : Тип. Монтвида, 1907. 484 с.; Христиане ли мы? Санкт-Петербург : тип. Монтвида, 1906 Христианство и социал-демократия Санкт-Петербург : тип. «Бережливость», 1906
12. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: НЛО, 1998. 688 с.
13. Шеррер Ю. В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88–134.
14. Dixon Simon, Archimandrite Mikhail (Semenov) and Russian Christian Socialism. Historical Journal. 51. № 3 (2008), p. 689 – 718.
15. Воронцова И.В. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) в контексте истории религиозного реформизма в России (1905–1915 гг.) // вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. История русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С.40–55.
16. Головушкин Д.А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб.: «Политехника-сервис», 2010. 126 с.
17. Панкратов А.С. Ищущие Бога. [Очерки современных религиозных исканий и настроений]. Кн. 1. – М. : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. 196 с.
18. Ab imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве, 2000–2014.
19. Цапина О.А. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 301 – 313.
20. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. 444 с.
21. Янов А.Л. Россия против России. 1825–1921: Очерки истории русского национализма. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999. 370 с.
22. Nadieszda Kizenko A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People Penn State Press, 2000. 376 p.
23. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution Oxford University Press, 2004. xiv, 358 p.
24. Хомяков А.С. Опыт катехизического изложения учения о Церкви (Церковь одна) // Учение о церкви. М., 2010. 608 с.
25. Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.

References:

1. Mitrofanova A.V. Politicization of the Orthodox world. Moscow: Nauka, 2004. 293 p. (In Russian)
2. See: collective project Secularization (de-institutionalization and de-Christianization): Religion in Estonia from the Modern Period to the Present / <https://www.ut.ee/CECT/members/religion.html> (date accessed: 5.11 .2014)
3. Pavlov A. The participation of the laity in the affairs of the church, from the point of view of Orthodox canon law. Kazan, 1866. (In Russian)
4. Geertz C. Interpretation of Cultures. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2004. 560 p. (In Russian)
5. Casanova J. Public religions in the modern world. University of Chicago prerss, 1994. 330 p.
6. Mitrofanova A.V. The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas (Soviet and Post-Soviet Politics and Society) (Volume 13). ibidem-Verlag, 2005. 248 p
7. Paert I. Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy "Northern Illinois University Press, 2010. 308 p .; Paert I. Old Believers: Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850 Manchester University Press, 2003. 257 p .
8. A. Lovejoy Great Chain of Being: A History of ideas. Moscow: Home of intellectual books, 2001. 376 p. (In Russian)
9. M. Foucault, The Archaeology of Knowledge. Kiev: Nick Center, 1996. 208 p. (In Russian)
10. Murav`ov A.N. On the status of the Orthodox Church in Russia. Moscow, 1856; Agafangel (Soloviev), Archbishop. The capture of the Russian Church St. Petersburg, 1876; Nicodemus (Kazantsev), Bishop. About the Holy Synod. Moscow, 1873. (In Russian)
11. Mikhail (Semenov), archimandrite. Christ in the machine age (Questions of religion and public life) / St. Petersburg, 1907. 484 p .; Mikhail (Semenov) Christians are we? St. Petersburg, 1906. Mikhail (Semenov). Christianity and the Social-Democrats. St Petersburg , 1906. (In Russian)
12. Etkind A. Hlyst (Sects, Literature and Revolution). Moscow : New Literary Review, 1998. 688 p. (In Russian)
13. Scherrer J. In search of "Christian socialism" in Russia // Problems of Philosophy. 2000. № 12. S. 88 - 134. (In Russian)
14. Dixon Simon, Archimandrite Mikhail (Semenov) and Russian Christian Socialism. Historical Journal. 51. № 3 (2008), p. 689 - 718.

15. Vorontsov I.V. Old Believers Bishop Michael (Semenov) in the history of religious reformism context in Russia (1905 - 1915). // Vestnik Saint Tikhon's Orthodox University. II. History of the Russian Orthodox Church. 2012. Vol. 3 (46). P.40 - 55. (In Russian)
16. Golovushkin D.A. The Apostle of the XX century. Life and work about. Michael (Semenov). St. Petersburg: "Politehnica Service", 2010. 126 p.(In Russian)
17. Pankratov A.S. Seeking God. [Essays on modern religious quest and attitudes]. Vol. 1. – Moscow: Printing house of A.A. Levenson, 1911. 196 p. (In Russian)
18. Ab imperio: Investigationsof New Imperial History and Nationalism in the post-Soviet space, 2000–2014. (In Russian)
19. Tsapina O.A. Orthodox enlightenmen is an oxymoron or historical reality // European Enlightenment and civilization Russian / Editor by S.Y. Karp, S.A. Mezin. – Moscow, 2004, pp. 301 - 313. (In Russian)
20. Vishlenkova E.A. Caring for the souls of citizens: religious policy in Russia in the first quarter of the XIX century. Saratov: Saratov State university press, 2002. 444 pp. (In Russian)
21. Yanov A.L. Russia against Russia. 1825-1921: Studies in the History of Russian nationalism. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. 370 p. (In Russian)
22. Kizenko N. A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. Penn State Press, 2000. 376 p.
23. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford University Press, 2004. xiv, 358 p.
24. Homyakov A.S. Experience catechetical exposition of the doctrine of the Church (The Church is one) // The doctrine of the church. Moscow, 2010. 608 p. (In Russian)
25. Shevtsova V.F. Orthodoxy in Russia before 1917. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2010. 488 p. (In Russian)

УДК 94 (47) 082 – 083

Секуляризация российского Православия в поздней Российской империи, 1860–1910-е гг.: идеологизация и деинституциализация (постановка проблемы)

Андрей Юрьевич Михайлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, город Казань, ул. Кремлевская, 18
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: apunion@mail.ru

Аннотация. В статье с позиции методологии интеллектуальной истории рассматривается процесс секуляризации Православия в поздней Российской империи 1860–1910-е гг. В фокусе внимания формулирование научной проблемы: рассмотрение секуляризации как идеологизация православия и деинституциализация синодальной церкви. Под первым понимается попытка синтеза учения православия с современными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм), под вторым – размывание церкви как института путем разделения на различные внутриконфессиональные группы.

Как следствие ранемодерной рационализации к 1830–1840-м гг. можно выделить три основных направления идеологизации православия, то есть синтеза со следующими современными идеологиями: с **модерным национализмом** в его эволюции от “гражданского” к “политическому”. Концепции пореформенного политического национализма (Н.П. Игнатъев, А.А. Киреев), завязанные на неславянофильские (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков) и цивилизационные теории (К. Леонтьев, Н.И. Данилевский), пытались синтезировать православие и национализм в духе конфессиональной интерпретации нации и общества; с социальными теориями современной Европы, с **социализмом и позитивизмом** (архимандрит Федор Бухарев, С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (Семенов) и др.); с **модерным секуляризмом** (лаицизмом и либерализмом: П.В. Валуев, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев).

Деинституциализация синодальной церкви происходила в следующих вариантах. В период ранней модерности (1700 – 1840), конфессионализации, происходило встраивание религиозного института в государственный организм (**огосударствление**) на практическом и теоретическом уровне. На этапе перехода (1830–1860) от ранней модерности к поздней или собственно модерности актуальным стал вопрос о **“внутренней” секуляризации**, то есть активизации мирянского элемента. Теория А.С. Хомякова (новые критерии и природа церкви как богочеловеческого организма) и изыскания преподавателей духовной академии (А.С. Павлов) требовали для большего числа членов церкви – мирян, нового, более полноправного статуса. С другой стороны, веками отсутствие священства, иерархии в определенных частях страны породило **«народную деинституциализацию» - беспоповство.**

В период поздней империи, 1860–1910-е гг. желание церковного обновления и восстановление “канонического порядка” привели к появлению **новых форм деинституциализации**: образованию многочисленных братств, союзов и др. течений в российском православии. К революции 1917 г. в империи, в официальной церкви существовало достаточное количество различных течений, которые, то выделялись, то снова сливались с основным мейнстримом. “Социальные христиане”, “свободные христиане”, “голгофские христиане”, представители “Христианское братство борьбы” (Б. Свенцицкий, В. Эрн) – имели свою идеологию (эклезиологию), религиозные практики, организационную структуру.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Российское православие, поздняя Российская империя, секуляризация, идеологизация, политизация, деинституциализация, современная идеология, христианский социализм, «социальные/свободные» христиане.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 641-649, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.253

The Archival Sources for the History of the Liquor Trade in the North-East of Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (Funds of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia))

Oxana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N.A. Shilo Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Energetikov street 15, Anadyr city, Chukchi autonomous region, 689000
PhD (History), Head of the Chukotka comprehensive study sector of the History and Economics Laboratory
E-mail: okkolo@mail.ru

Abstract

In the article the complex documents of the end XIX - the first quarter of the twentieth centuries is researched which are stored in the collections of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya) and concerned the sale of alcoholic beverages to indigenous people of the North-East of Russia. Documents have different safety and value of source, some of them shed light on the problem of the liquor trade in the late XIX - early XX centuries. Yakut and Kolyma merchants, American entrepreneurs were active in trade with the aboriginal population of the North-East of Russia including the Chukchi, Yukagirs, Eskimos. Legislation of the Russian Empire prohibited alcohol trade in resettlement sites of the indigenous population but the facts of illegal trade were repeatedly documented and analyzed by the administrative authorities. Using of the described above historical documents and taking into account available materials allow more deeply reveal the questions on the role of Russian merchants in the liquor trade, on the administrative regulation of wine and liquor market, on the specific actions of the authorities to solve the problem of indigenous alcohol takers including the Chukchi population. With the introduction of the new documentary sources in the research process it will be possible to explore the problem of liquor trade in the North-East of Russia in the late XIX - early XX centuries.

Keywords: archival sources; trade relations; alcohol; the illegal sale of alcohol; indigenous people; Chukchi; merchants; American traders; government supervision; North-East of Russia.

Введение

Проблема торговли алкоголем среди коренных жителей Арктики актуальна уже не одно столетие. В период XIX – начале XX в. спиртные напитки активно завозили в регион русские купцы, американские промышленники и торговцы, что пагубно влияло на жизнь и здоровье аборигенного населения. Представляется весьма интересным проследить, какими мерами в Российском государстве пытались предотвратить процесс спаивания чукчей, юкагиров, эскимосов и др. народов. В настоящей статье мы проанализируем документы конца XIX – первой четверти XX в., которые хранятся в фондах Национального архива республики Саха (Якутия) (НАРС (Я) и касаются продажи спиртных напитков коренному населению Северо-Востока России. Ранее были охарактеризованы состав и информационные возможности документов Государственного архива Чукотского автономного округа по истории торговли коренных жителей Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в. [1]

Материалы и методы

Массив делопроизводственных источников, имеющих в фондах (НАРС (Я) по интересующей нас проблематике можно условно классифицировать на несколько основных видов: организационно-

распорядительная документация (циркуляры Министерства внутренних дел, указы, предписания, приказы, отношения Якутского областного управления, Якутского губернатора, Колымского окружного исправника, донесения Колымской инородной управы и т.п.); протоколы и постановления сходов родоначальников, инородцев Колымского округа; текущая переписка Колымского окружного исправника с Якутским областным управлением, учетная документация (списки купцов, мещан, казаков, юкагиров Колымского округа; сметы сборов податей и повинностей по Колымскому округу; статистические ведомости), отчеты Колымского окружного исправника.

Вышеперечисленные документы имеют разную сохранность и источниковедческую ценность, отдельные документы и группы документов проливают свет на интересующую нас проблему торговли спиртными напитками в к. XIX – н. XX в. В данной статье раскроем их состав и информационные возможности.

Обсуждение

В исторической литературе не раз отмечалась проблема пьянства на Северо-Востоке России. Причем это пагубное пристрастие было характерно и для аборигенного населения и для русских старожилов. Чиновники и торговые люди умело использовали эту слабость. В материалах по истории Якутии содержатся сведения о том, что еще в XVII в. угощение вином из «государевых запасов» считалось побудительной мерой для выплаты ясака ясачными плательщиками. В 1660 г. на угощение ясачных людей было израсходовано 700 ведер меда и хмельного кваса [2].

По сведениям В.Г. Богораз-Тана «в Колымском округе торговля спиртом представляет одну из важнейших статей русской торговли с чукчами. Город Средне-Колымск ввозил с юга до 300 бочонков неочищенного спирта и был центральным пунктом, откуда спирт развозился по селениям и стойбищам. Торговцы употребляли всевозможные хитрости, чтобы избежать официальной бдительности, когда она становилась не просто номинальной» [3]. Для купечества спирт был беспрюирышным вариантом торгового обмена с охотниками. А.В. Олсуфьев в своем очерке о быте и экономическом состоянии населения Анадырской округи писал: «И счастье кочевнику, если торговец не привез с собой немного водки для поощрения торга. При одном известии о водке, чукча весь преобразается. Он совершенно забывает о важности для него предстоящего торга и умоляет друга дать ему немного живительной влаги. Торговец не заставляет себя долго просить и подносит стакан, другой слабой водки, которую, разумеется, не забыл для придания ей одуряющих свойств щедро настоять на махорке. Жена чукчи, полная хозяйка внутри юрты, тоже получает свою порцию. Вскоре хмель и махорка делают свое дело – друзья торговца становятся уступчивыми и отдают свой запас, весь доход годового хозяйства, за какой-нибудь им вовсе не нужный кусок гнилого ситца или связку дешевых бус. Инородца, находящегося под влиянием хмеля, нетрудно прельстить подобными приманками, обычное благоразумие и хозяйственность чукч совершенно их тут покидают» [4].

А.А. Ресин, повествуя о проблеме пьянства среди береговых чукчей, отмечал, что особенно много пили в дни торговли: «до какой степени развито пьянство среди этого народа, можно судить уже потому, что нам случалось видеть таких, которые постоянно на ремне под кухлянкою носят бутылку водки, от времени до времени отпивая из нее. Главный предмет их спроса и более всего ценимый товар – это именно водка и можно с уверенностью сказать, что из двух судов, идущих к чукчам, то, которое будет нагружено более или менее нужными им предметами и даже ружьями Венчестера, не будет в состоянии в два месяца сделать то, что в две недели сделает судно, нагруженное исключительно водкой. При этом в поселках были люди вовсе не пьющие. Из них выходят местные купцы: они запасаются на зиму от американцев водкой, распродают ее зимою, скупают товары и таким образом обирают и спаивают своего же брата» [5].

Врач ледокола «Таймыр» Л.М. Старокадомский писал: «Выше всего эскимосы ценили спирт. Один эскимос просил за великолепную шкуру белого медведя бутылку водки. Мы категорически воспротивились такому обмену. Владелец шкуры очень огорчился. Русские научные работники, понятно, не могли воспринять американские методы обмена, а эскимос «никаких других продуктов, кроме водки, не хотел брать. Сделка не состоялась» [6].

Также из воспоминаний чиновника Ресина мы узнаем о способе перевозки алкоголя: «Чукчи – торговцы развозили винчестеры, патроны, а главное, конечно, водку (американский ром), выменивали у оленеводов олени выпоротки, шкуры и мясо. Ром этот, и без того часто разбавляемый американцами водой разбавляется еще чукчами и нередко просто морской водой; кроме того, для перевозки чукчи наливают его в мешки из нерпичьей шкуры, в которых прежде был отвратительный на запах нерпичий жир. Мне случалось как-то видеть один из способов самой разливки водки по мешкам: не имел воронки для разливки, но вместе с тем опасаясь пролить хоть каплю драгоценной влаги, чукча набирал полный рот ее из жестяной банки и затем бережно переливал в узкое отверстие мешка. Казалось бы, все это должно отбить аппетит у потребителей ее, но нет, водка все-таки раскупается прежде всего [5].

Автор отчета о Пантелеевской ярмарке 1904 г. прямо указывает причинно-следственную связь между отсутствием спиртного на ярмарках и нежеланием коренных жителей участвовать в них: «О причинах своей малочисленности чукчи дают объяснение: «огненной воды нет, скучно ходить на ярмарку. Не смотря на то, что спирта пять последних лет вовсе не было на ярмарке, чукчи каждый раз

первым долгом справляются, разрешено ли продавать спирт, узнав, что нет, уходят недовольными» [7].

В уточнении Колымского окружного исправника по обстоятельствам похорон чукотского тойона Эйгели содержится информация о причине смерти Эйгели: «Так называемый чукотский король (тойон) Эйгели, у которого я прожил пол года в 95 году, скоропостижно умер. Он прикочевал к Средне - Колымску с транспортом купеческой клади из Гижигинска, остановился в 30-ти верстах от города и, опорожнив бутылку спирта в честь своего прибытия умер в ту же ночь от «разрыва сердца», как гласит медицинский протокол о его смерти» [8].

Следует отметить, что среди чукчей были и те, кто не употреблял алкоголь и табак. Также путешественники и чиновники указывали на то, что из коренного населения наименьший интерес к спиртному проявляли кереки.

Результаты

Законодательство Российской Империи, регламентирующее оборот спирта среди коренного населения. Законодательство Российской Империи строго запрещало торговлю спиртом в местах расселения коренного населения, но факты незаконной торговли неоднократно фиксировались и разбирались в административных органах. Нарушителей наказывали вплоть до лишения прав на торговлю до 10 и более лет. При этом купцы умело обходили закон, ухитряясь использовать спирт как самый ходовой ценный товар, приносящий огромную прибыль купечеству [9].

В «Положении об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 г. казенного вина и других питей в Сибирских губерниях» было указано, что «инородческим народам в Сибири живущим, для домашнего обихода, по древнему их обычаю, дозволяется делать из квашенного молока кумыс и кумысное вино, но с тем, чтобы напитки эти не были вывезены из их жилищ и продаваемы, или чтобы под видом оных не было выкуриваемо хлебного вина. За всем этим предоставляется откупщикам, сверх полицейского надзора иметь собственное наблюдение. Всякая развозка между инородцами как Западной, так и Восточной Сибири, крепких напитков со стороны откупщиков и русских промышленников, строжайше воспрещается, под опасением взыскания по закону, но не воспрещается самим инородцам покупать вино в местах откупной продажи, сколько кто пожелает, и провозить оное к своим семействам как для собственного их домашнего потребления, так и для перепродажи от одного инородца к другому, с тем только чтобы Инородные Управы наблюдали, дабы нигде не были заведены среди инородцев постоянные места для продажи вина, купленного в вышеозначенных местах» [10].

Периодически бывали случаи когда, якутские торговцы или чукотские торговые посредники-поворотчики привозили обманным путем на ярмарки или в стойбища значительные количества алкоголя [3].

В Постановлении Колымского окружного полицейского управления от 24 июля 1888 г. содержатся сведения о противозаконной торговле якутов, казаков Средне-Колымской, Нижне-Колымской казачьих команд, старшины оленных чукоч Большой тундры, Колымского округа Андрея Эттыгина хлебным спиртом в Нижне-Колымске и Анюйской крепостце [11]. За незаконную торговлю в запрещенных местах, пойманных граждан подвергли денежному штрафу в размере 25 рублей с каждого. Для того, чтобы и в дальнейшем пресекать подобные действия, поимщикам торговцев выдавали денежные вознаграждения, полученные от аукционной продажи конфискованного спирта (половину от всех вырученных средств, вторая половина шла в казну).

Весьма интересен документ «Рассмотрение вопроса об упорядочении торговли крепкими напитками в отдаленных округах Якутской области Общим присутствием Якутского областного Управления 30 июля 1898 г.» [12]. В нем была изложена история истолкования Положения Устава об инородцах Сибирских 1822 г., которые касались продажи и покупки спиртного коренным населением. За нарушение запрета продажи спирта была возложена ответственность на местные инородческие управления, независимо от взыскания с них виновников. При рассмотрении злоупотреблений, местное начальство в лице Генерал – Губернатора Западной Сибири сообщило в Министерство Внутренних Дел, что по доносам инородцы изыскивают средства ввозить к себе вино [13], что случаи скрытного вывоза инородцами вина весьма вероятны, но доказать их невозможно вследствие множества участвующих в этом лиц и возможных злоупотреблений должностных лиц. Чиновник считал, что следует или совершенно прекратить продажу вина в местах, близких к жительству инородцев кочевых и бродячих или разрешить неограниченную продажу его, потому что умеренное употребление его в суровом климате необходимо для здоровья, так и для того, чтобы истребить злоупотребления и притеснения. В ответ последовали разъяснения Сибирского комитета (которые были утверждены 29 ноября 1833 г.) «что существующими правилами не запрещается самим инородцам покупать вино в местах откупной продажи и привозить оное к своим семействам для собственного их домашнего употребления, они только не должны перепродавать, или как они выражаются, променивать или одалживать оное никому другому и строжайше за сие отвечают наравне с другими подобными продавцами оной» [14].

Далее в документе повествуется, что 2 ноября 1844 г. Начальник Якутской области Старший Советник Рудаков представил ревизовавшему Восточную Сибирь Сенатору Толстому доклад о современном состоянии области и, в нем указывал, что «для улучшения быта Колымских и Верхоянских инородцев и вообще для блага обитателей тамошнего края не исключая и русских, я считаю необходимым воспретить ввоз и продажу там всяких горячих напитков, которые употребляются там по малопашению и

бедности русских преимущественно инородцами и страсть которых к пьянству год от года возрастая, доводит их до бедности и развращения, а по времени может довести и до совершенного разорения. [15]. Автор документа указал, что из-за пожара 1890 г., в котором был уничтожен архив Областного Управления, не сохранилось сведений о дальнейших ходатайствах местной администрации по вопросу о торговле вином среди коренного населения, что «за последнее время в отчетах исправников и даже Всеподданнейших отчетах Господина Якутского Губернатора постоянно указывается на злоупотребления от этой торговли». Местная администрация принимала меры к прекращению злоупотреблений по торговле вином среди инородцев, но меры эти далеко не всегда достигали желаемой цели [16].

Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что в конце XIX в. законодательство в части ограничений и запретов торговли спиртом фактически не работало. Российская власть так и не смогла дотянуться до многих мест Северо-Востока Азии [17].

Роль купечества в торговле спиртом. В XIX в. Якутские и Колымские купцы вели активную торговлю с аборигенным населением Северо-Востока России, в том числе с чукчами, юкагирами, эскимосами.

Несмотря на неоднократные официальные запреты на продажу спиртных напитков народностям Севера, купцы широко использовали алкоголь во всех формах торговли. Так, по официальным данным, только в Петропавловском уезде в 1909 г. потреблялось до 5 тыс. ведер спирта и до 1500 ведер водки. В Колымском округе в 90-х гг. ежегодно реализовывалось до 750 ведер спирта [9]. Н.Л. Гондатти писал: "Если бы на Анюйской ярмарке не продавался спирт, то можно с уверенностью сказать, что туда стали бы ходить лишь ближайšie чукчи. Теперь же, благодаря этой приманке, которой здесь нет (в Марково), туда продолжают ходить и дальние чукчи. С Гижигинской ярмарки товаров с ярмарки привозят немного и, преимущественно: спирт, конский волос, прядевой холст, масло и металлические изделия [18]. Чиновники отмечали дороговизну товаров в Гижиге: "так фунт Черкасского табаку стоит 1 рубль, бутылка водки – 3 рубля, аршин дрели - 1 рубль и т.п." [5].

Сохранились многочисленные сведения о том, что купцы для достижения наибольшей выгоды в торговле с коренным населением, как самое беспроборное средство использовали спирт: "Надлежащим угощением была водка, без которой не могла состояться ни одна коммерческая сделка, как из-за страстных настояний звероловов, так и из-за трезвого расчета купцов. Торговля спиртным теоретически была незаконной, но практически – повсеместной [19]. «Водка хотя и продавалась... чукчами, то как за безвредное и простое обыкновенное даже. Конечно водка, как угощение для чукчи, облегчает скупки с чукчами, но покупатели совершенно злоупотребляют пьянкой» [20].

В 1885 г. с китобойной шхуны «Сибирь» было продано товаров на сумму 5810 рублей, из них спирту на 1641 руб. (96 ведер из 99, бывших на шхуне: на всем остальном побережье продано 2 1/2 ведра). На обратном пути многие уже отказывались торговать потому, что на шхуне не было спирту. Кроме спирта пользовались спросом винчестеры и черкасский табак [5]. С. Ресин, находившийся на борту шхуны, по результатам своих наблюдений дал несколько рекомендаций относительно торговли: «Для чукчей конечно было бы желательно, чтобы их берега посещались русским купечеством. Выгодность опыта торговли на китобойной шхуне «Сибирь» уже после прохода вдоль берега американцев, не может не послужить хорошим примером. Судам, отправляющимся под русским флагом для торговли с чукчами, должна быть разрешаема, по крайней мере на первое время, продажа водки, так как без нее торговля сразу хорошо не пойдет. Но преследование деятельности иностранцев должно вестись непременно с полной энергией [5].

Постепенный упадок с 60-х годов XIX в. Колымско-Анадырских ярмарок связан, прежде всего с тем, что на них стали продавать мало спирта, или не завозили вовсе. Американские промышленники, наоборот, в этот период заметно активизировали свою торговую деятельность. В донесении Якутскому губернатору от Колымского окружного исправника о Пантелеевской ярмарке (22 мая 1905 г.) говорится: «...Я уже неоднократно объяснял причину падения ярмарки: 1. Постепенное исчезновение зверя; 2. Торговлей американцев по северо-восточному берегу и 3. Мелкою торговлею с чукчами местного населения» [21].

В Архиве РС (Я) имеется «Дело по отношению Анадырского окружного начальника о незаконной продаже нижнеколымским мещанином Кошелевым Фёдором (Алексеевичем) водки чукчам» [22]. В материалах представлено письмо Чукотского миссионера Иеромонаха Венедикта о том, что Нижнеколымский житель Федор Кошелев ввозил в тундру водку для продажи чукчам и «имел дерзость именовать себя при торговле с чукчами каким-то «царским приказчиком». В письме повествуется, что жители рассказывали священнику о стоимости товаров и водке, «о которой они отзывались с дурной стороны, говоря, что Кошелев продает им сивушную совсем водку, наливает слишком много в спирт воды, так что водка не придает никакого опьянения, ни веселья, а берет за водку дорого» [23]. Ф.А. Кошелев отрицал факт незаконной торговли спиртом среди чукчей: «... обмен производил табак и чаю между знакомыми чукчами на продукты их хозяйства по установленному исстари между ними обычаю, но все переписки и много через донесения Высокоблагородия г. Колымскому окружному исправнику ... вымышлены» [24].

Для мелких и начинающих торговцев спирт был средством беспроборной торговли и стремительного обогащения. Например, в 1909 г. в селе Усть-Белая торговец Малков, начав торговлю с иголок, ниток, кож морзверя, "...через два-три года развил бурную деятельность..., за бесценок скупал у

чукчей пушнину, бессовестно спаивал чукчей, давал товары в долг на кабальных условиях, обманывая, обирал дочиста" и превратился в крупного коммерсанта. В Охотско-Камчатском крае мелкие агенты оптовых фирм Бушуевы, Брагины, Колесовы, Косыгины, а в Колымской крае – братья Бережновы, Калининны, Суворов в короткий срок достигли масштабов крупных местных купцов [9].

Роль иностранных промышленников (предпринимателей) в торговле спиртом на Северо-Востоке России. Весьма интересны сведения, содержащиеся в документе «Донесение с представлением записки о ходе Анюйской ярмарки господину Якутскому губернатору от Колымского окружного исправника» от 8 мая 1892 г.: «Из бесед своих с дикими носовыми чукчами я узнал, что у них в прошлом 1891 году... американцы все более увеличивают свою самопроизвольную промышленность и контрабандную торговлю между чукотскими лагерями и всю свою энергию сосредоточили на возможно большей добычи пушных зверей в особенности истреблении бобров, а также на обирании и спаивании самих чукоч. Американцы опаивают чукоч привозимыми ими на своих китобойных судах ромом и «виски», коих в 1891 г. привезено было к чукотским берегам до пятидесяти больших морских бочек, при этом американцы эксплуатируют чукоч самым безжалостным образом, и в подрыв русскому купечеству, приезжающему на Анюйскую ярмарку, обирают у чукоч самую лучшую рухлядь, оставляя из нее русским один только брак. Для этой цели на мысе чукотский Нос у Берингова пролива американцами устроена постоянная торговая фактория, ведущая значительный торговый оборот всевозможными товарами и спиртными напитками, беспрепятственно и беспопытно привозимыми с американского берега». Чиновник в качестве действенных мер по пресечению контрабанды и поддержки русского купечества предложил ввести крейсерство вокруг Чукотского носа [25]. А.Е. Дьячков писал в своей документальной повести: «Со времени сношений чукоч с американцами как привоз ими пушных зверей, так и их численность быстро стали уменьшаться. Чукчи сами рассказывают, что американцы у них закупают за спирт как пушнину, так и продукты морских промыслов, отчего они становятся беднее и беднее, потому что чукчи, как береговые, так и кочевые, сильно привержены к спирту и пьют без всякого воздержания. Численность чукоч уменьшается по причине частых убийств во время пьянства, и множество их гибнет от запоя» [26].

А.А. Ресин отмечал, что по пути в бухту Провидения часто встречались байдары с товарами, купленными у американцев и которые чукчи везли для перепродажи в Анадырскую Губу и далее вверх по реке Анадырь. Главным товаром был ром [5]. Описывая общее впечатление от знакомства с оленными группами чукчей, Ресин подчеркивал, что «они живут безбедно и по своему в хорошей обстановке. На что следует обратить внимание, так это на растущее среди них пьянство, как следствие деятельности американцев у наших берегов» [5].

На наш взгляд, особого внимания заслуживают факты привоза в стойбища некачественного алкоголя. В литературе к. XIX в. приводятся примеры того, как торговцы разбавляли спирт соленой водой, настаивали его на махорке, перце и т.п.: «По словам чукчей, ром, который они запасают на зиму, часто замерзает, а следовательно, разбавляется водой. Конечно, в этом беды нет, но от времени до времени разбавляя его, смотря по количеству его на судне и ходу торговли, чтобы он вместе с тем не терял своего цвета и одуряющего свойства, его настаивают на американском табаке» [5].

В Донесении Якутскому Губернатору от 22 мая 1905 г. приводятся сведения, что «пришедший после ярмарки в селение Нижне-Колымское, старик-чукча Вадергин рассказывал, что он каждый год бывает у носовых чукчей, что торгует с американцами, у которых можно все достать, а главное водки, сколько угодно...» [27].

Особенно быстро обогащались иностранные купцы, занимавшиеся в широких масштабах обманом и спаиванием местного населения. Много спирта завозили в регион и японцы. В первой четверти XX в., как свидетельствуют архивные документы, коренное население Охотского побережья также большую часть пушнины отдавало японским промышленникам в обмен на контрабандный спирт. Стоимость бутылки спирта доходила до 15-20 белок [28].

Чтобы пресечь массовое спаивание коренного населения, русское правительство в 1912 г. приняло ряд неотложных мер; была введена государственная монополия на завоз спирта в регион. Пароходы, паузки и лодки подлежали тщательному досмотру. Но приостановить контрабанду спирта было почти невозможно [9].

Меры по пресечению контрабанды спирта и спаивания населения северных регионов. В архиве Колымского окружного исправника Анатовского имеется ходатайство от 20 февраля 1865 г. В нем чиновник просит прекратить в Колымском продажу вина со стороны казны, и «не допускать этой продажи и ввоза туда напитков частным лицам, потому что жители и без того бедные приходят в совершенную нищету и разорение» [29]. Якутское областное Управление приняло меры к уменьшению ввоза в Колымск казенного спирта. При этом, в Управлении меру по полному прекращению продажи спирта посчитали неоправданной, «потому что торгующий класс при неимении в Колымске других спиртных напитков, будет вывозить спирт для собственного употребления, и здесь со всею вероятностью можно заключить будет более злоупотребления, нежели пользы для жителей при скрытой продаже» [30].

В Якутском областном управлении предлагали выступить населению Колымского края с коллективным ходатайством о закрытии в Колымске питейных заведений [31].

В конце XIX в. Правительство начало применять более действенные меры по ограничению продажи алкоголя среди коренного населения. Начинается сбор и обработка статистической информации о торговле вином и спиртом. В 1898 г. вышло Предписание Колымскому окружному исправнику из

Якутского Областного Управления, в котором давались инструкции по сбору подробных сведений о виноторговле. Предписывалось дать ответы по каждому округу отдельно. Чиновникам было необходимо собрать информацию по довольно широкому кругу вопросов, таких как: количество питейных заведений, стоимость патента и дополнительных сборов, кем патенты выданы, кому и на основании каких документов; сколько ведер вина (в 40 % крепости) каждое питейное заведение продает в год; откуда и каким путем доставляется вино в местное питейное заведение (подробно: стоимость провоза, условия доставки, дорожная трата и пр.); средняя стоимость ведра вина (в 40 %) на месте «ведерно» и «раздробительно» в продаже; стоимость помещения приказчика и прочие расходы по каждому питейному заведению; кто является в данной местности главным потребителем вина; как установить точную регистрацию привозимого в край вина; в состоянии ли местная полиция следить, чтобы вино в край привозилось исключительно по провозным свидетельствам; в каком состоянии находятся наблюдения за виноторговлей; посещаются ли местные питейные заведения чинами полиции, проверяется ли крепость продаваемого вина, продается ли вино исключительно на наличные деньги или в долг, в обмен на предметы промысла; известны ли полиции фамилии и личности местных купцов, ведущих торговлю среди инородцев, имеется ли возможность получить какие-либо сведения о количестве привозимого ими с собою вина и может ли установление особых разрешительных свидетельств на покупку и провоз по округу вина – оказать какое-либо влияние на уменьшение безпатентной торговли вином; может ли полиция указать торговые пункты округа, где чаще всего практикуется безпатентная торговля или меновая вином и возможно ли вообще в этих пунктах иметь наблюдение за торговыми оборотами приезжающих купцов [32].

Колымским окружным исправником были представлены ответы купцов (И.Н. Бережнова, Н.Б. Васильева, И. Порнякова, Н. Бережнова) и сводный отчет о виноторговле. Так, судя по отчету, в 1898 г. в Колымском округе существовало 2 питейных заведения. Патенты на виноторговлю стоили 200 руб. Каждое питейное заведение продавало в среднем от 60 до 70 ведер спирта крепостью от 78 до 80 %. Весь спирт доставлялся из г. Якутска вьючным путем. Дорожные затраты достигали с $\frac{3}{4}$ ведра с $\frac{1}{4}$ ведра. Средняя стоимость ведра спирта 78–80 % 45 руб. Главными потребителями спирта являлось городское население – 70 %, затем иногороднее русское население – 10 %, якуты – 8 % и остальные инородцы (ламуты, юкагиры, чукчи, тунгусы). Колымский окружной исправник особо отметил, что точную регистрацию привозимого в округ вина можно установить только при введении казенной монополии. Установление питейных привозных свидетельств сохраняло возможность вывоза спирта контрабандным путем. Продажа спиртного осуществлялась за наличные деньги, но чиновники предполагали, что ламуты и чукчи привозили пушнину именно к купцам, торгующим спиртом для обмена. Случаев продажи спирта по округу в развоз не было зафиксировано [33].

Чиновниками проводилось информирование населения о различных мерах по пресечению торговли спиртом. Сохранилась расписка 1882 г. от инородцев 1-го Мятюжского наслега в том, что им на общем собрании было прочитано предписание Господина Колымского окружного исправника «о воспреещении ввоза спирта в Нижнеколымскую часть округа и торговли оным, а также и о мерах, какие приняты будут полицейским Управлением для прекращения противозаконной продажи спирта» [34].

В 1883 г. вводится регулярное крейсерство в Беринговом море военными кораблями. Но они приходили туда во второй половине лета, в то время как американские суда уже успевали побывать во всех населенных пунктах пролива. «Хищники стали более изощренными и изворотливыми» [35]. Опасаясь быть захваченными врасплох русскими судами, контрабандисты меняли тактику. После случаев конфискации их судов они начали создавать свою агентуру среди чукчей и эскимосов, по преимуществу из торговцев, с которыми и вели оптовые сделки [35].

Колымским окружным полицейским управлением проводилась работа по поиску путей ввоза и реализации контрабандного алкоголя. Так, в 1915 г. было открыто дело о задержании в г. Средне-Колымске провозимых контрабандным путем спиртных напитков, принадлежащих мировому судье В.С. Лебедеву и купцу Н.Н. Бережнову [36]. В документах дела говорится, что «ввоз крепких напитков в Колымский округ воспрещен, за исключением лишь предназначенных для врачебных целей, но с особого каждый раз разрешения подлежащих губернаторов» [37].

Время революций и гражданской войны привело к потере контроля за оборотом спирта на Северо-Востоке России. Ввиду военных действий обычные торговые связи были нарушены. Торговля с коренным населением, там, где она поддерживалась, имела грабительский характер, сопровождалась спаиванием, обманом, взиманием дореволюционных долгов и т.д. Чудовищного разрыва достигла разница стоимостей пушнины и привозных товаров [38].

Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в северных районах Якутии, на Охотском побережье и Крайнем Северо-Востоке. На Чукотском полуострове и в Анадырском уезде он был вызван истреблением морского промыслового зверя американскими промышленниками, хищническим характером торговли и спаиванием населения, эпизоотиями оленей и падежом собак [38].

Вскоре после установления Советской власти кабальная задолженность этих народностей скупщикам пушнины и рыбопромышленникам была ликвидирована. Сибревком в январе 1921 г. аннулировал все долги народностей Севера частным торговцам и предпринимателям. Аналогичный акт совершил Дальневосточный революционный комитет. В начале 20-х гг. сибирские органы развернули борьбу с обманом и спаиванием малых народностей. Частная торговля была поставлена под контроль

ревкомов и Советов. Продажа спиртных напитков запрещена. В 1924–1925 гг. ВЦИК и СНК приняли специальные постановления с тем, чтобы свести до минимума торговую деятельность частного капитала в местах расселения малых народностей и связанную с ней эксплуатацию, развить там советскую торговлю [38].

Тем не менее, в 1922–1923 гг. по материалам статистики главными видами контрабандных товаров на Дальнем Востоке были: спирт – 25 % ввоза, мануфактура – 25 %, табак – 9 %; галантерея – 6 % [39]. Слабость распределительной сети хорошо учитывалась контрабандистами, захватившими монополию в пушных районах по снабжению охотничьего населения [39].

Только к 1926 г. правительству удалось окончательно закрепить нормы советской торговли на Северо-Востоке. Вместо традиционных, предметов колониальной торговли (табака, спирта, украшений, посуды и т. д.) коренное население стало получать разнообразные товары, необходимые для личного и производственного потребления (муку, крупу, соль, сахар, оружие, различные инструменты, материалы и сырье) [39].

В конце 20-х годов XX в. государство предприняло ряд мер по ограничению и запрещению производства, торговли и сбыта алкогольной продукции. В архиве РС (Я) имеются материалы переписки прокурора по обвинению Якутторга Дальневосточным Комитетом Севера в спаивании коренного населения [40]. Также в материалах дела представлено Обязательное Постановление Президиума ЯЦИК о запрещении самогонарения и бражки [41].

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что использование найденных в НА РС (Я) исторических документов, с учетом опубликованных материалов позволит объективнее оценить роль русского купечества и иностранных промышленников в торговле алкоголем, дополнительно изучить механизмы административного регулирования рынка алкогольной продукции и конкретные меры властей, направленные на решение проблемы спаивания коренного населения.

Очевидно, что спирт был гарантией удачной торговли с коренными жителями, как для русского купечества, так и для иностранцев. Сами жители по большей части подобным методам торговли не противились, скорее алкоголь являлся неотъемлемой частью любой сделки (госторговля, сезонные ярмарки, частная продажа), ее этногеографическим катализатором. Вмешательство государства в форме различных запретительных мер на ввоз и продажу спиртного, штрафов и т.п. было малоэффективным.

Благодаря введению в научный оборот нового корпуса документальных источников появляется возможность шире исследовать проблему торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в к. XIX – н. XX в.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта № 11-31-00725 РГНФ.

Примечания:

1. Коломиец О.П. Документы Госархива Чукотского автономного округа по истории торговли коренного населения Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в. / О.П. Коломиец // Отечественные архивы. Москва, 2012. №1. С. 55–61.
2. Материалы по истории Якутии XVIII в. Документы ясачного сбора. / С.А. Токарев, Б.О. Долгих, С.С. Филиппова и др. М.: Наука, 1970. Часть 1. с. 1 по 158 с.
3. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М., 2011. 216 с.
4. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1896. 245 с.
5. Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. 78 с.
6. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. / Н.Н. Диков, В.В. Леонтьева, С.П. Нефёдова и др. Москва: Мысль, 1989. 492 с.
7. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 2210. Л. 3 (оборот)
8. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 254. Л. 7 (об.)
9. Исаков А.Н. Краткие очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII – XIX вв.): Препринт. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1994. 50 с.
10. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1222. Л. 34.
11. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5-5 (об.)
12. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 11-14.
13. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 11 (об.)
14. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 12-12 (об.)
15. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 12 (об.)-13 (об.)
16. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 14.
17. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004. 522 с.

18. Гондатти Н. Оседлое население реки Анадыря / Н. Гондатти // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества / Хабаровск, 1897. Том III. Вып. 1. С.111-165.
19. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
20. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272. Л. 5, 5 (об.)
21. НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2964. Л. 3 (об.)
22. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272.
23. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272. Л. 4-5.
24. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1500. Л. 1-8.
25. НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1084. Л. 2 (об.)-3, 24.
26. Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1992. С. 163-251.
27. НАРС (Я) Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2964. Л. 5 (об.)-6).
28. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
29. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 155 (об.)
30. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 156 (об.)
31. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 157.
32. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 1-2 (об.)
33. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 4-7.
34. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 136. Л. 90-90 (об.)
35. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / И.С. Вдовин, Н.В. Кочешков, В.В. Леонтьев и др. Ленинград: Наука, 1987. 286 с.
36. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3345. 5 л.
37. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3345. Л. 2.
38. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932 гг.). Томск, 1968. 334 с.
39. Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923-1924 г. Хабаровск: Красное знамя, 1925. 570 с.
40. НАРС (Я). Ф. 225. Оп. 35. Д. 27. Л. 156-157.
41. НАРС (Я). Ф. 225. Оп. 35. Д. 27. Л. 26.

References:

1. Kolomiets O.P. Documents of the State archive of the Chukchi autonomous district on the history of trade of indigenous population of Chukotka with American companies in the end of the XIX – the first quarter of the XX century / O.P. Kolomiets // *Domestic archives. Moscow, 2012. №1. P. 55-61.* (In Russian)
2. Materials on the history of Yakutia in XVII century. Documents of Yasachny collection. / S.S. Tokarev, B.O. Dolgih, S.S. Filippova and others M.: Nauka, 1970. Part I. Pp. 1-158. (In Russian)
3. Bogoras V.G. Chukchi: The Social Organization. Ed. 2nd. Moscow, 2011. – 216 p. (In Russian)
4. Olsufiev A.V. The overall sketch of Anadyr region, its economic status and living conditions of the population. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences printing, 1896. 245 p. (In Russian)
5. Reskin A.A. Essay of foreigners of the Russian Pacific coast. St. Petersburg: Typography of A.S. Suvorin, 1888. 78 p. (In Russian)
6. Chukotka history from ancient times to the present day / N.N. Dikov, V.V. Leontiev, S.P. Nefedova and others. Moscow: Mysl, 1989. 492 p. (In Russian)
7. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 2210. p. 3 (turnover sheet)
8. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 254. p. 7 (turnover sheet)
9. Isakov A.N. Brief essays on the history of Russian trade in the North-East of Siberia and Alaska (XVII - XIX centuries): Preprint. Magadan: NECSRI FED RAS, 1994. 50 p. (In Russian)
10. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1222. p. 34.
11. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 1337. p. 5-5 (turnover sheet)
12. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 11-14.
13. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 11.
14. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 12-12 (turnover sheet)
15. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 12 (turnover sheet)-13(turnover sheet)
16. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 14.
17. Remnev A.V. Russian Far East. Imperial geography of power XIX - early XX centuries. Omsk: Omsk State University, University Press, 2004. 522 p. (In Russian)
18. Gondatti N. Settled population of the river Anadyr / N. Gondatti // Notes of Priamurskiy Department of the Imperial Russian Geographical Society / Khabarovsk: Lithography in the Office of the Governor-General Priamurskiy, 1897. Volume III. R. 1. Pp.111-165. (In Russian)
19. Slezkin Yu. Arctic Mirrors: Russia and the minority peoples of the North. Moscow: New Literary Review. 2008. 512 p. (In Russian)
20. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272. p. 5-5 (turnover sheet)
21. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 2, d. 2964. p. 3 (turnover sheet)

22. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272.
 23. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272. p. 4-5.
 24. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 1500. p. 1-8.
 25. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 1, d. 1084. p. 2 (turnover sheet)-3,24.
 26. Diyachkov A.E. Anadyr region. Magadan: Magadan publishing house, 1992. Pp. 163-251. (In Russian)
 27. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 2, d. 2964. p. 5 (turnover sheet)-6.
 28. Khakhovskaya L.N. Indigenous peoples in the Magadan Region in XX – early XXI centuries. Magadan: NECSRI FED RAS, 2008. 229 p. (In Russian)
 29. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 155 (turnover sheet)
 30. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 156 (turnover sheet)
 31. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 157.
 32. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 1-2 (turnover sheet)
 33. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 4-7.
 34. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 136. p. 90-90 (turnover sheet)
 35. History and Culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays / I.S. Vdovin, N.V. Kocheshkov, V.V. Leont'yev and others. Leningrad: Nauka, 1987. 286 p. (In Russian)
 36. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 3345. 5 s.
 37. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 3345. p. 2.
 38. Zibarev V.A. Soviet construction of the minority peoples of the North (1917-1932 y.y.). Tomsk: Tomsk University Press, 1968. 334 p. (In Russian)
 39. Report of Dalrevkoma and Dalekosa 1923-24 y.y. / M.P. Kopytin, P.Ye. Terletskiy. Khabarovsk, 1925. 570 p. (In Russian)
 40. NARS (Ya). f. 225. Inv. 35, d. 27. p. 156-157.
 41. NARS (Ya). f. 225. Inv. 35, d. 27. p. 26.

УДК 930.253

**Архивные источники по истории торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в конце XIX – начале XX в.
(фонды Национального архива республики Саха (Якутия))**

Оксана Петровна Коломиец

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН,
 Российская Федерация
 689000, Чукотский автономный округ, г. Анадырь, ул. Энергетиков, 15
 Кандидат исторических наук, заведующая сектором комплексного исследования Чукотки
 лаборатории истории и экономики
 E-mail: okkolo@mail.ru

Аннотация. В статье исследован комплекс документов конца XIX – первой четверти XX в., которые хранятся в фондах Национального архива республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)) и касаются продажи спиртных напитков коренному населению Северо-Востока России. Документы имеют разную сохранность и источниковедческую ценность, отдельные документы и группы документов проливают свет на интересующую нас проблему торговли спиртными напитками в конце XIX – начале XX в. Якутские и Колымские купцы, американские предприниматели вели активную торговлю с аборигенным населением Северо-Востока России, в том числе с чукчами, юкагирами, эскимосами. Законодательство Российской Империи запрещало торговлю спиртом в местах расселения коренного населения, но факты незаконной торговли неоднократно фиксировались и разбирались в административных органах. Использование описанных исторических документов, с учетом имеющихся материалов, позволит более глубоко осветить вопросы, касающиеся роли русских купцов в торговле спиртом, способов административного регулирования вино-водочного рынка, о конкретных действиях властей по решению проблемы спаивания коренного, в том числе чукотского населения. Благодаря введению в научный оборот нового корпуса документальных источников появится возможность исследовать проблему торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: архивные источники, торговые отношения, спирт, незаконная продажа алкоголя, коренное население, чукчи, купечество, американские торговцы, государственный надзор, Северо-Восток России.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 650-662, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years

¹ Branislav Šprocha
² Pavol Tišliar

¹⁻² Faculty of Arts, Comenius University, Slovakia
2, Gondova Str., 814 99 Bratislava
¹ Dr. (Demography), PhD, Assistant
E-mail: branislav.sprocha@gmail.com
² Dr. (History), PhD, Professor
E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

Abstract

Slovak population in the 20th century has undergone significant changes in the character of the reproductive behavior. However, these changes not proceed simultaneously and in the entire population at once. One of the most frequently mentioned factors is the economic activity of women and their related affiliation with one of the economic sectors. In this context the primary sector was very important. The study analyzes the realized fertility of women in Slovakia depending on and working in the primary sector between 1900 and 2001. Differential analysis of fertility is based on population censuses results.

Keywords: primary sector, fertility of women, censuses 1900–2001, Slovakia.

Introduction

Historical data of differential fertility of women are extremely rare and valuable sources of information that enable us to form a picture about the reproduction environment and differences between individual social groups. Moreover, over the long run, they permit better understanding of the so-called demographic revolution, specifically the changes in fertility recorded in the Slovak population from approximately the end of 19th century until the 1950s.

Materials and methods

When analysing fertility, one of the most frequently mentioned differentials is the economic activity of women and their related affiliation with one of the economic sectors. Modern censuses are the key sources of such data that allow combining age (or year of birth) of a woman with the number of her live births as well as with her economic activities or the economic sector in which she was working at the time of the census. Such structured data were first provided by a census conducted in the territory of Slovakia in 1930. It was the first census with explicit queries regarding the number of births by married women. Combined with the age and economic sector of a woman or her husband a basic picture of differences in and intensity of fertility of women working in the primary sector can be formed.

The topic of differential fertility thus refers to two levels. First, it is demography, where based on the available data fertility is analysed as one of the demographic processes. Second, it is the development in the primary sector, which to a certain extent helps us **explain the changes recorded in the population's fertility.**

Discussion

Basic trends in development of the population's economic activities in the 20th century with emphasis on the primary sector

In the first half of the 20th century, the primary sector was the main source of living for people in Slovakia. Given the particular changes that took place in this economic sector in the 20th century, its development should be monitored in two individual stages with the milestone between them being the end of World War II.

The economic dependency of Slovakia's population on agricultural production (both plants/vegetables and animals), plus fishing and forestry is shown by an over 66% share at the beginning of the 20th century [1]; between the wars this share decreased very slowly. These changes in the economic structure of Slovakia up until the 1950s are shown in Table 1. The table illustrates how the population's dependency on the primary sector only dropped below 50% after the end of World War II. In the inter-war period, the share of industry was practically at a standstill; this reflected the weaker competitiveness of the Slovak region and difficulties with finding a place in and adjusting to the new environment after the Czechoslovak Republic was formed. Slow development of industrial production contributed to the problems with employment and due to the slow progress in this sector alternative employment for Slovakia's overpopulated rural areas could not be provided. Agrarian overpopulation in rural areas was typical for Slovakia as early as the last quarter of the 19th century and strongly affected the development of the population when a large number of people in productive age searched for employment abroad. This job migration not only caused changes in the population figures, but also affected the population structure and its fertility, caused mainly by long separation of married couples. However, work migration often affected whole families and frequently resulted in permanent emigration from Slovakia.

Masses of unemployed people started appearing rather early after the establishment of Czechoslovakia. Repatriates who had been returning in flocks during the euphoria after the establishment of the republic only increased the pressure on the labour market and **in Slovakia's rather backward labour market the pressure was even stronger than in the western part of the republic, which extended the ranks of the unemployed even further. A new wave of emigration started but this time it had support and partial guidance from the Czechoslovak government. Officially labelled by the political authorities as "Emigration as a Natural Remedy", it mainly influenced the population working in the primary sector. [2]**

Table 1: Population's of Slovakia affiliation with individual economic sectors between 1900 and 1950 [3]

Sector	Per 100 persons (%)						
	1900	1910	1921	1930	1940	1946	1950
Agriculture, forestry and fisheries	66,3	62,6	60,6	56,8	52,0	48,1	41,9
Industry and manufacture	15,8	18,4	17,4	19,1	21,0	22,7	27,1
Trade and finance (commerce)	4,5	4,8	4,1	5,4	9,6	10,0	5,2
Transport*	2,4	3,2	3,5	4,7	-	-	7,2
Public service, health service, freelance and military	4,3	4,5	5,0	6,3	5,5	5,8	7,3
Other / not given	6,8	6,6	9,3	7,6	11,9	11,9	11,3
Total	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Transport for the period 1940 – 1946, including commerce

In the first half of 20th century, the transformation of the Slovak economy was influenced by several economic and political changes that took place in its territory and affected the population. First, it was the creation of the Czechoslovak Republic, adjustment of the Slovak economy to a new internal market and competition from stronger industrial and agricultural production from the western regions of the republic as well as attempted land reform, the economic crisis in 1930s that was only overcome in the second half of 1930s, political and legislative changes at the end of 1930s together with the loss of the territories in southern Slovakia and the formation of the first Slovak Republic (1939-1945), the start of the World War II, as well as the Slovak National Uprising and the war front advancing through Slovakia at the end of the war. In addition to these influences, long-term problems such as agrarian overpopulation of rural areas mentioned above, unemployment and emigration need to be pointed out.

This paper's objective is not the analysis of each of the aforementioned events or phenomena, although each more or less influenced the social and population environment that was then reflected in the reproductive behaviour of the population.

From the perspective of social structure, the economically active population of the primary sector was structured into three large, but to great extent equivalent groups. Among these three groups, independent farmers and tenants managing their own or leased land slightly prevailed. Helping family members represented a special group of the population, participating in field work and representing a substitute mainly for day labourers. The last group consisted of workers and day labourers hired mostly in larger estates and for seasonal jobs. This group also represented roughly one-third. Gradually the proportion of these

individual groupings in the primary sector shifted when, particularly in the after-war period, the group of independent farmers and independent tenants was eliminated.

It was typical in the first half of the 20th century that more men than women were employed. This disproportion, that was gradually reduced in the inter-war period originated from the economic structure on one hand, but on the other hand a major role was played by social and cultural conditions and impacts as well as by education. [4] The head of the immediate nuclear family in most households was the father – head of the household (head of the family), whose main task in family matters was to “earn money and sustain the family”. The primary task of a woman – mother was to take care of children and the household. This distribution of family roles determined the extent and proportion of female employment in Slovakia’s population, mainly in the primary sector. Not many opportunities to place children in institutions providing child care (nurseries, kindergartens) were available in first half of the 20th century that could have helped mothers share the all-day care of their children. [5] The female employment rate in the 1930s represented approximately 28.5% of the total population in Slovakia and only increased very slowly, even though this share included not only actively working women, but also women helping in household management who were included as helping family members in the statistics prepared in Czechoslovakia in 1930. [6]

The second half of the 20th century was primarily typified by efforts to revive the post-war economy, accompanied by nationalisation and new land reform. The political changes in 1948, the effects of which were felt by the population for four decades, meant among other things coping with the significant impacts of currency reform in the 1950s and subsequent loosening of political tension in the next decade reflected in the effort for political revival but this effort was broken off by the invasion by Warsaw Pact armies and the beginning of a tough political normalisation process. Around that time the government started to show stronger support for families, made an effort to ensure higher purchasing power by the population and improvement in the overall standard of living, factors which were demonstrated by higher natality, mainly in the 1970s. After the events in November 1989, political pressure was lifted and Slovakia embarked on a journey of democratisation of society. However, the insecurity and social situation, especially of the young generation, was largely reflected in the population climate in Slovakia, where lower fertility was recorded and the marriage age increased, while more thought was given to family planning and young people started to prefer families with fewer children. The transition to a new reproduction behaviour started [7].

Table 2: Economically active population in individual economic sectors between 1950 and 2001 [8]

Sector	Per 100 economically active persons (%)					
	1950	1961	1970	1980	1991	2001
Agriculture, forestry and fisheries	56,9	29,0	20,4	15,3	13,9	5,4
Industry and manufacture	23,3	30,6	44,7	47,3	42,4	27,5
Trade and finance (commerce)	4,3	4,8	11,5	14,6	17,9	17,8
Transport*	3,6	7,9	5,9	6,4	6,3	5,2
Public service, health service, freelance and military	9,3	21,1	14,7	15,3	15,0	21,3
Other / not given	2,6	7,1	1,3	1,9	4,5	22,7
Total	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

A planned economy was launched in the primary sector the second half of the 20th century which imitated the “soviet success” to a certain extent by introduction of collectivisation and the establishment of several types of agricultural cooperatives (*jednotné roľnícke družstvo – JRD* in Slovak), which substantially influenced the social structure and the composition of the professions of the population, with formerly independent farmers having been practically forced to give up their own land or livestock for collective farms. [9] Gradually, this brought about the end to the traditional large agricultural family in Slovakia. Ultimately, not even the opportunities brought by the post-November 1989 economic policy in Slovakia, namely the permission to engage in business activities, ownership of land gained by restitution, which consequently meant the end of socialist cooperative farming, succeeded in bringing back the traditional model of large farm families.

The changes in the individual sectors of the national economy between 1950 and 2001 can be best demonstrated by the structure of the wage-earning population (Table 2). The difference between wage-earning persons in the primary sector between 1950 and 1961 is particularly obvious. This was due to the establishment of agricultural cooperatives. While in 1950 there were approximately 1,000 cooperative farmers, in 1961 it was 547,000 people in Slovakia with their main livelihoods being co-operative farming. [10] During socialism, employment in the primary sector gradually decreased mainly due to expansion of industry and commerce and ultimately agricultural production and forestry were the sectors with almost the lowest employment among sectors of the national economy at the beginning of the 21st century.

Analysis of female fertility in the primary sector between 1930 and 2001

The data in Table 3 show that women working in agriculture, forestry, and fishing or women with husbands employed in these national economy sectors had the highest fertility rate. The average number of children per one woman was 3.6, almost one child more compared to commerce and finance, and 1.3 children more compared to public service. As illustrated by the table, the most dramatic differences between individual sectors with respect to the average number of children per woman were among younger women, while for women over 35 and especially those over 50 years of age these differences were substantially smaller. Despite this fact, however, the highest fertility rate was typical for women working in the primary sector or women with husbands employed in agriculture, forestry and fishing.

Table 3: Married women by the sector of their or their husbands' economic activities, number of births and age, Slovakia, 1930 [11]

Sector	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-24	25-34	35-49	50+	Total
Agriculture, forestry and fisheries	411028	0,99	2,64	4,45	5,22	3,61
Mining and metallurgy	8347	1,06	2,67	4,59	5,10	3,28
Industry and manufacture	118093	0,97	2,27	3,93	4,94	3,02
Trade and finance (commerce)	34348	0,81	1,86	3,18	4,48	2,71
Transport*	33690	1,06	2,46	3,89	4,78	3,00
Public service, health service, freelance and military	33895	0,89	1,68	2,78	4,42	2,29
Helping household members and domestic workers	3938	0,77	1,69	2,85	3,58	2,32
Other and not given	36005	1,08	2,35	3,70	4,66	3,73
Total	679344	0,98	2,43	4,12	5,06	3,36

Sector	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-24	25-34	35-49	50+	Total
Agriculture, forestry and fisheries	411028	0,99	2,64	4,45	5,22	3,61
Mining and metallurgy	8347	1,06	2,67	4,59	5,10	3,28
Industry and manufacture	118093	0,97	2,27	3,93	4,94	3,02
Trade and finance (commerce)	34348	0,81	1,86	3,18	4,48	2,71
Transport*	33690	1,06	2,46	3,89	4,78	3,00
Public service, health service, freelance and military	33895	0,89	1,68	2,78	4,42	2,29
Helping household members and domestic workers	3938	0,77	1,69	2,85	3,58	2,32
Other and not given	36005	1,08	2,35	3,70	4,66	3,73
Total	679344	0,98	2,43	4,12	5,06	3,36

Sector	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-24	25-34	35-49	50+	Total
Agriculture, forestry and fisheries	411028	0,99	2,64	4,45	5,22	3,61
Mining and metallurgy	8347	1,06	2,67	4,59	5,10	3,28

Industry and manufacture	118093	0,97	2,27	3,93	4,94	3,02
Trade and finance (commerce)	34348	0,81	1,86	3,18	4,48	2,71
Transport*	33690	1,06	2,46	3,89	4,78	3,00
Public service, health service, freelance and military	33895	0,89	1,68	2,78	4,42	2,29
Helping household members and domestic workers	3938	0,77	1,69	2,85	3,58	2,32
Other and not given	36005	1,08	2,35	3,70	4,66	3,73
Total	679344	0,98	2,43	4,12	5,06	3,36

According to the 1930 census, substantial differences between individual groups of women were caused mostly by the different start of the second stage of demographic revolution. The demographic revolution process can, in a simplified way, be labelled as the shift from extensive to intensive reproduction. This is a qualitative and quantitative change in the nature of reproduction unmatched in the history of humankind, the effects of which can be best demonstrated by changes in mortality and fertility rates and by age structure shifts. In addition, the very attitude of the population towards reproduction markedly changed from biologically-driven to socially-driven. [12] However, these changes did not occur at the same time in one population or globally. The progress over time and the speed of these changes differed in individual populations just as various subpopulations marked by territories (e.g. urban and rural areas) or social status (ethnicity, nationality, profession, social groups) differed. [13]

The reproduction change is usually initiated in each country's centres, i.e. the largest cities where new patterns of reproductive behaviour are more likely to be accepted, especially by members of society's upper classes. The changes subsequently diffuse from these centres to other parts of the country and to other social classes. Simply said, the demographic revolution then hits the closest regions and the hierarchically-closest social classes. Given the fact that inter-war Slovakia was primarily an agrarian society concentrated mainly in rural areas, these groups of the population were least influenced by the gradual dissemination of changes in fertility behaviour and, consequently, the population of Slovakia as a whole had one of the highest fertility rates in the European region. On the other hand, it must be noted that the spread of the second stage of the demographic revolution in the territory of Slovakia had a rather unconventional aspect. The initiating areas included mainly southern regions of central Slovakia, namely Gemer, Novohrad and Hont counties [14] characterised by large proportions of the population earning their living in agriculture. This brings to our attention the fact that the qualitative and quantitative transformation of demographic reproduction was conditioned by several factors, with the affiliation to a certain social group or economic sector being only one of many.

The following two tables, Tables 4 and 5, provide more details of differential fertility that confirm the social aspect of the spreading demographic revolution.

A certain restriction that needs to be mentioned in the frame of the first group of women deals with the overall number in individual groups. Specifically, the mining and metallurgy, as well as the transport sector employed less than 1,000 married women according to the 1930 census. Despite these restrictions it was confirmed that women employed in agriculture, forestry and fishing, especially women working as workers or day labourers, generally showed the highest fertility rate. On the other hand, women working in commerce, finance and public services showed the lowest average number of children.

Table 4: Economically active married women by number of births, sector, job position and age, Slovakia, 1930 [15]

Sector and status in profession	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-24	25-34	35-49	50+	Total
Agriculture, forestry and fisheries	36210	1,04	2,58	3,98	4,40	3,18
<i>independent and renters</i>	16974	1,37	2,76	3,92	4,13	3,40
<i>clerks</i>	6	0,00	0,33	5,00	2,50	1,83
<i>assistant clerks</i>	27	1,67	2,00	2,64	3,40	2,48
<i>workers and day labourers</i>	19203	0,95	2,44	4,04	4,68	2,98
Industry and manufacture	8372	0,68	1,72	3,22	4,01	2,13
<i>independent and renters</i>	1208	0,56	1,61	2,47	3,93	2,14
<i>clerks</i>	191	0,00	0,52	0,39	5,00	0,46
<i>assistant clerks</i>	70	0,42	0,97	2,08	5,40	1,57

<i>workers and day labourers</i>	6903	0,71	1,79	3,46	4,02	2,18
Trade and finance (commerce)	2973	0,55	1,40	2,64	3,86	2,21
<i>independent and renters clerks</i>	1761	0,94	1,99	3,02	4,04	2,91
<i>assistant clerks</i>	211	0,00	0,38	0,78	1,50	0,42
<i>workers and day labourers</i>	378	0,40	1,12	2,05	4,15	1,54
Transport	623	0,53	1,10	1,65	2,02	1,23
<i>independent and renters clerks</i>	802	0,59	1,27	1,76	3,36	1,45
<i>assistant clerks</i>	16	2,00	1,22	0,17	0,00	0,88
<i>workers and day labourers</i>	528	0,00	1,08	1,21	1,82	1,09
Public service, health service, freelance and military	167	0,47	2,09	3,53	4,22	2,61
<i>workers and day labourers</i>	91	0,67	1,13	1,43	4,25	1,56
Helping household members and domestic workers	3706	0,45	1,17	2,08	3,95	1,81
<i>independent and renters clerks</i>	1127	1,09	1,92	2,92	4,46	3,14
<i>assistant clerks</i>	1774	0,00	0,99	1,53	1,66	1,09
<i>workers and day labourers</i>	280	0,35	1,17	2,01	4,08	1,84
Other and not given	525	0,51	1,03	1,55	3,16	1,39
<i>independent and renters clerks</i>	2221	0,76	1,70	2,78	3,17	2,29
<i>assistant clerks</i>	25	1,00	0,83	1,38	1,50	1,24
<i>workers and day labourers</i>	1	0,00	0,00	3,00	0,00	3,00
Total	9	1,00	1,00	1,67	0,00	1,22
<i>independent and renters clerks</i>	2186	0,76	1,71	2,81	3,17	2,30
<i>assistant clerks</i>	6734	1,00	2,18	3,29	3,96	2,99
<i>workers and day labourers</i>	4347	0,90	2,07	3,03	3,90	2,99
Total	0	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
<i>independent and renters clerks</i>	0	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
<i>workers and day labourers</i>	2387	1,09	2,31	3,73	4,18	3,01
Total	61115	0,90	2,20	3,55	4,18	2,83
<i>independent and renters clerks</i>	25458	1,18	2,53	3,61	4,07	3,22
<i>assistant clerks</i>	2715	0,00	0,91	1,38	1,75	1,00
<i>workers and day labourers</i>	931	0,44	1,33	2,31	4,16	1,85
Total	32011	0,87	2,17	3,69	4,37	2,70

Similar differences are also obvious in analysis of economically inactive women by economic sector and their husbands' job positions. Thus, it can be generally asserted that in the inter-war period rather dramatic differences were recorded in realised fertility and these were largely dependent on the sector in which the women or their husbands worked and their job positions.

Table 5: Economically inactive married women by sector and their husbands' job position, number of births and age, Slovakia, 1930 [16]

Sector husband (householder)	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				Total
		-24	25-34	35-49	50+	
Agriculture, forestry and fisheries	374818	0,98	2,65	4,51	5,27	3,65
<i>independent and renters clerks</i>	278853	0,95	2,61	4,40	5,18	3,63
<i>assistant clerks</i>	1666	0,72	1,62	2,76	4,17	2,43
<i>workers and day labourers</i>	5301	1,16	2,80	4,78	5,70	4,15
Mining and metallurgy	88998	1,09	2,77	4,87	5,61	3,73
<i>independent and renters clerks</i>	8250	1,07	2,68	4,60	5,11	3,29
<i>assistant clerks</i>	1	0,00	0,00	5,00	0,00	5,00
<i>workers and day labourers</i>	340	0,58	1,51	2,59	3,42	2,11
Industry and manufacture	583	0,93	2,06	4,00	4,71	3,30
<i>independent and renters clerks</i>	7326	1,08	2,77	4,77	5,31	3,34
<i>assistant clerks</i>	109721	1,00	2,32	3,98	4,97	3,09
<i>workers and day labourers</i>	39183	1,02	2,36	3,93	5,05	3,36
Trade and finance (commerce)	2970	0,58	1,14	1,94	3,42	1,63
<i>independent and renters clerks</i>	6513	0,96	2,13	3,77	4,61	3,13
<i>workers and day labourers</i>	61055	1,01	2,38	4,19	5,01	2,98
Total	31375	0,84	1,91	3,24	4,53	2,76

<i>independent and renters</i>	21634	0,86	2,09	3,45	4,66	3,08
<i>clerks</i>	2822	0,62	1,27	1,89	3,28	1,55
<i>assistant clerks</i>	4917	0,83	1,66	2,75	3,94	2,12
<i>workers and day labourers</i>	2002	1,02	2,01	3,61	4,52	2,59
Transport	32888	1,07	2,50	3,93	4,80	3,04
<i>independent and renters</i>	2474	1,06	2,61	4,43	5,61	3,52
<i>clerks</i>	5486	0,81	1,52	2,36	3,18	1,89
<i>assistant clerks</i>	15000	1,22	2,73	4,13	4,75	3,30
<i>workers and day labourers</i>	9928	1,04	2,65	4,49	5,29	3,18
Public service, health service, freelance and military	30189	0,94	1,75	2,86	4,49	2,35
<i>independent and renters</i>	2433	0,87	1,54	2,62	3,72	2,18
<i>clerks</i>	13459	0,72	1,48	2,46	3,80	1,98
<i>assistant clerks</i>	12289	1,17	1,92	3,19	5,18	2,53
<i>workers and day labourers</i>	2008	1,28	2,86	4,36	5,04	3,99
Helping household members and domestic workers	1717	0,78	1,67	2,96	4,17	2,37
<i>independent and renters</i>	984	0,75	1,68	2,71	3,73	2,12
<i>clerks</i>	12	1,00	3,00	2,83	4,25	3,17
<i>assistant clerks</i>	56	1,00	2,15	3,18	4,38	2,86
<i>workers and day labourers</i>	665	0,82	1,59	3,40	4,45	2,68
Other and not given	29271	1,10	2,42	3,83	4,76	3,90
<i>independent and renters</i>	18775	1,03	2,10	3,42	4,71	4,13
<i>clerks</i>	0	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
<i>assistant clerks</i>	1	1,00	0,00	0,00	0,00	1,00
<i>workers and day labourers</i>	10495	1,12	2,56	4,40	5,01	3,48
Total	628724	0,99	2,46	4,19	5,12	3,42
<i>independent and renters</i>	364337	0,95	2,52	4,21	5,09	3,58
<i>clerks</i>	26756	0,71	1,43	2,35	3,64	1,91
<i>assistant clerks</i>	55154	1,11	2,32	3,89	4,98	3,12
<i>workers and day labourers</i>	182477	1,06	2,59	4,57	5,38	3,41

Subsequent censuses also surveyed economic sector and number of births, but the published findings were not as equally detailed as in the 1930 census. Moreover, a major transformation in the classification of individual sectors was made, substantially impeding any attempts for more detailed comparison of the collected data.

The publication of the first after-war census has the most limited content. The available data only enabled us to quantify the share of women by a specific number of children and the approximate number of **children per woman by economic sector, but we were not able to correlate these data with the women's age**. The results are therefore greatly encumbered by the effects of age structure and do not permit more in-depth and detailed analysis of the actual completed fertility rate. However, despite these drawbacks it transpired that the findings of the inter-war period were more-or-less also present in the Slovak population after World War II. This means that women working in agriculture, forestry and fishing still had the highest fertility, while those working in commerce, finance and services showed the smallest average number of children per woman. On the other hand, it is obvious that the overall fertility rate dropped and the differences between individual sectors were also reduced to an extent.

Table 6: Married women by economic sector and by number of live births from the last marriage, Slovakia, 1950 [17]

Economic sector	Proportion of women (%) without children	Proportion of women (%) with 3 or more children	Average number of children per 1 woman
Industry	18,2	32,4	2,24
Manufacture (craft)	17,1	36,0	2,38
Agriculture, forestry and fisheries	11,2	49,4	3,11
Construction	15,0	39,4	2,60
Transport	11,9	38,1	2,53
Trade and finance (commerce)	21,6	26,1	1,90
Public service	20,4	27,4	1,99
Helping household members and domestic workers	32,9	21,0	1,59

Without employment	14,2	60,2	3,81
Not specified	21,7	30,7	2,28
Total	14,4	42,4	2,76

This fact was even more evident in the population and housing census conducted in 1961 with women working in the primary sector for the first time recording less than 3 children on average. A more thorough comparison of these findings is presented in Table 7, which, again, shows a significant difference in the actual fertility rate between women working in the primary sector and women working, for example, in construction, transport, services and commerce.

No data combining age, number of children and sector were published from the 1980 population census, rather only in combination with social class. As shown in Table 8, this census again confirmed the highest fertility of women working in agriculture. On average, more than three children per woman were reported for women employed as workers and members of agricultural cooperatives. Female employees showed the lowest fertility.

Table 7: Economically active married women by age, number of live births from the last marriage and economic sector, Slovakia, 1961 [18]

Economic sector	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-24	25-34	35-49	50+	Total
Industry	80536	0,75	1,64	2,26	1,93	1,65
Construction	8599	0,73	1,51	2,13	2,11	1,54
Agriculture and forestry	181936	0,94	2,39	3,15	3,39	2,96
Transport	11112	0,70	1,53	2,17	1,83	1,60
Trade (commerce)	34963	0,70	1,70	2,16	1,89	1,71
Public service and administration	71778	0,72	1,56	2,16	1,99	1,65
Economically inactive persons	25835	0,98	1,83	2,10	2,85	2,62
Total	389471	0,77	1,86	2,71	3,05	2,26

Table 8: Married women by social group, number of live births and age, Slovakia, 1980 [19]

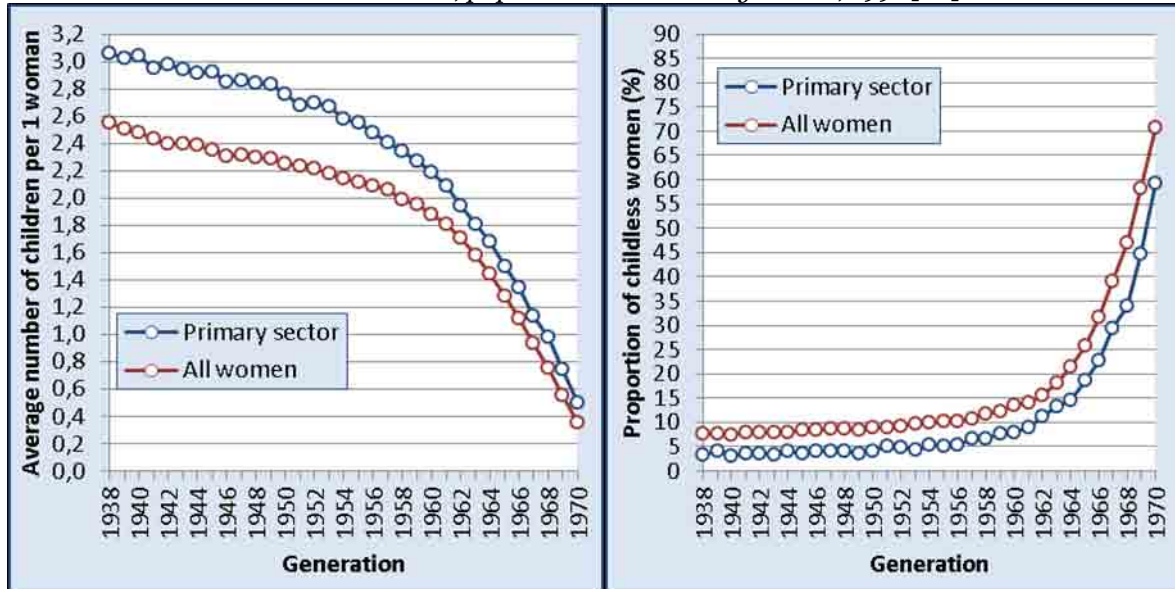
Social group	Number of married women	Average number of children per 1 woman in an age group				
		-29	30-34	35-39	40+	Total
Working women in agriculture	65362	2,08	2,97	3,18	3,18	3,04
Other working women	392253	1,70	2,55	2,78	2,92	2,50
State employee	552363	1,37	2,06	2,25	2,43	2,02
Members of JRD (agricultural cooperatives)	144847	1,88	2,78	2,98	3,01	2,88
Total	1191257	1,54	2,29	2,53	2,78	2,36

The population and housing census of March 1991 was the last census carried out in Czechoslovakia and to a large degree it documented the status of Slovak society before the commencement of the dynamic changes roughly occurring in the past two decades. As stated above, the number of persons employed in the primary sector further decreased over this period, with the female population being no exception. As such, the data taken from this census represent the last probe into the multiple set of women economically active in agriculture, forestry and fishing. The fact that only digitally processed data have been preserved and are now available makes this insight the more valuable, since it substantially enhances the possible analysis of the fertility process.

The following figures 1 and 2 clearly show that the fertility rate of women working in the primary sector was in all generations higher than that of all women in Slovakia. The completed fertility rate of women born at the end of the 1930s and in the early 1940s oscillated around three children while for all women in Slovakia this indicator ranged from 2.4 to 2.6 children. Between generations, however, a decrease in the average number of children per woman is obvious for both groups, therefore women who were born in the

late 1940s and early 1950s and were economically active in the primary sector at the time of 1991 census had 2.7 to 2.8 children on average while all women in Slovakia had 2.2 children. In addition, all censuses showed an intergenerational lower rate of childless women working in the primary sector. The share of childless women in generations from the late 1930s until the early 1950s ranged from 4 to 5% and from 8 to 10% for the whole population of Slovakia.

Figures 1 and 2: Completed fertility and childlessness of women working in the primary sector and all women in Slovakia, population and housing census, 1991 [20]

Differences in the completed fertility between women working in the primary sector and the overall population of Slovakia are mostly the result of more frequent births of higher order. The dominance of children of third and higher order was recorded mostly among women born by 1950 in which this group represented a proportion of over 50% of the given generation. According to the data from the 1991 census, in the overall Slovak population however, women with three or more children did not match such a high score even in the oldest generations. They only exceeded the 40% share for generations from 1938 to 1943.

Figure 3: Structure of women working in the primary sector by year of birth and number of live births, Slovakia, population and housing census, 1991 [21]

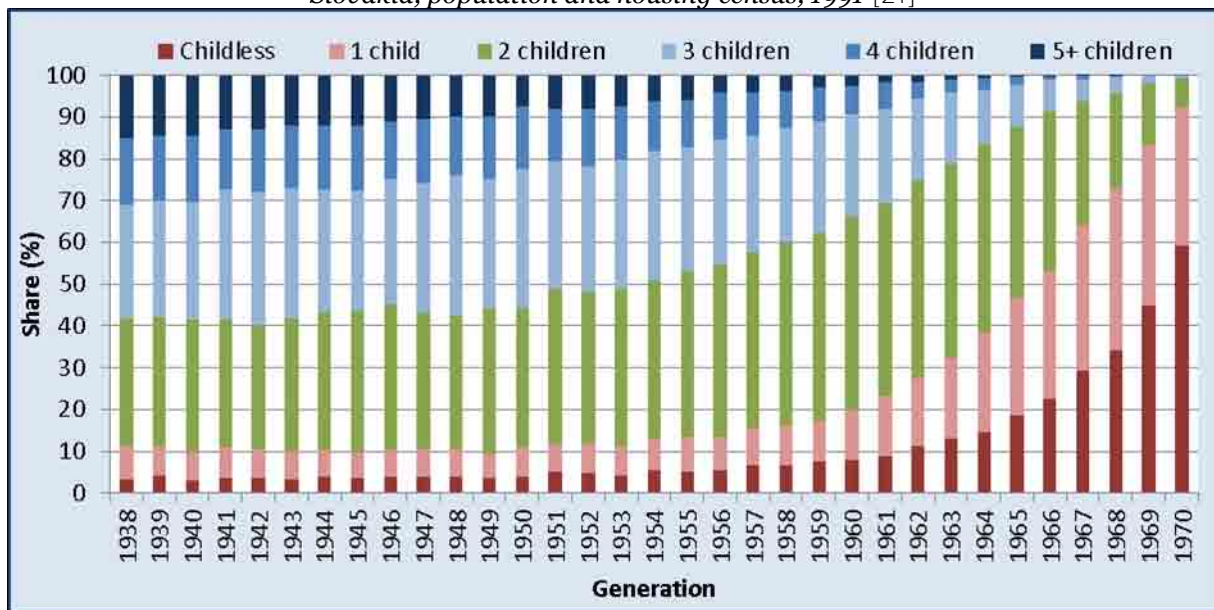
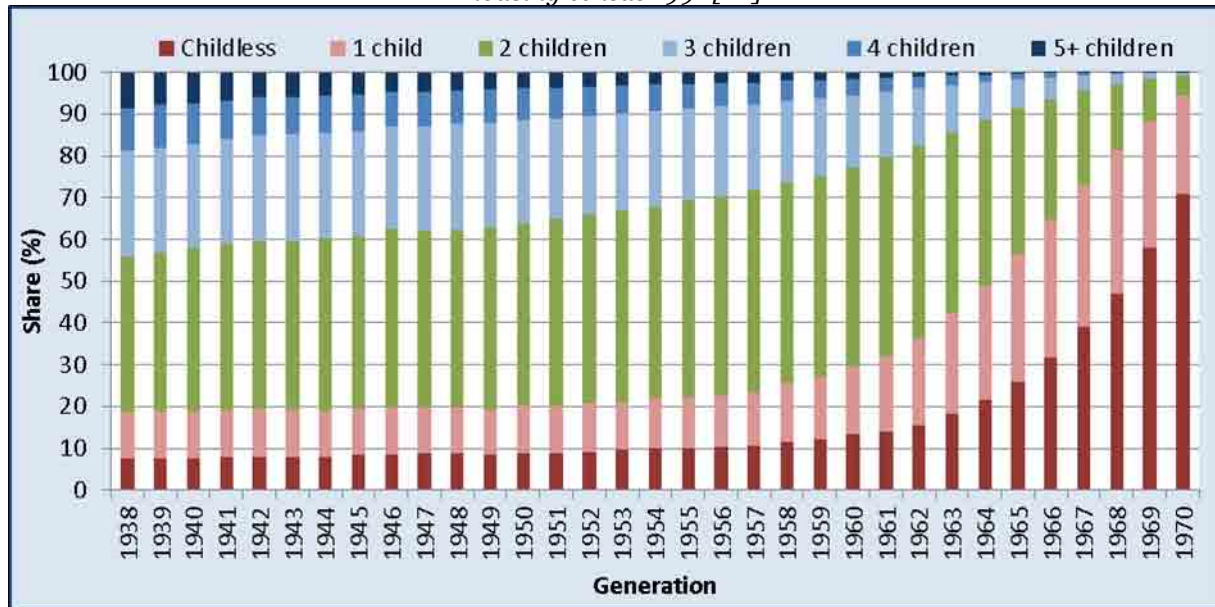

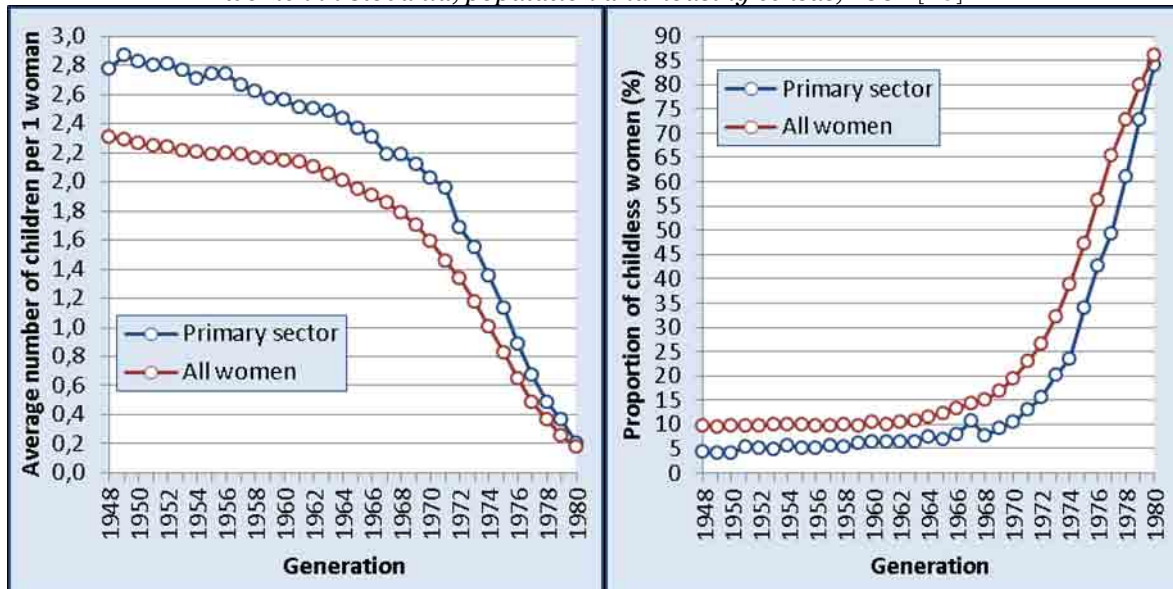
Figure 4: Structure of all Slovak women by number of live births and by generation, population and housing census 1991 [22]

The results of the 2001 census showed that the completed fertility of women working in the primary sector that were born in late 1940s and early 1950s fluctuated between 2.7 to 2.8 children per woman. For the overall Slovak population, the average number of children per woman born in this period represented 2.2 to 2.3 children. Although younger generations had not completed their reproduction at the time of the census, it was true even in this case that the level of fertility of women working in the primary sector was higher than that of all women in Slovakia.

The proportion of childless women working in the primary sector and born between 1948 and 1960 ranged from 4.0 to 6.5% which compared to overall female population in Slovakia was less by approximately 3.7 to 5.6%. Similarly, with younger generations it can also be asserted that women working in agriculture have had a lower rate of childlessness than all women in Slovakia. The most prominent differences are found in generations born in the 1970s with the childlessness rate lower by almost 10 percentage points. It is the generation of women born in the 1970s that have been the source of changes in reproductive behaviour that started to appear in the last 20 years. It can be asserted based on these data that women working in the primary sector have been less strongly influenced by this trend. The proof is both the lower childlessness rate, or higher proportion of women with at least one child, and the overall realised fertility of these critical generations. For example all Slovak women born in 1970 had 1.6 children on average while women working in the primary sector had more than 2 children. Similarly, women from the second half of the 1970s are characterised by higher fertility and lower childlessness. Based on these data we can assume that women working in the primary sector born in the 1970s became mothers earlier and with a higher intensity than the whole population of Slovakia. However, an earlier start in reproduction does not necessarily mean higher completed reproduction. Therefore, we will only be able to analyse the overall level of differences in realised fertility of women working in the primary sector and other national economy sectors once the results of the 2011 census and other data are available.

Figures 5 and 6: Completed fertility and childlessness of women working in the primary sector and all women in Slovakia, population and housing census, 2001 [23]

The outcome of the reproduction paths at the end of reproductive age is the structure of women by parity. When comparing women working in the primary sector in 2001 with all women in Slovakia who had completed or had reached the end of their reproductive period (40 years of age and older), it is obvious by perusing the following two figures that the first group includes more women with three or more children. It was this fact that brought higher completed fertility figures which were identified in the findings of almost all censuses presented in this paper.

Conclusion

The transformation of reproductive behaviour during the demographic revolution influenced mainly higher order births as an indication of intentional limitation of family size. Consequently, Slovak families were becoming smaller which was reflected in the number of women with more children in the respective generations. Women born in the 1940s and later who had spent most of their reproductive lives in the previous political regime showed strong inclination for families with two children. One of the specific features of the so-called East-European reproduction model was the two-child family model together with low childlessness bordering on biological abilities and a very small share of women with one child. As shown in Figure 8, among all generations of women born between 1948 and 1960 women with two children had the biggest share, namely over 40%. The share of women with three and more children gradually dropped from 38% to 30%. One-tenth of all women in Slovakia had a single child.

When compared to all Slovak women, women working in the primary sector had a higher proportion of three and more children. The proportion of these women in generations from the late 1940s was almost 20 percentage points higher. Although a gradual decrease in this group can be observed between generations, the 1960 generation was still dominated by women working in the primary sector with three and more children, as they represented more than 46% of all women of the same year of birth. Only a small portion of women working in the primary sector had one child. On average that was only 5 to 8% of all women. Women with five and more children took a bigger share; in generations from 1948 to 1958 they usually formed approximately one-tenth of all women. For younger generations born after 1960, a prevalence of women with two children is recorded, but in view of their age their reproduction cannot be considered as completed yet; it is probable that a certain portion of them will bear at least one more child in the future. From this perspective, the structure of women born in the 1970s is also noteworthy. We have already mentioned higher fertility and lower childlessness rates among these women working in the primary sector. The results of the 2001 census, however, show that these women much more often gave birth to children of second and higher order. Thus we can assert that in contrast with all Slovak women these women become mothers earlier and with higher intensity in their younger age, often with repeated motherhood. Based on these results it appears that even for these breakthrough generations the overall intensity of fertility will eventually be higher than in the case of older generations and that women working in the primary sector will in future hold their first position regarding the intensity of fertility. On the other hand it should be noted that in future they will represent an ever shrinking group and their reproductive behaviour will become more marginal without a dramatic effect on the republic-wide level.

Figure 7: Structure of women working in the primary sector by number of births and by generation, population and housing census, 2001 [24]

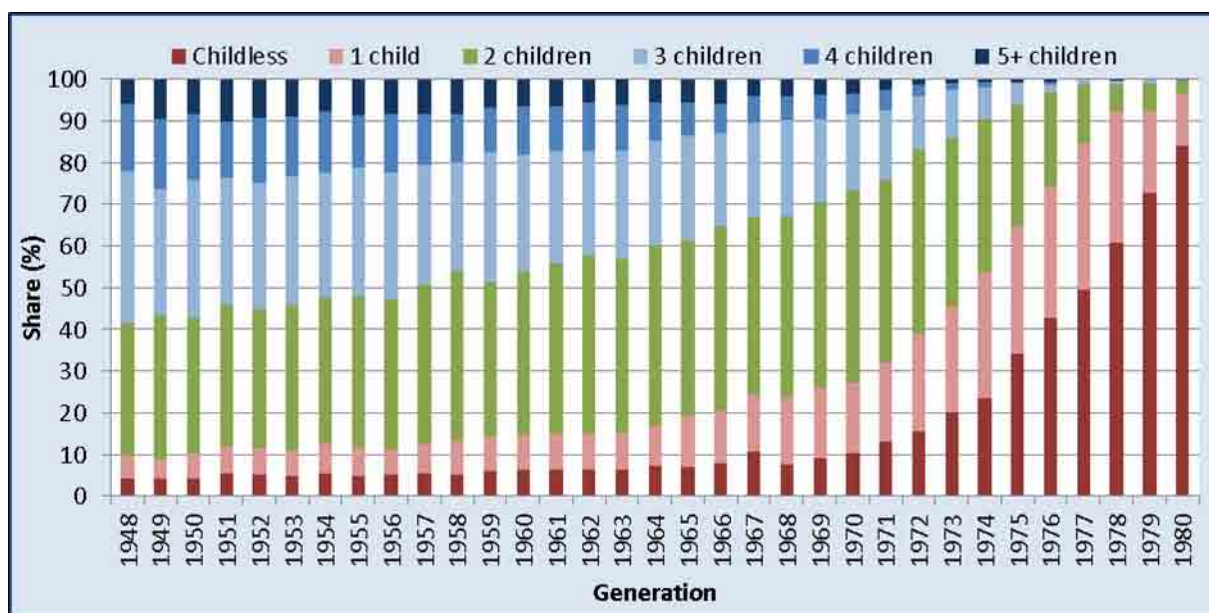
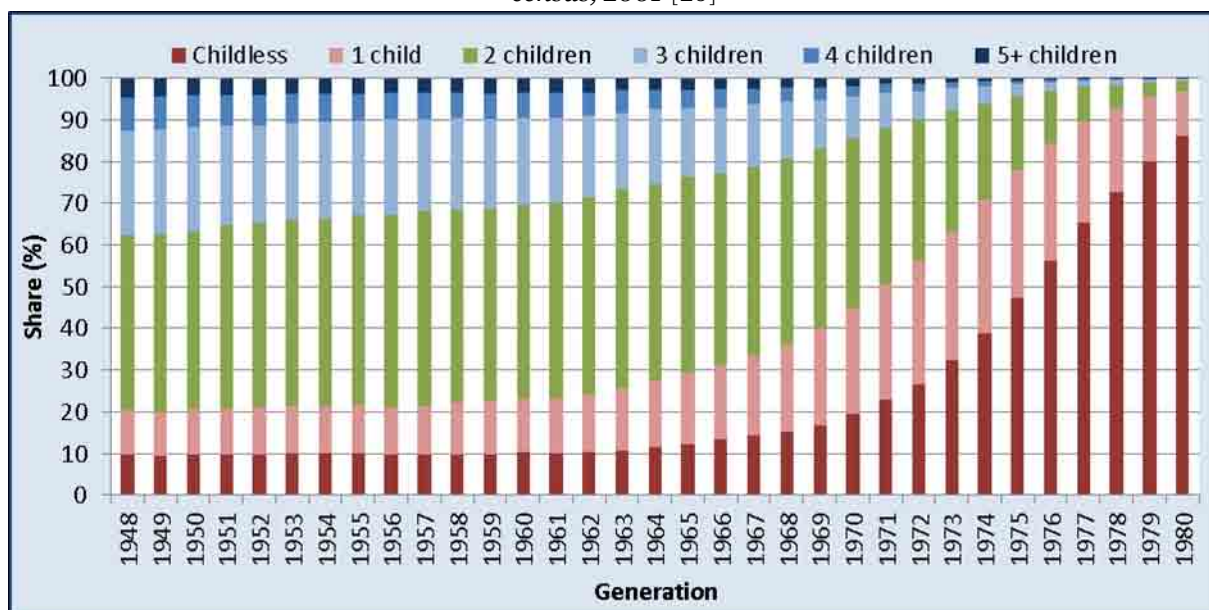

Figure 8: Structure of all Slovak women by number of births and by generation, population and housing census, 2001 [25]

References:

1. This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under contract No. APVV-0199-12 „Historický atlas obyvateľstva Slovenska (18. – 1. pol. 20. storočia)“. Research underlying this paper was also supported by the MŠ SR VEGA grant No. 1/0026/14 „Transformácia plodnosti žien Slovenska v 20. a na začiatku 21. storočia a jej prognóza do roku 2050.“ Statistická ročenka republiky Československé: 1938 (henceforth: SRRČS 1938). Praha: Státní úřad statistický, 1938, p. 15.
2. Svetoň, J. Obyvateľstvo Slovenska za kapitalizmu /J. Svetoň. Bratislava: SVPL, 1956, p. 164 ff; Kačírek, L. Modernizácia Uhorska v 19. storočí a slovenské národné hnutie / L. Kačírek // M. Martinkovič (ed.). Idey a vývoj slovenského národnotvorného myslenia. Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku, 2011, pp. 246-338.
3. Compiled based on data from SRRČS 1938, ref. 2, p. 15; Demografická príručka (henceforth: DP) / V. Srb (ed.). Praha 1967, p. 35; Průcha, V. Hospodárske dejiny Československa v 19. a 20. storočí / V. Průcha. Bratislava: Pravda, 1974, p. 574; MVSR – Slovak National Archives, fonds Slovak Statistical Office, 1945 – 1951, box no. 38, no shelf mark.
4. Šprocha, B., Tišliar, P. Úmrtnosť na Slovensku v rokoch 1919 – 1937 / B. Šprocha, P. Tišliar. Bratislava: Stimul, 2008, p.11 ff.

5. MVSR – Slovak National Archives, fonds Slovak Statistical Office, 1952 – 1960, box no. 50, no shelf mark.
6. DP, ref. 3, p. 34.
7. For details, see also Vaňo, B. *Obyvateľstvo Slovenska 1945 – 2000* / B. Vaňo. Bratislava: Infostat, 2001, p. 14 ff.; *Sobášne tabuľky slobodných* : Slovenská republika 1996 – 2000 / B. Vaňo. Bratislava: Infostat, 2001.
8. Compiled based on data from DP, ref. 3, p. 34; Průcha, V., ref. 3, p. 574; *Sčítanie ľudu, domov a bytov k 1. 12. 1970* : tabuľky za SSR. FŠÚ, SŠÚ, 1971, pp. 39-44; *Sčítanie ľudu, domov a bytov 1. 11. 1980* SSR // *Československá štatistika 1982*. Bratislava: SŠÚ, 1982, pp. 52-56; *Sčítanie ľudu, domov a bytov k 3. 3. 1991*. Interné údaje Štatistického úradu Slovenskej republiky, 1992, pp. 46-53; *Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 26. 5. 2001*. Interné údaje Štatistického úradu Slovenskej republiky, elektronické spracovanie SODB 2001.
9. For details, see also Němcová, L., Průcha, V. *K dějinám družstevnictví ve světě a v Československu* / L. Němcová, V. Průcha // *Studie z hospodářských dějin č. 13*. Praha: VŠE, 1999.
10. DP, ref. 3, p. 36.
11. *Sčítání lidu v Republice Československé ze dne 1. prosince 1930*. Díl IV. Část 1. Počet dětí živě narozených v posledním manželství // *Československá statistika sv. 126* (henceforth: ČSS sv. 126). Řada VI. *Sčítání lidu, sešit 12*. Praha: Státní úřad statistický 1936, pp. 106-109.
12. Pavlík, Z. *Demografická revoluce jako globální zákonitost populačního vývoje* / Z. Pavlík. Praha: Přírodovědecká fakulta, Univerzita Karlova v Praze, 1977, p. 215.
13. Pavlík, Z., Rychtaříková, J., Šubrtová, A. *Základy demografie* / Z. Pavlík, J. Rychtaříková, J. Šubrtová. Praha: Academia, 1986, p. 322.
14. Vereš, P. *Vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1880–1910* / P. Vereš // *Demografie*, 25/1983, pp. 203-208; Vereš, P. *Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910 – 1980* / P. Vereš // *Demografie*, 28/1986, pp. 110-117.
15. ČSS sv. 126, ref. 11, pp. 106-109.
16. Ibidem.
17. *Sčítání lidu v Republice Československé ke dni 1. března 1950*. Díl III. *Plodnost žen*. // *Československá statistika, Řada A., sv. 6*. Praha: Státní úřad statistický, 1957, p. 12.
18. *Sčítání lidu, domů a bytů v Československé socialistické republice k 1. březnu 1961*. Díl I. *Demografické charakteristiky obyvatelstva*. Praha: Ústřední komise lidové kontroly a statistiky, 1965, pp. 286-309.
19. *Sčítanie ľudu, domov a bytov 1. 11. 1980*. *Plodnosť žien – Manželské páry*. SSR. Bratislava: Federálny štatistický úrad. Slovenský štatistický úrad, 1982, p. 262.
20. Štatistický úrad Slovenskej republiky: *Sčítanie ľudu, domov a bytov k 3. 3. 1991*. Authors calculations.
21. Ibidem.
22. Ibidem.
23. Štatistický úrad Slovenskej republiky: *Sčítanie obyvateľov, domov a bytov k 26. 5. 2001*. Authors calculations.
24. Ibidem.
25. Ibidem.

УДК 93

**Плодовитость женщин в первичном секторе
в Словакии (1900–2001 гг.)**

¹Бранислав Шпроха

²Павол Тишляр

Философский факультет Университета Коменского, Словакия

814 99, г. Братислава, ул. Гондова 2

¹доктор естественных наук

E-mail: branislav.sprocha@gmail.com

²доктор философии и ист. наук, профессор истории

E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

Аннотация. В XX веке словацкое населения прошло значительными изменениями в характере репродуктивного поведения. Эти изменения произошли одновременно и в всего населения сразу. Одними из наиболее часто упоминаемых факторов, которые влияли на репродуктивное поведение, является экономическая активность женщин и, особенно, первичный сектор экономики. Статья анализирует плодородие женщин в Словакии в зависимости от работы в первичном секторе между 1900–2001 гг. Дифференциальный анализ плодородия обсуждается на основе результатов переписей населения.

Ключевые слова: первичный сектор, плодовитость женщин, переписи 1900–2001 гг., Словакия.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 663-669, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 341.39

The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905)

Tatiana A. Kattsina

Siberian Federal University, Russian Federation
Maerchaka Str., 6, Krasnoyarsk 660075
PhD (History), Associate Professor
E-mail: kattsina@list.ru

Abstract

The article is devoted to a problem of the organization of the social help to the population in extreme conditions of wars of the beginning of the XX century. Using materials of Siberia, the author reveals the main directions of development and realization of social support of families of the lower military ranks, gives an assessment to its productivity from the point of view of the level of availability and the practice which is formed on places. Research leads to a conclusion that in the years of Russian-Japanese war social support was formed under the influence of local features and local understanding that created differentiation of its level and conditions of access; gaps of the legislation not only reduced aid effectiveness, but also did harm to value of the help.

Keywords: Siberia, Russian-Japanese War, social support, measures and forms of social support, family of the military personnel.

Введение

Актуальность темы обусловлена памятной датой – 110-летием окончания войны с Японией, а также реформами социального обеспечения и дискуссиями вокруг них. Катастрофический ход русско-японской войны во многом подтолкнул революционные события в стране, когда отчетливо просматривались тенденции за улучшение социального положения отдельных групп и слоев населения. Российское государство, вступив в январе 1904 г. в масштабный вооруженный конфликт, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военным противникам, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности.

Принимая во внимание многовариантность рассмотрения проблемы, автор статьи фокусирует внимание на организационно-правовых аспектах социальной поддержки семей нижних воинских чинов, используя материалы Сибири.

Материалы и методы исследования

Источниками для написания данной статьи послужили законодательные и нормативные акты из области правового регулирования военнослужащих и их семей в годы русско-японской войны; делопроизводственная документация из фонда 595 (Енисейское губернское управление) государственного архива Красноярского края; периодическая печать регионального (газеты «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник» «Иркутские губернские ведомости», «Енисейские губернские ведомости», журнал «Сибирский наблюдатель») и муниципального (газета «Енисей») уровней; источники личного происхождения (письма и жалобы населения по вопросам назначения и выплаты пособий в административные учреждения, отложившиеся в их архивных фондах, и близкие к ним по характеру письма в местные газеты).

В работе использованы методы сравнительно-исторического, синхронного и статистического изучения, соответственно позволившие выделить региональные особенности социальной поддержки;

рассмотреть ее одновременно с другими явлениями и событиями общественной жизни; получить ряд количественных показателей о ресурсах субъектов помощи.

Обсуждение

В последнее время заметно усилился интерес к социальным аспектам жизни людей и мерам их социальной поддержки в годы войн начала XX в. [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. Следует обратить внимание на противоречивость исторических источников и мнений исследователей по общей сумме и структуре расходов на призрение в Сибири в годы войны с Японией. Так, М.В. Шиловский называет земские сборы основным источником финансирования кампании социальной поддержки семей фронтовиков [7], что противоречит материалам Енисейской губернии, где фактические затраты по этой статье были на 91,5 % [8] возмещены казной. Ю.П. Горелов и Н.Д. Ростов приводят сумму казенных и местных расходов соответственно – 4 749 371 руб. 95 коп. и 938 650 руб. 73 коп. [9], тогда как по подсчетам Н.К. Струка только в Восточной Сибири затраты казны составили 3 млн руб. [10], но и эта цифра разнится с нашими подсчетами, основанными на опубликованных (1 582 тыс. руб.) [11] и архивных (1 588 тыс. руб.) [12] источниках. Очевидно, что приведенные статистические данные требуют дальнейшего уточнения, равно как и вопросы о том, какое место в системе социальной поддержки занимали услуги, предоставляемые различными субъектами помощи, насколько эффективной оказалась работа каждого из них.

Результаты

Исходным документом в области правового регулирования помощи военнослужащим и их семьям служил «Устав о воинской повинности» (1874 г.). В начале XX в. действовала его редакция 1892 г., учитывающая три вида призрения: «1) призрение самих нижних чинов, утративших трудоспособность вследствие полученных ими на действительной службе ранений или увечий (инвалиды); 2) призрение семейств погибших на войне, безразлично от каких именно причин, то есть убитых, умерших от ран или болезней в районе военных действий и пропавших без вести, и 3) призрение семейств запасных, призванных на действительную службу» [13].

В период войны с Японией организацию попечительской работы регулировали «Временные правила об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов» (1877 г.), а общие нормы помощи – «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» (1877 г.). Последним документом земские собрания, городские думы, волостные и сельские общества обязывались обеспечить не имеющих «достаточных собственных средств к существованию» солдатских жен и детей отапливаемым жильем (при его отсутствии) и казенным пайком, равным месячному довольствию солдата. Денежный эквивалент пособия соответствовал местной стоимости следующего количества продуктов на одного человека (без различия возраста): муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта. Кроме того, органам местного самоуправления разрешалось принимать «возможные по обстоятельствам и средствам меры» к улучшению быта семей и ближайших родственников (родителей, братьев и сестер (круглых сирот), дедушек и бабушек) солдата, находящихся до призыва на его иждивении [14]. Независимо от этого, пострадавшим на военной службе нижним чинам и их семьям назначались пенсии и единовременные пособия из инвалидного капитала Александровского комитета о раненых. Обеспечение и воспитание осиротевших детей офицеров и нижних воинских чинов регламентировали «Правила об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» (1905 г.). В апреле 1906 г. был принят закон «Об обеспечении участи вдов нижних чинов, погибших в войне, а также ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом».

В связи с ростом недоимок государству по налоговым платежам, манифестом 11 августа 1904 г. было решено «сложить все накопившиеся на крестьянских надельных землях недоимки в выкупных, земских и других окладных сборах» [15]. Только по Иркутской и Енисейской губерниям было снято задолженности на 61 056 руб. [16]. После окончания Русско-японской войны, манифестом 3 ноября 1905 г., изданным по личной инициативе Николая II, выкупные платежи уменьшались с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. прекращались вовсе [17].

Особого внимания заслуживает вопрос обеспечения для населения доступности социальной поддержки. В Сибири, подобно другим не земским окраинам, работу по назначению и выдаче установленных законом пособий выполняли губернские и уездные распорядительные комитеты по призрению семейств нижних воинских чинов, а в Томской губернии – губернское управление. Особенности формирования их состава уточняло предписание министра внутренних дел «О способах объединения мер призрения семейств нижних чинов, призванных на службу из запаса и состоящих в рядах действующих войск, а также ратников государственного ополчения, в войну с Японией» (1904 г.). Порядок назначения пособий применялся в Томской губернии явочный (по личному заявлению). В Тобольской губернии обследование и постоянное наблюдение за положением и составом семей выполняли волостные старшины, и согласно собранным ими документам пособия назначались без особых заявлений. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях с февраля по август 1904 г. комитеты получали сведения о нуждающихся от полицейских и

сельских управлений. Затем эта часть работы сосредоточилась в уездных распорядительных комитетах, а за губернскими учреждениями сохранилось общее направление и контролирование уездных органов. Периодическое обследование положения семей практиковалось три раза в год, и в зависимости от результатов перерегистрации, пособие назначалось вновь или его выдача прекращалась [18]. В Иркутске, по предложению губернского Комитета по призрению семейств нижних воинских чинов, задачи социальной помощи исполнял Дамский комитет Российского общества Красного Креста [19].

Удельный вес призываемых семей к общему числу призванных составил 64,8 % в Томской губернии, 77,9 % – в Тобольской, 60,7 % – в Иркутском генерал-губернаторстве (губернии Енисейская и Иркутская, область Якутская), 30,1 % – в Приамурском генерал-губернаторстве (области Приамурская, Забайкальская и Приморская), 75,5 % – в Степном генерал-губернаторстве [20].

Министр внутренних дел П.Н. Дурново отметил, что «при всеобщем в последнее время стремлении к осуществлению своих прав и несомненной осведомленности населения с сущностью правил 1877 г., семьи запасных вообще широко воспользовались призрением» [21]. Это заявление, однако, не отражает настоящего положения дел. Анализ фактов, выявленных в архивных документах, дает возможность сделать вывод о невысоком уровне доступности социальной помощи. Он, как известно, зависит от ряда факторов, важнейшими из которых являются географическое расположение по отношению к месту жительства, транспортное обеспечение, прямые издержки (временные и финансовые затраты заявителей, связанные со сбором документов), доступность информации о существовании программ и условиях участия.

То обстоятельство, что помощь предоставлялась чаще по заявительному принципу, не позволяло в полной мере охватить семьи, которые по тем или иным причинам не обращались за поддержкой, хотя и нуждались в ней. Кроме того, принятие решения о назначении пособия зависело от складывающейся на местах практики, что ставило заявителей, формально находящихся в одинаковом правовом положении, в разные условия доступа к пособиям. Возможно, что эффективное и рациональное внедрение адресной социальной помощи семьям нижних воинских чинов зависело не только от организации работы распорядительных комитетов, но и от мотивации, отношения их сотрудников к клиентам. В этой связи в качестве примера лучшей практики можно рассматривать опыт Тюмени, где работа выстраивалась как предупредительная мера обнищания населения [22]. В Красноярском уезде до ноября 1905 г. продовольственное пособие выплачивалось за месяц вперед, а затем, по предписанию Енисейского губернского комитета по призрению семейств воинских чинов, – за истекший месяц [23]. В Смоленской волости (Томская губерния) не последнюю роль при назначении пособий играли родственные связи и вознаграждения, что приводило к распределению помощи в пользу относительно обеспеченных семей [24]. В Восточной Сибири в целом отмечалось «беспорядочное отношение к делу призрения сельских властей», которое выразилось «в постоянных задержках выплаты пособий и в небрежном обследовании состояния семей» [25]. Положение усугублялось неудобным порядком выдачи пособий (приходилось ездить в «известный пункт по особой повестке»), потребностью уйти с работы или оставить хозяйство ради оформления документов, где-то пристроить детей на это время, фактической невозможностью воспользоваться гужевым транспортом из-за отсутствия или финансовой недоступности. В Енисейской губернии расхищены были казенные средства, ассигнованные на пособия: 500 руб. 64 коп. – в Перовском и 152 руб. 62 коп. – в Троицко-Заозерном волостных правлениях; старшина Балахтинского волостного правления пытался присвоить сумму (17 руб. 40 коп.) нескольких продовольственных пайков. Часто при выдаче пособия от солдаток «требовали угощение и платы за расписки за неграмотных» [26]. Жители села Балахтинское оценили возможность пересмотра неправильно принятых местными учреждениями решений о приостановке или об отказе назначения выплат так: «трудно, убыточно и почти нет возможности как по недоступности на запись к должностным лицам, так и по отсутствию грамотных взрослых» [27]. Разного рода злоупотребления вызвали обращение уездных комитетов к крестьянским начальникам об усилении надзора за действиями низших сельских властей, снизили значение помощи, породили конфликты сельской администрации с частью сибирского крестьянства. Г.А. Ноздрин отметил значительное число (82) выступлений запасных солдат Сибири в декабре 1905 – январе 1906 г. [28]. Они требовали выдачи пособий своим семьям и установления разных податных и имущественных льгот, громили волостные и сельские правления, избивали сельскую администрацию.

Следует отметить, что на предоставляемую помощь сибиряки смотрели как на «жалование за взятого на войну». Казенный паек считали обязательным для «всех богатых и бедных», включая семейства и «одинок», (состоятельных и бездетных жен), «бывших на войне или вообще призывавшихся по мобилизации» солдат [29]; находили не справедливым устранение от обязательного пособия «без вины виноватых» – гражданской жены и внебрачных детей фронтовика, а также ближайших родственников, существовавших до призыва за его счет [30]. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях «размер пайка признан был недостаточным в виду отсутствия в составе его жировых веществ» [31].

Основной аргумент министра внутренних дел в пользу существующего порядка назначения пособий весьма недвусмыслен: «Врем[енные] прав[ила] 25 июня 1877 г. отнюдь не задаются общей

целью поддержать хозяйственную состоятельность населения, отвлеченного войною от обычных занятий. И не создают ни для кого определенного права на пособие, а состоят исключительно на почве призрения, стремясь доставить необходимую лишь помощь семьям запасных в минуту острой нужды, вызванной призывом главы семьи на защиту родины. [...] Из того обстоятельства, что сам закон установил помощь семьям запасных натурою, приурочив выдаваемый паек к количеству пищевых продуктов, достаточному лишь для пропитания нуждающихся, нельзя не заключить, что лица, имеющие возможность некоторое время просуществовать на свои средства, не подходят к категории лиц, которых имеет в виду в данном случае закон, т. к., очевидно, что доставление им установленного законом вида вспомоществования за прожитое время было бы бесполезно для цели призрения» [32]. Однако, как уже было показано, принцип адресности, а именно распределение помощи в пользу семей с низким уровнем доходов на основе проверки нуждаемости, не получил широкой общественной поддержки, был связан с определенными издержками и для самих получателей пособий.

Городские думы, волостные и сельские общества, благотворительные организации оказывали дополнительную помощь, расширяя круг ее получателей, генерируя разнообразные меры и формы социальной поддержки. К числу важных аспектов их деятельности в военные годы относится обеспечение населения жилой площадью. В восточносибирских городах жилищная помощь выражалась в найме общих квартир для одиноких жен военнослужащих, но от проживания в таких помещениях жены нижних чинов обычно отказывались [33]. В селах Енисейской губернии отдельное жилье нуждающимся семьям фронтовиков оплачивалось из мирских сумм [34], в городах Западной Сибири – из местного бюджета или благотворительных пожертвований [35]. Например, томское городское самоуправление с февраля по апрель 1904 г. израсходовало 3424 руб. на жилищные субсидии 511 семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, за этот же период 1905 г. – 5038 руб. 50 коп. – 749 семьям; местный «Дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну воинов» за это же время, и в этих же целях выплатил соответственно 2955 руб. 52 коп. (в месяц в среднем 320 семьям) и 4493 руб. 50 коп. (в месяц в среднем 416 семьям), кроме того назначал «квартирные деньги» «лицам, особенно нуждающимся», но не имеющим права на государственную поддержку [36].

В Тобольской губернии волостные попечительства заведовали «исключительно оказанием необязательной помощи населению» из средств, собиравшихся путем пожертвований, и служили, совместно с уездными отделениями, исполнительными органами губернского комитета. Совокупная благотворительная деятельность губернского комитета, уездных его отделений и волостных попечительств, достигла «значительных результатов (всего выдано 94434 руб. 46 коп.) и содействовала поддержанию хозяйств призванных» [37].

Дамские комитеты (Красноярский, Иркутский, Томский и Тобольский) помощь семьям фронтовиков проявляли в двух различных формах: 1) как жизненно необходимая помощь (предоставление заработка, бесплатного жилья, продуктов питания, теплой одежды, денежных пособий), подразделяющаяся на текущую и разовую, 2) как помощь в особых жизненных ситуациях (болезнь, потеря имущества от пожара, оплата транспортных расходов при переезде семьи на родину и т. п.) [38].

В Сибирском военном округе, в состав которого тогда входили Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Якутская области, общие денежные затраты на призрение семей запасных и ратников государственного ополчения, принятых на действительную службу в войну с Японией, составили более 7391 тыс. руб. Структура расходов была следующей: государственные субсидии земствам и заменяющим их учреждениям – 84,77 %, городским общественным управлениям – 0,42 %; затраты из местных средств: земских – 6,28 %, городских – 3,13 %, сельских обществ – 2,36 %, пожертвований – 3,03 %, сословных обществ – 0,01 % [39].

Заключение

Завершая, хочется отметить, что в ходе русско-японской войны законодательство было ориентировано на закрепление, упорядочение и небольшую корректировку ранее сложившейся нормативно-правовой базы в области защиты военнослужащих и их семей. В то же время были сделаны первые юридические попытки ввести государственное ассигнование и распределение денежных средств в помощь семьям фронтовиков; скоординировать деятельность исполнителей социальных задач, – административных и благотворительных организаций. Пробелы в сфере правового регулирования не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией.

Слабое государственное регулирование в сфере стандартов общественного призрения создало диспропорции в уровне социальной помощи, ее доступности для населения в зависимости от места проживания. Многие решения по отдельным случаям представляли собой «решения по усмотрению», определяемые местными властями по собственным правилам. Принцип распределения помощи в пользу семей с низким уровнем доходов и потребления на основе проверки

нуждаемости, практиковался всеми субъектами социальной поддержки, но не имел широкой общественной поддержки, был связан с определенными издержками для самих получателей помощи.

Органы местного самоуправления и благотворительные организации, исходя из имеющихся возможностей, расширяли круг получателей помощи, использовали более разнообразные (по сравнению с государственными стандартами) меры и формы социальной поддержки, но их денежные ресурсы были намного меньше тех, которые выделяло государство на призрение семей запасных и ратников государственного ополчения, принятых на действительную службу в войну с Японией.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-11-24002 «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX века».

Примечания:

1. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В.С. Дякина, 24–25 мая 1999 г. / ред. Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, И.В. Лукоянов. СПб., Кипченев: Nestor-Historia, 2001. С. 437–438.
2. Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны: монография; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2003. 152 с.
3. Пушкарёва Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов: «Издательство Юлис», 2004. 508 с.; Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222–233.
4. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века: научное издание; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 385 с.
5. Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... кандидата ист. наук : 07.00.02. Омск, 2005. 27 с.
6. Kattsina T.A. The "vast process of social construction..." in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus. 2014. Special Issue. P. 245–258.
7. Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 г. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 14.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538об.
9. Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. Оказание помощи семьям нижних воинских чинов в Западной Сибири в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Сибирь в войнах начала XX в. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 148.
10. Струк Н.К. Помощь государства малоимущим крестьянам Восточной Сибири в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Дуловские чтения 1992 г. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 16–17 октября 1992 г. Ч. 1. Иркутск, 1992. С. 81.
11. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения, призванных на действительную службу в Русско-японскую войну (февраль 1904 – октябрь 1906). СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1907. С. 114–115.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 533.
13. Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов. Пг.: типография Д.П. Вейсбрута, 1915. С. 7.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание второе. Т. LII. № 57503.
15. ПСЗ. Собрание третье. Т. XXIV. № 25014.
16. Струк Н.К. Указ. соч. С. 80.
17. Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 49.
18. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
19. Восточное обозрение. 1904. 6 апреля.
20. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 105.
21. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193об., 194.
22. Иряк Н.И. Письма из городов. Из Тюмени // Сибирский наблюдатель. 1904. Книга 5 (май). С. 132.
23. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 53.
24. Сибирская жизнь. 1905. 10 июня.
25. ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 202. Л. 1–3; Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 68–69; Комарова Т.С. «На сопках Маньчжурии...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Красноярск: ИП Азарова Н. Н., 2013. С. 62–64.

26. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538, 76, 76об.
27. Там же. Л. 76.
28. Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 288. С. 146.
29. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 169–170об.; Сибирская жизнь. 1905. 5 марта.
30. Сибирская жизнь. 1904. 1 октября.
31. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 68–69.
32. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193, 193об.
33. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
34. Там же. С. 69; 10.
35. Сибирская жизнь. 1904. 16 марта; Сибирская жизнь. 1904. 10 июля.
36. Сибирская жизнь. 1904. 19 мая; Сибирская жизнь. 1904. 15 августа; Сибирская жизнь. 1905. 18 февраля; Сибирская жизнь. 1905. 13 мая.
37. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
38. Енисейские губернские ведомости. 1904. 2 марта; Сибирская жизнь. 1904. 21 апреля; Иркутские губернские ведомости. 1904. 12 июня; Отчет о деятельности Тобольского Дамского Комитета Красного Креста за время с 7-го февраля 1904 г. по 1-е января 1905 г. Тобольск, 1905. 42 с.
39. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 114–115.

References:

1. Bulgakova L.A. Privilegirovannye bednyaki: Pomoshch' soldatskim sem'yam v gody Pervoy mirovoy voyny // Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam: iz istorii Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konferentsii pamyati V.S. Dyakina, 24–25 maya 1999 g. / red. R.Sh. Ganelin, B. B. Dubentsov, I.V. Lukoyanov. SPb., Kishenev: Nestor-Historia, 2001. S. 437–438. (In Russian)
2. Pavlova I. P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: monografiya; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. Krasnoyarsk, 2003. 152 s. (In Russian)
3. Pushkareva N.L., Shcherbinin P.P. Organizatsiya prizreniya semei nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. 2005. T. 3. № 2. S. 147–162; Shcherbinin P.P. Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.: monografiya. Tambov: «Izdatel'stvo Yulis», 2004. 508 s.; Shcherbinin P.P. Osobennosti prizreniya voennykh invalidov i chlenov ikh semei v Rossii v XVIII – nachale XX veka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2005. № 2. S. 222–233. (In Russian)
4. Gorelov Yu.P. Sibiryaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka: nauchnoe izdanie; Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. 385 s. (In Russian)
5. Poluarshinov A.V. Pomoshch' obshchestvennykh organizatsiy i naseleniya Zapadnoy Sibiri frontu i postradavshim ot voyny: iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.: avtoref. dis. ... kandidata ist. nauk : 07.00.02. Omsk, 2005. 27 s. (In Russian)
6. Kattsina T.A. The "vast process of social construction..." in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus. 2014. Special Issue. P. 245–258.
7. Shilovskiy M.V. Vliyanie Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 g. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 2. S. 14. (In Russian)
8. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F. 595. Op. 34. D. 424. L. 538ob.
9. Gorelov Yu.P., Rostov N.D. Okazanie pomoshchi sem'yam nizhnikh voinskikh chinov v Zapadnoy Sibiri v gody Russko-yaponskoy voyny (1904–1905 gg.) // Sibir' v voynakh nachala XX v. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 3–6 dekabrya 2013 g. Krasnoyarsk, 2014. S. 148. (In Russian)
10. Struk N.K. Pomoshch' gosudarstva maloimushchim krest'yanam Vostochnoy Sibiri v period Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. // Dulovskie chteniya 1992 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy. Irkutsk, 16–17 oktyabrya 1992 g. Ch. 1. Irkutsk, 1992. S. 81. (In Russian)
11. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya, prizvannykh na deystvitel'nyuyu sluzhbu v Russko-yaponskuyu voynu (fevral' 1904 – oktyabr' 1906). SPb.: tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1907. S. 114–115. (In Russian)
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 533.
13. Rudin N. Pensii i posobiya soldatam, vdovam i sirotam nizhnikh voinskikh chinov. Pg.: tipografiya D. P. Veysbruta, 1915. S. 7. (In Russian)
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Sobranie vtoroe. T. LII. № 57503.
15. PSZ. Sobranie tret'e. T. XXIV. № 25014.
16. Struk N.K. Ukaz. soch. S. 80. (In Russian)
17. Kulikov S.V. Imperator Nikolay II kak reformator: k postanovke problemy // Rossiyskaya istoriya. 2009. № 4. S. 49. (In Russian)
18. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
19. Vostochnoe obozrenie. 1904. 6 aprelya.
20. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 105. (In Russian)

21. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 193ob., 194.
 22. Iryak N.I. Pis'ma iz gorodov. Iz Tyumeni // Sibirskiy nablyudatel'. 1904. Kniga 5 (may). S. 132. (In Russian)
 23. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 53.
 24. Sibirskaya zhizn'. 1905. 10 iyunya.
 25. GAKK. F. 595. Op. 29. D. 202. L. 1–3; Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 68–69; Komarova T.S. «Na sopkakh Man'chzhurii...» (Eniseyskaya guberniya v gody Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.). Krasnoyarsk: IP Azarova N. N., 2013. S. 62–64. (In Russian)
 26. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 538, 76, 76ob.
 27. Tam zhe. L. 76.
 28. Nozdrin G.A. Sotsial'nyy protest sibirskogo krest'yanstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. Vyp. 288. S. 146. (In Russian)
 29. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 169–170ob.; Sibirskaya zhizn'. 1905. 5 marta.
 30. Sibirskaya zhizn'. 1904. 1 oktyabrya.
 31. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 68–69. (In Russian)
 32. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 193, 193ob.
 33. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
 34. Tam zhe. S. 69; 10.
 35. Sibirskaya zhizn'. 1904. 16 marta; Sibirskaya zhizn'. 1904. 10 iyulya.
 36. Sibirskaya zhizn'. 1904. 19 maya; Sibirskaya zhizn'. 1904. 15 avgusta; Sibirskaya zhizn'. 1905. 18 fevralya; Sibirskaya zhizn'. 1905. 13 maya.
 37. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
 38. Eniseyskie gubernskie vedomosti. 1904. 2 marta; Sibirskaya zhizn'. 1904. 21 aprelya; Irkutskie gubernskie vedomosti. 1904. 12 iyunya; Otchet o deyatel'nosti Tobol'skogo Damskogo Komiteta Krasnogo Kresta za vremya s 7-go fevralya 1904 g. po 1-e yanvarya 1905 g. Tobol'sk, 1905. 42 s.
 39. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 114–115.

УДК 341.39

Организация социальной поддержки населения Сибири в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.)

Татьяна Анатольевна Катцина

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
 660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6
 Кандидат исторических наук, доцент
 E-mail: katsina@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации социальной помощи населению в экстремальных условиях войн начала XX в. Используя материалы Сибири, автор выявляет основные направления разработки и реализации социальной поддержки семей нижних воинских чинов, дает оценку ее результативности с точки зрения уровня доступности и формирующейся на местах практики. Исследование приводит к выводу, что в годы русско-японской войны социальная поддержка формировалась под влиянием местных особенностей и локального понимания, что создало дифференциацию ее уровня и условий доступа; пробелы законодательства не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией.

Ключевые слова: Сибирь, русско-японская война, социальная поддержка, меры и формы социальной поддержки, семьи военнослужащих.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 670-675, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Suburbs During the First Russian Revolution of 1905–1907 Years (on the Example of Tuapse District of the Black Sea Province)

¹ Konstantin V. Taran

² Nina I. Kryukova

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (History)

² Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997
Doctor of legal Sciences, Professor
E-mail: info@rea.ru

Abstract

The article on the base of archival documents considers the events of the First Russian revolution in the Tuapse district of the Black Sea province. The article is paid attention to the activities of the social-revolutionaries, peasants' union and representatives of other political parties. The author comes to the conclusion that the Manifest of 17 October 1905 became the starting point of a fundamentally new hard revolutionary violence, which peaked in the winter of 1905–1906 years. The armed uprisings took place in two of the three districts of the Black Sea province (Novorossiysk and Sochi districts) and only a strong anti-Republican stance of the administration of Tuapse district has managed to keep the situation in a legal way.

Keywords: the First Russian revolution, the Black Sea province, posad Tuapse, Tuapse district, 1905–1907 years.

Введение

17 октября 2015 г. исполняется 110 лет со дня публикации манифеста о даровании политических свобод. В манифесте провозглашались основные буржуазно-демократические свободы, стране была обещана парламентская монархия. Предлагалось создание законодательной думы, введение политических свобод, легализация деятельности политических партий. Народные массы требовали продолжение демократических реформ, самодержавная власть в свою очередь хотела вернуть свои обещания обратно, в связи с чем сложившаяся ситуация неминуемо вела к новому социальному взрыву [1].

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, государственного архива Краснодарского края и центра документации новейшей истории Краснодарского края.

Методологическую основу нашей работы составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам.

Результаты

Сторонники социалистов-революционеров и социал-демократов рассматривали царский манифест как признак слабости государственной власти и предпринимали попытки для

расшатывания обстановки, в связи с чем *«наихудшие формы насилия проявились только... после опубликования Октябрьского манифеста»* [2].

На примере Туапсинского округа Черноморской губернии, можно проследить какие методы борьбы с существующим режимом задействовали представители революционных кругов, которые помимо политической агитации населения, использовали другие способы, направленные против местной администрации. В этой статье автор предлагает более подробно осветить события периода Первой российской революции 1905–1907 гг. на территории Туапсинского округа Черноморской губернии, т.к. основные выводы автором опубликованы в 2014 г. [3].

В начале XX в. общественно-политическая ситуация в посаде Туапсе и его округе не предвещала каких-либо потрясений и даже трагедия, случившаяся 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге никоим образом на население округа не повлияла. Основные события развернулись в посаде Туапсе 21 октября 1905 г. после объявления царского манифеста от 17 октября 1905 г. В этот день (21 октября 1905 г.) вечером в порту собралась группа рабочих, которая отправилась в посад. К этой группе примкнула местная интеллигенция, во главе которой был зубной врач и агент транспортной компании «Надежда» Яков Абезгуз. Процессия с красными флагами, пением Марсельезы и других революционных песен проследовала по улицам посада. Демонстрация носила мирный характер, но 27 октября 1905 г. в народном доме на вокально-музыкальном вечере, в присутствии 200 рабочих, социалист-революционер Абезгуз произнес провокационную речь [4].

В своей речи Абезгуз обратился к призывникам, призвав их убивать военных начальников, которые будут приказывать стрелять в народ: *«Здесь присутствуют те, кто на днях поступит на военную службу, так я вам говорю, то вы убейте того начальника, который будет вам это приказывать»*. Кроме этого, на собрании был поставлен вопрос о создании милиции, но это идея не была реализована [5]. Нужно отметить, что в Туапсе не было каких-либо столкновений населения с властями и войсковые части не были задействованы, поэтому представители администрации посчитали действия Абезгуза, направленными на разжигание политических страстей.

В конце октября – начале ноября 1905 г. на собраниях населения посада выступали также сын ветеринарного врача Петр Данилович Намитниченко, дантистка Малка Гершевна Морозова и неизвестный для властей, некий Клейменов, которые в легальной форме разъясняли основные положения царского манифеста [6].

На фоне ухудшения политической обстановки в Сочи и Новороссийске местные власти в Туапсе проявили решительность и после публикации царского манифеста полностью контролировали политическую ситуацию в посаде и округе и не дали возможности представителям социалистических партий дестабилизировать обстановку. Для этого руководители местной администрации и силовых структур опубликовали воззвание с предостережением населения от антиправительственных и противоправных действий, которые будут решительно ликвидированы властями, располагавшими при этом достаточной вооруженной силой:

«ГРАЖДАНЕ! Туапсинское Общественное Городское Самоуправление, прислушавшись к распространявшимся в п. Туапсе слухам о предстоящих якобы в посаде беспорядках, считает нужным поставить в известность обывателей, что они не беззащитны, так как в настоящее время в п. Туапсе.

ИМЕЕТСЯ: 1. охотничья команда; 2. конная стража; 3. пограничная стража; 4. полицейские нижние чины; 5. чины казенной флотилии, а всего в настоящее время 110 человек.

КРОМЕ ТОГО

27-го октября получена телеграмма о том, что сюда уже идет 120 человек Бессарабского полка. НО ГЛАВНАЯ НАША СИЛА В ВАС САМИХ, ГРАЖДАНЕ

Все мы, во имя свободы и порядка, должны согласно ВЫСОЧАЙШЕГО МАНИФЕСТА от 17 Октября не допускать какого-либо посягательства на имущество каждого гражданина, равно и на неприкосновенность личности, для чего нам необходимо только сплотиться, забыть взаимные недоразумения и напрячь наши силы для прекращения всяких могущих быть беспорядков, а также и нелепых слухов о них.

Знайте, что представители города, администрации и упомянутых воинских частей твердо и единодушно решили подавить в самом начале покушение на личность и имущество граждан...» [7].

Это воззвание подписали городской староста полковник Захаров, командир Вельяминовского отряда пограничной стражи ротмистр Явленский, заведующий охотничьей командой 258-го пехотного резервного Сухумского полка подпоручик Дейнеко и временно исправляющий дела начальника Туапсинского округа пристав посада Феоктистов [8].

При дальнейшем рассмотрении событий, связанных с периодом Первой российской революции 1905–1907 гг. в Туапсинском округе Черноморской губернии необходимо обратить внимание на этнический состав населения, который состоял из 9 сельских обществ:

1) Архипо-Осиповское (Архипо-Осиповка – 160 д. (дворов – Авт.) русские, Текос – 14 д. чехи, Тешебс – 10 д. чехи) (В скобках указано название населенного пункта, входящего в состав сельского общества, а также количество дворов, т.е. сокращенно д. и национальный состав);

2) Джубгское (Джубга – 74 д. русские, Бжидская – 14 д. немцы, Полковничая – 7 д. армяне, Морозовская – 6 д. армяне);

- 3) Дефановское (Дефановка – 122 д. русские, Верхне-Дефановка – 13 д. русские, Сторожевая – 9 д. русские, Шапсугская – 59 д. русские, молдаване и армяне);
- 4) Тенгинское (Тенгинская – 69 д. русские);
- 5) Ново-Михайловское (Ново-Михайловка – 78 д. русские, Базны – 8 д. армяне, Ольгинская – 31 д. русские, Подхребетовая – 31 д. армяне);
- 6) Карповское (Карповское – 60 д. черкесы, Псебе – 16 д. черкесы);
- 7) Георгиевское (деревня Георгиевская – 89 д. русские, Георгиевские хутора – 22 д. чехи, Малое Псеушко – 20 д. черкесы);
- 8) Вельяминовское (Вельяминовка – 84 д. русские и 3 д. чехи, Туапсинка – 18 д. греки, Небугская – 40 д. русские);
- 9) Псеушховское (Большое Псеушко – 50 д. черкесы, Наджиго – 12 д. черкесы) [9].

Следовательно, населенные пункты Туапсинского округа состояли из моноэтнических групп – русские, молдаване, армяне, чехи, немцы, черкесы и греки, за исключением Шапсугской и Вельяминовки. Также нужно отметить, что в Туапсинском округе, по сравнению с Новороссийским и Сочинским округами, отсутствовали поселения грузин, которые в рассматриваемый нами период приняли активное участие в революционном движении и вложили наибольший вклад в дестабилизацию общественно-политической обстановки в губернии. Кроме этого, сельское население являлось основой социального слоя Туапсинского округа.

Большой интерес общественности Туапсинского округа вызвало известие о создании в Черноморской губернии летом 1905 г. крестьянского союза в Новороссийском округе, представитель которого крестьянин Е. Бровко присутствовал на первом съезде Всероссийского крестьянского союза (далее ВКС), который состоялся в Москве в июле – августе 1905 г. [10]

Накануне объявления царского Манифеста 15 октября 1905 г. в Геленджике состоялся съезд крестьянских союзов Новороссийского округа, протокол которого был опубликован в газете «Черноморское побережье» 25 октября 1905 г. На съезде принимали участие члены союза из Бетты, Криницы, Геленджика, Прасковеевки, Перевала и Береговой, т.е. представители 6 населенных пунктов из 16, входящих в состав Новороссийского округа.

В своих воспоминаниях социалист-революционер О. Прохоров отмечал, что образованный окружной крестьянский союз придерживался толстовского направления. Организаторы союза желали крестьянское движение ввести в мирное русло и этим помочь им разрешить аграрный вопрос. Но в дальнейшем, большинство участников крестьянского союза примкнули к партии социалистов-революционеров, которые настаивали на радикальном решении аграрного вопроса, т.е. экспроприировать земли казенные, церковные, помещичьи, со всеми угодьями, скотом и инвентарем [11].

При этом необходимо отметить, что в октябре и ноябре 1905 г. в посаде Туапсе и округе противоправительственные действия не происходили, если не считать провокационную речь дантиста Абезгуза. Основные события произошли в начале декабря 1905 г., когда власти и революционеры 2 декабря 1905 г. обменялись ударами в виде «Временных правил о наказании наиболее опасных проявлений участия в забастовках» и «Финансового манифеста», который был составлен по предложению делегатов ноябрьского съезда Всероссийского крестьянского союза [12].

После этого, в ночь с 6 на 7 декабря 1905 г. в Туапсе с целью ограбления были убиты Татьяна Ильина и Яков Поздняков. Представители социалистических партий стали призывать на собраниях население к созданию для самообороны охранной стражи, которая и была создана при содействии городской управы 9 декабря 1905 г. Нужно отметить, что власти задержали убийц Ильиной и Позднякова, над которыми разъяренная толпа людей хотела произвести самосуд, но начальник округа Циклауров и исправляющий дела мирового судьи Мансуров своими доводами успокоили толпу [13].

Члены созданного в Новороссийском округе отделения ВКС, проживающий в общине Криница отставной офицер Михаил Коган, в сопровождении священника Николаевской церкви О. Далинским, 11 декабря 1905 года предприняли попытку агитации среди крестьян Туапсинского округа в Архипо-Осиповке, Ольгинке, Небуге и в других населенных пунктах. Коган призывал поселян примкнуть к ВКС. *Говорил, что правительство не честное, чиновники – мошенники, они устанавливают налоги, которые кладут себе в карман, а народ ничего не имеет, ни земли, ни воли. Предлагал соединиться с ВКС и поддержать всероссийскую забастовку, не признавать царского правительства, не давать рекрутов, податей, не давать приговоров на подпись начальнику округа, не давать нарочных и обывательских подвод, не посылать выборного в Государственную думу, а кто против этих требований, тот враг народа. Нужно послать своего выборного на съезд ВКС в Москву. Коган запугивал поселян, что если послать выборного в Государственную думу, то они опять попадут в рабство к попам* [14].

Поездка Когана и Далинского результата не принесла, т.к. их агитация о присоединении к ВКС крестьян Туапсинского округа имела незначительное действие, если не считать, что в селе Небуг поселянин Власенко был избран крестьянами представителем в ВКС [15].

В эти дни властями были выявлены лидер противоправительственного движения – секретарь городского Туапсинского правления Волчанецкий, который состоял председателем местного союза рабочих. Волчанецким был подписан протокол Туапсинского народного собрания от 19 декабря

1905 года об устройстве Народного суда и избрании нового состава городского правления. Другим лидером являлся писарь Туапсинского городского правления Намитниченко, который в конце декабря 1905 года сбежал, а Волчанецкий сжег бумаги, удостоверяющие их противоправную деятельность, хранившиеся в квартире Намитниченко [16].

Кроме этого, активное участие в революционном движении принимали учитель Туапсинского Варваринского училища Виноградов, бывший учитель того же училища Хейдзе, подрядчик Пайкин, рабочие Валтухов и Злобин [17].

При содействии Волчанецкого и Намитниченко 16 декабря 1905 г. на собрание народа был приглашен подполковник Циклауров, ротмистр пограничной стражи Явленский и исправляющий дела мирового судьи Мансуров. Председательствовал на собрании отставной фельдфебель Бланквейн, который спросил должностных лиц: *«будут ли они исполнять свои обязанности и будут ли военные стрелять в народ?»*. Мансуров и Циклауров сказали, что будут исполнять свои обязанности согласно существующего законодательства, а Явленский пообещал не стрелять в народ, за что он получил одобрение: *«Это наш второй лейтенант Шмидт!»*

19 декабря 1905 г. было предложено составу Туапсинского городского управления уйти в отставку *«чтобы уступить выборным лицам»*, которые будут действовать на началах народовластия. Городской староста Захаров согласился, но продолжал исполнять обязанности. На собрании решено разработать механизм проведения выборов нового состава городского правления, собрание просило Мансурова принять участие в комитете по юридическим вопросам, но он отказался. Решили выбрать комитет для производства *«Народного следствия и суда в делах гражданских»*, и предложили окрестным поселянам избрать депутатов в качестве присяжных заседателей и судей [18].

25 декабря 1905 г. в Новороссийске прекратил свою деятельность Совет рабочих депутатов, в связи с чем, членам боевых дружин и активным представителям социалистических партий было предложено малыми группами с оружием уходить на юг в Грузию [19]. Часть имеющегося оружия была роздана сторонникам социалистов на руки, другая часть оружия на подводах во главе с социалистом-революционером Гречкиным отправлена в Сочи [20].

Прибыв в Туапсе, Гречкин со своими сторонниками пытались активизировать революционный процесс среди местного населения. Туапсинские социалисты-революционеры и социал-демократы прилагали усилия в этом направлении: предлагали не выдавать городским дополнительного содержания, а направить его на организацию охранной стражи и вообще разоружить городских, но это предложение осталось без внимания. В связи с тем, что ночная охрана была составлена из лояльных властям жителей, и не был решен вопрос о вооружении, то организация милиции, которая содействовала бы целям революционеров, не состоялась. Охранники-добровольцы стояли на посту возле арестного помещения, следили за общественным порядком совместно с чинами городской полиции, охотничьей команды и стражниками. Одной из причин безуспешной активности туапсинских революционеров являлось неимение денежных средств, с помощью которых они могли бы приобрести и вооружить своих сторонников, т.к. доминировавшие в местной торговле турецко-подданные греки денежные средства на эти цели не выделяли [21].

В конце декабря 1905 г. сторонники социалистов-революционеров туапсинские учителя Виноградов и Васильев предприняли попытку агитации среди крестьян села Небуг, расположенное рядом с окружным центром. Они разослали поселянам повестки, в которых приглашали всех в дом крестьянина Федора Пушного. Кроме учителей в доме Пушного находились поселяне Власенко, Голуб, Бондаренко и жены Власенко и Пушного. Учителя сообщили об образовании ВКС, предложили не посылать рекрутов и не платить подати, не выполнять распоряжения властей, а избрать должностные лица из числа поселян. Учителя советовали крестьянам не обрабатывать земли господ, т.к. из-за этого они бросят свои земли и их отдадут поселянам, *предлагали устроить забастовку во время жатвы, а когда хлеб осыпаться станет, встать на работу* [22].

Со слов старосты села Небуга Понежина Виктора Семеновича известно, что Виноградов и Васильев распространяли среди крестьян села агитационные брошюры, а его, как несочувствующего, нарекли черносотенцем. При этом Власенко предлагал переизбрать Понежина. Учителя призывали поселян возмещать расходы Власенко и платить ему ежемесячно по 10 копеек, но крестьяне денег не давали. Кроме туапсинских учителей приезжал также и Клейменов, который хотел агитировать крестьян в школе, но служащая школы Мария Берлова его туда не пустила [23].

Избранный представителем ВКС поселянин Власенко допускал в своих действиях поступки, которые сильно раздражали крестьян, т.е. он предлагал молиться не на бога, а на социалистов, смеялся над детьми, когда они крестились, за это, поселяне Пушной, Крикун, Бондаренко и Голуб предлагали удалить Власенко из села. Зимой 1906 г. поселяне вынесли приговор об удалении из села Власенко, но по обратной инициативе Пушного, этот приговор так и не был подписан поселянами [24].

На происходившем 26 декабря 1905 г. в Туапсе очередном митинге Морозова, Намитниченко и Клейменов призывали население посада к вооруженному сопротивлению царским войскам. После этого они опять агитировали за создание народной милиции, но собравшиеся их не поддержали. Ни одно из постановлений народного суда практических результатов не имело. Осознав, что жители посада и округа не желают принимать участия в революционном движении и смещать существующую администрацию, Намитниченко, Морозова и Клейменов скрылись с территории Туапсинского округа [25].

Нужно полагать, что Намитниченко, Морозова и Клейменов вместе с Гречкиным и его вооруженным отрядом ушли в посад Сочи, после чего на митинге учитель Виноградов сообщил, что в Сочи посланы депутаты из Туапсе и ожидается прибытие «*мингрельцев*», которых нужно встретить как «*освободителей*». Это заявление было негативно встречено населением посада [26].

В марте 1906 г. властями был арестован Власенко, но агитация продолжалась. Староста Понежин встретил разносчика пакетов Наума Мерзлого, у которого было 4-5 экземпляров брошюр, где говорилось, чтобы крестьяне не признавали Государственную думу, а настаивали на созыве учредительного собрания. Мерзлый сказал Понежину, что эти брошюры прислал ему староста села Ольгинка Орленко, но Понежин предполагал, что они присланы ольгинской учительницей. Все экземпляры Понежин передал уряднику Шалихину [27].

Более какой-либо информации об активной агитации и деятельности сторонников социалистов-революционеров, социал-демократов и членов ВКС на территории Туапсинского округа не имеется.

Таким образом, жители Туапсинского округа не стали на путь экстремизма и не поддержали радикально настроенных представителей социалистов-революционеров и социал-демократов, вследствие чего, они не были подвергнуты шантажу и вымогательству денежных средств со стороны революционеров, и не подверглись реакции со стороны властей.

Зажиточные греческие предприниматели Туапсе отказались поддерживать материально представителей революционного движения, из числа социалистов-революционеров и социал-демократов, которые в свою очередь не обладали достаточной вооруженной силой, чтобы, используя «революционный рэкет», как это было в Новороссийске и Сочи, обложить предпринимателей поборами, якобы идущими на революционные цели.

Информацию о желании представителей революционеров призвать на помощь вооруженных «*мингрельцев*» из Сочинского округа, которых нужно встретить как «*освободителей*», жители Туапсе встретили негативно и полностью отмежевались от революционного процесса.

Социалисты-революционеры и члены ВКС проводили свою агитацию только среди русскоязычных поселенцев Туапсинского округа в селах, расположенных вдоль Новороссийско-Сухумского шоссе. Агитация носила эпизодический, а не систематический характер, поэтому ощутимых результатов, против существующих властей агитация не имела.

Заключение

Таким образом, Манифест о даровании политических свобод стал отправной точкой принципиально нового жесткого витка революционного насилия, пик которого пришелся на зиму 1905–1906 гг. Вооруженные восстания прошли в двух из трех округов Черноморской губернии (Новороссийский и Сочинский округа) и только твердая антиреволюционная позиция администрации Туапсинского округа сумела удержать ситуацию в правовом русле.

Примечания:

1. Урилов И.Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. М., 2005. С. 281.
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 гг. М., 1997. С. 29-30.
3. Taran, K.V. (2014) The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 194. (In Russian)
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 12.
5. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 11.
6. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 4.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 584. Оп. 1. Д. 230. Л. 291.
8. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 230. Л. 291.
9. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 210. Л. 12.
10. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 25 окт.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075. Л. 22.
12. Первая революция в России: Взгляд через столетие // Ответственные редакторы: Корелин А.П., Тютюкин С.В. М., 2005. С. 354-356.
13. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 4.
14. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
15. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.
16. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 3.
17. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 5.
18. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1803. Л. 4.
19. Сокольский В.Д. Новороссийская республика. Совет рабочих депутатов Новороссийска в 1905 г. М., 1963. С. 127, 129.
20. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.
21. Революционное движение на Кубани в 1905 – 1907 гг. Краснодар, 1956. С. 186.
22. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 9, 14.

23. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 11.
24. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 16.
25. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Ед. Хр. 1803. Л. 4.
26. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 210. Л. 12.
27. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 12, 16.

References:

1. Urilov I.Kh. Istoriya Rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma). Ch. 3. M., 2005. S. 281.
2. Geifman A. Revolyutsionnyi terror v Rossii. 1894 – 1917 gg. M., 1997. S. 29-30.
3. Taran, K.V. (2014) The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 194. (In Russian)
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 12.
5. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 11.
6. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 4.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. 584. Op. 1. D. 230. L. 291.
8. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 230. L. 291.
9. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 210. L. 12.
10. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 25 okt.
11. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja (TsDNIKK). F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 22.
12. Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzglyad cherez stoletie // Otvetstvennye redaktory: Korelin A.P., Tyutyukin S.V. M., 2005. S. 354-356.
13. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 4.
14. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 3.
15. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 10.
16. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 3.
17. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 5.
18. GARF. F. 124. Op. 44. D. 1803. L. 4.
19. Sokol'skii V.D. Novorossiiskaya respublika. Sovet rabochikh deputatov Novorossiiska v 1905 g. M., 1963. S. 127, 129.
20. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 69. L. 4.
21. Revolyutsionnoe dvizhenie na Kubani v 1905 – 1907 gg. Krasnodar, 1956. S. 186.
22. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 9, 14.
23. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 11.
24. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 16.
25. GARF. F. 124. Op. 44. Ed. Xhr. 1803. L. 4.
26. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 210. L. 12.
27. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 12, 16.

УДК 94

**Окраины в период Первой русской революции 1905–1907 гг.
(на примере Туапсинского округа Черноморской губернии)**

¹ Константин Викторович Таран

² Нина Ивановна Крюкова

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

² Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36

Доктор юридических наук, профессор

E-mail: info@rea.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматриваются события Первой русской революции на территории Туапсинского округа Черноморской губернии. Уделено внимание деятельности социал-революционеров, крестьянского союза и представителей других политических партий. В заключение автор приходит к выводу, что Манифест от 17 октября 1905 года стал отправной точкой принципиально нового жесткого витка революционного насилия, пик которого пришелся на зиму 1905–1906 гг. Вооруженные восстания прошли в двух из трех округов Черноморской губернии (Новороссийский и Сочинский округа) и только твердая антиреволюционная позиция администрации Туапсинского округа сумела удержать ситуацию в правовом русле.

Ключевые слова: Первая русская революция, Черноморская губерния, посад Туапсе, Туапсинский округ, 1905–1907 гг.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 676-681, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Activities of Political Parties on the Territory of Kursk Province in the Early Twentieth Century

¹Oleg E. Chuikov
²Alexey V. Sapronov
³Jeanne Y. Koptev
⁴Galina N. Sukhorukova
⁵Olga N. Marganova

¹Southwestern state university, Russian Federation
50-years of October Str., 94, Kursk, Kursk region 305040
PhD (Sociology), Associate Professor
E-mail: chuikov-ru@mail.ru

²Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October Str., 94, Kursk, Kursk region 305040
PhD (sociology), Associate Professor
Kursk Institute of cooperation (branch of Belgorod University of cooperation, Economics and law),
Russian Federation
Radishcheva street, 116, Kursk, Kursk region, 305004
PhD (sociology), senior lecturer
E-mail: sapronovson@mail.ru

³Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October Str., 94, Kursk, Kursk region 305040
PhD (economic), Associate Professor
E-mail: koptevvv@mail.ru

⁴Kursk branch of Russian economic University after G.V. Plekhanov, Russian Federation
Pavlovskogo Str., 65, Kursk, Kursk region 305016
PhD (Economics), Associate Professor
E-mail: suhorukova.l@list.ru

⁵Kursk branch of Russian economic University after G.V. Plekhanov, Russian Federation
Pavlovskogo Str., 65. Kursk, Kursk region 305016
PhD (economic), Associate Professor
E-mail: omarganova@hse.ru

Abstract

The article analyzes the activities of some political parties in the early twentieth century within a separate province. The authors sought to identify the main types of political parties operating in the province of Kursk in this period, to determine the direction and methods of political work and the degree of their influence on public life. By 1905 in Kursk province was formed three political camps: the revolutionary, conservative and liberal. Considered the activities of political parties Kursk province in the early twentieth century, determined the degree of their influence on different segments of the population, which was formed through a social community platform agitators and audience. The subspecies are existed inside the political camps from various parties, organizations and unions. Upon the completion of the First Russian revolution the socio-political situation in Kursk province was included in the legal mainstream. The lessons from the crisis of 1905-1907 were taken into account.

Keywords: Kursk province, State Duma, «society for the promotion of national education», «Union of liberation», the «Union of Zemstvo – constitutionalists», «Shchigrovsky peasant Union».

Введение

XX век ознаменовался переходом Российского государства от абсолютной монархии к ограниченной. Начинается период формирования представительного органа власти, направленного на становление демократических процессов в российском обществе, обновление структуры административного регулирования. Данные политические перемены коснулись также и Курской губернии, в которой уже к 1905 году действовал ряд политических партий. В губернии были представлены различные политические силы, помимо их действовало множество общественных организаций, число которых постоянно увеличивалось.

Методы и материалы

К основным источникам нашего исследования относятся: материалы Государственного архива Курской области, периодические издания Курской губернии исследуемого периода, а также научные труды отечественных ученых.

В исследовании использованы такие методы как сравнительно-исторический и проблемно-хронологический, системный, которые позволили выдвигать конкретные задачи для научного решения проблемы в их последовательном развитии во времени, а также в сравнении с аналогичными процессами, протекавшими в стране.

Обсуждение

Вопросу деятельности и развития русских политических партий начала XX века уделялось внимание, как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Англо-американские авторы рассматривают преимущественно деятельность либеральных партий. Они рекомендуют российским исследователям более подробно и обстоятельно исследовать деятельность партий либерального направления. Так американский историк Джошуа Сэнборн определяет русским либералам основное место в оппозиции и надеется на то, «что в будущем авторы будут уделять больше внимания более широкой группы либеральных активистов» [1]. Л. Кочен исследовал деятельность партии кадетов по созданию Учредительного собрания [2]. Историки Р. Дэниэлс и У. Чемберлен так же рассматривали парламентскую работу русских либеральных партий начала XX века [3]. Зарубежные исследователи отводят русскому либеральному движению ведущую роль в процессе формирования российского парламентаризма.

Отечественные историки, рассматривая данный вопрос, дают свою оценку исторической эпохе, анализируя деятельность политических партий трех направлений: консервативного, либерального и революционного. К.А. Соловьев характеризует данный период представительным правлением. И хотя это понятие было лишено конкретного юридического содержания, за ним все же стояла определенная политическая концепция» [4]. Салтык Г.А. дает оценку деятельности левых партий на территории Черноземного центра России. Степанин В.А. исследует вопрос о роли крестьянства Черноземья в революции 1905–1907 гг. Степанский А.Д. определяет влияние интеллигенции на политические процессы в России на рубеже XIX–XX вв., её вклад в формирование русского парламентаризма. Тема деятельности политических партий начала XX века на местном уровне является недостаточно разработанной в отечественной историографии. В связи с этим нашей задачей мы видим, используя системный подход, исследовать процесс формирования и развития политических партий различных направлений и выявить степень их влияния на общество и политическую систему Курской губернии.

Результаты

Процесс формирования политических партий в Курской губернии начался на рубеже веков. Первые эсеровские кружки и группы появились в 1880-е годы. В 1900–1904 гг. они оформились уже в Старооскольском, Суджанском, Щигровском и других уездах. Социал-демократические организации в губернии стали возникать в начале XX века. В 1902 г. на литейном заводе Мартенса по инициативе рабочих А.А. Дюмина и П.Д. Медведева был создан марксистский кружок. Он явился основным ядром Курской партийной организации, вокруг которой объединялись рабочие, учащиеся, политические ссыльные. Так, в Курске вели агитацию сосланные социал-демократы А.А. Аристархов, С.Л. Левицкая-Аристархова, А.И. Габрилович. В августе 1904 года образовалось курское отделение партии, призывающее курян «готовиться и копить оружие для будущих боев» и распространяющее в нелегальных посланиях призыв к «уравнительному землепользованию». С момента образования своей партии эсеры не получили должной поддержки среди курян, хотя некоторые из жителей уезда причисляли себя к сторонникам идей «социалистов от земли». Одним из членов совета, которого стал Иван Павлович Павлуновский, уроженец деревни Ржава. Именно он был инициатором создания военно-террористического крыла Курского комитета РСДРП, за что в 1907 году был арестован и сослан в Вологодскую губернию. В 1905–1906 годах под руководством РСДРП прошли антиправительственные волнения по всей территории Курской губернии. Крестьяне деревни Шалимовка подожгли скотный двор помещика Ф.А. Полторацкого вместе со скотом и хозяйственным инвентарем, жители деревни Клушино разбили сельскохозяйственные машины и подожгли несколько построек имения дворянки В.М. Краевич. В июне 1906 года произошли

волнения в имении генерала А.П. Струкова. Крестьяне в селе Линец Нижнереутской волости выдвинули владельцу хозяйства ряд абсурдных экономических требований: «увеличить плату работникам до 1-1,5 рублей в день, сократить рабочий день до 6 часов, из этого количества времени выделять 2 часа на отдых после обеда» [5].

Политика большевиков «грабь награбленное» не нуждалась в особой пропаганде. «Поныровские крестьяне скопом увозят мой хлеб с хутора Александровки, угрожая смертью служащим», – писал помещик Древецкий 27 июля 1906 года курскому губернатору. От воровства и потравы угодий курские крестьяне перешли к массовым беспорядкам. 25 июля 1906 года в селе Поныри крестьяне грабили имение дворян Ржевецких. При появлении стражников они открыли ружейный огонь с криками «убивайте их» [6].

14 декабря 1906 года вооруженные жители села Становое напали на старшину Котельникова. В ответ на открытую агрессию правительство принимает активные меры. В крупные имения посылаются отряды охраны, раздается оружие для обороны помещичьих усадеб. Указом Правительственного Сената в Курскую губернию были введены регулярные воинские части. В Фатежский и Дмитриевский уезды был командирован эскадрон Новороссийского драгунского полка. Всеми силами экспедиционные части пытались не допустить кровопролития, репрессии применялись не к восставшим, а со стороны восставших [7].

Деятельность эсеровских комитетов в губернии в годы революции была наиболее активной. Велась она по нескольким направлениям (работа среди городского населения, организация террористических актов), но главное внимание по-прежнему уделялось крестьянству. На рост самосознания крестьянских масс в губернии, как и страны в целом, заметное влияние оказывал Всероссийский крестьянский союз. И хотя он объявил себя вне партий, программа союза по основным положениям была весьма близка к программе партии эсеров. Летом 1905 г. они были созданы в 11 уездах Курской губернии. В это время имели место случаи образования союзов путем слияния отдельных групп Всероссийского крестьянского союза с местными эсеровскими комитетами. Одним из наиболее многочисленных и наиболее активных среди действовавших в губерниях Черноземного центра союзов был Щигровский крестьянский союз партии эсеров. К концу 1906 г. комитету союза удалось организовать в селах и деревнях Щигровского уезда 37 районных комитетов, куда входили 946 человек [8]. Во главе союза стояли члены Государственной Думы первого созыва М.А. Меркулов и второго созыва – И.Е. Пьяных, а также священник Молотков и дворянин-землевладелец И.А. Михайлов. При комитете действовала боевая группа во главе с И. Голощаповым. Щигровский крестьянский союз просуществовал до лета 1909 г. Несмотря на идейные разногласия по ряду теоретических вопросов, к примеру, эсеры и социал-демократы имели общие точки зрения и довольно успешно сотрудничали. О сотрудничестве эсеров и кадетов свидетельствует хотя бы тот факт, что лидер курских кадетов В.И. Долженков в годы революции неоднократно представлял свою квартиру эсерам для проведения в ней нелегальных собраний, а 2 марта 1907 г. на его квартире проходила 3-я губернская конференция эсеров [9].

В отличие от социалистических партий зарождение правых партий происходило в условиях революции. Во многом еще неоформленные организационно правые организации подверглись репрессиям со стороны революционного подполья. Так, осенью 1905 г. в Суджанском уезде, когда революционное движение в уезде стало набирать силу, монархисты организовали комитет, который занялся подготовкой манифестации в защиту самодержавия. Но Суджанская объединенная революционная организация организовала антиправительственные вооруженные отряды обороны, которыми руководил член управы Болычевцев, бывший офицер. Немедленно была установлена связь с пригородом, где находились группы революционно настроенной молодежи с крестьянскими ячейками в селах Гuevo и Поречное [10]. Революционеры пригрозили в случае проведения шествия ответить репрессиями. В результате шествие не состоялось.

Тем не менее, процесс формирования проправительственных организаций начался. Еще 5 сентября 1904 г. предводитель дворянства Новооскольского уезда в одном из номеров гостиницы Полторацкого собрал проправительственную группу в составе 20 человек, которые решили выступить в защиту народных святынь против надвигающейся революции [11]. Так было положено начало «Курской народной партии порядка». До публикации Манифеста от 17 октября 1905 года деятельность этой организации практически ничем не проявлялась, так как она была вне правового поля. В результате политическая программа партии была опубликована в газете «Губернские ведомости» сразу после Манифеста о даровании политических свобод.

В годы революции 1905-1907 гг. в губернии были сформированы отделы основных центристских партий – кадетской и Союза 17 октября. Так, в состав Союза 17 октября входило 690 человек. Председателем был избран гласный городской Думы Н.Н. Лоскутов. Уездные комитеты функционировали в 7 городах [12]. Председателями временных комитетов были избраны: в Щиграх – уездный предводитель дворянства А.А. Щепкин, в прошлом активный черносотенец, в Путивле – городской голова Л.С. Ефремов, в Рыльске – священник П. Гаврилов, смотритель городского училища Ф.Ф. Янкович и доктор М.Л. Анощенко. Инициаторами и руководителями отделения «Союза» в Белгороде, созданного в феврале 1906 г., были купцы М.В. и И.В. Мачурины и управляющий коммерческого банка. Несколько позже начало функционировать отделение партии в Короче [13].

Среди крестьянства Курской губернии были популярны представители «Союза русского народа», прежде всего, Н.Е. Марков. Еще в начале 1905 г. его известность не выходила за пределы Щигровского уезда. Затем было избрание в I Государственную Думу, где он приобрел известность своими антиреволюционными взглядами. На свои деньги он издавал монархическую газету «Курская бль». Очень скоро Марков становится одним из лидеров правых в Думе и входит в руководство «Союза русского народа» наряду с А.И. Дубровиным и В.М. Пуришкевичем [14].

Монархисты приняли название «черносотенец» и ввели в оборот как понятие, объединяющее представителей нескольких партий, союзов и движений правых промонархических взглядов, появившихся в 1901–1916 годах: Русское собрание, Общество Хоругвеносцев, Союз Русских Людей, Русская Монархическая Партия, Отечественный Союз, Самодержавно-Монархическая Партия, Всенародно-Русский Союз, Союз Русских Православных Людей, Союз Правой Русской Печати, общество «Белый Двуглавый Орел», Русский Народный союз имени Михаила Архангела, Южный Монархический союз. По большей части все эти региональные представительства в ноябре-декабре 1905 года были объединены в Союз Русского Народа. 28 декабря 1905 года была принята программа СРН, за основу которой была взята триада: «Православие, Самодержавие и народность» [15]. В программе были заложены цели движения: национальное и религиозно-нравственное возрождение русского народа.

Созданная в 1904 году Курская Народная партия порядка, в 1906 году стала отделением Союза Русского Народа. По состоянию на 26 ноября 1907 года Курское региональное представительство СРН насчитывало 1770 человек [16]. Эта организация стала самой массовой организацией не только в Курской губернии, но и во всей Российской империи.

Конституционные демократы («кадеты») являлись одной из составных частей промонархического лагеря, но пытались ограничить самодержавие всенародно избранным правительством на основе конституции и многопартийного парламента. Кадетская партия добивалась введения восьмичасового рабочего дня, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, так же добивались реформы суда и местных органов власти, выступали за созыв Учредительного собрания. В центральный комитет, входили также земские деятели, публицисты, примерно треть его составляли профессоры и юристы. В октябре 1905 года состоялся учредительный съезд партии кадетов, на котором была принята политическая программа, основанная на концепции конституции английской парламентской монархии. Представители партии «Народной свободы» поставили перед собой задачу: приготовить отсталую Россию к восприятию английского эталона и следованию ему, просвещать темные, невежественные народные массы. Политический идеал, по мнению кадетов, – разделить государственную власть «по справедливости» на три части: одна – монарху, другая – высшим сословиям, третья – народу [17].

Движение либеральной буржуазии в губернии было представлено кружками «Союза освобождения» и «Союзом земцев-конституционалистов». Наиболее активные их сторонники в ноябре 1905 г. вошли в состав губернского комитета партии кадетов. Это М.Д. Исаков – присяжный поверенный, А.В. Алехин – председатель городской управы, Н.В. Раевский – председатель губернской земской управы, В.И. Долженков – врач, Д.А. Овсянников-Куликовский – член губернской земской управы, П.Д. Долгоруков – князь, председатель Суджанской земской управы. Основную удельный вес в курской кадетской организации занимали работники земства, медицинские работники, учителя и юристы. Лидером кадетов в губернии был известный деятель земской медицины Василий Иванович Долженков [18].

Заключение

В этот исторический период завершилось структурно-идеологическое формирование политических течений, разделивших губернию на три политических лагеря: монархический, революционный и либеральный. Внутри этих структур существовали «подвиды» из всевозможных партий, организаций, союзов. По мере завершения Первой русской революции общественно-политическая ситуация в Курской губернии входила в свое правовое русло. Уроки из кризиса 1905–1907 гг. были учтены.

Примечания:

1. Sanborn, Joshua A. Liberals and bureaucrats at war // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 8, 1 (Winter 2007). P. 141–162.
2. Kochan L. Russian in revolution, 1890-1918. N.Y., 1966. P. 249.
3. Daniels R. Red October. The Bolshevik revolution of 1917. N.Y., 1967. P. 49.
4. Соловьев К.А. Законотворческий процесс и представительный строй в 1906-1911 гг. // *Российская история*. 2012. № 2. С. 37.
5. Из истории Курской организации РСДРП. Курск, 1968. С. 93.
6. ГАКО, Ф. 1, Оп. 1, Д. 8063, Л. 2.
7. ГАКО, Ф. 1, Оп. 1, Д. 8526, Л. 5.
8. ГАКО, Ф. 1, Оп. 1, Д. 8526, Л. 9.
9. 1905 год в Курской губернии. Сб. документов и материалов. Курск, 1925. С. 47.

10. Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии. Курск, 1955. С. 139.
11. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России (1901–1923). М., 2002. С. 58.
12. Степанин В.А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905-1907 гг. Воронеж, 2009. С. 31.
13. Речь, 4 октября 1909 г.
14. Речь, 24 ноября 1910 г.
15. Речь, 10 марта 1912 г.
16. Степанский А.Д. Интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX-XX вв. *Исторические записки*. № 9. 1993. С. 64.
17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5458. Л. 58.
18. Чуйков О.Е. Исторические этапы развития молодёжного движения в России. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 1. С. 110.

References:

1. Sanborn, Joshua A. Liberals and bureaucrats at war. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 8, 1 (Winter 2007). P. 141-162.
2. Kochan L. Russian in revolution, 1890-1918. N.Y., 1966. P. 249.
3. Daniels R. Red October. The Bolshevik revolution of 1917. N.Y., 1967. P. 49.
4. Solovyov K.A. The Legislative process and representative building in 1906-1911. *Rossiiskaya istoriya*. 2012. № 2. P. 37. (In Russian)
5. From the history of the Kursk organization of the RSDLP. Kursk, 1968. P. 93 (In Russian)
6. State archive of the Kursk region (hereinafter - SAKR), F. 1, Inv. 1, D. 8063, P. 12 (In Russian)
7. SAKR, F. 1, Inv. 1, D. 8063, P. 7. (In Russian)
8. SAKR, F. 1, Inv. 1, D. 8526, P. 9. (In Russian)
9. 1905 in Kursk province. Sat. documents and materials. Kursk, 1925. P.47. (In Russian)
10. The revolutionary events of 1905-1907 in Kursk province. Kursk, 1955. P. 139. (In Russian)
11. The saltyku G. A. Neonarodniki movement Chernozem Centre of Russia (1901-1923). M., 2002. P. 58. (In Russian)
12. Stainin V. A. Peasantry Chernozem Centre in the revolution of 1905-1907. Voronezh, 2009. P. 31 (In Russian)
13. Speech, 4 October 1909 (In Russian)
14. Speech, November 24, 1910 (In Russian)
15. Speech, March 10, 1912 (In Russian)
16. Stepansky, A.D. Liberal intellectuals in the social movement in Russia at the turn of XIX-XX centuries. *Historical notes*. No. 9. 1993. P. 64. (In Russian)
17. SAKR. F. 1. Inv. 1. D. 5458. P. 58. (In Russian)
18. Chuikov O. E. Historical stages of development of the youth movement in Russia. *Proceedings of the southwestern state University*. Series: History and law. 2014. No. 1. P. 110. (In Russian)

УДК 94

Деятельность политических партий на территории Курской губернии в начале XX века

¹ Олег Евгеньевич Чуйков

² Алексей Викторович Сапронов

³ Жанна Юрьевна Коптева

⁴ Галина Николаевна Сухорукова

⁵ Ольга Начибовна Марганова

¹ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация
305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: chuikov-ru@mail.ru

² Юго-западный государственный университет, Российская Федерация
305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
Курский институт кооперации, (филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права), Российская Федерация
305004 Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 116
Кандидат социологических наук, старший преподаватель
E-mail: sapronovson@mail.ru

³ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация
305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94
Кандидат экономических наук, старший преподаватель
E-mail: koptevvv@mail.ru

⁴ Курский филиал Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация
305016, Курская область, г. Курск, ул. Павлуновского, 65.
Кандидат экономических наук
E-mail: suhorukova.l@list.ru

⁵ Курский филиал Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация
305016, Курская область, г. Курск, ул. Павлуновского, 65
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: omarganova@hse.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа деятельности курских политических партий в начале XX века. Авторы попытались выявить идеологическую принадлежность политических партий, действующих в Курской губернии в данный период, определить направления и методы политической работы и степень их влияния на общественную жизнь. Удалось выяснить, что к 1905 году в Курской губернии было сформировано три политических лагеря: революционный, консервативный и либеральный. Рассмотрена деятельность политических партий Курской губернии начала XX столетия, определена степень их влияния на различные слои населения, которое формировалось благодаря общности социальной платформы агитаторов и аудитории. Внутри политических лагерей существовали «подвиды» из всевозможных партий, организаций, союзов. По мере завершения Первой русской революции общественно-политическая ситуация в Курской губернии входила в свое правовое русло. Уроки из кризиса 1905–1907 гг. были учтены.

Ключевые слова: Курская губерния, Государственная Дума, «Общество содействия народному образованию», «Союза освобождения», «Союзом земцев – конституционалистов», «Щигровский крестьянский союз».

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 682-688, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 377.36: 7.071 (470.40)“1900/1920”

Key Figures of the Russian Vanguard: Historical Roots

¹ Elena G. Lapshina

² Larisa A. Koroleva

¹ Penza state university of architecture and construction, Russian Federation
Titov street 28, Penza city, 440028
PhD (architecture), professor
E-mail: oap@pguas.ru

² Penza state university of architecture and construction, Russian Federation
Titov street 28, Penza city, 440028
Dr. (History), Professor

Abstract

In article activity of sign figures of the Russian vanguard of Vladimir Evgrafovich Tatlin, the first Soviet designer, and Efim Vladimirovich Ravdel, the first rector of the Highest state art and technical workshops is considered. The special attention is paid to the Penza period of their life.

In 1905 Tatlin began the vocational education in Penza in Art school of N.D. Seliverstov upon termination of whom gained the diploma of the artist with the right of teaching drawing, drawing and calligraphy. During training he was admitted to school in Tsege's salon, participated in an exhibition of the third salon of the Golden Fleece magazine in Moscow. Then Tatlin moves to Moscow where arranges own workshop. Revolutionary events found Tatlin in St. Petersburg where he became the informal leader of «futurists». In April, 1918 he was appointed the chairman of the Moscow art board of Department FROM Narkompros. He taught in picturesque workshops of the Moscow and Petrograd Svomas.

Ravdel since 1918 was the head of department of arts of Board of National education of the Penza provincial council of country and working deputies; I organized drama studio, national conservatory, the museum; I participated in exhibitions, debates, etc. In detail the reform of the Penza art school (1918-1920) which was carried out by it, attraction of pedagogical shots (D.P. Buryshkin, D.M. Iofan, etc.), a set of entrants, etc. is considered; creation of an architectural workshop of the Penza free state art workshops. In 1920 Ravdel went to Moscow where held the rector's position of Highest state art and technical workshops (1920-1923).

Keywords: Russian vanguard, Vladimir Evgrafovich Tatlin, Efim Vladimirovich Ravdel, Penza region

Введение

Русский авангард начала XX в. - явление мирового масштаба в истории искусства и архитектуры. Широко известны имена Казимира Малевича и Марка Шагала, связанные с городом Витебском, где художники положили начало нового искусства. В провинциальном городе Пензе также обнаружены исторические корни русского авангарда. С Пензенским художественным училищем (ПХУ) в начале XX в. были связаны жизнь и творчество двух ключевых фигур русского авангарда – В.Е. Татлина и Е.В. Равделя. Татлин впоследствии стал первым советским дизайнером, Равдель – первым ректором ВХУТЕМАСа, положившего начало новой системы образования в искусстве и архитектуре. Зарождались же их новаторские идеи в российской глубинке, здесь же проводились пробные эксперименты.

Материалы и методы

Материалы исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы, в том числе архивные источники (материалы Государственного архива Пензенской области); энциклопедии, справочники, мемуарная литература; материалы периодической печати.

Методы исследования - принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала, поскольку авангард – порождение революционной и весьма идеологизированной эпохи.

Помимо методологических принципов в исследовании использованы специально-исторические принципы – актуализации, диахронный, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический; общенаучные – классификации, статистический, структурно-системный.

Обсуждение

Владимир Евграфович Татлин начинал свое профессиональное обучение в 1905 г. в Пензе. Он был принят в 1 гипсовый, 1 научно-специальный, 3 общеобразовательный классы Художественного училища им. Н.Д. Селиверстова в сентябре по конкурсу. Некоторые моменты его жизни предшествовали такому счастливому в истории Пензы, и в общем – случайному, событию. Во-первых, в 1903 г. Татлин был отчислен с 1 курса Московского училища живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) «за неуспеваемость и неодобрительное поведение» [1]. Его отец Е.Н. Татлин ходатайствовал о восстановлении сына в МУЗВЖ, но безуспешно. В следующем году на Владимира Татлина обрушилась смерть отца, с которым он жил в Харькове после смерти матери. Летом того же 1904 г. В. Татлин поступает в Одесское училище торгового мореплавания, а осенью уходит в плавание на учебном парусном судне «Великая княжна Мария Николаевна».

В Пензу Владимир Татлин приезжает, будучи совершенно самостоятельным человеком. Ему уже 20 лет, он сам решает учиться дальше, осваивая профессию рисовальщика. Рисовать Владимир начал еще в детстве. В ПХУ он учился у известных художников реалистического направления – И. Горюшкина-Сорокопудова, А. Афанасьева [2]. Преподаватели считали его очень способным молодым человеком. Параллельно Татлин посещал студии и авангардные кружки Москвы и Санкт-Петербурга. В Пензе он вместе с учениками ПХУ был принят в салоне Цеге.

Салон Лидии Николаевны Цеге (1905-1916 гг.) представлял собой кружок пензенских любителей театра и кино, музыки и литературы, изобразительного искусства. Сама Лидия Цеге была пианисткой и композитором, ее муж Константин Карлович Цеге увлекался театром, кино, фотографией. После сближения в 1905 г. семьи Цеге с семьей Аристарха Лентулова, обучавшегося в этот период в ПХУ, к их музыкальным и артистическим увлечениям добавилось увлечение живописью. В салоне Цеге шел поиск синтеза искусств, «совмещение в одном действии музыки, пения, речитатива, поэтической декламации, жеста, живописи, световых и декоративных эффектов, применение современных технических средств и интерес к фольклору. Примером могут служить: «Вечера Нового искусства», художественное оформление А.В. Лентуловым интерьера электротeatра «Аванс» и там же первые в Пензе сеансы звукового кино (опыты К.К. Цеге), концертная и постановочная деятельность Пензенского музыкально-драматического кружка. Этот синтетизм оказал сильное воздействие на формирование творчества таких художников, как А.В. Лентулов, В.Е. Татлин и В.Д. Бурлюк» [3].

Владимир Татлин, детство и отрочество которого не было безоблачным после потери матери и повторной смерти отца, вырос бунтарем, замкнувшимся в себе. Он еще мальчишкой сбегал из дома, протестуя против судьбы. В годы учебы в Пензе (1905–1910 гг.), когда в городе и училище нагнеталась революционная атмосфера, проходили демонстрации, устраивались террористические акты, Татлин не оставался в стороне. В 1906 г. он стал членом Совета старост ПХУ. Когда к концу года деятельность этого Совета запрещается, но он продолжал работать полулегально. В январе 1907 г., после убийства губернатора в результате террористического акта, Татлин выступил с протестом против верноподданнических настроений и попал под полицейское наблюдение.

В такой напряженной, революционной обстановке проходил Татлин полный курс обучения в ПХУ, получив при его окончании диплом художника с правом преподавания рисования, черчения и чистописания. Будучи студентом выпускного курса, в 1909 г. он участвовал в выставке третьего салона журнала «Золотое руно» в Москве (вне каталога). Окончив ПХУ в апреле 1910 г., В. Татлин провел лето на юге, занимаясь живописью, работы его участвовали в выставке второго международного салона В. Издебского в Одессе. В 1911 г. Владимир Татлин переехал в Москву к своему дяде Н.Н. Татлину, где начал свою профессиональную деятельность, в следующем году создал собственную мастерскую на ул. Остроженке, 37. Здесь проходила деятельность «кубистического кружка», вместе с ним работали К. Малевич, братья А. и В. Веснины, ставшие впоследствии проводниками русского авангарда в архитектуре, а именно - его конструктивистского направления. Татлин же пришел к открытию художественного конструктивизма, выдвигая лозунг «культура материала», изобретая «синтезостатичные композиции», названные им живописными рельефами или контррельефами.

Февральская революция 1917 г. застала Татлина в Санкт-Петербурге. Он входил в организацию «левого блока» деятелей искусства, был делегирован в Москву, где принимал участие в Октябрьской

революции и получил предложение войти в «Правительство Председателей Земного шара». 21 ноября Татлин делегировался Профхудживом в Художественную секцию Моссовета: в Комиссию по охране памятников искусства и старины». Работая в Комиссии, Татлин стал неформальным лидером «футуристов». В апреле 1918 г. его назначили председателем Московской художественной коллегии Отдела ИЗО Наркомпроса, где он занимался монументальной пропагандой, реформой художественного образования и преподавал в качестве профессора в живописных мастерских московского и петроградского Свомаса (бывшего МУЖВЗ).

В 1918 г. для реформирования местного художественного училища в Пензу был направлен Е.В. Равдель. Ефим Владимирович Равдель (1894 г.р. - ?) был скульптором, графиком и театральным художником [4]. С 1914 по 1915 гг. он - вольный слушатель скульптурного отделения МУЖВЗ. В 1915 г. призван на военную службу. В Пензе он стал в 1918–1920 гг. видным общественным и политическим деятелем.

В начале 1918 г. Е. Равдель был рядовым 137 пехотного запасного полка. Затем по болезни он освобожден от службы и 20 февраля 1918 г. зачислен при нестроевой команде 98 пехотного запасного полка, а также прикомандирован к Театру Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Просвещение» в качестве художника-декоратора. С февраля по начало апреля 1918 г. им оформлены спектакли «Каширская сторона», «Сатана», «Дети капитана Гранта», «Любовь и смерть» и др.

С 5 апреля 1918 г. Е.В. Равдель стал заведующим Отделом искусств Коллегии Народного образования Пензенского губернского совета крестьянских и рабочих депутатов. Он активно включился в организационную работу. Равдель состоял в Комиссии по устройству праздника 1 мая, где ему было поручено высечь огромную фигуру К. Маркса, которая была установлена на Соборной площади города. К лепке фигуры из гипса и глины Равдель приступил 22 апреля 1918 г., 1 мая 1918 г. состоялось торжественное открытие временного памятника К. Марксу. Высота памятника составляла порядка 6 м. Памятник простоял всего несколько дней и был снят в ночь на 7 мая 1918 г. Это был первый временный памятник в Советской России, появившийся в результате реализации плана монументальной пропаганды, и первый в Европе памятник К. Марксу. Открытый к столетию К. Маркса, он вызвал широкий общественный и политический резонанс.

С 4 июля 1918 г. Равдель выполнял обязанности комиссара и уполномоченного Отдела ИЗО Наркомпроса для проведения реформы Пензенского художественного училища им. Н.Д. Селиверстова и преобразования его в Пензенские художественные мастерские. Академик живописи Н.Ф. Петров (бывший до реформы 1918 г. директором Пензенского художественного училища) вспоминал: «... Был прислан уполномоченный Е.В. Равдель. ... Науки были отменены. Открыто было архитектурное отделение» [5].

Равдель организовал в Пензе «Народную студию рисования, живописи и лепки», которая просуществовала с июля по август 1918 г., здесь Е. Равдель преподавал рисунок и лепку. Осенью 1918 г. он преобразовал училище в Пензенские государственные мастерские живописи, ваяния и зодчества. Им проведены перевыборы преподавателей-художников, созданы органы самоуправления мастерскими и структурное разделение на персональные мастерские. С 8 октября 1918 г. Равдель возглавлял Пензенский губернский подотдел искусств [6] и создал при нем драматическую студию, народную консерваторию и музей.

Учебные помещения в здании Мастерских были реквизированы под правление Экспедиции заготовления государственных бумаг. В результате начало учебных занятий было перенесено на конец 1918 г. В октябре и ноябре 1918 г. Равдель привлек учащихся Мастерских к художественному оформлению Пензы, приуроченному к празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Для этого Е. Равделем открыл при Мастерских декоративный отдел, исполнявший заказы на художественные работы. Равдель сам разрабатывал сценарий праздника и оформления города. В 1918 г. Е.В. Равдель вступил в члены РКП(б).

Пензенские государственные мастерские живописи, ваяния и зодчества в декабре 1918 – январе 1919 гг. были переименованы в Пензенские государственные свободные художественные мастерские (ПГСХМ). С 20 апреля по 1 октября 1919 г. Равдель возглавлял Пензенский губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Параллельно Равдель активно участвовал в пензенских художественных выставках. Так, на «Выставке картин» (ПХУ, 24 февраля – 16 марта 1918 г.) он показывал свою работу «Портрет В.Н.В.» (В.Н. Вирганский). На «Первой легкой выставке картин, этюдов, рисунков, скульптуры» (павильон Нового театра, 21 июля – август 1918 г.) выставлял скульптуры. «Первая Пензенская Государственная выставка картин и скульптуры» (ПГСХМ, конец марта – май 1919) показывала его работы «Портрет Баранова» (А.А. Баранов), «Фигура-эскиз к портрету». В своих скульптурах Равдель использовал кубизм как метод работы.

Работы Равделя были закуплены для музея при ПГСХМ. По мнению экспертов, сохранившаяся в музее работа «Фигура архитектора (гипс)» может быть атрибутирована как портрет архитектора Д.П. Бурышкина. Кроме того, Равдель иллюстрировал своими «великолепными стильными рисунками» редкие пензенские литературно-художественные издания: журнал «Комедиант» (апрель 1918 г.) и альманах «Исход» (август 1918 г.).

Стремясь повысить культурный горизонт учащихся и горожан, Равдель 20 мая 1918 г. устроил чтение лекций по искусству, зимой 1919 г. проводил диспуты «О сумерках русской художественной литературы», «О театре» и т.п., сам принимал в них участие; опубликовал в местной и центральной печати ряд статей: «Пензенские мастерские» («Искусство Коммуны», 2 февраля 1919 г., Петроград); «О проектах зданий трудовой школы» («Ключ», 8 апреля 1919 г., Пенза) и др.

В период 1919–1920 гг. Равдель значительно расширил учебную деятельность ПГСХМ. В них стали работать живописные мастерские: руководитель А.М. Блюменфельд - кубист, руководитель Н.Ф. Петров - реалист, руководитель А.И. Штурман - импрессионист и одна независимая мастерская без руководителя, скульптурная (руководитель К.А. Клодт), офортно-графическая (руководитель И.С. Горюшкин-Сорокопудов), декоративный отдел (заведующий В.П. Андерс-Васильев) и архитектурный отдел (руководитель Д.П. Бурьшкин, помощники: И.М. Ракузин и Д.М. Иофан).

Реформа Пензенского училища была начата в июле 1918 г., избран временный комитет училища, объявивший, что «училище будет преобразовано в высшее художественное» [7]. В документе «Протокол заседания Временного Комитета Пензенского Художественного Училища» от 19 июля 1918 г. впервые сообщалось о предполагаемой к открытию архитектурной мастерской: «... Кроме живописных, скульптурной и архитектурной мастерских, имеются общие мастерские...» [8]. Следующий документ от 6 сентября 1918 г. обращает на себя внимание новым названием учреждения: «Протокол № 1 заседания Исполнительного Комитета Пензенских Государственных Мастерских Живописи, Ваяния и Зодчества» [9]. «Училище» заменено на «мастерские», а архитектурное отделение выносится в заголовок («зодчество»). В этом же протоколе сообщалось, что старый Комитет упраздняется и избирается новый Исполнительный Комитет, «... постановлено завести новую круглую печать с наименованием на ней по краю «Пензенские Государственные Мастерские Живописи, Ваяния и Зодчества» и в середине «Исполнительный Комитет», а также заказать бланки...» [10].

В документах ноября 1918 г. встречается полное титульное название – «Пензенские Свободные Государственные Художественные Мастерские» [11]. Официальные бумаги, подписанные уполномоченным мастерских Е. Равделем, имели штамп с аналогичным названием. Была изготовлена и круглая печать мастерских, в центре – надпись «Совет» [12].

Первые сведения об архитектурной мастерской появляются с середины 1919 г. В деле по личному составу служащих от 24 июля 1919 г. имеется уникальный документ, в котором указаны: имя руководителя архитектурной мастерской - Давида Петровича Бурьшкина, и фактическая дата начала ее деятельности. Это заявление в Совет Пензенских СГХМ от архитектора Д.П. Бурьшкина: «15 февраля 1919 г. я приехал в Пензу из Петрограда по приглашению Комиссара Мастерских и занял предложенную мне должность руководителя архитектурного отдела» [13]. Равдель сам пригласил архитектора из Петрограда.

27 июня 1919 г. Д. Бурьшкин проводил экзамен по перспективе учащимся Пензенских мастерских: Гурову, Демину, Красновой, Краюшкину, Лютому, Панкову, Поспелову, Южику [14].

К лету 1919 г. был произведен новый набор заявлений от абитуриентов на имя уполномоченного, выразивших желание обучаться в архитектурной мастерской Пензенских свободных государственных художественных мастерских [15].

К сентябрю нового учебного 1919/1920 г. года архитектурная мастерская выросла, в связи с чем на имя уполномоченного были получены заявления от И.М. Ракузина и Д.М. Иофана [16], «в которых означенные лица подтверждают свое согласие занять должности руководителей архитектурной мастерской». Исаак Моисеевич Ракузин был на этот момент еще студентом старшего курса [17], Дмитрий Михайлович Иофан (1885–1961 гг.) был уже сложившимся архитектором.

Список студентов, обучавшихся на архитектурном отделении ПГСХМ в 1920 г., включал следующих учеников: И.М. Иванов, Н.В. Немцевич, Н.В. Шатов, В.С. Болдырев, Д.Н. Кравченко, В.С. Матвеевский, А.И. Новиков, М.С. Демин, С.Н. Николаев [18]. Большая часть учащихся архитектурной мастерской с 3 января 1920 г. подлежала мобилизации [19]. В стране шла гражданская война, царил разуха. Удержать в таких условиях нормальное функционирование художественных мастерских было невозможно. Однако, в феврале 1920 г. архитектурные мастерские еще продолжали существовать. Обнаружен документ из Канцелярии Петроградских ГСХМ (которые курировали Пензу), где представлен расчет материалов на 1 учащегося в месяц: «...3. для архитектурных мастерских: 10 листов бумаги (по 3 р.); 12 углей (по 1 р. 50 к.); 2 карандаша (по 1 р. 50 к.); Акварель (30 р.); две кисти аквар. (по 10 р.); 5 флак. туши (по 16 р.)... Итого на 181 руб.» [20].

В марте 1920 г. педагогические кадры, собранные Е. Равделем, оставили Пензу: Д.М. Иофан вместе со Д.К. Степановым были откомандированы Наркомпросом в экспедицию в Туркестан по делам музеев и охране памятников искусства и старины [21]. Петроградский Совкомхоз просил «отчислить архитектора Бурьшкина от занимаемой им должности в Пензенских художественных мастерских в виду его назначения на должность Городского архитектора проектировщика как специалиста по градостроению для участия в перепланировке Петрограда» [22]. Уполномоченный Е. Равдель 16 марта 1920 г. телеграммой в Москву просил прислать двух архитекторов в замену выбывшим педагогам - Бурьшкину и Иофану: «Отсутствие грозит закрытием мастерской» [23]. И.М. Ракузин 15 мая 1920 г. подал прошение об освобождении от занимаемой должности [24].

Он последним оставил место преподавателя архитектурной мастерской, поскольку должен был быть уволен со службы для окончания образования в Петроградских художественно-учебных мастерских. В своем прошении он посчитал «нужным указать, что в связи с мобилизацией студентов архитектурная мастерская фактически в течение 2 месяцев уже не функционирует». В конце марта 1920 г. архитектурная мастерская при Пензенских СГХМ самораспустилась.

27 мая 1920 в Москву выехала делегация ПГСХМ, состоявшая из педагога А.И. Штурмана и учащихся М.И. Левтеевой, В.В. Кульгиасова, М.И. Райской, Т.М. Андреевой, В.И. Ефремова, О.Б. Бурдина, Ф.С. Никулина и А.Л. Глухова, для участия в работе Конференции всех свободных государственных художественных мастерских (1-10 июня 1920 г.). Равдель выехал в Москву еще раньше. В Пензу он больше не вернулся.

С 10 июля 1920 г. в Москве Е.В. Равдель занимал должность ректора ведущей Высшей архитектурно-художественной школы страны – ВХУТЕМАСа. Им было проведено организационное объединение I и II Свободных художественно-учебных мастерских Москвы в новое «специальное художественное высшее художественно-промышленное учебное заведение» ВХУТЕМАС, созданное для подготовки «художников-мастеров высшей квалификации для промышленности». Заняв жесткую позицию к ранее сложившимся методам обучения в мастерских, особенно на факультетах живописи и скульптуры, Равдель авторитарно вводил методы так называемого производственного обучения. Так было названо обучение в процессе исполнения конкретного художественного заказа, которое более свойственно производственно-прикладным, художественно-техническим специальностям.

С декабря 1920 г. Равдель оказался втянутым в острый конфликт между правыми «реалистами» и левыми «футуристами». При этом сам Равдель подвергался критике как справа, так и слева. Затянувшийся конфликт завершился после 20 октября 1921 г., когда было решено создать особую комиссию, контроль над которой осуществлял Главный художественный комитет, а не А.В. Луначарский, покровительствовавший Равделю. Были привлечены художники всех направлений для выработки программ высших учебных заведений по изобразительному искусству. Тогда же было реорганизовано правление ВХУТЕМАСа, которое стало коллегияльным. Перед этим в конце июля 1921 г. Равдель просил Луначарского об отставке с поста ректора ВХУТЕМАСа, но тот 1 августа 1921 г. отклонил просьбу. В сентябре 1921 г. группа из 22 профессоров живописного и скульптурного факультетов обратилась к Луначарскому с требованием отставки Равделя как активного сторонника производственного обучения. Группа студентов-коммунистов выступила в его защиту. С ноября 1921 г. во ВХУТЕМАСе позиции противостоящих сил стали более сбалансированными, а положение и роль Равделя менее заметными. Он проработал на посту ректора ВХУТЕМАСа до марта 1923 г.

Вероятно, большая занятость Равделя организационно-административной и общественно-политической работой не позволяли ему уделять много времени творческой работе. Известно об участии его в постановке А.М. Грановским «Мистерии-Буфф» В.В. Маяковского на немецком языке в Москве в честь Третьего Конгресса Коммунистического Интернационала в июне 1921 г. Здесь он вместе с Н. Альтманом был художником-декоратором. В качестве театрального художника Равдель в 1921 г. участвовал в московских диспутах «Надо ли ставить «Мистерию-Буфф» и «Каким же должен быть детский театр».

По некоторым свидетельствам в 1923 г. Е.В. Равдель выехал за границу. Отзывы современников характеризовали его как заурядного художника, не сумевшего ярко раскрыть себя в искусстве революционного времени.

Заключение

Таким образом, в начале XX в. в Пензе происходило становление, по крайней мере, двух ключевых фигур русского авангарда: студента ПХУ Владимира Татлина, ставшего впоследствии основоположником художественного конструктивизма - направления русского авангарда в искусстве, альтернативного супрематизму К. Малевича, и директора ПХУ Ефима Равделя, разрабатывавшего основы советской высшей художественной школы и внедрявшего далее свои методы в качестве первого ректора ВХУТЕМАС.

Примечания:

1. Владимир Татлин. Ретроспектива [Каталог] / сост. А. Стригалева, Ю. Хартен. Келн: DuMont Buchverlag, 1993. С. 384.
2. Иванчикова О.А., Сазонов В.П. Татлин Владимир Евграфович // Пензенская энциклопедия. Пенза: Министерство культуры Пензенской области; М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 603.
3. Димаков Д.Н. Салон Цеге // Пензенская энциклопедия. Пенза: Министерство культуры Пензенской области; М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 538-539.
4. Димаков Д.Н. Равдель Ефим Владимирович // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. Т. 2. Биографии / сост. В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. М.: Global Expert&Servis Team, 2013. С. 287.

5. Пензенское художественное училище. Из 19 века в 21: [Каталог выставки] / Составитель и автор текста Д.Н. Димаков. Пенза, 2004. С. 314.
6. Димаков Д.Н. Пензенские художественные мастерские: 1918-1923. Первое советское пятилетие // Реабилитация жилого пространства горожанина: Материалы IX международной научно-практической конференции им. В. Татлина. Пенза: ПГУАС, 2013. С. 381-389.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Фонд р.-912. Описание 1. Дело 3. Лист 1а, 2.
8. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 1. Дело 3. Лист 5.
9. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 1. Дело 3. Лист 8.
10. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 1. Дело 8. Лист 62.
11. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 11. Лист 24, 32, 55, 92, 112-114, 116, 118, 126, 132, 136, 141, 147, 199.
12. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 1. Дело 3. Лист 45-46.
13. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 8. Лист 1а.
14. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 11. Лист 261.
15. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 20. Лист 8.
16. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 10. Лист 2-3.
17. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 12. Лист 23.
18. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 13. Лист 2.
19. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 15. Лист 1.
20. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 15. Лист 4.
21. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 12. Лист 17.
22. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 12. Лист 19.
23. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 10. Лист 4.
24. ГАПО. Фонд р.-912. Описание 2. Дело 12. Лист 23.

References:

1. Vladimir Tatlin. Retrospective [Catalogue] / Originator A. Strigalev, Yu. Harten. Keln: DuMont Buchverlag, 1993. P. 384.
2. Ivanchikova O.A., Sazonov V.P. Tatlin Vladimir Evgrafovich // Penza encyclopedia. Penza: Ministry of Culture of the Penza region; M.: Scientific publishing house «Big Russian Encyclopedia», 2001. P. 603.
3. Dimakov D.N. Salon Tsege // Penza encyclopedia. Penza: Ministry of Culture of the Penza region; M.: Scientific publishing house «Big Russian Encyclopedia», 2001. P. 538-539.
4. Dimakov D.N. Ravdel Efim Vladimirovich // Encyclopedia of the Russian vanguard. Fine arts. **Architecture. T. 2. Biographies / Originator V.I. Rakitin, A.D. Sarabyanov. M.: Global Expert&Servis Team, 2013. P. 287.**
5. Penza art school. From the 19th century in 21: [Exhibition catalog] / Originator and author of the text D.N. Dimakov. Penza, 2004. P. 314.
6. Dimakov D.N. Penza art workshops: 1918-1923. First Soviet fifth anniversary // Rehabilitation of inhabited space of the citizen: Materials IX of the international scientific and practical conference of V. Tatlin. Penza: PGUAS, 2013. P. 381-389.
7. State Archive of the Penza Region (SAPR). f. p.-912. Inv. 1. d. 3. p. 1а, 2.
8. SAPR. f. p.-912. Inv. 1. d. 3. p. 5.
9. SAPR. f. p.-912. Inv. 1. d. 3. p. 8.
10. SAPR. f. p.-912. Inv. 1. d. 8. p. 62.
11. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 11. p. 24, 32, 55, 92, 112-114, 116, 118, 126, 132, 136, 141, 147, 199.
12. SAPR. f. p.-912. Inv.1. d. 3. p. 45-46.
13. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 8. p. 1а.
14. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 11. p. 261.
15. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 20. p. 8.
16. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 10. p. 2-3.
17. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 12. p. 23.
18. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 13. p. 2.
19. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 15. p. 1.
20. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 15. p. 4.
21. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 12. p. 17.
22. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 12. p. 19.
23. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 10. p. 4.
24. SAPR. f. p.-912. Inv. 2. d. 12. p. 23.

Ключевые фигуры русского авангарда: исторические корни

¹ Елена Геннадьевна Лапшина

² Лариса Александровна Королева

¹ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Кандидат архитектуры, профессор
E-mail: oap@pguas.ru

² Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматривается деятельность знаковых фигур русского авангарда Владимира Евграфовича Татлина, первого советского дизайнера, и Ефима Владимировича Равделя, первого ректора Высших государственных художественно-технических мастерских. Особое внимание уделено пензенскому периоду их жизни.

В 1905 г. Татлин начал свое профессиональное обучение в Пензе в Художественном училище им. Н.Д. Селиверстова, по окончании которого получил диплом художника с правом преподавания рисования, черчения и чистописания. Во время обучения в училище он был принят в салоне Цеге, принимал участие в выставке третьего салона журнала «Золотое руно» в Москве. Затем Татлин переезжает в Москву, где устраивает собственную мастерскую. Революционные события застали Татлина в Санкт-Петербурге, где он стал неформальным лидером «футуристов». В апреле 1918 г. его назначили председателем Московской художественной коллегии Отдела ИЗО Наркомпроса. Он преподавал в живописных мастерских московского и петроградского Свомаса.

Равдель с 1918 г. был заведующим Отделом искусств Коллегии Народного образования Пензенского губернского совета крестьянских и рабочих депутатов; организовал драматическую студию, народную консерваторию, музей; принимал участие в выставках, диспутах и т.п. Подробно рассматривается проводившаяся им реформа Пензенского художественного училища (1918–1920 гг.), привлечение педагогических кадров (Д.П. Бурьшкин, Д.М. Иофан и др.), набор абитуриентов и т.д.; создание архитектурной мастерской Пензенских свободных государственных художественных мастерских. В 1920 г. Равдель уехал в Москву, где занял должность ректора ВХУТЕМАСа (1920–1923 гг.).

Ключевые слова: русский авангард, Владимир Евграфович Татлин, Ефим Владимирович Равдель, Пензенская область.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 689-696, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

**"Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia":
a Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography
in the First Quarter of the XX Century**

¹Tatiana A. Titova
²Vadim E. Kozlov
³Elena G. Guschina

¹Kazan Federal University, Russian Federation
Kremlevskaya Str. 18, Kazan city, Republic of Tatarstan 420008
Dr. (History), Professor
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru
²Kazan Federal University, Russian Federation
Kremlevskaya Str., 18, Kazan city, Republic of Tatarstan 420008
PhD (History), Associate Professor
E-mail: vadim.kozlov@list.ru
³Kazan Federal University, Russian Federation
Kremlevskaya Str., 18, Kazan city, Republic of Tatarstan 420008
E-mail: egguschina@mail.ru

Abstract

In article on the basis of archival material the role of Society of scientists at Imperial Kazan university in development of ethnography in the first quarter of the XX century as science and a subject matter reveals. The special place is allocated for three expeditions of the students specializing on department of geography and ethnography of physical and mathematical office of Imperial Kazan university, sent to means of Society of scientists to field ethnographic expeditions. S. A. Teploukhov, V. M. Novitsky and V. I. Podgorbunsky under the leadership of outstanding scientific professor Bruno Fridrikhovich Adler studied, comprehended bases of scientific researches, made expeditions and acquired a basis of further career that allowed them to become the talented scientists who made a powerful contribution to development of ethnology, archeology, anthropology and history in the first quarter of the XX century.

Keywords: ethnography, history of science, expedition, excursion, education, scientific societies, academic organizations, ethnographic collections.

Введение

Современный уровень развития российской исторической науки характеризуется повышенным интересом к ее прошлому, изучению историографических проблем, воссозданию образов конкретных учёных, их общественной и просветительской деятельности. Одной из малоизученных страниц истории науки в России является вопрос о становлении и развитии, задачах и проблемах науки в провинции, в частности – этнографии как науки в Казанской губернии. Безусловно, центром развития этнографии, как и ряда других наук в Поволжье, стал Казанский университет. Именно вокруг высших учебных заведений происходило формирование общественных организаций и научных обществ, сыгравших весомую роль в развитии российской науки. Развитие этнографических исследований в Обществе естествоиспытателей при Казанском Императорском университете было связано с именем выдающегося ученого, основателя казанской этнографической школы Бруно Фридриховича Адлера. Несмотря на относительно короткий промежуток времени работы в г. Казани (1911–1922 гг.), Б.Ф. Адлер внес неоценимый вклад в развитие географической и этнографической науки в Казанском университете, а также подготовку специалистов этого профиля. Долгое время его

имя и имена его учеников, их роль в деятельности как исследователей-этнографов в Казанском университете оставалась забытым и мало исследованным. В самом начале 30-х гг. XX в. научная, педагогическая и общественная деятельность Б.Ф. Адлера была подвергнута жестокой критике, наряду с другими крупными учеными-этнографами он был объявлен буржуазным ученым, приспешником классового врага, а позже репрессирован и расстрелян. С этого времени имя Б.Ф. Адлера стало замалчиваться, сотрудники и немногие оставшиеся в г. Казани его ученики предпочитали не говорить о нем или говорили с большой осторожностью.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали архивные материалы и печатные труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Архивные материалы по деятельности Общества содержатся в двух фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ): ф. «Общество естествоиспытателей» и ф. 39. Также, информацию о деятельности Общества как структурного подразделения Казанского университета содержит опись Совет НА РТ. Особый интерес представляют протоколы заседаний, годовые отчеты и переписка по организационным вопросам между членами Общества и ведомственными структурами.

Казанский Императорский университет дал жизнь ряду научных обществ, которые внесли весомый вклад в развитии науки и просвещения в Поволжье. В последние десятилетия интерес к деятельности научных обществ открытых при университетах существенно возрос, были написаны диссертационные работы, которые обобщают материалы, посвященные истории общественных организаций разных губерний Российской империи [1]. Работы региональных исследователей наполнены новым конкретно-фактическим материалом, отражающим специфику развития научных обществ при Казанском университете [2]. К деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете исследователи обращались неоднократно, но рассматривали, как правило, деятельность ученых Общества в области естественных наук [3]. Деятельность же Общества естествоиспытателей в накоплении и развитии этнографических знаний оставалась практически не изученной.

Наука является продуктом определенной культурно-исторической ситуации, которая определяется когнитивными установками и системами ценностей. Все это сказывается на исследовательских приоритетах и тенденциях развития научного знания, и, как следствие, на формировании школ, течений и направлений в рамках отдельных научных направлений. Следовательно, методологическую основу исследования составят принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволит проанализировать основные тенденции в сфере образования и науки на фоне социально-экономических и политических процессов в стране и выявить общее и особенное в развитии этнографии в Казанском университете и Обществе естествоиспытателей при нем. Принцип объективности будет применен в изучении и сопоставлении широкого круга источников, что позволит рассмотреть события во взаимосвязи и совокупности. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы позволяют рассмотреть деятельность научных обществ и отдельных ученых в хронологической последовательности: особенности создания материально-технической базы, формирование кадрового потенциала и сопоставление с развитием этнографии в России и за рубежом. Применение комплекса указанных методов дает возможность всесторонне реконструировать процесс становления и развития этнографических знаний в Обществе естествоиспытателей при Казанском Императорском университете. Особое место занимает биографический метод, при котором объектом исследования становятся жизненная и идейная траектория ученых, интеллектуальные продукты их деятельности в контексте всего жизненного пути. В ходе исследования также мы использовали методы, широко применяемые в общественных науках: анализ, синтез и обобщение. Помимо этого были использованы и специально-исторические методы: историко-генетический (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения), историко-системный (функционирование и развитие обществ включает и синтезирует основные составные компоненты, из которых складывается историческая реальность) и биографический.

Обсуждение

В начале XX в. отечественная высшая школа представляла собой сложившуюся систему, соединявшую образовательную и научную функции на базе кафедр и научных обществ. Как и общества естествоиспытателей при других российских университетах, Общество естествоиспытателей при Казанском Императорском университете было открыто в 1969 г. по итогам проведения I Съезда русских естествоиспытателей и врачей, проходившего в Петербурге в 1867–1868 гг. На Съезде отмечалось, что естественные богатства России, как восточной, так и европейской, были чрезвычайно мало исследованы.

В Уставе Общества естествоиспытателей при Казанском Императорском университете провозглашались три основные цели: исследование в естественноисторическом отношении восточного края России и Сибири; разработка естественно-исторических вопросов, относящихся преимущественно к местному краю и разрешение которых требует работы нескольких специалистов по разным отраслям

естествознания, а также популяризация естественно - исторических сведений и открытий. Одной из своих задач Общество ставило и привлечение наибольшего числа лиц к естественноисторическим исследованиям. Исходя из поставленных целей, Общество создавалось именно как ассоциация специалистов разных направлений: «... работа Общества в виде ассоциаций наук имеет громадное значение для развития местного края, для развития его материального благосостояния. При таких работах захватывается больше сторон исследуемого вопроса и между этими сторонами почти всегда найдется, хотя одна прямо приложимая к жизненным потребностям местного населения. ... Антропология, этнология, психология выступают в этом случае неизменно помощниками, без которых каждый шаг будет чисто эмпирическим. Весь физических склад народа, его организация, затем его обычаи, культура, вся обстановка, наконец, язык и так тесно связанная с ним мысль – все это требует естественноисторической почвы, требует естественноисторического метода и индуктивных выводов» [4]. Следует отметить, что ученые Общества занимались именно прикладными, полевыми исследованиями, для чего ежегодно организовывались специальные «экскурсии» - экспедиции. Весь привозимый из экспедиций вещественный материал, коллекции Общество передавало в профильные музеи Казанского университета. Первые экспедиции были направлены на изучение геологии, флоры и фауны местного края.

Антропологические исследования начались в Обществе естествоиспытателей при Казанском университете с первых лет его существования. С момента открытия Общества в нем выделился специальный отдел антропологии и этнографии. И именно на базе этого отдела по итогам выставки IV Археологического съезда в 1878 г. было открыто Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете.

Исследования по антропологии были направлены на изучение «местных инородцев»: татар, башкир, чуваш, вотяков, черемис и мордву [5-7]. Работы включали не только антропологические измерения и описания, которые были основной целью, но и частичные этнографические сведения: «Исследования нужно вести параллельно, но совершенно независимо: не подгоняя данные по этнографии к краниологическим целям и обратно... Этнография – необходимая оправа для краниологии» – отмечает М.М. Хомяков [8]. Но собственно сами этнографические исследования не были самоцелью, просто для качественного исследования необходимо владеть не только краниологической методикой, но и разбираться в «чуждых естествознанию» историко-социологических науках. Для этого нужно создать специальные факультеты географических наук: «... где бы география преподавалась наряду с необходимыми для успешного ее изучения дисциплинами: антропологией, социологией, этнографией, общей патологией, историей культуры, сравнительным правоведением» [9].

В России первоначально этнография развивалась в рамках географических наук, но уже с 60-х гг. XIX в. этнографические исследования стали сближаться с естественными науками, в чем проявлялось общее увлечение учеными этими науками, которые в те годы могли действительно похвастаться огромными успехами [10]. В научном обществе того времени проходила широкая дискуссия о положении географии в системе наук и в структуре высшего образования: что включает в себя география, какие дисциплины должны преподаваться и на каких отделениях университетов должны открываться кафедры географии – на историко-филологическом или физико-математическом. По Уставу 1884 г. кафедры географии и этнографии были учреждены на историко-филологических факультетах. Но это не полностью отвечало нуждам науки, тормозило ее развитие: «... многие из присутствующих учились в школе у географов-филологов, а не натуралистов, учились по учебникам, в которых наряду с физико-географическими понятиями были собраны сведения о числе пуговиц на обшлагах мундиров разных полков... историку необходимо знание географических условий таких стран, однако эти сведения в полно мере и ясной форме может дать только натуралист» [11]. Под давлением научной общественности кафедры географии были переведены на физико-математические факультеты: в г. Казани кафедра открылась на естественном отделении университета в 1888 г. и ее возглавил с П.И. Кротов. Петр Иванович Кротов сделал очень многое для становления географии и этнографии как науки в Казанском университете. Географию П.И. Кротов рассматривал как всеобъемлющую науку о Земле, особое внимание он отводил необходимости изучения взаимодействия человека и природы [12]. В 1911 г. на должность заведующего кафедрой географии и этнографии был избран Бруно Фридрихович Адлер – прекрасный специалист географ, этнограф и музеевед, ученик Д.Н. Анучина и Фридриха Ратцеля, выдающийся ученый и учитель. С момента начала работы в Казанском университете Б.Ф. Адлер активно вошел в научную жизнь – он единогласно избирается действительным членом Общества археологии, истории и этнографии и членом Совета по географии Общества естествознания при Императорском Казанском университете.

Бруно Фридрихович Адлер начал развивать в Обществе естествоиспытателей именно исследования по географии и этнографии. Б.Ф. Адлер был сторонником комплексной географии состоящей из математической, физической и фито-зоо-географий, а антропогеографию он выделял в самостоятельную науку [13]. При этом Бруно Фридрихович подчеркивал, что география и этнография дополняют друг друга и не могут существовать одна без другой. Определяя цель дальнейшей деятельности Общества в географическом и этнографическом направлении, Б.Ф. Адлер отмечает, что

«Настало требование углубления в разработку отдельных детальных вопросов на пользу всего знания общего землеведения» [14].

Нужно отметить, что научная деятельность в Обществе естествознания всегда была неразрывно и тесно связана с учебным и научным процессом по профильным кафедрам Казанского университета. Б.Ф. Адлер большое внимание уделял практическим занятиям студентов: они занимались построением графиков, проекций и диаграмм, писали рефераты, систематизировали и описывали этнографические коллекции. Важная роль отводилась и самостоятельной работе студентов и их полевой экскурсионной деятельности, а также кружковой работе. Бруно Фридрихович студентов к самостоятельным летним исследованиям по географии, этнографии, археологии, антропологии и другим направлениям, вместе с ними он разрабатывал планы и маршруты поездок. Активно Б.Ф. Адлер привлекал студентов и к деятельности в Обществе естествоиспытателей. Так, уже спустя год после работы в Обществе естествоиспытателей, в 1912 г. Бруно Фридрихович рекомендует направить студента-натуралиста Сергея Александровича Теплоухова вместе с прикомандированным к нему препаратором Зоологического кабинета Я.К. Коксиным для антропологических работ и сбора этнографических и зоологических коллекций в Минусинский край. Обосновывая необходимость и значимость работ в этом края, Бруно Фридрихович отмечает: «Минусинский край давно уже интересует ученых самых разнообразных специальностей (Кастрен, Клеменц, Радлов, Паллас, Горошенко, Сушкин, Грум-Гржимайло, Катанов и др.). Редкие сочетания физико-географических условий создали большое разнообразие флоры и фауны. Здесь соприкасаются степные, таежные, и горные формы животных и растений. Разнообразие физико-географических условий останавливало здесь с глубокой древности волны передвигающихся различных народов, а изолированность края сберегла их культуру и особенности в виде многочисленных археологических памятников, а также современных инородцев» [15]. Б.Ф. Адлер подчеркивает, что наиболее интересны для антропологических и этнографических исследований «народы, живущие в Саянских горах, на границе Монголии в Урянском крае и носящие название «сойот»». На тот момент сойоты не были причислены к какой-то определенной группе народов ни по лингвистической, ни по антропологической классификации. Ставя исследовательскую цель данной «экскурсии», Бруно Фридрихович отмечает, что «с одной стороны они родственны монголам-тюнкам, с другой стороны финнам. Выяснение этого вопроса год от года становится еще более трудным, т.к. увеличивающиеся сношения с другими народами уничтожает особенности этих уникальных инородцев» [16].

Конечно, отправлять не подготовленного студента в самостоятельную научную и довольно далекую экспедицию Б. Ф. Адлер не мог. Сергей Александрович Теплоухов родился в семье, где многие занимались наукой. В 1908 г. он поступил в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета и поначалу занимался орнитологией, а позже, под влиянием Б.Ф. Адлера как сторонника палеоэтнологических исследований, увлекся археологией и в 1912 г. приобретает вторую специальность по антропологии [17]. К этому времени С.А. Теплоухов уже совершал ряд экспедиций по поручению Общества естествоиспытателей и имел опыт проведения полевых работ. На совершение экспедиции в 1913 г. Б.Ф. Адлер запрашивал выделить 500 рублей – С.А. Теплоухову 400р. и Я. К. Коксину 100р. Причем Бруно Фридрихович понимал, что запрашиваемая сумма не достаточная для закупки этнографических и археологических коллекций, и предлагал дать С.А. Теплоухову некоторую сумму на эти нужды, но с тем условием, что собранный материал поступит в личное распоряжение самого Б.Ф. Адлера. Бруно Фридрихович подчеркивал, что собранные коллекции будут им пожертвованы в Географический кабинет при кафедре географии и этнологии Казанского университета, а все дублитные экспонаты будут переданы им в Гамбургский музей Народоведения, с которым у Б.Ф. Адлера были установившиеся связи и который не раз присылал дублиеты для Кабинета географии [18]. Совет Общества естествоиспытателей поддержал проект экспедиции и ассигновал требуемую сумму. Сергей Александрович отлично справился с поставленной перед ним задачей, о чем и отчитался в своем докладе «Поездка в Урянский край (Монголия)» на собрании членов Общества естествоиспытателей: «Докладчик, охарактеризовав природу края с демонстрацией некоторых представителей фауны, указал, что холмистые степи Урянхая (на которых ветры сдувают зимою снег) и постепенность в смене степной растительности создали особенно хорошие условия для кочевой жизни и с глубоких времен привлекали в Урянхай разнообразные кочевые племена. ... Изолированные степные котловины Урянхая скрывали кочевников, попавших сюда в разное время. Позднее произошло смешение. И теперь туземцы этого края сойоты не представляют строго выраженный физический тип; они потомки тюркских, монгольских и финских племен. ... доклад иллюстрировался фотографиями, этнографическими, археологическими и зоологическими коллекциями» [19]. Также С.А. Теплоухов предоставил сведения об административном управлении, основных занятиях населения, типах жилищ и одежд, семейном быте и обычаях, а также религиозных верованиях сойотов.

Сергей Александрович Теплоухов привез в Казанский университет большую коллекцию предметов (178 единиц) для Этнографического музея. Этнографический музей образовался по инициативе Б.Ф. Адлера путем слияния этнографических коллекций трех структурных подразделений университета, в том числе Географического кабинета. Музей был материальной базой для этнографии в казанском университете, выполнял учебно-вспомогательную, научную и культурно-

просветительскую функции. Среди экспонатов из коллекции С.А. Теплоухова можно выделить элементы традиционного костюма, предметы домашнего обихода и сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты и культовые предметы сойотов [20].

На следующий год Бруно Фридрихович выступил на заседании Совета Общества естествоиспытателей с заявлениями отправить в экспедиции на лето 1914 г. уже трех человек. Во-первых, С.А. Теплоухова, ставшего уже сотрудником Общества естествоиспытателей, в район Шагирского озера на Молебский торфяник для археологическо-антропологических исследований с субсидией в 2000 р. Во-вторых, двух студентов-натуралистов: Василия Михайловича Новицкого в Обдорский край для исследований по антропологии самоедов и Василия Иннокентьевича Подгорбунского в Иркутскую губернию для изучения шаманства среди бурят и сбора этнографических коллекций. Оба студента были уроженцами тех мест, куда были запланированы экспедиции, и оба хотели сделать как можно больше для исследования своего края. Обосновывая выбор кандидатуры Василия Михайловича Новицкого как исследователя и района предстоящей экспедиции, Б.Ф. Адлер отмечает: «Мое желание воспользоваться опытом и знакомством г. Новицкого с местным населением, а также выдающийся интерес, который представляют самоеды в антропологическом отношении, их быстрое вымирание по сравнению с их соседями: остяками, вогулами и зырянами – побуждает меня просить Общество о командировании г. Новицкого в область р. Щучьей с антропометрическими целями. Для выполнения подобной работы г. Новицкий вполне подготовлен» [21]. Василий Иннокентьевич Подгорбунский тоже был подготовленным студентом, изучавшим ранее в экспедициях археологические памятники в Приангарье. Б.Ф. Адлер подчеркивал, что шаманство среди бурят Иркутской губернии отличается от шаманства якутов и тунгусов, и для Этнографического музея Казанского университета было бы очень полезным получить предметы, характеризующие шаманство бурят: «...нет вовсе предметов по бурятскому шаманизму. Нет также среди коллекции и бурятских бытовых предметов. Ввиду этого я считал бы весьма желательным послать для этой цели изучения и сборов этнографических коллекций среди бурят Курумчинской степи студента-натуралиста г. Подгорбунского» [22].

Такое активное вовлечение студентов в исследовательский процесс и ассигнование довольно существенных сумм на их исследования находило сопротивление у некоторых членов Общества. Так, при обсуждении указанных экскурсий действительный член Общества М.Э. Ноинский заметил, что «по давно уже установившемуся обычаю Общество всегда избегало делать крупные (больше 100 р.) ассигнования начинающим, еще не зарекомендовавшим себя исследователям. Заявления Б.Ф. Адлера об ассигновании студентам Новицкому – 300 руб., и Подгорбунскому – 200 руб. идут в разрез этому установившемуся в Обществе порядку, и ассигнование таких относительно крупных сумм начинающим экскурсантам может создать нежелательный прецедент». На что Бруно Фридрихович ответил, что Новицкий уже имеющий положительный опыт исследователь «с успехом выполнивший данное ему в прошлом году поручение Staat Museum fur Volkerkunde в Гамбурге». Что же касается В.И. Подгорбунского, то Б.Ф. Адлер подчеркивал, что «он действительно еще молодой исследователь, но экскурсия его чрезвычайно желательна и при меньшем ассигновании трудно выполнима. Кроме того, г. Подгорбунский уже доставил географическому кабинету небольшую археологическую коллекцию из Сибири в качестве экскурсанта Общества изучения Сибири; вообще же нельзя приравнивать всех начинающих, так как работы ботаника, зоолога и т.д., стоят дешевле, а работа археолога и особенно этнографа несравненно дороже, так как и раскопки и покупки предметов сопряжены с большими издержками» [23].

По результатам голосования членов Совета Общества естествоиспытателей при Казанском университете всем экскурсантам выделили запрашиваемую Б.Ф. Адлером сумму, и заявленные исследователи с успехом совершили запланированные поездки. В.М. Новицкий в своем отчете о результатах экспедиции отмечал, что «... самоеды численно уменьшаются; особенно опустошительно действуют эпидемические заболевания, как, например, оспа. Кроме того, сильная метисация с зырянами и русскими у архангельских самоедов, и менее энергичная с обскими остяками у обдорских самоедов ведет к исчезновению чистого самоедского типа. Не смотря на все это, самоеды в соматическом отношении изучены слабо» [24]. Во время экспедиции Василий Михайлович исследовал в «антропологическом отношении» по составленной на кафедре географии и этнологии программе 67 человек (57 мужчин в возрасте от 20 до 55 лет, 4 подростка от 9 до 20 лет и 6 женщин) и собрал коллекцию самоедских черепов (17 шт.). Также В.М. Новицкий собрал для Этнографического музея Казанского университета во время данной экспедиции 132 предмета, характеризующих материальную и духовную культуру самоедов [25].

Во время экспедиции В.И. Подгорбунским было собрано «16 бурятских черепов, сделано 36 измерений живых, записаны легенды бурят, собрана коллекция бурятских онгонов и раскопано несколько древних стоянок человека» [26]. К сожалению, более подробных сведений о результатах командировки Василия Иннокентьевича нет, хотя известно, что на заседании Кружка любителей природы он зачитал доклад «Материалы по шаманству у бурят». Ни отчет В.М. Новицкого, ни отчет В.И. Подгорбунского не был опубликован, хотя в то время в «Известиях Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете» публиковались краткие отчеты о поездках, а в отдельных отгисках к изданию и сами результаты экспедиций. Но о результатах

экспедиции В.М. Новицкого нам удалось собрать довольно большой материал. Это обусловливается тем, что его рукописный предварительный отчет сохранился в Национальном архиве Республики Татарстан, имеются музейные описи его коллекций в Этнографическом музее, а также в Протоколах заседания Общества естествоиспытателей за 1915 г. есть сведения о том, что В.М. Новицкий выступил с докладом о своей экспедиции.

В дальнейшем, на протяжении 1915–1918 гг. студенты и сотрудники кафедры географии и этнографии также совершали научные экспедиции на средства Общества естествоиспытателей Казанского университета, но данные экспедиции не ставили целью сбор именно этнографического материала. Но все ученики Б.Ф. Адлера, совершая экспедиции, стремились не только выполнить цель экспедиции, но и собрать дополнительный вещественный материал, который передавали в Этнографический музей. Так, в 1916 г. студенты Н.И. Воробьев и Е.А. Голомшток были направлены в экспедицию в Уссурийский край для зоологических исследований, при этом они собрали для музея коллекцию по гольдам Уссурийского края, состоящую из 111 предметов [27].

Заключение

Общество естествоиспытателей при Казанском университете сыграло заметную роль не только в геологических, зоологических и ботанических исследованиях различных территорий России, а также в развитии этнографических знаний и формировании фондов материальной базы этнографии как науки в Казанском университете. По инициативе Общества естествоиспытателей, на небольшие средства выделяемые государством и на свои собственные денежные средства общества, организовывались экспедиции по изучению природы России, включая самые отдаленные и неизведанные территории, подготавливались и издавались научные труды, которые по сей день остаются ценным и важным источником для ряда естественных и гуманитарных наук. Деятельность членов Общества естествоиспытателей способствовала росту и плодотворным результатам развития этнографии как науки и системы высшего профессионального образования в Поволжье. Большую роль в развитии этнографических исследований общества сыграл Бруно Фридрихович Адлер. По его инициативе и при его непосредственном участии подготавливались и организовывались экспедиции студентов в Сибирь с целью этнографических изысканий. С.А. Теплоухов, В.М. Новицкий и В.И. Подгорбунский – ученики Б.Ф. Адлера, получившие прекрасное комплексное образование, имеющие практические навыки и колоссальный опыт полевых исследований внесли весомый вклад в развитие этнографии в Казанском университете и накоплению великолепного собрания Этнографического музея Казанского университета. Долгое время эти имена и их роль в деятельности как исследователей-этнографов в Казанском университете оставались забытыми и не исследованными.

Время, когда кафедру географии и этнографии возглавлял Б.Ф. Адлер, представляло наиболее яркую страницу этнографического образования в Казанском университете. Он стоял у истоков специального этнографического образования в нашей стране; возглавлял первое в стране этнографическое отделение Северо-Восточного института и очень много сделал для организации учебного процесса и подготовки высококвалифицированных специалистов этнографов.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX–XX вв.», проект № 14-11-16006.

Примечания:

1. Мубаракшина А.Г. Деятельность общественных организаций Казанской губернии в хозяйственно-экономической и социально-культурной сфере (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2010. С. 4.
2. 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Этнографическое исследование: сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. Ч. III. 172 с.
3. Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. 484 с.
4. Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете в первое десятилетие (1869-1879) его существования. Казань: Тип. Императорского университета, 1879. С.4.
5. Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии, их антропологический характер поздние браки и их влияние на крепость сложения народа Национальные особенности череп. Казань: Унив. 1978. 32 с.
6. Чугунов С.М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. Казань: Типография Императорского университета, 1882. 36 с.
7. Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии. Казань: Литотип. К. А. Тилли, 1873. 48 с.

8. Хомяков М.М. Антропология в Казани за 43 года. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1914. С.9.
9. Хомяков М.М. Антропология в Казани за 43 года. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1914. С.9-10.
10. Токарев С.А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 399.
11. Адлер Б.Ф. География в Казанском университете за 25 лет. Казань : Типо-литогр. Императорского университета, 1914. С.5.
12. Гущина Е.Г. «Познай самого себя»: кафедра географии и этнографии Казанского императорского университета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №11 (49). Ч. II. С.72-74.
13. Адлер Б.Ф. География в Казанском университете за 25 лет. Казань: Типо-литогр. Императорского университета, 1914. С. 3-4
14. Адлер Б.Ф. География в Казанском университете за 25 лет. Казань: Типо-литогр. Императорского университета, 1914. С. 5.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Фонд 39. Опись 1. Дело 79. Лист 66.
16. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 79. Лист 66.
17. НАРТ. Фонд 977. Опись Личные дела. Дело 38700. Лист 4.
18. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 79. Лист 68.
19. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 81. Лист 11.
20. Архивный фонд Этнографического музея Казанского университета (АФЭМУ). Фонд Народы Сибири и Дальнего Востока. Опись 172. Дело 1. Лист 1.
21. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 81. Лист 8.
22. НАРТ. Фонд 39. Опись.1. Дело 81. Лист 9.
23. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 81. Лист 23.
24. НАРТ. Фонд 39. Опись 1. Дело 83. Лист 1.
25. АФЭМУ. Фонд Народы Сибири и Дальнего Востока. Опись 108. Дело 1. Лист 1.
26. Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете в 1914-1915 году // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 1914-1915. Сорок шестой год. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1915. С.3.
27. АФЭМУ. Фонд Народы Сибири и Дальнего Востока. Опись 150. Дело 1. Лист 1.

References:

1. Mubarakshina A. G. Activity of public organizations of the Kazan province in the economic and social sphere. Kazan, 2010. P.4.
2. 125 years to Society of archeology, history and ethnography at the Kazan University. Problems of historical and cultural development of the Volga-Ural region. Ethnographic research: the collection of the scientific reports and messages devoted to the 200 anniversary of the Kazan University. Kazan: Publishing house Kazan. AC, 2004. T. III. 172 p.
3. Materials of the local history readings devoted to the 135 anniversary of Society of scientists at KGU, to the 110 anniversary since the birth of M. G. Khudyakov. Kazan: RITs "School", 2004. 484 p.
4. The report on activity of Society of scientists at Imperial Kazan University in the first decade (1869-1879) of its existence. Kazan: Printing house of Imperial university, 1879. P. 4.
5. Maliyev N.M. General information about a mordva of the Samara province, their anthropological character late marriages and their influence on the fortress of addition of the people National features a skull. Kazan: Printing house of Imperial university, 1978. 32 p.
6. Chugunov S.M. Results of anthropological excursion to a mordva of the Simbirsk province in 1880 Kazan: Printing house of Imperial University, 1882. 36 p.
7. Ostrovsky D.N. Votyaki of the Kazan province. Kazan: Lithotype. K. A. Tillie, 1873. 48 p.
8. Homjakov M.M. Anthropology in Kazan for 43 years. Kazan: Printing house of Imperial university, 1914. P. 9.
9. Homjakov M.M. Anthropology in Kazan for 43 years. Kazan: Printing house of Imperial university, 1914. P. 9-10.
10. Tokarev S.A. History of the Russian ethnography. M.: Institute of the Russian civilization, 2015. P. 399.
11. Adler B.F. Geography at the Kazan University in 25 years. Kazan: Printing house of Imperial university, 1914. P. 5.
12. Guschina E.G. "Learn yourself": department of geography and ethnography of the Kazan Imperial University // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice. 2014. No. 11 (49). Ch. II. P. 72-74.
13. Adler B.F. Geography at the Kazan University in 25 years. Kazan: Printing house of Imperial University, 1914. P. 3-4

14. Adler B.F. Geography at the Kazan University in 25 years. Kazan: Printing house of Imperial University, 1914. P. 5.
15. National Archive of the Republic of Tatarstan (NART). F. 39. Inv. 1. D.79. P. 66.
16. NART. F. 39. Inv. 1. D. 79. P. 66.
17. NART. F. 977. Inv. Personal records. D. 38700. P. 4.
18. NART. F. 39. Inv. 1. D. 79. P. 68.
19. NART. F. 39. Inv. 1. D. 81. P.11.
20. Archival fund of the Ethnographic museum of the Kazan University (AFEMU). F. People of Siberia and the Far East. Inv. 172. D.1. P.1.
21. NART. F.39. Inv. 1. D. 81. P.8.
22. NART. F.39. Inv.1. D. 81. P.9.
23. NART. F.39. Inv. 1. D. 81. P.23.
24. NART. F.39. Inv. 1. D. 83. P.1.
25. AFEMU. F.People of Siberia and the Far East. Inv. 108. D. 1. Sheet 1.
26. The report on activity of Society of scientists at Imperial Kazan university in a 1914-1915 // Protocols of meetings of Society of scientists at Imperial Kazan university 1914-1915. Kazan: Printing house of Imperial University, 1915. P.3.
27. AFEMU. F. People of Siberia and the Far East. Inv. 150. D. 1. P.1.

УДК 930

«К исследованию в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири»: роль Общества естествоиспытателей при Казанском университете в развитии этнографии в первой четверти XX в.

¹ Татьяна Алексеевна Титова

² Вадим Евгеньевич Козлов

³ Елена Геннадьевна Гущина

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: egguschina@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивного материала раскрывается роль Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете в развитии этнографии как науки и учебной дисциплины. Следует отметить, что Общество естествоиспытателей было основано в 1969г. как общественная организация специалистов-натуралистов разного профиля. Но именно этнографические исследования в обществе начали развиваться только в первой четверти XX в. В статье описаны основные направления деятельности Общества естествоиспытателей и особое внимание уделяется развитию антропологии, географии и этнографии. Большое внимание уделено деятельности профессора Бруно Фридриховича Адлера по организации научной и учебной работы в обществе и его роли в развитии этнографии как науки в Казанском университете. В статье особое место отводится трем экспедициям студентов-натуралистов, специализирующихся по кафедре географии и этнографии физико-математического отделения Императорского Казанского университета, которые под руководством Б.Ф. Адлера на средства Общества естествоиспытателей были посланы в полевые «экскурсии». Рассматриваемые в статье экспедиции совершались в 1913-1915 гг. в Сибирь для сбора этнографических и антропологических сведений, а также коллекций для Этнографического музея университета. Отмечены основные проблемы при подготовке и проведении данных экспедиций, ход и результат совершенных поездок. С.А. Теплоухов, В.М. Новицкий и В.И. Подгорбунский под руководством Б.Ф. Адлера учились, постигали азы научных исследований, совершали экспедиции и нарабатывали основу дальнейшей карьеры, что позволило им стать талантливыми учеными, внесшими весомый вклад в развитие этнологии, археологии, антропологии и истории в XX в.

Ключевые слова: этнография, история науки, экспедиции, экскурсии, образование, научные общества, этнографические коллекции.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 697-707, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Power and Society: the Activities of the Novorossiysk Detective Department in 1912 year

¹Anvar M. Mamadaliev

²Svetlana V. Shevelyova

³Margarita N. Urda

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory for World Civilizations
E-mail: anvarm@mail.ru

²Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October street, 94, Kursk, Kursk region, 305040
PhD (legal), Associate Professor
E-mail: ssh46@rambler.ru

³Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October street, 94, Kursk, Kursk region, 305040
PhD (legal), Associate Professor
E-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the relationships between power structures in the face of law enforcement and society in the Black Sea province in 1912 year, through the analysis of the activities of the Novorossiysk detective department. The article studies the reports, regulations, and other documents of Novorossiysk police detective branch, on the basis of which the author talks about the General atmosphere of relationships between the authorities and society in the period. Most of used sources are published for the first time. The author comes to the conclusion that the organization of detective business in Novorossiysk was carefully planned and prepared, and rather quickly embodied in practice. Even after the recent revolutionary events (1905-1907 years) there is no written evidence that the society in 1912 was perceived by the employees of law enforcement negatively. However, the authorities are rightly feared of the iterance of public outbursts that are clearly expressed in the historical sources.

Keywords: the Black Sea province, the activities of the criminal investigation department in the pre-revolutionary period, 1912 year, Novorossiysk detective department, the relationship between the authorities and society.

Введение

Черноморская губерния была наименьшей в дореволюционной России как по площади (7346 кв. км (6455 кв. верст), так и по числу жителей (57478 чел. по переписи на 1 января 1897 г.) [1]. Административный центр располагался в г. Новороссийске, и первоначально губерния включала три округа: Новороссийский, Туапсинский, Сочинский. Население губернии, по мнению энциклопедистов-современников, «носит очень неопределенный и неустойчивый характер. Тип хозяйства еще не выработался; население, в огромном большинстве, ведет полуседлую, полубродячую жизнь; особенно это заметно в округах позднейшего заселения – Туапсинском и Сочинском. Значительная часть населения живет случайной работой изо дня в день и представляет беспокойный элемент, среди которого нередко попадаются и профессиональные преступники... Из общего числа жителей в настоящее время местных уроженцев очень немного...» [2]. Население делилось на более чем 45 народностей, большинство из которых составляли русские, но такого подавляющего их числа, как в других регионах России, здесь не было.

Что касается сыскного дела, то в России было организовано на государственном уровне в начале XX века. Закон об организации сыскной части в Российской империи был одобрен Государственным Советом и Государственной Думой и утвержден 6 июля 1908 г. императором Николаем II. Черноморский губернатор, в свою очередь, направил на имя городского Головы распоряжение, где сообщалось о необходимости учреждения в городе сыскного отделения и указывался его штат. Отделение было отнесено к 3-ему разряду и организовывалось при городском полицейском управлении.

В данной статье, на основе анализа архивных источников, попробуем исследовать некоторые характерные особенности деятельности сыскного отделения в административной столице Черноморской губернии – г. Новороссийске, что поможет, на наш взгляд, лучше понять сущность взаимоотношений властных структур и широкой общественности.

В современной историко-правовой науке исследованию общеуголовной полиции дореволюционного периода уделяется все больше внимания. Однако региональная специфика прослеживается далеко не всегда: до сих пор нет фундаментальных исследований, касающихся деятельности уголовного розыска на Черноморской губернии, что создает благоприятную почву для разработки данной проблемы. Также отсутствуют какие-либо исследования, анализирующие взаимосвязь влияния деятельности органов внутренних дел на взаимоотношение власти и общества в "межреволюционный" период (1907-1916 гг.). Нельзя не отметить и того факта, что масштаб революционных проявлений и их негативные последствия всецело зависели от действий местной администрации: несмотря на значительное количество полицейских сил, в некоторых округах мятежниками был причинен значительный урон. В частности, наиболее ярким примером бездарного руководства стали действия (точнее – бездействия) администрации г. Сочи; подобная позиция, в конечном счете, привела к дискредитации власти и созданию благоприятной почвы для зарождения оппозиционных настроений [3]. Вышесказанное определяет актуальность темы нашего исследования.

Материалы и методы

Основным источником в нашей работе стали документы архивного отдела администрации города Новороссийск (Фонд № 45 "Новороссийское сыскное отделение" 1911–1916 гг.), значительная часть из которых вводится в научный оборот впервые. Помимо этого в работе были использованы монографии и материалы периодической печати.

При написании статьи применялись такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с другими событиями и фактами. Особенно этот метод отражен при сопоставлении деятельности сыскного отделения и атмосферы взаимоотношений органов власти и широкой общественности.

Обсуждение

В советской и постсоветской юридической и исторической науках сыскному делу в дореволюционной России, в том числе и в Черноморской губернии, посвящен целый пласт обобщающих фундаментальных трудов, таких авторов как Д.И. Шинджикашвили [4], К.Г. Федоров, А.Н. Ярмыш [5], В. Полубинский [6], Т.И. Желудкова [7], В.А. Шелкопляс [8], Е.В. Анисимов [9], З.И. Перегудова [10], Б.Д. Герасименко [11] и другие, более поздние исследования. Огромный вклад в разработку проблемы внесли Р.С. Мулукаев [12-14], М.И. Сижков, А.В. Борисов, А.Е. Скрипилев [15-16], Ф.М. Лурье [17-18]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование, выполненное коллективом кубанских ученых под руководством В.Н. Ратушняка – «Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.)» [19]. В ней впервые в отечественной науке показываются зарождение и развитие органов внутренних дел на Кубани – в одном из наиболее своеобразных регионов России. Деятельность подразделений МВД (уголовной, политической, железнодорожной и торговой полиции, а также пожарной охраны и пенитенциарной системы) раскрывается на обширном архивном материале.

Проблемой революционного движения и исследованием других социальных процессов на Черноморье в начале XX века занимались такие историки, как Н.Л. Янчевский [20-21], П.В. Семерин [22-23], В.А. Скибицкий [24-25], А.О. Тулумджян [26], Л.А. Карапетян [27], А.А. Черкасов [28-29], И.А. Тверитинов [30], К.В. Таран [31-34], Л.Г. Полякова [35] и др.

Вместе с тем, как уже было сказано выше, деятельность органов внутренних дел не рассматривалась другими исследователями через призму взаимоотношений власти и широкой общественности, что, на наш взгляд, представляется весьма важным, так как корни многих революционно-бунтовщических тенденций зачастую лежат именно в данной плоскости.

Результаты

Как известно, сыскным делом занимались две структурные единицы МВД – общая (уголовная) и жандармская (политическая) полиции; отличительной особенностью этих структур (в особенности жандармерии) было то, что кандидатуры сотрудников подвергались тщательнейшей проверке. К примеру, даже выдержав предварительные экзамены при штабе корпуса в Петербурге, офицер не

направлялся на жандармские курсы: он должен был вернуться в свою воинскую часть и ожидать вызова, иногда до двух лет. А в это время местная жандармерия собирала о кандидате наиподробнее сведения. Политическая благонадежность и денежное состояние подвергались наибольшей проверке. В корпус не зачислялись офицеры, зависящие от кого-либо в материальном отношении.

В своих рапортах на имя новороссийского полицмейстера начальник розыска подробно описывал происхождение каждого нового сотрудника, даже нештатного. Одним из первых критериев было происхождение чиновника и размер получаемого жалования; это позволяет понять те акценты, которые расставляла правоохранительная власть в отношении своих сотрудников. Очевидно, полицмейстер г. Новороссийск мог делать соответствующие корректировки и замечания относительно каждого сотрудника, благо розыскной контингент был немногочисленным. Считаем уместным привести пример одного из рапортов начальника новороссийского сыскного отделения Богуславского, служившего в нем до марта 1912 г., на имя полицмейстера города (датирован 3 февраля 1912 г.; пунктуация документа сохранена): "Довожу Вашему Высокоблагородию, что при сыскном отделении, кроме штатных служащих, состоят на службе следующие лица: 1-й. Потомственный дворянин – отставной канцелярский служитель, Иван Данилович Коломиец 28 лет с 23 января сего года служит письмоводителем при канцелярии сыскного отделения на жаловании 25/2 в месяц, служивший 4 года в Екатеринодарском Окружном Суде и последнее время в Бакинском Окружном Суде, заведующий отдельным столом, куда мной о его службе и поведении послан запрос. 2. Городовой Уфимского сыскного отделения Зотов с 1 января с.г. на жаловании 30 р. в месяц, занимающийся уходом и дрессировкой собак при сыскном отделении. 3. Николай Щербина с 29 декабря 1911 года на жаловании 25 р. в месяц, по собиранию агентурных сведений по делу уголовного сыска и 4, жена городского сыскного отделения Симоненко, Анастасия Симоненко с 1 сего февраля на жаловании 8 р. в месяц для уборки помещения, топки печей и обыска арестованных женщин. За исключением Щербины, который живет на частной квартире, все поименованные лица живут и ночуют в казарме и на кухне при сыскном отделении" [36].

Таким образом, мы делаем вполне логичный вывод – власть пыталась опираться на наиболее достойных и преданных своему делу кадров, и качество отбора этих кадров был весьма достойным.

Как известно, каждый отдел и уголовной, и политической полиции в обязательном порядке вел отчетную документацию о своей деятельности. Количество и характер противоправных деяний, а также процент их раскрываемости косвенно позволяет судить о степени социальной напряженности. Этот критерий представляется необходимым для полноценного исследования взаимоотношений властных структур и широкой общественности. Применительно к Черноморской губернии в качестве иллюстрации можно привести ведомости о деятельности Новороссийского сыскного отделения начала 1912 года. Отметим, что ведомости сыскных отделов подразумевали обширную таблицу. Содержание столбцов включало: 1) классификацию видов преступлений ("Преступления, на предупреждение, пресечение и расследование которых обращалось особое внимание циркулярными распоряжениями Министерства (*внутренних дел – прим. авт.*) или местного Начальства"); 2) количество поданных заявлений в отдел по данным преступлениям за месяц ("Общее число заявлений или сообщений"); 3) количество раскрытых особо важных преступлений ("Из них раскрыто"); 4) другие, менее "важные" преступления, на которых вышеназванные циркуляры упор не делали ("Прочие преступления") [37].

Здесь целесообразно указать, что не только отчеты, но и вся служебная документация, такая как рапорта, заявления, письма и т.п. выполнялась исключительно на "фирменных" бланках Новороссийского сыскного отделения – печать (оттиск) с реквизитами службы ставилась в верхнем левом углу листа и имела следующее содержание: "М.В.Д. Новороссийское сыскное отделение. № _____ (место для даты), Гор. Новороссийск, Черноморск. губ".

Говоря об "особых" преступлениях, следует отметить, что их состав данных правонарушений периодически изменялся в зависимости от экономической и внутривластной конъюнктуры. Это также характеризует степень и показывает гибкость властного отношения к обществу. Применительно к началу 1912 года (весьма спокойный период, в сравнении с первым десятилетием XX века и второй половины 2-го десятилетия) циркулярами обращалось особое внимание на следующие преступления (содержатся в строках указанной ведомости): 1) "разбойные нападения на почту, казначейства, банки, казенные винные лавки, "экспроприации" частных лиц"; 2) "поджоги и грабежи церквей, монастырей, имений и хуторов"; 3) "подделки": а) (синтактика оригинала сохранена) "металлических и бумажных денег, купонов и % бумаг, марок, гербовых и вексельных бланков", б) "аттестатов, документов о личности и т.п."; 4) "о преступных организациях, содействующих уклонению от воинской повинности"; 5) "коно- и скотокрадство"; 6) "торговля живым товаром"; 7) "железнодорожные кражи (грузов, багажа и железнодорожного имущества)"; 8) "похищение оружия и казенного имущества военного и морского ведомств" [38].

К разряду "прочих преступлений" в ведомости относились следующие: 1) кражи: а) "простых до 300 р.", б) "простых свыше 300 р.", в) "со взломом"; 2) "убийства": а) "убийства", б) "покушения на убийства"; 3) "грабежи": а) "вооруженные", б) "простые"; 4) "мошенничества, подлоги и вымогательства; 5) "поджоги"; 6) "растраты"; 7) "другие преступления" (отметим, что данная

категория преступлений самая многочисленная; источник не уточняет их классификацию, но по отдельным выдержкам из рапортов сотрудников полиции можно сделать вывод, что это в основном контрабанда, преступления против здоровья (причинение вреда здоровью, в том числе и при хулиганских действиях), половой неприкосновенности, чести и достоинства личности).

В ведомости не фигурируют политические преступления, которыми всецело занималось другое подразделение – политическая полиция (жандармерия).

На заполнение ведомости в целом тратилось около 3-х дней: датой выполнения данного отчета начальником отделения Богуславским значится 4-е число следующего месяца.

Оборотная сторона ведомости содержит столбцы, фиксирующие пол правонарушителя, а также "случаи розысков и задержания особенно опасных или выдающихся преступников" с подграфами: а) "кто и по какому делу задержан?" и б) "кем розыскан и задержан?". Строки данного листа закрепляют (сохранена пунктуация оригинала) "общее число лиц подвергнутых личному задержанию по постановлению сыскного отделения", "общее число зарегистрированных преступников", "количество снятых фотографий", "сколько обнаружено рецидивистов", "случаи установки личности скрывающих свое звание (бродяг и "нелегальных)". Отдельными строками фиксируются "случаи удачного применения к розыску преступников дактилоскопических оттисков, равно исследования следов и других усовершенствованных приемов", а также "производство розысков по делам вне места нахождения сыскного отделения". Отдельной строкой предусматривается экономическая отчетность по деятельности сыскного отделения за текущий месяц: "за отчетный период произведено расходов из сыскных сумм" ("руб./коп."), "общее число заявлений и дел по розыскам и расследованию преступлений, принятых к производству", "число неоконченных дознаний", "обнаруженная сумма из похищенных денег или имущества" ("руб./коп.") [39].

И, наконец, последняя таблица ведомости озаглавлена как "Краткий перечень раскрытых особо выдающихся преступлений", столбцы которой предусматривают: 1) фиксацию даты начала розыска; 2) краткий перечень оперативно-следственных действий ("в чем заключались розыски или дознания"); 3) дату окончания розыска и передачи дела по подсудности; 4) ФИО должностного лица, проводившего розыск и дознание [40]. Ведомость, освещающая период с 1 января по 1 февраля 1912 г., содержит в данной таблице запись о раскрытии такого преступления: указаны пять преступников, задержанных за кражу со взломом. Лицом, проводившем розыск и задержание значится нач. отделения Богуславский (видимо, речь идет об организации и, возможно, непосредственном участии при задержании). За отчетный период потрачено 100 руб. казенных денег, рассмотрено и принято к производству 24 заявления, 286 руб. из ранее похищенных денег обнаружено [41].

Аналогичная ведомость за период с 1 февраля по 1 марта 1912 г. содержит записи также о семи "особо опасных" преступниках, но среди которых, два вора-рецидивиста и четыре правонарушителя, действовавших по "подложному паспорту". Лицом, проводившем розыск и задержание, значится и.д. нач. отделения Черныш, сменивший Богуславского. За отчетный период потрачено 150 руб. казенных денег, рассмотрено и принято к производству 23 заявления, 208 руб. из ранее похищенных денег обнаружено [42].

Согласно ведомостям большую часть задержанных лиц составляют мужчины – 97 %; процент мужчин среди выявленных преступников также подавляющий – 87,5 % [43].

Общее же количество задержанных в январе-феврале 1912 г. – 32; выявленных преступников – 24; количество обнаруженных рецидивистов – 6; случаев установления личности – 5; количество отснятых фотографий – 27 [44].

Статистические данные ведомости позволяют понять некоторые важные моменты, имеющие значение для изучения атмосферы взаимодействия властей и широкой общественности, а именно – уровень раскрываемости, количество, "качество" и виды совершенных преступлений.

В январе 1912 г. согласно ведомости было совершено 24 преступления (21 из раскрыто), из которых предусмотренных циркулярами как "особо важное" только одно – "коно и скотокрадство" (раскрыто). Среди прочих: краж до 300 р. – 8 (раскрыто 6), со взломом – 2 (обе раскрыты), убийств – 1 (нераскрыто), растраты – 1 (раскрыто), "другие преступления" – 11 (все раскрыты).

К слову сказать, уровень раскрываемости в 87,5% следует признать исключительно высоким. Например, в современной России он составляет в среднем около 55 %. За рубежом (в развитых странах) процент раскрываемости ниже – в среднем около 50 %; правда и количество невиновно осужденных меньше в десятки раз... И уж совсем неправдоподобной представляется советская милицмейская статистика, где процент раскрываемости смело переваливает за 80; в таких условиях даже слово "очковтирательство" начинает приобретать буквальный смысл... [45-47].

Как видим, местная власть особо выделяла экономические преступления, подделку документов, мошенничество, хищения и т.п., при этом к "прочим" относя даже такие особо тяжкие (по современной терминологии) преступления как убийства. Надо полагать, что простые убийства (вновь выражаясь терминологией современного уголовного права) были весьма редким (скорее даже исключительным) явлениям, в то время как убийства, совершенные при хищениях (например, при разбое), случались гораздо чаще.

Между тем, в январе-феврале 1912 г. "особых" преступлений было "значительное меньшинство" – либо устарели циркуляры, либо поменялась социальная ситуация; возможность того, что конокрадство и другие иже с ним "особо" выделенные правонарушения представлялись властью более опасными для режима нежели "прочие" преступления, к каковым отнесено и убийство, нами не рассматривалась... Видимо, местной администрацией в значительной (правильно было бы сказать – излишней) степени учитывался "кавказский" элемент со свойственной применительно к кавказским территориям "хищенческой традицией"; косвенно это может подтверждать очень высокий процент пойманных рецидивистов, своего рода "профессиональных" преступников, действовавших в регионе. Как бы ни было, но статистика 1912 года, похоже, упорно опровергает актуальность предлагаемых властью циркуляров. Вместе с тем, нельзя не отметить качественной работы сотрудников отделения (особенно с учетом их малочисленности) – от количества обезвреженных правонарушителей до количества и степени тяжести раскрытых преступлений. Можно сказать, что усилия власти по подбору кадров и их материальному обеспечению всецело оправдываются; общество также только выигрывает от такого положения дел, ибо органы обеспечивают так нужное людям (особенно после недавних революционных потрясений!) спокойствие.

Отметим, что даже в условиях жесткой малочисленности полицейского контингента, по новым лицам, приехавшим в г. Новороссийск, инкогнито наводились справки с прежнего места проживания. Подтверждением могут служить письма временно исполняющего обязанности начальника Новороссийского сыскного отделения Михаила Черныша. В качестве примера приведем содержание одного из них (датирован 30 мая 1912 г.; пунктуация источника сохранена): "Секретно. Г. Начальнику Керченского Сыскного Отделения. Прилагая при сем фотографическую карточку мещанина г. Керчи, Ефима Константиновича Михилевича 25 лет, прошу Ваше Высокоблагородие о наведении справок негласным путем и сообщений мне подробных сведений о личности и судимости Михилевича. То ли лицо Михилевич, за которое себя выдает и какое он в числе мещан г. Керчи занимает положение. Родные Михилевича проживают по Садовой улице. Вр. и.д. Начальника Отделения М.Черныш." [48] Можно предположить, что правоохранительные органы весьма беспокойной в свое время Черноморской губернии к новым молодым переселенцам мужского пола априори относились как к "возможно неблагонадежным"; "зубатовские" [49] технологии сбора информации работали в полную силу. Очевидно, сказывались как недавние революционные события, так и усиление охранительных тенденций правящего режима. К тому же, многие разночинцы вполне могли рассматриваться властью (а именно – полицией) как возможные агенты. Причем, в случае с Михилевичем именно так и произошло, так как встречаем другой документ, датированный пятью месяцами позже (24 ноября 1912 г.; пунктуация оригинала сохранена): "Всем должностным лицам Российской империи. Предъявитель сего есть действительно агент Новороссийского сыскного отделения Ефим Михилевич, 25 лет, командированный по делам службы, в селение Армавир и прочие станицы Кубанской области которому и прошу оказывать полное законное содействие, при исполнении Михилевичем долго службы, в том подписью и приложением казенной печати свидетельствую. – Начальник сыскного отделения, титулярный советник (*подпись*). (Далее от руки подпись самого агента). Удостоверение получил. Михилевич" [50]. Как видим, "новый житель" Новороссийска, после получения в начале июня 1912 г. положительной характеристики от керченской полиции, менее чем через полгода был завербован новороссийским сыскным отделением для работы на территории всей Кубани.

Любопытен еще один не первостепенной важности документ, который, впрочем, косвенно поможет судить об уровне ответственности в различных властных структурах – докладная записка о ходатайствовании изменения гражданского состояния служащего (орфография и пунктуация оригинала сохранена): "Его Высокоблагородию, Господину Начальнику Новороссийского Сыскного Отделения... Докладная записка. 23-го Декабря 1911 года, моя законная жена Анна Ивановна Евланова скончалась в Сухумской Городской Больнице от воспаления брюшины, а 26-го того же месяца была погребена причтом Сухумского Кафедрального собора на Сухумском православно кладбище. Ввиду того что смерть жены была для меня ударом, что я даже не взял метрику о смерти и погребении жены, теперь же я послал несколько писем с просьбой к указанному причту о высылке мне таковой метрики но не получаю ни какого ответа между тем я в паспорте значусь женатым вследствие чего может быть для меня не приятный инцидент почему я имею честь покорнейше просить ВАШЕ ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ исходатайствовать от означенного причта метрику о смерти моей жены Анны Евлановой урожденной Покровской. Проситель Александр Евланов (*подпись*). Марта 14 дня 1912 года. г. Новороссийск" [51]. На обратной стороне пометка от руки "В.Срочно" и резюме начотделения: "Препровождая настоящую докладную записку вместе с паспортной книжкой № 47 н. Причту Сухумского Кафедрального Собора, прошу сделать отметку в означенном паспорте о погребении жены просителя Александра Евланова – Анны Евлановой. Исполнением прошу поспешить. Марта 31 дня 1912 года. Вр.и.д. Начальника Новороссийского Сыскного Отделения М.Черныш" [52]. Далее на этом же листе от руки пометка настоятеля Собора: "Настоящая переписка по исполнению препровождается Вр.и.д. Начальника Новороссийского Сыскного Отделения для выдачи паспортной книжки по принадлежности. "5" апреля 1912 г. № 159." Через два дня документ пришел в Новороссийск, где поставлен номер и дата 7 апреля 1912 г. И 9 апреля 1912 г. просителем Евлановым сделана отметка об удовлетворении ходатайства. Какие косвенные сведения мы можем

почерпнуть из этой переписки? Прежде всего, отметим жесткую ответственность сотрудников правоохранительных органов, которые ходатайствуют и докладывают даже об изменившемся семейном положении. Также отметим и наличие той ситуации, которую в современной России называют "телефонным правом": пока не вмешался высокопоставленный чиновник, справку мелкому чиновнику, полагающуюся ему закону, не выдавали продолжительное время. Ну и нельзя не заметить продолжительную волокиту даже в пределах одного ведомства – только через 17 дней после получения прошения о ходатайстве, начотделения написал таковое. Общество, – и чиновники, и широкая общественность, – прекрасно чувствовало (равно как и сегодня) "удельный вес" каждого представителя, что выражалось в соответствующем поведении должностного лица в отношении просителя (например, исполнение в сжатые сроки, положительное решение вопроса и пр.); не будет преувеличением сказать, что имеющийся у гражданина статус в иерархической системе управления государством в дореволюционной России, решающим образом влиял на исход дела. Такая ситуация только обостряла властно-общественные противоречия. Не случайно, что в революционных требованиях/пропаганде лозунг "всеобщее равноправие" был одним из ключевых.

Говоря о дисциплине сотрудников охраны правопорядка, нельзя не привести еще один документ – рапорт начальника сысского отделения от 4 февраля городскому полицмейстеру (пунктуация источника сохранена):

«3 сего февраля вечером для розыска убийц Шабазы Юсуп-оглы на Мефодиевский подселок мною были посланы городской сысского отделения Михаил Ваяно и частный агент Николай Щербина. Утром 4 сего февраля мною дознано, что Ваяно и Щербина, будучи не в трезвом виде, после 12 часов ночи открыли стрельбу на улице близ деревни Мефодиевки и произвели три выстрела, после чего были арестованы стражниками ст. Новороссийск и доставлены к дежурному жандарму на вокзале, где по выяснению их личности были освобождены.

При опросе Ваяно и Щербина доложили мне, что около 1 часу ночи на сие число они проходили по полотну железнодорожной ветки вблизи деревни Мефодиевки, монастырь "Чеховка" и им на встречу попались какие-то молодые парни в числе 5 человек, у некоторых из них в руках были палки и стали кричать Щербине и Ваяно "Стой, руки вверх". После чего Ваяно произвел вверх три выстрела и неизвестные разбежались, а прибывшие на выстрелы стражники их арестовали. По справке дежурного по станции жандарма Маширного стражники, арестовавшие Ваяно и Щербину не видели тех лиц, в которых стрелял Ваяно, хотя к месту выстрелов подоспели сейчас же.

В виду заявления городского Симиненко, что Ваяно и Щербина явились со службы ночью в сысское отделение в пьяном виде и что стрелять они могли также без всякой для этого причины, прошу Вашего Высокоблагородия об увольнении от службы Ваяно и Щербину. Вр.и.д. Начальника Отделения Богуславский» [53].

Источник прекрасно иллюстрирует уровень ответственности и дисциплины – одного правонарушения оказалось достаточно для увольнения сотрудника. Вполне возможно, что "бумеранг прилетел" и самому начальнику отделения, который вынужден был оставить должность менее, чем через месяц, но документального подтверждения этому мы не нашли.

При передаче должности традиционно делался полный список принадлежащего отделению имущества с указанием количества и стоимости каждого из предметов и называвшийся ведомостью. В частности, документ, подписанный 29 февраля 1912 г. сдающим должность Богуславским, и вступающим во временное ее исполнение Чернышем, фиксирует 86 наименований служебных предметов и занимает четыре листа [54].

У начотделения имелся свой счет для разнородного расхода по служебной деятельности. Счет этот утверждал полицмейстер города, а само его оформление следует признать весьма солидным – в него ежемесячно вносились абсолютно все, даже самые незначительные расходы с подробным описанием и подтверждением распиской получателя по каждому из них [55]. Все израсходованные сверх нормы, но по служебной необходимости суммы казной выплачивались при составлении соответствующего рапорта; например: "Господину Новороссийскому Полицейстеру. Рапорт. По делу убийства и покушения на ограбление Геленджикского цементного завода на розыск преступников за чертой города Новороссийска израсходовано мною двадцать восемь рублей 50 коп. Прошу возместить указанную сумму. Вр.и.д. Начальника Отделения М.Черныш" [56].

Власть в лице Черноморского губернатора порой могла делать сверхсрочные и секретные запросы в правоохранительные ведомства для уточнения необходимой информации о сотрудниках (а именно: семейное положение, возраст, классный чин): "Копия секретного экстренного предписания Черноморского губернатора, от 21 июня 1912 года за № 996 Новороссийскому Полицейстеру. Предлагаю Вашему Высокоблагородию экстренно составить и представить мне именные списки лиц, состоящих на службе правительственной или по вольному найму во вверенной Вам полиции, а равно их семейств, по форме (ведомость № 4) приложенной к предписанию от 29 сентября 1909 г. за № 1209, а также согласно указаний, данных в этом предложении" [57].

В результате данного запроса мы имеем сведенный в таблицу и весьма оперативно составленный "Список служащих в Новороссийском сысском агентстве, с перечислением всех членов семьи в отдельности за каждого. Составлен 22 июня 1912 г." Данный список, к слову, всецело подтверждает относительную малочисленность персонала сысского отделения. В соответствующих

столбцах документа указывается класс должности и возраст (причем не только сотрудника, но и членов его семьи); также резервируется место для "примечаний". Какие же сотрудники и штатные должности имелись в отделении уголовного розыска г. Новороссийск? Перечислим (в скобках укажем возраст). "Вр.И.д. Начальника отделения 1. Черныш Михаил Трафимович, класс должности 8 (41), жена Мария (41), дети Лукия (15), Анна (8). НАДЗИРАТЕЛИ: 2. Богуславский Куприян Осипович, класс должности 14 (34), жена Мария (28); 3. Агафонов Петр Михайлович, класс должности 14 (30), жена Зинаида (29), дети Наталия (12); 4. Маркевич Григорий Исидорович, класс должности 14 (40), жена Ксения (40), дети Василий (14), Петр (12), Мария (10), Ольга (5). ПЕРЕВОДЧИК (начиная с этой должности и ниже класс должности отсутствует – прим. авт.; в скобках указан возраст). 5. Рамфопуло Галий Георгиевич (26), жена София (24). ГОРОДОВЫЕ. 6. Симоненко Филипп Ефимович (42), жена Анастасия (43). 7. Ковалев Никита Петрович (36), жена Евдокия (29), сын Василий (4). 8. Надточаев Фома Филиппович (26), холост. 9. Черкасов Константин Васильевич (29), холост. ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ. СПЕЦИАЛЬНО ПО СЫСКУ. 10. Радивиль Константин Саввельевич (26), жена Александра (24). 11. Михилевич Ефим Константинович (25), холост. ПО КАНЦЕЛЯРИИ ОТДЕЛЕНИЯ. Коломиец Иван Данилович (29), женат (жена при нем не живет)" [58].

Как видно из приведенных данных, "единый образ" сотрудника "черноморского угрозыска" определить сложно. Вместе с тем можно выделить некоторые общие черты так называемого портрета, а также его потенциальные позитивные и негативные черты с точки зрения возможностей оптимизации общественно-властных отношений. Начальнику отделения 41 год, средний возраст 35 лет, городских – 33 года, вольнонаемных – 25 лет, всего по отделению средний возраст составлял 33 года, 3/4 из которых женаты, многие имеют детей; т.е. все работники отделения были молодого и среднего возраста, получали неплохую зарплату, большинство из них семейные, с детьми, штат за неполные четыре года возрос на треть. Детей семьи заводили либо слишком рано (мужчины с 18 лет), либо поздно по тогдашним меркам (после 28-30); многодетных семей у работников сыска было очень мало (из 12 только одна). Семейственность, безусловно, положительно влияла на восприятие обществом сотрудника сыска. Традиционно указывается класс должности, т.е. статус в социальной иерархии. Национальный состав также подбирался, видимо, не случайно: большинство служащих составляли русские (хотя ни в одной графе про национальность не сказано ни слова!); прочие национальности (на примере Новороссийского отделения – украинцы, евреи, грек) составляли меньшинство. Как влияла национальная особенность органов внутренних дел на взаимоотношение власти и общества сказать сложно; предполагаем, что положительно, так как приоритет родственных связей при трудоустройстве, равно как и последующее сокрытие правонарушения, совершенного родственником на службе, в расчет не брался.

Выводы

Завершая отметим, что правоохранительные органы являются тем острием копья, которое оказывается на первой линии соприкосновения интересов властных структур и общества. Это справедливо не только для "неспокойных" времен в государстве, когда имеет место открытое противостояние правоохранителей, олицетворяющих власть, с представителями других социальных групп, но и в "мирное" время, так как основная задача сотрудников внутренних органов - пресекать правонарушения в обществе. И насколько безупречен в целом портрет данного сотрудника, настолько обществом ассоциируется "положительность" власти; в сущности, рядовой член общества ставит простой вопрос – "враг" ему полицеймейстер или "друг". Чем ближе к первому, тем больше нервозность (точнее даже сказать – взрывоопасность) в обществе и уровень недоверия к власти; вполне закономерно, что выше и уровень преступности, что в полной мере подтверждают современные диктаторские режимы. И наоборот – если служащий правопорядка ассоциируется позитивно, это снимает многие напряжения в обществе, так как прощаются эпизодические допущенные ошибки со стороны работников органов внутренних дел и причиной этих ошибок общество считает непрофессионализм, а не целенаправленный противозаконный умысел (например, в виде коррупции).

Исследование архивных документов, касающихся организации сыска в г. Новороссийске в дореволюционный период, позволяет сделать выводы о том, что данная деятельность была тщательно спланирована и подготовлена, а также достаточно оперативно воплощена в практику. Даже после недавних революционных событий (1905–1907 гг.) нет письменных свидетельств о том, что общество в 1912 г. воспринимало сотрудников охраны правопорядка негативно. Вместе с тем, власть вполне обоснованно опасалась повторения общественных всплесков, что вполне отчетливо выражается в исторических источниках.

Примечания:

1. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. – Новороссийск, 1907. С. 233.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Указ. соч. // <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
3. Taran, K.V. The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 2014.

4. Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск. 1973.
5. Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.
6. Мулукаев Р., Полубинский В. Сказ о сыске // Советская милиция. 1990. № 1-12.
7. Желудкова Т.И. Основные направления для деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977.
8. Шелкопляс В.А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981.
9. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 2000.
10. Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880-1917 гг. М., 2000.
11. Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001.
12. Мулукаев Р.С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
13. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.
14. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX – нач. XX вв). Нижний Новгород. 1993.
15. Сижков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России. М., 1992.
16. Сижков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. Из истории подготовки и воспитания кадров полиции в дореволюционной России. Новгород, 1993.
17. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. М., 2001.
18. Лурье Ф.М. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
19. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793-1917 гг.) / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002.
20. Янчевский Н.Л. Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году. Ростов н/Д., 1926.
21. Янчевский Н.Л. Пятый год на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1930.
22. Семерин П.В. 1905 год на Северном Кавказе в исторической литературе. История пролетариата. 1934. № 1.
23. Семерин П.В. Рабочий класс в революции 1905-1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказских краях. Ростов н/Д., 1935.
24. Скибицкий В.А. Героические годы: Очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы первой русской революции 1905-1907 гг. Краснодар, 1956.
25. Скибицкий В.А. Торжество ленинской практики: Большевики Кубани и Черноморья в борьбе за ленинскую тактику в первой русской революции. Краснодар, 1969.
26. Тулумджян А.О. Из истории революционного движения в Сочинском округе 1905-1907 годах. Сухуми, 1958.
27. Карапетян Л.А. Пролетариат и средние слои населения Черноморской губернии в период революции 1905-1907 гг. Ростов н/Д., 1990.
28. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The north black sea region (the 18 th-19 th centuries): a historiographical survey. *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2014. № 4 (34). С. 536-540.
29. Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. В.Е. Щетнева. В 4-х т. Т. 1: 1838–1922 гг. Сочи, 2006.
30. Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. В.Е. Щетнева. В 4-х т. Т. 1: 1838–1922 гг. Сочи, 2006.
31. Таран К.В. О причинах участия сельских жителей Сочинского округа Черноморской губернии в революционном движении 1905 г. *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2006. №1. С.21-22.
32. Таран К.В. Крестьянство Черноморской губернии в начальный период революции 1905-1907 гг. *История и историки в контексте времени*. 2006. № 4. 2006.
33. Taran K.V. Sources related to the social-political movement in the territory of the black sea governorate in 1905-1907 (based on materials from the archive repositories of the Russian Federation). *European researcher*. 2014. № 10-1 (84). pp. 1747-1751.
34. Taran, K.V. (2014) The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.
35. Polyakova L.G. Reasons behind the asocial conduct of residents of the black sea governorate during world war I. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2014. № 1 (1). С. 33-41.
36. Архивный отдел администрации города Новороссийск (АОАГН). Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.20, л.20-об, л.21.
37. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35.
38. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18.
39. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.
40. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.19.
41. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18-об.
42. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.
43. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18-об.
44. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.

45. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0549/barom01.php>

46. <http://cyclowiki.org/wiki/>

47. http://www.police-mvd.ru/index.php?catid=1:latest-news&id=103:2012-01-27-03-09-18&Itemid=50&option=com_content&view=article

48. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.69.

49. "Зубатовщина" (по фамилии Сергея Васильевича Зубатова (1864-1917), виднейшего полицейского администратора-новатора Российской империи) – укоренившееся в весьма заидеологизированной советской историографии понятие, обозначавшее не только создание в начале XX века системы легальных (и подконтрольных Департаменту полиции!) рабочих организаций, но и внедрение в конце XIX века и последующую практику инновационных для отечественной правоохранительной системы того времени технологий и методик, включавших создание разветвленной агентурной сети, формирование обширных баз данных (картотек) с подробным описанием примет (причем не только преступников, но и так называемых "ненадежных" людей), конспирирование и защиту агентов и мн.др. Новая схема работы полиции оказалась настолько эффективной (в эту схему были включены и "зубатовские" рабочие партии), что в среде революционеров зародилось глухая неприязнь к личности С.В.Зубатова. Эту "неприязнь" постарались "сохранить" советские журналисты, а вслед за ними и историки, придав указанному комплексу защитных по своей сути мер негативный оттенок и совершенно не взирая на то, что правоохранительные органы и госбезопасность СССР всецело использовали те же самые технологии. На новом техническом уровне, но основываясь на прежних, "зубатовских" фундаментальных принципах, они столь же эффективно работают и в современной России.

50. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.162.

51. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.47.

52. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.47-об.

53. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.22, 22-об., 23.

54. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.76, 76-об, 77, 77-об.

55. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.26, 26-об., 27.

56. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.74.

57. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.86.

58. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.85, 85-об.

References:

1. Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii. – Novorossiisk, 1907. S. 233.
2. Brokgauz F.A., Efron I.A. Ukaz. soch. // <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
3. Taran, K.V. The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 2014.
4. Shindzhikashvili D.I. Sysknaya politsiya tsarskoi Rossii v period imperializma. Omsk. 1973.
5. Fedorov K.G., Yarmysh A.N. Istoriya politzii dorevoljutsionnoi Rossii. Rostov-na-Donu, 1976.
6. **Mulukaev R., Polubinskii V. Skaz o s'yuke // Sovetskaya militsiya. 1990. № 1-12.**
7. Zheludkova T.I. Osnovnye napravleniya dlya deyatelnosti politzii dorevoljutsionnoi Rossii po okhrane feodal'nogo i burzhuznogo obshchestvennogo porjadka. M., 1977.
8. Shelkopyas V.A. Politseiskaya reforma v Rossii v 60-kh godakh XIX veka. Minsk, 1981.
9. Anisimov E.V. Dyba i knut. M., 2000.
10. Peregudova Z.I. Politicheskii sysk v Rossii. 1880-1917 gg. M., 2000.
11. Gerasimenko B.D. Ocherki istorii Novorossiiska. Novorossiisk, 2001.
12. Mulukaev R.S. Istoriya politzii dorevoljutsionnoi Rossii. M., 1981.
13. Mulukaev R.S. Sistema organov vnutrennikh del dorevoljutsionnoi Rossii. M., 1978.
14. Mulukaev R.S. Politziya v Rossii (IKh – nach. KhKh vv). Nizhnii Novgorod. 1993.
15. Sizhkov M.I., Borisov A.V., Skripilev A.E. Istoriya politzii Rossii. M., 1992.
16. Sizhkov M.I., Borisov A.V., Skripilev A.E. Iz istorii podgotovki i vospitaniya kadrov politzii v dorevoljutsionnoi Rossii. Novgorod, 1993.
17. Lur'e F.M. Politseiskie i provokatory. M., 2001.
18. Lur'e F.M. Politziya i militsiya Rossii: stranitsy istorii. M., 1995.
19. Ocherki istorii organov vnutrennikh del Kubani (1793-1917 gg.) / Pod red. prof. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 2002.
20. Yanchevskii N.L. Novorossiiskaya i Sochinskaya respubliki v 1905 godu. Rostov n/D., 1926.
21. Yanchevskii N.L. Pyaty god na Severnom Kavkaze. – Rostov n/D, 1930.
22. Semerin P.V. 1905 god na Severnom Kavkaze v istoricheskoi literature. Istoriya proletariata. 1934.

№ 1.

23. Semerin P.V. Rabochii klass v revolyutsii 1905-1907 gg. v Azovo-Chernomorskom i Severo-Kavkazskikh krayakh. Rostov n/D., 1935.

24. Skibitskii V.A. Geroicheskie gody: Ocherk o revolyutsionnom dvizhenii v Chernomorskoj gubernii v gody pervoi russkoi revolyutsii 1905-1907 gg. Krasnodar, 1956.

25. Skibitskii V.A. Torzhestvo leninskoi praktiki: Bol'sheviki Kubani i Chernomor'ya v bor'be za leninskuyu taktiku v pervoi russkoi revolyutsii. Krasnodar, 1969.
26. Tulumdzhyan A.O. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Sochinskom okruge 1905-1907 godakh. Sukhumi, 1958.
27. Karapetyan L.A. Proletariat i srednie sloi naseleniya Chernomorskoj gubernii v period revolyutsii 1905-1907 gg. Rostov n/D., 1990.
28. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The north black sea region (the 18 th-19 th centuries): a historiographical survey. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2014. № 4 (34). S. 536-540.
29. Ocherki istorii Bol'shogo Sochi / Pod obshch. red. V.E. Shchetneva. V 4-kh t. T. 1: 1838–1922 gg. Sochi, 2006.
30. Ocherki istorii Bol'shogo Sochi / Pod obshch. red. V.E. Shchetneva. V 4-kh t. T. 1: 1838–1922 gg. Sochi, 2006.
31. Taran K.V. O prichinakh uchastiya sel'skikh zhitelei Sochinskogo okruga Chernomorskoj gubernii v revolyutsionnom dvizhenii 1905 g. *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2006. №1. S.21-22.
32. Taran K.V. Krest'yanstvo Chernomorskoj gubernii v nachal'nyi period revolyutsii 1905-1907 gg. **Istoriya i istoriki v kontekste vremeni**. 2006. № 4. 2006.
33. Taran K.V. Sources related to the social-political movement in the territory of the black sea governorate in 1905-1907 (based on materials from the archive repositories of the Russian Federation). European researcher. 2014. № 10-1 (84). pp. 1747-1751.
34. Taran, K.V. (2014) The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.
35. Polyakova L.G. Reasons behind the asocial conduct of residents of the black sea governorate during world war I. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2014. № 1 (1). S. 33-41.
36. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Novorossiisk (AOAGN). F.45. Op.1. D.2. L.20, l.20-ob, l.21.
37. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35.
38. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18.
39. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
40. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.19.
41. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18-ob.
42. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
43. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18-ob.
44. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
45. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0549/barom01.php>
46. <http://cyclowiki.org/wiki/>
47. http://www.police-mvd.ru/index.php?catid=1:latest-news&id=103:2012-01-27-03-09-18&Itemid=50&option=com_content&view=article
48. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.69.
49. "Zubatovshchina" (po familii Sergeya Vasil'evicha Zubatova (1864-1917), vidneishego politseiskogo administratora-novatora Rossiiskoi imperii) – ukorenivsheesya v ves'ma zaideologizirovannoi sovetskoi istoriografii ponyatie, oboznachavshee ne tol'ko sozdanie v nachale KhKh veke sistemy legal'nykh (i podkontrol'nykh Departamentu politsii!) rabochikh organizatsii, no i vnedrenie v kontse XIX veka i posleduyushchuyu praktiku innovatsionnykh dlya otechestvennoi pravookhranitel'noi sistemy togo vremeni tekhnologii i metodik, vklyuchavshikh sozdanie razvetvlennoi agenturnoi seti, formirovanie obshirnykh baz dannykh (kartotek) s podrobnym opisaniem primet (prichem ne tol'ko prestupnikov, no i tak nazyvaemykh "nenadezhnykh" lyudei), konspirirovanie i zashchitu agentov i mn.dr. Novaya skhema raboty politsii okazalas' nastol'ko effektivnoi (v etu skhemu byli vklyucheny i "zubatovskie" rabochie partii), chto v srede revolyutsionerov zarodilos' glukhaya nepriyazn' k lichnosti S.V.Zubatova. Etu "nepriyazn'" postaralis' "sokhranit'" sovetskie zhurnalisty, a vsled za nimi i istoriki, pridav ukazannomu kompleksu zashchitnykh po svoei suti mer negativnyi ottenok i sovershenno ne vziraya na to, chto pravookhranitel'nye organy i gosbezopasnost' SSSR vsetsego ispol'zovali te zhe samye tekhnologii. Na novom tekhnicheskom urovne, no osnovyvayas' na prezhnikh, "zubatovskikh" fundamental'nykh printsipakh, oni stol' zhe effektivno rabotayut i v sovremennoi Rossii.
50. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.162.
51. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.47.
52. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.47-ob.
53. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.22, 22-ob., 23.
54. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.76, 76-ob, 77, 77-ob.
55. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.26, 26-ob., 27.
56. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.74.
57. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.86.
58. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.85, 85-ob.

УДК 94

**Власть и общество:
деятельность Новороссийского сыскного отделения в 1912 г.**

¹ Анвар Мирзахматович Мамадалиев

² Светлана Викторовна Шевелёва

³ Маргарита Николаевна Урда

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Лаборатория мировых цивилизаций

E-mail: anvarm@mail.ru

² Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail:ssh46@rambler.ru

³ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail:urda.ru@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимоотношений властных структур в лице правоохранительных органов и общества на территории Черноморской губернии в 1912 году через анализ деятельности Новороссийского сыскного отделения. В работе изучаются донесения, предписания, рапорты сотрудников и другие документы сыскного отделения полиции г. Новороссийск, на основе чего делается вывод об общей атмосфере взаимоотношений власти и общества в указанный период. Большинство из используемых источников публикуется впервые. В заключение автор приходит к выводу, что организация сыскного дела в г. Новороссийске была тщательно спланирована и подготовлена, а также достаточно оперативно воплощена в практику. Даже после недавних революционных событий (1905–1907 гг.) нет письменных свидетельств о том, что общество в 1912 г. воспринимало сотрудников охраны правопорядка негативно. Вместе с тем, власть вполне обоснованно опасалась повторения общественных всплесков, что отчетливо выражается в исторических источниках.

Ключевые слова: Черноморская губерния, деятельность уголовного розыска в дореволюционный период, 1912 год, Новороссийское сыскное отделение, взаимоотношения власти и общества.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 708-714, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (571.51) «1914 – 1918»

Public Self-Government of Krasnoyarsk City in the Fight Against Food Crisis During World War I

Olesya M. Dolidovich

Siberian Federal University, Russian Federation
79 Svobodny pr., 660041 Krasnoyarsk
PhD (History), Assistance Professor

Abstract

The author analyzes the measures taken to combat the high cost of public self-government bodies of the city of Krasnoyarsk Yenisei province during the First World War. It is shown that the city authorities have taken almost all possible measures to solve the food problem. However, legal restrictions fettered the initiative of cities in addressing the problems caused by wartime and the budget deficit did not allow widely deploy their own wholesale trade. Financial difficulties, the decline in living standards have led to increased social unrest. In the context of the war intensified social inequality that citizens perceived as social injustice, considered the power in general, and local city office specifically responsible for the hardships that they had to endure.

Keywords: city public self-government, Yenisei province, Krasnoyarsk, World War I, food crisis.

Введение

В условиях Первой мировой войны социально-экономические проблемы, существовавшие в Российской империи, обострились. Продовольственный вопрос превратился в один из наиболее значительных политических факторов. Нехватка продовольствия воспринималась чрезвычайно остро на фоне падения авторитета политической власти, военных поражений, усиления социального неравенства и обнищания населения.

Обязанность городских общественных управлений «устранять недостаток продовольственных средств» в городах всеми, доступными им, способами, была прописана в Городовом положении 1892 г. [1] В условиях войны правительство возлагало серьезные надежды на то, что именно городские власти смогут контролировать и регулировать многие экономические процессы в уездах: обеспечивать бесперебойный товарообмен между городом и сельскохозяйственными округами, проверять качество продукции, сдерживать спекулятивный рост цен, координировать деятельность местных потребительских кооперативов и т.п.

В сибирском регионе, не имевшем земских учреждений, роль городов в решении хозяйственных вопросов уездов была более значительной, чем в европейской части страны. Однако местным городским общественным управлениям не удалось смягчить остроту продовольственного кризиса в регионе.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют протоколы заседаний красноярской городской думы, а также материалы делопроизводства городской управы, сосредоточенные в Краевом государственном казенном учреждении «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Решения этих органов регулярно публиковались в «Вестнике красноярского городского общественного управления». Он также дает представление об основных проблемах жизни сибирского города в годы войны, о потребительской кооперации, работе продовольственной комиссии, финансовом положении города в целом. Материалы местной периодической печати («Енисейская

мысль», «Отклики Сибири» и др.) послужили источником при анализе общественных настроений горожан во время войны.

Обсуждение

Активная деятельность российских городов по преодолению последствий Первой мировой войны, помощи фронту привлекала внимание современников. Этот вопрос затрагивался в работах, посвященных изучению причин финансово-экономического кризиса в стране и поиску путей выхода из него. [2, 3] Наибольшее внимание уделялось анализу деятельности Всероссийского Союза городов и Всероссийского Земского союза с учетом той роли в общественно-политической и социально-экономической жизни России, которую они играли в годы войны. [4]

В советский период изучение проблем, вызванных войной, шло в русле концепции о том, что экономический кризис и продовольственный вопрос были следствием общей несостоятельности самодержавного режима [5, 6].

На современном этапе наибольшее внимание российских историков привлекает вопрос о причинах революционных событий 1917 г. В связи с этим вопрос о взаимозависимости уровня благосостояния населения и развитием революционного движения в период Первой мировой войны является в исторической науке одним из наиболее дискуссионных [7, 8]. Не ослабел интерес исследователей к Всероссийскому Союзу городов и Земскому союзу [9, 10]. Появляются работы, в которых комплексно исследуются усилия губернских, земских, городских властей органов власти различных регионов Российской империи в решении продовольственной проблемы в годы войны [11].

С.Ю. Шишкина в диссертационном исследовании 1999 г. об экономических проблемах и росте оппозиционных настроений в Тобольской губернии в годы Первой мировой войны, справедливо отметила, что сибирские губернии долгое время не привлекали внимания исследователей, прежде всего, из-за аграрного характера экономики и политической инертности населения. Между тем изучение социально-экономического и политического состояния Сибири в годы войны позволяет выявить не только специфику его развития, но и те общие проблемы внутренней жизни России, отсутствие своевременного разрешения которых неизбежно вело к общественным потрясениям [12].

В настоящее время историки приступили к изучению причин и особенностей протекания экономического кризиса в сибирском регионе [13, 14, 15, 16].

Иностранцы историки, при изучении продовольственного кризиса и продовольственных беспорядков в Российской империи во время Первой мировой войны, обращаются, прежде всего, к материалам губерний европейской части страны, а также Москвы и Петербурга [17, 18, 19].

Результаты

Губернии Восточной Сибири начали ощущать последствия Первой мировой войны в полной мере лишь спустя год после ее начала. Хороший урожай 1913-1914 гг. позволил им безболезненно пережить первые месяцы войны. Здесь не велись боевые действия, за дальностью расстояний сюда не направляли раненых и больных воинов. Рост цен начался весной 1915 г. Среди причин можно назвать как общие для всей страны (расстройство железнодорожного транспорта, падение курса рубля, рост налогов, спекуляция, нехватка рабочих рук, сокращение площадей сельскохозяйственных посевов и др.), так и специфичные для Сибири (отсутствие местного промышленного производства, неразвитость путей сообщения между губерниями и уездами в губерниях и др.)

Первой мерой, которую городские власти стали применять в борьбе с дороговизной, была таксировка цен. В 1914–1915 гг. в Красноярске такса была установлена на хлеб, мясо, а также сахар. Однако к 1916 г. таксы на товары первой необходимости практически не существовали: как средство снизить спекуляцию они были неэффективными, продавцы просто не принимали их в расчет [20].

Горожане и периодическая печать обрушили на местное купечество шквал обвинений в беззащитной спекуляции, «рвачестве». 8 января 1916 г. Красноярское купеческое Общество представило енисейскому губернатору опубликованную отдельной брошюрой «Объяснительную записку по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки» [21]. Местное купеческое сообщество аргументировано доказывало неэффективность установившейся в стране системы таксировки цен и указывало на тот вред, который она наносила торговле.

Второй мерой, которую красноярское городское самоуправление начало применять в борьбе с дороговизной, было поощрение потребительской кооперации. С самого начала войны в городе действовал кооператив «Самодетельность», который объединял значительную часть потребителей города, имел опыт в деле оптовых закупок товаров, и в целом достаточно успешно справлялся с задачей снабжения своих членов по сниженным ценам.

Кооператив запросил у города беспроцентную ссуду. По вопросу этому вопросу гласные городской думы вначале высказались положительно, однако позднее пересмотрели свое решение, общество получило ссуду, но с обязательством выплаты процентов. Кооперативу было отказано в просьбе предоставить городские помещения под склады бесплатно. Члены городской управы мотивировали это тем, что имея бесплатные помещения, «Самодетельность» сможет установить низкие цены на рынке, в то время как прочие торговцы или не выдержат конкуренции или будут вынуждены

понижать цены: «Правильность же постановки дела требует держать только нормальные цены, ибо искусственное понижение цен является одинаково вредным, как и чрезмерное повышение, то и другое допускаемо быть не может» [22, С. 265]. Таким образом, очевидно, что гласные думы, сами относившиеся преимущественно к купеческому сословию, рассматривали потребительский кооператив в качестве торгового конкурента.

В дальнейшем вопрос о поддержке кооператива «Самодетельность» превратился в камень преткновения между гласными городской думы и городской продовольственной комиссией, которая должна была обеспечивать продуктами питания по доступным ценам, прежде всего, беднейшие слои населения. Лишь под давлением комиссии дума принимала постановления, направленные на поддержку кооперативного общества. Так, на заседании красноярской городской думы 3 сентября 1915 г. гласные П.В. Веселков, А.И. Громчевский, Д.Ф. Раззоронов, Я.И. Смолехо, А.И. Трофимов, входившие в продовольственную комиссию, заявили, об отказе от работы. В качестве причины они назвали тот факт, что городская дума отказала кооперативу «Самодетельность» в расширении кредита. Лишь после того, как дума постановила, что «не отказывается от помощи беднейшему населению города и найдет средства на открытие кредита», конфликт был улажен [23, Л. 11-12].

Повсеместно в Сибири периодическая печать отмечала незаинтересованность гласных городских дум в скорейшем решении продовольственных трудностей: «Городские продовольственные комиссии состоят сейчас, главным образом, из крупных цензовиков-гласных и других состоятельных лиц, для которых дороговизна или недостаток на рынке продуктов не является скорпионом, больно бьющим по необеспеченному населению. В городских продовольственных комиссиях нередко встречаются даже спекулянты, пользующиеся настоящей хозяйственной разрухой, как средством быстрой наживы. Само собой разумеется, что такие комиссии не могут принимать всех необходимых мер для обеспечения населения продуктами по нормальным ценам» [24, С. 2].

Сибирские газеты с возмущением писали, что, несмотря на всю серьезность продовольственного вопроса, собрать гласных городских дум на заседания в летний (дачный) период было чрезвычайно сложно. Так, в Красноярске, для того, чтобы обеспечить явку гласных на заседания, перед открытием заседания городской голова обращался к гласным с воззванием: «Ради Бога, господа, не расходитесь, пока не вынесена та или иная резолюция! Право же, неловко так поступать...». Но красноярские «отцы» не внимают слезной просьбе головы и разбегаются как раз в тот момент, когда делается подсчет голосов. И получается, что вопросы обсуждались как бы при наличии кворума, а резолюции вынести нельзя: голосов не хватает. Между тем наличие этих голосов приобреталась с такими трудностями: слезной мольбой по телефону «голубчик, только вас и не хватает!», посредством уловления гласных курьерами на тротуарах и т.п.» [25, С. 4].

Третьей мерой, к которой прибегло красноярское городское самоуправление в борьбе с продовольственным кризисом, стало ведение городских торговых операций и создание муниципальных складов товаров первой необходимости. В мае 1915 г. начала работу продовольственная комиссия Красноярска. Оптовые закупки для муниципального склада товаров первой необходимости было решено делать как можно скорее, пока цены не достигли запредельных показателей.

Согласно «Правилам предоставления гарантии государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операции по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет», предоставление гарантий государственного казначейства по займам и выдача ссуд из казны имели целью предоставить средства городам и земствам в тех случаях, когда они не могли изыскать их самостоятельно [26, С. 3].

Красноярская продовольственная комиссия направила ходатайство в Центральный продовольственный комитет о выдаче ссуды в размере 100 000 рублей на первоначальные закупки. Испрашиваемая сумма была рассчитана примерно. Гласные городской думы считали, что обеспечить всех горожан всеми необходимыми товарами просто невозможно, и видели основную задачу лишь в том, чтобы избежать «чрезмерного» роста цен [27].

Комиссия получила запрашиваемую ссуду и в конце октября 1915 г. открыла городской склад товаров, а в январе 1916 г. – лавку для розничной торговли. Вначале торговые операции ограничивались хлебом, но с конца января 1916 г. ассортимент товаров был увеличен за счет масла, соли, отрубей, сахара, мяса. Все товары из лавки продавались на руки в ограниченном количестве. Цены на товары первой необходимости в городской лавке были на 8–20 % ниже средних рыночных цен. В марте и сентябре 1916 г. с разрешения Особого совещания по продовольственному делу, под гарантию государственного казначейства, правление Сибирского Торгового банка разрешило красноярской городской управе еще два займа на продовольственное дело в размере по 300 тыс. рублей каждый.

В целом объемы закупочной деятельности красноярского городского самоуправления были небольшими и практически не влияли на условия ценообразования в уезде и губернии. Омский историк О.В. Чудаков сделал вывод о том, что в Западной Сибири со стороны органов городского самоуправления не было планомерных, системных, решительных мер по борьбе со спекулятивным

взвинчиванием цен на рынках. Их действия напоминали разовые благотворительные акции, когда, к примеру, происходила продажа населению каких-либо продуктов по ценам, значительно ниже рыночных [28, С. 37]. Этот вывод можно экстраполировать и на города Восточной Сибири.

По примеру городов европейской части России сибирские города начали проводить региональные съезды для обмена опытом по решению проблем, вызванных войной. 11–13 апреля 1915 г. в Омске прошел Первый Съезд представителей западносибирских городов, почти одновременно с ним – первый Областной съезд представителей городов Восточной Сибири – 15–19 апреля 1916 г. в Иркутске. В Красноярске 15–17 июля 1915 г. состоялся Первый съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям. На съезде присутствовали городские головы Красноярска и уездных городов губернии, а также представители общественных, благотворительных организаций и кооперативов. Среди прочих обсуждался вопрос о продовольственных операциях городов. Присутствующие отметили их общие недостатки - неорганизованность закупок, конкуренция между отдельными городами, применение таксировки, фиксировавшей высокие рыночные цены и т.п. В принятой резолюции основным был следующий пункт: организовать совместную закупку товаров потребления городами Енисейской губернии [29, С. 8]. Однако ни законодательных, ни организационных, ни финансовых условий для реализации этой резолюции у городских самоуправлений не было.

Чрезвычайно затруднял работу продовольственной комиссии тот факт, что нигде законодательно не были разграничены полномочия городской думы, городской управы, городского головы, председателя продовольственной комиссии и самой продовольственной комиссии в решении продовольственных вопросов. Каждый из них зачастую принимал решения, не ставя в известность и не согласовав свои действия с другими. Конфликты, скандалы сопровождали деятельность комиссии [30, С. 320-327].

7 мая 1916 г. на красноярском городском базаре был устроен погром мясных лавок. Прокурор окружного суда сообщил министру юстиции о «серьезном беспорядке» и перечислил 96 человек «виновных» и привлеченных к судебной ответственности. Особо активную роль в них играли солдаты и солдаты местного гарнизона, принимавшие участие в столкновениях с полицией [6, С. 470].

После событий 7 мая в Красноярске стало очевидно, что продовольственная комиссия не могла оперативно реагировать на изменения городского рынка. Комиссия действовала медленно, каждое свое решение она должна была представлять на рассмотрение одобрение вначале городской управы, а затем городской думы. На заседании городской думы 13 мая 1916 г. члены продовольственной комиссии предложили план реорганизации существующей комиссии на новых началах – включить в нее с правом решающего голоса представителей различных слоев населения, не имеющих избирательных прав, т.е. с изменением и расширением существующего закона о городских комиссиях. Кроме того, они выдвинули идею о предоставлении комиссии организационной и финансовой самостоятельности. Предлагалось также проводить выборы председателя продовольственной комиссии из числа членов самой комиссии. Однако губернатор сделал пояснение городской думе, что все эти предложения противоречили действовавшему законодательству и не могли быть реализованы [30, С. 338-342].

Между тем, если вначале цены росли только на товары промышленного производства, не производившиеся в Сибири, то с конца 1915 г. – начала 1916 г. начали дорожать продукты питания. Профессор Новосибирского государственного университета М.В. Шиловский отметил, что в 1915–1917 гг. население Сибири больше всего беспокоил рост цен и продовольственный вопрос [31].

Из-за сложной внутриполитической ситуации, быстрых темпов инфляции, крестьяне перестали отправлять хлеб в город. То зерно и мука, которые поступали из уездов на городские рынки, скупались даже по высоким ценам для тайного самогонварения. Обеспокоенные слухами о скором введении карточек, горожане стали закупать хлеб впрок. У городских лавок и булочных Красноярска образовывались очереди.

Заключение

Таким образом, меры, которые применяли городские власти Красноярска в борьбе с дороговизной можно свести к следующему: таксировка цен, сотрудничество с потребительской кооперацией, муниципальные закупки продуктов первой необходимости и реализация их населению по сниженным ценам. Так как российские города активно обменивались опытом в решении проблем, вызванных военным временем (посредством печати, региональных и общероссийских съездов и др.), меры эти были типичными как для сибирского региона, так и для страны в целом.

Тот факт, что городские власти недостаточно эффективно справлялись с решением продовольственного вопроса, объясняется комплексом причин, среди которых можно выделить две основные. Во-первых, бюджеты российских городов испытали двойной удар с началом войны: источники пополнения сократились (потеряли доходы от сборов с заведений, торгующих спиртным из-за введения сухого закона, из-за роста недоимок с тех, кто был призван на фронт и т.д.), а количество статей расхода выросло (расходы на военный постой, на призрение семей призванных, беженцев, на борьбу с дороговизной и т.д.). Во-вторых, существовавшие законодательные ограничения сковывали инициативу городских администраций.

В период Первой мировой войны в Красноярске, как и в Енисейской губернии в целом, не было протестных акций, причиной которых был бы голод. Однако происходили продовольственные беспорядки под влиянием ухудшения условий жизни, ослабления государственной власти, усиления тревожных настроений из-за неудач на фронте. К тому же, лишения военного времени отразились далеко не одинаковым образом на имущественном положении различных социальных групп, что стало причиной роста напряженности и конфликтности в обществе. Состоятельные горожане имели возможность покупать даже по завышенным ценам дефицитную продукцию. Соответственно, те, у кого были деньги, а также те, кто занимался торговлей, превращались в объекты ненависти для беднейших слоев. А так как органы городского самоуправления формировались на основе сословного принципа, состояли в основном из представителей купечества, то сама власть и ее решения воспринимались крайне критично.

Примечания:

1. Городовое положение 1892 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm> (дата обращения 27.11.2014 г.).
2. Минин А.А. Война, хозяйство и кооперация. М. Т-во тип. А.И. Мамонтова. 1915. 54 с.
3. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. II. М.: Городская типография. 1915. 296 с.
4. Загряцков М.Д. Всероссийский земский союз (Общие принципы организации и юридическая природа). Пг.: Издание журнала «Земское дело». 1915. 29 с.
5. Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914-1918. М.-Л.: Государственное издательство, Отдел военной литературы. 1928. 174 с.
6. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: «Наука». 1973. 654 с.
7. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
8. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир. 2012. 848 с.
9. Асташов А. Б. Всероссийский союз городов. 1914–1918 гг./ Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: 1994. 27 с.
10. Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург: 2010. 23 с.
11. Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны / Автореф. дис... канд. ист. наук. Самара: 2009. 20 с.
12. Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы первой мировой войны, 1914-февраль 1917 гг. / Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень. 1999. 261 с.
13. Вторушин М.И. Снабженческий кризис Сибирского региона Российской империи в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3-6 декабря 2013 года. Красноярск. Резонанс. 2014. 304 с.
14. Запорожченко Г.М. Взаимодействие городской и рабочей потребительской кооперации Сибири с органами городского самоуправления в годы Первой мировой войны // Сибирь капиталистическая. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/sg/020.html> (Дата обращения: 12.12.2014 г.)
15. Чудаков О.В. Составление расходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 25–28.
16. Чудаков О.В. Формирование доходной части бюджета органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 13 – 16.
17. Lih L. T. Bread and authority in Russia, 1914-1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press. 1990. 3041 p.
18. Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. L.: Pearson-Longman. 2005. 320 p.
19. Engel B.A. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I. URL: <http://www.libcom.org/files/Women's%20Riots%20in%20Russia%20in%20WW1.pdf> (дата обращения 14.12.2014).
20. Красноярское государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 31. Оп.1. Д. 275.
21. Объяснительная записка Красноярского Купеческого Общества по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки. Красноярск: Типография Епарх. Братства. 1916 г. 7 с.
22. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 12.
23. КГКУ «ГАКК». Ф.161. Оп.1. Д. 249.
24. Жизнь Алтая. 1917. 1 марта. № 47.

25. Жизнь Алтая. 1915. 27 июня. № 140.
26. Жизнь Алтая. 1915. 17 декабря. № 279.
27. Вестник красноярского городского общественного управления. 1915. № 14.
28. Чудаков О.В. Деятельность органов городского самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 35 – 37.
29. Протоколы Первого Съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске. Красноярск: Электро-тип. Епарх. Братства. 1915. 117 с.
30. Вестник красноярского городского общественного управления. 1916. № 19.
31. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: 2005. Вып. 7. С. 60 – 72.

References:

1. City regulations 1892. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm> (Date of application of 27.11.2014). (In Russian)
2. Minin, A.A. The war, the economy and cooperation. Moscow: Partnership printing A.I. Mamontov. 1915. 54 p. (In Russian)
3. Proceedings of the Commission for the Study of Modern expensive. Issue II. Moscow: Urban typography. 1915. 296 p. (In Russian)
4. Zagryatskov, M.D. Russian Zemsky Union (general principles of the organization and legal nature). Petrograd: The publication of the journal «Zemsky case». 1915. 29 p. (In Russian)
5. Sharov, P. Influence of economy on the outcome of World War II, 1914-1918. Moscow - Leningrad: State Publishing House, the Department of military literature. 1928. 174 p. (In Russian)
6. Sidorov, A.L. The economic situation in Russia during the First World War. Moscow: «Science». 1973. 654 p. (In Russian)
7. Kiryanov, Y.I. (1993) Mass demonstrations on the grounds of high costs in Russia (1914 February 1917). *Otechestvennaya istoriya*. 3, 3 - 18. (In Russian)
8. Mironov, B.N. The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII - beginning of XX century. Moscow: All the World. 2012. 848 p. (In Russian)
9. Astashov, A.B. Russian Union of Cities. 1914 - 1918 / Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow: 1994. 27 p. (In Russian)
10. Bazhenova, K.E. Activities of organizations of Russian Zemsky Union and the Russian Union of Cities of the Middle Urals in the First World War (1914 - February 1917) / Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Ekaterinburg. 2010. 23 p. (In Russian)
11. Golubinov, Y.A. The food problem in the Middle Volga in the First World War / Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Samara: 2009. 20 p. (In Russian)
12. Shishkina, S.Y. Tobolsk Province during the First World War, 1914 – February 1917 / Thesis for the degree of candidate of historical sciences. Tyumen: 1999. 261 p. (In Russian)
13. Vtorushin, M.I. Resupply crisis Siberian region of the Russian Empire during the First World War (1914 - 1916) // Siberia in the early XX century wars. Materials of the Siberian historic forum. Krasnoyarsk, 3-6 December 2013. Krasnoyarsk: Resonance. 2014. 304 p. (In Russian)
14. Zaporozhchenko, G.M. Interaction between the urban and consumer cooperatives in Siberia working with the authorities of municipal government in the First World War // Siberia capitalist. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/sg/O20.html> (Date of application of 12.12.2014). (In Russian)
15. Chudakov, O.V. (2011) Drawing up the expenditure part of the budget of the city government in Siberia during World War I (1914 - February 1917). *Omsk Scientific Bulletin*. 5 (101), 25 - 28. (In Russian)
16. Chudakov, O.V. (2009) Formation of a profitable part of the budget of the city government in Siberia during World War I (1914 - February 1917). *Omsk Scientific Bulletin*. 5 (81), 13 - 16. (In Russian)
17. Lih, L. T. Bread and authority in Russia, 1914-1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press. 1990. 3041 p.
18. Gatrell, P. Russia's First World War: a social and economic history. L.: Pearson-Longman. 2005. 320 p.
19. Engel, B.A. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I. URL: <http://www.libcom.org/files/Women's%20Riots%20in%20Russia%20in%20WW1.pdf> (Date of application of 14.12.2014).
20. Krasnoyarsk state official institution «State Archives of the Krasnoyarsk Territory» (KGKU «GAKK»). F. 31. Inv.1, d. 275. (In Russian)
21. Explanatory note Krasnoyarsk Merchant Society about the lack of certain products in the local market, the appreciation of the goods and the measures that are desirable for their normalization. Krasnoyarsk: Printing Diocesan Fraternity. 1916. 7 p. (In Russian)
22. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* (1915), 12. (In Russian)
23. KGKU «GAKK». F.161. Inv.1, d. 249. (In Russian)
24. *Zhizn' Altaya* (1917), 47, March 1. (In Russian)

25. *Zhizn' Altaya* (1915), 140, June 27. (In Russian)
26. *Zhizn' Altaya* (1915), 279, December 17. (In Russian)
27. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* (1915), 14. (In Russian)
28. Chudakov, O.V. (2009) The activities of city government Tobolsk province in the fight against the high cost of living in the First World War (1914 - February 1917). *Omsk Scientific Bulletin.* 4 (79), 35 - 37. (In Russian)
29. Minutes of the First Congress of representatives of the Yenisei province cities and organizations designed to help soldiers and their families in the city of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Electro-printing Diocesan Fraternity. 1915. 117 p. (In Russian)
30. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* (1916), 19. (In Russian)
31. Shilovskii, M.V. Political processes in Siberia during World War I (July 1914 - February 1917) // Questions of history of the twentieth century Siberia. Novosibirsk: 2005. Issue. 7. p. 60 - 72.

УДК 94 (571.51) «1914 – 1918»

Красноярское городское самоуправление в борьбе с продовольственным кризисом в период Первой мировой войны

Олеся Михайловна Долидович

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dolidovich@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует меры, которые предпринимались для борьбы с дороговизной органами общественного самоуправления города Красноярска Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Показано, что городские власти принимали практически все возможные меры для решения продовольственного вопроса. Однако законодательные ограничения сковывали инициативу городов в решении проблем, вызванных военным временем, а дефицит бюджета не позволял широко развернуть собственные оптовые торговые операции. Материальные трудности, снижение жизненного уровня населения вели к росту общественного недовольства. В условиях войны усиливалось социальное неравенство, что горожане воспринимали как социальную несправедливость, считали власть вообще, и местную городскую администрацию в частности, ответственной за те лишения, которые им приходилось претерпевать.

Ключевые слова: городское общественное самоуправление, Енисейская губерния, Красноярск, Первая мировая война, продовольственный кризис.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 715-719, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

To the Issue of Gendarme Activities on the Territory of Black Sea Province During the First World War (1914–1917 years)

¹ Lyubov G. Polyakova

² Lyudmila G. Zimovets

³ Leonid L. Balaniuk

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Researcher

² Russian State Social University, Branch in Sochi, Russian Federation
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997
PhD (legal), Associate Professor
E-mail: iarann@mail.ru

Abstract

The article on the basis of first introduced into the scientific circulation documents of the State archive of the Krasnodar region covers the activities of the gendarmerie staff management in the Black Sea province during the First World War. The author comes to the conclusion that the activities of the gendarmerie were conducted professionally during the 1914-1917 years in the Black Sea province. The expulsion of the prominent representatives of the revolutionary movement from the border area, which was the Black Sea province, led to political stability in the region. Further the tasks of the gendarmerie included only the maintaining of order and the prevention of the penetration of anti-social element in the Black Sea province.

Keywords: gendarme administration, First World War, the Black Sea province.

Введение

Уже 100 лет минуло со времени начала Первой мировой войны. Той войны, которая и на сегодняшний день в значительной степени представляется практически не исследованной. На это есть множество причин, но основная заключается в том, что после прихода к власти на пораженческой волне большевиков о героическом подвиге народов России лучше было не вспоминать. В этой связи Первая мировая война (1914–1918 гг.) незамедлительно была названа империалистической, а жертвенный подвиг народа был забыт. Из всех штрихов общей картины Первой мировой войны, пожалуй, самый слабоизученный – это работа политического сыска в годы войны. На материалах Черноморской губернии нам бы и хотелось рассмотреть историю деятельности политического сыска на Черноморье.

Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы государственного архива Краснодарского края.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, а также максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке архивного материала. Были применены принципы социально-психологического подхода и корректности в оценке фактов и событий, поскольку спецификой работы жандармов была довольно сильная нравственно-этическая составляющая.

Обсуждение

Изучению истории Первой мировой войны уже без малого столетие. За это время было накоплено значительное количество исследований и ученые обратились к периодизации историографии проблемы.

Так, российский ученый Б.Д. Козенко в своей работе «Отечественная историография Первой мировой войны» выделял следующие этапы:

1. 1918–1941 гг. – процесс становления отечественной историографии;
2. 1940–1960 гг. – «сложный и трудный период для науки»;
3. 1970–1980 гг. – этап, проходивший в условиях «усиления политизации и идеологизации науки в рамках "холодной войны"»;
4. С конца 1980-х гг. по настоящее время – этап «острой критики прошлого и попыток создания новой историографии истории войны 1914–1918 гг.» [1].

Позднее белорусский автор С.Ф. Свилас модернизировал данную периодизацию и выделил пять основных этапов:

1. 1918–1920-е гг. – процесс становления историографии проблемы;
2. 1930–1945 г. – время особенно сильного влияния на нее культа личности Сталина;
3. 1945–1960-е гг.;
4. 1970–1980-е гг.;
5. с конца 1980-х гг. по настоящее время [2].

Сегодня с такой периодизацией соглашаются многие авторы.

В 2014 году российские исследователи истории Первой мировой войны Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина обратили свое внимание на то, что в критериях периодизации, нередко выступают внешние для науки обстоятельства. По мнению Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной критериями перехода от одного этапа к другому необходимо считать методологические и институциональные аспекты, помимо этого сам круг изучаемых проблем и сюжетов, а также способы решения исследовательских задач – все эти факторы, по мнению авторов, можно объединить понятием исследовательских практик, как совокупности форм и методов изучения Первой мировой войны в отечественной историографии [3].

Результаты

За политический сыск в Черноморской губернии отвечал Помощник начальника Кубанского областного жандармского управления, который находился в Новороссийске. В мае 1916 года Помощник предлагал изъять надзор по Черноморской губернии у Кубанского областного жандармского управления и подчинить этот надзор непосредственно Черноморскому губернатору. Необходимо отметить, что силы жандармерии в Черноморской губернии были незначительны. Так, жандармские пункты в то время находились только в Новороссийске, Туапсе, Сочи и Гаграх. В связи с этим представитель жандармского ведомства предлагал открыть также новые пункты в Геленджике, Лазаревке, Хосте и Адлере. Помимо этого предлагалось усилить жандармерию кадрами и средствами на ведение политической агентуры и контрразведки на местах [4].

Необходимо отметить, что деятельность жандармерии на территории Черноморской губернии была поставлена профессионально. Так, жандармский пункт в Новороссийске в начале войны арестовал и выслал административным порядком за пределы губернии наиболее энергичных местных социал-демократов (Трофим Шатов, Иосиф Раинский, Евдоким Васенко). В результате, по состоянию на апрель 1916 года, среди оставшихся социал-демократов не было партийных работников, имевших прочную связь с социал-демократическими организациями центральной России, поэтому деятельность социал-демократов не выходила из легальных пределов [5]. Местные социал-демократы были исключительно русскими, грузины социал-демократы держались от них обособленно. С другими фракциями местные социал-демократы партийной связи не имели. Попытки некоторых представителей интеллигенции из Кадетской партии установить прочное общение с рабочей средой успеха не имели [6].

Задачи, поставленные местными социал-демократами в связи с войной, заключались в том, чтобы добиться успеха на войне, и только после этого добиваться различных свобод.

За время войны никакой деятельности партии социал-революционеров на территории Черноморской губернии не наблюдалось [7].

В тоже время деятельность социал-федералистов проявлялась только в Сочи, где группа грузин в числе около 70 человек, зарекомендовавшая себя еще в революционной деятельности 1905 года. К весне 1916 года грузины образовали сплоченную группу избирателей в городское самоуправление, куда местные грузины желали на выборах в конце апреля провести своих сторонников [8].

Деятельность партии Дашнакцутюн в Черноморской губернии проявлялась только в сборе денежных пожертвований на нужды армянских беженцев. Вначале жертвовали охотно и щедро уплачивали сборщикам, но, затем, когда выяснилось, что крупные суммы, собранные на беженцев были похищены руководством Дашнакцутюн и вывезены в Америку, то сборы денежных пожертвований совершенно прекратились [9].

Деятельность Панисламистской и Пантюркской партий в Черноморской губернии за время войны ничем не проявлялась [10].

Таким образом, с начала войны деятельность революционных организаций в Черноморской губернии проявлялась в слабой степени и исключительно в легальном русле, поэтому особых кроме обычных мер борьбы с революционерами не потребовалось.

Нереволюционные партии в Черноморской губернии были представлены: региональным отделением партии конституционных демократов, Союзом 17 октября и Союзом Русского народа. Сторонники первых двух партий высказываются за намерение вести борьбу с самодержавием только после окончания войны [11].

Представители этих партий считались интеллигентской силой, руководили общественным движением в губернии и формировали общественное мнение. В тоже время региональное отделение Союза русского народа «попало в руки невежественных людей и шантажистов» [12].

Грузины, армяне и мусульмане составляли незначительную часть населения Черноморской губернии. До Первой мировой войны из 200 тыс. населения губернии, грузины, армяне и мусульмане составляли не более 10 тыс. человек, из которых турок до 4 тыс. [13] Никакие конфликты между указанными народностями не возникали ввиду их малочисленности.

В связи с войной в губернии возникли следующие общественные организации: Военно-промышленный комитет, причем новороссийский комитет вел более активную работу, отделения Союза Городов при городских управах занимались сбором пожертвований. Городской комитет по борьбе с дороговизной ввиду недостатка денежных средств деятельность не проводил. Отделения Татьянинского комитета в губернии работали исключительно на помощь беженцам. Кроме того в городе Новороссийске был создан Польский комитет о беженцах, который помогал исключительно полякам [14].

Административная ссылка применялась к политически неблагонадежным лицам и к подданным воюющих с Россией держав.

Применялись меры к обезоруживанию мусульманского, грузинского и армянского населения, причем разрешение на ношение оружия, во время войны, давал лично черноморский губернатор [15].

22 ноября 1916 года начальник Сочинского округа докладывал Черноморскому губернатору, что в Сочи имеется штат городских – 30 человек, но по факту работает только 4 человека, а 26 должностей являются вакантными. Вследствие этого в Сочи нет ни одного полицейского поста, в связи с этим в городе встречается много пьяных и незаконная продажа питей ведется довольно активно. В результате охрана общественного порядка была поручена 40 солдатам, которые и осуществляют караульную службу при арестном доме, конвоируют арестантов, охраняют почту и казначейство [16].

Проблема значительного количества вакансий в полиции была связана с низкими заработными платами. Так, полицейский получал 24 рубля в месяц, полицейский урядник – 34 руб., а съем самой скромной квартиры стоил в то время от 500 рублей в год [17].

Начальник округа просил черноморского губернатора об учреждении в Сочи сыскного отделения и повышения зарплаты [18]. По всей вероятности заработная плата полицейских была увеличена. Косвенным подтверждением того стало то, что к 1 января 1917 года в состав чинов полиции Сочинского округа входило 104 человека при положенных 156 [19].

Сотрудники жандармского отделения доносили, что греческое население совершенно индифферентно относится к интересам России и ставят своей задачей лишь личное обогащение. Пользуясь тем, что с начала войны иностранные фирмы были ликвидированы, а русскоподданные коммерческие деятели призваны в войска, греки «стараятся захватить в свои руки всю торговлю и промышленность, и открыто высказываются о необходимости не допустить Россию до овладения Константинополем, который, по их мнению, должен принадлежать только Греции. Поголовно все греки считают национальным грехом подписываться на Русский военный заем. Никто из греков не жертвует на военную благотворительность и все они стараются противодействовать увеличению производительных сил России... Как иностранцы греческая колония в будущем несомненно проявит засилье в области торговли и промышленности, в ущерб русским интересам» [20].

Летом 1916 года дестабилизировать ситуацию в губернском центре пытались большевики. Так, в это время в Новороссийск прибыла группа приезжих из Петрограда большевиков. Практически с момента своего приезда группа находилась на контроле у местной жандармерии. Подпольная группа проявила себя 15 июля, распространив в городе воззвания с предложением почтить память новороссийских революционеров 1905 года. На 15 августа большевики готовили антивоенное шествие, для этого было подготовлено 1 тыс. листовок. В воззваниях большевики подписывались как «Новороссийская инициативная группа РСДРП». Оперативно-следственными мероприятиями жандармского отделения практически все участники группы были арестованы. На двух конспиративных квартирах было изъято 34 фунта типографского шрифта, типографская краска, валик, гранки, нарезанная бумага, гектограф и другое оборудование [21]. Шествие не состоялось.

Эта операция стала наиболее значимым делом жандармерии на территории Черноморской губернии в годы войны.

Заключение

Завершая, хочется отметить, что в течение 1914–1917 гг. на территории Черноморской губернии деятельность жандармерии велась профессионально. Высылка с приграничной территории, которой являлась Черноморская губерния, видных представителей революционного движения, привела к политической стабильности в регионе. В дальнейшем в задачи жандармерии входило лишь поддерживать порядок и стараться предотвращать проникновение асоциального элемента на территорию Черноморской губернии.

Примечания:

1. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3-27.
2. Свилас С.Ф. Российская историография Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 68–72.
3. Krinko, E.F., Khlynina, T.P. (2014) Milestones of return of «forgotten war»: main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world *Bylye Gody*. (3), 33: 296-305.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 1-10б.
5. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.
6. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
7. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
8. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
9. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
10. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
11. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 20б.
12. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 3.
13. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 3.
14. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 3.
15. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 95. Л. 3.
16. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 131. Л. 28.
17. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 131. Л. 28.
18. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 131. Л. 28.
19. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 131. Л. 39-40.
20. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 464. Л. 50об.
21. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 464. Л. 74.

References:

1. Kozenko B.D. Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny // Novaya i noveishaya istoriya. 2001. № 3. S. 3–27.
2. Svilas S.F. Rossiiskaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny // Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. 2004. № 4. S. 68–72.
3. Krinko, E.F., Khlynina, T.P. (2014) Milestones of return of «forgotten war»: main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world *Bylye Gody*. (3), 33: 296-305.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK). F. 468. Op. 2. D. 95. L. 1-10b.
5. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 2.
6. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
7. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
8. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
9. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
10. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
11. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 20b.
12. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 3.
13. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 3.
14. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 3.
15. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 95. L. 3.
16. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 131. L. 28.
17. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 131. L. 28.
18. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 131. L. 28.
19. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 131. L. 39-40.
20. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 464. L. 50ob.
21. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 464. L. 74.

**К вопросу о деятельности жандармерии на территории Черноморской губернии
в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.)**

¹ Любовь Георгиевна Полякова

² Людмила Григорьевна Зимовец

³ Леонид Леонидович Баланюк

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

² Филиал Российского государственного социального университета в г.Сочи, Российская Федерация
г.Сочи, ул.Пластунская, 151/1

E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

³ Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36.

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail: iarann@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Государственного архива Краснодарского края рассматривается деятельность сотрудников жандармского управления на территории Черноморской губернии в период Первой мировой войны. В заключении автор приходит к выводу, что в течение 1914–1917 гг. на территории Черноморской губернии деятельность жандармерии велась профессионально. Высылка с приграничной территории, которой являлась Черноморская губерния, видных представителей революционного движения, привела к политической стабильности в регионе. В дальнейшем в задачи жандармерии входило лишь поддерживать порядок и стараться предотвращать проникновение асоциального элемента на территорию Черноморской губернии.

Ключевые слова: жандармское управление, Первая мировая война, Черноморская губерния.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 720-728, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.45)

Rear Daily Tsaritsyn County in the First Months of the Great War

¹ Elena Y. Leontyeva
² Nikolai A. Bolotov
³ Yuriy F. Boldirev

¹ Volgograd State Technical University, Russian Federation
Dr (Philosophy), Professor, Head of philosophy department
400131, Volgograd, Lenina Av. 28
E-mail: prof.elena.leontyeva@gmail.com

² Volgograd State Academy of Postgraduate Education, Russian Federation
Dr (History), Professor
Volgograd, ul. Buhantceva, 32
E-mail: vgapkro@mail.ru

³ Volgograd State Academy of Postgraduate Education, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
Volgograd, ul. Buhantceva, 32
E-mail: boldirev1948@list.ru

Abstract

Rethinking the events of the First World War, the authors focus their attention on the study, description and analysis of everyday life and public sentiment Tsaritsyn County this period. Principles and methods used by the "local history" involves understanding the attitude of people of a single small community and play its collective biography as part of the history of the country as a whole. This approach is integrated with the ideas of the philosophy of everyday life. For the first time used the original materials of the newspaper "Tsaritsyno Bulletin" July-October 1914. Rear everyday first months of the war had a significant patriotic coloring, which was reflected in numerous projects supporting the front and wounded. At the same time the daily life of the rear retains its familiar features and problems, people were busy on vacation, children's education, entertainment, etc. Breaking strength of the Great War had not yet declared itself and daily county-level cities have not yet acquired traits harsh wartime.

Keywords: First World War, the Great War, rear, everyday life, local history.

Введение

Переосмысление событий прошлого актуально именно для исторической науки, особенно в период «спустя сто лет», позволяющий представить объективные оценки, иное понимание и видение событий. Анализ повседневности тыла периода начала Великой войны в современных российских условиях тем более интересен и актуален исследователям. Во-первых, можно проследить разницу между повседневностью военного и невоенного времени, во-вторых, выявить некоторые характерные для повседневности тыла черты, в-третьих, реконструировать жизнь локального сообщества, повседневность которого отражала политические события мирового масштаба. В последнее время среди ученых-историков становятся все более популярными положения «новой локальной истории», предполагающей стремление понять людей из прошлого, вступить с ними в равноправный диалог и только на основе этого попытаться реконструировать былое. Главным принципом такой «локальной истории» является не территориальный подход, а изучение истории отдельно взятых реальных сообществ, как элемента мировой истории в целом.

Следует заметить, что как исторический объект локальная история тесно связана с региональной историей, но имеет свою, в первую очередь, социокультурную, нежели политическую

специфику. Новая локальная история идет по пути воспроизведения в определенных исторических условиях жизни человека как представителя локального микросообщества и далее – к созданию коллективной биографии этого местного сообщества. Но при этом история локального сообщества это не закрытая модель, она является моделью открытой, потому что рассматривается как органический элемент национального и мирового исторического пространства. Особенность локальной общности в том, что она реализует те или иные национальные и мировые тенденции в конкретных социальных практиках. В рамках локальной общности проявляет себя «тайнство» исторического процесса, когда совокупность объективных факторов и закономерностей реализуются, как субъективные желания вполне конкретных людей и малых групп.

Однако следует иметь в виду, что речь не идет об ограничении исторического исследования и замыкании его на изучение местных проявлений. В данном случае особый интерес, с одной стороны, представляет реализация политических решений местной властью, и отражение государственных событий в повседневности локального сообщества. С другой стороны, не менее интересен анализ того, каким образом проблемы местного значения и их решения вписываются во всеобщий национальный интерес и социальную жизнь страны в целом.

Материалы и методы

В контексте всего сказанного анализ и переосмысление событий периода начала Первой мировой войны мы позволили себе сосредоточить на повседневной жизни жителей Царицынского уезда. Основным источником и базой исследования выступают отдельные номера газеты «Царицынский вестник» с июля по октябрь 1914 г. Указанная газета, издавалась в Царицыне с 30 ноября 1897 года. Издатель-редактор газеты Е.Д. Жигмановский.

Идеи «новой локальной истории» непосредственно включают основные методологические подходы и принципы. Так, именно локальное сообщество позволяет понять, как в естественных, личностных взаимоотношениях проявляются макросоциальные отношения и связи. «Именно организация локуса порождает элементы макроструктур, складываясь в социально-классовые отношения и системы. Ракурсы «новой локальной истории» выявляют многообразие мира истории, широкую вариативность осуществления исторических законов и одновременно многообразие и неизбежность социальных связей этих микромиров в более общие социальные модели. Таким образом в современной историографии предпочтительно сочетание микро- и макроанализа» [1]. При этом объектом исследования выступают различные проявления бытия человека в его историческом развитии. Происходит как бы локализация человеческого сообщества, позволяющая проникнуть вглубь микросоциальных процессов, наблюдая при этом все многообразие социальных связей и отношений в естественной локальной среде. В этом случае основным инструментарием становятся методы микросоциальных исследований и антропологические подходы, а в целом все это отвечает предмету и методам философии повседневности, исследующей целостный, социокультурный жизненный мир, представляющий естественным, самоочевидным условием жизни человека. Именно здесь интегрируются две современные, до этого – независимые, научные области – новая локальная история и философия повседневности. Стремясь составить коллективную биографию локальной общности любого уровня они изучают микросообщества через историю отдельных людей, семей его составляющих. Реализуется подход «история снизу», когда мы пытаемся изучить и понять единичных людей, их роли, стереотипы поведения во всем многообразии того пространства, в котором человек себя реализует – бытовом, географическом, социокультурном, религиозном, политическом и т.д. И именно в этом случае крайне необходимо изучение местных памятников истории, артефактов, архивных данных, как целостных и наиболее содержательных источников локальной истории.

Обсуждение

Принципы «локальной истории» разрабатывали представители Лестерской школы [2]. В нашей стране одним из первых о концепте «локальной истории» писал С.А. Гомаюнов и определял последнюю как «история места, под которым понимается не территория, а «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определённую историческую деятельность» [3].

Московские и ставропольские историки, объединенные межвузовской научно-образовательной программой «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» так же анализируя сущность новой локальной истории, отмечали, что «Целью «новой локальной истории» - в отличие от социокультурных конструкций универсальной историографии – является осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса [4]. Основные положения философии повседневности были разработаны Альбертом Шюцом [5], а среди отечественных авторов эту проблематику исследовала Е.В. Золотухина-Аболина [6].

Историю Царицына периода Первой мировой войны изучали и российские и особенно волгоградские историки и регионоведы: А.П. Филиппова [7], Т.Г. Агеева [8], Т.А. Булыгина [1], М. Серенко [9], Е.П. Воробьев [10], В.Н. Медведев [11]. На недавно прошедшей в Татарстане конференции, посвященной Первой мировой войне, ряд волгоградских авторов представили свои исследования. В контексте нашего анализа особо отметим статью, посвященную общественным

настроениям в тылу [12]. Однако прицельное изучение тыловой повседневности Царицына периода начала Первой мировой войны по материалам наиболее популярной в то время местной газеты осуществляется впервые.

Результаты

Начало войны не оставило равнодушными жителей даже далеких от центра провинций, что в первую очередь отражалось на страницах местных газет. Анализ ряда выпусков «Царицынского вестника» июля-октября 1914 года показывает, что большая часть материалов освещала непосредственно события войны и связанные с ними решения, принимаемые в верхних эшелонах власти и военного командования. Это первое. Часть материалов газет была посвящена местным событиям, непосредственно или опосредованно связанным с военными действиями (молебны, сборы пожертвований, размещение раненых и т.д.). Информация такого содержания чаще всего публиковалась в рубрике «Хроника». Это второе. Но, как и прежде, газеты содержали большое количество рекламных материалов, а также сообщения о событиях местного значения, не имеющих отношения к большой политике или к Великой войне, но, безусловно, интересные местным жителям. Повседневность последних хоть и была омрачена мыслями о войне, но не изменилась принципиально: люди продолжали посещать театры и «электро-театры», плавать на теплоходах, где работает «прекрасный буфет», думать о предстоящей учебе своих детей во вновь открывшихся классах гимназий и училищ. Это третье. Остановимся на каждой из указанных нами группе новостей подробнее.

Информация о боевых операциях «Царицынский вестник» размещается в рубрике «Телеграммы. Великая война народов». В целом это достаточно разрозненная информация, полученная из самых различных городов мира. Именно эти сведения с фронта формировали у обывателя представления о происходящих событиях на военной арене. Следует, однако, отметить, что в большинстве своем сообщения первых месяцев войны создают весьма благоприятное впечатление об успешности военных действий и скорой победе. Достаточно часто в сводках телеграмм попадаются фразы с оптимистическими коннотациями: «Наши войска продолжают преследовать неприятеля», «наша кавалерия успешно атаковала одну австрийскую колонну», «австрийцы вновь отбиты на сербском фронте» «в бою под Эйдкуненом русские захватили немецкий пулемет», «русская конница преследует немецкую», «У немцев нет съестных припасов» «Разгром немецких армий под Варшавой», «ожесточенные атаки германцев отражены», «Австрийцы просят помощи у германцев» и т.д. и т.п. [13, 14, 15]. А в одном из октябрьских номеров [15] перепечатан из «Биржевых ведомостей» материал под названием «В Берлине больше не верят в победу», представляющий мнение профессора Петроградской консерватории Н.М. Бариновой, которая после 2 месяцев пленения в Берлине вернулась, наконец, в Россию.

Обыватель знает, что идет война, Уездные и губернские власти, при безусловной поддержке местных жителей организуют всевозможную помощь фронту, что также отражается в газетных изданиях. Помощь эта носит как весьма ощутимый материальный характер, так и воплощается в моральной и духовной поддержке: «25 июля в саду «Конкордия» оркестром были исполнены русский и французский гимны. Публика долгое время кричала «Ура» [16].

Как и многие города России, и особенно Юга нашей страны, Царицын был по составу населения многонациональным и многоконфессиональным. Каждая конфессия имела свои церкви и приходы. Проведение специальных мероприятий, посвященных событиям войны, как рекомендовались «сверху», так и инициировались прихожанами и местными церковнослужителями: «Епископ Алексей прислал телеграфное распоряжение с благочинному царицынских церквей, чтобы сегодня во всех церквях, после ранней литургии, были отслужены молебны о даровании победы русскому оружию» [16]. Именно церкви, храмы, приходы многочисленных конфессий и службы ими проводимые, формировали общественные настроения и оказывали существенное влияние на тыловую повседневность. «Царицынский вестник» от 27 июля 1914 года по этому поводу сообщал: «Молебен у евреев. Хозяйственное правление еврейских молитвенных домов гор. Царицына доводит до сведения всех проживающих в гор. Царицыне евреев, что сегодня в 6 часов вечера, в еврейской синагоге (Курская, уг. Смоленской), по случаю войны будет совершено молебен о даровании российскому воинству и об избавлении отечества от тяжелых испытаний... В римско-католическом костеле 27-го июля, т.е. в воскресенье, в 11 часов дня по окончании ранней литургии будет отслужен молебен о даровании победы русскому воинству. Приглашаются прихожане» [16].

А уже 29 июля появляются сообщения об отслуженных молебнах. «Молебен на Соборной площади. В воскресенье на Успенской площади после ранней литургии был отслужен торжественный молебен о даровании победы русскому воинству. К началу молебна на площадь пришли крестным ходом молящиеся из всех церквей. В 10 часов утра начался молебен. Пели два хора: соборный и Свято-Духовского монастыря, составленный преимущественно из взрослых. Перед молебном одним из священнослужителей был прочитан Высочайший манифест, а по окончании молебна прот. Пашин произнес слово, посвященное событиям последних дней. Во время молебна было провозглашено многолетие Царствующему дому... 26 июля в 6 ч. вечера на вокзале Влдк.ж.д. священниками Вознесенской и Крестовоздвиженской церквей отслужен молебен о даровании победы русскому воинству. Пел хор певчих. Молящихся было очень много. Среди них слышались рыдания...

Молебствие в Армяно-Грегорианской церкви. В воскресенье 27 июля в местной армяно-грегорианской церкви настоятелем Мкртичем Гаспарянцем после литургии при стечении всей армянской колонии и множества русского народа был совершен торжественный молебен о здравии Государя Императора и всего Царствующего дома и о ниспослании победы русскому Христолюбивому воинству» [13].

«Высокопатриотичным было отношение к войне немецких колонистов в Сарепте – историческом немецком поселении, находящемся в 30 км к югу от Царицына. 1 августа в Кирхе состоялся молебен о даровании победы русскому оружию, для проведения которого был приглашен пастор лютеранской церкви в Царицыне Л. Шмидт. Он произнес речь о начале войны и призвал сарептян защитить Родину. Потом под крики «Ура» на площади местный оркестр исполнил гимн России. Колонисты потянулись к волостному правлению, где состоялся сход, на котором было решено послать телеграмму Государю Императору с выражением своих верноподданнических чувств» [11; 103].

Храмы и монастыри Царицына и междуречья Волги и Дона вели серьезную патриотическую работу «Правящий архиерей епископ Саратовский и Царицынский Палладий (Добронравов) призывал духовенство и верующих епархии вспомнить о своем патриотическом долге: помогать фронту и оказывать помощь больным и раненым воинам, их семьям и беженцам из западных губерний. Во всех храмах Царицынского уезда регулярно проводились кружечные сборы, священнослужителями делались отчисления для нужд фронта. По инициативе Преосвященного Палладия почти при всех приходских храмах создавались сестричества по уходу за ранеными, неоднократно проводились сборы средств для семей мобилизованных солдат, учрежден Епархиальный комитет по устройству быта беженцев. Большой вклад в общепатриотическое дело внесли уездные монастыри: Краишевский, Ахтырский Божией Матери, Грязнухинский, Дивногорский Свято-Троицкий женские монастыри, собиравшие пожертвования на нужды фронта. Монахини шили для воинов нательное и постельное белье. Собирали предметы гигиены, устраивали для солдатских детей дневные ясли, открывали школы, отгружали для семей фронтовиков дрова, солому и т.д.» [8].

Однако жизнь Царицына и его жителей, насыщенная мыслями о войне, заботами о раненых, помощью пострадавшим, тем не менее, была жизнью обычных людей, где оставалось место маленьким радостям, привычным хлопотам, происшествиям местного значения – как хорошим, так и плохим. Так, например, на 30 июля приходился день рождения его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича. Это приятное событие не обошли и местные газеты, отмечая, что «в Успенском соборе будет совершена литургия, а по окончании оной Благодарственный Господу Богу молебен. Благовесть начнется в 9 часов утра. Жителям гор. Царицына предоставляю в этот день дома флагами, а вечером иллюминировать. Вр.И.Д. полицеймейстера Богородицкий [13]. День рождения царственной особы всегда праздник, который должен был оставаться таковым для людей, даже в периоды военных испытаний.

Газеты этого периода по-прежнему насыщены рекламой и объявлениями самого различного характера. Война началась летом, когда (как, впрочем, и сейчас) люди планируют отдых. Вплоть до сентября месяца активно предлагают «Большой выбор к лету: Ледники, мороженицы, фильтры, кубы для воды, души, гамаки, дачные кровати...» Каждый номер газеты предлагает «полученные к открытию сезона велосипеды» [13, 16]. Красочную (с изображением парохода) рекламу представляет «Пароходное общество по Волге, учрежденное в 1843 году», которое «доводит до сведения г.г. пассажиров, что оно в навигацию сего года ежегодно отправляет свои пароходы из Царицына. Вниз до Астрахани... Вверх до Нижнего Новгорода. Все пароходы американского типа со всеми новейшими приспособлениями для удобства пассажиров. Для пассажиров 1 класса имеются семейные отдельные теплые каюты, с койками, оплачиваемыми по числу мест без повышения таксы...» Здесь же акционерное общество «Волжско-Камское коммерческое пароходство «доводит до сведения пассажиров об отправлении пароходов в навигацию сего года из Царицына ежедневно.. Пароходы со всеми усовершенствованиями и удобствами для пассажиров. Плата за провоз пассажиров и провоз багажа дешевле, чем других пароходств» аналогичные предложения делает и Акционерное пароходное общество «Русь» [14, 17, 18, 21]. Судя по тому, что теплоходы только до Астрахани ходили ежедневно в 12 и 4 дня, а потом еще и в 12 ночи – вероятно маршрут был востребован. Строки подобных объявлений рожают образы белых пароходов по палубам которых неспешно прогуливаются барышни в длинных платьях под руку с учтивыми кавалерами. И страшно подумать, что машина разрушения идиллии провинциальной жизни уже была запущена, а неспешная повседневность Российской империи доживала свои последние годы.

Как и сейчас, сто лет назад все родители в августе-сентябре месяце были озабочены предстоящим обучением детей. Частная мужская гимназия Е.Д. Алексеевой, начиная с августовских номеров газет, информирует о том, что «с августа месяца открывается 2-1 класс. Прием прошений в 1-й и 2-й класс ежедневно с 2-10 и 5-7 ч. Вечера. Плата за обучение 80 руб. Тут же детское училище, подготавливающее детей обоюбого пола для поступления в 1-й класс средних учебных заведений. Дети принимаются с 7 лет. Плата за обучение в 1-м отделении 60 руб., во 2-м – 65 руб. и 3-м – 70 руб. Для желающих преподаются языки, гимнастика и танцы. За справками и с прошениями просят обращаться в помещение учебного заведения в вышеуказанные часы» [14].

В городе начинала работать и музыкальная школа, занятия в которой как сообщает газета от 24 августа «начнутся 1 сентября. Состав преподавателей остается тот же, за исключением г-жи Раниец, заменившей г-жу Шлесберг. Госпожа Раниец окончила С.П.Б. консерваторию в 1913–1914 учебном году по классу фортепьяно профес. С.М. Ляпунова. В 1914–1915 учебном году вводится также два новых предмета: история музыки и итальянский язык. Прием вновь поступающих продолжится до конца сентября. Приемные испытания для вновь поступающих не носят характера экзамена и служат лишь для определения музыкальных познаний. Начинающие поступают без экзамена» [20]. Казалось бы милые сердцу, мирные и обыденные объявления, однако дуновение войны чувствуется в том, что свою деятельность в 1914 году Царицынское отделение Императорского русского музыкального общества, куда и входила музыкальная школа, начинала «сезон благотворительным концертом, весь сбор от которого поступит в пользу раненых воинов и ученическим вечером с той же целью» [20]. На последней странице этой же газеты мы находим объявление о том, что «студент готовит и репетирует за комнату, обед и плату». И в противовес последнему: «Желают взять на хлеба с репетиторством ученика гимназии, реального училища 1 или 2 класса...». И еще объявление о «Курсах бухгалтерии при царицынской городской торговой школе». Сообщается, что курсы переведены в прежнее помещение. Начало занятий 1 сентября. Во многих и более поздних выпусках можно найти аналогичные объявления: «Готовлю и репетирую. Английский, французский, немецкий, латинский языки. Иностранка. Окончила университет» [21].

А 17 сентября все учебные заведения ждала Проверка. На пароходе «Гончаров» общества «Самолет» из Казани прибыл попечитель Казанского учебного округа г. Баланов и из Саратова директор народных училищ г. Карпов. Для встречи их прибыли директора местных гимназий и реального училища и инспектора высших начальных училищ [18].

А вот начальница 2-й женской гимназии А.Ф. Колчина и классная дама Т.А. Колчина приступили к началу учебного года только в конце сентября, так как «в субботу 20 сентября с 9 часовым утренним поездом возвратились из-за границы после долгого, по причине войны, отсутствия... Устроена была им радужная встреча. На вокзале к прибытию поезда собрались учительницы, учителя и ученицы. Поднесены были.. семь букетов живых цветов» [22].

В октябре месяце в Царицынский уезд назначен новый инспектор народных училищ, о чем в газете от 14 октября сказано, что это «преподаватель латинского языка в Саратовском учительском институте гимназии общества распространения среднего образования магистр богословия Г.К. Скворцов» [23].

Практически каждый номер «Царицынского вестника» дает рекламу театров – театра «Модерн», «Электро-художественного театра». Война и здесь заявляет о себе. Помимо привычных мелодрам и трагедий зрителей приглашают на «Картину из современной войны «Ужасы Калиша» [24].

Рядом со сводками военных событий, или мероприятий, касающихся помощи фронту в газете находит место и информация всегда интересовавшая (да и по сей день интересующая) жителей любого города – маленького и провинциального, или же большого и столичного. Это мелкие и незначимые (по сравнению с идущей войной) события, происшествия – хорошие или не очень. Например, о том, что произошел «Несчастный случай с мальчиком... На Суслином хуторе, близ устоя железнодорожной ветки... сложен привал рельс для прокладки трамвайной линии на Французский завод (ныне – завод Красный Октябрь – прим. авторов) По рельсам лазил 9-летний мальчик Александр Кулагин. Вдруг лежавшая наверху бунта рельса скатилась вниз и придавила мальчику левую ногу... На крики прибежали сторожа – Василий членов и Александр Шурупов, освободили Кулагина и отнесли его в дом матери, которая отправила мальчика в городскую больницу» [20]. Очевидно, что для семьи Кулагиных это происшествие затмило все тревоги о войне... Но это всего лишь маленький мальчик в огромной империи...

Полиция уездного города продолжает свою работу. Так, сообщается о задержании вора, совершившего кражу полтора года назад. «По разосланным отношениям о розыске заподозренного Белинского, последний был арестован в с. Белом Кубанской области и этапным порядком доставлен в местную сыскную часть, где, после некоторого заперательства, объяснив, что часть похищенных вещей у него украли, а остальные он сбыв по-дешевке. Вор с протоколом препровожден городскому судье 2 уч. [20].

«В настоящее время наблюдается редкое явление: в Гоголевском сквере цветет розовая акация, а у некоторых домовладельцев – белая акация» [20].

В газетах пишут о многом – о растратах, о пожаре, о самоубийстве молодой девушки и о покушении на самоубийство из ревности, об укушенном собакой мальчике [22]. Пишут стихи и фельетоны [25], но отнюдь не военного, а повседневно-бытового, человеческого, содержания. Люди продолжают жить... Газета от 23 сентября сообщает о «краже телефона в д. Смецких. Кроме того о «конфискации рыбы... маломерной воблы, общим весом 12 пудов» Кстати, передана эта рыба была в «распоряжение местной Земской управы, распределяющей рыбу среди нуждающихся семей запасных (то есть призванных из запаса – авт.) в уезде [22].

Большинство номеров «Царицынского вестника» этого периода публикуют рекламу «Музыкально-нотного магазина» Германа Гольника, сообщающую о наличии «громдного выбора

роялей и пианино первоклассных фабрик, - а также, - граммофоны, патефоны, пластины и диски и все прочие музыкальные инструменты, ноты и струны» [13, 21, 22, 23].

Весьма интересен в контексте исследования нами тыловой повседневности эпизод, скорее военной повседневности, однако формирующий отношение к нашим солдатам у тех, кто остался в тылу и поддерживает их той или иной помощью. В газете говорится «об отношении наших солдат к неприятелю и населению занимаемых русскими войсками местностей.... После одного боя на пути отряда встретила маленькая немецкая крестьянская хибарка. Зайдя в нее, солдатики нашли там большую только что родившую женщину и около нее нескольких маленьких детей. В хлеву подавала голос некормленая корова. Около хибарки отряд временно остановился и сделал привал. Пользуясь остановкой солдатики подоили корову, напоили роженицу и детей и сварили им найденные в избе яйца. Это мелкий случай, характеризующий добродушие и гуманность славян, по сравнению с которыми тевтонская дикость и зверство являются тем более возмутительными» [20].

В газете от 16 октября в разделе «Война» можно найти интересную заметку военного врача, описывающего развлечение наших солдат на войне – повседневность войны, когда утрачивается чувство опасности, а свистящие пули, воспринимаются как падающие груши. Врач перевязывал солдата, раненого в голову в тот момент, когда под пулями он и еще «20-30 его товарищей спокойно копали картошку случайно набредши на огород. Пули летали, но солдаты совершенно их не замечали» [21]. Удивляется военврач и тому, что солдаты буквально забывают о войне, едва завидев бегущего зайца: «кидаются в погоню весело улюлюкая, совсем забывая об опасности. Точно дети». Никогда не обойдут русские солдаты, стоящее на пути фруктовое дерево. «Принимаются трясти, взбираются на макушку. А пули кругом жужжат» [21]. Какие мысли рождали в головах жителей тыла подобные рассказы? Об удали, или о бесшабашности? На наш взгляд – это доказывает, что и война оказывается повседневностью для тех, кто находится на передовой, и солдаты, бойцы могут проявлять свои простые человеческие чувства, и вдруг становиться «как дети».

О первом прибывшем в Царицын с войны больному сообщает «Царицынский вестник» от 24 августа. Им оказался инженер «Поплавский, прибывший 22 августа... Отпущен из госпиталя для поправления здоровья» [20]. В последующих номерах газет все больше информации о прибывших раненых и их размещении в больницах города. В сентябрьских и последующих номерах появляются печальные колонки под названием «Список убитых и раненых». Указано звание, имя, фамилия и отчество. В одном только номере газеты мы насчитали 15 человек убитых и умерших от ран, 45 раненых, 20 контуженных и 3 без вести пропавших [22].

Все громче звучащая, в том числе и на страницах газет, информация о пострадавших, ведущихся боевых действиях, рождает в тылу вполне понятное желание прийти на выручку, поддержать, оказать посильную, помощь. Тыловая повседневность, продолжая носить достаточно мирный характер, теперь приобретает новый важный смысл – помощь фронту и пострадавшим. В газете от 18 сентября сообщается, что ко дню русского воина был устроен сбор пожертвований на раненых воинов. «Продавались флаги не только в центре, но и на окраинах города, за Царицей и на Французском заводе, пешком, в экипажах, в автомобилях, вагонах трамвая и на пароходах. Особенно бойко торговала флажками барышня в платье из материи национальных цветов. Все с любопытством останавливались возле нее и с охотой опускали монеты в ее кружку. Охотнее всех жертвовала отзывчивая на все молодежь... красивое зрелище представляло собой шествие учащейся молодежи обоих полов с массой разноцветных флагов в руках. Пение национального гимна, крики «ура» и звуки музыки сопровождавшего шествие оркестра привлекали массу народа...» [18]... В газете от 23 сентября в заметке «Сбор от продажи флажков» сообщается: «Третьего дня закончился подсчет в кружках, обращавшихся в «день русского воина» 16 сентября. Всего в 341 кружке оказалось 4561 руб. 63 коп.» [22]. Это был весьма существенный вклад жителей Царицына в поддержку русского оружия.

Не меньшую значимость в повседневной жизни Царицына военного времени имела благотворительность отдельных жителей и общественных учреждений города. Речь идет, в частности, о «Дамских комитетах», состоящих из жен и сестер воинов, отправленного на фронт Аварского полка. Посильную помощь оказывали земские служащие, а также состоятельные дворянки. Дамский комитет развернул широкую кампанию по привлечению пожертвований. Возглавляла комитет супруга полкового командира полковника В.И. Бурмистрова. Газета от 18 сентября сообщает, что Дамский кружок Аварского полка принимает пожертвования деньгами, материалом, теплыми вещами, табаком, папиросами, мылом, чаем, спичками, почтовой бумагой с конвертами в помощь аварцев. Пожертвования принимаются в кв. жены командира полка Бурмистровой... в кв. нотариуса Царицынского...» [18]. Идет сбор вещей в подарок. Дамский отдел при Комитете Царицынского отделения банка по оказанию помощи военным чинам снабжает комплектами постельного белья лазареты. За счет городской управы приобретены для сборного пункта нижних чинов: чайники, ложки, кружки. Во многих номерах «Царицынского вестника» А. Бурмистрова приводит отчеты о деятельности кружка и собранных пожертвованиях. Отметим, что при этом указываются как все поименно физические лица, так и организации или учреждения, внесшие пожертвования. Указывается также и само пожертвование и его размер. Что же жертвовали для солдат Царицынские жители? Кроме денег это были: одежда (фуфайки, чулки, кальсоны, сорочки, перчатки, шарфы,) полотен, карандаши и почтовая бумага, конверты, мыло, и, конечно, табак, папиросы и курительная бумага.

Активизировалась деятельность городской Думы, принимающей решения стратегической значимости, а не единичной помощи или пожертвований. Эти решения уже меняют привычный уклад и жизнь горожан. Из протокола ее заседания от 22 августа 1914 года: «Помещение 5-го смешанного училища в доме мещанского общества (за полотном) отведено под лазарет для раненых; принято решение раненых брать в семьи: строятся бараки и склады. В Царицын прибывают войска, воинским постоем заняты 1-я и 2-я женские гимназии и реальное училище. Речь идет о постройке офицерских квартир при воинских казармах за счет города (Аварский полк, август 1914 года); 26 августа городской Думой принято решение о дополнительном обложении 1 копеей 3- и 5-копеечных билетов в качестве дополнительного сбора на нужды войны на предмет выдачи пособия семьям призванных на военную службу» [7; с.11]. Обсуждается вопрос о том, как приветствовать и кормить на вокзале прибывших в Царицын, как обеспечивать достойную помощь раненым, как перестраивать привычный уклад жизни.

Активное участие людей в помощи армии и солдатам, сборе средств и пожертвований, душевная теплота тут же были отмечены теми, кому она предназначалась. Иллюстрацией, не требующей комментариев, служат публикации в «Царицынском вестнике»: «От раненых воинов благодарность Французскому заводу. М.г.г. редактор! Просим поместить в вашей газете «Царицынский вестник» следующее.

По прибытии в город Царицын мы, раненые, были встречены большой толпой народа и множеством полиции. Эта процессия для нас была очень трогательна. Весь народ стоял и смотрел на нас сочувственно. На лице каждого человека было как будто бы написано, что всякий хотел бы раненым чем-либо помочь. Мы, раненые, от души благодарим дирекцию завода и врачей и фельдшерц, и товарищей-рабочих завода за их хороший прием и за внимание к нам раненым воинам. В настоящее время мы находимся на лечении и как будто в гостях. Пища очень вкусная и в помещениях чистота блестящая. Кровати хорошие, Белье носильное и постельное очень чистое и хорошее. Благодарим врача от чистого сердца Алексея Петровича и фельдшерц Стефаниду Ульянову и Валентину Николаевну за их нежное к нашим раненым отношение. Обращение их вежливо и аккуратное, как с малыми детьми, за их лечение и обращение. Шлем им свою неоценимую благодарность и надеемся вылечиться такими же, как были, и вернуться на свою родину к женам с детьми и дорогим родственникам.

Пишет защитник родины раненый воин старший унтер-офицер Михаил Иванов. 1914 г. 22 сентября» [19].

В октябрьском номере газеты опубликована благодарность солдат Дамскому Кружку Аварского полка. «Мы собрались все и обдумывали вопрос как лучше выразить нашу искреннюю радость и такую же искреннюю и сердечную благодарность за ваши хлопоты и заботы по собиранию нам подарков, получение которых в свободную минуту для нас является истинным наслаждением с почти детской радостью...» [23]. Из этих писем мы узнаем, что наиболее ценным подарком для солдат была махорка, потому что «местная крепостью не та». Узнаем также, что содержимое посылок раздавалось по жребию, который сначала хотели устраивать только среди царицынских, но потом «пришлось согласиться, что для всех без различия и их допустили к жеребьеванию... передайте от нас наш низкий поклон Дамскому Кружку за их заботливость, «внимание о нас». Одно из благодарственных писем заканчивается словами «Вы этим заставляете нас думать, что мы не совсем покинуты и есть там на родине люди кому дорога наша жизнь, они стараются помочь нам труженикам и заставляют молить Бога, а мы в свою очередь поддержим честь и славу России» [23].

Заключение

Подводя итог всему сказанному, отметим, что общественные настроения на начальном этапе Первой мировой войны были позитивными, основанными на вере в русское оружие, в Императорский дом, в скорейшую победу. Тыловая повседневность была ориентирована на поддержку политики Российского государства, на перестройку своего быта для реализации на местах общей идеи защиты Отечества в целом и помощи каждому конкретному воину в частности. При этом поддержка фронта и реабилитация раненых воинов не были бы столь эффективны, если бы повседневность перестала быть таковой, утратилась бы. Поэтому повседневная жизнь жителей Царицына, по крайней мере, в первые месяцы войны, по-прежнему отражала каждодневные и приятные хлопоты – организацию отдыха и досуга, сбор детей в школу, прогулки на пароходах, и происшествия местного значения, о которых всегда интересно знать. Повседневность Царицына все же еще была мирной, что и позволяло раненым воинам быстро прийти в себя, ощутив спокойствие иной жизни, с ее каждодневными заботами и хлопотами. Разрушающая сила Великой войны еще не заявила о себе и только с высоты своих «сто лет после...» мы знаем и понимаем, что спустя три-четыре года даже повседневность Уездного города станет другой, обретя черты сурового военно-революционного времени.

Примечания:

1. Булыгина Т.А. Услышать голоса прошлого. Вступительная статья / Т.А. Булыгина // Голоса из провинции: сб. документов. Составители: В. Белоконь, Т. Колпикова, Т. Никитенко / Ставрополь, 2011. С.4.
2. Историческое знание в Великобритании второй половины XX века: пути «новой социальной истории» [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_1/Historiography/Historiography%20in%20%D0%A5%D0%A5/chapter2_4.htm (Дата обращения 01.03.2015).
3. Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии / С.А. Гомаюнов // Вопросы истории. 1996. №9. С. 161.
4. Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm#_ftn25. (Дата обращения 01.03.2015).
5. Шюц А. Структура повседневного мышления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000918/st000.shtml> (Дата обращения 01.03.2015).
6. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. М: изд-во Ника-Центр, 2005. 256 с.
7. Филиппова А.П. Царицын накануне и во время Первой мировой войны // Царицын – Сталинград – Волгоград. Вехи истории. Альманах / Волгоград, Перемена, 2014. Вып. 1. С. 5-19.
8. Царицын. На войну уходил эшелон... / Каталог выставки / Авт.-сост. Т.Г. Агеева и др. Волгоград, 2014. 86 с.
9. Серенко М. На дорогах Первой мировой // МиГ. 1991. 28 августа. № 7 (Первые дни войны 1914 г. в Царицыне).
10. Воробьев Е.П. «Победа будет на нашей стороне. Ибо армия опирается на тыл...» Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 4. С. 50-54.
11. Медведев В.Н. Благотворительность в Сарепте в годы Первой мировой войны // Вопросы краеведения. Вып. 1. Волгоград, 1991. С. 99-106.
12. Леонтьева Е.Ю. / Общественные настроения и тыловая повседневность в Царицынском уезде в годы Первой мировой войны Смирнова С.К., Кокорин С.А., Филиппова А.П // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г.Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 453-464.
13. Царицынский вестник. – 1914. – 29 июля. - № 4651.
14. Царицынский вестник. – 1914. – 13 августа. - № 4663.
15. Царицынский вестник. – 1914. – 11 октября. - № 4711.
16. Царицынский вестник. – 1914. – 27 июля. - № 4650.
17. Царицынский вестник. – 1914. – 12 августа. - № 4662.
18. Царицынский вестник. – 1914. – 18 сентября. - № 4691.
19. Царицынский вестник. – 1914. – 25 сентября. - № 4697.
20. Царицынский вестник. – 1914. – 24 августа. - № 4672.
21. Царицынский вестник. – 1914. – 16 октября. - № 4715.
22. Царицынский вестник. – 1914. – 23 сентября. - № 4695.
23. Царицынский вестник. – 1914. – 14 октября. - № 4713.
24. Царицынский вестник. – 1914. – 1 октября. - № 4702.
25. Царицынский вестник. – 1914. – 2 сентября. - № 4678.

References:

1. Bulygina T.A. Hear the voices of the past. Introductory article / T.A. Bulygina // Voices from the province: Collection of documents. Compiled V.Belokon, T. Kolpikova, T. Nikitenko / Stavropol, 2011. - P.4.
2. Historical knowledge in the UK the second half of XX century: ways of the "new social history" [electronic resource]. - Mode of access http://elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_1/Historiography/Historiography%20in%20%D0%A5%D0%A5/chapter2_4.html (Date of access 01/03/2015).
3. Gomayunov S.A. Local history: problems of methodology / S.A. Gamayunov // Questions of history. 1996. №9. P 161.
4. Malovichko S.I. Modern historical science and the study of local history [electronic resource]. - Mode of access: http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm#_ftn25. (Date of access 01/03/2015).
5. Schutz A. Structure of daily thinking. [Electronic resource]. Mode of access: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000918/st000.shtml> (Date of access 03/01/2015).
6. Zolotukhina-Abolina E.V. Daily routine: philosophical puzzles. M: Publishing House Nika Center, 2005. 256 p.
7. Filippova A.P. Tsaritsyn before and during First World War // Tsaritsyn - Stalingrad - Volgograd. Milestones of the history. Almanac / Volgograd, Change, 2014. Vol. 1, pp 5-19.

8. Tsaritsyn. Echelon was leaving on the war... / Exhibition Catalogue / Compiled by author: TG Ageeva and others. Volgograd, 2014. 86 p.
9. Serenko M. On the roads of the First World War // MiG. 1991. 28 of August. - № 7 (first days of the war in 1914 in Tsaritsyn).
10. Vorobyov E.P. "Victory will be on our side. For the army relies on the rear ... " Tsaritsyn during the trials of First World War (1914-1918 y.y) // Military History magazine. 2013. № 4. PP. 50-54.
11. Medvedev V.N. Charity in Sarepta in the First World War // Questions of Regional Studies. Vol. 1. Volgograd. 1991. pp. 99-106.
12. Leontyeva E.Y. Public sentiment and rear daily in Tsaritsyn district during the First World War / E.Y.Leontyeva, S.K.Smirnova, S.A.Kokorin, A.P. Filippova // Tatar people and the peoples of the Volga region during the First World War: a collection of materials Scientific Conference with international participation, dedicated to 100th anniversary of the outbreak of war (Kazan, October 10-11, 2014) / Ed. L.R.Gabdrifikova. Kazan Institute of History named by Sh.Mardzhani Tatar Academy of Sciences. 2014. p. 453-464.
13. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - July 29. - № 4651.
14. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - August 13. - № 4663.
15. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - October 11. - № 4711.
16. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - July 27. - № 4650.
17. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - August 12. - № 4662.
18. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - September 18. - № 4691.
19. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - September 25. - № 4697.
20. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 – August 24. - № 4672.
21. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - October 16. - № 4715.
22. Tsaritsyno Bulletin. - 1914 - September 23. - № 4695.
23. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - October 14. - № 4713
24. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - October 1. - № 4702.
25. Tsaritsyno Bulletin. - 1914. - September 2. - № 4678.

УДК 94(470.45)

Тыловая повседневность Царицынского уезда в первые месяцы Великой войны

¹ Елена Юрьевна Леонтьева

² Николай Александрович Болотов

³ Юрий Федорович Болдырев

¹ Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация
400131 г. Волгоград, пр. Ленина, 28

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии
E-mail: prof.elena.leontyeva@gmail.com

² Волгоградская государственная академия последиplomного образования, Российская Федерация
4000120 Волгоград, ул. Буханцева, 32

Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vgapkro@mail.ru

³ Волгоградская государственная академия последиplomного образования
400120 Волгоград, ул. Буханцева, 32

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: boldirev1948@list.ru

Аннотация. Переосмысливая события начала Первой мировой войны, авторы сосредотачивают свое внимание на исследовании, описании и анализе быденной жизни и общественных настроений Царицынского уезда этого периода. Используются принципы и методы «локальной истории», предполагающей понимание мироощущения людей отдельно взятого малого сообщества и воспроизведения его коллективной биографии как элемента истории страны в целом. Данный подход интегрирован с идеями философии повседневности. Впервые используются оригинальные материалы газеты «Царицынский вестник» июля-октября 1914 года. Тыловая повседневность первых месяцев войны имела значительную патриотическую окрашенность, что отражалось в многочисленных проектах помощи фронту и раненым. При этом повседневная жизнь тыла сохраняла свои привычные черты и проблемы, люди хлопотали об отдыхе, обучении детей, развлечениях и т.д. Разрушающая сила Великой войны еще не заявила о себе и повседневность Уездного города еще не обрела черты сурового военного времени.

Ключевые слова: Первая мировая, Великая война, тыл, повседневность, настроения людей, локальная история.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 729-734, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(560)

The Problem of the Entry of the Ottoman Empire in the First World War From the Point of View of Russian And Turkish Historians

Kamil G. Akhsanov

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
Kremlyovskaya st. 18 Kazan city, Republic of Tatarstan 420008
PhD (History)
E-mail: kgaxanov@list.ru

Abstract

The article is regarded the approaches of Turkish and Russian researchers on the issue of entry of the Ottoman Empire in World War I in 1914. There is given the point of view of Turkish historians and attempt to trace the evolution of the views of Russian researchers in the evaluation of the motives behind the ruling circles of the Ottoman Empire to take military action on the side of Germany.

The article presents the most characteristic stamps of Soviet historiography of the reasons for the entry of the Ottoman Empire in World War I on the side of Germany and Austria-Hungary. Also presents the point of view of the entry of the Ottoman Empire in the First World War a number of Turkish researchers in the modern history of Turkey (A. N. Kurat, J. Arslan, I. Ortaylı). What follows is an overview of the most important works on Turkish history in the twentieth century, Released in Russia in recent years. It is emphasized that in most of these studies continue to live on the installation initially aggressive character of the foreign policy of the Ottoman Empire in the early twentieth century. But at the same time provides the concept of Russian-Turkish Studies historians more fully investigate the problem and diversified involvement of the Ottoman Empire in World War I (V. I. Sheremet Ju.V. Luneva). In this article, the reason for differences in the views of Russian and Turkish historians on the issue involving the Ottoman Empire in the First World War is explained as the difference between the source base and stereotypes and cliches.

Keywords. The First World War, Ottoman Empire, Turkey, Russia, the young turks, Germany, the Entente, the Triple Alliance.

Введение

В 2014 г. отмечался столетний юбилей со дня начала Первой мировой войны – войны, которая коренным образом изменила политические карты Европы и Ближнего Востока, войны, в результате которой пали целых четыре империи и возникли десятки новых государств. Для Османской империи эта война обернулась потерей огромных территорий, гибелью миллионов людей, и едва не привела турецкую нацию к катастрофе. Для России первая мировая война также стала причиной кардинального поворота в ее истории – концом старой царской государственности, распадом империи и становлением нового советского государства, основанного на коммунистической идеологии. Но если Турция в итоге возродилась в виде национального государства, то благодаря интернациональной коммунистической идеологии Российская империя «воскресла» почти что в прежних границах в виде нового многонационального образования. Причины возникновения войны принято видеть в общеевропейском политическом кризисе начала XX в. [1] В тоже время для османской империи мотивами вступления в войну могли послужить и внутренние проблемы – стремлении вывести империю от зависимости западных держав. [2] И в Турции и в России первая мировая война оставалась объектом исследования профессиональных историков, а также нашла отражение в публицистике и художественной литературе. Но все же в СССР интерес к событиям 1914–1918 гг. был несколько ниже, чем в других странах-участницах войны, в советской исторической литературе война и ее последствия рассматривались, прежде всего, сквозь призму революционного

движения, в результате которого пало русское самодержавие и установилась советская власть. И также следует отметить, что в российской (советской) историографии противостоянию Российской и Османской империй уделялось меньше внимания, чем событиям на германском фронте.

Материалы и методы

Источником для написания данной статьи послужили труды российских и турецких историков, в которых рассматривается проблема вступления Османской империи в Первую мировую войну.

В работе использован сравнительно-исторический метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, в нашем случае сравнение эволюции взглядов российских исследователей с концепциями турецких историков.

Результаты

В первые годы после начала мировой войны в работах, написанных в России, постулат об исключительной виновности правящих кругов Османской империи, вместе с верхушкой кайзеровской Германии, за разжигания войны являлся неоспоримой истиной. Всячески подчеркивался прогерманский характер внешней политики Османской империи еще задолго до начала войны. Главным проводником германофильской линии в османском руководстве тогда (да и намного позже) было принято считать военного министра Энвер-пашу. Так оценивал события накануне войны в своей работе от 1914 г. выдающийся отечественный турколог В.А. Гордлевский: «Сознавая свое бессилие в борьбе с врагами, младотурки решили поддерживать в стране свою власть с помощью иноземцев: они пригласили в 1913 г. из Германии новую военную миссию и облекли ее чрезвычайными полномочиями. Теперь в армии от имени младотурок хозяйничали уже немцы... Переуступив значительную часть военной власти немцам, младотурки совершили над собой акт самоубийства» [3]. Идею о вине Энвер-бея за вовлечение Турции в войну разделял и автор увидевшей свет в 1915 г. книги «Младотурецкая держава» А.Н. Мандельштам [4]. Подобная трактовка событий характерна и для других работ, вышедших в это время. Нет ничего удивительного, что в условиях войны авторы одной из воюющих сторон стремились полностью переложить ответственность за начало кровопролития на противника.

После Октябрьской революции 1917 г. оценки событий первой мировой войны в отечественной историографии изменились радикально, что было связано, во-первых, с заключением Брестского мира с Германией и ее союзниками, включая и Османскую Турцию, а, во-вторых, уже после окончания первой мировой войны установлением союзнических отношений с новым турецким правительством в Анкаре. Были опубликованы документы, в которых содержалась информация об агрессивных планах держав Антанты, включая и царскую Россию, как по отношению к азиатской части Турции [5], так и европейским владениям Порты [6]. В этих документах раскрывалась политика Российской империи по подготовке раздела Турции вместе с Англией и Францией и захвата Константинополя. В 1920–1930-е гг. появились работы советских исследователей, посвященные анализу захватнической политики русского самодержавия по отношению к Османской Турции [7] [8] [9].

В последующие годы вопрос о вступлении Турции в мировую войны достаточно подробно рассматривался в работах целого ряда советских историков [10] [11]. В целом в этих трудах присутствует подробный анализ событий, приведших Османскую империю к союзу с Германией и участию в войне. А.Ф. Миллер в целом, давая негативную оценку «авантюризму» Энвера, склоняется к тому, что Турция вступила в войну под жестким давлением Германии и при фактическом содействии Англии. Но по сравнению с работами 1920–1930-х гг. в послевоенный период об экспансионистских амбициях царской России практически не упоминается. И если в специальных исследованиях все таки можно было прочесть об очень сложных политических комбинациях вокруг Османской Турции, о маневрах самой османской элиты между странами Антанты и Тройственного союза, то в общих работах по истории Турции давалась вполне однобокая оценка событий, где вся ответственность за начало войны на Ближнем Востоке, на Кавказе и Черном море целиком возлагались на Турцию и Германию. «Младотурецкие правящие круги полагали, что в этой войне Турция при поддержке Германии осуществит свои пантюранистские планы, «сведет старые счеты» с державами Антанты и освободится от их экономического, политического и военного давления» [12]. В трудах советских историков не уделялось достаточного внимания объективным факторам вступления Османской империи в войну на стороне Германии. Почти вся ответственность за втягивание Турции в мировой военный конфликт возлагалась на правящие круги Османской империи: «Лидеры младотурок, делая ставку на военно-политический союз с кайзеровской Германией, вынашивали явно бредовую идею объединения всех тюркоязычных народов под верховенством турок-осман» [13]. При том следует учесть, что подобного рода высказывания об изначально «агрессивном, завоевательном» характере политики младотурецкого правительства не подкреплялись необходимым числом ссылок на документальные источники и декларировались как общепризнанная истина, как некая аксиома, не требующая доказательств.

В самой Турции отношение к младотуркам также не всегда было положительным и по сей день остается неоднозначным. Но в работах турецких исследователей, в не зависимости от их отношения к младотурецким лидерам, причины начала первой мировой войны рассматривались более тщательно,

чем в работах советских историков середины – второй половины XX в. Тема Первой мировой войны достаточно глубоко раскрыта в двух произведениях турецкого историка российского (татарского) происхождения Акдеса Нимета Курата (A.N. Kurat): «Доклады немецких генералов, находившихся в Турции в период первой мировой войны» [14] и «Турция и Россия» [15]. Если в первой книге историк подробно разобрал и перевел очень важные для того времени источники, то во втором труде в главе посвященной первой мировой он дал подробнейший анализ событий, приведших к участию Османской империи в мировой войне.

А.Н. Курат отмечает неготовность и нежелание правящих кругов Османской империи вступать в новую войну, поскольку империя только что перенесла две войны стоившей ей огромных территорий в Африке и на Балканах. «Продолжались сказываться потери Балканской войны и финансовое экономическое расстройство. Все надежды были связаны с получением помощи извне, на крупный оздоровительный заем. С этой точки зрения министр финансов Джавид бей считал, что большой оздоровительный заем от Франции станет для Турции большим благом. Считалось, таким образом, что большой заем от Англии, или другой страны, в особенности от Германии, позволит поднять экономику Турции до определенного уровня» [15]. Курат пишет о том, что были проекты экономического развития Анатолии, которые рухнули из-за начавшейся войны. Также он отмечает, что Балканская война показала всю слабость османской армии. Таким образом, Османская империя никак не была заинтересована в новой войне.

Тема Первой мировой войны достаточно подробно освещена в седьмом томе «Общей истории Турции» (автор статьи Prof. Dr. Sezmi Eraslan) [16]. В этом издании проводится мысль, что Первая мировая война была для западных держав последним шагом для разрешения Восточного вопроса. Еще с XVII в. для европейских государств стало ясно, что остановить, а затем и расчленив Турцию можно лишь создав мощную коалицию. Что касается России, то она, прежде всего, опасалась распространения влияния немецкого пангерманизма на Юго-Восточную Европу, видя в этом препятствие российскому панславизму. Она хотела, расчленив союзницу Германии Австрию, присоединить к себе всех славян в регионе. Также Россия с помощью союзников хотела захватить Стамбул и проливы. То, что Англия и Франция не хотели видеть в Турции союзника связано, с тем, что они сами претендовали на доли при разделе «османского пирога». Кроме того, союзники стремились не раздражать Россию, которой были обещаны Стамбул и проливы в обмен на использование ее живой силы против Германии. Напротив Германия настаивала на вступлении Турции в войну, стремясь использовать в своих интересах влияние Стамбула на мусульман, проживавших в странах Антанты [16].

В сводном издании «История Османского государства, общества и цивилизации» причина вступления Турции в войну на стороне Тройственного союза объясняется разочарованием правящих кругов Османской империи в попытках сближения с Англией и Францией и ошибочной оценкой верхушкой младотурок реального положения вещей. Переоценив военную мощь Германии, и, находясь под ее пропагандой, младотурецкие лидеры приняли в итоге решение о присоединении к Германскому блоку [17]. Тема германского влияния в Османской империи подробно рассмотрена в работе турецкого историка Илбера Ортайлы (İlber Ortaylı) [18]. В частности турецкий историк отмечает, что даже в случае победы в войне, зависимость Турции от Германии только бы усилилась.

После начала в СССР перестройки в середине 1980-х гг. в исторической науке также происходят серьезные перемены. У исследователей появляется возможность более свободного толкования исторических событий, а также открываются возможности заниматься ранее запретными темами. В основном перемены коснулись разработки новейшей истории СССР, взаимоотношений Советского Союза с западными странами. Если взять историю Турции и российско-турецких взаимоотношений, то на рубеже 1980–1990 гг. серьезного переосмысления ранее установленных штампов не наблюдается, так в учебном пособии по средневековой и новой истории Турции говорится, о том, что младотурки вовлекли страну в мировую войну на стороне Германии [19]. Тем самым вся полнота ответственности за дальнейшие события возлагалась исключительно на турецкую сторону.

Лишь в 1995 г. увидела свет книга выдающегося историка турколога В.И. Шеремета, а которой дается отличная от принятой в советской историографии трактовка вступления Турции в первую мировую войну. В.И. Шеремет писал о том, что союз Турции с Германией в 1914 г. не был предрешен, в правящих кругах Османской империи было не мало тех, кто ориентировался на сближение с Францией, и даже с Россией. Да и в целом наиболее дальновидные представители турецкой правящей элиты всячески стремились в 1914 г. избежать участия их страны в военном конфликте. «В Стамбуле летом и в начале осени многие даже не хотели думать о войне с Россией» [20]. Не подвергая сомнению «пантюркистские» взгляды значительной части османской правящей элиты, российский историк тем не менее сообщает о стремлении османского правительства избежать участия в мировой войне на стороне Германии: «...младотурецким руководством были предприняты последние попытки достичь взаимодействия с членами Антанты. Это имело место в мае 1914 г. с Россией, и в июле 1914 г. в разгар Сараевского кризиса — с Францией. Обе попытки осуществлялись на уровне чрезвычайных посольств, персонально на самом высоком уровне. В Россию ездил Талаат-паша, известный своим умеренным равноудалением от всех западных держав. Во Францию франкофил - Джемаль паша. В обоих случаях речь шла о военном двустороннем союзе Османской империи с Россией или

Францией. Оба раза — безрезультатно: и Петербург и Париж уклонились от обсуждения турецких предложений» [20]. Не снимая вину за вовлечение Османской империи в первую мировую войну с лидеров младотурок, В.И. Шеремет разделил ответственность Турции за кровопролитие с державами Антанты, включая и Россию. «Последняя попытка младотурок привлечь Россию к военному союзу обещанием (начало августа 1914 г.) организовать блок балканских держав с Россией и Турцией против Германии и Австро-Венгрии в Петрограде даже не принималась во внимание, хотя военные и военно-морские агенты России в Стамбуле буквально заваливали свои ведомства донесениями о перспективности этих инициатив» [20].

Не смотря на подкрепленные источниками достаточно убедительные доводы В.И. Шеремета о равной ответственности, как правящих кругов Османской империи, Германии так и правителей стран Антанты, включая Россию, за вовлечение Турции с мировую войну, эта точка зрения не стала преобладающей в российской исторической науке. В вышедшем в 2006 г. под эгидой Института востоковедения Российской Академии наук пятом томе «Истории Востока» продолжена традиция еще советской историографии о «пантюкистских» и «панисламистских» экспансионистских устремлениях лидеров младотурок, и, прежде всего, Энвер-паши, и не словом не упомянуто о попытках османских властей избежать участия в войне на стороне кайзеровской Германии [21]. Такой же подход к проблеме содержится в монографии, посвященной истории Турции в XX в., Н.Г. Киреева, также выпущенной Институтом Востоковедения РАН. В этой книге вся вина за развязывание новой русско-турецкой в рамках первой мировой полностью возлагается на правящие круги Османской империи и Германии. «Несмотря на лихорадочные попытки Антанты в последний момент «купить» нейтралитет Турции, цена, затребованная ею, оказалась «неподъемной» - турки требовали вернуть им острова Эгейского моря» [22]. О попытках османских властей спасти нейтралитет Турции, как и контактах с Францией и Россией по поводу военного союза, в этой книге не упомянуто.

Отличный от официальной историографии взгляд на начало первой мировой войны представлен в жанре исторической публицистики в книге Б.П. Кутузова «Ошибка русского царя: византийский соблазн» [23]. Автор крайне резко отзывается о политике Российской империи по отношению к Турции, и, прежде всего попыткам русского самодержавия захватить Константинополь. Б. Кутузов считает, что Англия и Франция использовали Константинополь, что бы втянуть Россию в войну [23]. По мнению этого исследователя правящим кругам Российской империи не нужны были ни нейтралитет Турции, ни тем более союз с ней. Главной целью Петербурга в мировой войне был захват Константинополя и зоны проливов. «Спровоцирована ли была Турция на войну с царским правительством или нет, пусть ответят историки, но если допустить, что Турция на протяжении всей войны соблюдала бы нейтралитет, то в этом случае следовало бы забыть об «исторических задачах, завещанных предками», и это в то время, когда разрешение Восточного вопроса в пользу России (в случае войны) в последний год стало «руководящей политической и военной идеей», утвержденной самим императором» [23].

Среди работ последних лет посвященных данной теме следует выделить книгу Ю.В. Луневой «Босфор и Дарданеллы» [24]. На основе неопубликованных архивных материалов, а также публикаций дипломатических документов автор рассматривает политику Российской империи в Восточном вопросе в период с 1908 по 1914 гг. По итогам проведенного исследования Ю.В. Лунева приходит к заключению, что завладение черноморскими проливами являлось главной целью внешней политики Санкт-Петербурга. Еще задолго до покушения в Сараево, в феврале 1914 г. на совещании высших должностных лиц в Санкт-Петербурге обсуждался вопрос о проливах. «В военных и морских кругах считали, что одновременно с операциями на Западном фронте во время предстоящей войны Россия должна занять Константинополь и проливы, чтобы успеть к моменту мирных переговоров поставить другие державы перед свершившимся фактом владения России проливами. Только в таком случае, полагали в Петербурге, Европа согласится на разрешение этого вопроса на приемлемых для России условиях» [24]. Таким образом, еще задолго до выстрелов в Сараево для правящих кругов России был решен вопрос о том, с кем и за что будет будущая война, и, соответственно, желание или нежелание Турции воевать в Петербурге в расчет не принималось. «Июльский кризис 1914 г., послуживший началом мировой войны, стал последним в цепи международных кризисов и локальных войн, не раз ставивших под угрозу европейскую стабильность. В 1914 г. Россия сознавала, что без надежных союзников она не может вступить в схватку с Германией и Австро-Венгрией, и уже не питала иллюзий, что проблему проливов можно решить мирным путем. Поэтому одной из основных причин вступления России в первую мировую войну явилась давняя вожделенная цель царизма – Константинополь и Проливы» [24].

Заключение

Проблема вступления Турции в Первую мировую войну остается актуальной, как в российской, так и в турецкой исторической науке. Разногласия во взглядах российских и турецких историков на мотивы вовлечения Османской империи в Первую мировую войну можно объяснить как различием источниковой базы, так и устоявшимися стереотипами и штампами.

В турецкой исторической литературе рассматриваются как внутренние, так и внешние факторы вовлечения Османской империи в Первую мировую войну. Главной среди внешних причин

большинство турецких исследователей называют стремление европейских держав расчленить Османскую империю. Важнейший из внутренних факторов участия Турции в войне, по мнению турецких исследователей – переоценка мощи Германии лидерами младотурок, и в целом усиленное проникновение Германии во все сферы жизни Османской империи в конце XIX – нач. XX вв. В работах российских историков долгое время господствовал и в ряде современных изданий продолжает господствовать «традиционный» подход о виновности Турции (вместе с Германией) за разжигание войны с Россией, а работы, отражающие иной взгляд выходят небольшими тиражами и в основном доступны лишь специалистам, а не широкому кругу читателей.

Примечания:

1. Keegan J. The First World War. London: Hutchinson, 1998. pp: 475.
2. Finkel C. Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300-1923. Basic Books, 2007. pp: 674.
3. Гордлевский В. А. Немцы в Турции. / Гордлевский В. А. Избранные сочинения в 3-х т. М., 1962. Т. III: история и культура. С. 86-88.
4. Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Петроград, 1915. 68 с.
5. Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924. 383 с.
6. Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Т. 1-2 М., 1925-1926. Т. 1. М., 1925. 549 с. Т. 2. М., 1926. 473 с.
7. Гурко-Кряжин В.А. Борьба за проливы. / Новый Восток, 1922. № 2.
8. Лудшвейт Е.Ф. Современное положение турецких проливов. / Новый Восток, 1928. № 23-24.
9. Хвостов В.М. Проблема захвата Босфора в 90-е гг. XIX в. / Историк-марксист, 1930. т. 20. с. 100-129.
10. Лудшвейт Е.Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. (Военно-политический очерк). М., 1966. 385 с.
11. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948. 279 с.
12. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок. (1908-1918 гг.). М.: Наука, 1972. 238 с.
13. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель: исторические очерки. М.: Эксмо, 2003. 380 с.
14. Kurat A.N. Birinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Bulunan Alman Generallerinin Raporları. Ankara, 1966. pp: 92.
15. Kurat A.N. Türkiye ve Rusya: XVIII. Yüzyıl Sonundan Kurtuluş Savaşı Kadar Türk-Rus İlişkileri (1798-1919). Ankara, 2013. pp: 754.
16. Genel Türk tarihi. Cilt 7. Osmanlı. Ankara, 2002. pp: 714.
17. Osmanlı devleti ve medeniyeti tarihi. Cilt. 1. İstanbul : İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi (IRCICA), 1994. pp: 868.
18. Ortaylı İ. Osmanlı İmparatorluğunda Alman Nüfuzi. İstanbul, 2008. pp: 240.
19. Еремеев Д.Е. Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992. 248 с.
20. Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995. 288 с.
21. История Востока: в 6 т. Т. 5.: Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. М.: Вост. лит., 2006. 717 с.
22. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 608 с.
23. Кутузов Б.П. 2008. Ошибка русского царя: византийский соблазн. М.: Алгоритм, 2008. 240 с.
24. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне первой мировой войны (1908-1914). М.: Квадрига, 2010. 240 с.

References:

1. Keegan J., 1998. The First World War. London: Hutchinson, pp: 475.
2. Finkel C. 2007. Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300-1923. Basic Books, pp: 674.
3. Gordlevsky V. A. 1962. Germans in Turkey / Gordlevsky V. A. Selected works in three volumes. Volume 3: History and Culture. Moscow. pp: 86-88. (In Russian)
4. Mandelstam A. N. 1915. Young Turk power. Petrograd. pp: 68. (In Russian)
5. Section Asian Turkish secret documents of the former Ministry of Foreign Affairs. 1924. Moscow. pp: 383. (In Russian)
6. Constantinople and the Straits. According to secret documents of the former Ministry of Foreign Affairs. 1925-1926. Vol. 1. Moscow., 1925. pp: 549 Vol. 2. Moscow., 1926. pp: 473. (In Russian).
7. Gurko-Kryazhin V. A. Struggle for straits. / V. A. Gurko-Kryazhin // New Orient. 1922. № 2. (In Russian)
8. Ludshveyt E. F. The current situation of the Turkish Straits. / E. F. Ludshveyt // New Orient. 1928. № 23-24. (In Russian)
9. Khvostov V. M. The problem of capture of the Bosphorus in the nineties of the XIX century. / V.M. Khvostov // Marxist historian, 1930 vol. 20. pp: 100-129. (In Russian)

10. Ludshveyt E. F. 1966. Turkey during the First World War, 1914 to 1918. (Military-political essay). Moscow. pp: 385. (In Russian)
11. Miller A. F. 1948. Essays on modern Turkish history. Moscow. pp: 279. (In Russian)
12. Aliev G. Z. 1972. Turkey during the reign of the Young Turks. (1908-1918). Moscow: Nauka, pp: 238. (In Russian)
13. Petrosjan Ju.A. 2003. The Ottoman Empire: power and death: historical essays. - Moscow: Jeksmo, pp: 380. (In Russian)
14. Kurat A.N. 1966. **Birinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Bulunan Alman Generallerinin Raporları**. Ankara, pp: 92.
15. Kurat A.N. 2013. **Türkiye ve Rusya: XVIII. Yüzyıl Sonundan Kurtuluş Savaşına Kadar Türk-Rus İlişkileri (1798-1919)**. Ankara, pp: 754.
16. **Genel Türk tarihi. Cilt 7. Osmanlı. 2002**. Ankara, pp: 714.
17. **Osmanlı devleti ve medeniyeti tarihi. Cilt. 1. 1994. İstanbul : İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi (IRCICA)**, pp: 868.
18. **Ortaylı İ. 2008. Osmanlı İmparatorluğunda Alman Nüfuzi**. İstanbul, pp: 240.
19. Eremeev D.E. Mejer M.S. 1992. History of Turkey in the Middle Ages and modern times. Moscow, pp: 248. (In Russian)
20. Sheremet V. I. 1995. Bosphorus. Russia and Turkey in the era of the First World War. Based on materials from Russian military intelligence. Moscow., pp: 288. (In Russian)
21. History of the East: in six volumes. Volume 5: East in modern times: 1914-1945. 2006. Moscow:: Vost. lit., pp: 717. (In Russian)
22. Kireev N. G. 2007. History of Turkey twentieth century. Moscow: Institute of Oriental Studies RSA, pp: 608. (In Russian)
23. Kutuzov B. P. 2008. Failed Russian Tsar: Byzantine temptation. Moscow: Algoritm, pp: 240. (In Russian)
24. Luneva Ju. V. 2010. Bosphorus and Dardanelles. Secret provocation on the eve of the First World War (1908-1914). Moscow: Kvadriga, pp: 240. (In Russian)

УДК 94(560)

Проблема вступления османской империи в Первую мировую войну с точки зрения российских и турецких историков

Камиль Гусманович Ахсанов

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Российская Федерация
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан 420008
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: kgaxanov@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы турецких и российских исследователей на проблему вступления Османской империи в Первую мировую войну в 1914 г. Приводятся точки зрения турецких историков и делается попытка проследить эволюцию взглядов российских исследователей в оценке мотивов, побудивших правящие круги Османской Турции начать военные действия на стороне Германии.

В статье приводятся наиболее характерные штампы советской историографии о причинах вступления Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Также представлены точки зрения о вступлении Османской империи в Первую мировую войну ряда турецких исследователей, занимавшихся проблемами новейшей истории Турции (А.Н. Курат, Дж. Арслан, И. Ортайлы). Далее следует обзор наиболее важных работ по истории Турции в XX в., увидевших свет в России в последние годы. Подчеркивается, что в большинстве этих исследований продолжают жить установки об изначально агрессивном характере внешней политики Османской Турции в начале XX в. Но в то же время приводятся концепции российских историков-туркологов более полно и разносторонне исследовавших проблему вовлечения Османской империи в Первую мировую войну (В.И. Шерemet, Ю.В. Лунева). В данной статье причина разногласий во взглядах российских и турецких историков на проблему вовлечения Османской империи в Первую мировую войну объясняется как различием источниковой базы, так и устоявшимися стереотипами и штампами.

Ключевые слова: Первая мировая война, Османская империя, Турция, Россия, Младотурки, Германия, Антанта, Тройственный союз.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 735-741, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) «1917/1920»

Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 Years

Vasilii A. Sablin

Vologda State University, Russian Federation
Lenina street 15, Vologda 160035
Dr. (History), Associate Professor
E-mail: sablin@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the main directions of the food policy of the white governments in Arkhangelsk – the Supreme Management and the Provisional government of the Northern area, which replaced it in 1918–1920. The food situation in the region after overthrow of the Bolshevik power in August, 1918 is designated. The emphasis is placed on the analysis of the efforts of the authorities on maintenance of food supply of the population of the northern village. The role of the former allies of Russia in questions of cooperation with the regional white power in questions of supply of the population with food, forms and methods of distribution of the food is shown. The problem of change of a food course of the white power after evacuation of interventionists from Arkhangelsk is studied. The procuring policy of the authorities in providing white army is analysed for the first time. Factors of impact of food policy on the peasant economy of the region are noted, social and economic consequences of this policy in region economy after the end of Civil war are designated.

Keywords: The civil war in the North of Russia, food crisis, the invaders, the Northern region, the Zemstvo, Anti-Bolshevik regime, the Union Committee of supply, farmers, food monopoly, food purchasing, food preparation, the decline of agriculture.

Введение

Интерес профессиональной исторической науки ко всем аспектам внутренней политики антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. обусловлен не просто теоретической, но, в первую очередь, практической потребностью изучения слагаемых победы большевиков в военном противостоянии, политических и социально-экономических последствий этой политики. Особую значимость приобретает изучение взаимоотношений белой власти в социальной, земельной, продовольственной сферах с самым большим по численности слоем населения России – крестьянским социумом.

Материалы и методы

Исследование продовольственной политики белых властей на Архангельском Севере России базируется на вовлечении в научный оборот комплекса архивных источников из двух российских центральных и двух региональных архивов (Архангельск, Сыктывкар), опубликованного законодательства Верховного Управления и Временного правительства Северной области. Работа опирается на достижения отечественной провинциологии и историографии Гражданской войны. Источниковедческий анализ базируется на элементах сравнительно-исторического, историко-ретроспективного и проблемно-хронологического методов. Их применение позволило изучить продовольственную политику белых властей в контексте ведущих проблем Гражданской войны и интервенции, оценить результаты аграрно-крестьянского курса белой власти в целом.

Обсуждение

Современный этап изучения белого движения отличается стремлением историков к обобщению предшествующих достижений историографии и постановкой ряда новых проблем [1].

Среди этих достижений следует выделить начало системного изучения аграрной политики и продовольственного дела правительств Деникина, Врангеля, Колчака [2]. Между тем, продовольственный курс белой власти в деревне Европейского Севера России, не смотря на очевидные достижения региональной историографии, до сих пор не получил должного освещения, без чего комплексный анализ внутренней политики белых режимов невозможен [3]. Данная статья преследует цель проанализировать основные направления продовольственной политики Верховного Управления и сменившего его Временного правительства Северной области в 1918–1920 гг.

Результаты

2 августа 1918 г. в Архангельске произошел антибольшевистский переворот, подготовленный «Союзом возрождения России» и поддержанный войсками стран Антанты. Белое правительство – Верховное Управление Северной области – было создано по инициативе бывших «учредителей» – членов ЦК партии эсеров (М.А. Лихача, С.С. Маслова, Я.Т. Дедусенко) и народного социалиста Н.В. Чайковского и по своей структуре, принципам управления во многом напоминало Самарский Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) [4]. Однако, являясь властью, поддержанной интервентами, Верховное Управление находилось в определенной зависимости от них. Эти два обстоятельства играли важную роль в решении всех вопросов внутренней политики правительства.

Составной частью аграрной политики архангельского Правительства являлся его продовольственный курс. Производимого крестьянскими хозяйствами хлеба было недостаточно для пропитания населения в течение года даже в основном зернопроизводящем уезде, каким являлся Шенкурский, не говоря уже об Александровском и Кемском уездах, в которых хлеб фактически не выращивался. Проблема снабжения региона продовольствием в прежние годы решалась главным образом путем рыночных поступлений хлеба и продуктов из центра страны и Сибири. За годы Первой мировой и Гражданской войн продовольственный вопрос на Севере резко обострился. Уже летом 1918 г. Архангельская губерния испытывала острый недостаток продовольствия. С августа 1918 г. губерния, отрезанная линией фронта от центральной России, оказалась в состоянии глубочайшего продовольственного кризиса.

После ликвидации советской власти в крае в течение августа – ноября 1918 г. правительство предприняло ряд мер по реорганизации продовольственного дела Северной области. В основу всей политики был положен отказ от продовольственной диктатуры, установленной большевиками.

В составе ВУСО был создан отдел продовольствия, промышленности и торговли, который возглавил Я.Т. Дедусенко. Продовольственный отдел был призван координировать вопросы снабжения, заготовок и распределения продуктов. В соответствии со своей декларацией от 2 августа о передаче продовольственных вопросов в ведение органов местного самоуправления 13 сентября 1918 г. правительство упразднило губернскую продовольственную управу и передало ее дела губернскому земству [5]. Земства были обязаны осуществлять свои задачи «при посредстве кооперативных организаций, сообразуясь с местными условиями и под своим контролем и ответственностью». На III чрезвычайной сессии Архангельского губернского земского собрания в сентябре 1918 г. в структуре губернской земской управы был оформлен продовольственный отдел.

28 августа была введена монополия правительства на ввоз и распределение в крае сахара по твердым ценам (80 руб. за пуд сахарного песка и 100 руб. за пуд рафинада – в Архангельске, в уездах – по цене, дополнительно включавшей издержки за провоз и 4 %-ную надбавку на орг. расходы) [6].

Монополия на другие продукты не предусматривалась. Поэтому 1 ноября 1918 г. правительство отменило все постановления земских и городских самоуправлений, «препятствующих свободному передвижению продовольственных товаров (прямо или косвенно) в пределах области» [7].

Прекрасно осознавая, что снабжение огромной территории края невозможно за счет сырьевых ресурсов Архангельской губернии, правительство попыталось наладить централизованные закупки продовольствия за рубежом. С этой целью 13 августа 1918 г. при отделе продовольствия, торговли и промышленности был учрежден Комитет внешней торговли Северной области. 21 сентября 1918 г. правительство утвердило устав Северного областного общества снабжения, главными задачами которого являлись заготовка и закупка «различного рода продуктов и товаров, необходимых населению Северной области, как для потребления, так и промышленных, производственных целей, а также для доставки сих продуктов и товаров в пределы Северной области и отпуска их населению» [8]. 3 октября 1918 г. Комитет внешней торговли был реорганизован в Главный комитет снабжения и внешней торговли Северной области [9]. Комитет возглавлял управляющий. Основную роль в его деятельности играло так называемое «межведомственное совещание», в которое входили представители административных и деловых кругов Северной области: генерал-губернатора, правительственных отделов иностранных дел и народного хозяйства, Северного водного округа путей сообщения, архангельской таможни, управления по делам внешней торговли, губернского земства, самоуправления г. Архангельска, Биржевого комитета, Торгово-промышленного союза, Торговых палат, Комитета частных банков, Московского народного банка, Объединения производительных кооперативов, Союза потребительских кооперативов, Союза архангельских лесопромышленников, «Лесосевера», Союза поморов-судовладельцев, Северного областного общества снабжения.

Столь широкий состав Северного общества снабжения и Главного комитета должен был обеспечить выработку общих планов снабжения Северной области. В «Положении» о Главном комитете снабжения подчеркивалось, что «все привозимые в Северную область из-за границы продукты и товары поступают на учет в Главный комитет снабжения и внешней торговли и могут поступать в распределение не иначе как в порядке, указанном комитетом». 25 августа 1919 г. Главный комитет был упразднен. Вместо него был создан специальный Совет при управляющем отделом финансов, торговли и промышленности [10].

Создание организаций, объединяющих правительственные и предпринимательские структуры, преследовало и вторую, не менее важную, цель – ослабить усиливавшуюся экономическую зависимость области от союзников и, более того, составить им конкуренцию. На практике ни того ни другого осуществить не удалось. В деле обеспечения продовольствием огромный регион оказался заложником сформированного интервентами Союзного комитета снабжения, который далеко не бескорыстно поставлял продукты населению [11]. С самого начала союзники заявляли о возможности и желательности товарообмена с краем. Так, выступая от имени дипломатов, присутствовавших на открытии III чрезвычайной сессии Архангельского губернского земского собрания 11 сентября 1918 г., американский посол Д. Френсис заявлял (из уважения к столь высокой персоне переводил сам «премьер» Верховного управления Н.В. Чайковский): «... Ваши излишки труда, как, например, лен, лес, семена сахарной свеклы и другие предметы, которые вы можете обменять на союзный хлеб, мы с охотой примем, и таким образом товарообмен может быть восстановлен. Союзники желают помочь и поощрить Россию. Но помните, что Бог помогает только тем, кто умеет помочь себе. Ура Учредительному собранию и земству!» [12].

Постепенно был установлен определенный порядок получения и распределения «союзного» продовольствия. На низовые земства ложилась обязанность доставлять в Союзный комитет сведения о численности населения. На их основе Союзный комитет утверждал потребное количество продовольствия и переправлял наряды на продукты в Архангельский губернский союз кооперативов (На 1 апреля 1919 года в области насчитывалось 537 потребительских обществ, из которых 411 были объединены в «Союз») [13] и Союз смолокуренных артелей Важской области. «Вся разработка нарядов» возлагалась на продовольственный отдел губернской земской управы [14]. Кооперативные организации получали продовольствие со складов Комитета и распределяли через свои лавки по установленным нормам. Некоторую часть продовольствия распределяло земство.

После ухода большевиков запас продовольствия в Архангельске составлял всего лишь 83896 пуд. Союзный комитет снабжения на первых порах пополнил его до 180000 пуд. Был разработан план отпуска хлеба в первую и вторую очереди. Всего предстояло найти и распределить 637563 пуд. В течение осени удалось доставить часть хлеба в дальние уезды Архангельской губернии. Так, Печорский уезд был обеспечен до 1 января 1919 г., Вожгорская, Койнасская, Лешуконская, Олемская, Ценогорская и Кельчемгорская волости Мезенского уезда – до 15 февраля 1919 г., Койденская волость того же уезда, а также Совпольская, Сулецкая, Тимошинская волости и Сурский монастырь Пинежского уезда – до 1 июля 1919 г., Несская волость Мезенского уезда и ненцы (самоеды) Канинской и Тиманской тундр – до 1 августа 1919 г. и т. д. [15].

Население получало продукты по специальным карточкам, которые выдавались в волостном правлении. Был установлен хлебный паек: для детей до 5 лет – 5 фунтов в месяц, для всех остальных – 10 фунтов, «для лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом» – 20 фунтов. Кроме того, можно было получить 2 фунта риса или овсяной крупы, 1 фунт сахара и четверть фунта чая на едока в месяц. [16]. Продукты отпускались по ценам, утвержденным Союзным комитетом снабжения. Цена включала в себя стоимость продовольствия, плату за перевозку и 5%-ную надбавку «на организацию дела». Все расчеты велись только с Комитетом [17]. При таком подходе цены по разным уездам колебались довольно значительно. Так, цена 1 пуд. пшеничной муки с октября 1918 по август 1919 г. увеличилась в среднем с 24,4 до 47,1 руб. (по другим данным – до 50 руб. [18]), фунта риса – соответственно с 1,3 до 2 руб., чая – с 12,5 до 18,4 руб., сахара – с 2 до 4 руб. и т. п. [19].

Следует особо подчеркнуть, что хлеб отпускался только за наличный расчет, ссуды беднейшим хозяйствам допускались только «в случае крайней необходимости» и то при условии, если число таких хозяйств не превышало четверти всех хозяйств волости. При этом получение ссуды разрешалось «за круговой порукой всей волости». При неисправных выплатах денег дальнейший отпуск хлеба прекращался [20].

При выдаче пайков экономическая мощь хозяйств, как правило, не бралась в расчет, в результате чего норму хлеба получали и те двory, которые не особо нуждались в продовольствии. Тем самым создавались прекрасные возможности для спекуляции хлебом [21]. С другой стороны, отпускаемые даже 20 фунтов муки на едока, не соответствовали минимальным потребностям человека в питании, а между тем количество завозимого на места хлеба не всегда позволяло осуществлять его продажу по обозначенным нормам. Судя по источникам, нормы колебались от 8 фунтов в Шенкурском до 15–20 фунтов в Мезенском и Онежском уездах [22].

Списки населения, составляемые земствами грешили неточностью, что вынуждало еще больше занижать паек [23]. Следует учесть и то, что союзники продавали населению, основу питания

которого традиционно составлял ржаной хлеб, только белую муку, что было весьма непривычно и ускорило ее расходование [24].

Всего в 1919 г. через Архангельский Союз кооперативов было распределено 1170681 пуд нормированных продуктов (955646 пуд. муки, 118119 пуд. крупы, 73⁹³² пуд. сахара, 8341 пуд чая) [25].

Высокие цены на хлеб и отсутствие возможностей пополнить денежный запас хозяйства за счет посторонних заработков привели к тому, что большинство беднейших крестьян Северной области не могло выкупить причитающийся паек. Еще 14 ноября 1918 г. Мезенская уездная земская управа направила в адрес правительства, губернской земской управы и правительственного комиссара Архангельской губернии отчаянное сообщение о том, что посланный на Мезень хлеб отпускался в среднем по 45–55 руб. за пуд. Чтобы хоть как-то найти средства и выкупить хлеб крестьяне забивали скот и продавали его. Управа умоляла правительство помочь населению, организовав в уезде заготовку дров на заводы фирм Русанова и Ружникова, или выдать субсидии на покупку хлеба, или же «войти в сношение с Архангельским Союзом кооперативов» и предложить ему «выдавать хлеб неимущему населению». В контексте всего выше сказанного, весьма примечательна виза, наложенная на текст сообщения помощником генерал-губернатора по военной части: «Правительственному губернскому комиссару. Все ясно, кроме того, что нужно сделать. Прошу осведомить меня, чем мы можем помочь. 7/ XII [1918]. Г[енерал] Марушевский» [26].

К весне 1919 г. ситуация с продовольствием осложнилась еще больше. 11 марта 1919 г. экстренное собрание уполномоченных Архангельского союза потребительских обществ направило в адрес правительства отношение, в котором отмечалось:

«1. В продовольственном отношении положение в губернии ужасно отчаянное; хлебного пайка 20 фунтов для рабочего населения недостаточно, и истощенный народ работать не в состоянии; запасы соломы для примеси к муке использованы; хлебные запасы, завезенные на места до июня месяца, в большинстве случаев использованы, и остатков хватает местами только до апреля.

2. От недоедания и примеси различных суррогатов к хлебу население становится не только не трудоспособным, но в сильной степени страдает различными болезнями, и местами развиваются повальные болезни.

3. Для обсеменения полей в наступающий сезон 1919 года во всей губернии нет ни зерна, даже нет картофеля и вообще каких-либо семян, чем бы можно было засеять поля.

4. Население губернии, потерпев полный неурожай, лишившись всех местных продуктов и в то же время почти целый год не имея никаких заработков, существовало исключительно на имевшиеся в запасе денежные средства, которые в настоящее время в большинстве случаев иссякли, и население открыто смотрит голодной смерти в глаза, ибо не представляется возможным выкупить и того скромного пайка.

5. В настоящее время местами крестьяне, продав скот и сено, для того чтобы получить себе на вырученные деньги хлеб и одежду, таким образом кадр безработных все увеличивается, а работы в настоящем и будущем никакой не предвидится, и, помимо голода, создается самое отчаянное положение, и народ не видит буквально никакого выхода из этого страшного положения, не видит и не знает, проявляет ли какую инициативу в этом правительство и его учреждения.

Собрание уполномоченных, не предвешая вопроса, какие меры мог бы принять со своей стороны Союз потребительских обществ, находит необходимым избрать делегацию, через которую довести до сведения правительства Северной области о всех фактах ужаса, происходящих в губернии и осведомиться у Правительства: какие меры приняты в предотвращение надвинувшихся страшных ужасов и последствий...» [27].

Процитированный документ, если отрешиться от элементов политической конъюнктуры, которой характеризовалась обстановка в крае в тот момент, отражал в принципе реальное положение дел с централизованным снабжением населения. С другой стороны, внутренний хлебный рынок был крайне узок, что при отсутствии твердых цен на продовольствие вело к спекуляции хлебом и еще больше ухудшало положение. «Наша русская окраина, а ныне «самостоятельная» республика, покорная законам времени, – признавался один из корреспондентов журнала «Северная кооперация», – тоже испытывает все прелести свободной спекуляции... если хлеб по карточкам стоит 1 рубль 10 коп., то на рынке одна «шаньга» – 80 рублей... Мы проедаем остатки наших запасов. Проедаем все наше будущее, увеличиваем задолженность... Долги Северной области и дефициты лягут не только на северного жителя – они обременят всю Россию. Архангельская губерния живет за счет всего русского народа и безостановочно слабеет и слабеет» [28].

Принятые меры не могли привести к положительным результатам, так как с эвакуацией интервентов исчез основной источник поступления продовольствия. Оставшегося в уездах хлеба и других продуктов было столь мало, что 1 ноября 1919 г. губернская земская управа вынуждена была объявить о сокращении продуктового пайка с начала 1920 г. до 1 фунта в месяц крупы и сахара, на 25 % – муки для жителей Архангельска, приморских волостей и безземельного крестьянства, на 50 % – для Онежского, Пинежского и Холмогорского уездов [29].

В дополнение ко всему на плечи крестьянства области легла обязанность снабжать белую армию, оставшуюся без продовольствия и фуража. С осени 1919 г. в области началась усиленная заготовка мяса. По требованию интендантства предстояло поставить для армии 57 тыс. пуд. мяса, в

том числе 20 тыс. пуд. оленины. По земской раскладке от 15 октября 1919 г. на Архангельский уезд приходилось 6200 пуд. мяса, Холмогорский – 7995 пуд., Пинежский – 5460 пуд., Мезенский – 12816 пуд., Печорский – 4219 пуд. [30]

На состоявшемся 23 октября 1919 г. «Совещании по заготовке мяса для нужд армии» было принято решение поручить заготовку оленины в Мезенском и Печорском уездах двум кооперативным объединениям – Центросоюзу и Архангельскому Союзу кооперативов. Разрешалось вести операции на комиссионных началах (исходя из 4 %) по цене, не превышающей 250 руб. за пуд (в цену входили расходы на страхование и доставку мяса в Архангельск). Центросоюз обязался заготовить до 2 тыс. пуд., Архангельский Союз кооперативов – около 22 тыс. пуд. 20 ноября 1919 г. губернская земская управа заключила договор с Северным объединением кооперативных союзов на заготовку 20 тыс. пуд. оленины на Кольском полуострове в Александровском уезде. Помимо кооперативных организаций, заготовка мяса была разрешена непосредственно земствам и частным предпринимателям на условиях товарообмена [31].

По неполным сведениям было заготовлено более 44800 пуд. мяса (в Мезенском уезде – 12800 пуд., Печорском – 20000 пуд., Холмогорском – 10000 пуд., Архангельском – более 2000 пуд.) [32]. В Холмогорском уезде на убой шел молочный скот ценнейшей породы, что впоследствии сильно сказалось на общем состоянии и ремонте стада.

Товарообменные операции в тундре никто и никак не контролировал. Это способствовало прямому обману и грабежу аборигенного населения. Заготовители (частные скупщики и кооператоры) тушу оленя стоимостью в 500–600 руб. нередко обменивали за 0,5 фунта чая или за 20 фунтов муки. Заготовленное на Мезени и Печоре мясо весом 32 800 пуд. из-за общей неразберихи до весны 1920 г. не было вывезено и испортилось [33].

Параллельно с мясными поставками на крестьянство легла повинность в снабжении белой армии сеном. 6 декабря губернское земство довело до сведения уездов план его поставки. Из общего объема в 700 тыс. пуд. на Мезенский и Печорский уезды ложилась обязанность поставить интендантству по 50 тыс. пуд., Онежский и Кемский – по 75 тыс., Архангельский и Холмогорский – по 200 тыс. пуд. сена. [34].

30 октября 1919 г. было опубликовано постановление Временного правительства, дополненное губернской земской управой 20 ноября 1919 г. «О привлечении населения к гужевым перевозкам [35]. Согласно постановлению к повозной повинности привлекалось все крестьянское население губернии – мужчины в возрасте от 15 до 65 лет и трудоспособные женщины. Хозяйствам, по каким-либо причинам, не имевшим лошадей, разрешалось вместо повинности вносить определенную сумму денег, а выставлявшим подводы хозяевам разрешалось вместо себя нанимать «подводчиков». Закон, правда, оговаривал, что несостоятельные крестьяне и дворы, не имевшие работников, освобождались от повинности. На практике же, как правило, они вынуждены были наниматься «подводчиками». За уклонение от гужевой повинности предусматривалось наложение штрафа в размере 1000 руб., или заключение под стражу сроком на 1 месяц [36]. По свидетельству земцев, военные и гужевые повинности отнимали у крестьян до 75 % «своего времени»: «...благодаря подводной повинности население лишено возможности выполнять на лошадях обыденные работы, сено возят на санках» [37].

Собравшиеся 3 февраля 1920 г. на V сессию Архангельского губернского земского собрания депутаты, хотели они этого или нет, подвели итоги своего 19-месячного пребывания «у власти» в Северной области. «В кардинальном вопросе, стоящем перед губернией – в вопросе земельном – губернская земская управа получила ряд законоположений, не выполненных и по настоящее время», – признавался председатель управы П.П. Скоморохов. Дело продовольствия находилось в руках Союзного комитета. «Земство... было почти оттерто от этой важной отрасли». По его мнению, сельское хозяйство не удалось удержать даже на той высоте, на которой оно находилось в 1918 г. «Призрак упадка сельского хозяйства стоит перед нами воочию. Мы приближаемся к окончательному краху» [38].

Заключение

Своеобразие политической и экономической ситуации в регионе наложило свой отпечаток на характер продовольственной политики, проводившейся белой властью в союзе с земством. Сложилась система, сочетавшая в себе монополию на ряд продуктов и нормированное распределение (за плату) с частным и кооперативным рынком. Продовольственная зависимость региона от бывших союзников имела своим следствием резкое ухудшение ситуации после того как «союзники» покинули Архангельск. Необходимость кормить армию заставила правительство перейти к разверстке необходимых объемов мяса и его заготовке посредством товарообмена. Продовольственная ситуация последовательно ухудшалась, однако с возвращением большевиков, архангельское крестьянство оказалось в несравнимо худших условиях.

Примечания:

1. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.

2. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002.
3. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – (Серия «Historia Rossica»).
4. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 128–131.
5. Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления и Временного правительства Северной области, издаваемое Консультацией при управляющем отделом юстиции. № 1. Архангельск, 1919. Ст. 73.
6. Собрание узаконений и распоряжений... № 1. Ст. 52.
7. Там же. Ст. 179.
8. Устав Северного общества снабжения. Архангельск, 1918. С. 3.
9. Собрание узаконений и распоряжений... № 1. Ст. 23, 133.
10. Там же. № 1. Ст. 133; № 20. Ст. 547.
11. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 103–109, 152–154.
12. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 8–8 об.
13. Товарищеское дело. 1919. № 11–12. С. 15.
14. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 28 об.
15. Там же. Л. 27 об.
16. Вестник Временного правительства Северной области. 1919. 4 января.
17. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 29.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
19. Северная кооперация. 1919. № 2. С. 18–20.
20. Национальный архив Республики Коми. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
21. РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
22. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 629. Л. 83–84 об.
23. Товарищеское дело. 1919. № 4–5. С. 27.
24. Протоколы 10-го Чрезвычайного собрания уполномоченных Архангельского Союза кооперативов. 10–20 марта 1919 г. Архангельск, 1919. С. 367.
25. 10 лет работы Архангельского губернского Союза кооперативов. 15/28 марта 1914 – 28 марта 1924 г. Архангельск, 1924. С. 41.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5236. Оп. 1. Д. 53. Л. 132, 133, 139.
27. Протоколы 10-го Чрезвычайного собрания уполномоченных Архангельского Союза кооперативов... С. 367–368.
28. Соло В. Положение нашего хозяйства//Северная кооперация. 1919. № 1. С. 7–9.
29. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 246.
30. Там же. Д. 600. Л. 215 об.; Д. 1253. Л. 1.
31. Там же. Д. 600. Л. 215 об., Л. 320; Д. 619. Л. 39; Д. 1242. Л. 4; Д. 1253. Л. 1–2.
32. Там же. Д. 600. Л. 102; Д. 619. Л. 99, 101, 102; Д. 1253. Л. 1.
33. Там же. Д. 619. Л. 99; Д. 1253. Л. 1.
35. Там же. Д. 600. Л. 328–329; Д. 629. Л. 83.
36. Национальный архив Республики Коми. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
37. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 619. Л. 102 об.; Д. 629. Л. 83.
38. Там же. Д. 1242. Л. 4–5 об.

References:

1. Goldin V. I. Russian civil war. Essays on modern historiography (second half of 1980 – 90 years). Arkhangelsk, 2000. (In Russian)
2. Sablin V.A. The agrarian revolution in the European North of Russia. 1917–1921. (The social and economic results). Vologda, 2002. (In Russian)
3. Novikova L.G. Provincial "counter-revolution": the White movement and the Civil War in the Russian North 1917–1920. M.: New Literary Review, 2014. (Series «Historia Rossica»). (In Russian)
4. Garmiza V. V. The collapse of the Socialist-Revolutionary governments. M., 1970. P.128–131. (In Russian)
5. Collection of Laws and Orders of the High Management and the Provisional Government of the Northern Region, publish consultation in the Control Department of Justice. № 1. Arkhangelsk, 1919. Art. 73. (In Russian)
6. Collection of laws and Orders ... № 1. Art. 52. (In Russian)
7. Ibid. Art.179. (In Russian)
8. The Charter of the Northern Society of supply. Arkhangelsk, 1918. P. 3. (In Russian)
9. Collection of laws and Orders ... № 1. Art. 23, 133. (In Russian)
10. Ibid. № 1. Art. 133; № 20. Art. 547. (In Russian)

11. Goldin V. I. Intervention and anti-Bolshevik movement in the Russian North. 1918–1920. M., 1993. P. 103–109, 152–154. (In Russian)
12. State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). F. 1865. Op. 1. D. 152. L. 8–8 vol. (In Russian)
13. **Comradely case. 1919. № 11–12.** P. 15. (In Russian)
14. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 28 vol. (In Russian)
15. Ibid. L. 27 vol. (In Russian)
16. Herald of the Provisional Government of the Northern Region. January 4, 1919. (In Russian)
17. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 29. (In Russian)
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 67. Op. 1. D. 26. L. 30. (In Russian)
19. **North cooperation. 1919. № 2. pp. 18–20.** (In Russian)
20. National Archives of the Republic of Komi. F. 1205. Op. 1. D. 3. L. 10. (In Russian)
21. RGASPI. F. 67. Op. 1. D. 26. L. 30. (In Russian)
22. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 629. L. 83–84 vol. (In Russian)
23. **Comradely case. 1919. № 4–5.** P. 27. (In Russian)
24. The protocols of the 10th Extraordinary Meeting authorized the Arkhangelsk Union of Cooperatives. 10–20 March 1919. Arkhangelsk, 1919. P. 367. (In Russian)
25. 10 years of operation of the Arkhangelsk Provincial Cooperative Union. 15/28 March 1914 – March 28, 1924. Arkhangelsk, 1924. P. 41. (In Russian)
26. State Archive of the Russian Federation. F. 5236. Op. 1. D. 53. L. 132, 133, 139. (In Russian)
27. The protocols of the 10th Extraordinary Meeting authorized the Arkhangelsk Union of Cooperatives ... P. 367–368. (In Russian)
28. **Solo V. Status of our economy // North kooperatsiya. 1919. № 1. P. 7–9.** (In Russian)
29. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 246. (In Russian)
30. Ibid. D. 600. L. 215 ob.; D. 1253. L. 1. (In Russian)
31. Ibid. D. 600. L. 215 ob., L. 320; D. 619. L. 39; D. 1242. L. 4; D. 1253. L. 1–2. (In Russian)
32. Ibid. D. 600. L. 102; D. 619. L. 99, 101, 102; D. 1253. L. 1. (In Russian)
33. Ibid. D. 619. L. 99; D. 1253. L. 1. (In Russian)
35. Ibid. D. 600. L. 328–329; D. 629. L. 83. (In Russian)
36. National Archives of the Republic of Komi. F. 863. Op. 1. D. 1. L. 89. (In Russian)
37. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 619. L. 102 ob.; D. 629. L. 83. (In Russian)
38. Ibid. D. 1242. L. 4–5 ob. (In Russian)

УДК 94(47) «1917/1920»

Продовольственная политика Белой власти на Европейском Севере России в 1918–1920 гг.

Василий Анатольевич Саблин

Вологодский государственный университет, Российская Федерация
160035 Вологда, ул. Ленина, д. 15
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: sablin@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления продовольственной политики политика белых правительств в Архангельске – Верховного Управления и сменившего его Временного правительства Северной области в 1918–1920 гг.

Обозначена продовольственная ситуация в регионе после свержения большевистской власти в августе 1918 г. Акцент сделан на анализе усилий властей по поддержанию продовольственного обеспечения населения северной деревни. Показана роль бывших союзников России в вопросах сотрудничества с региональной белой властью в вопросах снабжения населения продуктами питания, формах и методах распределения продовольствия. Изучена проблема смены продовольственного курса белой власти после эвакуации интервентов из Архангельска. Впервые проанализирована заготовительная политика властей в деле обеспечения Белой армии. Отмечены факторы воздействия продовольственной политики на крестьянское хозяйство региона, обозначены социально-экономические последствия этой политики в экономике региона после окончания Гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война на севере России, продовольственный кризис, интервенты, северная область, земство, антибольшевистский режим, союзный комитет снабжения, крестьянство, продовольственная монополия, продовольственные закупки, продовольственные заготовки, упадок сельского хозяйства.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 742-749, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94/93

**The 6th branch of the Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission (the work with churchmen and sectarians):
questions on organizational and personnel policy»**

¹ Mihail Y. Krapivin
² Yury N. Makarov

¹ Saint-Petersburg State University, Russian Federation
St. Petersburg, University Emb., 7-9-11 199034
Doctor of Historical Sciences, Professor
E-mail: mihailkrapivin61@yandex.ru

² Sochi State University, Russian Federation
Sovietskaya Str., 26 a, Sochi 354000
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the history of the creation of a special structural subdivision of the Central office of the All-Russian Extraordinary Commission (VCheka) organized for targeted agent-operative work among "hostile elements" of the Orthodox clergy and contre-revolutionary religious sectarianism. Sources covering the initial period of operation of the "Church" office Secret operative / the Secret Department (SD) of the VCheka was preserved very little, although the amount of work they carried out was great. On the basis of all available documentary material the authors describe the organizational structure of the special Secret Department of the VCheka, which initially received the number "7" in November 1920 and then – the number "6" in November 1921. The authors try to reconstruct the stages of creation and development of the special Secret Department (its reorganization, renaming, personal appointees of the governing composition, etc.) in chronological sequence.

Keywords: All-Russian extraordinary Commission (VCheka), Secret operative (Secret) Department (SOD/SD) of the VCheka, head of Department, 7-th and 6-th special Department of the VCheka, the Commissioner (head) of the unit, organizational structure, Orthodox clergy, religious sectarianism.

Введение

Как известно, настоящий погром церковной инфраструктуры под флагом секуляризации продолжался в Советской России с лета 1918 по лето 1919 г. Однако первый опыт использования чисто силовых способов преодоления церковно-религиозного влияния показал их малую эффективность. С помощью прямого силового противоборства достичь реального и масштабного снижения уровня религиозности масс не удалось, зато напряженность во взаимоотношениях власти и многомиллионного крестьянства заметно усилилась. Для богоборческого государства становилось все более очевидным, что добиться отмирания религии в обозримые исторические сроки (установка на полное, но плановое угасание религии) будет невозможно без выработки приемов и нахождения механизмов прямого государственного вмешательства в жизнедеятельность конфессиональных объединений. В этой связи особая нагрузка ложилась на специальные службы, имевшие в своем распоряжении специфические возможности и средства достижения выше обозначенных целей. Поэтому рассмотрение заявленного авторами сюжета является обязательной составной частью изучения вопроса места и роли органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР в процессе выработки и реализации государственной религиозной политики. Однако описание конкретных аспектов

деятельности чекистского ведомства было бы неполным без подробного изучения его структуры и персонального состава.

Материалы и методы

При подготовке статьи авторы широко использовали справочники по истории ВЧК [1], сборники документов по истории советских органов госбезопасности [2], привлекли неопубликованные материалы 8 фондов 2-х федеральных архивов, однако, главным образом, опирались на информацию, почерпнутую из содержания текстов приказов Управления делами ВЧК, а также протоколов заседаний Президиума и Коллегии ВЧК, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России.

Система исследовательских процедур, применявшихся авторами, включала в себя историко-генетический, историко-системный и конкретно-исторический методы, что дало им возможность в значительной степени приблизиться к воспроизведению реальной картины становления и развития организационной структуры одного из ведущих т. н. специальных подразделений ВЧК.

Обсуждение

Данный сюжет никогда не становился предметом специального исследования (по крайней мере, в «открытой» печати). И в авторитетных информационно-справочных изданиях по истории ВЧК (включая комментарии к документальным сборникам) [3], и в немногочисленных работах по проблемам организационно-кадровой политики советских органов госбезопасности о «церковном» спецотделении ВЧК либо не упоминается вовсе [4], либо разговор о нем ограничивается буквально одним абзацем [5].

Результаты

В течение первого года существования Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совнаркоме (далее – ВЧК) за работу в среде духовенства отвечал Отдел по борьбе с контрреволюцией, который функционировал с момента организации ВЧК, т.е. с 7 (20) декабря 1917 г. [6], и по декабрь 1918 г. Обязанности заведующего Отделом последовательно исполняли [7]: Степан Ефимович Шукин (с января и до конца февраля 1918 г.); Феликс Эдмундович Дзержинский (конец февраля – 18 марта 1918 г.); Иван Николаевич Полукаров (с 18 марта по 13 мая 1918 г.); Мартын Иванович / Янович Лацис (с 20 мая 1918 г.); Николай Алексеевич Скрыпник (с 16 июля 1918 г. [8], после отъезда Лациса на Восточный фронт).

Положение об Отделе было принято 13 июня, в ходе работы [1-й] Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (11–14 июня 1918 г.) [9]. В соответствии с этим документом в структуре Отдела было сформировано «Секретное отделение» («Секретная часть» [10]), которое призвано было бороться «со всеми контрреволюционными организациями, носящими те или иные названия» (в частности, с враждебными элементами из среды духовенства), а также «со всеми политическими партиями, не стоящими на советской платформе». Приказом № 2 по Контрреволюционному отделу ВЧК от 8 июля 1918 г. заведующим секретным (в документе – «политическим») отделением был утвержден Александр Максимович Трепалов, его заместителями – Я.М. Дабол и [И.А.?] Фридман [11]. По сведениям на 25 сентября 1918 г., секретное (политическое) отделение по-прежнему возглавлял Трепалов, его заместителем (одним из заместителей) был Адольф Михайлович Лиде (Лидэ) [12].

С ноября 1918 г. на волне массовой критики ВЧК ее руководство приступило к реформированию структуры ведомства, в т.ч. посредством перераспределения полномочий в центральном аппарате. Началась реорганизация и Отдела по борьбе с контрреволюцией, сотрудники которого до того момента совмещали в своей работе множество самых разных функций: осуществляли следствие, производили аресты и обыски, занимались наружным наблюдением, вели агентурные разработки. 22 ноября 1918 г. на заседании ВЧК было утверждено положение о Секретно-оперативном отделе (далее – СОО) ВЧК [13], призванном выступить правопреемником Контрреволюционного отдела. Через несколько дней вопросы перехода к новой оргструктуре были обсуждены на 2-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (26–30 ноября 1918 г.). Заседание ВЧК, реализовывавшее организационные решения 2-й конференции, состоялось 9 декабря 1918 г. На нем руководителем СОО ВЧК, созданного на базе Отдела по борьбе с контрреволюцией, был вновь избран Скрыпник [14].

Впрочем, Секретно-оперативный отдел в ВЧК просуществовал недолго: в последней декаде декабря 1918 г. он был реорганизован (посредством выделения и передачи в состав Президиума ВЧК оперативной части Отдела, осуществлявшей аресты и обыски) [15] в Секретный отдел (далее – СО) ВЧК [16].

Одновременно, в конце декабря, Скрыпника, в январе уехавшего на Украину, на посту руководителя Отдела сменяет Лацис [17]. Сохранился список сотрудников СО от 3 января 1919 г., в котором фигурирует ряд фамилий (кроме фамилии заведующего), знаковых для последующей истории отдела: «Секретное отделение»: Сергей Герасимович Уралов – «Инсп[ектор] Ос[обых] Пор[учений]». «Бюро комиссаров»: Георгий Матвеевич Иванов – комиссар; Михаил Казимирович Романовский – комиссар [18].

ВЧК на своем заседании от «18 и 19 января» 1919 г. рассмотрела Проект организации Секретного отдела и записала в постановляющей части протокола, что принимается структура СО,

предложенная Лацисом: «1) Секретная часть, где сосредотачивается весь материал секретный по борьбе с контрреволюцией и проч. 2) Разведывательное бюро и 3) Регистрационное отделение» [19]. Лацис в январе 1919 г. очертил круг стоявших перед Отделом задач: 1) негласный надзор за «противосоветскими» политическими партиями, группами и лицами; 2) предупреждение и пресечение «контрреволюционных явлений», а также спекуляции, бандитизма и преступлений по должности; 3) гласный надзор за лицами, ограниченными в правах ЧК. Штат отдела был установлен в 57 чел., из них руководящих работников и специалистов – 30 [20]. СО ВЧК направлял деятельность СО местных ЧК и одновременно вел «непосредственную борьбу с центрами противосоветских политических партий в Москве». Вся работа отдела разбивалась «на группы, соответственно политическим партиям, во главе которых становятся политически грамотные уполномоченные, которые ведут всю работу, начиная с розыска и кончая следствием» [21].

Не позднее середины марта 1919 г. [22], после отъезда Лациса на Украину, руководство отделом ненадолго переходит к Александру Владимировичу Эйдуку (одновременно, по совместительству, возглавлявшему Секретно-оперативную часть Особого отдела ВЧК) [23]. В начале мая 1919 г. зав. отделом становится Уралов, до этого исполнявший обязанности заместителя заведующего. 10 мая 1919 г. Президиум ВЧК на своем заседании утвердил схему распределения сотрудников СО ВЧК с Ураловым во главе [24]. После прихода Уралова к руководству вся московская работа по партиям была передана в Московскую ЧК, а за Отделом оставлены только функции руководства Секретно-оперативными отделами местных ЧК и, в отдельных случаях, ведения следствия. Численность СО была уменьшена втрое и к середине июля не превышала 19 человек, из которых руководящих работников и специалистов было всего 9 человек [25]. «Но при этом построении работа отдела слабеет с каждым днем. Материалы о политических партиях уже не концентрируются в отделе. Отдел все узнает с запозданием и со стороны. Работники, не привыкшие к сухой канцелярской работе, расплзаются, и отдел становится пустым местом. Это все заставляет Президиум передавать все крупные дела или Особому отделу или МЧК <...>» [26].

17 сентября 1919 г. Президиум ВЧК принимает решение командировать Уралова для организации ЧК в район Оренбург-Ташкент, а заведующим СО ВЧК вновь назначить Лациса [27]. Однако процесс передачи полномочий затянулся, судя по протоколам Президиума ВЧК, до начала октября. В требовательной ведомости на жалование за вторую половину сентября 1919 г. указываются одновременно два заведующих СО ВЧК: и Уралов, и Лацис [28].

4 октября 1919 г. Президиум ВЧК, во изменение предыдущего кадрового решения, назначает Уралова «ответственным инструктором Чр[езвычайной] ком[иссии] при поезде имени т. Ленина, едущем на Урал и Сибирь» [29].

Лацис в течение недолгого времени перестроил деятельность вновь вверенного ему Отдела по прежней схеме. Уже к ноябрю 1919 г. численность сотрудников отдела заметно возросла, составив 44 человека (управленцев и специалистов – 28) [30].

В декабре-январе 1919/1920 г. отдел именовался Секретно-оперативным [31] в связи с временной передачей ему права проведения арестов и обысков и откомандированием в его распоряжение ряда сотрудников из оперативного отделения при Президиуме ВЧК [32]. До конца 1920 г. структура СО претерпевала лишь незначительные изменения, даже после того, как в сентябре – октябре 1920 г. Лациса, отправленного на продовольственную работу, сменил на посту заведующего отделом бывший руководитель Особого отдела МЧК Тимофей Петрович Самсонов (был назначен ВРИД заведующего СО ВЧК с 7 сентября 1920 г. постановлением Коллегии ВЧК от 6 сентября 1920 г. и Приказом ВЧК № 201 § 2 от 11 сентября 1920 г.) [33]. Почти не изменялась до конца 1920 г. и численность отдела, составлявшая на 15 сентября 1920 г. 47 чел. (руководящих, следственных и оперативных сотрудников – 30) [34].

Судя по документам фонда приказов Управления делами (далее – УД) ВЧК [35] и датам протокольных постановлений Президиума ВЧК [36], не позднее октября 1920 г. СО вновь был переименован в СОО.

В течение первых лет существования ВЧК ни в структуре Контрреволюционного отдела, ни в структуре Секретно-оперативного (Секретного) отдела специализированных отделений не существовало: лишь в начале 1919 г. в штате СО ВЧК появились должности 5-ти уполномоченных по направлениям (а также их помощников, выполнявших роль следователей). Один из них отвечал за работу по всем «антисоветским левым», а другой – по всем «правым» организациям и партиям (кадеты, октябристы, Союз Русского Народа, Союз Михаила Архангела), ко второй группе традиционно относили и «черносотенное духовенство» [37].

С приходом Уралова к руководству отделом в мае 1919 г. агентурно-оперативные функции СО ВЧК, как уже было сказано выше, перешли (временно) в руки Московской ЧК (зав. Разведывательно-оперативным отделением Секретно-оперативного отдела МЧК - Наталья Алексеевна Рославец). Однако уже к осени (осенью) 1919 г. работа по партиям, в том числе, и «работа среди духовенства», была вновь «всецело передана в В.Ч.К.» [38].

9 сентября 1919 г. Президиум ВЧК принял постановление: «О распределении сил в Секретном отделе»: Уралов – заведующий; Романовский – помощник заведующего; Иванов – «завед. операц. по духовенству и секретарь отдела» [39]. 1 октября 1919 г. СО ВЧК обратился к территориальным органам с

текстом циркулярного письма № 2 (подписанного Ураловым), в котором, в частности, говорилось: «В виду образования при ВЧК под'отдела по духовенству для борьбы с существующим антисоветским течением среди духовенства, одинаково как православного, так и других исповеданий, необходимо во всех случаях задержания и заключения в тюрьму духовенства местными властями, равно как о предъявлении к ним обвинений и применени[и] меры наказаний, немедленно давать сведения в Секретный Отдел ВЧК в возможно подробной письменной форме и только изредка пользуясь для этой цели телеграфом при экстренных событиях» [40].

С сентября 1920 г. началась очередная реорганизация центрального аппарата ВЧК. Наметившееся после победы на белогвардейских фронтах активное наступление большевиков на иные политические партии привело к изменению структуры и численности СО/СОО. Приказом УД ВЧК № 232 от 14 октября 1920 г. (§ 1) объявлялись штаты СОО ВЧК, включавшие в себя: Оперчасть, Агентурное отделение, Осведомительное отделение, Следственную часть и «Специальное отделение» (уполномоченных Спецотделения – 1; сотрудников для поручений - 4) [41]. 2 ноября 1920 г. было принято решение (Приказ УД ВЧК № 251. § 2) Следственную часть СОО расформировать, а следователей распределить по соответствующим уполномоченным [42]. В ноябре 1920 г. аппараты уполномоченных были расширены до отделений (количество коих увеличилось до семи), каждое специализировалось по (на) конкретной политической партии [43]. Отделение с порядковым номером – VII (7) вело работу по линии Православной церкви и религиозного сектантства. Приказом УД ВЧК № 255 от 6 ноября 1920 г. (§ 2) состоялись назначения на штатные должности сотрудников «Специальных отделений Секретно-Опер. отд.» (№№ I-VII): VII отделение: Уполномоченный Виктор Васильевич Фортунатов; его помощник [Василий Ефимович?] Орлов-Малахов. Сотрудники для поручений [Марк Исаакович?] Кацеф и Сергей Иванович Куликов [44].

В ЦА ФСБ России сохранился недатированный (предположительно за конец ноября 1920 г.) копияный список «уполномоченных Секретно-Оперативного Отдела ВЧК», в котором перечислены названия 8 отделений: «отделение по духовенству» имело последний порядковый номер («VIII») и состояло из четырех сотрудников: Фортунатов – уполномоченный; Куликов – пом. уполномоченного; Кацеф – пом. уполномоченного. Орлов-Малахов – пом. уполномоченного [45].

Приказом УД ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. (§1) в целях устранения параллелизма в работе секретных (политических) и оперативных подразделений разных отделов ВЧК создавалось Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК: его штат и расстановка кадров вводились (задним числом) с 1 января 1921 г. СОУ ВЧК аккумулировало и разрабатывало поступающие из регионов информационно-оперативные материалы и руководило борьбой ЧК на местах со скрытым и открытым противодействием Советской власти, а также со шпионажем. СОО (в очередной, однако в последний раз, переименованный в СО) вошел в состав вновь организованного управления. Среди прочего, приказом УД ВЧК № 9 было объявлены штаты 9-ти отделений СО СОУ ВЧК: для 7-го отделения они выглядели следующим образом: 1 уполномоченный и 1 заместитель уполномоченного; 2 помощника уполномоченного, 3 сотрудника для поручений, 1 секретарь, 1 делопроизводитель, 1 конторщик (всего 10 человек) [46]. Приказ УД ВЧК № 19 от 25 января 1921 г. (§4) утвердил расстановку кадров СО ВЧК: Начальник СО – Самсонов ...; VII отделение: уполномоченный – Иван Анатольевич Шпицберг, заместитель (1) – вакансия; помощники уполномоченного (2) – Фортунатов + вакансия; сотрудники для поручений (3) – Оскар Августович Макевиц, К.И. Бурак + вакансия; секретарь – Шмидт [47].

На 7 марта 1921 г. Секретный отдел, состоявший из 9 отделений, насчитывал по штату 156 чел., по списку – 84. Из них руководящих, следственных и оперативных работников было соответственно 91 и 53 [48].

Приказом УД ВЧК № 171 от 28 июля 1921 г. (§ 1) объявлялись новые штаты 11 отделений СО ВЧК (при этом 10-й номер при перечислении был пропущен) с ниже следующим распределением сотрудников: 7-е отделение – уполномоченный Фотий Львович Ильиных; зам. уполномоченного – [Вера Петровна?] Брауде; помощники уполномоченного (2 должности) – вакантны; сотрудники для поручений (3 должности) – Лебединский (остальные - вакантны) [49].

Обратим внимание на то обстоятельство, что в тексте ни одного из приказов УД ВЧК (не вышеупомянутых, не последующих) не обозначалась функциональность отделений СО (СОО) ВЧК. Лишь весь объем доступной нам архивной информации, упоминающиеся в приказах фамилии руководящих работников, чьи дальнейшие послужные списки нам известны, дают возможность определить специализацию того или иного подразделения ВЧК. И только в тексте «Положения о всероссийской чрезвычайной комиссии и её органах на местах», датированного 23 ноября 1921 г., мы обнаруживаем прямые указания на функциональность спецотделений СО ВЧК: «Секретно-оперативное управление. ... А) Секретный отдел ... имеет 8 отделений: «7-ое отделение» «ведет работу по наблюдению» «за религиозными, анархо-религиозными организациями и сектантскими группами» [50].

Кстати оговоримся, что деятельность неправославных и нехристианских конфессий находилась (преимущественно) в ведении других подразделений ВЧК-ГПУ: Особого отдела ВЧК, созданного в январе 1919 г. (13-е спецотделение – католики; 14-е спецотделение – ислам и буддизм); Восточного отдела ГПУ-ОГПУ, организованного в июне 1922 г. на базе 14-го отделения ОО, а также

Контрразведывательного отдела ГПУ-ОГПУ, начавшего функционировать в июле 1922 г. и вобравшего в себя 13-е отделение ОО ВЧК.

Начиная с января 1921 г., обозначение должности «заведующих» (как принято в те годы писать: «заведывающих») отделами был заменено на «начальников» отделов, а должности «уполномоченных» Отделений СОВЧК (согласно § 3 приказа УД ВЧК № 282 от 8 декабря 1921 г.) - на «начальников специальных Отделений СОВЧК» [51].

Кроме того, приказ УД ВЧК № 274 от 29 ноября 1921 г. предписывал: «§1. 6-е Отделение СОВЧК впредь именовать 7-м Отделением СОВЧК, а 7-е Отделение 6-м Отделением СОВЧК» [52]; «§ 13. Нач[альника] 7-го Отделен[ия] СОВЧК тов. Рутковского перевести на долж[ность] Нач[альника] 6-го Отделен[ия] того же Отдела с 26 ноября с.г.» [53].

Подводя черту под вышесказанным, перечислим фамилии сотрудников СОО (СО) ВЧК, на протяжении 1919-1922 гг. персонально отвечавших за работу по церковникам и сектантам: Георгий Матвеевич Иванов (9 сентября 1919 г. – 13/14 февраля 1920 г.), Виктор Васильевич Фортунатов (13 мая – 31 декабря 1920 г.), Иван Анатольевич Шпицберг (1 января – 31 мая 1921 г.), Фотий Львович Ильиных (31 мая – 30 августа 1921 г.), Анатолий Федорович Рутковский (1 сентября 1921 г. – 6/9 февраля 1922 г.).

Декрет об упразднении ВЧК был принят Президиумом ВЦИК 6 февраля 1922 г. и объявлен приказом ВЧК № 64 от 9 февраля 1922 г. Однако 6-й порядковый номер и функциональность 6-го отделения сохраняются в течение всего времени дальнейшего существования СО ГПУ-ОГПУ вплоть до 5 марта 1931 г.

Заключение

Совокупность использованных материалов позволило авторам конкретизировать и детализировать процесс формирования и эволюции специального отделения Секретного отдела ВЧК по работе среди духовенства, его организационно-штатной структуры и кадрового состава. Следующим этапом работы над темой, вынесенной в заглавие настоящей статьи, должно стать восстановление подробностей жизни и служебной деятельности руководителей и ответственных работников 7-го (впоследствии 6-го) отделения СОО/СО ВЧК. Только поняв принципы подбора, расстановки и подготовки кадров, их социальный, партийный и национальный состав, изучив биографические характеристики ответственных сотрудников, можно будет достоверно реконструировать проводившуюся чекистами работу.

Примечания:

1. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991 гг.: справочник / авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.
2. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ: 1917-1926: сб. док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007.
3. Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007.
4. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР, 1917-1923. М., 2011.
5. Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014.
6. В протоколе № 21 заседания Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 г. используется словосочетание «Отдел борьбы» [с контрреволюцией] (Российский государственный архив социально политической истории – РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2), однако, впоследствии утвердился иной вариант названия: Отдел по борьбе с контрреволюцией (в усеченном виде: Контрреволюционный отдел или Отдел контрреволюции).
7. Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 135, 177, 255-256, 698, 711; и др.
8. По некоторым сведениям, в июле-августе 1918 г. и.о. заведующего Отделом была Варвара Николаевна Яковлева (Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 715-716; и др.).
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 217-219.
10. См. также: «Инструкция по организационному строению ВЧК и ее отделов и их взаимоотношениям, принятая на общем собрании комиссии» 11 июля 1918 г. (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 219-221).
11. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 35.
12. Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 60-61, 135-136.
13. ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1. Л. 121.
14. ЦА ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 2. Д. 1. Л. 122; и др.

15. О. Капчинский называет датой создания СО ВЧК – 23–24 декабря 1918 г. (Капчинский О. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 88), однако, ссылок на источник этой информации не приводит.
16. Авторы некогда «закрытого» издания утверждали, что СО ВЧК был создан решением коллегии ВЧК от 24 февраля 1919 г. (История советских органов государственной безопасности: учебник. М., 1977. С. 55).
17. Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 705; и др.
18. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 85. Л. 38-39.
19. ЦА ФСБ России. Ф. 1 ос. Оп. 3. Д. 7. Л. 19-19 об.
20. Капчинский О. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 104.
21. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.). 1. Организационная часть. М., 1921. С. 95-96.
22. Возможно, в феврале 1919 г. (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ: 1917-1926: сб. док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 796).
23. 30 марта 1919 г. Президиум ВЧК заслушал доклад Эйдука о работе СО ВЧК (ЦА ФСБ России. Ф. 1ос. Оп. 3. Д. 7. Л. 154).
24. ЦА ФСБ России. Ф. 1ос. Оп. 3. Д. 7. Л. 191 об.
25. Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 95, 146.
26. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 Декабря 1917 г. – 20 Декабря 1921 г.). 1. Организационная часть. М., 1921. С. 95-96.
27. ЦА ФСБ России. Ф. 1ос. Оп. 3. Д. 7. Л. 348.
28. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 18. Д. 20. Л. 102, 107 об., 108 об.
29. Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 343-344.
30. Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 96.
31. Капчинский О. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 105-106.
32. По информации А. Кокурина и Н. Петрова, Отдел именовался Секретно-оперативным, начиная с 3 июня 1919 г. и в течение всего 1920 г. (Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991 гг.: справочник / авторы - сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 17-18, 228).
33. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 204.
34. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.). 1. Организационная часть. М., 1921. С. 119.
35. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 241.
36. Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 408 (по сведениям на 10 ноября 1920 г.).
37. Капчинский О. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 104.
38. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36. Л. 34-34 об.
39. Там же. Ф. 1ос. Оп. 3. Д. 7. Л. 335.
40. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 186. Л. 11 об. – 12.
41. Там же. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 241-242.
42. Там же. Л. 262.
43. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.). 1. Организационная часть. М., 1921. С. 202-203.
44. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 2. Л. 267-267 об.
45. Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 113 об.
46. Там же. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 3. Л. 24 об. – 25.
47. Там же. Л. 42 об. - 43.
48. Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 112.
49. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 3. Л. 426.
50. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 42-43.
51. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 4. Л. 250.
52. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 4. Л. 230.
53. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-А. Д. 4. Л. 231.

References:

1. Lubyanka: The bodies of the VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991: guide / writers A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M., 2003.
2. F.E. Dzerzhinsky – the chairman of the VCheka–OGPU: 1917–1926: coll. of doc. / Comp. A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. M., 2007.

3. Archive of the AREC: coll. of doc. /Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M., 2007.
4. Skorkin K.V. Guarding the gains of the revolution. The history of the NKVD–VCheka–GPU of the RSFSR, 1917–1923. M., 2011.
5. Kapchinsky O.I. The guards of Lenin. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014.
6. **The phrase "Department of struggle" [with counterrevolution] is used in the protocol № 21 of the CPC meeting at the 7 (20) of December 1917 (Russian state archive social political history – RGASPI. F. 19. Inventory 1. Case 21. Sheet 2).** However another version of the name was subsequently approved: the Division for Combating Counter-Revolution (in a truncated form: Counterrevolutionary Department).
7. Archive VCheka : coll. of doc. /Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M., 2007. P. 135, 177, 255–256, 698, 711; and etc.
8. According to some reports Varvara Nikolayevna Yakovleva was a Head of the Department in July–August 1918 (**Архив ВЧК: сб. док. / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. P. 715–716; etc.**).
9. The State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. R-9401. Inventory 2. Case 511. Sheet 217–219.
10. See. Also: "Instructions on the organizational structure of the VCheka and its divisions and their relations adopted at the general meeting of the commission," July 11, 1918 (GA RF. F. R-9401. Inventory 2. Case 511. Sheet 219–221).
11. Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation (CA Russian FSB). F. 1. Inventory 2. Case 6. Sheet 35.
12. Kapchinsky O. State security inside. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 60–61, 135–136.
13. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 2. Case 1. Sheet 121.
14. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 2. Case 1. Sheet 122; and etc.
15. O. Kapchinsky calls the date of creation of the SD VCheka – December 23–24, 1918 (O. Kapchinsky. Guardsmen Lenin. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 88), but he does not make the references to the source of this information.
16. The authors of the once "closed" publication asserted that SD VCheka was established by the board of the VCheka on February 24, 1919 (History of the Soviet authorities of state security: a textbook. M., 1977. P. 55).
17. Archive of the VCheka: coll. of doc. /Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M., 2007. P. 705; and etc.
18. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 3. Case 85. Sheet 38–39.
19. Ibid. F. 1. Inventory 3. Case 7. Sheet 19–19 vol.
20. Kapchinsky O. Guardsmen of Lenin. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 104.
21. Report of the All-Russian Extraordinary Commission for the four years of its activity (December 20, 1917 – December 20, 1921). 1. The organizational part. M., 1921. P. 95–96.
22. Perhaps in February 1919 (Felix Dzerzhinsky was the chairman of the VCheka-OGPU: 1917–1926: coll. of doc. / Comp. A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. M., 2007. P. 796).
23. March 30, 1919 the Presidium of the VCheka heard a report of Eyduka about the work of the SD of VCheka (CA Russian FSB. F. 1. Inventory 3. Case 7. Sheet 154).
24. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 3. Case 7. Sheet 191 vol.
25. Kapchinsky O. State security inside. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 95, 146.
26. Report of the All-Russian Extraordinary Commission for the four years of its activity (December 20, 1917 – December 20, 1921). 1. The organizational part. M., 1921. P. 95–96.
27. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 3. Case 7. Sheet 348.
28. GA RF. F. R-393. Inventory 18. Case 20. Sheet 102, 107, vol. 108 vol.
29. Archive of the VCheka: coll. of doc. /Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M., 2007. P. 343–344.
30. Kapchinsky O. State security inside. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 96.
31. Kapchinsky O. Guardsmen of Lenin. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 105–106.
32. According to A. Kokurin and N. Petrov the Division was called Secret Operational Department since June 3, 1919 and throughout 1920 (Lubyanka: The bodies of the VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991: guide / writers A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M., 2003. P. 17–18, 228).
33. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 2. Sheet 204.
34. Report of the All-Russian Extraordinary Commission for the four years of its activity (December 20, 1917 – December 20, 1921). 1. The organizational part. M., 1921. P. 119.
35. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 2. Sheet 241.
36. Archive of the VCheka: coll. of doc. /Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M., 2007. P. 408 (according to the November 10, 1920).
37. Kapchinsky O. Guardsmen Of Lenin. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 104.

38. CA Russian FSB. F. 1. Inventory 3. Case 36. Sheet 34–34 vol.
39. Ibid. F. 1. Inventory 3. Case 7. Sheet 335.
40. Ibid. F. 1. Inventory 3. Case 186. Sheet 11 on. – 12.
41. Ibid. F. 66. Inventory 1-A. Case 2. Sheet 241–242.
42. Ibid. Sheet 262.
43. Report of the All-Russian Extraordinary Commission for the four years of its activity (December 20, 1917 – December 20, 1921). 1. The organizational part. M., 1921. P. 202–203.
44. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 2. Sheet 267–267of.
45. Ibid. F. 1. Inventory 4. Case 5. Sheet 113 vol.
46. Ibid. F. 66. Inventory 1-A. Case 3. Sheet 24 vol. - 25.
47. Ibid. Sheet 42 vol. - 43.
48. Kapchinsky O. State security inside. Central apparatus of the VCheka: structure and staff. M., 2014. P. 112.
49. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 3. Sheet 426.
50. RGASPI. F. 5. Inventory 1. Case 2558. Sheet 42–43.
51. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 4. Sheet 250.
52. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 4. Sheet 230.
53. CA Russian FSB. F. 66. Inventory 1-A. Case 4. Sheet 231.

УДК 94/93

**6-е отделение Секретного отдела ВЧК (работа по церковникам и сектантам):
вопросы организационно-кадровой политики**

¹ Михаил Юрьевич Крапивин

² Юрий Николаевич Макаров

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11

Доктор исторических наук, профессор, профессор

E-mail: mihaillkrapivin61@yandex.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000 г. Сочи, ул. Советская 26 а

Доктор исторических наук, доцент, профессор

E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории создания специального структурного подразделения центрального аппарата Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), организованного для целенаправленного ведения агентурно-оперативной работы среди «враждебных элементов» православного духовенства и в среде контрреволюционно настроенного религиозного сектантства. Источников, освещающих начальный период функционирования «церковного» отделения Секретно-оперативного (СОО) / Секретного отдела (СО) ВЧК, сохранилось предельно мало, хотя объем работы, им осуществлявшейся, был велик. На основе всего доступного авторам документального материала дается рамочное представление об организационно-штатной структуре спецотделения СОО (СО) ВЧК, получившего первоначально, в ноябре 1920 г., порядковый номер «7» и сменившего его на номер «6» в ноябре 1921 г. Предпринимается попытка реконструкции (в хронологической последовательности) этапов создания и дальнейшего развития спецотделения (его последующих реорганизаций, переименований, персональных назначений руководящего состава и пр.).

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), Секретно-оперативный (Секретный) отдел ВЧК, заведующий отделом (начальник отдела), 7-е и 6-е специальные отделения СОО (СО) ВЧК, уполномоченный (начальник) спецотделения, организационно-штатная структура, православное духовенство, религиозное сектантство.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 750-757, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Relationship of the Azerbaijan Democratic Republic and the Terek-Dagestan Region AFSR, 1919–1920: a Modern View

¹Timur M. Karmov
²Vladimir B. Lobanov

¹St. Petersburg state university, Russian Federation
199034 Str. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9
PhD (History), Senior Lecturer
E-mail: t.karmov@spbu.ru

²St. Petersburg state forestry engineering university, Russian Federation
194021, Str. Petersburg, Institutskii per., 5
PhD (History), Associate Professor
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Abstract

The work is devoted to the Azerbaijan's position in relation to the events of the Civil War in the North Caucasus on the basis of the diplomatic correspondence of the Foreign Ministry of Azerbaijan Republic with a young British command, the Armed Forces of South Russia, the Mountain Republic in 1919-1920. We used the material of the central and regional archives of the Russian Federation, articles and monographs Soviet and modern Russian and Azerbaijani authors. The article deals with the attempts of the Azerbaijani leadership to strengthen its position as much as possible and if possible expand the boundaries of the territories at the expense of the Terek-Dagestan region, occupied at the time the troops of General Denikin, the relationship management of the newly formed Republic of Azerbaijan, the British military command and the High Command of the Armed Forces of the South Russia in the region of the western Caspian region.

Keywords: Azerbaijan, North Caucasus, Civil War, the Armed Forces of South Russia, Dagestan, Mountain Republic.

Введение

Вооруженное антибольшевистское движение на территории бывшей Российской империи во многом зародилось как реакция на сепаратизм национальных окраин, выдвинув лозунг о «Единой, неделимой России» [16, с. 199]. Кавказ в этой связи был сплошным полем антиимперского сепаратизма, начиная от казачьих областей Дона, Кубани, Терека и горцев Северного Кавказа, заканчивая отколовшимся уже от Советской России Закавказьем, которое в мае 1918 г. в свою очередь разделилось на три государства: Грузию, Армению и Азербайджан, не считая Бакинской Коммуны, которая фактически оставалась составной частью РСФСР. После подавления очагов большевизма в Закавказье и победы стран Антанты в Первой мировой войне с конца 1918 г. здесь начинается форсированное национальное строительство, негласно одобряемое британцами. Здесь интересы британцев и новообразованных стран-лимитрофов столкнулись с силами Добровольческой армии, считавшей себя наследницей старой России. Непосредственно с добровольческой территорией граничили Грузия и Азербайджан. Наибольшую угрозу для независимости последнего представляли отряд генерала Л. Бичерахова и Каспийская флотилия, базировавшиеся в Баку. При поддержке британцев 1 марта 1919 г. отряд Л. Бичерахова, который возглавил бывший командующий Кавказским фронтом Первой мировой войны генерал М. Пржевальский, был вытеснен в Дагестан, а Каспийская флотилия разоружена и частично передана британцам [10, р. 242.].

Материалы и методы

Историография отношений АДР и ВСЮР на протяжении 1919–1920 гг. только в последний период начала пополняться достойными работами, ибо в большинстве научных работ советского периода двусторонние азербайджано-российские отношения в 1918–1920 гг. рассматривались преимущественно в контексте установления советской власти в Азербайджане и большевизации всего закавказского региона, оставляя в тени или вообще игнорируя существование АДР, которая азербайджанскими авторами упоминалась не иначе, как «слепое орудие иностранных империалистов» [11, с. 7]. В постсоветский период исследователи сделали акцент на том, что отношения стран Закавказья и Белого движения на всем протяжении Гражданской войны были крайне напряженными [3, с. 380]. Представители последнего считали себя наследниками старой России и выдвинули свой центральный лозунг о Единой Неделимой России, не подразумевавший существования государственных новообразований на территории бывшей империи [16, с. 136]. В этом смысле вполне оправданными были опасения того же Азербайджана по поводу великодержавных претензий ВСЮР на протяжении 1919–1920 гг. В этом контексте интересны работы, уточняющие роль Азербайджана в антибелогвардейском восстании на Тереке и Дагестане в 1919 г., отношения с Горским правительством [2, с. 9], фактическом военно-политическом союзе с Грузинской Демократической республикой. Особо отмечалась определяющая роль Великобритании в событиях на Кавказе в 1919–1920 гг. [23, с. 137]

Результаты

После мартовских событий 1919 г. непосредственная угроза для независимости Азербайджанской Демократической республики была устранена. Но в мае 1919 г. стремительным ударом белогвардейцы захватили основные центры Дагестана, изгнав оттуда Горское правительство. Встал вопрос о дальнейшем движении войск Терско-Дагестанского края ВСЮР. Особенно он интересовал Азербайджан [7], который непосредственно граничил с только что занятым добровольцами Дагестаном [6]. Азербайджанский дипломатический представитель при Горском правительстве А. Ахвердов регулярно оповещал своего министра иностранных дел М. Джафарова обо всем самом важном, что происходило на Северном Кавказе. После окончательного занятия добровольцами региона в мае 1919 г. А. Ахвердов сразу же написал находившемуся тогда в Париже М. Джафарову о том, как добровольцы заняли Дагестан, как местные деятели еще недавно существовавшего Горского правительства чувствовали прибывшего в Петровск и Темир-Хан-Шуру главу Терско-Дагестанского края генерала И. Эрдели, какой царский прием ему оказали. Сообщалось также о произносившихся тостах за Единую, Неделимую Россию со стороны горских деятелей, и о том, что силы добровольцев, занявших Дагестан, не так уж и велики, что, видимо, дало ему повод предложить азербайджанскому министру дерзкий план занятия азербайджанскими войсками Дагестана, после чего Чечня и Ингушетия признают власть Азербайджана. Ну и, наконец, после всего этого восстановленная Горская республика становилась бы протекторатом Азербайджана [1, с. 258-260].

Добровольцы уведомили азербайджанцев, что с занятием территории Дагестана они не станут угрожать Азербайджану. Об этом официальные азербайджанские власти в лице председателя Совета министров Н. Усубекова были уведомлены представителем добровольцев при союзническом командовании в Баку полковником Б. Лазаревым 21 мая 1919 г. Тем самым добровольцы как бы признавали независимость Азербайджана де-факто [1, с. 225-226].

Тем не менее, представитель Азербайджана при кубанском правительстве Д. Рустамбеков встретился сначала с британским представителем при белом командовании в Екатеринодаре генералом Ч. Бриггсом, а потом и с самим главнокомандующим ВСЮР. Естественно, самое главное, что интересовало азербайджанского посланника, не нападут ли белые на его страну. И Ч. Бриггс, и А.И. Деникин заверили его, что в планах белого командования такого не предусмотрено. Обсуждался вопрос и о занятии добровольцами территории, которая приписывала себе Горская республика.

Главком ВСЮР А.И. Деникин объяснял занятие Петровска и Дербента стратегическими соображениями, так как в борьбе с астраханскими большевиками необходима была военно-экономическая база для грузов, получаемых из-за Каспия [1, с. 254-256; 20, с. 297-299].

Однако ситуация оставалась напряженной, доказательством чему служил меморандум азербайджанского правительства представителям союзных держав от 28 мая 1919 г. в честь первой годовщины азербайджанской независимости, на Парижской мирной конференции. В нем говорилось о том, что Горская республика, в состав которой входят Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Осетия и т.д., должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имеет никаких притязаний. Там же довольно безапелляционно говорилось о том, что, если Горская республика не получит самостоятельности, а населению вышеназванных областей будет предоставлено право свободного волеизъявления, то, несомненно, они иной власти, кроме азербайджанской, не пожелают признать [1, с. 228]. Та же тональность содержалась в резолюции азербайджанских представителей на общекавказской конференции в июне 1919 г. в ходе того же международного форума. В ней азербайджанцы признали, что наступление Добровольческой армии на Северный Кавказ, занятие ею Дагестана, является не только нарушением независимости Горской республики, но и прямой угрозой независимости всего Закавказья. Категорически утверждалось, что

Добровольческая армия в лице генерала А.И. Деникина не скрывает своего стремления оккупировать закавказские республики с целью восстановления там дореволюционных порядков и территориального воссоздания старой России [20, с. 299].

Руководство Азербайджана не собиралось прекращать искать способы повлиять на ход политических событий на территории уже не существовавшей Горской республики [11, с. 62-63]. Шла кропотливая подготовка к тому, чтобы направить ход предстоявшего антидобровольческого восстания в свое русло [18, с. 190-191]. После определения демаркационной линии в Закавказье, за которую не должны были наступать добровольцы, заместитель министра иностранных дел Азербайджана И. Зиятханов прямо писал дипломатическому представителю Азербайджана при Горском правительстве А. Ахвердову о том, что надо пропагандировать успехи Азербайджана в дипломатической и военной областях и вести переговоры о временном вводе в Горскую республику азербайджанских войск. Последнему предлагалось оповестить население Дагестана о тех успехах, которых достигло азербайджанское правительство, благодаря принятым дипломатическим и военным мерам. Войска генерала А.И. Деникина должны очистить Дербент и уйти за демаркационную линию. Выражая сочувствие идее воссоздания Горской Республики [9], азербайджанское правительство предполагало временно занять после ухода добровольцев своими войсками Дагестан. А. Ахвердову ставилась задача работать в этом направлении: информировать о настроениях местного населения, переговорить с правителем Дагестана генералом М. Халиловым о его отношении к АДР, и, самое главное, постараться подготовить почву для безболезненного прибытия азербайджанских воинских частей на Северный Кавказ [1, с. 268-269]. Далее А. Ахвердов, развивая идею своего начальства, писал на имя министра иностранных дел М. Джафарова, что им составлено воззвание к народам Дагестана на тюркском, кумыкском и арабском языках, а само население вполне подготовлено для принятия азербайджанских войск. Только четыре аула, по его мнению, настроены пробольшевистски, да и те опасности не представляют. А также им ведутся переговоры и с представителями Ингушетии для оказания помощи в борьбе с добровольцами [20, с. 305-307].

В конце концов, деятельность А. Ахвердова была признана антидобровольческой, и ему от имени генерала И.Эрдели было предложено покинуть Темир-Хан-Шуру, о чем 3 июля 1919 г. М. Джафаров доносил командующему британскими войсками в Баку генералу Д. Шателворту, а А. Ахвердов сообщал генералу М. Халилову [1, с. 281-284].

Напряженное военно-политическое положение заставило Азербайджан и Грузию [19, с. 102] заключить 16 июня 1919 г. оборонительный союз сроком на 3 года. В договоре не упоминалось, против кого собрались обороняться новоявленные союзники, но все понимали, кто на тот момент больше всего угрожал «независимости» Закавказья [1, с. 269; 14, с. 165].

Огромную, а порой и решающую роль во всех северокавказских делах того периода играл британский представитель при ставке генерал А.И. Деникина генерал Ч. Бриггс. Ему постоянно приходилось «уговаривать» кавказских деятелей не бояться нападения белогвардейцев на тот или иной народ или страну. Так было с азербайджанским послом, так было и с делегатами от чеченского народа, которых Ч. Бриггс призывал быть лояльными к новой власти и не восставать против нее [20, с. 307-308]. Впрочем, чеченцы не вняли увещаниям заморского гостя и приняли активное участие в антидобровольческом восстании 1919 г.

Горское правительство постоянно искало информационный повод для того, чтобы о нем не забыли. Видимо, следует считать заключение в июле 1919 г. договора об установлении дружественных отношений между правительствами Кубанской и Горской «республик» в эмиграции элементом этой информационной войны. Со стороны кубанских деятелей указанный договор означал нерешенность вопроса о так называемом «самостийничестве» [4]. Неудовлетворенные амбиции деятелей, чья территория была, как они считали, захвачена добровольцами, толкнули их в объятия друг друга [17, с. 41-44].

Существует несколько объяснений того, почему нужно было заключать такого рода договор двух несуществующих государств ни где-нибудь, а в Париже [15]. Скажем только об одном: четко прослеживалась линия на раскол между горскими народами и добровольческим командованием. Это поняли все заинтересованные стороны, а непосредственно выразил правитель Осетии Я. Хабаев в своем протесте [8] верховному комиссару союзников на Кавказе полковнику В. Гаскелу. Я. Хабаева задело то, что вышвырнутые смерчем истории горские деятели не хотели понять, что их время ушло, а, наоборот, активно стремятся наверстать упущенное, создали в Тифлисе Парламент (меджлис) горских народов Кавказа. Как было написано в обращении горской интеллигенции к горцам Северного Кавказа, главной задачей Меджлиса является изгнание Добровольческой армии с территории Кавказа [20, с. 321-322]. Они продолжали считать Северный Кавказ, в том числе и Осетию, частью своего «государства». Я. Хабаев четко дал понять тем, кто обивал пороги на чужбине в надежде получить иностранную помощь, что Осетия и осетины не мыслят своего будущего вне России [22]. Что добровольцы пришли на Кавказ не как захватчики, а как долгожданные освободители от большевистского ига, что на широком фронте от Киева до Астрахани осетины вместе с казаками и другими кавказскими народами рвутся освободить сердце России – Москву. Я. Хабаев отмечал, что он, как правитель Осетии, и Осетинский Совет, заслушав ноту, направленную верховному союзному комиссару полковнику Гаскелу от имени Меджлиса, считает своим

национальным и политическим долгом выразить со своей стороны самый энергичный протест против всех тех, кто, не имея решительно никаких полномочий от осетинского народа или его представительных учреждений, имеет смелость выступать с дипломатическими нотами по вопросам, касающимся судьбы и политических интересов Осетии [20, с. 315-320].

Несмотря ни на что, горские деятели не остановились на достигнутом. Они провели конференцию, на которой было принято решение о создании единого фронта борьбы против Добровольческой армии. Более того, было подано заявление азербайджанскому и грузинскому правительствам об оказании помощи в борьбе против добровольцев в ходе начавшегося восстания, руководство которым они, естественно, приписывали себе [20, с. 328-329]. Те же деятели жаловались верховному комиссару союзников на Кавказе Гаскелу на бесчинства добровольцев на «их» территории, на разорение и уничтожение аулов в Ингушетии, Чечне, Кабарде, Осетии и Дагестане, мобилизацию для войны с большевиками, на денежные и имущественные поборы. В заключение предлагалось создать международную следственную комиссию, которая бы на месте ознакомилась с действиями добровольцев. На это послание горские деятели получили от американского представителя полковника Д. Рея заверение о том, что этот предмет будет представлен вниманию Парижской мирной конференции в надлежащем освещении [21, с. 213].

В поддержку горских деятелей выступили уже в который раз азербайджанцы в лице своего министра иностранных дел М. Джафарова. Было послано сообщение британскому представителю в Закавказье о начавшемся в Дагестане восстании, о толпах беженцев, направлявшихся в Азербайджан, что могло отрицательно сказаться на внутривнутриполитическом положении его страны. М. Джафаров просил посодействовать остановить конфликт и установить нейтральную зону между Дагестаном и добровольцами. Это уже была попытка прямого вмешательства во внутренние дела сопредельного государства с помощью заморских «союзников» [20, с. 333].

Перед уходом британцев из Азербайджана возник вопрос о передаче части Каспийской флотилии добровольцам. Азербайджан посчитал это непосредственной угрозой своей независимости. Н.Усуббеков писал 3 августа 1919 г. генералу Г. Кори, что с передачей Добрармии части Каспийской военной флотилии положение является прямой угрозой независимости и территориальной неприкосновенности Азербайджана, ввиду усиления враждебно настроенных Азербайджану сил [1, с. 307-308]. Однако генерал никак не отреагировал на возмущение главы правительства АДР.

Генерал Г. Кори 4 августа 1919 г. сообщил азербайджанскому руководству о новой демаркационной линии между белогвардейцами и странами Закавказья. Исправленная демаркационная линия проходила теперь от устья реки Бзыль к северу вдоль этой реки к границе Сухумского округа, отсюда на восток вдоль северной границы Сухумской, Кутаисской и Тифлисской губерний, далее на восток, вдоль южной границы Дагестанской области. Британцы настаивали на том, чтобы кавказские республики воздержались от всякого нападения на Добровольческую армию, содействовали генералу А.И. Деникину в снабжении Каспийской военной флотилии ВСЮР керосином и другими предметами, отказывая в этом большевистским войскам. Отмечалось, что неподчинение этим условиям повлечет за собой злоупотребление доброй волей британцев и сделает невозможным для их правительства настаивать на том, чтобы войска генерала А.И. Деникина оставались к северу от демаркационной линии [1, с. 308-309].

Азербайджанцы, узнав о предстоящем выводе британских войск, просили оставить их в Азербайджане, видимо, опасаясь нападения с севера. Помимо просьбы об оставлении войск, официальный Азербайджан просил британцев оставить им столько же кораблей для охраны побережья, сколько они передали их добровольцам.

6 августа 1919 г. в Тифлис прибыл новый представитель ВСЮР в Закавказье генерал Н. Баратов. Он сразу же написал Н. Усуббекову, что «в ближайшем будущем, при посещении мною г. Баку, я буду иметь удовольствие завязать с Вами личные сношения и подвергнуть всестороннему обсуждению все вопросы, могущие представить для нас общий интерес» [1, с. 321; 12, с. 133]. В продолжение темы по передаче судов азербайджанцы получили ответ англичан, что флот создавался для борьбы с большевиками, и, т.к. они уходят с Каспия, они передают эстафету борьбы добровольцам. Азербайджан опять нижайше повторил просьбу получить часть кораблей для охраны своего водного пространства.

Несмотря на разногласия в политической сфере, 11 сентября 1919 г. представители белогвардейцев и Азербайджана заключили соглашение о телеграфном, почтовом, железнодорожном и водном сообщениях и выработке проектов соглашений по экономическим и финансовым вопросам [1, с. 340-341].

Улучшение отношений в ряде сфер привело к фактическому началу дипломатических отношений между ВСЮР и АДР: 24 сентября 1919 г. Д. Рустамбеков был назначен представителем закавказского государства при белом главкоме [1, с. 353]. Однако это частичное потепление отношений не могло заставить азербайджанцев перестать вмешиваться в дела Терско-Дагестанского края. Уже 30 сентября 1919 г. М. Джафаров писал новому британскому комиссару на Кавказе О. Уордропу о том, что он видит «троякий» выход из создавшегося в Дагестане положения, при непременно, однако, условии очищения частями армии генерала А.И. Деникина дагестанской

территории и отводе их за первоначально установленную британским командованием демаркационную линию, проходящую в 5 милях южнее железнодорожной линии Владикавказ – Петровск и г. Петровска. На выбор М. Джафаров предлагал несколько вариантов: первый – это передачу управления Дагестанской области правительству АДР с обязательством обеспечения тыла армии генерала А.И. Деникина от вторжения в Дагестан большевиков; второй вариант – предоставление населению Дагестана возможности организации собственной власти под контролем со стороны союзных держав или же третий вариант – образование в Дагестане особого генерал-губернаторства под управлением британского или американского генерал-губернатора [1, с. 358-359].

10(23) октября 1919 г. Д. Рустамбеков писал М. Джафарову о том, что, в связи с этим вопросом, англичане из Таганрога послали в Дагестан полковника Роулинсона. По его мнению, вопреки утверждению Д. Рустамбекова, дагестанское восстание носило характер не национальный, а большевистский, что выяснилось из ряда документов, обнаруженных у пленных дагестанцев. Эти документы устанавливают, по словам полковника Роулинсона, связь дагестанцев с астраханскими большевиками, поэтому восстание не может пользоваться расположением к себе, и англичане относятся к нему отрицательно. По словам англичан, Дагестан есть неотъемлемая часть России. Верховная власть принадлежит генералу А.И. Деникину, и дагестанцам будет предоставлено самоуправление. Англичане заявили, что они согласились бы назначить своего генерал-губернатора, если бы имели свои войска в Дагестане, а при настоящих условиях они не могут принять на себя это. Англичане заявили, что генералу А.И. Деникину достоверно известно из имеющихся документов участие Азербайджана в дагестанском восстании. Д. Рустамбеков оправдывался тем, что за действие отдельных граждан Азербайджана правительство не может нести ответственности, и что АДР активного участия в восстании не принимало [1, с. 379-380].

Азербайджан продолжал поднимать вопрос о судоходстве на Каспии. М. Джафаров в ноте от 26 октября 1919 г. апеллировал к О. Уордропу стать третейским судьей в споре ВСЮР и Азербайджана. Дело в том, что белые настаивали на том, что, по Туркманчайскому договору 1828 г., на Каспий могли ходить суда только под русским флагом, тогда как Азербайджан не признавал его для себя обязательным. Указанное требование о прекращении хождения кораблей республики под ее национальным флагом правительство АДР рассматривало, как агрессивное выступление со стороны белогвардейцев, пользующихся при этом полученным от британского правительства флотом [1, с. 397-398].

Сообщая сводки за октябрь-ноябрь 1919 г. о делах на Кавказе своему представителю на Парижской мирной конференции А. Топчибашеву, азербайджанские дипломаты информировали его о покушении на генерала Н. Баратова, недопущении белым командованием судоходства на Каспии под азербайджанским флагом, о временном прекращении выдачи пропусков из Дагестана в Баку. В разделе о Дагестане представители МИДа полностью открещивались от вмешательства Азербайджана в дела Северного Кавказа [1, с. 436].

Одновременно в отношении от 29 ноября 1919 г. к О. Уордропу от азербайджанского МИДа сообщалось о том, что, якобы, у руководства Азербайджана есть неоспоримые доказательства того, что добровольцы готовят вооруженное нападение на их государство [5]. Это тем более выглядело курьезным, что именно в тот самый момент судьба самого южнорусского Белого движения решалась под Орлом и Курском. По большому счету, белым тогда не было дела, ходят ли суда по Каспию под азербайджанским флагом, или под русским, и есть ли вообще на карте мира такое государство, как Азербайджан. Тем не менее, сообразуясь с масштабами государства и с проблемами, которые перед ним стояли, азербайджанские политики решили лишний раз перестраховаться и заручиться моральной поддержкой «старшего брата» [1, с. 446].

3 декабря 1919 г. в дело об «обороне» Азербайджана от добровольцев был «вовлечен» начальник французской военной миссии на Кавказе майор де Нонанкур. Письмо М. Джафарову ничем не примечательно, кроме одного момента, в котором подтверждалось, что азербайджанцы помогали повстанцам Северного Кавказа. Майор как бы невзначай проговорился об этом, но, так как это была официальная переписка, которая подразумевает тайну, то эта информация не стала общеизвестной [1, с. 447-448].

Сводка событий за ноябрь 1919 – январь 1920 гг. сотрудников азербайджанского МИДа отразила новые военно-политические тенденции: сообщалось, что дело добровольцев погребло, но зато с севера появилась новая угроза со стороны Советов [24, р. 99]. Что касается Белой армии, то с ее стороны до самого последнего момента Азербайджан испытывал военную угрозу. Подчеркивался тот факт, что Добровольческая армия за все время своего господства на Северном Кавказе была очень серьезной угрозой независимости Азербайджана [1, с. 517-518]. Наконец, 7 февраля 1920 г. верховное белое командование признало независимость государств Закавказья. Все это случилось незадолго до того, как и белые, и закавказцы вынуждены будут уступить власть Советам, которые смогли дать всей территории бывшей Российской империи новую объединяющую идею.

Заключение

Если подвести итоги отношениям ВСЮР и АДР в 1919–1920 гг., то следует отметить, что они были крайне напряженными ввиду множества нерешенных вопросов, начиная с различного видения

пограничного вопроса и заканчивая вопросами суверенитета Азербайджана. Очевидно, что Великобритания играла первенствующую роль в жизни Кавказа на протяжении всего периода 1917–1920 гг. В частности, политика британцев в данном регионе характеризовалась желанием сохранить за собой ведущие позиции в нефтедобывающей отрасли, т.к. до революционных событий 1917 г. Великобритания занимала здесь ведущие позиции в этой отрасли экономики. Во многом британская интервенция на Кавказ объяснялась именно этими соображениями [13, р. 144]. Ослабленное положение как ВСЮР, так и Азербайджанского правительства позволяли британцам сохранять господствующее положение в регионе и тем самым обеспечивать свои экономические интересы. Только с приходом XI Красной Армии в марте-апреле 1920 г. в Дагестан и Азербайджан британцы были окончательно вытеснены как из политической, так и экономической жизни этой части Кавказа.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.279.2014.

Примечания:

1. Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. (Документы и материалы) / Ответ. ред. Н. Агамалиева. Баку: Азербайджан, 1998. 632 с.
2. Алиева С. И. Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII – начало XXI вв.). Баку, 2010. 620 с.
3. Гасанлы Д. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920). М., 2011. 664 с.
4. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. 1918-1919. Оп. 2. Д. 26. Л. 15.
5. ГАРФ. Ф.Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. 1918-1919. Оп. 2. Д. 27. Л. 410б.
6. ГАРФ. Ф.Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. 1918-1919. Оп. 2. Д. 67. Л. 144.
7. ГАРФ. Ф.Р-5881. Коллекция отдельных мемуаров и документов эмигрантов. 1918-1939. Оп. 1. Д. 476. Л. 428.
8. ГАРФ. Ф.Р-5881. Коллекция отдельных мемуаров и документов эмигрантов. 1918-1939. Оп. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 26.
9. ГАРФ. Ф.Р-6396. Дело контрразведывательной части Особого отделения отдела Генерального штаба Военного управления при Главнокомандующем ВСЮР. 1918-1920. Оп. 1. Д. 27. Л. 10б.
10. Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). New York : Philosophical Library; Oxford: George Ronald, 1951. 356 p.
11. Мустафа-заде Р.С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М., 2006. 356 с.
12. Nəşibzadə N.L. Azərbaycanın xarici siyasəti (1918-1920-ci). Bakı, Ay-Ulduz, 1996. 304 s.
13. Swietochowski T. Russian Azerbaijan 1905-1920. The Shaping of a National Identity in a Muslim Community, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 290 p.
14. Sülemanlı R.H. Azərbaycan-Gurcistan münasibətləri (1918-1920-ci illər) // Bakı Universitetinin Xəbərləri, Humanitar elmlər seriyası. № 3. 2008. S. 164-167.
15. Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1052 (Энгельгардт Б.А.). Оп. 1. Д. 38. Л. 62-63.
16. Пученков А. С. В.В.Шульгин и южнорусское Белое движение в 1918-1919 гг. // Политические партии России: прошлое и настоящее. Сб. статей. СПб., 2005. С. 198-208.
17. Пученков А. Конец Кулабухова, или Рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. № 3. С. 41-44.
18. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920) // Русский сборник. 2010. Т. VIII. С. 158-259.
19. Пученков А. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920). СПб., 2012. 338 с.
20. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). / Отв. редактор А.И. Османов. Махачкала: Юпитер, 1994. 448 с.
21. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское государственное издательство. 1927. 236 с.
22. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.Р-8. Канцелярия Войскового Атамана и Правительства Терского казачьего войска. 1917-1920. Оп. 2. Д. 4. Л. 22.
23. Юсифзаде С.З. Первая Азербайджанская республика: история, события, факты англо-азербайджанских отношений. Баку, 1998. 208 с.
24. Vagnini A. Great War in Transcaucasia: From Ottoman Occupation to the Treaty of Kars // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 3 (2) May 2012. P. 93-102.

References:

1. The Azerbaijan Democratic Republic. Foreign policy. (Documents and Materials) / Edit. N. Agamalieva. Baku: Azerbaijan, 1998. 632 p.
2. Alieva S. I. Azerbaijan and peoples of the North Caucasus (XVIII – beginning of the XXI century). Baku, 2010. 620 p.
3. Gasanly D. The Russian Revolution and Azerbaijan: Hard way to independence (1917-1920). M., 2011. 664 p.
4. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F.R-446. Political Office of the Special Meeting of the commander in chief VSYUR. 1918-1919. Op. 2. F. 26. P. 15.
5. SARF. F.R-446. Political Office of the Special Meeting of the commander in chief VSYUR. 1918-1919. Op. 2. F. 27. P. 41ob.
6. SARF. F.R-446. Political Office of the Special Meeting of the commander in chief VSYUR. 1918-1919. Op. 2. F. 67. P. 144.
7. SARF. F.R-5881. Separate collection of memoirs and documents emigrants. 1918-1939. Op. 1. F. 476. P. 428.
8. SARF. F.R-5881. Separate collection of memoirs and documents emigrants. 1918-1939. Op. 1. F. 248. P. 26.
9. SARF. F.R-6396. The point of the Special Branch of the counterintelligence department of the General Staff of the Military Administration under the Commander in Chief VSYUR. 1918-1920. Op. 1. F. 27. P. 1ob.
10. Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). New York: Philosophical Library; Oxford: George Ronald, 1951. 356 p.
11. Mustafa-zade R.S. Two republics. Azerbaijani-Russian relations in the years 1918-1922. M.: Revival, 2006. 356 p.
12. Nəсібzadə N.L. *Azərbaycanın xarici siyasəti (1918-1920-ci)*. Bakı, Ay-Ulduz, 1996. 304 s.
13. Świetochowski T. Russian Azerbaijan 1905-1920. The Shaping of a National Identity in a Muslim Community, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 290 p.
14. Sülemanlı R.H. Azərbaycan-Gurcistan münasibətləri (1918-1920-ci illər) // Bakı Universitetinin Xəbərləri, Humanitar elmər seriyası. № 3. 2008. S. 164-167.
15. Department of Manuscripts of the Russian National Library (DM RNL). F. 1052 (Engelhardt B.A.). Op. 1. F. 38. P. 62-63.
16. Puchenkov A. V.V.Shulgin and southrussian White movement in 1918-1919 // Russian political parties: past and present. SPb., 2005. P. 198-208.
17. Puchenkov A. *End of Kulabukhov or story about one hanged* // *Motherland*. 2008. № 3. P. 41-44.
18. Puchenkov A. National policies of General Denikin (summer 1918 – spring 1920) // Russian collection. 2010. T. VIII. P. 158-259.
19. Puchenkov A. National policies of General Denikin (summer 1918 – spring 1920). SPb., 2012. 338 p.
20. Union of Incorporated Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), Mountain Republic (1918-1920) (Documents and Materials). / Edit. A.I. Osmanov. Makhachkala: Jupiter, 1994. 448 p.
21. Taħo-Godi A. Revolution and Counterrevolution in Dagestan. Makhachkala, Dagestan State Publishing. 1927. 236 p.
22. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RSO-A). F.R-8. Office of the Army and the Government of the Ataman of the Terek Cossack Army. 1917-1920. Op. 2. F. 4. P. 22.
23. Usifzade S.Z. First Azerbaijan Republic: history, facts English-Azerbaijani relations. Baku, 1998. 208 p.
24. Vagnini A. Great War in Transcaucasia: From Ottoman Occupation to the Treaty of Kars // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 3 (2) May 2012. P. 93-102.

УДК 93/94

Взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики и Терско-Дагестанского края ВСЮР, 1919–1920 гг.: современный взгляд

¹Тимур Михайлович Кармов

²Владимир Борисович Лобанов

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Кандидат исторических наук, старший преподаватель

E-mail: t.karmov@spbu.ru

² Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Российская Федерация

194021 Санкт-Петербург, Институтский пер., 5

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена характеристике позиции Азербайджана по отношению к событиям Гражданской войны на Северном Кавказе на основе данных дипломатической переписки внешнеполитического ведомства молодой Азербайджанской республики с британским командованием, Вооруженными силами Юга России, Горской республикой в 1919–1920 гг. В работе использованы материалы центральных и региональных архивов Российской Федерации, статьи и монографии советских, современных отечественных и азербайджанских авторов. В статье рассматриваются попытки азербайджанского руководства максимально укрепить свое положение и по возможности расширить границы за счет территорий Терско-Дагестанского края, занятого на тот момент войсками генерала А.И. Деникина, отношения руководства новосозданной Азербайджанской республики, британского военного командования и главного командования Вооруженных сил юга России в регионе западного Прикаспия.

Ключевые слова: Азербайджан, Северный Кавказ, Гражданская война, вооруженные силы юга России, Дагестан, горская республика.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 758-765, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 9(c16)

The Library as a Socio-Cultural Space of Soviet Kuban (1920s Years)

¹ Viktor M. Kononenko

² Yekaterina A. Forzun

³ Yekaterina A. Muravskaya

⁴ Valentina V. Bykova

¹⁻⁴ Armavir Institute for Social Education (branch) of the Russian State Social University, Russian Federation

¹ Markova Street, 311, flat 39, Armavir city, Krasnodar region 352913

Dr. (History), Professor

E-mail: NezhinVM@yandex.ru

² S. Army Street, 34 flat 22, Armavir city, Krasnodar region 352924

PhD (Pedagogy), Assistant Professor

E-mail: eafor@yandex.ru

³ 2-I Uritskogo Street, 29 flat 55, Armavir city, Krasnodar region 352915

PhD (Jurisprudence)

E-mail: muravscaya.cat@yandex.ru

⁴ 2-I Uritskogo Street, 35 flat 73, Armavir city, Krasnodar region 352915

PhD (History)

E-mail: luna-64.64@mail.ru

Abstract

The article describes the transformation of librarianship in Kuban in the 20-ies of XX century. Archival sources and regional periodicals materials entered lately into the scientific circulation have allowed the authors of sufficiently revealing the characteristics of library work. The authors succeed in identifying the essential social functions of public libraries and bring to light unknown forms and directions of functioning of libraries in that period of time.

Keywords: public libraries of Soviet Kuban, a library science, a village reading room, a mobile library, book-peddlers, an illiteracy elimination center, a library campaign.

Введение

Тема истории библиотечного дела на Кубани, несомненно, актуальна в настоящее время, для которого характерно особое внимание со стороны научного сообщества к региональной истории. Изучение процесса эволюции библиотечной системы с ее региональной спецификой в контексте хозяйственного, социокультурного и политического развития Кубани в 20-е годы XX века, несомненно, расширяет представления отечественной историографии о российской истории.

Библиотеки как зеркало отражают все вехи экономического и социокультурного развития страны, региона, города, и становятся показателем этого развития на данном историческом этапе.

С другой стороны, изучение истории библиотечного дела как важной составляющей историко-культурного наследия общества приобретает особую актуальность в период, когда мы сплошь и рядом сталкиваемся с прямым и злонамеренным искажением давно уже доказанных и прочно вошедших в добросовестный научный оборот исторических фактов.

Материалы и методы

Важными источниками при освещении истории становления и деятельности кубанских библиотек в советский период явились документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Краснодарского края, архивных отделах муниципальных образований края, статистические

сборники, справочные издания, заметки и текущая информация о создании и деятельности библиотек, опубликованные в местных журналах и газетах советского периода.

В ходе исследования были применены общенаучные методы теоретического и эмпирического анализа, историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также процедура социокультурного анализа, разработанная в рамках социодинамики культуры.

Обсуждение

В изучении истории развития общественных библиотек постреволюционной Кубани сложились определенные традиции и достижения. При полном отсутствии комплексных исследований, отдельных публикаций, посвященных локальным сюжетам истории библиотечного дела региона в советский период, достаточно много.

Неоценимый вклад в освещение истории развития просвещения и культуры, библиотечного дела Кубани, в том числе и в советский период, внесли замечательные ученые-историки Краснодарской государственной академии культуры и искусств – И.И. Горлова, В.И. Лях, А.И. Манаенков.

Были отдельные публикации о личных библиотеках кубанцев, написанные С.М. Гонтарь, А.И. Слуцким, Г. Фрейман.

Историю кубанской библиографии в своих работах рассматривали Л.М. Завалова, Н.И. Васькова, С.Л. Торгашова.

Кубанские ученые и краеведы обнародовали много сведений о культуре и просвещении советской Кубани. В то же время недостаточное количество серьезных исследований, помноженных на массив печатных и архивных источников, даёт широкий простор для перспективных научных разысканий и находок.

Результаты

Коренные изменения в библиотечное дело России внесла Октябрьская революция, в результате которой в стране установилась диктатура пролетариата. Библиотечное дело признается делом государственной важности. Перераспределение книжных богатств рассматривалось партией как обязательная предпосылка успешного развития культурной революции.

3 ноября 1920 г. был принят декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР». В соответствии с декретом все библиотеки объявлялись общедоступными, объединялись в единую библиотечную сеть, которая развивалась в соответствии с административно-территориальным делением страны. Особое значение было придано организации губернских, уездных и городских центральных библиотек, не получивших широкого развития в старой России. Руководство централизованной библиотечной системой молодого государства осуществлял народный комиссариат просвещения.

В 1917–1920 гг. сеть библиотек РСФСР состояла из:

- центральных губернских библиотек как главных книгохранилищ административного региона, формирующих фонд в полном объеме в соответствии с политическими, хозяйственно-экономическими, культурными задачами, национальным составом населения. В их задачи входили координация и кооперирование работы библиотек губернии, организация межбиблиотечного абонементов, краеведческой работы, оказание методической помощи библиотекам;
- уездных центральных библиотек с аналогичными задачами в масштабе уезда;
- городских центральных библиотек с аналогичными функциями в масштабе города;
- районных библиотек как центральных библиотек района, на которые разделялся уезд в целях организации школьного и внешкольного образования;
- сельских библиотек (изб-читален) в крупных деревнях или селах как комплексных политико-просветительных учреждений;
- передвижных библиотек, пунктов выдачи, библиотечных станций, филиалов в мелких населенных пунктах.

В крупных городах, помимо центральной, организовывались библиотеки – передвижные фонды и районные библиотеки [1].

На территории советской Кубани одним из первых нормативных актов в области развития библиотечного дела стало опубликованное 12 мая 1920 г. постановление Кубано-Черноморского областного военно-революционного комитета о передаче всех библиотек государственных, общественных учреждений и частных организаций в ведение областного отдела народного образования, внешкольного подотдела, библиотечной секции.

В мае того же года было опубликовано еще одно постановление Кубчероблревкома (по отделу народного образования), подчеркивавшее: «Находящиеся в библиотеках общественного пользования книги являются достоянием народа. Поэтому всякие деяния, ведущие к ущербу для книг библиотек общественного пользования, как-то: вырезание страниц и рисунков, невозвращение и присвоение книг, взятых подписчиками, и пр. - будут рассматриваться как расхищение народного достояния и виновные в совершении таковых поступков лица будут подлежать суду революционного трибунала» [2].

Выполняя принятые решения центральных и региональных властей, на местах была проведена

национализация всех библиотек.

Так, например, в 1920 г. библиотеки реального училища, мужской и женской гимназий и школьные библиотеки г. Ейска объединились в единую Ейскую городскую библиотеку. С этого времени она перешла на государственное обеспечение.

В этот период повсеместно проводился учет книжного фонда. Местные органы власти гарантировали его сохранение. К примеру, ревком станицы Ладожской уже 26 апреля 1920 г. принял решение «взять на учет библиотеки, принадлежащие гражданам станицы и выдать владельцам их документы, ограждающие библиотеки от расхищения» [3].

В августе 1920 г. в Армавире образуется Союз работников просвещения и социалистической культуры. Армавирские библиотекари объединяются, организовано постоянное совещание библиотекарей, которое направляло работу взрослых и детских библиотек. Разрабатывается и реализуется схема централизации сети библиотек. Армавир был разбит на 4 района, в каждом из них открыли библиотеку, а в центре города – центральную библиотеку с коллектором.

Центральная библиотека им. Я.М. Свердлова получила вместе с коллектором помещение в самом большом здании города – на углу ул. Свободы (ныне ул. Кирова) и Засса (ныне ул. Комсомольская) [4].

Приказом № 1 Армавирского отдельского Политпросвета (1921г.) предписывалось указать исчерпывающие сведения не только о библиотеках (название, адрес, наличие книг и портретов вождей революции, число читателей, посещений и книговыдач), но и обо всех служащих в этих библиотеках, вплоть до их семейного положения. «Библиотеки, избы-читальни, уклонившиеся от регистрации или давшие неверные сведения, будут расформированы, а руководители их преданы ответственности» [5].

1921-1922 гг. были годами испытаний кубанских библиотек. Новая экономическая политика советского государства крайне отрицательно отразилась на динамике развития библиотечной сети. Перекачка значительных средств на промышленное производство привело к сокращению государственного финансирования библиотек. В губерниях и уездах общедоступные библиотеки стали переводиться с государственного на местные бюджеты, в результате произошло резкое сокращение сети общедоступных библиотек. В 1923 г. на бюджете Наркомпроса остались всего 534 центральных губернских и уездных библиотеки. Передача остальных десятков тысяч библиотек на местный бюджет практически оставила их без средств. Наркомпрос был вынужден констатировать «катастрофическое положение библиотечного дела в волостях». Так, в среднем по РСФСР уже в 1922 г. по сравнению с 1920 г. сеть сельских библиотек уменьшилась на 60–70 %, а изб-читален – на 90 %. [6].

«По Кубанскому Отделу из 85 библиотек осталось всего 60 изб-читален, из которых действительно ведут работу не более 15-ти, это – на шестисоттысячное население!» [7].

В течение января-сентября 1922 г. в Армавире были закрыты коллектор, 1-я и 2-я Советские библиотеки. «Но и судьба оставшихся библиотек всецело зависит от того, даст ли общество средства на их содержание», - писал В. Малинин, заведующий армавирской библиотекой им. Л.Н. Толстого [8].

Библиотеки города Армавира вели свою деятельность в невероятно тяжелых условиях. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве ходатайство в Армисполком от 24 февраля 1922 г. правления АрмЕПО (Армавирское единое потребительское общество) с просьбой предоставить «в распоряжение библиотеки [им. В.Г. Короленко] смежную с библиотечным залом комнату (коридор), уборную, две кладовки и ванну...

В настоящее время библиотека чувствует очень большую нужду в помещении, так как в имеющихся комнатах не умещаются книги. Отсутствие лишней комнаты не дает возможности организовать читальню для взрослых, а детская читальня так тесна, что не может вместить больше 20 человек.

Принимая во внимание, что библиотека обслуживает беднейшую, рабочую часть города, что работа библиотек в настоящее время крайне нужна, что библиотека им. В.Г. Короленко единственная, которая работает нормально и ввиду крайней нужды в помещении, Правление АрмЕПО просит срочно удовлетворить просьбу» [9].

Поскольку местные исполкомы сокращали общественные библиотеки как «бездоходные», то они вынуждены были переходить на платные формы библиотечного обслуживания. Но первые же месяцы экспериментов с платностью выявили ее непригодность для массовых библиотек. Как справедливо отмечалось на I Всероссийском библиотечном съезде (июль 1924 г.), введение платности переориентировало библиотекарей с заботы о читательских интересах на нахождение способов «добывания» денег с читателей. Резолюция съезда категорически осудила введение платности в библиотеках.

В городах Кубани в этот период активно развивалась сеть передвижных библиотек, которая могла стать способом стабилизации положения. В краевой библиотеке имени А.С. Пушкина в этот период работало 43 передвижки, в которых имелось 3546 томов [10].

Детский отдел библиотеки им. В.Г. Короленко в Армавире работу среди детей «...ведет главным образом путем передвижек. Представляя некоторые технические неудобства, работа передвижками в то же время обладает крупными достоинствами. Прежде всего, передвижная библиотека подходит непосредственно к ребенку-читателю, избавляя его от необходимости далеко тащиться за книгой.

Ведь в библиотеку в центр города пойдет не всякий ребенок. Так, за короткое время, с 1 ноября 1921 г. по 1 марта 1922 г., было введено и обменено 26 передвижек с общим количеством книг – 4105» [11].

Но были в работе передвижек и недостатки, лишавшие их результативности. Это и отсутствие транспорта, плохие дороги, невозможность передвижкам «опереться» на стационарную волостную библиотеку и избу-читальню (так как они были сокращены), литература передвижек часто терялась и др. Ну а самое главное, фактически не удалось наладить комплектование передвижек действительно интересующей читателей литературой, а также регулярно менять книжные комплекты передвижных библиотек. Передвижной фонд состоял в основном из брошюрной литературы в мягких обложках. Такие библиотечки могли «кочевать» до полного износа. Главполитпросвет вынужден был констатировать, что передвижная библиотечная сеть, особенно в деревне, «еще очень слаба». Чаще всего работа передвижек «...велась и ведется от случая к случаю, без конкретного плана, она стоит на месте количественно, а иногда и падает качественно, а передвижная сеть вместо организованной работы ведет простое распределение небольших комплектов, в работе которых нет никакого руководства и дальнейшая судьба которых неизвестна» [12].

В соответствии с решениями партии в 20-е гг. в кубанских станицах и деревнях главным просветительным учреждением являлась изба-читальня. Изба-читальня - «это массовое учреждение для самой широкой, бесплатной, политико-просветительной и культурной работы среди трудящегося населения. Работа избы-читальни не ограничена никакими рамками. При ней не может быть членства, каждый приходящий в нее равен другому, одинаково может воспользоваться ее работой, прослушать беседу, почитать газету, записаться в кружки. Изба-читальня – это культурный центр всей волости» [13].

Избы-читальни содержались за счет местного бюджета. В их организации участвовал широкий общественный актив – коммунисты, комсомольцы, женщины-делегатки, демобилизованные красноармейцы, крестьянская беднота. Из-за недостатка, а зачастую и полного отсутствия кадров культпросветработников, избачами становились секретари комячеек.

В начале 1920-х годов население Кубани обслуживало 70 изб-читален. В период голода их неокрепшая сеть сильно сократилась. С весны 1922 г. была начата специальная кампания по организации изб-читален в станицах и деревнях. Через несколько месяцев их в Кубано-Черноморской области насчитывалось около 250. На одну избу-читальню в среднем приходилось 430 книг и 859 читателей [14].

Так, в Славянском районе в 1925 г. имелось 12 библиотек. При библиотеках работали избы-читальни. Были они и при каждом клубе и доме политпросвещения. Все они обеспечивались литературой, в основном, по политической и сельскохозяйственной тематике. В среднем, избы-читальни района посещало до 500 человек в месяц [15].

Большая библиотека-читальня открылась в центре станицы Ладожской Усть-Лабинского района и имела две избы-читальни на окраинах. В людных местах устанавливались витрины для наклейки газет, чтобы таким образом дать возможность читать газеты тем, кто не мог посещать избу-читальню. Для разумных развлечений был создан драматический кружок, проводились гуляния с чайным буфетом в сопровождении хора и оркестра трубачей [16]. Активную работу проводила библиотека и изба-читальня станицы Полтавской. В 1925 г. ее ежемесячно посещали до 3 тысяч человек. При этом надо учесть, что в тот период в станице насчитывалось 15,6 тысячи человек населения. При библиотеке работал стол справок. Ее работники организовывали книжные выставки с тематической направленностью [17].

В 1923 г. в Краснодаре состоялась конференция заведующих изб-читален Кубани. На этой конференции получил одобрение опыт работы Усть-Лабинской избы-читальни. При этой избы-читальне активно работала библиотека. Она вела справочную работу, организовала самодеятельный народный университет, где велись следующие предметы: мировоззрение, биология, история первобытной культуры, русская история, история религии, политэкономия, кооперация и агрономия, ветеринария, охрана материнства и младенчества. Библиотекой было закуплено свыше 1000 книг [18].

В 1926 г. с просьбами помочь в приобретении литературы изба-читальня кубанской станицы Нововеличковской, коммуна имени Павших борцов за свободу хутора Баховского Армавирского района обращались к Н.К. Крупской. На обоих письмах сохранились автографы Н.К. Крупской: «Надо книги послать» [19].

В 20-е гг. решались неотложные задачи по восстановлению народного хозяйства, шли поиски оптимальных вариантов социалистического строительства. В этот период определяется роль и место библиотек в социалистическом строительстве, обосновываются основные социальные функции советской библиотеки: культурная, образовательная, пропагандистская.

Выполняя образовательную функцию библиотеки вели работу по привлечению населения к чтению, активно участвовали в мероприятиях по ликвидации неграмотности, организации самообразования.

Еще в декабре 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет о ликвидации неграмотности в республике. В 1923 г. М.И. Калинин возглавил вновь созданное добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН). С начала 1924 г. на Кубани стали организовываться отделения общества «Долой неграмотность» (ОДН). Осенью 1924 г. образовался краевой совет ОДН. Повсеместно в крае

открывались школы 1-й и 2-й ступеней для взрослых, 3-6 месячные курсы по обучению грамоте, пункты ликвидации неграмотности (ликпункты) и школы малограмотных [20].

В общей системе учреждений, занимавшихся ликвидацией неграмотности, видное место отводилось библиотекам. Библиотека рассматривалась как необходимое дополнение к ликпункту и школе малограмотных, к работе по системе индивидуально-группового обучения, как действенное орудие предупреждения рецидива безграмотности.

В школах для малограмотных и ликпунктах открывались библиотеки-передвижки, пункты выдачи книг. Важную роль в обслуживании литературой малограмотных играли самостоятельные передвижные фонды, книгоноши. На ликпунктах библиотекари не ограничивались выдачей книг. Они проводили громкие чтения, стремясь показать, что книга дает «много полезных сведений, может служить и для разумного отдыха» [21].

Для лиц, окончивших школу ликбеза, проводились вечера «За грамоту», конкурсы на лучшего читателя; их усиленно приглашали и на другие массовые мероприятия библиотеки. Начинающих читателей привлекали в кружки самообразования. В библиотеках устанавливались постоянные «дни читок», время проведения которых согласовывалось с руководством ликпунктов и школ малограмотных.

Руководители органов власти в центре и на местах понимало, что образование может быть мощным средством развития экономики регионов [22]. В сложных условиях послевоенной разрухи в рамках культурной революции на юге России были приняты меры по ликвидации безграмотности, развитию образования, просвещения и культуры. В стремлении создать систему народного образования, приспособленную для нужд социалистического строительства, особую роль партия большевиков отводила библиотекам, как опорным пунктам в борьбе с неграмотностью.

Основными направлениями агитационно-пропагандистской деятельности библиотек являлись: пропаганда общественно-политической и художественной литературы, атеистическая и патриотическая работа. Центральное место в деятельности библиотек занимало политическое просвещение. Библиотекарям настойчиво предлагалось в совершенстве овладевать партийными методами пропаганды печати, организовывать целенаправленное руководство чтением, содействовать политическому самообразованию трудящихся, активно помогать всем читателям в овладении марксистско-ленинской теорией.

Коммунистическая партия особое внимание уделяла политическому просвещению населения. Организованный в начале 1919 г. секретариатом ЦК РКП(б) Библиотечный отдел рассылал по всей стране комплекты агитационно-пропагандистской и марксистско-ленинской литературы для изб-читален, библиотек красноармейских частей и других просветительных учреждений. Всего в 1919 г. было разослано свыше 23,6 тыс. политических библиотечек, состоявших из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, брошюр по политическим и экономическим вопросам, новой советской беллетристики.

Библиотеки Кубани пополнялись произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, партийная публицистика. Лучшей книгой о В.И. Ленине считалась в те годы книга Г. Зиновьева, включавшая его речи и статьи, написанные им непосредственно после смерти В.И. Ленина. Библиотекари рекомендовали книги Е. Ярославского (Ленин. М., 1924), Я. Яковлева и Н. Попова (Жизнь Ленина и ленинизм. М., 1924), Л. Троцкого (О Ленине: материалы к биографии. М., 1924). Как изложение сущности ленинизма предлагались работы И. Сталина (О Ленине и ленинизме), Н. Бухарина (Ленин как марксист) [23] и др.

Для претворения в жизнь партийных установок библиотеки внедряли новые формы и методы работы с читателями: лекции и доклады, литературные и политические «суды», устные и «живые» газеты, пропагандистские кампании.

Торжественно отмечались революционные праздники – оформлялись книжные выставки, плакаты. Например, в армавирской библиотеке им. В.Г. Короленко подбор книг был «рассчитан на воспитание в широких кругах рабочих и крестьян социалистического мировоззрения; в этих целях серьезное внимание обращено на подбор книг по марксизму, на комплектование отделов общественных наук, исторического и естественного. Подобрал ядро книг, библиотека стремится использовать книги возможно продуктивнее, для чего прибегает к различным методам рекомендации книг: издан печатный каталог книг по программе Р.К.П., регулярно вывешиваются плакаты к текущим событиям...» [24].

В Краснодарской библиотеке им. А.С. Пушкина, например, проводились вечерние чтения на темы «Октябрьская революция и книга Джона Рида», «Европа после Версальского мира», были организованы уголки В.И. Ленина.

Значительное место в политико-просветительной работе библиотек отводилось антирелигиозной пропаганде. Следуя указанию В.И. Ленина дать массам «самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, [...] чтобы пробудить их от религиозного сна» [25], библиотекари стремились разнообразить формы и методы пропаганды антирелигиозной литературы. Так, при проведении большой книжной выставки на тему «Религия и наука» в Краснодарской центральной библиотеке им. А.С. Пушкина демонстрировались экспонаты и приборы, полученные из местных музеев и учебных заведений. На выставке работала радиостанция, показывались физические

опыты. За 12 дней выставку посетило 7544 человек, в большинстве - учащиеся, рабочие и красноармейцы [26].

Самым мощным и действенным идейно-политическим орудием партии являлось печатное слово. В 1920-1925 гг. на Кубани выходили центральные, областные и окружные газеты «Известия», «Голос рабочего», «Товарищ», «Советский станичник», «Кубанский станичник», «Кубанский комсомолец», «Юный станичник». Кроме того, издавались газеты «Красный пахарь» в Майкопе, «Трудовой путь» в Армавире, «Красный маяк» в Туапсе, «Голос труда» в станице Славянской и др.

В тот период на Кубани сложились «сильные журнальные традиции». Один журнал сменяется другим: «Спутник политработника»(1920), «Огни» (1923), «Буревестник»(1924), «Норд-ост» (1925), «Первые шаги» (1927-1928), «Новый шлях» (1927). Сотрудничали в них такие писатели, как Д.А. Фурманов, А. Платонов, М. Зощенко, Л. Сейфулина, Ф. Прийма и др.

Библиотеки края хорошо обеспечивались периодикой. Например, библиотека им. Н.Г. Короленко в Армавире выписывала «30 экземпляров разных газет и 29 экземпляров журналов» [27].

Библиотеки Кубанской области проводили активную работу в помощь сельскому хозяйству. При каждой библиотеке, избе-читальне организовывались сельскохозяйственные библиотечки, которые обеспечивались комплектом сельскохозяйственных журналов и газет: «Советский пахарь», «Селькор» и др. Библиотечные работники не реже одного раза в неделю читали крестьянам вслух литературу, посвященную сельскохозяйственной тематике. Так, например, в Старокорсунской станице в 1926 г. имелась библиотека, изба-читальня. Библиотека насчитывала 1100 книг. Числилось 1300 постоянных читателей, из них около 500 хлеборобов. Поэтому большим был спрос на сельскохозяйственную литературу. При библиотеке работал агрономический кружок. Изба-читальня проводила тематические вечера, посвященные дню Красной Армии, Международному женскому дню, Дню Парижской Коммуны и другим красным датам календаря [28].

В 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об улучшении библиотечной работы», в котором всем парторганизациям было предложено перестроить работу библиотек в соответствии с возросшим значением политического воспитания масс. Была удешевлена литература для сельского населения. «Книгу – в колхозы! Без грамоты, без книги, без поднятия культуры невозможна сплошная коллективизация», «В поход за книгу» - такие призывы раздавались со страниц местных газет [29].

12 ноября 1929 г. на заседании Президиума Краснодарского городского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов был заслушан доклад заведующего библиотекой им. А.С. Пушкина Ф.М. Аксенова о состоянии городской библиотеки и отмечены следующие недочеты в ее работе: «...библиотека не освещала ряд текущих политических моментов, заглохла работа кружка «Безбожник», нерегулярно выпускалась стенгазета о жизни и массовой работе библиотеки; центральная библиотека слабо осуществляла контроль за ее филиалами, наблюдался параллелизм при закупке книг администрацией библиотеки и обществом «Друзья книги», 70 процентов книг было изношено, из-за недостатка отпускаемых средств не приобреталась новая политическая литература. В 1929 г. согласно постановлению бюро жалоб Кубанской рабоче-крестьянской инспекции из библиотек города были отчислены 7 работников, в том числе из библиотеки имени Пушкина 3 работника» [30].

Необходимо отметить, что в первые годы советской власти осуществлялась не только чистка партийных рядов, образовательных и культурных учреждений от чуждых элементов, но и жесткая цензура библиотечных фондов. Известно, что инициатором чистки библиотек был Главполитпросвет во главе с Н.К. Крупской, периодически выпускавший инструкции об изъятии литературы из библиотек. В соответствии с инструкцией 1923 г. за подписью Н.К. Крупской разрешалось оставлять издания, напечатанные по новой орфографии, в результате чего библиотеки лишились ценнейших дореволюционных изданий русской классики. По мнению Главполитпросвета из фондов следовало изымать произведения Гомера, Данте, И.-В. Гёте, произведения классиков «буржуазной» философии Платона, Р. Декарта, И. Канта, А. Шопенгауэра, «религиозно-монархическую литературу» В.С. Соловьева, П.П. Кропоткина, Л.Н. Толстого и др.

«Чистки фондов» массовых библиотек, проводившиеся в 1920-е гг., Н.К. Крупская, как явствует из ее выступлений, оценивала исключительно как временное мероприятие, направленное на улучшение содержания фондов библиотек, занятых обслуживанием массового читателя, на оказание ему помощи в обучении и самообразовании.

«Чистке фондов» подверглись многие кубанские библиотеки. В частности, Новороссийская общественная библиотека, основанная в 1894 году. Библиотека имела значительный фонд научной, исторической и краеведческой литературы, пополнялась книгами, подаренными жителями города.

После вступления 27 марта 1920 г. в Новороссийск частей Красной армии библиотека полгода была закрыта. В ней проходила «чистка», в результате которой из библиотеки было вывезено в Петроград 950 пудов различных материалов [31].

Заключение

Таким образом, после 1917 г. библиотечное дело в стране было подчинено интересам коммунистической партии.

Библиотеки стали общедоступными – отменены залогов, плата. Правительством советской России были приняты действенные меры к расширению сети библиотек, их централизации, укреплению материально-технической базы, подготовки библиотечных кадров.

В 1920-е гг. библиотека занимала важное место в системе политико-просветительных учреждений страны. Являясь составной частью идеологической деятельности коммунистической партии, работа библиотек была сосредоточена не только на общественной и хозяйственной жизни страны, но и на актуальных политических вопросах.

Сокращение государственного финансирования библиотечного дела в период нэпа, жесткая цензура и «чистки фондов» незамедлительно привели к значительному сокращению количества библиотек и изб-читален, уменьшению объемов библиотечных фондов, числа читателей и книговыдач.

Именно в этот период у руководства страны и регионов сформировалось отношение к культуре, библиотекам по остаточному принципу, которое, к сожалению, имеет место и сегодня. В общественном сознании было утрачено понимание определяющего значения культуры для страны. Резко упал престиж библиотек, серьезно пострадал их авторитет как демократического социально значимого института в глазах населения.

Примечания:

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР: учебник. М., 1980. С. 157.
2. Кривкова Е.И. Именем Пушкина наречена...: К 100-летию Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Краснодар, 2000. С. 32.
3. Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1997. С. 178.
4. Архивный отдел администрации г. Армавира (АОАА). Ф. 1378. О. 1. Д. 4. Л. 4.
5. АОАА. Ф. 320. О. 1. Д. 5. Л. 19.
6. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России. Ч.2. М., 2001. С. 39.
7. Бирюков А. Отчет о «Неделе библиотек» в городе Армавире от 8-15 октября 1922 года // Трудовой путь. 1922. № 49. (16 ноября). С. 3.
8. Калинин В. Жизнь армавирских библиотек // Трудовой путь. 1922. № 38 (8 октября). С. 3.
9. АОАА. Ф. 45. О. 1. Д. 36. Л. 271.
10. Кривкова Е.И. Именем Пушкина наречена...: к 100-летию Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Краснодар, 2000. С. 34.
11. Как библиотека Церабкоопа обслуживает детей // Трудовой путь. 1923. № 28 (9 марта). С. 2.
12. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России. Ч. 2. М., 2001. С. 56.
13. Как построить избу-читальню: сборник. Москва-Ленинград, 1927. С. 9.
14. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922–1923 гг. Краснодар, 1924. С. 194.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 580. О. 1 Д. 107. Л. 34.
16. ГАКК. Ф. 382. О. 1. Д.71. Л. 75.
17. ГАКК. Ф. 580. О. 1. Д. 107. Л. 85.
18. ГАКК. Ф. 837. О. 1. Д. 93. Л. 1.
19. Центральный государственный архив (ЦГА). Ф. 7279. О. 4. Д. 10. Л. 143-146.
20. Куценко И.Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918-1932 годах. Краснодар, 1973. С. 110.
21. Красный библиотекарь. 1925. № 6. С. 54-55.
22. Кононенко В.М. Высшая школа юга России (20-е – 90-е годы XX века): монография. Ставрополь: ООО «Базис», 2005. С. 27.
23. Красный библиотекарь. 1924. № 7. С. 45–46.
24. Библиотека – читальня им. В.Г. Короленко и ее работа // Трудовой путь. 1922. № 20 (авг.). С. 2.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 26.
26. Красный библиотекарь. 1925. № 6. С. 54-55.
27. Работа объединенного Раб[очего] клуба им. Профинтерна // Трудовой путь. 1924. № 72 (28 марта). С. 2.
28. ГАКК. Ф. 383. О. 1. Д. 145. Л. 467.
29. Социалистическое соревнование. 1930. 29 янв. С. 2.
30. Кривкова Е.И. Именем Пушкина наречена...: К 100-летию Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Краснодар, 2000. С. 39.
31. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. Т. 9. М., 1977. С. 338.

References:

1. Abramov K.I. History of librarianship in the USSR: a tutorial. M., 1980. p. 157.
2. Krivkova E.I. Pushkin baptized...: the 100-anniversary of the Krasnodar regional universal scientific library named after A.S. Pushkin. Krasnodar, 2000. p. 32.
3. Lyah V.I. A view of education and culture in the history of Kuban Cossack Stanitsa. Krasnodar, 1997. p. 178.

4. AOAA. f. 1378. Inv. 1. d. 4. p. 4.
5. Archival Department of administration of city Armavir (AOAA). f. 320. Inv. 1. d. 5. p. 19.
6. Abramov K.I. History of librarianship in Russia. 2. h. m., 2001. p. 39.
7. Biryukov A. Record of the week in the city of Armavir libraries from 8-15 October 1922 year // All the way. 1922. №. 49. (16 November). p. 3.
8. Malinin V. Library life in Armavir // Career path. 1922. № 38 (8 October). p. 3.
9. AOAA. f. 45. Inv. 1. d. 36. p. 271.
10. Krivkova E.I. Pushkin baptized...: the 100-anniversary of the Krasnodar regional universal scientific library named after A.S. Pushkin. Krasnodar, 2000. p. 34.
11. As the library Tserabkoopa serves children // All the way. 1923. № 28 (March 9). p. 2.
12. Abramov K.I. History of librarianship in Russia. 2. h. m., 2001. p. 56.
13. How to build a hut-reading room: the collection. Moscow-Leningrad, 1927. p. 9.
14. Population and economy of Kuban-Black Sea region. Statistical compendium for the 1922-1923 gg. Krasnodar, 1924. p. 194.
15. State Archives of Krasnodar region (GAKK). f. 580. inv: 1 d. 107. p. 34.
16. GAKK. f. 382. inv. 1. d. 71. p. 75.
17. GAKK. f. 580. inv. 1. d. 107. p. 85.
18. GAKK. f. 837. inv. 1. d. 93. p. 1.
19. The central State Archive (CGA). f. 7279. inv. 4. d. 10. p. 143-146.
20. Kutsenko I. Revolution and culture. Sketch of the history of the struggle of the party organizations in the North Caucasus for the implementation of the cultural revolution in 1918-1932 respectively. Krasnodar, 1973. p. 110.
21. The Red librarian. 1925. № 6. p. 54-55.
22. Kononenko V. M. School of South Russia (20-90-ies of XX century): monograph. Stavropol: LLC «basis», 2005. p. 27.
23. The Red librarian. 1924. № 7. p. 45-46.
24. A Library-reading Hall named after V.G. Korolenko and its work // Trudovoi putj. 1922. № 20. p. 2.
25. Lenin V.I. omnibus edition vol. 45. M., 1975. p. 26.
26. The Red librarian. 1925. № 6. p. 54-55.
27. The work of the united worker`s club Profintern // Trudovoi putj. 1924. № 72 (28 March). p. 2.
28. GAKK. f. 383. inv. 1. d. 145. p. 467.
29. Socialist competition. 1930. 29 Jan. p. 2.
30. Krivkova E.I. Pushkin baptized...: the 100-anniversary of the Krasnodar regional universal scientific library named after A.S. Pushkin. Krasnodar, 2000. p. 39.
31. Vladimir Ilyich Lenin. Biographical Chronicle. 1870-1924. vol 9. M., 1977. p. 338.

УДК 9(с16)

Библиотеки как элемент социокультурного пространства советской Кубани (1920-е годы)

¹ Виктор Михайлович Кононенко

² Екатерина Александровна Форзун

³ Екатерина Александровна Муравская

⁴ Валентина Викторовна Быкова

¹⁻⁴ Армавирский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: NezhinVM@yandex.ru

² Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: eafor@yandex.ru

³ Кандидат юридических наук

E-mail: muravscaya.cat@yandex.ru

⁴ Кандидат исторических наук

E-mail: luna-64.64@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации библиотечного дела на Кубани в 1920-е годы. Введенные в научный оборот архивные источники и материалы региональной периодики позволили авторам в достаточно полной мере раскрыть особенности содержания библиотечной работы, выявить важнейшие социальные функции общественных библиотек, определить формы и направления деятельности библиотек в обозначенный период.

Ключевые слова: общественные библиотеки Кубани, библиотечное дело, изба-читальня, передвижная библиотека, книгоноши, ликпункты, библиотечный поход.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 766-774, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:39 (571.6)

Modernization of Ethnocultural Processes in the National Areas of the Far East (1920s – 1930s years)

¹Anna V. Akhmetova
²Sergej V. Bobyshev

¹Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation
681021 Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, Oktyabrskiy avenue, 36-55
PhD (History), Associate professor
E-mail: wyrds@rambler.ru

²Far Eastern State Transport University, Russian Federation
680021 Khabarovsk, Serysheva Str., 47
Dr. (History), Professor
E-mail: history@festu.khv.ru

Abstract

The article deals with the history of socialistic modernization of traditional ethnic groups of the Russian Far East in 1920s-1930s on the basis of the unpublished documents from federal and national archives introduced for scientific use for the first time. The increased focus is put on the problems of transformation of ethnical and cultural processes in the national areas of the Far East where the role of the Committees for Affairs of the North was fundamental. The key areas of radical changes included educational and fostering institutions, medical, sanitary and hygienic services of the native minorities of the Far East. Outreach centers, innovative schools, northern branches of the leading Institutions of Higher Education became the institutional basis for modernization. The main problem at this stage was training of teaching staff. Lack of teachers in the first instance created a considerable obstruction to modernization activities. A lot of efforts were spent to development of a hospital system in national areas. However this goal had not been achieved in pre-war period. The conclusion on critical consequences of these activities for further development of intellectual and material culture of aborigines including the formation of national clergy was made. The development of clergy among the peoples of the North was considered the most effective way of their integration into the Soviet system. The Soviet government did not always take into account special aspects of life and traditions of the native minorities of the Far East, the peculiarities of their material and intellectual culture. The forced modernization of the country resulted in unrecoverable damage to the traditional culture of the indigenous peoples who had just reached the primitive communal system breakup stage and created on its ruins the new socialist culture acceptable to the Soviet state.

Keywords: native minorities, education, medical services, outreach center, modernization, the Far East.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется теми вызовами, которые бросает современная международная ситуация. Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности, поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны. Эти позиции закреплены в постановлении Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”[1]», которая, в свою очередь,

призвана упрочить единство многонационального народа Российской Федерации; содействовать гармонизации межнациональных отношений и этнокультурному многообразию народов России.

Культурное сотрудничество является важным инструментом внутренней и внешней политики, средством разрешения межэтнических конфликтов. Исследование истории этнокультурных процессов в дальневосточном регионе представляется нам очень актуальным на современном этапе, так как позволяет решить многие проблемы межэтнических барьеров, созданных ранее, и наладить комфортные отношения в разноэтнической среде.

Материалы и методы

Основные проблемы, решаемые в данной статье, рассматриваются сквозь призму теории модернизации. Данная концепция является вполне устоявшейся в истории и, кроме того, претендует на прочное место как весьма сложное концептуальное явление осовременивания на более высоком уровне знания, позволяющего обнаружить особенности переходного этапа общества от одной цивилизации к другой [2].

С целью раскрытия тематики была привлечена репрезентативная источниковая база. Именно в документах отражена история модернизации жизни традиционных этносов и вовлечения их в цивилизованное общество. В Государственном архиве Российской Федерации сложился фонд Р-3977 Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета, в котором находится 1194 единиц хранения за период 1922–1935 гг. Немаловажное значение имеет группа документов, сосредоточенных в фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Они, являясь показателями реализации государственных решений на местах, позволяют проанализировать решения региональных властей по вопросам национальной политики и выявить их специфику. Также в исследовании привлечены опубликованные источники, как официального, так личного происхождения.

Для решения поставленных задач использован разнообразный методологический инструментарий. Благодаря историко-системному анализу можно произвести обобщение исторических фактов и рассмотреть межэтническую коммуникацию на Дальнем Востоке как целостную систему, важным элементом которой являются этнокультурные процессы в национальных районах Дальнего Востока России. Также в работе использован историко-генетический метод в процессе раскрытия фактов и событий взаимодействия различных культур с учетом их изменения в процессе исторического развития региона. Структурно-функциональный метод использован для выявления структурных элементов процесса межэтнической коммуникации и их взаимосвязей. Семиотический анализ помог при исследовании особенностей мышления представителей различных национальных культур Дальнего Востока России.

Обсуждение

Анализ историографии проблемы выявил наличие множества подходов к изучению этнокультурных процессов. Предварительное изучение вопроса также показало, что уже существуют труды, посвященные этнокультурным процессам на Дальнем Востоке России, но они выполнены, преимущественно, в рамках лингвистического и культурологического научных подходов. Специального исследования, посвященного всестороннему освещению различных аспектов межэтнической коммуникации на Дальнем Востоке в системе как исторического процесса трансформации взаимоотношений различных народов и культур на сегодня еще не существует. Имеющаяся по данному региону информация представлена узкими специализированными исследованиями, не предусматривающими комплексного подхода, поэтому изучение данной проблематики требует дальнейшего рассмотрения, что мы и намереваемся представить в своем исследовании. Исследование этнокультурных процессов в период радикальной трансформации всего советского общества и государства в региональном разрезе является приоритетным направлением современных гуманитарных наук, как отечественных, так и зарубежных. Междисциплинарность данного направления отвечает самым актуальным тенденциям в развитии современной науки.

Результаты

После провозглашения в «Декларации прав народов России» [3] свободного развития всех наций, коренных народов и этнографических групп, населяющих территорию России, советские власти обязали Наркомат по делам национальностей на местах представлять в Совете Народных Комиссаров и местных Советах интересы коренного населения. Советская власть осознавала необходимость поддержки многочисленных этносов, и проводила политику, обеспечивающую необходимые условия проживания для всех без исключения народов страны.

Впечатляющими были успехи в сфере образования, которые можно оценивать как наиболее позитивный аспект среди всех преобразований у северных народов. В течение 1930-х гг. советский режим осуществил масштабные меры, направленные на ликвидацию безграмотности у народов Севера, создание для них широкой сети школьного образования и возможностей получения ими высшего образования, формирование у них слоя интеллигенции. Большое значение имело создание в этот период письменности на языках северных народов – сначала на основе латинской графики, а затем на

базе русского алфавита. Были опубликованы буквари, школьные учебники, разнообразная литература на языках этих народов, стали выходить периодические издания на этих языках. Обучение в школах велось на родном языке. Получили значительное развитие литература и искусство народов Севера. Все это составляло заметный контраст с ситуацией при царском режиме. В целом для этого периода характерен существенный прогресс в культурном развитии коренных народов.

Новой организационной формой культурно-просветительной работы на Севере, приспособленной к местным условиям и суровой жизненной обстановке, в конце 1920 – начале 1930-х гг. стали культбазы Комитета Севера. Они объединяли в одном комплексе все виды обслуживания населения – организационно-хозяйственное, культурно-просветительское, медицинское, ветеринарное и др., становились центром хозяйственно-культурной жизни. Культбазы создавались в глухих изолированных районах, в местах сосредоточения кочевого и оседлого населения. На Дальнем Востоке были созданы культбазы: Чумиканская (на р. Уд) и Нагаевская (Тауйская губа) – для эвенков; Сахалинская (Ноглики) – для нивхов, ороков, эвенков; Пенжинская (на р. Пенжина) – для коряков; Чаунская (на р. Чаун) и Вилюнейская (на р. Хатырка) – для чукчей; Чукотская (бух. Лаврентия) – для чукчей и эскимосов [4].

В состав культбаз входили: школа-интернат, больница с амбулаторией и яслями, магазины, клуб, радио- и киноустановка, ремесленные мастерские, дома для кочующих аборигенов [5]. Комплектовались культбазы специалистами, хорошо знакомыми с местными условиями. Они помогали населению в хозяйственной деятельности, снабжали его новыми видами промыслового инвентаря – усовершенствованными сетями, неводами, оружием. Оказывали и ветеринарная помощь заболевшим животным [6].

В повседневную практическую работу на культбазах вовлекались туземцы и в качестве членов Совета культбазы, администраторов, технических работников, санитаров, больничных сиделок, пастухов и т.д. При культбазе строились жилые дома для сотрудников и приезжающих. Здесь же должен был работать и тузрик (туземный районный исполнительный комитет).

Перед советским государством стояла задача ликвидации неграмотности коренного населения, которая осложнялась нехваткой квалифицированных кадров, слабой материальной базой, отсутствием пригодных помещений для школ, недостаточным вниманием общественных организаций к указанной проблеме.

На Северо-Востоке России, в Приамурье, Приморье, на Сахалине создавались разнообразные типы школ: временные, передвижные, кочевые. По мере развития начального всеобщего образования развивалась сеть неполных средних школ. Процесс школьного обучения осложняло отсутствие материальной базы, недокомплект учителей, владеющих языками коренных народов и методикой их преподавания. Первыми учителями были приезжие русские, которым приходилось осваивать языки коренного населения, так как большинство детей в те годы не знали русского языка. Несомненно, выдающуюся роль в просвещении коряков, нанайцев, чукчей, эскимосов, удэгейцев и др. сыграли в 1920–1930-х гг. И.С. Вдовин, С.Н. Стебницкий, П.Я. Скорик, Г.Я. Кузьмин, Е.С. Рубцова и другие педагоги-просветители.

В целях разработки необходимых рекомендаций для учителей Дальнего Востока и повышения их активности, ДальОНО в эти годы проводит ряд совещаний и съездов краевого масштаба. С целью совершенствования организации методической работы с учительством, в октябре 1925 г. при ДальОНО был создан научно-методический совет. Предложения Комитета Севера по школьной программе были обсуждены и приняты в 1925 г. Главная идея программы состояла в необходимости удержать население северной зоны на родине, так как хозяйственное использование тундры без них было невозможно. В этот период программа была построена по следующему принципу: образование не должно было отрывать аборигена от его привычной хозяйственной деятельности и быта и отлучать от традиционного производства. Система обучения согласовывалась с местными обычаями и сезонными производственными циклами.

Значительная часть коренного населения Севера вела кочевой и полукочевой образ жизни, а та, что перешла к оседлому, располагалась в небольших поселках, находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Поэтому обычные школы были непригодны в условиях Севера. Здесь был нужен другой тип школы, соответствующий своеобразию жизни и быта коренного населения.

Таким новым типом стали школы-интернаты, где дети не только учились, но и жили в течение всего учебного года, получая от государства бесплатное питание, одежду, белье, имея возможность основательно овладеть новыми культурными навыками. С 1925/1926 учебного года Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР начал оказывать районам Крайнего Севера финансовую помощь для обустройства новой интернатской системы. Из средств госбюджета в этом году было отпущено 138 тыс. р. На эти деньги содержалось шесть школ-интернатов. В 1926/1927 учебном году количество госбюджетных школ на Севере возросло до двенадцати [7].

Если в 1928–1929 гг. на Дальнем Востоке функционировало всего 29 национальных школ, то на 1 сентября 1940 г. их было уже 136. Контингент учащихся соответственно возрос с 1488 до 3648 человек [8]. Это дало возможность активнее готовить новые педагогические и медицинские кадры.

Осенью 1926 г. по ходатайству Комитета Севера был открыт рабфак при Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ). 8 ноября 1927 г. рабфак был преобразован в Северный

факультет ЛИЖВЯ путем слияния северной группы ЛГУ и подготовительных курсов ЛИЖВЯ. Местные органы власти направляли на учебу способную молодежь из отдаленных кочевий и стойбищ, хотя многие из них были неграмотны. За годы учебы в институте они получали необходимые знания, а по возвращении на родину становились пропагандистами новой советской культуры и быта.

В декабре 1929 г. Северный факультет ЛИЖВЯ был преобразован в Институт народов Севера (ИНС) при ЦИК СССР. Все расходы на создание и содержание его взяло на себя Главное управление Северного морского пути, которое оказывало немалое содействие обустройству жизни коренных малочисленных народов. Целью нового образовательного учреждения была поставлена подготовка «из среды трудящегося населения» специалистов средней и высшей квалификации «по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозному и индустриально-промысловому делу для Севера» [9].

В этот период развивалась сеть педагогических училищ непосредственно на Дальнем Востоке. В 1930-х гг. учителей для начальной школы Северо-Востока стали готовить Тигильское (Корякский национальный округ) и Анадырское (Чукотский национальный округ) педагогические училища. Специалистов для школ народов Приамурья и Сахалина выпускало Николаевское-на-Амуре педучилище. Дефицит потребности в учительских кадрах школ 1 и 2 ступени покрывался закреплением выпуска из педагогических техникумов и пединститутов. Дополнительно к этому из педагогических техникумов, находящихся в других областях и краях, выделялись для школ первой ступени 600 человек, для школ третьей степени – 225 человек [10]. Можно сказать, что благодаря прикреплению к определенному району учащихся из педагогических техникумов и институтов была решена проблема с кадрами учителей на местах в школах. В 1929–1934 гг. на Севере был всего 1 техникум, в котором обучалось 90 человек, далее мы видим, что с 1934–1937 г. их количество увеличивается до 2, а число учащихся до 139 человек [11].

Комитет Севера решал множество задач, среди которых основными были хозяйственные и культурные. Организации присылали множество жалоб и просьб: «Просим помочь нам Комитет Севера в организации экскурсий в г. Москву и г. Ленинград часть средств нам дает Профком и дирекция техникума, а части у нас не хватает. Необходимо ходатайствовать перед Наркомпросом об ассигновании нам средств в размере 3000 рублей и помощь в организации: размещения въезда экскурсантов в Москву и Ленинград, так же в питании экскурсантов бесплатно в Москве и Ленинграде и разрешить посетить экскурсантам предприятия легкой промышленности и индустрии. Так же прошу о снабжении экскурсантов билетами в кино, пионерские клубы. Просим снабдить их работой, учитывая наши специфические особенности района и нас самих, так же и то, что большинство с Крайнего Севера оканчивающих учебу едут в районы Крайнего Севера, чаще национальные, и все практиканты туземного отделения едут в национальные районы. Здесь большинство из них станут самыми культурными и осведомленными людьми» [12].

В целях разработки необходимых рекомендаций для учителей Дальнего Востока и повышения их активности, ДальОНО в эти годы проводит ряд совещаний и съездов краевого масштаба. С целью совершенствования организации методической работы с учительством, в октябре 1925 г. при ДальОНО был создан научно-методический совет. Школы райцентров, выступая своего рода учебно-методическим центром для школ района, должны были служить для них образцом. ДалькрайОНО совместно с ДВ комитетом Севера разработали своеобразную разрядку с определением мест в техникуме не только по отдельным национальным районам, но и по отдельным народам.

Набор учащихся педтехникума на 1927–1928 гг. проводился строго по плану, в том числе, с Камчатки в подготовительную группу планировалось набрать 5 человек, в первую группу – 5 человек, а с Сахалина в подготовительную группу – 3 учащихся, в первую – 3 учащихся, из Николаевского-на-Амуре округа в подготовительную группу – 6 человек, в первую группу – 4 человек, из Хабаровского в подготовительную группу – 8 человек, в первую группу – 3 человек [13].

В целях обеспечения школ педагогическими кадрами было принято решение о проведении досрочного выпуска третьих курсов педагогических техникумов, приостановлении введения десятого года обучения в школах с педагогическим уклоном, организации сети краткосрочных курсов для окончивших школы II ступени и семилетки, привлекая, в первую очередь, по согласованию с ВЛКСМ, комсомольцев и безработных. Таким образом, были приняты меры по решению проблемы с подготовкой молодых учителей, но, тем не менее, осталась важная проблема нехватки кадров для подготовки специалистов, в частности, компетентного руководства работой техникума.

Остро стояла проблема педагогического состава на местах: «Текущим летом был председатель КрайОНО. Он констатировал целый ряд ненормальностей в работе техникума, но устранить их не помог. В отношении же методической работы техникума председатель край ОНО сам затруднился, поскольку он впервые встретил такое своеобразное положение. Опытных преподавателей совершенно нет. Директор имеет опыт Совпартшколы. Отсюда кустарщина в организации учебного процесса» [14].

Методическая секция научно-исследовательской ассоциации Института Народов Севера ЦИК СССР являлась единственной методической базой Народного Комиссариата Просвещения. В 1934 г. была проделана большая работа по заданию Народного Комиссариата Просвещения, изданы

программы методических материалов для северной школы по математике, естествознанию, русскому языку и по двум языкам народов Севера [15].

На 1 сентября 1936 г. северные педагогические техникумы охватили 754 студента, из них детей народов Севера – 345 человек. А.Н. Тищевская окончила Благовещенский педагогический техникум. Затем она работала в Тигильском районе (с. Хайрюзово) три года, где вела большую общественную работу по ликвидации неграмотности, организовала драматические кружки. В начале учебного года учащиеся допускали до 40 ошибок на диктант в 50 слов, а к концу года – уже до 27 ошибок [16].

К концу 1930-х гг. многие выпускники вернулись в свои родные места, прежде всего, в качестве учителей, а также различных должностных лиц. Доля населения с высшим образованием среди коренного народа была не меньше, чем в целом по отношению к населению всей страны. Коренные народы отличались малым удельным весом технической образованности, в то время как доля гуманитарной интеллигенции являлась чрезмерно большой. Это было связано с усиленной подготовкой национальных кадров учителей, предназначенных для обеспечения системы школьного образования в северных регионах. Кроме того, коренное население включало немалое число врачей, ученых, учителей, писателей, поэтов, руководящих работников [17].

Политика советской власти в 1920–1930-е гг. имела как положительные, так и отрицательные последствия. Необходимо отметить, что советское правительство не всегда учитывало бытовые особенности и традиции северных народов, особенности материальной и духовной культуры. Недостаточное внимание к культурному укладу жизни, обычаям коренного населения затрудняло проведение эффективной подготовки кадров, утрачивалась самобытность народов, разрушались семейные устои и связи поколений [18].

Несомненно, большим результатом можно считать становление сети техникумов и развитие университетов, что повлияло на решение кадровой проблемы. В это время была создана сеть детских дошкольных учреждений, система работы подготовительных классов и отделений. Были открыты районные школы, национальные школы с интернатами в населенных пунктах, школы-интернаты при культулбазах, кочевые школы, средние специальные учебные заведения. Существенную роль в этой системе в годы советской власти выполняли Санкт-Петербургский институт народов Севера, Хабаровский государственный педагогический институт, Анадырское педагогическое училище [19].

Такая политика принесла значительные успехи в деле формирования широкого интеллектуального слоя у народов Севера. В первую очередь, это касается учительских кадров, призванных обеспечить функционирование системы школьного образования в северных регионах. Кроме того, национальная интеллигенция включала немалое число врачей, ученых, писателей, поэтов, руководящих работников и представителей других профессий. Значительный процент руководителей местных органов управления в этот период составляли представители северных народов [20].

К концу 1930-х гг. многие выпускники института вернулись в свои родные места, прежде всего в качестве учителей, а также различных должностных лиц. Доля интеллигенции среди аборигенного населения чуть не меньше доли интеллигенции в целом по отношению к населению всей страны. Коренные народы отличались лишь малым удельным весом технической интеллигенции, в то время как доля гуманитарной интеллигенции являлась чрезмерно большой [21]. Многие из представителей малочисленных этносов становились известными не только на своей родине, но и за рубежом.

Идеологическое воспитание интеллектуальных кадров северных народов определялось целью их формирования. Цель создания национальной интеллигенции у коренных этносов была связана со стремлением советской власти преобразовать их жизнь на социалистических началах. Подготовка интеллектуалов из среды народов Севера рассматривалась как наиболее эффективное средство их интеграции в советскую систему.

Советское государство с самого начала своего существования обращало внимание на устройство жизни и быта коренных малочисленных народов Севера, что отражало идейные основы национальной политики партии. Уровень медицинского обслуживания аборигенного населения Дальнего Востока был самым низким по стране и требовал скорейшего вмешательства новой власти. Так, на Чукотке с 1889 г. (с момента прибытия первого врача) по 1923 г. побывали девять врачей и фельдшеров, было организовано два фельдшерских пункта (Анадырь и Марково), которые обслуживали в основном администрацию [22].

На начальном этапе существования Советского государства не могло быть и речи об организации постоянной сети медицинских учреждений для коренных малочисленных народов Дальнего Востока, что связано с отдаленностью территорий, нехваткой средств и кадров. Наиболее подходящей формой медико-санитарного обслуживания коренных народов стала организация врачебных отрядов. Большую работу, как лечебно-профилактическую, так и научно-исследовательскую, проводило Российское общество Красного Креста (РОКК).

Во второй половине 1920-х гг. были организованы врачебные отряды по всем округам Дальнего Востока. Отряды разрабатывали маршруты движения по национальным стойбищам, которые должны были обеспечить максимальный охват коренного населения. Сотрудники обследовали аборигенов, организовывали прививки, проводили санбеседы и т.д.

Так, Николаевский отряд за период работы с 1 октября по 31 декабря 1927 г. обследовал 8 стойбищ, насчитывающих 62 двора, имеющих 68 семей в числе 382 чел., из них мужчин – 93, женщин – 97, детей – 148; по национальности – нанайцы. Во время обследования произведена прививка от оспы 103 чел., из них 99 вакцинации и 4 ревакцинации. Остальные дети имели привитую оспу раньше, следы которой имеются на лице. До прививки детрита туземному населению он был испытан прививкой его 20 школьникам в с. Вознесенском, которая дала положительный результат до 60 % [23].

С января по май 1928 г. действовал передвижной врачебный пункт доктора Сахарова в районе долин рек Хор и Бикин, который описывал свою работу следующим образом: «Закончил свою работу на Хору пункт 8 марта, за все время пропустил 204 туземца, из числа 220 насчитывающихся проживающими на Хору, из них мужчин 69, женщин 72 и детей в возрасте до 10 лет – 63 (мальчиков 31 и девочек 32). При осмотре их обнаружено: абсолютно здоровыми – 110; больных: туберкулезом – 9; болезнями дыхательных путей – 8; желудочно-кишечными – 5; кожными – 27 (чесотка, парша); венерическими – 0; глазными – 19 (слепота – 12), ушными – 4; болезнями сердца и сосудистой системы – 105, хирургическими болезнями – 23; костный туберкулез – 2; атрофия грудных желез – 5, цинга – 44 [24].

В результате поездки в низовья Амура и обследования состояния здоровья гиляков сел. Чарбах сотрудником Дальневосточного химико-бактериологического института врачом Л.И. Витте было выявлено «большое распространение чахотки среди гиляков Чарбаха и еще большую зараженность глистами, в т.ч. крайне вредным солитером. Почти во всех вскрытых экземплярах кеты и дельфинов было найдено огромное количество разного рода глистов. Гилякское население почти сплошь кету употребляет в пищу в сыром виде, чем и объясняется и зараженность глистами» [25]. Это послужило сигналом для организации бактериологическим институтом поголовного обследования на глисты учащихся туземного отделения Хабаровского педагогического техникума. Были проведены медицинское освидетельствование учащихся-туземцев Педагогического техникума с составлением личных карточек, проверка работоспособности врача Педагогического техникума в отношении ухода за больными, оказание содействия в получении разрешения тяжелобольных туземцев помещать на лечение в городской больнице [26].

В результате деятельности подвижных врачебных отрядов в 1927 – 1928 гг. был сделан большой шаг вперед в деле обслуживания аборигенного населения. Комитет Севера при ДКИК принял решение о необходимых мероприятиях по линии органов здравоохранения среди коренного населения (28 января 1928 г.), а именно переводе подвижных отрядов на стационарное положение и организации специальных обследований распространенности определенных заболеваний.

Таким образом, в 1926–1929 гг. работал 31 передвижной врачебный отряд, из них – 25 действовали по линии Красного Креста, 6 – по линии Наркомздрава. На систему медицинского обслуживания было выделено 411 367 р. [27]

В протоколах Первого туземного съезда представлены доклады с мест по самым разнообразным вопросам. Так, в докладе о работе туземного населения Амурской губернии были озвучены проблемы с медицинскими пунктами для аборигенного населения, а именно недостаточное финансирование и, как следствие, нехватка кадров, отсутствие медикаментов. Прививание от оспы национального населения происходит бессистемно, эпизодически. Во многих случаях прививка от оспы вообще не имела никакого результата, так как аборигенное население проживало в неотопливаемых помещениях, где заболевание не прививается [28]. Это была общая проблема всей Дальневосточной области.

В 1928 г. Комитет Севера принял решение организовать медицинские учреждения в компактно населенных и отдаленных районах. Ведущей формой медицинской помощи должны были стать стационарная база в административном центре коренных жителей и культбаза с разъездным персоналом. Следует учитывать объективные факторы, которые препятствовали оказанию качественной медицинской помощи аборигенным народам, такие как суровые природно-климатические условия, отсутствие подходящих путей сообщения, огромные пространства тайги и тундры, на которых проживали аборигены. Все это затрудняло развитие системы здравоохранения у коренного населения северных территорий. Недостатками медицинского обслуживания являлись низкая квалификация медработников и недобросовестное отношение отдельных сотрудников к своим обязанностям. Таким образом, с образованием Комитетов Севера фактически было положено начало созданию системы здравоохранения и просвещения у коренных народов.

Заключение

Октябрьская революция оказала большое влияние на жизнь коренного населения, в целом, и на этнокультурные процессы, в частности. Политика Советской власти была направлена на ликвидацию культурной отсталости. Была оказана помощь голодающему населению, которое получало продукты только во время навигации, организованы передвижные больницы, врачи посещали стойбища, часто ездили за кочующими племенами, осматривали население и лечили его. Это занимало много времени, так как стойбища находились на далеких друг от друга расстояниях, так же лечение

населения осложнялось недоверием со стороны коренных жителей привыкших лечиться у шаманов. Тем не менее, эти передвижные больницы сыграли большое значение.

Комитет Севера провел большую работу, направленную на развитие культурно-политического просвещения населения Севера. Было принято решение об устройстве культбаз, которые в себе соединили и больницы, и школы. У людей появилась возможность читать книги и другую литературу на родных языках. Власти оказали большое влияние на улучшения быта, хозяйства коренного населения. Таким образом, на Дальнем Востоке была проведена большая работа по социальной реконструкции, созданию национальной культуры и подъему политического уровня коренного населения. Социалистическая модернизация и связанные с ней радикальные преобразования оказали решающее влияние на трансформацию этнокультурных процессов в национальных районах Дальнего Востока. И лишь изучение необратимых последствий этого влияния может выявить положительный или отрицательный характер произошедших изменений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Госзадание, наука), проект «Этнокультурные ресурсы и проблемы развития внутреннего туризма в Хабаровском крае».

Примечания:

1. Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 N 718 "О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)" // Собрание законодательства РФ, 02.09.2013, N 35, ст. 4509.
2. Гореликов А.И. Теория модернизации как новый подход к исследованию исторического процесса в России / А.И. Гореликов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 7. С. 9-13.
3. Декларация прав народов России от 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т.1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39-41.
4. Бобышев С.В. Социалистическая модернизация традиционных этносов Дальнего Востока (20-е – середина 80-х гг. XX века) : этапы и итоги / С.В. Бобышев, А.В. Ахметова. Хабаровск: ДВГУПС, 2014. 233 с.
5. Культурная революция в СССР (1917 – 1965 гг.). М. : Наука, 1967. 257 с.
6. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: Историко-этнографические очерки / под ред. И. С. Гурвича. М.: Наука, 1985. 239 с.
7. Базанов А.Г. Школа на Крайнем Севере / А.Г. Базанов, Н.Г. Казанский. Л.: Учпедгиз, 1939. 205 с.
8. Иващенко Л.Я. Современные российские просветители и исследователи дальневосточных народностей Севера / Л.Я. Иващенко. Владивосток: Дальнаука, 1996. 155 с.
9. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 532. Л. 10.
10. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д.1088. Л. 38.
11. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 242. Л. 40.
12. Там же.
13. Там же. С. 54
14. ГАРФ. Ф. 3977, Оп. 1. Д.1088. Л. 56.
15. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1 Д.1088. Л. 49.
16. Путинцева А.П. Дневники Красной юрты / А. П. Путинцева. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2010. 350 с.
17. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 3. Л. 47.
18. Фролова А. Н. Этнопедагогика детства коренных народов северо-востока России / А.Н. Фролова. Магадан : Кордис, 2001. 67 с.
19. ГАХК. Ф. 137. Оп. 2. Д. 2. Л. 35.
20. Akhmetova, A.V. The problems of creation of the writing system for native minorities of the Far East in the second half of 1920's-1930's // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 31 (1). С. 13–18.
21. Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.) / А.В. Ахметова. Владивосток: Дальнаука, 2013. 169 с.
22. Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму / В.Г. Балицкий. М.: Мысль, 1969. 220 с.
23. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 66об.
24. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 66.
25. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.
26. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 132.
27. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 280. Л. 31.
28. Первый туземный съезд ДВО / под ред. И. Ф. Федорова. Хабаровск: б.и., 1925. 140 с.

References:

1. RF Government Regulation dated 20.08.2013 N 718 "On federal special-purpose program "The advance of unity of the Russian nation, ethnical and cultural development of the peoples of Russia (2014 – 2020)" // **Collection of Legislative Acts of the Russian Federation, 02.09.2013, N 35**, p. 4509. (In Russian)
2. Gorelikov A.I. Modernization theory as a new approach to historical process analysis in Russia // Scholarly notes, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2011. Vol. 2. No. 7. pp. 9-13. (In Russian)
3. Declaration of rights of the peoples of Russia dated November 2 (15), 1917 // Soviet government decrees. Vol. I – Moscow: Political literature State publishing house, 1957. pp. 39-41. (In Russian)
4. Bovyshev S.V. Akhmetova A.V. Social modernization of traditional ethnic groups of the Far East (1920s – middle of 1980s) : stages and results. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2014. 233 p.
5. Cultural revolution in USSR (1917 – 1965). Moscow: Nauka, 1967. 257 p. (In Russian)
6. The peoples of the USSR Far East between XVII – XX centuries: Historical and ethnographical sketches / under the editorship of Gurchich I.S. Moscow: Nauka, 1985. 239 p. . (In Russian)
7. Bazanov, A. G. School in the Far North / A.G. Bazanov, N.G. Kazanskiy. Leningrad: Uchpedgiz, 1939. 205 p. (In Russian)
8. Ivashchenko, L. Ya. Contemporary Russian educators and researchers of the Far Eastern peoples of the North. / L. Ya. Ivashchenko. – Vladivostok : Dalnauka, 1996. – 155 p. (In Russian)
9. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 532. Page 10. (In Russian)
10. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
11. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 10. File 242. Page 40. (In Russian)
12. Ibidem. (In Russian)
13. Ibidem. p. 54. (In Russian)
14. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
15. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
16. Putintseva, A. P. Red yurt diaries / A. P. Putintseva. Khabarovsk : Khabarovsk state museum named after N. I. Grodekov, 2010. - p. 126. (In Russian)
17. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 0. File 3. Page 47. (In Russian)
18. Frolova, A.N. Ethnopedagogics in the childhood of the indigenous peoples in the North-East Russia. / A. N. Frolova. Magadan : Kordis, 2001. – 67 p. (In Russian)
19. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 2. File 2. Page 35. (In Russian)
20. Akhmetova, A.V. The problems of creation of the writing system for native minorities of the Far East in the second half of 1920's-1930's // **Bylye gody. Russian** historical journal. 2014. № 31 (1). P. 17. (In Russian)
21. Akhmetova, A.V. Power and ethnicity: social policy of the Soviet state towards the native minorities of the Far East (1925 – 1985). Vladivostok: Dalnauka, 2013. – p. 60. (In Russian)
22. Balitskiy, V. G. From patriarchal communal society to socialism / V. G. Balitskiy. Moscow. : Mysl, 1969. 220 p. (In Russian)
23. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 66ob. (In Russian)
24. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 66 on the reverse side. (In Russian)
25. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 27. (In Russian)
26. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 132. (In Russian)
27. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 280. Page 31. (In Russian)
28. The first aboriginal congress of the Far Eastern region / under the editorship of I. F. Fedorov. Khabarovsk : s. n., 1925. 140 p. (In Russian)

УДК 94:39 (571.6)

**Модернизация этнокультурных процессов
в национальных районах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.)**

¹ Анна Валинуровна Ахметова

² Сергей Васильевич Бобышев

¹ Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Российская Федерация
681021 Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36-55

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: vyrds@rambler.ru

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Российская Федерация
680021 г.Хабаровск, Серьшева, 47

доктор исторических наук, профессор

E-mail: history@festu.khv.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот документов из федеральных и государственных архивов рассматривается история социалистической модернизации традиционных этносов Дальнего Востока России в 1920–1930-е гг. Особое внимание уделяется проблемам трансформации этнокультурных процессов в национальных районах Дальнего Востока, где важнейшую роль сыграли Комитеты Севера. Ключевыми сферами, подвергнувшимися радикальным изменениям, стали учреждения образования и воспитания, а также медицинское и санитарно-гигиеническое обслуживание коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Институциональными основами для проводимых мероприятий стали культбазы, школы нового типа, северные отделения ведущих вузов и др. Основной проблемой, решаемой на данном этапе, являлась подготовка педагогических кадров. Их нехватка на первых порах очень сильно мешала проведению модернизационных мер. Много усилий было сделано для становления стационарной медицинской сети в национальных районах, но в довоенный период решение этой задачи не было осуществлено. Был сделан вывод о фатальных последствиях этих мероприятий для дальнейшего развития культуры и быта аборигенов, в том числе формирования национальной интеллигенции. Подготовка интеллектуалов из среды народов Севера рассматривалась как наиболее эффективное средство их интеграции в советскую систему. Советское правительство не всегда учитывало бытовые особенности и традиции коренных малочисленных народов Дальнего Востока, особенности материальной и духовной культуры. В итоге форсированная модернизация страны нанесла традиционной культуре аборигенов, находящихся на стадии разложения первобытной общины, непоправимый урон, создав на ее обломках новую социалистическую культуру, угодную советскому государству.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, образование, медицинское обслуживание, культбаза, модернизация, Дальний Восток.